

*«Единственная цель моей жизни —
польза и успех науки и благо человечества».*

Н. Миклухо-Маклай

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД СОХРАНЕНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМ. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Н. Н. Миклухо-Маклай

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

исправленное и дополненное

Ответственные редакторы:

Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Миклухо-Маклай-младший

Научный консультант И. В. Чининов

Рецензенты: А. В. Антошин, О. Ю. Артемова,

С. Е. Пале, Е. В. Рудникова

Редакционная коллегия 1-го издания:

Д. Д. Тумаркин (председатель), академик В. П. Алексеев, А. Ф. Алимов,

академик Ю. В. Брамлей, Н. А. Бутинов, А. Г. Воронов, Р. Ф. Итс,

Робертсон Маклай, Б. Н. Путилов (зам. председателя),

Я. И. Старобогатов, В. А. Тишков, академик А. Ф. Трешников

Санкт-Петербург
2020

Н. Н. Миклухо-Маклай

ПУТЕШЕСТВИЯ
1874–1887 гг.

Дневники, путевые заметки,
отчеты

ТОМ

2

Том 2 1-го издания подготовлен проблемной группой по изучению и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, созданной в Институте этнологии и антропологии РАН (руководитель — Д. Д. Тумаркин). Тексты путешествий по Малаккскому полуострову подготовлены Е. В. Ревуненковой (кроме заметки «От Улу Паханг до Улу Калантан», подготовленной А. Н. Анфертьевым), по Меланезии и Микронезии — М. В. Станюкович, по Новой Гвинее и «Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе» — Б. Н. Путиловым, раздел «Путешествия 1886—1887 гг.» — Д. Д. Тумаркиным. Этим же сотрудникам принадлежит большинство комментариев. В составлении комментариев участвовали также Н. А. Бутинов, Е. В. Говор, И. С. Даревский, И. М. Золотарева, Е. В. Иванова, Н. З. Климова, И. М. Меликсетова, Т. Б. Путилова, Я. И. Старобогатов, Т. К. Шафрановская. Иллюстрации подобраны Т. К. Шафрановской.

Составители:

Б. Н. Путилов, Е. В. Ревуненкова, М. В. Станюкович, Д. Д. Тумаркин

Ответственный редактор *Д. Д. Тумаркин*

*Издано в рамках программной деятельности
ООГО «Российский фонд культуры» совместно
с Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая*

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. — Том 2. — СПб., 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-4211-0261-8

Во втором томе Собрания сочинений выдающегося русского путешественника и ученого Н. Н. Миклухо-Маклая публикуются его дневники, путевые заметки, очерки и отчеты 1874—1887 гг. В этот период он еще два раза побывал на Берегу Маклая, дважды посетил южное побережье Новой Гвинее, путешествовал по Меланезии и Микронезии, совершил две экспедиции во внутренние районы Малакки. В томе печатаются также его заметки о плавании из Европы в Австралию и не включавшийся в предыдущие издания его сочинений очерк о посещении Батавии (Джакарты). Книга рассчитана как на специалистов по этнографии, антропологии, географии, зоологии и ботанике, так и на широкие круги читателей, интересующихся историей отечественной науки, яркой и самобытной культурой народов Океании и Юго-Восточной Азии.

© Составление, подготовка текста, комм.
Б. Н. Путилова, Е. В. Ревуненковой,
М. В. Станюкович, Д. Д. Тумаркина
и др., 1993

© Фонд сохранения этнокультурного
наследия им. Миклухо-Маклая, 2020

ISBN 978-5-4211-0261-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4211-0259-5

DOI 10.33876-978-5-4211-0261-8-1-576 (т. 2)

DOI 10.33876-978-5-4211-0259-1-6

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МАЛАККСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ в 1874—1875 гг.

〈Первое путешествие
по Малаккскому полуострову
22 ноября 1874 г.—31 января 1875 г.〉

Tengo una palabra!^{*}

22 ноября. Батавия¹. После ночи, проведенной без сна (я должен был кончить поправку рукописей об этнологии папуасов Берега Маклая, написать несколько писем), я чувствовал себя относительно очень свежим, когда г. Йеллинггауз, резидент² города, заехал за мною в 6 часов, чтобы отправиться к пристани небольшого парохода, который часов в 7

отвез нас к «Namoа» на рейд. Я получил отдельную каюту и так был занят переноской многочисленных моих вещей, что, когда г. Йеллинггауз должен был перейти снова на небольшой пароход, который возвращался в Батавию, я совершенно забыл передать ему свою рукопись и письма Л. Л.³ Я дружески простился с этим человеком, который всегда был очень любезен ко мне и показывал мне много симпатии. Несмотря на усталость, я почти весь день провел на палубе. Пассажиров было немного: американский реверент⁴ с женою, фон Свитен — племянник генерала, Анастадиадес — грек, проживший 12 лет в Тифлисе, теперь поселившийся в Калькутте.

24 ноября. После удобного плавания при гладком море и лунных ночах пришли мы вечером в Сингапур, где я поселился в Hôtel d'Europe.

25 ноября. Узнал неприятную новость, что Sir A. Clarke⁵, губернатор, отправился вчера в Малакку⁶ по случаю беспорядков между на-

Н. Н. Миклухо-Маклай с Ахматом. 1874—1875 гг.

селения. В отеле я встретил старых знакомых — австрийского консула Кониги и американского майора Штудера.

26 ноября. Сделал визит лэди Кларк. Довольно красивая женщина, лет двадцати семи или двадцати восьми, любезная и простая, понимает и говорит по-французски, но имеет рыжие волосы. Я остался во время ее завтрака, сам ничего не ел и слушал ее болтание.

Детей у нее нет, муж старше ее двадцатью годами. Вчера Кониги рассказывал мне, что какой-то проезжий венгерский граф был очень влюблен в нее. Я подумал о Л.

27 ноября. Вчера познакомился с г. James Collins, директором небольшого нового здешнего музея — Raffles Library⁷. В музее немного предметов этнологических из Борнео и Новой Гвинеи, подаренных Моресби и офицерами «Basilisk» (последние вместе с доктором Comrie, видевшим меня в госпитале в Амбоине, распространили здесь известие о моей вероятной смерти)⁸. Мне представился некий г. R. Cusack, которому очень бы хотелось попутешествовать со мною.

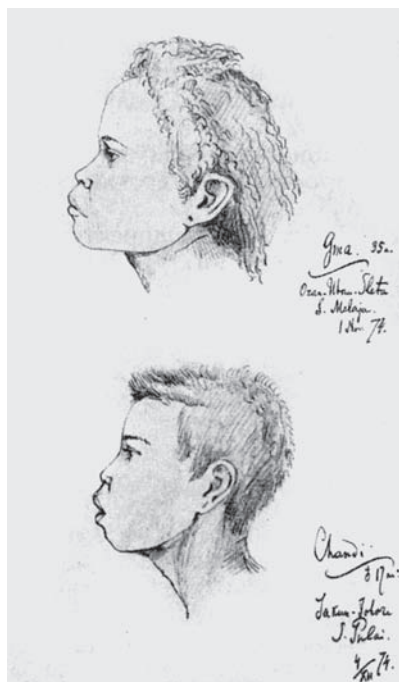
28 ноября. Мне так *неудобно* заниматься в этой небольшой казарме (в Hôtel'e), что решил отправиться в Йохор⁹, где, вероятно, мне можно будет заниматься покойно.

29 ноября. После полуторачасовой езды и переправы в небольшом пароходе я прибыл в Йохор, резиденцию махарадхи¹⁰ (императора), где был принят им очень любезно. Я не ошибся: дом, или дворец, махарадхи имеет хороший вид, и я помещен комфортабельно.

30 ноября. За завтраком я возобновил знакомство с г. Holey¹¹, которого видел в прошлом году у нашего вице-консула Вампоа¹². Очень доволен моим местопребыванием.

1 декабря. Йохор-Бару¹³. После завтрака г. Holey предложил мне посетить так называемых оран-утан¹⁴, которые занимаются рубкой леса недалеко. Мы отправились в полицейском сампане — род большой шлюпки, средняя часть которой снабжена крышей от солнца и дождя. Через часа полтора гребли встретили в речке, называемой Сунги-Малау¹⁵, первую пирогу *оран-лаут-слета*¹⁶. Слета — местность на о. Сингапуре, где, по преданию, жили прежде эти люди, которая теперь превращена в полицейскую станцию. Эти оран-утан, или, как их также здесь называют, якун-лаут¹⁷, не имеют положительно постоянных жилищ, живут в своих пирогах, кочуя по рекам и морскому берегу¹⁸. Питаются они всем, что могут найти, едят даже своих собак. Они не приняли магомеданства^{2*}, но очень многие сделались христианами, особенно оран-якун около Малакки (см.: Jagor, Reiseskizzen¹⁹). Имеют особый, отличный от малайского язык²⁰.

В первой пироге, которую мы встретили, я увидел старуху, которая гребла. Волосы ее образовали большой желто-белый парик, который

Наверху:

Гма — женщина оран-утан-слета,
35 лет. Река Малаю.

1 ноября (правильно — декабря)
1874 г.

Внизу:

Чанди — юноша якун-йохор, 17 лет.
Река Пулай. 4 декабря 1874 г.

большими прядями и клочьями падал на лицо; некрасивое, очень прогнатическое лицо имело трусливо-глупое выражение. Только средняя часть туловища была прикрыта какою-то тряпкою. Морщинистое грязное тело с отвислыми грудями и толстым животом было вдобавок покрыто накомжной сыпью.

Около небольшого островка, который, однако ж, не представлял ни фута твердой земли, а состоял только из мангров, группировалось с десяток пирог, покрытых крышами²¹. Что мне сейчас же бросилось в глаза и заинтересовало, — это большая шапка волос у многих из них, напоминавшая мне папуасов. Большинство женщин и девушек были голые по пояс²², дети (мальчики) совсем голые²³, мужчины с немногими исключениями имели одеждой только тидако^{3*}.

Мы позвали всех последовать за нами и пристали к берегу, где, перенеся свои аппараты, несмотря на грозящий дождь, начал мерить и рисовать. Я обратил сперва внимание на волосы; у большинства волосы были курчавы, хотя у некоторых совершенно прямые, зато у трех

или четырех женщин и нескольких детей волосы оказались полупапуасо-образными, совершенно как у папуасской смеси, которую я часто встречал около Серама. Губы у многих были толсты. Я пришел к заключению, что здесь *положительно* должна существовать *примесь папуасской крови*²⁵, несмотря на то что головы оказались брахицефальны и «цвет кожи»^{4*} не темнее других малайцев. Я смерил вместо этого ♂, который был выше и крепче других; он оказался 1,62 м. Смерил также совершенно развитую замужнюю женщину, которая не очень отличалась от других; она оказалась 1,38 м. Верхняя конечность длинна относительно роста. У многих я заметил следы оспы. Когда я мерил одну из девушек, она сильно тряслась от страха. Дождь заставил меня отложить дальнейшие наблюдения²⁶.

Нингал — оран-утан-слета. 35 лет. Река Малаю. 1 декабря (?) 1874 г.;

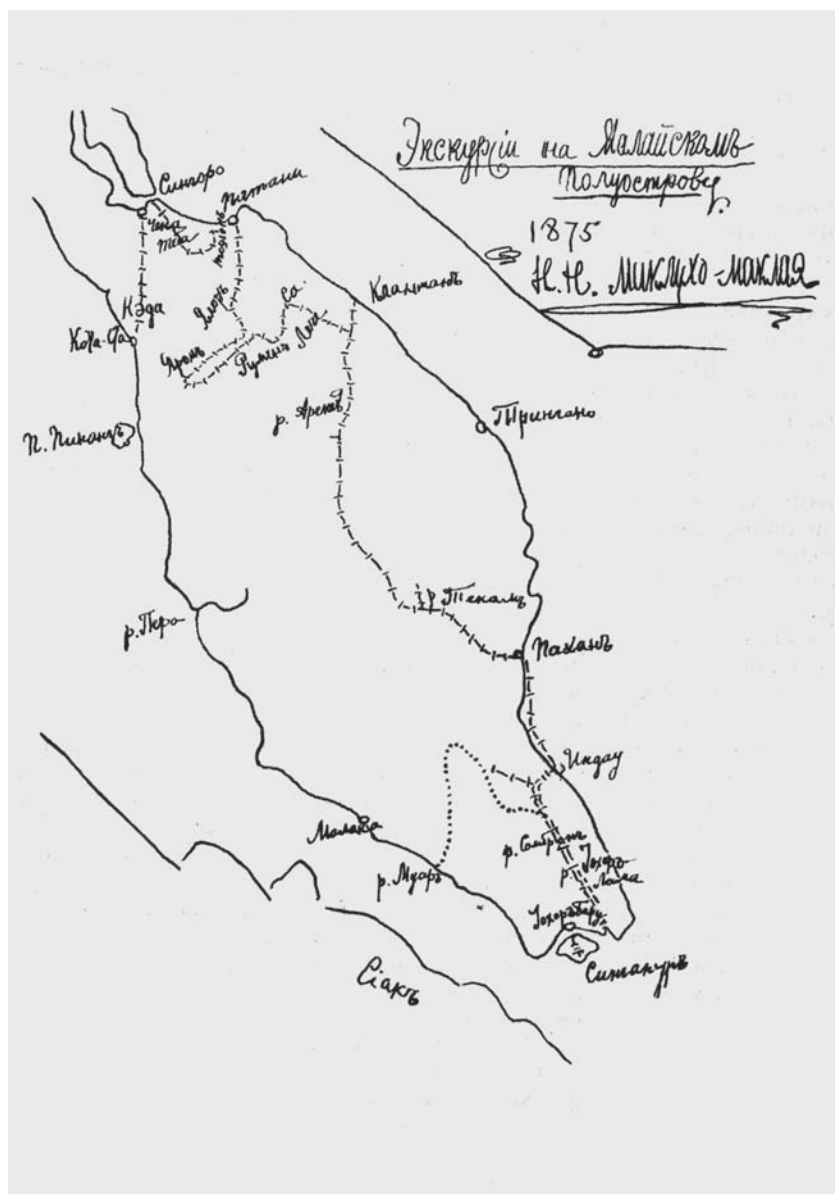
Чанди. Йохор. 4 декабря 1874 г.

2 декабря. Целый день почти шел дождь. Положительно нагоняет хандру.

3 декабря. Несмотря на лучшую погоду, mon humeur^{5*}, вспоминая, несмотря на то что не хочу о том думать, Богор²⁷, devient toujours plus misanthrope^{6*}. Г. Холл уехал в Сингапур. Я обедал один и был доволен одиночеством, как вдруг нагрянули неожиданно четыре англичанина, приехавшие в гости к махарадже. Только к 12 час. ночи они утомнились, а то болтали, пели, свистали etc., etc.²⁸ Положительно меня все более и более утомляют «die ordentlichen Mitglieder des Menschenpacks»^{7*}.

9 декабря. Отправился утром в Сингапур, получил несколько писем и книг из Европы, но ни единого письма, которого ожидал из Богора. Горькое чувство несколько раз появлялось и надоедало мне, даже за обедом у Sir A. Clarke и даже вечером в театре, куда я был приглашен сопровождать губернатора и его жену. Узнал вечером, что d'Albertis²⁹ в Сингапуре и целый день ищет меня. После представления я отправился познакомиться с ним, но unsuccessfully, вернулся в первом часу ночи к Вампоа.

10 декабря. Познакомился с d'Albertis. Говорили много о Новой Гвинее. Он отправляется на юго-восточный полуостров Новой Гвинеи с английскими миссионерами.

Схематическая карта путешествий по Малайскому (Малаккскому) полуострову, составленная Н. Н. Миклухо-Маклаем.

Пунктир — первое путешествие (декабрь 1874 г.—январь 1875 г.),
черточки — второе путешествие (июнь—октябрь 1875 г.)

12 декабря. Отправиться прямо из Йохора в Малакку оказывается очень трудным, потому что дорог нет, и нести с собою достаточный запас провизии (даже один рис) для людей делает эту экскурсию почти что неисполнимою (люди могут нести на себе одну только провизию для себя), так что одно и то же: взять ли 5 или 10, или 20 человек с собою.

14 декабря. Несколько месяцев тому назад несколько жителей Сингапура (оран-бутис)³⁰ были убиты в Йохоле; это были торговцы, а убийцы — люди Пахан и Йохол. Так как замешаны были люди значительные, то махараджа йохорский не добыл виновных, так что (так как он обещал добыть их губернатору) он снаряжает третью экспедицию. Так как эта экспедиция должна проехать и пройти значительную часть Йохора, то я думаю сопровождать ее.

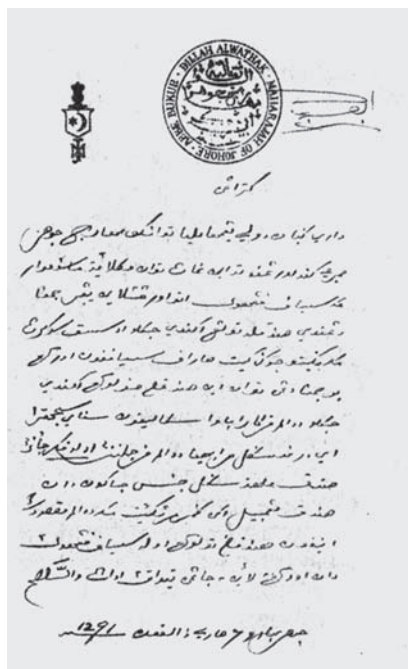
15/16 декабря. В 4 часа пополудни отправился я с г. Hole, секретарем махараджи, со своим слугой Сайнаном (Сунда)³¹ и Ахматом³² на канонерской лодке махараджи к устью р. Муар, куда подошли 16 декабря к 10 часам утра.

16 декабря. Река Муар имеет общее направление на NO, очень извилиста, хотя миль около 50 остается широкою; глубина приблизительно 6 или 7 сажен. Берега покрыты лесом, который прерывается поясом мангров. Живописная пальма «нибонг»³³ оживляет береговой пейзаж. Кое-где плантации, хотя очень примитивны, начинают появляться. Табак растет здесь очень хорошо; арапуты³⁴ вследствие слишком жаркой земли поднимаются слишком высоко. Плантации здесь, как и на Новой Гвинее, насажены без разбора: кофе, бананы, арапут, табак, *Colocasia*³⁵ и т. п. насажены друг около друга.

Правый берег принадлежит Малакке, левый — Йохору.

Был великолепный заход солнца, который мне припомнил обещание, обоюдно данное^{8*}.

Совсем стемнело, когда мы бросили якорь около нашей цели, которая называется Лынга^{9*}. Здесь мы должны были найти главу станции, человека доверенного и к которому от махараджи у меня были письма. В очень плоской пироге переехали мы на берег к плоту, которого круглые бревна и большие щели между ними^{10*} гармонировали с пирогой и головоломною лестницей с очень далеко друг от друга отстоящими ступенями. Подобная пристань нарочно такая неудобная на случай нападения соседей. Взобравшись к веранде высоко на сваях стоящей хижины, нас встретил хозяин, инчи Анда (инчи — титул)³⁶, который провел нас на веранду еще выше стоящей хижины, где мы все поместились около круглого[...] ^{11*} Прочитав письмо от махараджи, инчи Анда объявил мне, что он должен все делать, что я ни потребую³⁷. Так как по справкам экскурсия в Йохор заняла бы более 15 дней, я решил изменить план и отправиться через Палон-Индау^{12*} в Йохор.

Рекомендательное письмо махарадхи

17 декабря. Лынга (0 высоты над уровнем моря). С г. Ноле обошли плантации за домом инчи Анда; встретили свежие следы тигра, который бродил ночью по плантации.

Вчера вечером собрал несколько сведений об якун; особенно замечательно племя, живущее в лесу и прячущееся от других. Их называют якун-лиар³⁸. Они очень дики, питаются всем, что находят, не употребляют соли³⁹. По сведениям, они не представляют большого различия от прочих якун. Я решил ждать этих последних, за которыми были посланы люди; в первом часу канонерская лодка «Пулай» с г. Ноле ушла. Чувствую себя по временам очень нехорошо.

Люди якун не пришли — боятся. Миссионер сказал правду: они боятся и не доверяют малайцам. Люди инчи Анды готовят патроны к завтрашней экспедиции. Воспоминание о Богоре

наполняет меня иногда очень горьким чувством. Урок: не привязываться ни к кому и не верить в других.

Вечером сильный пароксизм лихорадки.

18 декабря. Отправляюсь, несмотря на головную боль, в Палонг⁴⁰.

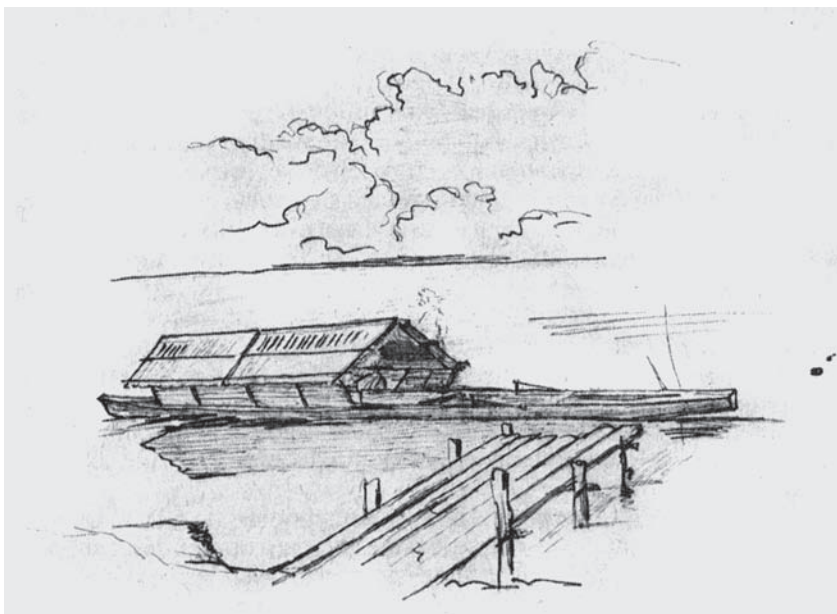
22 декабря. На пятый день плавания вверх по реке сегодня причалили мы к плоту около хижины помулу^{13*}, где пишу теперь при свете дамарового факела⁴¹.

Плавание представляет то удобство, что можно удобно наслаждаться красивою местностью, между тем как при путешествии пешком приходится более обращать внимание на то, что у ног: на пни, лианы, камни и т. д., что мне, к досаде моей, пришлось много раз испытать; думаешь лучше видеть страну — нет, видишь меньше. Удобство — важная вещь в жизни.

Туземная пирога состояла из очень плоско выдолбленного ствола, который на середине был не уже, как около 1,5 м; длина всей пироги, которая называется здесь *яло*^{14*}, около 8 м. Большая часть ее снабжена крышей из кадьяна^{15*}. Переднюю часть занимают гребцы, которых у

Палонг. 22 декабря 1874 г.

Яло. Букит Копон

меня было четыре. Я провел первую ночь в хижине китайца⁴² в Букит-Копон⁴³, другие три — в яло, в лесу, затопленном высокою водою. Были прекрасные лунные ночи. Здешний помулу сопровождает меня. Много раз думал о Л. и о Богоре!..

22 декабря^{16*}. Утром, переменяв людей (вместо Измаила заступил помулу Хусейн), отправились я, мой багаж и люди в двух очень узких прау^{17*} по речке Пырла, затем наши яло начали лавировать между стволами. Я, к удивлению, заметил, что мы незаметно из русла речки вышли в залитый лес. Глубина, смиренная в нескольких местах, была с лишком 2 м, но это продолжалось не более часа. Яло могло только с трудностью изворачиваться между пнями и лианами.

Мы вышли в болотистом месте. Люди разобрали багаж, каждый по небольшой ноше, и мы отправились, шагая в грязи или балансируя по скользким пням, переходя несколько раз через речку Пырлу и приток ее Кыды. Пришли к двум хижинам Лубу-Копон⁴⁴, где моим людям очень хотелось остаться. Было только половина двенадцатого, и я объявил, что отправимся в путь в 1 час. Так как здесь дорога разделяется, одна — в Кратон на NO, другая в Бадон^{18*} (селение оран-райет) на NNW, куда я сперва хотел отправиться, то, позавтракав, я отделил несколько вещей, которые захвачу на возвратном пути, направляясь к реке Кратон.

Довольно сильный пароксизм лихорадки захватил меня дорогою; мокрые по колено ноги с утра и палящее солнце действовали скорее, чем предполагал. С удовольствием отдохнул полчаса в покинутой малайской хижине в Будян, около которой я увидел в первый раз ловушку для тигров, которых здесь немало. Голова кружилась и болела, когда отправились далее. Помулу и люди говорили, что идут только потому, что туан^{19*} приказал и что мы не дойдем до селения; но в 4 часа 30 минут, увидав между деревьями просвет и спросив, что это, мне ответили: Нанка — несколько малайских хижин и кобан^{20*}. Перейдя через р. Пырлу, не знаю уже, в который раз, по пням, которые лежали на всех направлениях в плантации, мы пробрались к шаткой веранде около хижины на очень высоких местах: жители боятся посещения тигров⁴⁵.

Здесь садят преимущественно уби-каю и колади⁴⁶, рис редкость.

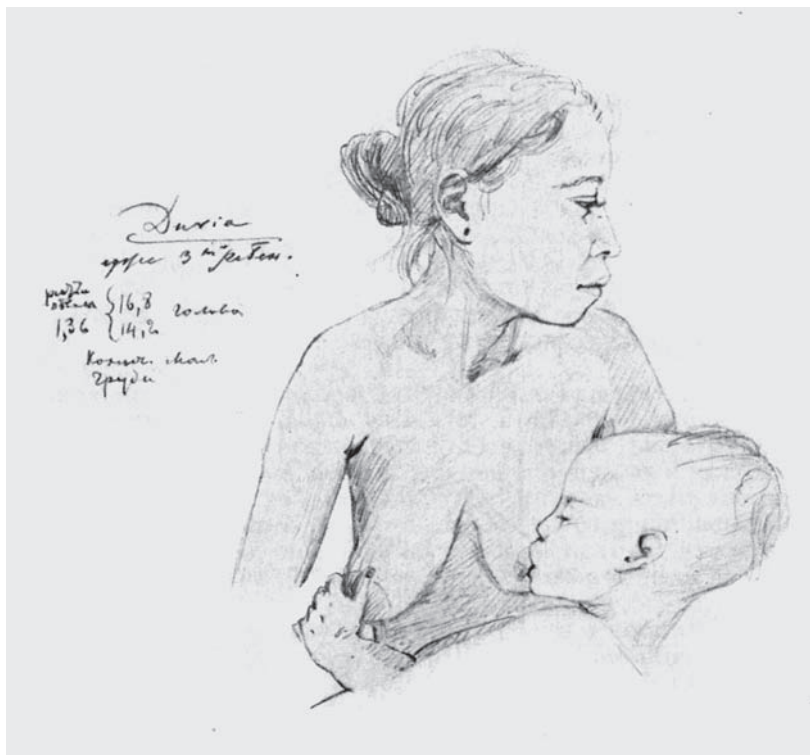
Я расспрашиваю при каждом удобном случае всех встречаемых оран-утан, надеясь, что узнаю что-нибудь новое, но мне повторяют почти постоянно одно и то же: что оран-утан едят ула^{21*}, тикус^{22*}, что ни риса, ни соли им не нужно, что даже некоторые умирают, если им дать пищу, которую употребляют малайцы, что переменяют часто жилье, не строят хижин, а пондо^{23*}, остаются один-два месяца здесь, потом уходят, что кроме узкого пояса, ничего не носят, согревают тело, нося головешку с собою, едят даже пиявок, обезьян и т. д., но что малайцы иногда берут женщин оран-утан (они не могли здесь негировать, как в

Хижина на шестах почти 3 м вышины. Дер. Нанка. 24 декабря 1874 г.

Лынге), но не обратно — оран-утан с ♀ м[алайками]. Узнал, что здесь якун называются *оран-райет*⁴⁸ или *оран-раят*, а далее около реки Кра-тон — оран-утан, что оран-райет не любят, когда их называют якун⁴⁹.

24 декабря^{24*}. Отсюда (Нанка) отправился на SW к селению (временному) оран Бадун, или Бадон, которого достиг через полтора часа⁵⁰. Еще не дойдя до него, мы встретили толпу оран-райет, которые с женщинами, детьми, собаками отправлялись в другое место, но известие, что я иду в Бадон, что у меня табак и рис, переменяло их намерение; и они согласились вернуться. Мужчины были, как мне рассказывали, почти голы, только penis и отчасти testicula были закрыты узкою тряпичею, но волосы около половых органов были видны по сторонам;

Дурия, лет 20, мать уже 3-го ребенка. Оран-райет. Бадон

женщины были одеты в саронг⁵¹, дети почти все наги. Физиономии у них были различны, как и волосы; у некоторых физиономия была очень малайская, у других — иная. Все они были малы ростом и немного темнее. Когда я сказал им, чтобы они шли бы вперед к деревне, они зашагали так быстро, даже четырехлетние дети, к моему удивлению, что скоро скрылись между деревьями, несмотря, что тропинка была очень неудобна: много шипов, сухого леса преграждало путь⁵².

Бадон, селение оран-райет, имело 7 хижин⁵³, которые стояли разбросанно на довольно большом пространстве, на котором были вырублены большие деревья, стволы которых сохли и гнили там, где упали. Жители не потрудились несколько прибрать их в сторону, срубить ветви, проложить хотя бы маленькую тропинку. Тропинок не было, хотя много что показывало следы шагов.

Все хижины, если можно называть так эти постройки, состояли из пола, из грубых кривых стволов и крыши — стен не было. Некоторые

Бадон — небольшое малайское селение на р. Кратон. 25 декабря 1874 г.

Образец архитектуры оран-райет. Бадон. 25 декабря 1874 г.

Пелас— оран-лиар, лет 30. Бадон. 25 января 1875 г.

были больше, но почти все на один лад. Как пример этой примитивной архитектуры, я срисовал приложенную⁵⁴.

Это помещение было достаточно для мужа, жены и двух детей^{25*}. Дети постоянно удивляли меня: лазали по этим лестницам, бегали по дырявому полу, барахтались у самого края и не падали⁵⁵. Дети и собаки очень долго не могли привыкнуть к моему виду. Дети издали разглядывали меня, хмурились и начинали плакать. Собаки, нюхнув только около

хижины, где я помещался, воздух, подымали голову и убегали с рычанием. Эти последние, большинство из которых рыжие, невелики ростом, со стоячими ушами и пушистым хвостом, похожи на новогвинейских.

Я решил остаться здесь дня два. Одну из хижин вычистили, и я поместился в ней довольно удобно, завесив стороны одеялами, которые образовали стены. Но перед этим я собрал все население, чтобы разглядеть их попристальнее. У многих физиономии не отличались от лиц сопровождавших меня малайцев из Палонга, так что я ⟨не⟩ мог с уверенностью отличать их⁵⁶. Но были, однако же, черты как бы чужой примеси. Это сходство с малайцами можно объяснить смешением с давнишних пор, отчасти же, что мне кажется положительно, так ⟨это то⟩, что не оран-якун похожи на малайцев, что, имея матерей оран-якун, малайцы приобрели здесь некоторые черты первых, что обе стороны похожи отчасти.

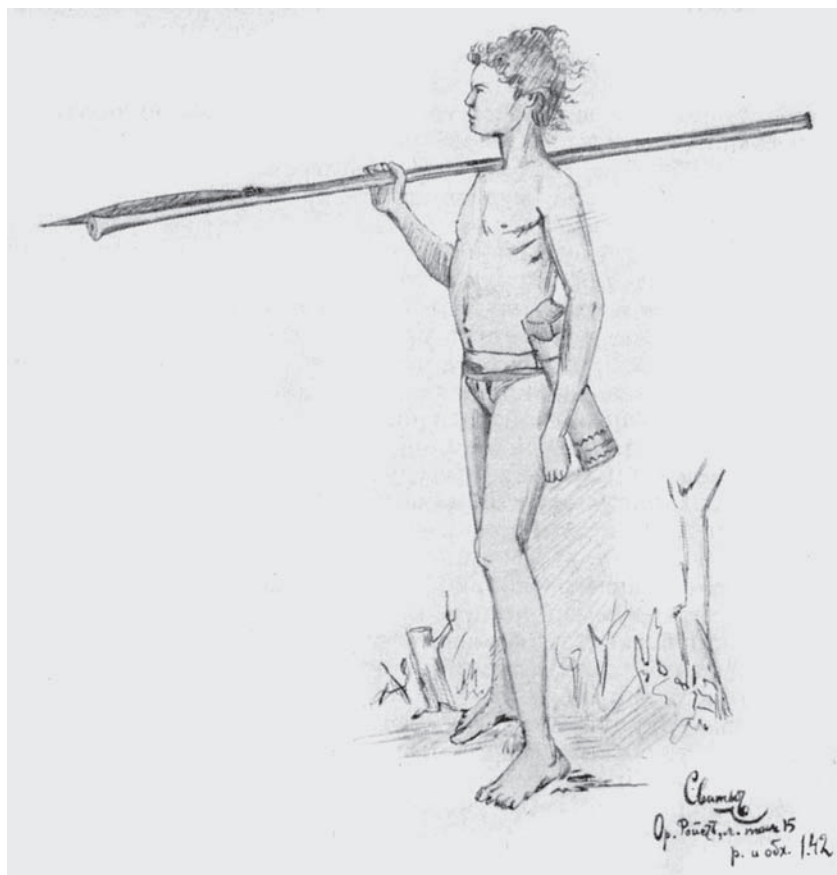
Вечером, гуляя около хижины, я наткнулся неожиданно на человека очень небольшого роста, с очень толстым брюхом, пухлой физиономией, жидкими ногами, который палкой рыл землю и собирал что-то в кокосовую скорлупу. Приметя, что я его увидел и подхожу к нему, он сперва намеревался бежать, но когда я ему повторил несколько раз «дьянган такут»^{26*} и «каси тамбаку»^{27*}, он продолжал свое занятие, но не смел поднять глаз, боялся оглянуться, чтобы не видеть меня, и заметно тряся. На другой день я не без труда добился, чтобы срисовать его, но табак и терпение помогли, но он не решался смотреть на меня, постоянно отворачивался. Таких, особенно трусливых, малайцы называют оран-лиар^{28*}. Я встречал их потом несколько раз.

Вечером, когда стемнело, начались крик детей, смех и говор женщин, очень немusыкальное пение мужчин, даже музыка на инструменте, состоящем из толстого бамбука с отверстиями и несколькими натянутыми струнами из ротанга (обыкновенно трех)⁵⁷.

25 декабря^{29*}. Утром к рассвету очень свежо, так что мне жаль было смотреть на голых детей, которые дрожали от холода и жались к ма-

Свати — оран-райет, лет 15

Свати, оран-райет лет 15, с сумпитаном

тери, у которой не было другого покрова, как тонкий старый саронг. Стен нет, в полу громадные щели между бревнами. У детей оставляют на затылке род косички. Некоторые дети положительно не некрасивы лицом, также между взрослых попадаются довольно приятные физиономии, как, например, Свати.

У оран-райет интересное оружие — *сумпитан*, или, на их языке, *блахан*. Блахан представляет трубкообразную палку метра 2 длины, которая состоит из двух половин, связанных обмотанным ротангом, и которая обмазана гытой⁵⁸. Стрелы, см в 20, очень тонкие, нижний конец которых снабжен родом пробки из сердцевины какого-то дерева. Этот толстый наконечник приблизительно обрезается ножом, еще полируется <с> помощью сухого шероховатого листа, причем оконч-

ность стрелы держат между вдвое сложенным листом, стрелу же быстро катают, положив ее на ляжку, ладонью. Надо, чтобы наконечник плотно бы приходился в канал сумпитана.

Вложив стрелу в сумпитан, берут его обеими руками, широкий конец подносят к губам, затем, медленно поднимая другой конец и направив на цель, быстро выдувают стрелу. Она долетает до цели, отдаленной даже более чем на 50 шагов, может достигнуть даже 80 шагов. Но ветер при легкости стрелы мешает точности. Шагов на 20—25 туземцы всегда почти попадают в небольшую цель. Попробовав в первый раз, я 2 раза попал около самой цели, а в третий попал даже в нее. Это доказывает, что не особенно трудно достигнуть в этом отношении большого искусства, которого действительно, говорят, достигают оран-райет. Туземцы с видимым удовольствием вынесли почти все свои сумпитаны и стали наперерыв показывать свое искусство, когда я им сказал, что желаю посмотреть на эту процедуру. Женщины смехом при неудаче и похвалами в противном случае доказывали свое участие.

Что делает эту небольшую стрелу опасною не только для человека, но и для тигра, — это «ипо», или «ипо-упас», или «ратиум»⁵⁹, в который окунается оконечность, обыкновенно из твердого дерева, и который остается в ране. Меня уверяли здесь, что люди не доживают до вечера, ⟨будучи⟩ ранены, так же как и тигры. Яд может быть без опасности съеден, что, однако же, отвергается другими. Этот яд готовится из толченой коры дерева, которой водяной настой кипятят до сгущения, затем прибавляют все, что предполагается ядовитым: соки разных плодов, даже зубы змеи (NB), так что яд имеет разное действие и не может считаться единственно растительным⁶⁰. Не без труда и долгих расспросов у разных людей я добился, наконец, несколько десятков слов — остатки прежнего языка, который еще употребляют здесь, но начинает вытесняться малайским; дети между собой болтают по-малайски, и почти одни старики помнят еще отрывки языка, даже счет в ходу теперь малайский⁶¹.

Бандон — одно из мест, которые оран-райет время от времени посещают, не оставаясь долго и строя новые пондо каждый раз или немного исправляя старые⁶².

26 декабря. Выйдя из Бандона в 7 часов, через 1 час пришли в Нанку, откуда, выйдя в 9, отправились в Будян, куда пришли в 11 часов. Отсюда послал за вещами в Лубу-Копон и, позавтракав, несмотря на нежелание людей, в 2 часа направился на NO по довольно мокрой тропинке к деревне Круень, куда пришел в 5 часов и нашел 3 хижины с малайским населением⁶³. На дороге много следов тигров и слонов.

27 декабря. Из Круень опять на NO по очень мокрой дороге, которая, наконец, привела к совершенно залитой поляне, где вода доходила

Кратон. Декабрь 1874 г.

мне до пояса; люди же, не принимая, как я, предосторожности, окунались до ключиц. Пришли, наконец, к р. Гбан. Я позавтракал сухим рисом и, переходя небольшую речку Гбан на скользком стволе, который состоял мост[ом], потерял равновесие и выкупался, после чего явился пароксизм, но я продолжал путь до р. Канас, через которую переправился на живо связанном плоту, который буксировали люди. Потом вверх по р. Кратон, к хижине.

28 декабря. Кратон. После трудного дня остался, особенно вследствие лихорадки, здесь. Местность живописна⁶⁴, хотя хижина очень убогая. Что и как далее — не знаю. Кратон — приток р. Румпен, который, однако же, течет по Пахану. Я направлюсь завтра вверх по течению к селению оран-утан⁶⁵.

29 декабря. Пирога, в которой провел весь день, была хотя снабжена крышей из кадьяна, очень мала; кроме того, нас было 8 человек в ней; при перемещении, даже незначительном, одного вода вливалась, так как борт еле-еле поднимался от уровня воды. Речка была очень красива. Группы деревьев очень живописны.

Около 3 часов подъехали мы к небольшому селению оран-утан. Я вышел из пироги и подошел к хижине, в которой работал человек с очень малайской физиономией, хотя и был оран-утан. Затем я прошел к другой хижине, которая состояла только из трех стен. Здесь помещалась целая семья, все с физиономиями, в которых я не нашел ничего особенного, только девушка ⟨которая⟩ сидела на платформе, была даже недурна для строгого критика. Мужчины были голы, только penis был закрыт, волосы и testicula выступали. Мне сказали, что, исключая этих экземпляров оран-утан, в настоящую минуту никого нет. Я решил отправиться далее, и мы прибыли сюда, где живет племянник помулу, человек, хорошо знающий окрестную местность и которого я решил ждать.

Между порубленными и сухими обгорелыми стволами были построены 3 или 4 хижины. Одну из них сейчас же уступили мне; дети и женщины перетащили весь хлам в соседнюю. Пришла пирога с двумя женщинами и девочками. Одна из них кинулась мне в глаза своей курчавою головою, ей было лет двенадцать. Когда с веслом в руках, в саронге, который узко обхватывал среднюю часть туловища, она шла по стволу срубленного дерева, она показалась мне очень грациозным созданием. Я пожелал нарисовать ее портрет, тем более что ее вьющиеся волосы делали из ее физиономии особенный тип. Но она стыдилась, боялась, одним словом, не хотела прийти к занимаемой мною хижине. Это происходит, как мне кажется, оттого, что мужчины обращают внимание (в половом отношении) на очень молодых девочек, так что, если посмотреть немного пристальнее на 11—10-летнюю девочку, она стыдится, убегает, как бы боится, что ее хотят изнасиловать, или же сама заигрывает⁶⁶.

30—31 декабря. Проспав очень хорошо ночь, я должен был прождать почти до восьми с половиной часов приезда племянника помулу Абдул-Рахмана^{30*}, который должен служить проводником далее. Новости, которые этот последний привез, не особенно понравились мне: дороги все залиты и приходится проходить места, где вода выше пояса. В двух пирогах, так как моя свита прибавилась несколькими людьми, отправились мы вверх по речке Кратон, которая по временам была очень живописна ⟨благодаря⟩ группам деревьев. Затем — по очень извилистому узкому притоку ее, *р. Джекати*; так как во многих местах речка была запружена повалившимися деревьями, под которыми надо было проезжать, то пришлось снять кадьяновую крышу. Часто приходилось, проезжая под таким деревом, почти ложиться в пироге или же, перелезая через ствол, пропускать пирогу одну под ним или даже, когда ствол был отчасти в воде, вытаскивать и тащить пирогу через него. При этом наблюдать и записывать направление и сидеть очень неудобно на вещах постоянно в одном положении, соблюдая равновесие.

Малайцы — помулу Хусейн и его племянник Абдул-Рахман
(Абдуррахман)

Унга — оран-утан, лет 22. Сел. Квала-Мынтай;

Ашар — девушка оран-утан, лет 17

К часу пополудни я очень устал и, приказав причалить к берегу в тенистом месте, сейчас же заснул. Я был разбужен другою пирогой, которая, хотя^{31*} отправилась в путь позже нас, но, будучи легче, обогнала нас. Мы последовали за нею, и около 4 часов моя пирога остановилась около двух других в месте, где находится становище оран-утан. Абдул-Рахман отправился вперед, чтобы люди, испуганные моим внезапным появлением, не разбежались бы. Около 2 хижин я увидел несколько некрасивых, почти совсем голых людей, между которыми один, одетый по-малайски, был представлен мне как батен (начальник)⁶⁷. В большой хижине, которая принадлежала ему, мне отгородили значительное пространство, и скоро принесли вещи^{32*}, сделали при нем довольно удобное помещение. Я сейчас же приказал, чтобы собрать завтра по возможности большее число оран-утан.

Я начал с того, что осведомился, есть ли у них особый язык, и начал спрашивать слова. К большой моей досаде, мне отвечали по-малайски и повторяли мои слова. Я спросил многих, стал прислушиваться к их взаимному разговору — один малайский язык, старый забыт. Мне, однако, сказали, наконец, что, может быть, некоторые старые люди и знают, также сообщили, что оран-букит^{33*}, которые прячутся от других, не едят соли и риса, говорят отлично. Здешние оран-утан находятся постоянно в сношениях с малайцами и даже некоторые имеют плантации, хотя отвергают магометанство, и большинство мужчин предпочитает свой простой и удобный костюм.

Вечером около моей комнаты (?) собралось один за другим почти все мужское население. Я снова завел разговор об языке, яде и дороге в Йохор-Бару. Здесь живет уже несколько лет китаец-плантатор, который был очень любезен относительно меня, принес мне курицу, банан; он уверяет, что мне предстоит еще путешествовать около 20 дней. Что касается яда для стрел, то он готовится из кипяченого до сгущения настоя коры дерева ринги^{34*}, к которому прибавляют еще варан (?) и зерна лемон нитис^{35*}. Раненый человек не живет более нескольких часов; съеденный яд действует смертельно в тот же день. Яд может быть сохранен несколько лет.

Общий тип лица у этих людей не отличается от малайского; не зная, что это так называемые оран-утан, я бы не подумал, что нахожусь между другим населением. Толстые губы, широкий нос, часто курчавые волосы, вообще^{36*} грубые черты лица, особенно же их неимение костюма отличают их от малайцев, но до сих пор я не встретил ни одно лицо с особенным типом.

Странное дело: я не знаю, завтра или послезавтра Новый год.

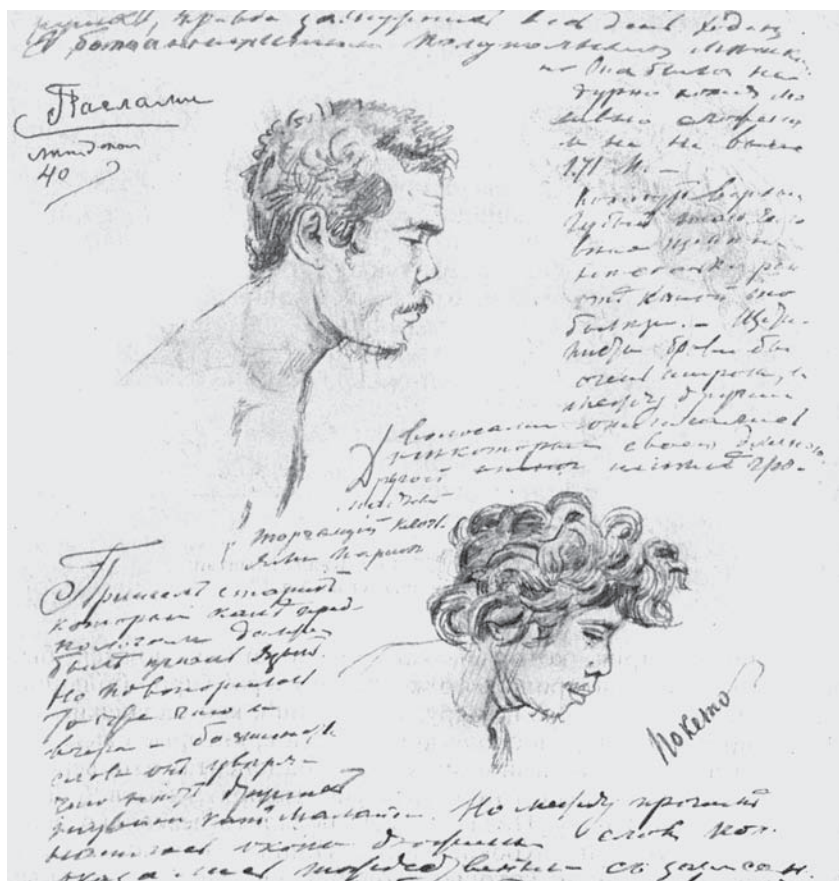
Вот результаты измерений, которые я делал при многочисленном собрании и на открытом воздухе.

		Лет	Ширина (головы, см)	Длина (головы, см)	Рост (м)	Обхват (см)
♂ 1.	Послами	40 ⁶⁸	14,5	18,7	1,56	158
2.	Покето	30	15,0	18,4	1,53	158
3.	Побуда	55	15,0	17,7	1,48	
4.	Унга	22	14,5	17,8	1,44	
5.	Ланса	35	15,0	18,6	1,44	
6.	♂ лет 40	40	14,7	18,0	1,46	
7.	Комень	40	14,0	18,4	1,53	153
8.	♂ лет 30	30	14,3	18,0	1,52	155
⟨9.⟩	Магынта	20	14,5	17,5	1,41	138
⟨10.⟩	Асар	19 ⁶⁹	15,5	17,7	1,41	140 ⁷⁰

НВ: Посмотреть сверху, голова совершенно овальная. Нет паритетального расширения, она шире всего около ушей. Индекс ширины между 76—82. Встречаются носы с горбом — Унга⁷¹.

Нарисовал двух оран-утан, которые еще более несколько отличались от других. Ашар очень стыдилась показать мне свою грудь, между тем как большинство других, правда замужних, весь день ходили с болтающимися полуполными мешками. Она была недурна, хотя массивно сложена и не выше 1,41 м.

Щетинистые брови ⟨Послами⟩ были очень широки, и между другими волосами отличались некоторые своею длиной. Другой ⟨Покето⟩^{37*} имел громадный, торчащий клочьями парик.

Послами, лет 40, и Покето ⟨лет 30⟩.

Вверху справа: «Контур верхней губы этого человека изменили несколько раз от какой-то болезни»

Пришел старик, который, как предполагали, должен был знать язык. Но повторилось то же, что и вчера: (про) большинство слов он уверял, что нет других названий, как малайские, но, между прочим, нашлось около дюжины слов, которые оказались тождественными с записанными мною в Бадоне, так что, вероятно, диалект здесь был тождественный. Говорят, что в 6 дней я могу достичь Индау. Послал людей повалить несколько деревьев, чтобы пройти глубокие места. Пришли к полудню еще 6 человек оран-утан, из которых 2, один из них Унга, с крючковатым носом. Все — с курчавыми волосами.

Хижина в селении на р. Сегамат

〈1—2 января 1875 г.〉⁷² Квала^{38*}-Мынтай, Дукун. Когда я и мои люди были уже в пирогах, оказалось, что оран-утан, которые должны были нести вещи и прорубать дорогу, боясь работы, разбежались. Пришлось послать батена и помулу за ними. Им даже грозили, что я так рассержусь, что убью их, чтобы принудить их. Пришло человек шесть. Батен — начальник, молодой, низкого роста якун с приятною физиономиею, шел впереди, прорубая во многих местах тропинку, строил примитивные мосты через многочисленные ручьи. Тропинка, хотя приходилось шагать и лазить через много поваленных стволов, не была слишком утомительна, так что я, почти не усталый, пришел к 4 часам к хижине, в которой 4 или 5 малайцев из Иохор-Бару жили временно, занимаясь резанием ротанга. Хижина была на сваях, но не имела стен, только с одной стороны крыша опускалась до пола. Даже и пол был так шаток, что я должен был приказать моим людям подставить несколько подставок, прежде чем устроить мою постель. Чтобы, имея постоянно лихорадку, несколько избегнуть ночью ветра, который свободно мог гулять в этом жилье без стен, я устроил себе низкую палатку из моих непромокаемых одеял, что было очень кстати, потому что вечером у меня был пароксизм. В лесу, где мы проходили, много следов слона.

〈3 января. По дороге〉 к р. Сегамат. Выпил мою последнюю чашку кофе и открыл последний ящик бисквит. Дорога, как и вчера, очень изрядная, хотя стволов поваленных и ручьев много, но так как уже 7 дней здесь не было дождя, то тропинка суха. Мог дорогою без неудобств и приключений думать не только о ней, но и об 4-й (!) экспедиции в Новую Гвинею с братом Владимиром.

В 12 ⟨часов⟩ пополудни пришли к селению на р. Сегамат, но приходится отложить дальнейший путь до завтра за неимением пирога.

Большинство хижин так стары и скверно построены, что из опасения, чтобы ветер не сдул бы их, почти все привязаны рогангом к крепким колям, вбитым в землю.

Отдохнув и позавтракав, я приказал созвать всех жителей. Собрались мужчины, женщины, дети. Рост мужчин варьировал между 1,53—1,62 ⟨м⟩, женщин — 1,30—1,40 ⟨м⟩⁷³. Головы у большинства оказались ⟨брахицефальны⟩^{39*}. Одна из девочек имела очень курчавые волосы и, хотя была очень недурна или, быть может, потому, закрывалась, пряталась, чтобы обратить на себя внимание. Ее мать имела курчавые волосы; отец умер. Я нарисовал хорошенькую Егу, у которой около сосков окружность только что начинала вспухать⁷⁴.

⟨3—4 января⟩. В Тенан. С вещами, Сананом и Абдул-Рахманом отправился в пироге вверх по р. Сегамат, мои же люди и помолу с Ахматом отправились пешком более низкой, но очень болотистой дорогой. Они постоянно были впереди нас, так как множество извилин реки замедляло плавание. К 12 часам мы пришли к хижине, где мои люди думали остаться ночь. Я их разочаровал, сказав, что день еще не кончен, что я хочу идти дальше.

— Людей нет! — говорят.

— Позвать денан (начальник)!⁷⁵

Явился на мой зов старикашка с визгливым, плачущим голоском.

— Можно ли в пироге отправиться в Тенан? — спросил я.

— Нельзя — камни, пороги! — ответ.

— Сколько времени идти до Тенана?

— Далеко, целый день ходьбы.

— Хочу отправиться еще сегодня туда!

— Не дойдем! — завопили люди.

— Будем спать в лесу. Есть люди? — спросил я снова денан.

— Нет, ушли в лес.

— Позвать!

— Не знаю, где искать.

— Умеешь читать?

Ега, около 9 лет

Хижина помулу в сел. Тенан

— Нет!

Я сказал Абдул-Рахману прочитать ему письмо махарадьи. Прочли письмо.

— Слышал?! Если через час не будет достаточно людей нести мои вещи в Тенан, я очень буду сердит, и когда скажу об этом махарадье, то и он рассердится. Теперь ступай и зови людей.

Возражения делать более я не позволил, и через полчаса явились люди, разобрали вещи, и мы отправились в 1 час 30 минут. Пройдя около часа на О, показались первые горы, которых давно не видал: Букит-улу-Сегамат и Букит-улу-Тенан⁷⁶.

Тропинка была по временам очень трудна, приходилось идти много по гладким тонким стволам, и я отдал полную справедливость мужеству и хладнокровию эквилибристов и позавидовал им.

По следам слонов и перебравшись два раза через р. Сегамат, пришли мы к хижинам в 5 часов, где я рад отдохнуть. Дороги в Индау здесь никто не знает.

Хорошая вещь — чай; выпил сейчас 4 стакана, хотя и очень жидкого (экономия!), но чувствую себя положительно изрядно! Жаль, что красного вина нет и бисквит мало, а то бы мне все равно несколько дней более в этой глуши. Ахмат собрал в лесу несколько лимонов — удачная находка. Я воспользовался ею сегодня вечером, налившись 4 стаканами чая.

⟨5 января⟩. Из Понтон в Тенан. Понтон — красивое местечко, особенно утром немного перед восходом солнца. После хорошо проспавшей ночи я по крайней мере нашел окрестность, дальние синие горы, большие деревья вблизи, красивые розовые облака, предвещающие восход солнца, великолепными, когда сошел умываться к светлой журчащей речке Сегамат. К половине седьмого все было готово, и я отправился все время на S и SO в Тенан, куда пришел к 10 часам. Пришлось переправляться через несколько речек и подняться на несколько холмов (из которых самый высокий не был выше 200 футов). Помулу сказал мне дорогою, что, если я позволю, он из Тенана, найдя мне людей для дальнейшего пути, хочет вернуться в Палон, где его дети ждут. Я согласился, так как он далее никогда не был и не знает дороги. Я ему обещал прислать подарки и письмо. Этот человек, хотя немного слишком мягкий и нерешительный, был мне довольно полезен и всегда услужлив. Его племянник, хотя не моложе его, человек, как кажется, с характером, что даже выражается в его физиономии. Он, как мне показалось, очень даже способен достичь образования и был способен в молодости.

Первая малайская довольно хорошо построенная хижина, которую встретил, начиная от Лингу. Помулу нет, послал 3 человек искать и позвать его, так как завтра рано хочу далее. Его жена — молоденькая женщина — уступила мне самую чистую часть дома, род галереи с небольшим окном, которого стороны довольно красиво вырезаны, как в арабских домах. Хижина построена из очень различного материала: крыша из *атап* и гомуту⁷⁷, стены отчасти из расщепленного и сплетенного бамбука, отчасти из *коры*, и только столбы, сваи и перекладыны — из дерева. Пол, как обыкновенно, из расщепленного бамбука. Седлообразно вогнутая крыша, узкие, украшенные орнаментом окна — характеристичны.

Вдали на S и SO виднеются горы — иду рисовать вид. Пришел, наконец, помулу. Он и никто из здешних не был в Индау. Людям очень понравилось, что я срисовал это окно.

Вечером оба помулу, ⟨селения⟩ Тенан и Абдул-Рахман, пришли говорить со мною. Последний рассказал мне об оран-сакай⁷⁸ и удай⁷⁹ в Пахан. Этих людей очень боятся малайцы, потому что они отделяются от любопытства и сношения с малайцами ядовитыми стрелами. Говорят, они очень дики, не едят соли и риса, имеют громадные (!) ступни и курчавые (?) волосы. Помулу Хаджи-Бакар, бывший в Мекке, Египте и даже в Судане, много говорил о своем знакомстве со светом и могуществе султана турецкого, который побил русских и которого все белые люди боятся.

Отправился к горячим ключам, которые находятся в речке посреди большой поляны, где anerоид показал выше 0. Посредине поднимался пар, и только по краям, где температура была 45—50°, можно

еще было ходить. Помулу попросил позволения послать вместо него сына со мною. Отправились. За завтраком у речки этот человек и другие люди сказали мне, что не дойдем до Быко, проведем ночь в Лине. Я им отвечал на это, что мы «должны» дойти до Быко и что я это хочу! Встал и отправился скорым шагом вперед. Ахмат, несмотря на ноги, кот[орые...] ^{40*} отлично шел вперед. Почти не останавливаясь, пришли в 4 часа в Лине, которое, также не останавливаясь, прошли. Темнота захватила нас в лесу, и я под конец, сделав ⟨в⟩ этот день двенадцать часов, был рад дойти до хижин, куда мы пришли в 7 часов.

Помулу здешний живет, говорят, далеко, и, чтобы не терять времени, я отправлюсь сам к нему завтра, чтобы завтра же идти в *Индау*, Люди здесь почти никогда не ходят ни туда, ни в Йохор через лес, а почти всегда по *Моа*.

Что я постоянно слышу здесь: «дяу» (далеко) и «тра тау» (не знаю).

⟨6—7 января⟩ Утром рано отправился к денану (начальнику). Думал, что он живет, хотя далеко, как мне сказали, но в той же деревне; оказалось, что в другой.

Пройдя по очень неудобной дороге, по пояс в мокрой траве, пришли к речке Быко. Здесь начинается еще хуже дорога, сказали мне.

— Нельзя разве спуститься по речке?

— Можно.

— Отчего никто мне ранее это не сказал? Послать сейчас же за пирогой!

Почти через три четверти часа явилась она. Поместив все вещи, отправились. Речка очень извилиста и много пней. Мы употребили полных два часа, чтобы добраться до Дянлон — нового поселения малайцев — и дома денан.

Эта речка Быко впадает в р. Бату-Пахат, так что, спускаясь вниз по течению, можно достичь деревни Бату-Пахат при впадении реки в южное море⁸⁰ в три или четыре дня; подняться же надо употребить около шести.

Меня уже ожидали, так как я утром, ранее чем отправиться, послал к денану извещение о моем приходе. Малаец, лет около 45, с немного выющимися волосами и интеллигентною физиономиею, встретил меня и предложил ⟨войти⟩ в его вновь строящийся дом.

Я сейчас же приступил к делу, т. е. сказал, что я от него хочу, и расспросил о дороге. На все получил удовлетворительные ответы; только денан желал отправиться в путь завтра, чтобы собрать людей.

Письма махарадья никто не сумел прочесть; удовлетворились все, посмотрев на большую печать, служащую здесь, как почти везде на Востоке, как подпись.

Отгородили мое помещение в чистой новой хижине денана, и я был доволен лечь, так как вчерашняя усиленная ходьба с мокрыми но-

гами, сегодня прогулка в мокрой траве были причиною пароксизма, которого приближение я чувствовал уже дорогою. Отправляясь по-лежать, я сказал денану собрать людей оран-утан к 2 часам. К этому времени оказались несколько человек, но батен (начальник оран-утан), посланный за людьми, еще не пришел.

Я начал записывать слова, но это было нелегко. Они повторяли по большей части малайские слова, но между ними оказались несколько других слов, схожих с уже записанными словами оран-райет. Они как бы стыдились иметь свой язык или как бы боялись говорить их.

Через часа полтора пришла целая толпа людей, особенно много женщин. Малость роста и курчавость волос некоторых бросились мне в глаза. Немалое число людей имели курчавые волосы, которые заставили меня думать о папуасской смеси. Особенно одна старуха напомнила мне волоса женщин, которых я видел в Кильвару. Волос во всю длину был волнист. Волосы представляли многочисленные локоны (т. е. волос образовывал несколько колец). Некоторые же имели совсем малайские волосы. Так как все делалось публично и, кроме того, люди измеряемые очень трусили, пришлось удовлетвориться немногими измерениями. Вот результат:^{41*}

Нарисовал портрет начальника, рослого, крепкого человека с добродушным выражением лица, отчасти для того, чтобы нарисовать его жену, которая в действительности была гораздо милевиднее, чем нарисованный мною портрет⁸². Она очень боялась меня или ревности мужа, который не спускал с нее глаз. Она имела прекрасные глаза, очень волнистые волосы и цвет кожи темнее других. Я очень устал, когда кончил работу с этою толпою или, вернее, должен был кончить вследствие наступления вечера. День не прошел даром. Я начинаю убеждаться в необходимости принять *примесь* папуасской (?) крови, идею, к которой я относился очень критически. Вечером узнал еще положительно факт, который объясняет сходство физиономий между оран-утан и малайцами: не оран-утан схожи с малайцами, а малайцы заимствовали много черт (курчавые волосы, толстые губы, широкий нос) у оран-утан. Браки между малайцами и женщинами оран-утан часты здесь и в *Пахан*, хотя в *Йохоре* меня уверяли, что это не встречается. Но уверяют здесь, что противные браки (♂ оран-утан, ♀ малайка) не встречаются. Басню (?) о громадных ногах оран-удай или оран-сакай в *Пахан* я слышал опять, но мне и здесь сказали, что не видели людей, а только отпечатки их ступней.

Диапа, денан Улу-Быко^{42*} в Дянлон, очень хлопотал весь день, и я думал найти в нем хорошего проводника до Индау, но он попросил меня взять вместо него его родственника Баду, который знает путь и которым я останусь доволен.

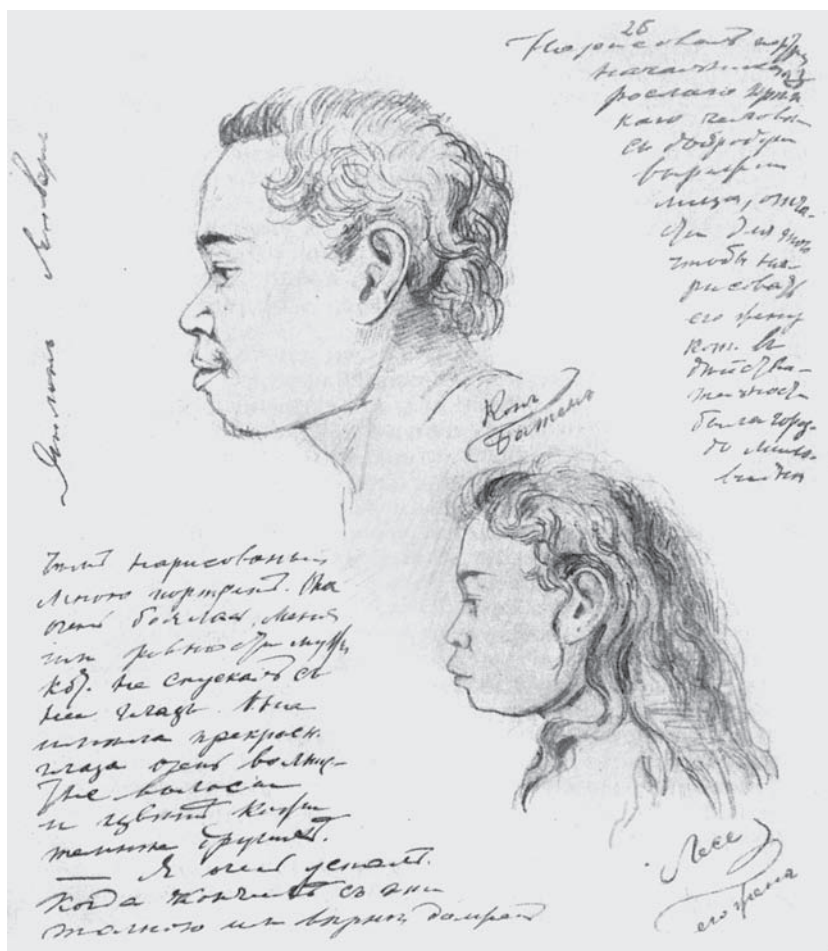
Отправились немного [...] ^{43*}

Поль и Самбут (14 1/2 лет) — девочки оран-утан

⟨8 января⟩ Леба, хижина оран-лиар при свете дамарового факела. Утром в Янлон^{44*} я записал впечатления, и когда, напившись чаю, я был готов в путь, было уже половина восьмого. Денан очень хлопотал, и крику было столько, как бы громадный караван отправлялся в путь. Около Янлон, как обыкновенно около всех поселений, дорога была очень и очень неудобна.

Около 20 минут пришлось идти по стволам поваленных деревьев, из которых многие были^{45*} обгорелые, гнилые, скользкие, тонкие. Приходилось карабкаться, балансировать, прыгать, часто почти что падать

Баду сказал мне, что мы не дойдем до Леба, что придется спать в лесу. Я не имел причины не согласиться, прибавил, что хочу спать где-нибудь на холме, а не в болоте и чтобы люди построили бы мне род высоких нар, на которых под моим каучуковым одеялом вместо крыши и покрытый моим толстым одеялом был уверен, что проведу отлично ночь. Тропинки определенной не было, как я уже сказал, приходилось только соблюдать направление на S и SOO. Я шел не очень скоро, но люди постоянно отставали. Все они, за исключением Баду и другого человека, были оран-утан, очень малы ростом, около 1,48—1,52 <м>, темны кожей, были хорошо сложены и по росту сильны, но ноши были значительны; почти каждый нес двойную ношу против того, что несли малайцы из Палон.

Около 1 часа пришли к месту около большого дерева, где мои спутники предложили остановиться для ночлега. Я сказал им на это, что если найдем подобное место через три часа, я останусь. Пошли опять вперед, все вразброд, так как тропинки не было, и как только кто отставал, ему самому приходилось искать дорогу. Около 3 часов мне сказали, что мы недалеко от жилья. Очень большое число ловушек для мелких животных встречалось почти на каждом шагу.

Было только что 4 часа, когда мы пришли к большому открытому месту с поваленными деревьями, где виднелись банановые деревья и две-три крыши. Опять пришлось путешествовать по стволам. Первая хижина оказалась совсем пустою. Направились к другой. На полдороге мои спутники предложили мне подождать немного, <потому> что здесь живут оран-лиар (дикие, избегающие сношений с другими людьми) и что если я покажусь первый, они постараются убежать. Я согласился и, опереженный моими людьми, приблизился, наконец, к хижине, где мои люди, уже сложив ноши, грызли и жевали сахарный тростник. На мой вопрос, есть ли люди, мне показали на перегородку (небольшая комната была отделена перегородкою). Вошел, я увидел группу сидящих, прижавшихся один к другому людей; все лица были или закрыты, или обращены к стене. Группа состояла из трех женщин и пяти детей.

Несмотря на их очевидный страх, я подошел к ним. Они еще больше ежились и жались. «Дянган такут»^{47*}, — сказал я, обращаясь к одной женщине. Испуганная, дрожащим голосом она повторила мои слова. Я сказал еще что-то, что она тоже повторила. Другая женщина — то же самое. Но наблюдение этого странного влияния страха было прервано, увидав между другими головами голову с папуасскими волосами. Это было неожиданное открытие, но которое я желал найти, предпринимая эту экскурсию. Действительно, посмотрев ближе, — совершенно папуасские волосы.

Я с нетерпением желал рассмотреть ближе этот индивидуум. Для этого лучшее средство — рисовать портрет.

Приготовив все к рисованию, я отправился за интересным объектом, который оказался недуренькою молодого женщиной лет менее 20. Она так боялась, что не решилась встать и, оглядываясь пугливо на нас, отворачивалась сейчас же. Я позвал Баду, к которому она сейчас же прижалась. Прижавшись к нему, она встала и дошла до места, где я ее нарисовал. Портрет вышел удачным. Она немного темнее малайцев, но волосы очень характеристичны. Ее ребенок так кричал, что я должен был отправить его к другим женщинам, где он продолжал свой концерт. Ее муж, как и остальные мужчины, отправился в лес за «гутта»^{48*}.

Я смерил ее голову, значительная шапка волос увеличила цифры 13,5; 16,7 (см). Меряя ее рост и обхват, я мог разглядеть ее фигуру. Она была мала ростом — 1,38 (м), имела небольшие немного конические груди, очень широкие задние части, которые значительно выдавались, тонкие икры, волос подмышками было немало. Я взял пробу ее волос и подарил ей, к значительной ее радости, 20 cents^{49*}. На мой вопрос ее имени она очень невнятно сказала, хотя повторила два раза, слово, которое я принял за «Дунгин-ла», но спутники уверяли меня, что ее зовут Лунгин. Я заметил, что оран-утан ко многим словам прибавляют «ла». Ее ребенок имел гладкие волосы, как и другие дети; у двоих они были немного курчавы, у одного не черны, а с каштановым оттенком; дети грудные были замечательно светлы⁸⁴.

⟨9 января⟩ Леба. Отсюда дороги нет. Надо отправляться далее по речке, но и пирог нет; пришлось послать за большою, могущей вместить всех нас с багажом, в соседнее селение. Сегодня при рассвете двое отправились, должны вернуться с пирогами сегодня вечером. Вчера концерт детей сильно надоел мне. Голос человеческих детей положительно неприятен! Хорошо, что я сделал портрет той женщины вчера. Сегодня с рассветом все женщины с детьми исчезли.

— Такут!^{50*} — объяснили мне мои люди.

Оран-лиар! — прибавили они. Лиги чори макан^{51*}.

Вчера и сегодня вел длинные разговоры с Баду о диких племенах Йохора. Узнал от него следующее: что оран-утан называют и называ-

Лунгин-ла — женщина оран-лиар,
лет 18. Сел. Леба

ются сами оран-далам⁸⁵, что, когда вводили ислам, жители-малайцы убежали в горы и, питаясь скверно, сделались оран-утан.

Оран-лиар[ами] оран-якун называют тех, которые не хотят входить в сношения с малайцами, но они собственно малайцы, и которые очень отличны от оран-текан^{52*} или оран-панган (?)⁸⁶, которых большое число живет в Пахан около речки этого имени. Они имеют курчавые (?), отличные, чем у малайцев, волосы, пробуравливают носовую перегородку (♂, ♀) и татуируются — делают на щеках и на теле надрезы «маен-маен»^{53*} — он прибавил. Они не едят рису, не употребляют соли, не обрабатывают почву и не строят хижин, а спят около огней. Их малайцы боятся, потому что часто они отделяются от навязчивых ядовитыми стрелами. Говорят, что у некоторых из этих племен громадные ноги. Их не видали, но видели (Баду также видел собственными глазами) следы ступней этих людей. Длина ее, по его уверению, была не короче, как от локтя до пальцев. Он мне назвал человека из деревни Инки (Пахан) — *Чиали*, который хорошо знаком с этими всеми племенами и может служить путеводителем.

Река Текам в пятидневном расстоянии от столицы Пахан. У этих людей Текам есть обычай возвещать приближение друга, ударяя палкой по стволам.

Из Пахана можно пройти в Малакку. Целый день прождал пирогу, писал, хандрил и лежал, чувствуя себя нехорошо, хотя пароксизм был умеренный; не принял хины, потому что остается у меня один только прием, а дней 8 странствия еще впереди. Люди спали и грызли сахарный тростник.

Посланные два человека вернулись с известием, что большой пироги нет. Придется отправиться завтра в Пангут в очень маленькой. Багаж люди принесут окольными дорогами.

⟨10 января⟩ Узкая, не более 1/2 м ширины пирога могла вместить только трех: меня, Банду^{54*} и еще одного малайца. Надо было рассчитывать каждое движение, чтобы соблюсти равновесие. Речка была узка и очень запружена подчас повалившимися стволами, которые образовали пороги, низкие ворота, иногда высокие заборы зелени, через которые приходилось прорубать настоящие коридоры, рубя стволы, ветви лианы, и затем протаскивать пирогу через стволы, что было не очень тяжело; даже когда я оставался в ней, пирогу могли удобно перетащить оба малайца. Под стволами приходилось часто проезжать, нагибая голову до колен. На каждом шагу надо было остерегаться колючего *Calamus*⁸⁷ и других колючих растений. Этих удивительный я испытывал сегодня около шести часов, одно время я думал, что они кончились, въехав в широкую речку Индау, в которую речка Леба впадала, но и она скоро разделилась во множество

узких рукавов; затем еще въехали в еще более узкую речечку Ойя, на которой находилось селение Пангут. В том месте, где мы, впадает речка Леба в Индау, находится небольшой островок зелени (2 м). Это место с давнишних пор для малайцев — бату-крамат^{55*}. Что повело к этому освящению, мои спутники не умели объяснить; мне сказали, что это место уже очень давно крамат, и, проезжая, сделали салам^{56*}. Большая, когда-то белая тряпка была повешена на куст, росший на островке — жертва или знак?

Около 1 часа пополудни причалили мы к пню, у которого начиналась тропинка, которая вела к просвету в лесу. Пришлось опять карабкаться по пням и стволам, под палящим солнцем идти плантациями, т. е. по большому пространству, где между множеством обрубленных наполовину, поваленных и обгорелых, лежащих на земле стволов громадных деревьев посажены вперемежку уби-каю^{57*}, бананы, калади⁸⁸, сахарный тростник. Пришли к большой, стоящей на высоких столбах хижине, где нашли несколько женщин и детей. Одна женщина и два ребенка лежали, больные лихорадкою. К большому моему удовольствию, 3 экземпляра (1 ♀ и 2 ребенка) имели несомненно курчавость папуасской смеси. Съев несколько банан и обещав лекарство больным, я отправился к другой, еще большей хижине, где нашел много людей и опять встретил людей, которых *habitus* указывает на давнишнюю смесь (и *Rückschlag*^{58*}), хотя они начинают делаться или возвращаться, вследствие скрещений и принятия привычек, в малайцев.

Нарисовал несколько характеристичных физиономий. В физиономиях оран-утан, особенно женщин, характеристичны вдавленность переносицы, ширина носа с открытыми ноздрями.

В хижине, где я нахожусь, живет много семейств, всего около 30 человек, помещающихся в 8 комнатах⁹⁰. Так как люди с вещами не приходили, то я прибегнул к туземным кушаньям — калади и уби-каю. Из последних готовится здешними жителями довольно вкусные или, вернее, совершенно безвкусные лепешки, которые называются «лыпес»⁹¹. Так как бисквит у меня нет, то я прибегнул к ним и ел их, посыпая или солью, или сахаром. Туземцы готовят еще род леденца, выжимая сок сахарного тростника самым примитивным образом (рычагом) и кипятя сок⁹². Мои люди с вещами пришли около 5 часов, так как никто из них не знал дороги, которой, впрочем, в этом болоте нет.

⟨10—11 января⟩ На это место — окрестности Индау, хотя принадлежит Йохору в настоящее время, радья Пахана имеет претензии, которые иногда выражаются довольно энергически; так, например, месяца три тому назад люди Пахан застрелили чиновника махарады в его доме. Так как еще никто его не заменил, оран-утан боятся. Торговля приостановилась и сношения между населенными местами также. От-

того мне приходится ждать здесь, не найдя здесь пироги и будучи в необходимости послать далеко в *Лундан*^{59*} (хижина убитого) за нею.

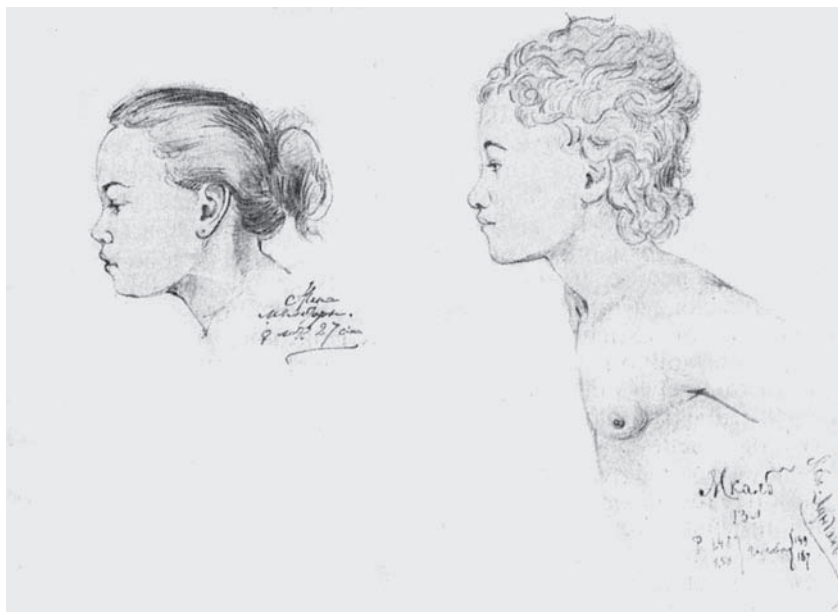
Ночью дети, их визг разбудили меня. Я встал и, подойдя к открытой двери, любовался прекрасным лунным небом. На ночь лестница была из предосторожности отставлена, так что хижина, стоящая на высоких сваях, была как бы в осадном положении. Так как люди, отправившиеся за пирогой, не приходили, послал двух еще; сам, приняв остатки хины, отправился рисовать хижину, которая 19 м длины, 7 м ширины и 2 м над землею, конек отстоит на 5,5 м от земли. Средняя комната, служащая общей комнатой, не имеет стен; другие комнаты имеют стены из коры. Около хижины несколько кольев, около которых вьется сири⁹³. Но около нет ни малейшей тропы. Пни и стволы делают для европейца ходьбу очень неудобною, но облегчают прогулки туземцев, которые босоногие, свободно ходят по самым высоко лежащим гладким стволам, даже почти что грудные дети следуют за матерями. В каждой комнате — очаг, запас дров и несколько утвари — тарелок, горшков.

Затем я отправился к могиле недавно умершего оран-утан. Гробница состояла из продолговатой срезанной четырехугольной пирамиды из глинистого песка, с рамкою из гладких нетолстых стволов. Наверху лежали два ствола тростника сахарного, в головах и в ногах воткнуты 2 нисан^{60*} — вырезанные палки, которые показывают пол погребенного. Женщинам втыкают две доски и из другого дерева. Около гробницы повешена корзина, положен сосуд для воды и подставка для дамарового факела. В головах и в ногах посажены две палки, которые уже пустили ростки. Покойника зарывают, обернутого каином⁹⁴.

Было около 11 часов, когда люди, наконец, вернулись с двумя небольшими пирогами, но не с хорошими известиями. Люди Пахан угрожают напасть на Индау, так окрестные жители разбежались. Не без громкого, серьезного разговора убедил я их, что белому туану нечего бояться раздоров малайцев, также людям, которые будут с ним. По жаре прошли мы в час пополудни к пирогам. Ничего не ев с утра, я боялся положительно солнечного удара. Пришлось еще поделиться хиною: обещал вчера — *tengo una palabra*^{61*}.

К 4 часам, к моему удивлению, подъехали мы к *Лондан*. Я думал, что гораздо далее. Речка, по мере того как принимала притоки, переменяла названия. Богатая растительность, освещенная солнцем, которое проникло по временам в узкий зеленый коридор, по которому мы плыли, была очень разнообразна.

Саба, мынтара (титул)⁹⁵, меня сопровождающий молодой оран-утан, провел меня по головоломной тропе или, вернее, мосту из поваленных стволов к своей хижине, которая стояла на высоких сваях метра 2,5 от земли. Проходя около одной хижины (всех было три), я заметил голову

Жена мынтары, лет 27.

«Как у всех женщин папуасской смеси, когда волосы причесаны, выющиеся волосы, более короткие, образуют настоящую ореолу вокруг головы»; Мкаль, лет 13. Сел. Лобо-Лундан

девушки с большой куафюрой выющихся волос. Я сейчас же пригласил всех жителей хижины (одна бы она не пошла) последовать за мною. В хижине мынтары я нашел целое собрание, между которым много курчавых голов, одна мне сейчас же бросилась в глаза миловидностью и приятным выражением. Но немного застенчивый, хотя не глупый взгляд и перемена лица, когда он (или она) увидел, что я обратил на него или нее внимание, доказали, что это девочка. Я собрал всех жителей, начал мерить и рассматривать. Жаль, что для представления мне эти люди старались одеться⁹⁶. Мынтара представил мне своего старого отца, который мне сказал, что он сродни с махарадией, с радьями Иохор-Лама⁹⁷, и жену, довольно красивую женщину, лет около 24.

Я нарисовал портрет Мкаль, которая оказалась действительно девочкой лет 13. Как только я сказал ей, что я ее хочу нарисовать, она поспешила надеть рубашку, но я вовремя предупредил ее, что это не нужно. Грудь еще не были развиты, только окружность сосков немного вспухла, маленькие соски вдавлены. Видя, что я на нее часто смотрю, она вовсе перестала бояться и также смотрела на меня, даже когда я

кончил, не отходила от меня, очевидно, ей нравилось, что я обращаю на нее внимание. Вечером, когда я пишу, она сидит около и смотрит. Положительно здесь девочки рано становятся женщинами и имеют то превосходство над европейскими, что во всех отношениях натуральнее и откровеннее. Я почти убежден, что если я ей скажу: «Пойдем со мною», заплачу за нее ее родственникам — роман готов.

⟨11—12 января⟩ Дождь, Банду жалуется на боль в ухе, в голове, говорит, что он глух (я думаю, что отчасти боится вчерашних рассказов). Мне приходится отпустить его. Скука возиться с большим или притворяющимся человеком. Мынтара тоже говорит, что не может оставить поселение. Не хочу взять человека, который очень не хочет отправиться со мною.

7 часов. Дождь продолжается, небо серо, люди больше болтают, чем делают. Я сам чувствую, что лихорадка недалеко. Досада — нет хины. К 8 часам, однако же, немного выяснило, и я отправился снова по этим чертовским подмосткам, которые были мокры и скользки. Я должен был иногда поддерживаться, хватаясь за руку или плечо шедшего нарочно для этого мынтары. Мкаль, неспая еще ящик с провизией и довольно тяжелый, проворно шла по тонким и колеблющимся стволам, улыбаясь моему осторожному шествию. Уложив поклажу в пирогу, я простился с мынтарой и его семейством. Они долго стояли у берега и кричали «табе»^{62*} и «сламат дялян»^{63*}. Мкаль не спускала с меня глаз. Странное дело — я бы охотно взял бы эту девочку.

Речка влилась скоро в большую — Лундан, на которой находилась хижина убитого помулу иохорского, в которой жил (теперь) мантри (род малайского начальника между оран-утан)⁹⁸, который должен был сопровождать меня со четырьмя оран-утан. Шестого я не взял, так как у него была лихорадка, несмотря на которую его посылали, за неимением людей, со мною. Хижина находилась на красивом местечке; река была широка в этом месте и растительность очень живописна; перед домом были посажены несколько кокосовых пальм, что придавало более разнообразия растительной декорации. Я вошел в хижину мантри, которая была довольно велика^{64*}. Кроме большой постели, состоявшей из циновок, посланных на полу, с большим балдахином против москитов и очага с некоторою посудой, ничего не было.

Жена мантри вышла нести за мужем кое-какие вещи. Он отправлялся на несколько дней и люди были не стары; меня удивило немного их прощание: он почти не оглянулся, взял вещи. Ни слова не было сказано между ними. Она, раз быстро оглянувшись, повернулась в нашу сторону и пошла домой.

Речка скоро сузилась, потом снова расширилась и почти при каждом впадении какой-нибудь речки, каком-нибудь расширении, по-

вороте имела другое название. В 11 часов мы подъехали к месту, где находился в некотором отдалении кампонг^{65*}. Позавтракав, я решил пойти туда, хотя меня предупреждали, что дорога нехороша. Она действительно была очень скверна — болото и пни. Кроме того, пошел проливной дождь. Пришли, наконец, к хижине батена, который принял меня очень любезно. Я попросил собрать всех жителей, что вскоре было исполнено — все население собралось. Оран-утан менее церемонно показывают чужестранцам своих женщин⁹⁹.

Дождь перестал немного, и я отправился назад, к пироге с курицей и бананами. Речка то расширялась, то, образуя много рукавов, очень суживалась до того, что небольшая пирога едва могла пройти. Приходилось прорубать коридор в зеленых заборах, образованных повалившимися деревьями. В 3 часа мы проезжали мимо большой населенной хижины, где мне предложили провести ночь. Я отказался. По берегам показались холмы. Дождь, иногда очень сильный, надоедал несколько раз. В шестом часу мы приехали к покинутой хижине. Промокший и голодный, я рад был добраться, особенно вследствие того, что все время в пироге нельзя было переменить положения.

Около самой хижины находились 2 могилы, может быть, вследствие которых эта хижина была покинута. В одной из могил была погребена женщина. Могилы здесь, как я уже сказал, различны, смотря по полу. Здесь была доска, не резная палка. В головах (на О) был другой нисан, как в ногах. Оба нисана были разрисованы черной и белой краскою. На могиле лежала чашка. Кругом могилы был забор из бамбука, и могила, кроме того, была снабжена крышею из коры. Покойника здесь хоронят в тот же день, покрывают его каином, оставляя голову и ноги открытыми, в лежащем положении.

Множество громадных комаров не позволило мне писать вечером и мешало спать. Мои люди забрали все, что могли найти в покинутой хижине.

⟨13 января⟩ Утром человек, посланный за водой, вернулся с новостью, что пирога унесена течением, но ее, к счастью, словили недалеко. Пока люди отправились искать ее, я занялся рисованием могил. Проехав недалеко, мы увидели покинутые хижины и плантации; около одного такого места была причалена прау¹⁰⁰ с некоторой поклажей. Все доказывало, что люди очень короткое время покинули ее. Мои люди уверяли, что мой выстрел утром напугал их, вероятно, и что они так напуганы военным положением, что оттого люди убежали и не отвечают на наши повторенные зовы. Немного далее услышали мы удары топора: рубили дерево в лесу. Я приказал остановиться и позвать. Не было ответа, но удары прекратились. Я послал человека, он вернулся со стариком, который уверял меня, что не боится, что стар. Он был очень глух и рассказы-

Рума-пасон Квала Индау

вал, что много людей забрали, но его не к чему брать — стар, не может работать. Другой его товарищ убежал, заслышав наши зовы.

Скоро мне пришлось испытать другое следствие военного положения. Мы остановились перед громадною баррикадою зелени. Два очень толстых дерева и несколько малых со множеством лиан и т. д. запрудили так речку, что и думать нельзя было прорубиться. Мантри предпочел протащить пирогу по берегу, что стоило немало труда: рубить стволы, лианы, тащить пирогу. На мою долю пришлось прорубить себе тропинку и прогуляться по болоту.

Так как пирога была слишком мала, чтобы спать в ней, я приказал в 4 часа искать сухого места на берегу. Около холма *Панкалан-букит* нашлось такое. Я приказал построить высокое бали-бали^{66*}, затем, постлав одно каучуковое одеяло, другое приспособив в виде крыши, устроил свое помещение на ночь. Внизу могли лежать мои вещи и даже я мог сидеть. Люди оран-утан устроили себе «пондо» около из кадьяна пироги; циновки, постланные на несколько срубленных ветвей, дополнили их помещение на ночь. Когда стемнело, группа, расположенная у костров, окрестность, освещенная молодым месяцем, с быстрою рекою и разнообразной растительностью, была очень живописна. Но комары, голодные и многочисленные, часто будили меня. Ночью даже я должен был будить людей поправлять огонь.

⟨13—14 января⟩ В 2 часа ночи вода в реке поднялась (прилив), и мои люди должны были переместить свое пондо, перенеся его выше. Ночью дождь несколько раз шел очень сильно. Утром также, так что

мешал мне сделать эскиз моего бивуака. Все утро до *рума-пасон*^{67*} *Квала Индау* он не переставал.

Рума-пасон была хижина, построенная на сваях при впадении реки Кахан в Индау, так что хижина стояла совершенно в воде. Две большие лестницы вели к большой веранде, которой пол состоял из круглых необтесанных бревен, на ней^{68*} находилась пушка.

Я вошел в хижину, которая оказалась небольшою казармою. Посреди вокруг стойки стояли старые английские ружья, одну половину хижины занимали невысокие нары, наполовину отгороженные циновками, другую половину занимали на грязных циновках человек восемь, которые оказались солдатами этой крепости. Я спросил начальника. Довольно молодой малаец с энергическим лицом представился как «капала»^{69*}. Я ему объяснил, что у меня письмо махарадьи и что я отправляюсь в Индау у моря¹⁰¹, затем вернусь сюда, чтобы отправиться через Джохор-Лама в Джохор-Бару, что мне надо людей и прау для этого и что я надеюсь, что он все это устроит.

Прочтя письмо махарадьи, он отвечал на все: «Боле»^{70*}. Я испросил его дать, не отлагая, рису моим спутникам оран-утан, которые дрожали от холода (лил проливной дождь) у дверей, не решаясь войти, боясь малайцев, и сказал им, чтобы они приблизились к огню. Пока другую свободную половину нар (отгороженная циновками, оказалась комнатой начальника) освобождали от вещей и завешивали моим каучуковым одеялом и готовили мое помещение, я спросил моего нового знакомого, знает ли он человека, к которому адресовано письмо, данное мне Инчи-Андой. Оказалось, что он есть это лицо. Я ему рассказал о виденном и слышанном, о войне и прибавил, что мы отчасти не надеялись застать кого в рума-пасон. От него я узнал следующее: что действительно люди Пахан говорят, что не оставят эту рума-пасон, так как махарадье йохорскому принадлежит правый берег р. Индау, а рума-пасон же стоит на левом, который принадлежит Пахану. Но оказывается на деле, что они называют нарочно (?) *р. Кахан* (или Сомброн, как ее здесь называют) — Индау, что оспаривают йохорцы. Я знаю только, что пока я плыл по р. Кахан, ни разу не слышал от оран-утан, что это Индау.

Гарнизона рума-пасон всего тринадцать человек, и начальник уверял меня, что их всех перебьют, если дойдет дело до схватки. Далее я узнал от него, что хотя он сам никогда не отправлялся этим путем, но знает, что можно добраться до Йохор-Бару отсюда дней в пять по рекам Сомброн, Кахан и Маде, затем один день ходьбы пешком до Йохор-Лама. По Индау живет много оран-утан, и, поднявшись по реке, можно дойти до высокой горы *Улу-Индау*.

Так как в этот день я, за неимением риса, кроме пяти испеченных неспелых маленьких банан, ничего не ел, то позавтракал с большим аппетитом.

Устраиваясь в своем помещении, я встал так, что мог хорошо через перегородку из циновок видеть внутренность комнаты Майман-Али, которой большую часть занимала постель, закрытая большим кламбу^{71*}. Так как Майман-Али не было, то из-за занавески выглянула, к большому моему удивлению, женская головка. Я вспомнил, что он мне говорил, что хотя он 3 месяца здесь, но уже успел жениться. Несколько раз, когда мужа не было, молодая женка выглядывала из-за занавески и поглядывала на меня.

Весь день почти шел дождь.

⟨15 января⟩ *Плавание по р. Индау*. Широкая и быстрая река представляет мало разнообразия, исключая двух или трех холмов на правом берегу. Около одного из них, Букит-Тана-Хабат^{72*}, находятся оставленные копи олова, около другого, Букит-Иора, — оставленный румпасон Йохора. Правый берег йохорский почти не населен: люди боятся Пахана, оставили даже свои плантации и хижины; левый же, начиная от селения Рантау-Пандья, почти везде представляет хижины, около которых посажены кокосовые и арековые пальмы, сахарный тростник, рис, бананы. Несколько раз шел проливной дождь, и кадьян протекал так, что писать нельзя было почти.

Я приказал остановиться около хижины денана (начальника) паханского, спросить или купить молодых кокосов. Мне сперва сказали, что его нет дома; я уже думал отправиться далее, когда вышел из хижины старик, который, почтительно, немного боязливо кланяясь, просил зайти к нему. Я отказал, потому что тропинка была очень грязная, но пригласил его к себе в пирог. Он с любопытством расспрашивал, откуда, куда я направляюсь, зачем.

Я нарочно принял очень серьезный вид и, показывая ему мои инструменты (компас, anerоид, термометр), мою записную книгу, сказал, что путешествую, чтобы видеть людей, животных, растения, видеть горы, как они высоки, реки, где и как текут. Прибавил, что знаю, где р. Индау и где р. Кахан — спорный вопрос и что ни один человек не называет одним именем эту реку, как только люди Пахан. Очень поучительным тоном прибавил, что очень-очень скверно, что люди Пахан затеяли нехорошее дело, что вследствие этого все оран-утан разбежались, боятся. Мои люди были очень довольны, видя, как физиономия старика вытянулась. Принимая меня за агента губернатора в Сингапуре, он поспешил меня разуверять, что люди Пахан и не думают о войне и т. д. Но что люди не совсем спокойны, доказали мне мои остановки в паханских селениях; везде встречали меня люди, которые числом скоро образовывали толпу, все были вооружены крисами^{73*}, парангами, очень неохотно отвечали на мои вопросы и поглядывали очень подозрительно.

По берегам росли много ниповых пальм¹⁰², саговые также попадались, затем по мере приближения к устью растительность стала одно-

образнее, мангровые стали преобладать. Противный ветер и прилив, образовывавшие противное течение, очень замедлили плавание, так что только в шестом часу после 11-часового плавания пристал к румапасон и увидел море, образующее у устья белую линию прибоя, который около 6 месяцев заграждает вход и выход прау.

Меня встретил Хаджи Лати, отец и сын, и я отправился к румапасон, которая внутренне далеко не соответствовала моим ожиданиям и словам моих спутников, которые говорили мне о столах, стульях и лампах. Кроме хромого кресла и скамьи, ничего, кроме голых стен, не оказалось, и к тому вечером громадное множество голодных москитов, но мне принесли кламбу.

Сегодня ровно месяц моего странствия по Йохору.

Несмотря на москитов и очень жесткий пол, иду спать, хотя 7 с половиною часов вечера.

⟨16 января⟩ Ночью раза три будили меня москиты, так я решил не спать второй ночи здесь, а в пироге. Утром отправился я к устью реки, к морю. Несмотря на серое небо с нависшими облаками, оно было хорошо, даже как здесь, с песчаными покрытыми лесом берегами, не представляющими ничего особенного, даже после богатого тропического леса. Странное дело, я, однако же, боюсь потонуть, боюсь положительно воды. Вдали несколько необитаемых островов почти скрывались в тумане.

Квала-Индау — небольшое селение, которого население исключительно малайцы. Китаец, который одно время поселился здесь, вернулся в Йохор вследствие неурядиц с Паханом.

Сильный ветер, который выл всю ночь, продолжается и теперь. Я мог достать здесь некоторое подкрепление моим запасам сахару, чаю, кур, соли.

Хаджи Лати рассказывал мне, что год тому назад был здесь англичанин, имя которого не знает, который после неудачной охоты на слона очень заболел, и он больного отвез в Йохор. Этот господин приехал из Бату-Пахат.

Рума-пасон здесь очень небольшой, но довольно хорошо из досок построенный домик, состоящий из двух этажей; верхний состоит из большой проходной веранды, открывающейся на обе стороны, и двух небольших комнат.

В 3 часа я отправился, пройдя очень короткою тропинкою прямо в Падан, и тем избежал более одночасового плавания.

Этот раз пирога была гораздо больше — 6 гребцов, хотя мое последнее помещение не было удобнее; к тому пирога была очень валка, при малейшем неравновесии она быстро качалась. Около 5 часов вдали показались на минуту высокие горы или, вернее, холмы Индау. Я захал в деревню *Пландо* — резиденцию палимы-кичиль^{74*}, виновника

На р. Индау

всех раздоров. Как и вчера, жители вышли все вооруженные. Я, не обращая внимания на их недружелюбный вид, спросил саго и, пока его отмеривали и насыпали, я спокойно сел и разговаривал с толпой.

Сам палима-кичиль не хотел или не смел показаться. По рассказам, этот человек, которого здесь все, иохорцы и паханцы, очень боятся, очень некрасив, даже урод, и хотя он не начальник, но, будучи человек энергический, он действует смело и решительно; он убил или по его поручению были убиты 2 йохорских начальника, и оран-утан большою частью привлечены на сторону Пахана и переселились туда; если кто не хотел слушаться его, были убиты; в Пахане, говорят, это очень в моде, радья рубит часто и многим головы.

По странному стечению обстоятельств оба человека, которые сопровождали меня вчера и сегодня, без меня или, вернее, не сопровождая белого туана, не посмели бы показаться здесь без очень положительного риска ⟨для⟩ жизни. Вчера это был перебежчик, который прежде жил в Пахане, а теперь служит махарадье; сегодня — один йохорец, которого уже раз хотели убить, но он спасся. Но здесь уже не раз и даже недавно видали силы белых, и их боятся.

Саго, которого здесь много едят, было желто, но недорогое. Заплатив 10 центов, мы отправились. Был великолепный лунный свет, и, так как люди довольно лениво гребли, я, отчасти чтобы возбудить их переменить темп, отчасти чтобы переменить положение, взял весло в руки. Грести было легко: весло легкое и пирога не тяжела. Мы хотели про-

Рума-пасон

вести ночь в Дусун-Тинги, в хижине малайца йохорского, но он встретил нас так неприязно, боясь палимы-кичиль, что мои люди предпочли переночевать в оставленной хижине, также подданного йохорского, который, опасаясь паханцев, переселился. Я остался спать в пироге.

⟨17 января⟩ Забрав несколько кокосов, мы отправились. Я позавтракал à la mode de la Côte Maclay^{75*} бананами и водою кокосового ореха. Так как люди гребли лениво и приписывали это голодному желудку, я приказал искать места, где можно было бы сварить рису. Опять нашлась пустая хижина, покинутая йохорцем. Плантация была большая, и, говорят, земля отличная здесь. Пока я пил чай, люди завтракали. Ахмат, сохранивший свои папуасские привычки, отправился искать съедобное в лесу и вернулся с разными листьями, уверяя, что это хорошо есть с солью. Мое знание ботаники не позволило мне определить эти растения, но я их попробовал и нашел их действительно не хуже вкусом растений, употребляемых европейцами в пищу. Я часто на Новой Гвинее удивлялся количеству растений, листья и цветы которых едят люди.

Проезжая мимо опять-таки покинутой рума-пасон, около холма Иора, я хотел нарисовать вид этого и соседнего холмов, но оказалось, что плантация, ходя только года три покинутая, так заросла частым кустарником, что, несмотря на мой нож и желание, я должен был отказаться от проекта прорубить тропинку, достаточно далекую, где можно было нарисовать бы вид, заграждаемый зеленью непроходимой. Отказавшись от этого, я приказал остановиться около тампат-крамат^{76*} на Тандионг-Туан, который считается таким святым, что даже из Сингапу-

Здесь я встретил очень образованного оран-утана, который сопровождал этого англичанина, охотника на слонов, из Бату-Пахат сюда. Я его спросил об языке; он сперва сказал, что у них другой, но не умел сказать мне ни одного слова, не малайского.

⟨18 января⟩ Спал очень хорошо и утром к чаю был встречен Ахматом, который вчера вечером, когда я спал, испек мне довольно вкусный пирог из саго и натертых кокосовых орехов. Не знал его кулинарных способностей. Нарисовал Касиема (оран-утан), о котором уже говорил, и виды обеих рек — Кахан и Индау. По берегу растет пояс панданусов¹⁰³. Холм Тана-Хабанг изобилует свинцом, который уже один раз начинали разрабатывать.

Странное здесь положение женщины, одной среди стольких мужчин. Я думаю, в Европе таковое невозможно, но ислам или старинные обычаи малайцев ограждают (?) мужа от конкуренции.

Мохамед-Али, Касием и другие еще желают сопровождать меня в Пахан. Вообще замечаю, что здесь европейцы пользуются большим уважением и об них более высокого мнения, чем в голландских колониях, может быть, вследствие разности голландского и английского характера, может быть, что европейцев здесь меньше знают.

Вчера мои люди были чересчур веселы, хохотали, громко кричали, так что я сказал *Дюбусу*, малайцу, который меня сопровождает в качестве главы людей, что я подобного шума не желаю; вследствие чего, когда я сошел в яло, люди очень притихли.

Хотя было шесть гребцов, мы подвигались вдвое медленнее, чем когда спускались по реке, имея только троих. Я решил остаться ночевать в пустой хижине, которую заметил на пути из Лундана в Индау. Мы достигли ее только при наступлении темноты, но лунный свет был совершенно достаточен, чтобы поужинать и устроить ночлег. Я остался в яло, завесив обе стороны от ночного ветра и сырости. Люди отправились спать в пустой сарай, который служил прежде людям, которые резали и сушили здесь ротанг.

⟨19 января⟩ Разбудив людей около 5 часов, я сказал им, что отправлюсь в 6 часов.

Вследствие неосторожности или нарочно огонь костра, который ночью горел под навесом, сообщился крыше, которая вмиг запылала, и через минут 10 ее не осталось следа. Так как речка, по которой мы намеревались подняться, запружена во многих местах стволами, под которыми приходится проезжать, пришлось снять кадьян. Речка была значительно уже вчерашней. На стволах деревьев, которые свешиваются над нею во многих местах, я мог заметить следы высокой воды во время дождливого времени. На сучьях, которые отстоят от теперешнего еще высокого уровня речки на 5—6 м (смерил сам), висели прицепившиеся

Гареб. Кампунг на р. Маде

Лианы

Денан Нианта

во время высокой воды сучья, ил и даже значительно большие стволы. В это время (в месяце зуркуеда¹⁰⁴), продолжающееся недолго — около пяти дней, лес залит. Берег здесь довольно высок и песчаный. Верхний слой (хумус), скрепленный корнями растений и деревьев, висит лоскутами над обрывистым, подрытым водою берегом. По берегу нашлись несколько пондо малайцев, которые режут ротанг, и оран-утан, которые временно жили здесь; теперь по случаю беспокойного времени нет никого.

Несколько раз мне указывали на места с вырубленными большими деревьями, покрытые мелким кустарником, — прежние селения оран-утан и малайцев. Одно тако-

вое, представляющее большое пространство, называется Кубурдато — древнее большое поселение малайцев, которых жило здесь большое число, даже древняя резиденция махарадий йохорских. Мне сказали, что есть еще гробницы, но когда я их пожелал видеть, оказалось, что они совершенно заросли лесом и никто не знает дороги.

Речка Кахан разделяется на два рукава — Кахан и Маде, и хотя кампонг, куда мы направлялись, лежал на р. Маде, мы продолжали путь по Кахан, которая стала еще уже, но которая предпочитается Маде, которая почти совершенно запружена стволами. Из Кахана мы выехали в ручьеобразный рукав Кахан-Кудон, который был не шире 4 м и в некоторых местах еще уже, при $\frac{3}{4}$ м глубины. Наш довольно большой яло еле-еле мог пробраться через этот узкий пролив. Особенно несносны колючие хвосты Salami, но которые составляют значительное богатство этой страны, хотя незначительное с тем, которое может производить страна своим минеральным богатством. Здесь в торговле различают три рода ротанга. Ротан-тавар¹⁰⁵ — очень гибкий, у которого длина доходит до 40 депа^{77*}; ротан-смамбу¹⁰⁶, из которого делают палки, копыя, крепкий и значительно толстый, и еще один, которого названия не помню¹⁰⁷.

Из Кахан-Кудон мы въехали, наконец, в р. Маде, которая так же широка, как и Кахан. Проехав оставленные три хижины оран-утан, которые сравнительно были довольно тщательно построены, мы встретили прау, нагруженное мужчинами и женщинами. Мне сказали мои

Бивуак Н. Н. Миклухо-Маклая на р. Маде. 20 января 1875 г.

люди, что хорошо, если бы я им приказал бы вернуться в кампонт, а то мне придется долго ждать людей. Я это сделал, и пирога вернулась, следуя за нашею, в кампонт. Батен недавно, боясь Палимы, перешел на сторону Пахана. Я нашел три хижины, довольно хорошо построенные, и, спросив денана (нового начальника), приказал ему, чтобы в непродолжительном времени были бы яло и человек 5—6 для дальнейшего пути. В этом селении живет китаец, который женился на женщине оран-утан. Я приказал позвать всех жителей хижин, которых оказалось немного. Несколько человек имели очень кудрявые волосы, все были малы ростом; жена китайца очень бела и довольно миловидна. Хотя ей было не более 17 или 18 лет, между волосами было много белых¹⁰⁸.

Отсюда, говорят, дороги пешеходной нет, надо отправиться опять вверх по речке в маленькой пироге. Говорят (но только говорят), пути — два дня по речке и два пешком.

Вечером великолепный лунный свет.

⟨19—20 января⟩ *Маде*. Голова болит, может быть, вследствие дыма, которым пришлось наполнить хижину, чтобы избавиться от комаров вчера вечером. Люди явились аккуратно утром, часам к шести. Пока я рисовал, почти все население обступило меня. Семья денана отличалась красивыми лицами ее членов, особенно женщин и детей. Между ними находились две девушки, в которых заметна была китайская примесь, как, например, в очень светлой жене китайца, о которой я уже

говорил. Когда я отправлялся, все вышли провожать меня, прося — кто лекарства, кто сказать махарадье об их бедствиях от палимы-кичишь. Я был рад заменить говорливых и шумливых малайцев тихими, но деятельными оран-утан, которых ловкости я часто удивлялся.

Довольно узкий, очень плоский ⟨яло⟩ поместил 9 человек, багаж и провизию, хотя тогда его борта посредине отстояли сантиметров на десять от уровня воды. Так как воды в речке было немного, то приходилось пихаться шестами, что исполняли с большим искусством двое оран. Надо^{78*} было при этом не только соблюдать равновесие, но также обрубать часто нависшие ветви и колючие хвосты *Salamus*. Денан Нианта был особенно замечателен своей ловкостью. На груди, спине и лице у него виднелись шрамы от когтей тигра, с которым он встречался уже три раза. Последний напал на него утром в нескольких шагах от хижины. Он шел, сопровождаемый своей маленькой дочерью, за дровами, когда тигр бросился на него и нанес ему много, но неглубоких ран. Нианта убил его парангом, но раны долго заставили его пролежать. Тигра съели его соплеменники. Я купил у него череп, который находится зарытым недалеко от хижины и который Дюбусу перешлет мне.

Речка была мелка и очень запружена заборами — повалившимися деревьями, которые образовывали целые леса, которые приходилось прорубать, что очень замедляло плавание. Стволы, которые приходилось прорубать, были часто около одной четверти метра в диаметре. Для этой работы служил топор довольно странного для европейца образца, который, вероятно, сохранился, по преданию, от времен каменных топоров, которых существование еще помнят (Кратон), но которые совершенно вывелись из употребления. Он имеет гибкую рукоятку, что, вероятно, усиливает силу удара. Подобные топоры встречаются также на Яве, в лесных местностях¹⁰⁹.

По этому пути уже более года не проезжал ни один малаец, не говоря про европейцев, из которых здесь не был ни один. Поэтому нам приходилось прочищать дорогу. Я удивлялся работе двух оран-утан: весь день поочередно они работали то топором, то шестами.

Так как ночь надо было провести в лесу, то я остановился в 4 часа, чтобы построить пондо. Вечером шел дождь, но я поместился под моим пондо. Хотя было очень узко, но зато сухо. Я пообедал внизу. Ночью же на вещах, хотя немного труся тигров, уместился на ящиках Ахмат и, несмотря на дождь, проспал великолепно.

⟨21 января⟩ Речка представляла еще более заборов. Тот, кто знаком с примитивным лесом, поймет, если я скажу, что для того, чтобы проехать по речке, мне приходилось прорубать дорогу для пироги, как в чаще леса; потому, сделав 6 часов пути, нам пришлось употребить более двух с половиной на рубку. По берегам и в лесу здесь растет громадное ко-

Оран-утан Лосо (Лысо), лет 18, из Гареба на р. Маде

личество ⟨ротана⟩^{79*}. Туземцы отличают здесь до двадцати различных видов, из которых некоторые достигают длины около 40 сажен.

Я наблюдал сегодня моих спутников, оран-утан, сравнивая их с Ахматом; для меня примесь папуасской крови несомненная. Эти физиономии с толстыми оттопыренными губами, плоским широким носом очень похожи были, особенно профилею, на Ахмата, даже цвет кожи был одинаков¹¹⁰.

Устроил сегодня очень удобную хижину, даже в два этажа. Воздушный дворец этот был построен часа в полтора, очень крепко и просто. Ночью шел проливной дождь. Думал о Л. и о музыке^{80*}.

⟨22 января⟩ Нельзя было по случаю дождя отправиться далее до 8 часов, почему я занялся расспросами оран-утан, и вот что узнал. Здешные оран-утан, будучи в близких отношениях с малайцами, потеряли много своих старых обычаев, не употребляют сумпитан, совершенно забыли свой старый язык, строят хижины и живут почти совсем, как малайцы; некоторые даже приняли ислам. Малайцы, даже китайцы, часто женятся на девушках оран-утан, притом вследствие войны с Паханом много оран-утан выселились в разные места. Вероятно, скоро здесь это племя отчасти сольется, отчасти исчезнет.

Как только дождь перестал немного, я отправился далее. Хотя мне сказали люди, что это место, откуда нам приходилось идти пешком,

очень недалеко, но мы употребили более трех часов, чтобы добраться, беспрестанно задерживаемые дождем и заборами. Это место, называемое Быбан^{81*}, было очень удобно, образуя песчаный мыс, окруженный с трех сторон изгибом реки.

Выглянувшее солнце и ветер позволили высушить мокрую одежду и одеялы, хотя ненадолго, потому что ночью опять пошел дождь.

〈23 января〉 Три оран-утан и малаец были очень обременены ношением^{82*} моих вещей, которые несли обыкновенно 6 человек, когда переставший дождь позволил нам двинуться в путь. Лес был очень болотист; между невысокими холмами в некоторых местах приходилось идти по колено в болоте. Прибавим к этому удовольствию многочисленные шипы *Calamus* и других колючих растений, проливной дождь, который по временам делал лес еще мокрее. Особенно трудно было людям с тяжелыми ношами, так что пришлось к 1 часу пополудни, приказав людям построить на ночь пондо и задержав двоих, послать других в деревню оран-утан, которая находится не слишком далеко, за людьми, самому же с вещами остаться до завтра здесь. Ноги очень распухли и рана от шипа, который ранил меня в лесу Кратона, болит. Хины нет, и вряд ли сегодняшняя прогулка пройдет даром.

Лег вчера с заходом солнца, и хотя вообще спал хорошо, но ночью чувствовал несколько раз, несмотря на фланелевую одежду и шерстяное одеяло, холод.

Утром вместо риса позавтракал саго с чаем. Рис по неосмотрительности Дюбусу очень нехорош, так что люди вчера и сегодня перебирали его. Удивляюсь такому терпению, но для них *еда* — важнейшее дело.

Людей ожидаю только к полудню, но решил отправиться в деревню: чувствую пароксизм и не желаю остаться больным здесь.

〈24 января〉 Вчера люди не пришли. Я провел почти все послеполудня в ожидании их. Досадно было раскладывать уже совсем к походу готовые вещи, но, когда стало темнеть и людей не было еще, пришлось.

Так как днем шел несколько раз дождь, в лесу было очень сыро, я же страдал лихорадкою, то я придумал себе очень удобный при этих обстоятельствах ночлег: зашнуровал по обеим сторонам каучуковые одеяла и проспал отлично и тепло в этом каучуковом футляре¹¹¹. У людей вышел весь рис, хотя уже два дня, как я уступил им мою порцию. Я им приготовил сам (так как никто, кроме меня, не умел это сделать) род полужидкого студня из саго с солью и сахаром. Затем, сделав довольно удачный портрет оран-утан Лысо с очень типичною физиономией и записав размеры его головы и лица, я приказал всем отправиться в соседнее (?) селение за провизиею. Теперь сижу один и наслаждаюсь тишиною и уединением. Я сказал — тишиною, но в лесу не тихо, но нет этого назойливого, мне часто противного житейского шума и говора людей.

Пока я рисовал Лысо около получаса, он сидел замечательно неподвижно на корточках, с вывернутыми внутрь ступнями ног, и чем дольше продолжался сеанс, тем более оттопыривались его губы и глаза становились уже. Цвет его кожи почти совсем сходен с Ахматом.

Люди здесь (оран-утан и малайцы) совершенно соглашаются со мною, когда я им говорю, что прежде у всех оран-утан волосы были, как у Ахмата, но что, смешиваясь с малайцами, они получили понемногу другие волосы. При этом они сами прибавляют, что там и там (всегда почти указывая на более дикие, отчужденные племена) в Пахан (около р. Текам), по левому берегу р. Индау и в горах есть люди с такими же волосами.

Мое одиночество сегодня, даже недостаток съестных припасов напоминают мне Берег Маклая, и я нахожу, что я положительно чувствую себя отлично во всех отношениях при этом образе жизни. Чем долее я живу в тропических странах, тем более они мне нравятся. Лес, который меня окружает теперь, так хорош, что не только описать его не могу, но даже не могу подыскать для него подходящего прилагательного, поэтому употребляю самые обыкновенные. Несколько раз, несмотря на безветрие, я слышал сегодня падение больших деревьев в лесу, что я уже замечал в Гвинее: падают от старости, без особенных, как кажется, причин для такой катастрофы.

Сегодня в первый раз видел в лесу очень большую змею, фунтов 12 или более длины, в нескольких шагах от меня, но она так неожиданно выползла и потом, грациозно изгибаясь, переплыла речку и скрылась в чаще, что я не успел разглядеть ее; знаю только, что она была значительно длинна и что движения изящны.

Люди не вернулись к вечеру; шел проливной дождь, огонь погас. Я был голоден, но нечего было есть. Должен был, как только начало темнеть, ухитриться устроить себе помещение на ночь, чтобы не промокнуть. Было очень темно, когда я был разбужен шумом в кустах, затем всплесками воды речки у самого пондо. Какое-то животное пришло пить. Вспомнив виденную утром большую змею и вчера виденные свежие следы тигра, я машинально вынул револьвер из чехла и ощупью удостоверился, что он заряжен. Кроме порывов свежего сырого ветра и нескольких капель дождя, однако же, ночью других приключений не было. Досадно было, что не мог развести огня: спичек не было, хотя *каю-лара* было немало. Я еще не приобрел искусства добывать огонь à la orang-utan^{83*}, хотя оно очень простое на вид. *Каю-лара* — лиана¹¹², которой тонкий ствол употребляют оран-утан для добывания огня. Высушенную, немного заостренную палочку из каю-лара, держат вертикально, катая между ладонями, быстро вертят, как бы желая пробуровать лежащую внизу подобную же палку. В образованной верчением

ямке опилки начинают тлеть и загораются. Их собирают и, положив на сухую шелуху кокосового ореха, раздувают огонь. Я видел эту лиану несколько раз на реке Маде. Она достигает также значительной толщины. Цветов ее не видал. Я видел оран-утан, который в несколько минут добыл таким образом огонь; другие добывают его бамбуком и огнем.

⟨25 января⟩ 10 часов. Очень голоден. Нет ничего съедобного, кроме сырого сахара и чая, но огня нет, чтобы спечь или сварить что-нибудь.

К 11 часам вернулись трое из восьми моих людей оран-утан с одним еще, но который едва тащился по случаю болезни, с новостью, что из трех людей из соседнего селения Теба двое вернулись с дороги вследствие лихорадки, третий — с больными ногами едва мог следовать за ними. Хотя я был доволен их приходом, но еще более обрадовался принесенному ими рису, которого холодного и очень круто сваренного с немного солью и перцем, съел большую тарелку. Нианта отправился по речке вверх за пирогой, Дюбусу — в Йохор-Лама в рума-пасон. Мои люди Сайнан и Ахмат остались в селении.

Нинчи, услужливый малаец, который всегда скоро и хорошо соорудил для меня пондо, уверял меня, что не мог спать, зная, что я один в лесу, и когда я ему рассказал о слышанном животном, он и другие объявили, что это животное был, конечно, тигр.

Притащившийся больной, конечно, не мог нести вещей. Поэтому ноши, которые должны были нести трое, были очень тяжелы. Тропинка была очень порядочная, редко попадались болотистые места, и через ручьи были положены (старанием Ахмата, как мне сказали) стволы для переправы. Видно было, что здесь чаще люди ходят, много тропинок перекрещивались. Мы направлялись постоянно на S или SSO.

Было около 3 часов, когда, придя к ручейку, на берегу которого стояло пондо, Нинчи предложил мне переночевать здесь, говоря, что до Теба еще очень далеко и что ноша тяжела. Другие были того же мнения; мне очень не хотелось оставаться здесь, сделав сегодня только ⟨переход в⟩ три с половиной часа, но я не нес, кроме ружья, никакой ноши, люди же маленькие, с мизерным телосложением, пройдя утром это же расстояние к р. Мемет, затем с этою ношею, которую я не думал, чтоб мог бы нести 3 часа, уверяли, что тяжело, с очень несчастным видом говоря, что еще очень далеко. Я, жалея их, согласился. Построили мне пондо, и я проспал, пролежал и передумал о многом, многих, прошедшем и будущем, от 6 вечера до почти 6 утра.

⟨26 января⟩ Я выпил немного чаю, так как сахар опять на исходе; мои люди поели рису и закусили испеченною пухлою лягушкой, и мы отправились на S. Перешли через многое множество ручьев и несколько раз через р. Теба и к 11 часам пришли в селение Теба, откуда по реке того же имени отправлюсь завтра ⟨в⟩ рума-пасон ⟨на⟩ р. Йохор. Здесь

я мог высушить мокшее уже столько дней одеяло и белье. Рана от шипа сильно болит, увеличилась и не имеет хороший вид.

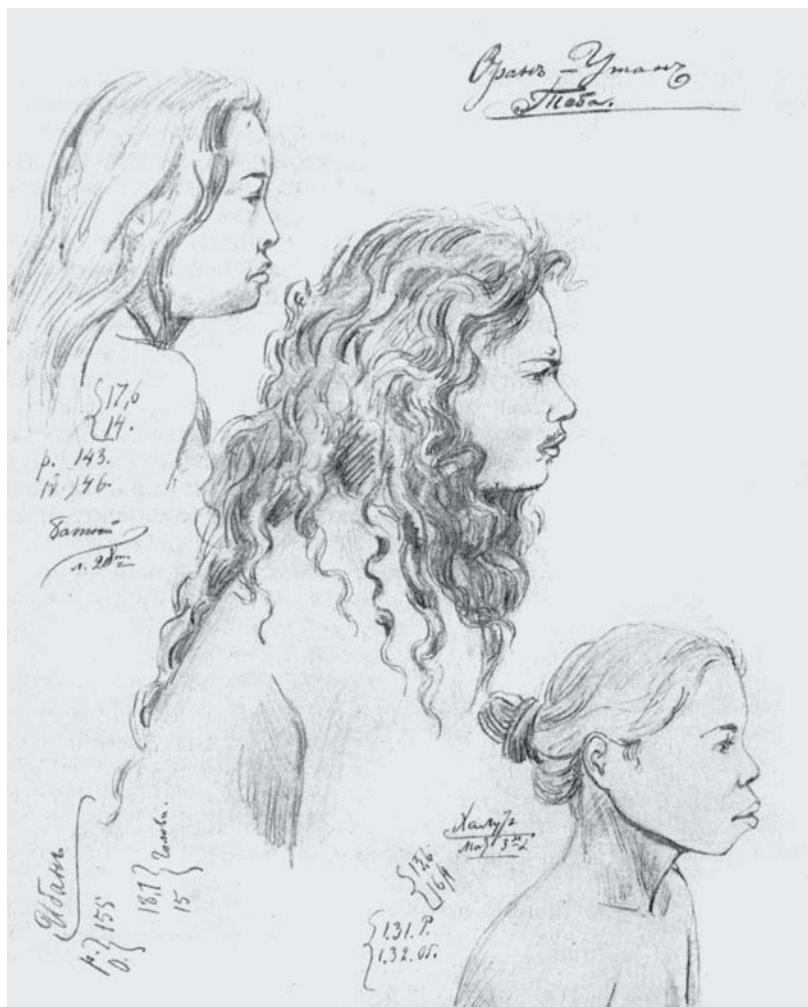
Оран-утан здесь немного, все с выющимися длинными волосами и, как вообще все, малы ростом. Одна женщина особенно поразила меня своею миниатюрностью: она имела при первом взгляде вид 13-летней девочки и рост ее не превышал 1,31 м, с очень жидкими членами. Она имела уже трех детей, и, раскрыв ее саронг, поверил тому при виде ее длинных дряблых грудей. Другая женщина, которую я нарисовал, также ни красотою, ни приятною физиономией ⟨не отличалась⟩. Она была женой жирного, мясистого оран-утан, но с красивыми выющимися черными волосами, которые падали на плечи спиральными локонами. Сайнан говорит, что и на Яве много таких волос, что, кажется, справедливо.

Один из здешних жителей напомнил мне физиономию капитана Мавара¹¹³. Я уже много раз в разных частях света встречал физиономии, которые при первом взгляде напоминали мне друг друга. В Батавии, например, племянница Фиц-Фер-Плуг напомнила мне младшую Бётлинг¹¹⁴. Один мальчик в Пангут напомнил мне девочку в Амбоине, которая мне нравилась. Этот странный факт я не совсем понимаю.

⟨27—28 января⟩ Разбудил людей. Еще не было 4 часов, но все было готово только к пяти с половиной часам. Отправились. Опять встретились много преград, но гораздо менее, чем на р. Маде. Мелководье, однако же, затрудняло немного. Встретили на дороге яло и людей, которые были посланы за мною из рума-пасон. Сперва речка называется Ленью^{84*}, потом Йохор. По мере того, как она становилась шире, стали попадаться признаки цивилизации: огромные стволы, разрубленные на части, сажени в 3 и 4, и приготовленные для сплавления. Они назначаются для пильной паровой фабрики махарадьи. Через десять часов плавания вниз по реке достиг я, наконец, рума-пасон и был очень вежливо и любезно встречен малайцами.

⟨28—29 января⟩ Отправился далее, переменяя людей. Цивилизация все заметнее. Лес местами очень порублен, постоянно встречаются прау, здесь плантация гамбира¹¹⁵, там разрабатывают олово. Но везде китайцы, которые почти исключительно населяют здесь берега, и малайцев сравнительно очень немного. Узнав, что помолу Кота-Тинги находится в отсутствии и желая завтра отправиться на гору Панте, я заехал в деревню этого же имени сказать тамошнему начальнику, что мне надо будет завтра утром трех человек нести вещи и что я думаю вернуться из Кота-Тинги и ночевать у него, чтобы рано поутру отправиться на гору.

К полудню достигли Кота-Тинги. Уже на берегу виднелись повешенные на ветвях небольшого дерева белые тряпки. Это были пандипанди¹¹⁶, обозначающие «крамат». Малаец по имени Касим заступал место помолу и сторожа старых гробниц, куда я отправился, позавтракав.

Женщины оран-утан из сел. Теба:
Батюм (лет 28), Ибан, Халут (мать трех детей)

Четырнадцать гробниц находились на небольшой возвышенной, обнесенной низкой оградой из камней террасе, имеющей форму прямоугольника. Гробницы состоят из продолговатого, обнесенного камнями места с двумя резными колонками. Одна (большая) — в головах, другая — в ногах, как нисан на гробницах оран-утан. Около одной из гробниц, которая также лучше сохранилась, были воткнуты много панди-панди; около

Гробница султана йохорского Махмута

3 чашек, подноса с угольями лежали две старые пули. Касим сказал мне, что это гробница султана Махмуда¹¹⁷. Орнаменты на гробницах не отличались (ни) оригинальностью, ни красотой¹¹⁸. На всех почти находился орнамент, которого значение я узнаю, может быть, у махарады.

Последний махарадя похоронен в Сингапуре, куда, как мне сказали, махарадя приказал перенести несколько старых, найденных в окрестностях ⟨гробниц⟩. Вдали виднелись горы, но ближайшая окрестность не была особенно живописна. Часа в 3 я вернулся в деревню Панте.

⟨29 января⟩ Поднялся часа в 3: не мог спать. Из пяти обещанных людей пришло только трое, и то мы были готовы в семь с половиной часов. Через полчаса ходьбы мы пришли к участку леса, который разрабатывали китайцы, срубая большие деревья и пиля на доски. На большом пространстве по тропинке были положены подмости — доски и немного на верхней стороне стесанные бревна. Около речки Панте, которую мы перешли, был магазин напиленных досок, которые

Кубур Саид. Памятник

сплавлялись по речке, затем по р. Йохор в Сингапур. Немного далее мы прошли около нескольких больших хижин, жилищ работающих, и когда остановились, были обступлены дюжиной любопытных китайцев, которым хотелось узнать, откуда я и куда направляюсь.

Далее, все идя по подмосткам, мы прошли около многих китайцев, которые распиливали громадные стволы, разрубленные на куски сажени в две или три длиною. Стоя на высоких подмостках, они серьезно и прилежно работали, и даже (характерная отличительная черта от малайцев) мое появление редко развлекало их. Я положительно удивлялся их работе. Вряд ли сорок самых лучших белых работников в два года могут сделать, что сделали здесь желтые. Их отношение к белым совершенно иное, чем малайцев, и не совсем без основания, хотя оно меня

вчера и сегодня очень раздосадовало. Вчера, желая отправить письмо, я думал послать его с одной из больших китайских прау, отправляющихся в Сингапур, и когда одна из них проходила, я сказал помуде позвать ее. Несмотря на его крики, даже мой зов, китайцы не подумали не только остановиться, но и ответить. Сегодня, чтобы узнать дорогу, я и мои спутники остановились около китайца, который шагах в десяти пилил доски. Нас разделяла полоса редкого леса. Я позвал его, чтобы спросить дорогу; он, не обращая внимания, продолжал пилить. Я еще раз спросил его — нет ответа. Это рассердило меня. Я сказал тогда, подняв ружье, что намерен подстрелить его, если сейчас он не придет сюда. Это, наконец, подействовало, и я не принужден был употребить крайности.

Зашли к помуду Драсаб за людьми, знающими дорогу. Это замедлило наше странствие на полтора часа. Опять пришлось упражняться в гимнастике, шагать, карабкаться, балансировать через и на пнях. Китайцы срубили множество деревьев для плантации. В лесу тропинка была очень порядочная, и даже самые крутые места были довольно удобно достижимы. Шел дождь почти все время. У Ахмата был пароксизм лихорадки, но он не падал духом.

Через четыре часа ходьбы от деревни Лепа поднялся я наверх, где anerоид показал 1400 ⟨м⟩, но затем надо было еще пройти по хребту на WSW к вырубленному месту. Но шел дождь, и кругом окружало нас белое море тумана. Было холодно и сыро.

Месяца четыре тому назад здесь провели ночь четыре англичанина; после них остались полуразрушенные пондо. Одно было снабжено крышей, и я кое-как поместился под ней, очень стесняемый дождем, холодом, болью ноги. Я не взял тарелок с собою, что очень затруднило питье супа, который я принужден был пить из стакана. Иногда ветер прогонял на момент туман; тогда кое-где проглядывал далекий и интересный вид, но это были только моменты.

⟨30 января⟩. Ночь была холодна и сыра, напомнила мне Петербург осенью. Утром тот же туман. Отправился по хребту к другому вырубленному окну на NNW и увидел на минуту гору Мынтаха, потом опять все скрылось. С вершины можно видеть от северо-северо-запад — юго-восток. Продав до 12 ⟨часов⟩ лучшей погоды, которой, однако же, не оказалось, отправился вниз*. В 1 час 30 ⟨минут⟩ был я уже внизу, у речки, в 2 с половиной часа — у китайцев, где узнал несколько интересных подробностей¹¹⁹ и выпил стакан горячего чая. Отсюда один с Ахматом вернулся в деревню Панте, где был встречен чи^{85*} Касимом, который объявил мне, что махараджа прислал за мною

* Эту ночь мне пришла фантазия купить для медового месяца (??) скалы Двух влюбленных...

сампан. В доме помулы я нашел сержанта, присланного с сампаном. Он сказал, что махарадья вечером третьего дня, узнав, что я достиг р. Йохор, сейчас же послал его и что он ожидает приказания от меня. Хотя было только что 4 часа (я сошел с горы в 3 с половиной часа), я предпочел остаться ночевать в деревне Панте и завтра отправиться в Йохор.

Чи Касим очень просил завтра заехать в Кота-Тинги, желая, чтобы я позавтракал бы у него, прибавляя, что есть гробницы, которых я не видел.

〈31 января〉 Приехав часов в 8 в Кота-Тинги, отправились сейчас же к гробницам. Проходя мимо хижин, которых было немало, но стоящих довольно далеко друг от друга, Касим, шедший впереди, выкликал живущих в хижинах, говоря что-то так^{86*} скоро, что я разобрал только «туан пути»^{87*} и «кубур»^{88*}, но следствием чего было, что за мною образовалась целая вереница свиты с копьями, крисами, мечами, которая в известном порядке, по чинам, следовала за мною. Тропинка почти потерялась в лесу, пришлось простому малайцу идти впереди прорубать путь.

В глухом, заросшем месте я увидел, наконец, террасообразное возвышение — Кубур-Саид. Взойдя наверх, я начал рассматривать гробницы, причем мне сказали, что нельзя шагать через них.

Кубур-Саид состоит из террасы 1,5 м высоты, 20 — длины и 8 — ширины; на ней находятся три женские и две мужские гробницы. Терраса имеет форму прямоугольника, и с одной стороны заметны развалины портика. Орнаменты не лишены вкуса. По внешнему виду можно сейчас же отличить женские, мужские и детские гробницы. Кубур-Саид находится совершенно в лесу, но теперешние жители предполагают, 〈что〉 «темпо дулу»^{89*} здесь было большое селение.

На пути к гробнице мынтахары¹²⁰ мы прошли мимо нескольких холмиков, окруженных рвом, которые также были гробницы. Хотя мы проходили по болотистому мелкому лесу, где тропинку приходилось прорубать. Осмотрев их, нарисовав один из памятников, мы отправились к 3-й группе гробниц, также в лесу, к гробницам бендахар, которые значительно хорошо сохранились. Там был орнамент, очень схожий с теми на прежде осмотренных гробницах в Кота-Тинги и Кубур-Саид. На некоторых я нашел надписи, которые на других позднее 〈?〉 заменены простыми 〈?〉 чертами. Около гробниц малайцы искали усердно небольшие прозрачные зерна кварца¹²¹. Сопровождавший меня малаец жаловался, что около гробниц древних султанов теперь китайцы (нечистый народ) хоронят своих покойников.

Осмотрел плантации перца и вернулся при проливном дожде в дом¹²² чи Касима, где готов был завтрак.

Очень вероятно, что через десяток лет Йохор очень изменится, если теперешний махарадья останется жив, если нет, все еще может заглухнуть. Во всяком случае движение китайцев важно. Население

Йохора очень робкое, но очень удобны речные сообщения, которые очень легко устроить; вероятно, минеральные богатства могут очень преобразить страну¹²³.

-
- 1* *Я верен своему слову (исп.).*
- 2* *Далее правильно: магометанство.*
- 3* *Набедренная повязка (мал.)²⁴.*
- 4* *Восстановлено по: КЗК, № 2. Л. 8 об.*
- 5* *Мое настроение (франц.).*
- 6* *Становится все более теловеконенавистническим (франц.).*
- 7* *Обычные члены теловецкого сброда (нем.).*
- 8* *Далее было: и взятое. После этого в рукописи переплетающиеся инициалы Л. А. и М. М.*
- 9* *Далее в тексте правильнее: Линга. Так же в КЗК, № 4, л. 3.*
- 10* *Далее было: очень несуд[ачно].*
- 11* *Пропуск в рукописи.*
- 12* *В записной книжке и далее в тексте более правильное написание: Палонг (ЗК, № 1. Л. 14—16, 17).*
- 13* *Помулу, правильное — пенгхулу (мал.) — нагальник, вождь, староста.*
- 14* *Яло, правильное — ялиа (мал.) — пирога, лодка.*
- 15* *Кадьян, правильное — каджанг (мал.) — циновка либо сплетенный из листьев ниповой пальмы (а также других растений) навес для лодок или колясок.*
- 16* *В рукописи ошибочно написано: января.*
- 17* *Пирога, местная лодка любого типа (мал.).*
- 18* *Далее: Бандон, Бадун (ЗК № 1. Л. 62 об.), Бадонг (КЗК № 1. Л. 19, 25).*
- 19* *Господин (мал.).*
- 20* *Кобон, правильно — кебун (мал.)—огород.*
- 21* *Улар, правильно — улар (мал.) — змея.*
- 22* *Мышь (мал.).*
- 23* *Хижина, шалаш (мал.)⁴⁷.*
- 24* *В рукописи ошибочно написано: янв[аря].*
- 25* *В рукописи в этом месте стоит дата: 25/XII — 74.*
- 26* *Не бойся (мал.).*
- 27* *Возьми, пожалуйста, табак (мал.).*
- 28* *Дикие люди (мал.).*
- 29* *В рукописи ошибочно написано: января.*
- 30* *Правильно: Абдуррахман (араб.).*
- 31* *Далее было: вышла.*
- 32* *Далее было: представили.*
- 33* *Люди холмов (мал.).*
- 34* *Описка. Должно быть: пингги.*
- 35* *Описка. Должно быть: нипис (вид мелкого лимона). Правильное написание в КЗК №3, л. 39.*
- 36* *Далее было: очень.*
- 37* *Вставлено в СС, т. II.*
- 38* *Квала, правильное — куала (мал.) —устье реки. Входит как составная часть в географические названия.*
- 39* *Восстановлено по: КЗК, № 3. Л. 39 об.*
- 40* *В тексте пропуск.*

- 41* *Далее в тексте имеется незаполненная таблица*⁸¹.
- 42* *Было: или Бату Пахат.*
- 43* *В рукописи пропуск. Предыдущие два слова написаны карандашом.*
- 44* *Ранее более правильно: Дянлон.*
- 45* *В рукописи: много было.*
- 46* *Было: в лесу.*
- 47* *Не бойся (мал.).*
- 48* *Клейкий сок деревьев (см. прим. 58).*
- 49* *Центов.*
- 50* *Бояться, страх (мал.).*
- 51* *Дикие люди! Ушли на поиски еды (разг. мал.).*
- 52* *Далее правильное: тскам.*
- 53* *В ЗК № 1, л. 38: «масит-масит».*
- 54* *Ранее было: Баду.*
- 55* *Священный камень (мал.).*
- 56* *Приветствие у мусульман.*
- 57* *В рукописи далее скобки, оставшиеся незаполненными. См. прим. 46.*
- 58* *Здесь: атавизм (нем.)*⁸⁹.
- 59* *Далее: Лондан.*
- 60* *Могильный камень, памятник (мал.).*
- 61* *Я верен своему слову (исп.).*
- 62* *Приветствуем (мал.).*
- 63* *Счастливого пути (мал.).*
- 64* *Далее запись относится к 12 января (см.: ЗК. № 1. Л. 40, 42).*
- 65* *Поселение, квартал, деревня (мал.).*
- 66* *Лежанка, топган (мал.).*
- 67* *Полицейский участок, тюрьма (мал.).*
- 68* *Было: была прикреплена.*
- 69* *Голова, нагальник (мал.).*
- 70* *Можно, будет исполнено, хорошо (мал.).*
- 71* *Противомоскитная сетка (мал.).*
- 72* *Вариант: Букит Тана Хабан (ЗК. № 1. Л. 46, 47 об.).*
- 73* *Кинжал с обоюдоострым, гаще всего волнообразным клинком (мал.).*
- 74* *Малый военательник (мал.).*
- 75* *По обыгаю Берега Маклая (франц.).*
- 76* *Священное место (мал.).*
- 77* *Мера длины, соответствующая расстоянию между концами пальцев развернутых рук (мал.).*
- 78* *В рукописи: Так как надо.*
- 79* *Восстановлено по: ЗК № 1. Л. 48.*
- 80* *Фраза приписана карандашом сбоку.*
- 81* *Вариант: Бынбан (ЗК № 1. Л. 51, 52).*
- 82* *В рукописи: ношами.*
- 83* *По способу оран-утан (франц.).*
- 84* *Вариант: Линью и Ленгйю (ЗК № 1. Л. 52, 53).*
- 85* *Чи (сокращ. от episk) — господин (мал.).*
- 86* *В рукописи: огень.*
- 87* *Белый господин (мал.).*
- 88* *Могилы (мал.).*
- 89* *Раньше, прежде, в прежние времена (мал.).*

Сиам

17—26 февраля 1875 г. Я воспользовался поездкою сингапурского губернатора Sir Andrew Clarke в Бангкок и пробыл десять дней (в) столице Сиама.

Девять дней — слишком малое время для этого интересного города; хотя он сравнительно не принадлежит к древним городам Азии, но имеет свой *sachet*^{1*}, свой характер, и, видев его, *ich habe manches gelernt*^{2*}.

Несмотря на то, что массивные камни и статуи заменены в Бангкоке кирпичом и штукатуркою¹, но, подражая древним храмам в характере и мелочах, (строения) характерны и не лишены грандиозности, как, например, пирамиды Будды², развалины Ватсекет, фигура Будды в Ватпо³. Также у устья хорошенький островок.

Население представляет большую смесь. Некоторые физиономии я нашел схожими с малайцами, некоторые имели более китайский тип, некоторые — ни тот, ни этот, как, например, у молодого принца с толстыми губами.

Женщины много работают, и костюм их, приспособленный к занятию разного рода, помогает, что часто смешиваешь оба пола. При более внимательном взгляде более круглые формы (грудь), особенно широкий зад, указывают на пол. У некоторых я нашел довольно симпатичные физиономии.

Из зданий замечательны 3 пагоды: Ватпо, Ватсекет и дворец, который, однако же, начинает терять свой примитивный характер (из-за короля), который построил между старыми постройками часть дворца в европейском казарменном стиле⁵. Вообще молодой король, который придерживается и некоторых старых обычаев, женившись на своих полусестрах⁶, в остальном обезьяннически копирует европейцев: например, одел своих офицеров и отчасти солдат в неподходящий европейский костюм, надавал разным лакеям и молоденьким принцам кресты и т. д.

Я сам видел молодого короля только издали. Одни говорят, что он умен, и ожидают многое от него. Другие уверяют, что он совершенно потаскан, имел уже много жен уже несколько лет. Замечательно то, что он, как говорят, насильно употребляет одну из своих полусестер, которая почему-то не хотела своего брата в мужья⁷.

Костюм ♀♀ сиамских состоит из саронга, которого концы продеваются между ногами и прикреплены спереди и сзади у пояса так, что он образует нечто вроде шаровара⁸. Кроме того, довольно длинный кусок материи образует род шарфа, который особенно любят девушки, более из кокетства накидывают на грудь. Костюм живописнее малайского и для климата удобен, представляет много прорех, две большие — на внутренней стороне ляжки. Костюм прост и удобен.

Чоу — сиамец, лет 30.

«Портрет носильщика, который мне был представлен как тип сиамцев (...)

Цвет сиамцев светлее малайцев, но темнее китайцев»

Придворные дамы, жены-сестры короля придумали себе костюм — смесь французского с сиа́мским. Жидкие икры, обутые в не по мерке сделанные башмаки, не делают этот выбор более удачным. Зависит, однако же, многое от оригинала.

Общество европейцев в Бангкоке не малочисленное. Консулы разных наций (разумеется, русского не имеется)⁹, довольно много

девушка относительно ♂, и когда я рисовал ее, я невольно сделал замечание, что ♀ везде тоже ♀¹⁰.

В Бангкоке работают очень недурно золотые вещи. Вообще сиамцы имеют вкус, и я был даже удивлен при виде художественно исполненной — и сходством, верностью и естественностью — статуи из дерева покойного короля. Статуя в натуральную величину, одета в королевское платье. Голова и руки исполнены очень хорошо, хотя напоминают лепку восковой фигуры. Корона короля, шпиль пагод украшением походят друг на друга¹¹.

1* *Отпетаток (франц.).*

2* *Я кое-что познал (нем.).*

〈На Малаккском полуострове (ноябрь 1874 г.—июнь 1875 г.)〉

Этнологические вопросы на Малайском полуострове

Сингапур, 29 ноября 1874 г.

Цель моего путешествия на полуостров Малакку заключается в желании убедиться, *находится ли на полуострове папуасообразное племя или по крайней мере следы смешения такого с теперешним населением*. Читая, что известно о жителях полуострова, можно прийти к совершенно противоположным взглядам и найти в прочитанном доказательства в подкрепление того или другого мнения.

Из этого противоречия и взвешивая беспристрастно факты, является убеждение, что вопрос о населении Малайского полуострова еще не решен, несмотря на то, что некоторые авторы, как Кравфурт*, Логан**, говорят о некоторых племенах положительно как о неграх.

* *Grazfurd J.* A Descriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries. London, 1856: «The Semang, or dwarf Negroes of the Malay Peninsula» (p. 259) (Семанги, карликовые негры Малайского полуострова (англ.)), «Race of small Negroes found in the mountains of the Malay Peninsula (p. 273) (Маленькие негры, обнаруженные в горах Малайского полуострова (англ.)) и на многих других страницах.

** *Logan J. R.* (Ethnology of the Indo-Pacific Islands // Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia. 1853. Vol. 7) говорит о семанг, что хотя они, как и андаманцы, смешаны с другими племенами, но несомненно негры (стр. 31 и 32 привед. соч.)¹.

На основании этих мнений большинство авторов по этнологии и этнографии в Европе (однако же, не все, как, например, Вайтц), сами не выдавшие этих стран и

Между прочим, племя *семанг*², судя по описаниям, более всех отличается от малайцев, что побудило Вайтца* считать его за особенную расу. Мнение — хотя очень осторожное и не позволяющее возражать, но во всяком случае неудовлетворительное. Про тех же семанг говорит Ньюболд, что они внешнею почти не отличаются от якун**, сказав ранее, что оран-бенуа³ (или якуны) не отличаются от малайцев***.

Это сходство между племенами расширяет очень поле исследований; но вместе с большею трудностью является большее этнографическое значение этих исследований. Антропологические наблюдения, а также соби́рание словарей сохранившихся наречий, вероятно, приведут к более удовлетворительным результатам, чем которыми мы довольствовались до сих пор.

Разрешение этого вопроса находится в программе моих исследований, и, не имея возможности (по случаю нездоровья¹*) отправиться в этом году на Новую Гвинею, я решил взять на себя задачу разъяснить сколько-нибудь вопрос о населении полуострова, причем, соображая мои планы со временем, я имею в виду разрешить вопрос этот с одной и, по моему мнению, важнейшей стороны — преимущественно антропологической, так как для ознакомления с обычаями, языком и т. п. требуются года или по крайней мере месяцы, а не дни, которые я хочу посвятить на отыскание и на наблюдение с чисто зоологической точки зрения этой интересной разновидности человеческой породы, которую называют здесь оран-якун, *оран-утан* и т. п.

Этнологическая экскурсия в Йохоре

Йохор-Бару, резиденция махарадья йохорского,
6 декабря 1874 г.

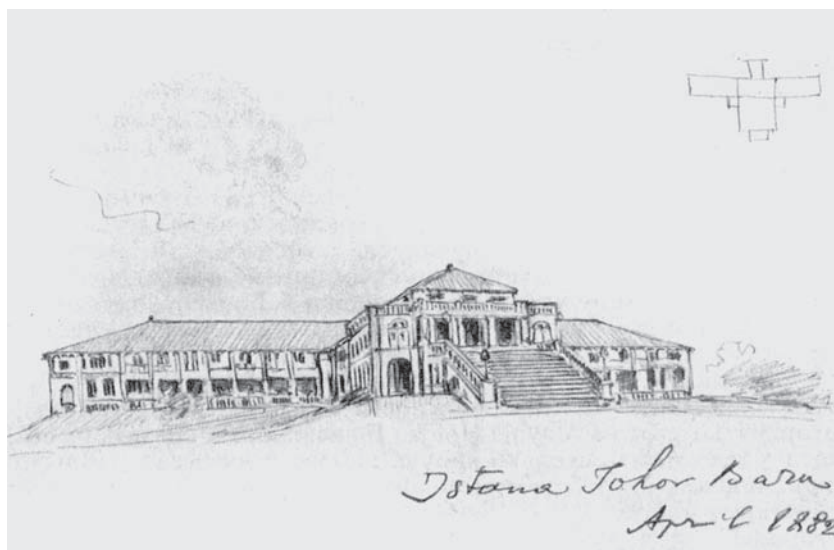
Неудобства разного рода — малость и темнота комнат, сквозной ветер, скверный стол, а особенно постоянный шум и человеческий говор — сделали мне пребывание в большой многолюдной казарме, которую называют *Hôtel de l'Europe* в Сингапуре и в которой останавливается на несколько дней, иногда на несколько часов пестрая и го-

людей, один за другим повторяют старую песню, как бы она была бы совершенно доказанною.

* «...dass sie (Semang) weder als Negritos noch als verwilderte Malaïen, sondern als eine besondere Race zu betrachten sind» (*Waltz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Abth. 1. Leipzig, 1865. S. 87.*)

** *Newbold T. J. Political and Statistical Account of the British Settlements in the Straits of Malacca. Vol. 2. London, 1839. P. 377.*

*** Там же, стр. 370.

Дворец махарадхи. Город Йохор-Бару

ворливая толпа европейцев на пути в Японию, Китай, Филиппинские острова, в Нидерландские колонии, в Австралию или возвращаясь из всех этих стран в Европу, положительно невозможным.

Я перебрался в Йохор, чтобы подготовиться к моей экскурсии во внутрь и ознакомиться немного со страной и людьми. Махараджа йохорский принял меня в высшей степени радушно, и я отдыхаю в его комфортабельно, хотя просто устроенном доме после шума и толкотни европейской толпы в постоянных дворах Батавии и Сингапура⁴.

Махараджа йохорский человек положительно замечательный, соединяя с соблюдением старых обычаев и желанием пользы своей стране понимание и верную оценку европейских идей и нововведений. Он уже раз был в Европе (в Англии), но в следующем году думает еще раз отправиться туда и посетить все большие города. Махараджа, узнав о моем намерении познакомиться с жителями его страны, обещал мне свою помощь. Главная трудность оказывается в продовольствии людей, которых я должен взять с собою для переноски вещей. Хотя я привык обходиться minimum'ом необходимого, но все же при узкости и часто даже неимении тропинок (вследствие чего люди могут нести только сравнительно очень небольшую ношу) мне надо будет человек 6 или 7. Припасы для людей, состоящие главным образом из риса (которого нельзя найти у лесных жителей), составляют такую тяжесть, что нельзя взять припаса на все время предполагаемой экскурсии (около 20 дней).

Лалия — девушка оран-утан, лет 15. Султанат Пахан; сямка Исин

Взять для переноски вещей не малайцев, а оран-утан, которые более привычны к странствию по лесам и которых небольшой табор скитается в своих пирогах по ближайшим рекам (Сунги-Малаю и Сунги-Скоде), махараджа мне положительно не советует, так как его самый строгий приказ и обещания хорошей награды с моей стороны не оградят меня от возможного приключения: что в одну прекрасную ночь или даже прекрасный день люди эти (оран-утан), если им что не понравится или просто не захочется идти далее, без дальнейших объяснений, втихомолку, оставя свои ноши, скроются, будучи совершенно привычны к жизни в лесу и не признавая никакого контроля какой-либо власти.

Не желая подвергнуться такому приключению, я думаю отправиться без особенного плана касательно пути, не задавая себе задачу дойти до такого-то или другого места, а соображаясь с обстоятельствами, перебираться из одной местности в другую, имея постоянно в виду цель моей экскурсии: видеть как можно больше жителей лесов и гор, которых называют здесь (в Йохоре) разными именами: оран-утан (люди леса), оран-букит (люди холмов), оран-лиар (дикие люди), оран-райет*, оран-якун** и другими еще именами.

* Оран-райет можно перевести приблизительно «туземцы»⁵.

** Оран-якун собственно не имеет особенного значения, как и предыдущие названия: тоже Crawford (выше привел, соч., стр. 161) говорит, что имя «jakun» — «a name of unknown origin and meanings» (название неизвестного происхождения и значения (англ.)).

Йохор-Бару, 3 февраля 1875 г.

Вчера вернулся в Йохор-Бару. Моя экскурсия заняла вместо 20 дней, как предполагал, почти 50. Результаты интересны, хотя доказывают необходимость дальнейших исследований, которые я предприниму, как только несколько отдохну и освобожусь немного от лихорадки.

Экскурсия оказалась труднее, чем ожидал. Я предпринял ее, не ожидая конца дождливого времени, так что во многих местах пришлось проходить по залитому лесу и воды было иногда выше пояса. Чтобы пересечь Йохор от запада (устья реки Муар) к востоку (устью реки Индау), мне потребовалось 30 дней, несмотря на то, что значительную часть пути я мог сделать в пироге и мои переходы пешком были нередко по 10 и 11 часов в день, но частый лес, в котором приходилось подчас прорубать тропинку, болота, частые ручьи и речки, через которые приходилось строить на скорую руку мосты (состоящие, разумеется, из одного или несколько поваленных деревьев) или связывать паромы, строить бараки для ночлегов, так как лес почти не населен, замедлял[и] очень путешествие. Из Индау я опять сухим путем вернулся в Йохор-Бару — еще 20 дней.

Я достиг своей цели и, встретившись во многих местах с оран-райет и оран-утан, имел возможность познакомиться с этим интересным племенем, которому не суждено вести еще долго свою бродячую и примитивную жизнь. При их малочисленности, при подвигающейся колонизации малайского племени и китайцев, при положительном нежелании оран-утан изменить образ жизни или они совершенно исчезнут, или почти бесследно (в этнологическом отношении) сольются с малайцами.

Главный и отчасти неожиданный для меня результат экскурсии заключается в убеждении, основанном на положительных фактах, что между хотя очень смешанным населением оран-утан Йохора можно еще найти следы смешения с другим, не малайским (очень вероятно, папуасским) племенем.

Мой дневник слишком объемист, и я слишком ленив, чтобы сделать выписки, которые к тому еще очень потеряют, если не приложить эскизов типов жителей. Поэтому и эту работу откладываю до возвращения в Россию.

«Вилла Вампоа»⁶ около Сингапура
7 апреля 1875 г.

Поездка в Бангкок. Лихорадка после моей экскурсии в Йохор, мешавшая работе и не позволявшая продолжать значительно трудного странствия в Малайском полуострове, была причиною, что я вздумал воспользоваться поездкою губернатора Сингапура сэра А. Кларка в Бангкок, чтобы взглянуть на Сиам и его жителей, надеясь к тому, что морской воздух при плавании туда и назад поможет мне скорее осво-

бодиться от лихорадки. 12 февраля я отправился в Бангкок на паровой яхте губернатора «Плутто» и 4 марта вернулся снова в Сингапур. Ожидание, однако же, не оправдалось, даже напротив, я вернулся более хворым, чем отправился.

Несмотря на это, я остался доволен поездкою, имел случай видеть, хотя поверхностно (всего 9 дней стоянки), столицу Сиам, а также приобрести объект, который обещает интересные результаты для моих анатомических исследований*.

Нездоровье и замедление экскурсии в Пахан. Возвратясь в Сингапур, я поселился на несколько дней у русского вице-консула г. Х. А. Вампоа, которого гостеприимство, интересный сад и дом и в гастрономическом отношении замечательная кухня знакомы многим русским морским офицерам, бывшим в Сингапуре, и которого имя упоминается почти в каждом описании Сингапура. Я принужден отложить еще на неопределенное время мою экскурсию в Пахан, потому что к лихорадке, которую я привез обратно из Сиам, присоединилась больная нога. Это новое препятствие — следствие моей экскурсии в Йохоре, но отчасти следствие моей небрежности и нежелания обратить внимание на мелочь. Йохорский лес особенно изобилует громадным числом пиявок, так что ноги наши, мои и людей, были постоянно окровавлены от укушения их. Люди мои, имея голые ноги, могли сейчас же, как чувствовали укушение, освобождаться от пиявок, я же, не желая и не имея времени часто останавливаться и снимать обувь, ежедневно останавливаясь на ночлег, находил на ногах около дюжины присосавшихся, наполненных кровью пиявок. Кроме того, раза два я был укушен в

* Приехав в Сиам, я искал случая купить по возможности молодого слона для исследования мозга, который, будучи неудовлетворительно исследован, очень интересует меня в сравнительно-анатомическом отношении. Оказалось, что в Бангкоке один только король имеет слонов. Я почти отказался от моей мысли, когда неожиданно получил от молодого короля, которому было рассказано о моем желании и о моих поисках, формальное обещание, переданное мне секретарем министра иностранных дел, что при следующей большой королевской охоте (которая ежегодно предпринимается в окрестностях старой столицы Сиам — Аюттии) он прикажет сохранить для меня самого молодого из пойманных слонов. Это было тем более любезно со стороны короля, что накануне я отказался от предложенной мне аудиенции под предлогом, что у короля по случаю приезда английского губернатора много дела и что, не имея ничего сказать ему, не желаю беспокоить короля; собственно же потому, что аудиенция молодого короля, который очень старается по возможности копировать европейцев, имела для меня очень небольшой интерес. Так как этот подарок — пойманный при случае большой охоты молодой слон — не представляет почти никакой ценности, а мозг его меня очень интересует, то я принял подарок или, вернее, обещание подарка. Как только время найдется здесь, в Сингапуре, или на Яве (куда я еще намерен вернуться), я распоряжусь о присылке моего слона и займусь исследованием его мозга⁷.

ногу другим животным (вероятно, судя по боли и по ранке, это животное было из рода *Scolopendra*), отчего нога сильно вспухла около ранок. По вечерам, несмотря на носки, сотни комаров осаждали ноги. Прибавьте к тому почти постоянно (более месяца) мокрую обувь, которую не снимал по целым дням. Неудивительно, что ноги вспухли и очень болели, особенно около сочленения обеих *Maleoli* правой ноги, которая, как я заметил, при пешеходных экскурсиях особенно подвергается разным случайностям. Несколько дней отдыха в Йохор-Бару перед поездкой в Сиам освободили меня от опухоли, но легкое воспалительное состояние осталось около ранок. Жара в Бангкоке, ежедневные немного усиленные прогулки по интересному городу снова открыли их, и теперь вследствие довольно большой, хотя поверхностной раны около *Maleolus internus* правой ноги вот уже 5-й день мне приходится не выходить из комнаты и почти все время не покидать дивана. Я опять употребляю этот скучный арест, чтобы диктовать далее (на немецком языке) мои этнологические заметки Берега Маклая и другие отрывки из моей записной книги.

Проект первой зоологической станции в Азии

Истана* Йохор, 20 апреля

М. Г.

Начну прямо с фактов, которые, истощив терпение, довели меня до решения, которое, надеюсь, скоро осуществится. Приведу несколько отрывков из дневника.

...Несмотря на удобства, если хочу продолжать работать, не могу долее остаться в доме г. Вампоа (русского вице-консула в Сингапуре). В его саду в китайском стиле находится домик, назначенный для помещения гостей и где я теперь живу около недели. Помещение удобное, даже комфортабельное, но, сообразно с национальным вкусом г. Вампоа, часть дома, центральная комната, род гостиной, в которой я занимаюсь, построена над прудом. Направо, налево — вода, под полом тоже вода. Днем это обстоятельство не стесняет меня, не говоря о гигиенических условиях — сырости во всем доме, испарений почти что стоячей воды; но вечером и ночью главное неудобство такой архитектуры проявляется в сильнейшей степени: жители описанного пруда, многочисленные лягушки с очень зычным голосом, положительно доводят меня до невозможности работать. К нескончаемым руладам

* Истана—по-малайски «дворец».

лягушек присоединяются голоса стаи собак, сторожащей сад и дом, и пронзительный хор мириад комаров, которые, привольно развиваясь в пруду, наполняют по вечерам голодными стаями мостообразную комнату, где я стараюсь работать. Я пытался не обращать внимания на нее, думал привычкою одолеть это серьезное неудобство, но нестерпимые концерты одолели — я положительно терял под влиянием их связь мыслей, не мог думать, ни даже понимать, что читаю.

На днях, как только нога немного позволила мне двигаться, я перевез себя и часть книг снова в Йохор, снова решился воспользоваться гостеприимством моего приятеля — махарадьи йохорского.

...И здесь оказывается далеко не спокойно; дом или дворец махарадьи, в котором он и его гости помещаются, не вполне достроен или перестраивается; внизу, в столовой, кирпичный пол заменяется мраморным, проламывают двери и т. п. Вся работа почти исполняется арестантами, которые из предосторожности закованы в тяжелые цепи.

Звон и бряцанье этих цепей сопровождают почти каждый шаг, каждое движение этих рабочих, которых несколько десятков работает в доме. Прибавьте работу каменщиков, стукотню плотников и слесарей, громкие разговоры и смех многочисленной прислуги махарадьи...

Чтение этих строк вызовет, может быть, улыбку, но я положительно страдал от этого разнообразного шума и постоянно был прерываем при работе. Вот уже много месяцев нет ни одного вполне спокойного дня. Здесь, в комфортабельных и богатых домах, я с завистью вспоминаю покойную и тихую жизнь в моей келье на *Берегу Маклая* в *Новой Гвинее*.

Я решил предпринять серьезные меры против этих помех научной работе и потери времени. Вот еще мотивы, которые побудили меня к моему решению:

Оставаясь в 1871 г. в Новой Гвинее, я большую часть моего багажа отправил с корветом «Витязем» в Японию, куда я думал и думаю еще отправиться. Этот багаж состоял из разных аппаратов, книг, одежды и т. п., нужных мне в северных широтах и лишних в Новой Гвинее. Еще перед тем, имея намерение посетить Австралию, я из *Алии* (архипелаг *Самоа*) выслал в Сидней вещи, которые мне будут полезны в Австралии, и, думая, что когда-нибудь я еще заеду на о. Уполу (архипелага *Самоа*), я и там оставил несколько вещей и аппаратов, нужных при собирании зоологических коллекций, надеясь, что они когда-нибудь пригодятся. Следующие года (1873—1874) главной станцией моих странствований был *Бюйтензорг*, где находится и теперь главное депо моих вещей. Когда в прошлом (1874) году нездоровье заставило меня, против воли, покинуть на время Молуккский архипелаг и оставить много интересных работ, не доведенных до конца, я оставил, надеясь вернуться, на

о. Сераме многие вещи, которые, надеюсь, будут сохранены до моего будущего посещения.

Итак, мой багаж и коллекции находятся в настоящую минуту разбросанными, кроме Сингапура и Йохора, на Яве, на Молуккских островах, в Австралии, на архипелаге Самоа, в Японии. Прибавьте к тому Америку (Вальпарайзо) и Европу (в СПб. и Иене). Разбирая критически причину этих временных складов, которые оказались не только удобными, но совершенно *неизбежными* вследствие количества необходимого багажа и трудности его перевозки с места на место, находя многое множество* положительных неудобств, мешающих серьезной работе и действительному отдыху после трудных предприятий даже при самом любезном гостеприимстве, я решил, что ради научных занятий и их успеха следует позаботиться несколько о более подходящем помещении.

Этот вопрос выступает на первый план, если путешествовать не с одной только целью собирать разного рода коллекции, быть поставщиком разных европейских музеев или только туристом, а путешествовать с целью изучать и исследовать. Имея последнее в виду и оставаясь долго в одной местности и не желая быть беспрестанно прерываемым при серьезных занятиях, является, как я испытал последние месяцы, *положительная необходимость* найти где-нибудь *спокойное убежище*. Обдумывая эти «desiderata» не малой важности для ученого, я вспомнил о «зоологических станциях» — идея, которая уже давно мне казалась подходящею (и даже в Европе) потребностью для естествоиспытателя. Здесь, в экваториальных странах, такие станции для ученых (зоологов, ботаников и т. п.) могут быть еще более целесообразны и полезны, в особенности для тех ученых, которые захотят заняться специальным исследованием тропических форм и для которых достаточный и годный для исследования материал может быть найден только в этих странах, а не в музеях. Имея со временем (через несколько лет) в виду такую работу и желая также помочь моим собратьям по науке, я решил на деле осуществить эту мысль и доказать несомненную пользу ее осуществления для науки.

Таким образом, мой невольный арест (по случаю все еще больной ноги и возвращающейся часто лихорадки) в Йохоре не остается без пользы; даже скверный Hôtel в Сингапуре, концерты лягушек, собак и комаров в доме г. Вампоа, бряцанье и звон цепей арестантов в Йохоре и тому подобные удовольствия имели хороший результат, потому что, суммируясь, привели меня к хорошему делу, которым я считаю основание 1-й зоологической станции в Азии, которой план я имел время и повод хорошо обдумать и которая, надеюсь, несмотря на небольшие средства, которые я лично могу на нее пожертвовать, принесет пользу науке.

* Я только что привел несколько из них, но это только частичка...

23 мая⁸

Не имея времени писать подробно о моем будущем Тампат-Сенанг (место покая — по-малайски), я посылаю письмо, написанное мною моему хорошему приятелю Д. А. Дорну⁹ в Неаполе.

«Дорогой Дорн. Вам хорошо известно, что я вполне разделяю ваши взгляды о значении для науки зоологических станций, и вы легко поверите, что отличные результаты основанной вами в Неаполе станции, о которых я случайно узнал в Тернате в 1873 г., по моем возвращении из первой поездки на Новую Гвинею, доставили мне большое удовольствие.

Теперь моя очередь удивить вас новостью об учреждении третьей (?)^{*} зоологической станции на *крайнем южном пункте Азии*, на Селат-Тебрау, проливе, отделяющем Сингапур от Малайского полуострова.

Эта новая станция, правда, не может иметь того же значения, что ваша в Неаполе. Я принял за образец мои собственные потребности и обычный образ жизни и соответственно им проектировал здание и принадлежности.

Прежде всего эта станция „Тампат-Сенанг“ (по-малайски — место покая) должна служить *для меня*: в мое отсутствие и после моей смерти я отдаю ее в распоряжение каждого изучающего природу, кто нашел бы ее удобною для своих занятий.

Мое „Место покая“ может представить следующие удобства. Дом, состоящий из двух довольно обширных комнат, каждая с верандой, кроме необходимых служб, с трех сторон окружен водами пролива, а с четвертой примыкает к девственному лесу.

Дом будет скромно меблирован, снабжен небольшою библиотекою и необходимыми предметами домашнего хозяйства.

Кроме того, в нем будут два удобства немаловажного значения, а именно прекрасный вид и полное уединение.

Пользование этим „Местом покая“ открыто для каждого исследователя природы, без различия национальностей, но только мужского пола. Присутствие женщины как посетительницы или помощницы исследователя природы, который не стеснится местом, не запрещается, но пока „Место покая“ должно оставаться верным своему имени и моей идее, присутствие детей не может быть допущено в нем.

Я купил участок земли, на котором построится дом, от махарадьи йохорского. Это небольшой холм, выдающийся мысом в Селат-Тебрау. В

^{*} Я не слышал, достигла ли какого-нибудь развития станция, которую я вместе с вами в 1867/68 г. устраивал в Мессине. При моей кочевой жизни я получил только сведения о вашей Неаполитанской станции; я не знаю также, устроилась ли станция на Черном море, учреждение которой я предлагал Московскому обществу натуралистов^{2*} в 1868 г.¹⁰

моем завещании я сделаю распоряжение, чтобы мое семейство *никогда не продавало его*, а также не давало бы ему *никакого другого назначения*, кроме научной станции, никогда бы его не уничтожало и не срубало примыкающего к нему леса; большее, что может быть допущено, это одна или две просеки для пешеходных тропинок в лесу, который должен навсегда оставаться образчиком девственного первобытного леса. И хотя Тампат-Сенанг может быть впоследствии перестроен из камня и снабжен большим комфортом, он никогда не может быть увеличен, чтобы не утратить характера уединенного убежища для одного естествоиспытателя.

Я спешу написать вам об этом, хотя земля только что приобретена и дом еще не выстроен, потому что я считаю весьма полезным подобные станции для естествоиспытателей в этих частях света (Восточно-Индийский архипелаг^{3*}, Австралия, острова Тихого океана, Япония и пр.), а также потому, что по случаю настоящей болезни ноги я имею более досуга, чем обыкновенно.

Отели никогда не могут быть удобным местом для занятий вследствие шума и толкотни, нераздельных с ними; также и гостеприимство друзей, как бы широко и любезно оно ни было, не может удовлетворить всем потребностям исследователя природы. Этим потребностям, я полагаю, удовлетворит проектируемая мною станция, хотя скромная, но несомненно спокойная, где можно будет работать, не мешая другим, ничем не развлекаясь и не возлагая на себя никаких обязательств.

Главною причиною моего выбора Йохора служит соседство Сингапура, от которого Тампат-Сенанг отстоит в трех, четырех часах. Выгоды этого положения заключаются в том, что здесь легко сообщение со всеми странами мира, что в Сингапуре и Батавии имеются прекрасные библиотеки и что в Батавии ученые статьи могут быть печатаемы на французском, немецком или голландском языках в „*Natuurkundig Tijdschrift*“, а в Сингапуре — на английском в „*Journal of Eastern Asia*“.

В надежде, что вы, может быть, будете одним из первых в числе ученых, желающих воспользоваться моим Тампат-Сенангом, остаюсь и проч.».

Истана Йохор, 28 апреля 1875 г.

Я имею намерение не только возобновить при случае Съезду русских естествоиспытателей мое предложение 1869 г.: основать зоологические станции в разных местностях России*, но также обратиться к разным иностранным ученым обществам с предложением учредить

* Я охотно возьму на себя во время моего будущего (в 1876 или 1877) путешествия в Северо-Восточную Азию осмотреть, с целью основания зоологической станции, берега Охотского моря и Восточного океана.

подобные зоологические станции в разных частях света, как, например, в Ост-Индском архипелаге, в Австралии, в Полинезии, в Южной Америке (в Магеллановом проливе) и т. п., имея положительное убеждение, что рано или поздно мои предложения осуществятся.

Истана Йохор, 8 июня

Так как мое здоровье стало лучше, я отправляюсь, наконец, на днях в Пахан; от этой экскурсии я ожидаю немало трудностей разного рода, но во всяком случае и много интересных результатов.

Сперва я пройду уже известной мне дорогой через Йохор к реке *Индау*, откуда, подымаясь вверх по течению, я хочу посетить горы *Индау*; затем отправлюсь в *Пахан*, где мне надо будет сперва спуститься к морю, повидаться с бандахарой (или радьей) Пахана, чтобы достать от него средства переноски вещей моих в горы.

Верховья реки Пахан населены племенем оран-утан, которых малайцы считают очень злыми и опасными; оран-лиар Текам (дикие люди Текам) меня очень заинтересовали, так как я слышал о них много басен, которые ходят между малайцами; некоторые из них так оригинальны (я напишу о них в следующем письме), что должны иметь какое-нибудь основание. Одно для меня ясно: с малайцами туда отправиться мне не следует, если я хочу добраться до них, так как малайцы уже сотни лет как стараются ловить их и продавать в рабство. Придется придумать сообразную с обстоятельствами тактику и вооружиться терпением.

Буду писать Вам дорогой, из столицы (?) Пахана — *Пыкан*. Я могу, может быть, переслать письма в Сингапур.

Я придерживаюсь моего старого правила: *иметь в виду всегда главную цель* и не отвлекаться в сторону, как бы важны причины на то ни были бы.

Поэтому, поправившись немного, я продолжаю мои исследования и не увлекаюсь постройкою «Тампат-Сенанг», которое обстоятельство для меня должно остаться *второстепенным*, хотя это дело, по моему мнению, очень полезное и важное для науки.

Последние дни махарадья йохорский после 2-месячных переговоров о куске земли, который я выбрал для «Тампат-Сенанг», и когда я с моей стороны все приготовил (нарисовал планы, нашел людей для постройки и т. д.), стал поговаривать, что может уступить мне землю только на 25 или 50 лет и даже хочет сохранить на землю разные права.

Все это совершенно не согласуется с моими планами, и я, может быть, принужден буду избрать где-нибудь другую местность для будущего «Тампат-Сенанг»¹¹.

Я имел случай во время моей экскурсии в Йохоре собрать остатки исчезающего языка оран-утан, который заменяется все более и более малайским. Эти рудименты могут иметь не малую важность при об-

суждении вопроса о происхождении племени оран-утан и родстве его с другими расами. Считая себя не компетентным решить, с какими языками эти остатки имеют сходство, я посылаю их на суд авторитета по филологии, многоуважаемого академика О. Н. Бётлинга¹², которому прилагаемое письмо прошу передать или переслать.

Все последние дни идет здесь дождь, что не обещает мне особенно приятное странствие по мокрому лесу, да еще с лихорадкой.

Н. Н. Миклухо-Маклай

^{1*} В рукописи: *здоровья*.

^{2*} Очевидно, *неточность* в переводе. Правильно: *Московскому съезду естествоиспытателей*. См. полный текст письма Дорну, датированного 28 апреля 1875 г., в т. 5 наст. изд.

^{3*} *Неточность* в переводе. Правильно: *Ост-Индский архипелаг*.

⟨Второе путешествие по Малаккскому полуострову⟩

9 июля 1875 г.

Пыкан, резиденция радьи бандахары¹ Пахана

Из Йохор-Бару отправился я 13 июня сухим путем через лес к р. Индау, по которой поднялся миль около 80 против течения, до 18-го порога, где силы моих людей оказались недостаточными, чтобы протаскать пироги через высокие уступы скал. На возвратном пути посетил хотя невысокую (около 1800 ф.), но очень крутую гору Янин (одну из вершин гор Индау), затем, добравшись до устья р. Индау, морем прибыл я сюда и виделся вчера и сегодня с радьей бандахарой паханским, который принял меня очень любезно и обещал доставить мне все средства, чтобы посетить его страну, т. е. дать лодки и людей (гребцов и носильщиков) и даже назначил своего имам-иран² (главного начальника по военным делам, род военного министра и главнокомандующего), чтобы сопровождать меня часть дороги; но, услышав от меня, что я имею намерение познакомиться с дикими людьми Текама* и хочу отправиться в их сборное место один, без провожатых, настоятельно просил меня написать губернатору в Сингапур или моим друзьям в Европу, что это — моя воля отправиться в лес Текама и что он, радья

* Очень дикое кочевое племя оран-утан, скитающееся в лесу около Текам, о которых ходит между малайцами множество суеверных поверий и которых малайцы очень боятся.

Город Пыкан. Улица около дома капитана Чина

паханский, отвечает за своих людей, но не может быть ответственным за диких, которых отравленные стрелы убивают мгновенно людей и животных. За этих людей он так же мало может ручаться, как за тигров и слонов.

Он так настоятельно просил меня дать ему письмо в этом смысле, что я обещал ему написать: что это моя воля отправиться, несмотря на все предостережения с его стороны, к диким людям, и он будет совершенно неповинен, если его опасения оправдаются. Обещание это — главная причина этих строк.

Пахан для меня интересен как малайская страна, сохранившаяся в стороне от влияния европейцев и где я имею случай видеть чистый малайский элемент и малайские обычаи.

Меня уверяют, что до Клантан (резиденции радьи Клантан), куда я теперь направляюсь, мне потребуется около 25—30 дней обратно по рекам, отчасти пешком через лес.

Доберусь ли я до Кеды, остается для меня вопросом.

Миклухо-Маклай

15 августа нов. ст. 1875 (г.)
Котта-Бару, Клантан

М. Г.

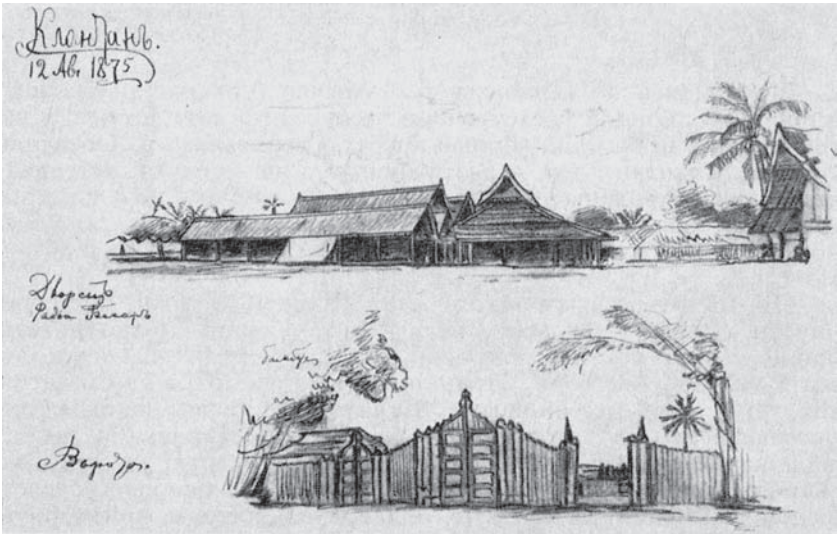
Добравшись до верховьев р. Тамылен (притока р. Пахана) и после бесплодной трехсуточной экскурсии в лесу Текама, я перешел через невысокий горный хребет к верховьям р. Лебе (притока р. Клантан), где все трудности и неудобства путешествия были искуплены неожиданным и блестящим результатом: я нашел, наконец, несмешанное папуасское племя, живущее номадно в лесах гор, у истоков рек Пахана, Трингано и Клантан³.

Много интересных подробностей не позволяют мне при ограниченном времени в нескольких строках изложить результаты наблюдений и описать подробно путь внутри Малайского полуострова, которого горы, странно сказать, несмотря на столетия, как европейцы поселились в Малакке, не были никогда еще посещены белым человеком, почему я встречал всюду между малайским населением тупое изумление и страх, со стороны малайских радий (от которых зависело многое, особенно средства передвижения) — большую подозрительность и притворную тупость. При этом, замечу, я нашел немалую выгоду в том, что я не англичанин, так как в последнее время наученные опытом и примером малайские власти начинают бояться планов Англии, прикрытых миролюбивыми, дружескими и сладкими речами.

Хотя я достиг положительного и удовлетворительного ответа на задачу моего путешествия этого года, я не увлекусь удобством возвращения отсюда морем в Сингапур (при этом муссоне 3-, 4-дневное плавание) и предпочитаю не близкий и не легкий путь: отсюда до Кеды на западном берегу полуострова, через земли радий Леге, Са, Патани, Сингоры; к тому почти весь путь пешком по лесу, так как слоны, хотя здесь и есть, служат более как украшение и роскошь двора радьи клантанского.

Здоровье мое относительно изрядное; трудность переноски вещей (несмотря на то, что я имел или мог иметь к моим услугам от 2 до 4 десятков людей) не позволяла мне сделать больших запасов, которые, так как идет уже третий месяц странствия, почти все на исходе, почему мне скоро придется перейти на пищу моих людей, т. е. рис и сушеную рыбу. Этот раз, однако же, я позволил себе роскошь: иметь с собою, кроме палатки, койки и стула, довольно большой стол, который часто бывает мне очень полезен и служил везде предметом чрезвычайного удивления населения, сбегавшегося к моим бивуакам посмотреть на человека с белою кожей и диковинными вещами. Буду писать из Кеды.

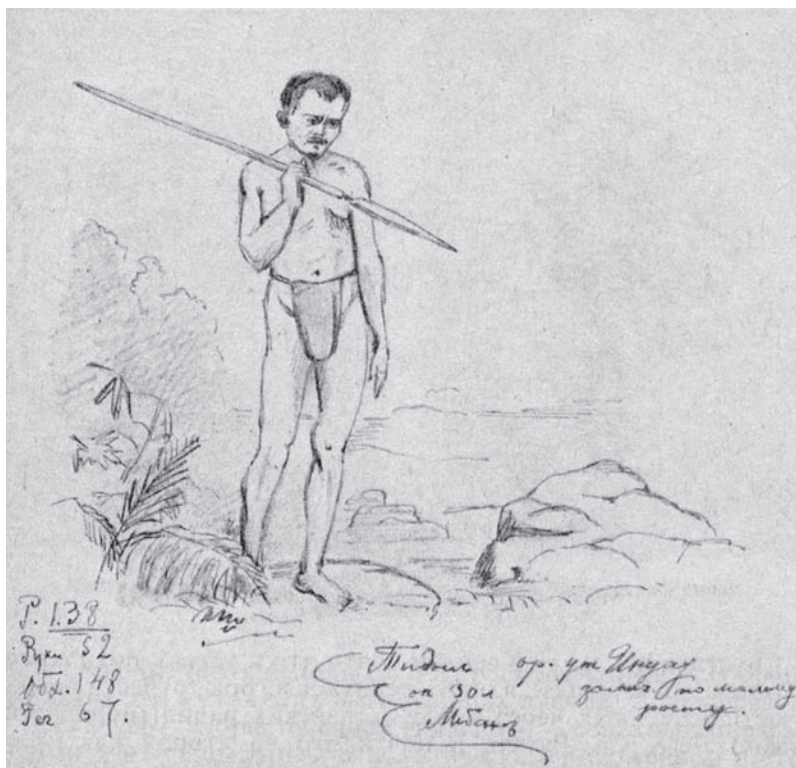
Миклухо-Маклай

Дворец раджи бесар (верховного правителя). Город Кота-Бару.
Султанат Келантан

Дом в сел. Гаден

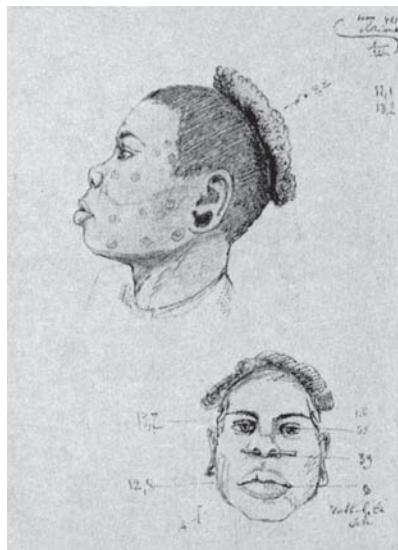

Тидни — оран-утан Индау, около 30 лет,
«замечателен по малому росту» (138 см)

2 октября 1875 г.
Котта-Ста, резиденция султана Кеды

Вот в коротких словах мой путь в Малайском полуострове и результаты моей экспедиции.

Собравшись в путь из Йохор-Бару 13 июня, отчасти в туземных прау по рекам Йохор-Лама и Сомброн (южному притоку р. Индау), отчасти пешком, я посетил в горах Индау там живущих оран-утан, которые оказались замечательно малорослым племенем с вьющимися и волнистыми, но не курчавыми волосами и самостоятельным, не малайским диалектом. Затем я поднялся по р. Пахан до источников р. Тамылен (одного из главных притоков р. Пахан), после бесплодных поисков оран Текам. Здесь в горах у верховьев рек Тамылен и Лебе (притоку р. Клантан) я встретил значительное население оран-сакай, сохранив-

Две девушки оран-сакай;
Манго — женщина оран-сакай, около 30 лет

шее вполне папуасский тип и много характеристических обыкновений (пробуравливание носовой перегородки, татуировку, употребление лука и т. п.), имеющее собственный диалект, но не отличающееся много образом жизни от оран-утан других местностей полуострова.

Спустившись по р. Клантан почти что к устью, повидавшись в Котта-Бару с радьей, я опять вернулся в горы, отчасти пешком, отчасти на слонах через земли малайских радий (подвластных Сиаму) Леге, Са, Румен, и почти что во второй раз пересек поперек* Малайский полуостров, причем опять имел удачу встретить или, вернее сказать, отыскать оран-сакай, очень схожих во всех отношениях с оран-сакай гор Клантана и Пахана. Хотя я был очень близко от западного берега, я снова вернулся к восточному, чтобы ознакомиться с оран-семанг Сингоро и Кеды, а также имея желание сравнить сиамское население, их быт и политическое положение с малайским, через Ялор и Патани, затем через земли радий Тодион, Теба, Чена (три последних — с сиамским населением) и добрался до сиамского города Сингоро, откуда уже по хорошей дороге на слонах в 4 дня вчера поздно вечером прибыл сюда, в столицу ям-туана⁵ (или султана) Кеды. Сегодня 113-й день путешествия, считая от Йохоре-Бару. Способы передвижения были

* См. мое сообщение об экскурсии в Йохоре в начале этого года.

Ярлен — мужчина оран-сакай. Кампонг Лупон, княжество Румун;
Оран-сманг, лет 10

очень разнообразны: я путешествовал пешком, на слонах, на плотах и в туземных прау самой различной величины и конструкций, то один, то со свитою 30 или 40 человек. Наступающее дождливое время затруднило и замедлило значительно последний месяц путешествия и заставило отложить мое дальнейшее путешествие сухим путем до Бангкока.

Положительные результаты моей экскурсии: антропологические и этнографические заметки о папуасском населении полуострова и сведения (хотя неполные) о их распространении; собрание нескольких диалектов этих вымирающих племен. Другой результат (для меня второстепенной важности) — ознакомление с малайцами и их социальным и политическим положением в странах, бывших совершенно в стороне от прямого влияния европейцев; в эти 3 месяца я получил, я думаю, более верное понятие о малайцах и их характере, чем во время почти 3-летнего пребывания в голландских колониях Малайского архипелага.

Немало затруднений, потери времени, неполных и недостаточно положительных сведений было следствием большой подозрительности малайских радий и сановников, несмотря на рекомендательные письма от английского и сиаменского правительства, что не раз заставляло меня думать, что эти письма составляют причину подозрительности и лжи; к этим качествам высших присоединялась и большая лень и боязливость низшего населения.

Я вел все время исправный дневник и имею коллекцию рисунков интересных типов, надеюсь также, что мои путевые заметки принесут некоторую пользу для пополнения географических сведений о полуострове⁶.

Но как и результаты предыдущих путешествий, я отлагаю публикацию их до Европы, потому что время мое здесь может быть употреблено с большею пользою на новые исследования и вследствие того, что рисунки и карты не могут быть сделаны без личного надзора. Отправляясь в прошлом году из Явы и ставя себе задачу доставить положительные сведения о тогда проблематичном папуасском населении, я никогда не ожидал, что мне придется употребить на это целый год и что решение этих вопросов, расширяя горизонт наших знаний, повлечет за собой целый ряд новых задач для новых исследований и путешествий, о которых буду писать, как только найду более удобную для этого обстановку. Прилагаю при сем схематическую карту моих экскурсий на Малайском полуострове⁷.

От Улу¹ Паханг до Улу Калантан*

(Краткий итинерарий, составленный на основе дневника, который я вел во время путешествия по Малайскому полуострову в 1875 г.)²

Чтобы добраться от Квалла Сунгей Паханг³ вверх по течению до реки Тамилен, я затратил около 69—70 часов**. Путешествие совершалось в довольно большой плоскодонной лодке, которую четыре туземца (малайца), меняясь попарно, толкали вперед длинными шестами. Этот вид транспорта, который я обнаружил здесь, как и в Йохоре, в Калантане и почти повсеместно на Малайском полуострове, используется отчасти по причине малой глубины реки, отчасти же и преимущественно вследствие значительной силы течения; он имеет большое преимущество перед греблей, потому что по мере того как шесты по-

* Улу Паханг и Улу Калантан, или, вернее, Улу Сунгей Паханг и Улу Сунгей Калантан, можно приблизительно перевести как «истоки (или верхнее течение) реки Паханг» и «истоки реки Калантан».

** Расстояние, которое можно проехать за *один* час, бывает здесь очень различным. Оно зависит не только от численности команды, их стремления к работе, от величины и нагруженности лодки и т. п., но подвержено существенному влиянию течения. Последнее в свою очередь сильно различается в разных местах в зависимости от понижения уровня дна, притоков различной величины и различной силы течения, от изгибов главной реки, количества дождевых осадков и т. д.

переменно втыкаются в грунт, получается крепкая опора, которая препятствует сносу лодки назад течением или по меньшей мере сильно уменьшает его.

Если принять скорость движения вперед за полторы—две мили в час* (каковая скорость во всяком случае скорее приближается к минимуму), то расстояние до Квалла Сунгей Тамилен от эстуария реки Панханг округленно составляет около 120 миль⁴.

Неподалеку от Квалла Тамилен я обнаружил, что главное течение все еще имеет в ширину 40 саженей⁵. Досюда дно подымалось очень постепенно^{1*}. Но ложе притока Тамилен становится довольно крутым и образует многочисленные дирамы⁶, или быстрины, между тем как в других местах глубина реки очень невелика⁷. Около устья Тамилена на правом берегу этой реки находится значительная деревня, называемая кампонг⁸ *Рух*. Здесь я поменял свою довольно большую, снабженную крышей лодку, где удобно располагались все мои вещи и двое слуг⁹, на два узких открытых каноэ, причиной чему были дирамы и отмели^{2*} реки Тамилен. Через 9 часов пути от ее устья мы прошли шестой дирам и я удостоверился, что к этому времени мы поднялись на высоту в 250 футов (76 м) над уровнем Квалла Тамилен. У шестого порога рядом с кампонгом помулу** *Гендона*¹⁰ я заметил на значительном расстоянии приметную гору, которая, как мне сказали, называется *Гуну*¹¹ *Тахан*; думаю, что с того места до горы можно добраться за два или три дня пути.

Берег реки Тамилен оказался довольно населенным; население было преимущественно малайским, но я видел там также несколько китайцев; оранг-сакай, кочующие в окрестностях, редко заходят в этот кампонг. В качестве распространенной эндемической болезни я обнаружил здесь *зоб*^{***} и встретил среди больных несколько совершенно замечательных его случаев. Я не мог определенно решить, сочетается ли здесь эта болезнь с *кретинизмом*¹²; неожиданный визит оранг-пути¹³, никогда здесь не бывавшего, наполнил местных жителей таким недоверием (как повсеместно в малайских государствах полуострова), что они по большей части прикидывались дурачками и на вопросы отвечали

* Лодочники делали (по моим подсчетам) 1200—1500 шагов вдоль борта лодки в час, каковое число не может значительно отличаться от пройденного расстояния. Незначительный источник ошибки кроется в сносе лодки встречным течением, который, однако, очень нелегко рассчитать и который едва ли следует принимать в расчет при приведении приблизительных данных.

** Помулу — титул небольшого начальника^{3*}.

*** У А. Хирша (*Hirsch A. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie. Bd. 1. Erlangen, 1860. S. 18* (правильно — 416)) я не нашел упоминания о Малайском полуострове при перечислении стран с эндемическим господством зоба.

A black and white sketch of a traditional Chinese temple complex. The main structure consists of several interconnected halls with tiled roofs and ornate wooden brackets. To the left, there are palm trees and a small gate. To the right, there is another gate structure. Several small figures of people are scattered throughout the scene, some standing near the halls and others walking. The sketch is signed 'Lance' and 'Pader Nyer' in the bottom right corner.

Дворец рады муды, город Сингоро

«тра тау» или «бару датан, белон тау»¹⁴. Иногда трудно было не счесть такого застигнутого врасплох и прикидывающегося дурачком человека настоящим кретином¹⁵.

Следуя вверх по течению реки *Тамилен* в течение 22 часов, я достиг устья еще меньшей речки — *Сат* или *Саат*. Отсюда, от Квалла Сат, расходятся два пути: далее вверх по реке Тамилен в восточном направлении идет путь в Трингано (куда можно добраться за три—четыре дня); речка Сат образует в северном направлении путь в Калантан. Мне потребовалось еще 6 часов^{4*}, чтобы добраться до *Улу Сат*, где находится небольшой кампонг *Чиангут*¹⁶. Далее речка оказалась слишком мелкой даже для самого маленького каноэ, вмещающего только двух человек и немного багажа.

От Чиангута (Улу Сат) нужно всего 8—9 часов пешего хода, чтобы достичь *Квалла Лимау*, принадлежащего к водной системе реки Калантан. От Чиангута следуют сперва по течению ручья *Претан* (Анак Сат — «дитя Сата»¹⁷), затем поднимаются, все время придерживаясь северного направления, на *Бату-атап*¹⁸ — «тампат крамат»¹⁹, где малайцы оставляют, засунув в расселину скалы, небольшие жертвы (рис, сири²⁰, табак и т. п.). Эта возвышенность образует политическую границу между (территориями) Паханга и Калантана и одновременно водораздел между обеими речными системами — реки Паханг и реки Калантан. Затем поднимаются еще на одну возвышенность почти такой же высоты (около 400 футов (122 м) выше Чиангута). Отсюда двигаются все также на север, под гору, до речки Лимау^{3*}. Здесь путешественники сооружают обычно из бамбуковых стволов ракет (плот)²¹, чтобы плыть по течению^{6*}. Квалла Лимау лежит приблизительно на 450 (футов)²² ниже Бату-атапа. От Квалла Лимау путь идет по рекам *Трепал* (5 часов) и *Бадокн*, по которым плывут вниз по течению. Эти речки узки и полны дирамов^{7*}. Далее требуется 8 часов, чтобы добраться по рекам *Бадокн*, *Ко*, *Ретон* до впадения последней в реку *Лебе*²³.

Неподалеку от *Квалла Ретон* в реку Лебе впадает также *Аренг*, по берегам которого я встретил значительное число оранг-сакай, которые здесь даже построили несколько хижин (на малайский манер) и развели несколько плантаций.

Вниз по реке Лебе²⁴ 9 часов пути до *Квалла Тикко*²⁵, откуда ведет значительный по своей ширине и дебиту поток, называемый *Сунгей Калантан*²⁶, следуя которым достигаешь устья за 11 часов. *Котта-Бару*²⁷ резиденция радьи Калантана, находится на расстоянии полутора часов пути от эстуария этой реки.

Существует, как я слышал из надежных источников, другой путь от Улу Паханг в *Калантан*. А именно: следуют по главному течению Паханга далее Квалла Тамилен и приходят к Улу Калантан от Квалла

Тамилен столь же коротким пешим путем^{8*}, чтобы оттуда по рекам Пулай, Галла, Тикко добираться до Котта-бару^{9*}.

Рядом с кампонгом помулу То-Радья²⁸ в Улу Паланг дорога раздваивается: в Салангор на запад и в Калантан на восток.

1* *Далее было:* и только последние 20 часов.

2* *Далее было:* где лодочникам приходится спрыгивать в воду, чтобы облегчить каноэ.

3* *Далее было:* главы деревни.

4* *Далее было:* пути в очень маленьком каноэ.

5* *Далее было:* идя по ней по колено в воде, до тех пор пока.

6* *Далее было:* У меня была одна-единственная возможность.

7* *Было:* и имеют очень каменистое русло.

8* *Далее было:* как мне сказали малайцы, [но что достоверно,] за 6 дней, хотя этот путь можно, вероятно, проделать гораздо быстрее.

9* *Далее было:* В Улу Галла добывается в значительном количестве золото.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАПАДНУЮ МИКРОНЕЗИЮ И СЕВЕРНУЮ МЕЛАНЕЗИЮ В 1876 г.

〈Молуккское море. Тихий океан〉

29 февраля 1876 г.
Молуккское море

В ограниченном* поле антропологических исследований главная задача состоит в изучении общего зоологического типа, или *habitus'a*, исследуемой расы**.

При этом изучении достаточно долгое знакомство с расою, ежедневное столкновение с нею и наблюдение ее характера и особенностей в различных провинциях географического ее рас-

пространения дают большую выгоду исследователю, представляя возможность добыть для науки более характеризующие расу наблюдения, выбирая их из множества менее типичного, и более верную оценку различий между разновидностями этой расы и степень преобладания одной расы над другой при смешении с соседними.

Это положение, я думаю, не требует^{1*} доказательств.

С другой стороны, мне кажется, изучение преимущественно одной расы позволяет достигнуть полнее этого уровня компетентности, согласно с пословицею: *chi troppo abbraccia, nulla stringe*^{2*}.

* В одном из последующих писем я объясню, почему я называю поле антропологических исследований «ограниченным» (См. «Антропологические заметки о туземцах группы Агомес» в т. 3 наст. изд.).

** См. мою программу исследований в «Известиях РГО» 1870 г. (См. «Программа предполагаемых исследований» в т. 3 наст. изд.).

С этим, я думаю, опять всякий согласится.

Желая увеличить мою компетентность в изучении рас Юго-Восточной Азии, Ост-Индского архипелага и островов Тихого океана^{3*}, я не упускаю случая посетить острова Западной Микронезии и те, еще более интересные, которые находятся в тех же долготах, но южнее экватора, малоизвестные острова и островки между Новою Гвинеею, Новою Ирландиею и Новою Британиею. Эта местность Тихого океана имеет для этнографии особенный интерес, находясь на границе Малайзии¹, Меланезии и Полинезии (Микронезии), и, по мнению некоторых этнологов*, послужила воротами, через которые излился поток малайя-полинезийского племени на острова Великого океана.

Я нахожусь на небольшом судне (на шкуне «Sea-Bird»^{4*} ⟨водоизмещением⟩ 105 тонн), которое отправляется с товарами и припасами на западные острова *Каролинского архипелага*, на о. Палос (или Пелау), *острова Адмиралтейства* и т. д. По сделанному условию я имею право изменять по усмотрению несколько путь шкуны (т. е. заходить в места, не находящиеся в программе капитана, но лежащие недалеко от пути) и продолжать время стоянки в местах, особенно для меня интересных.

Когда шкуна освободится от груза, она перейдет в полное мое распоряжение.

Так как я не имею желания останавливаться на островах Ост-Индского архипелага, то мы направляемся почти без остановок к о. *Яп*, или *Вуан*^{5*}, одному острову из самых западных Каролинского архипелага.

Выйдя 18 февраля из Черибонского рейда², мы зашли после 9-дневного плавания (по случаю маловетрия и штилей) 27-го на рейд маленького селения *Бонтейн*, на южной оконечности о. Целебеса, последней станции, где я мог передать почте несколько писем — удобство, которое я, может быть, долго принужден буду отказать себе. Пройдя через Саяерский пролив, мы обогнули сегодня о. *Бутан* и направляемся между Молуккскими островами к о. *Гебе*, около которого выйдем в Тихий ⟨океан⟩.

Надеюсь встретить на днях молуккский почтовый пароход и передать, если возможно будет, это немного запоздавшее письмо.

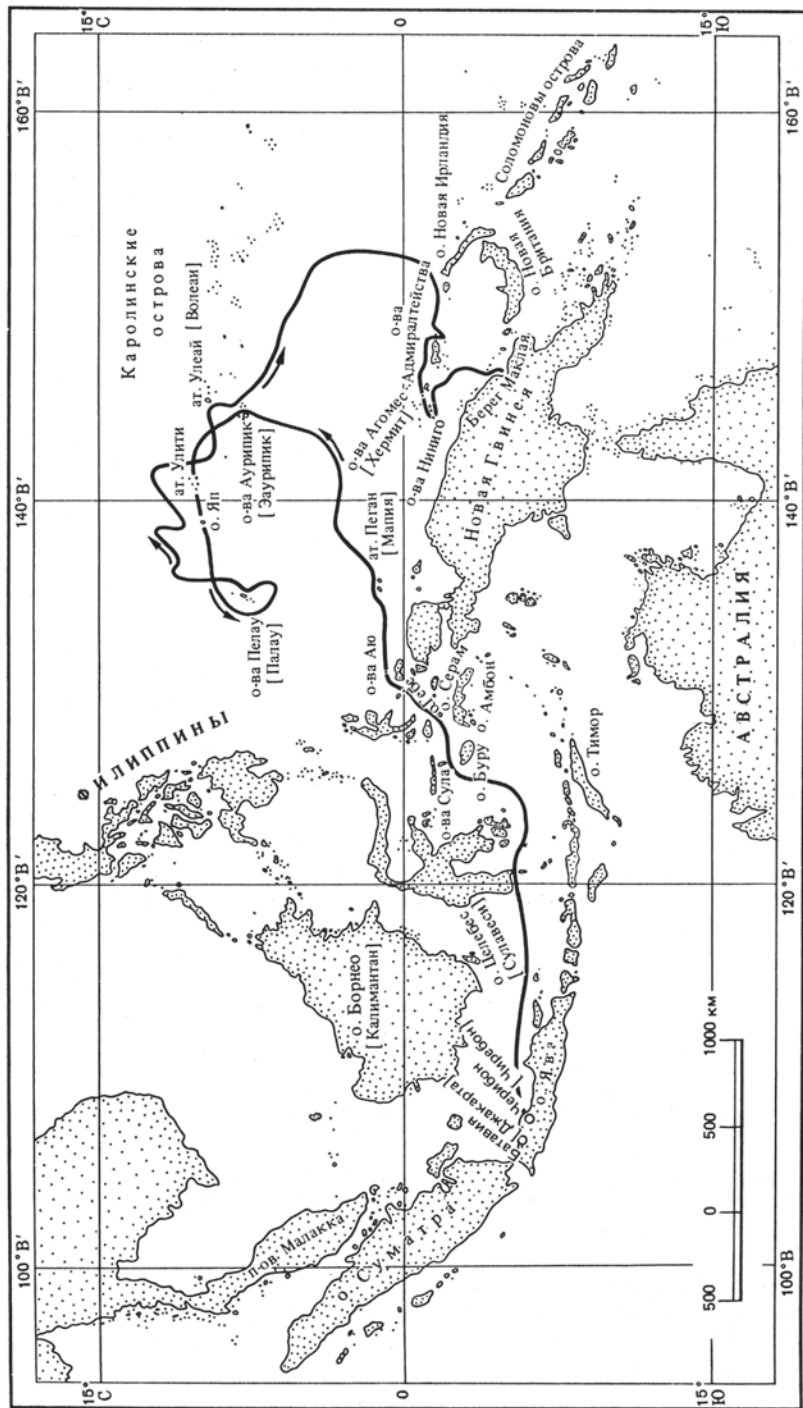
12 апреля 1876 г.

Тихий океан 8°26′ с. ш., 136° 12′ в. д.

(En route^{6*} на острова Пелау)

Случая послать письма до сих пор не представилось, надеюсь теперь найти возможность отправить мою корреспонденцию с островов Пелау, via^{7*} Hongkong, в Европу.

* *Weitz Tb. Anthropologic der Naturvölker. Th. 5: Die Völker der Südsee. Ethnographisch und Culturhistorisch dargestellt. Abt. 2: Die Mikronesier und nordwestlichen Polynesier. Leipzig, 1870. S. 43³.*

Путешествие на шхуне «Си бэрд» в 1876 г.

Остановливаясь у островов *Гебе, Св. Давида, Аурупик* в архипелаге *Улити* (или *Могемуг*), мы пришли на о. *Яп*, или *Буап*, где остались 14 дней; идем теперь на острова *Пелау* (*Палос* — испанцев, или *Пелью* (*Pelew*) — англичан), откуда направимся к югу.

Отлагая до следующего письма выписку из моего дневника, я желаю сообщить Обществу главную цель путешествия этого года и мое решение вернуться в третий раз в Новую Гвинею. Для избежания повторений привожу отрывок из моего письма к другу и товарищу моему князю Ал. Ал. Мецкерскому:

«17 марта 1876 г. в Тихом океане 1° 30' с. ш., 138° 1' в. д.

Покидая в декабре... и т. д. и т. д. ...»

НВ: Прошу Редакцию «Известий имп. Географического общества» поместить отрывок из моего письма кн. Мецкерскому, который будет передан г. секретарю бароном Федор Романовичем *Остен-Сакеном*¹.

Мне кажется почти лишним прибавить, что *отчасти филантропическая* сторона моего третьего путешествия в Новую Гвинею не только не помешает научным исследованиям, а, напротив, будет для них даже очень полезна: расширяя поле исследования*, она доставит более полные наблюдения и, имея следствием более интимные сношения с туземцами, облегчит понимание не вполне разъясненных (при первом путешествии) обычаев.

С другой стороны, знание языка и знакомство с населением дают мне громадное преимущество сравнительно с положением дел перед первым (1871/72) и вторым (1874) путешествиями в Новую Гвинею.

Успех науки, который будет необходимым следствием моего нового предприятия, *совершенно безличный интерес мой* к благосостоянию туземцев Берега Маклая, надеюсь, достаточные гарантии, что императорское Русское географическое общество не изменит своей симпатии ко мне *как к соотечественнику* и не откажет в своей помощи *как угодному* в случае, когда дело будет касаться *научной* пользы!..

¹* В рукописи: я не думаю, требует.

²* Кто погонится за многим, не достигнет ничего (итал.).

³* Далее было: при котором папуасское племя особенно пользовалось моим вниманием.

⁴* «Морская птица» (англ.).

⁵* В рукописи: Гуап.

⁶* По пути (франц.).

⁷* Через (от лат. *via* — «путь»).

* В 1871—1872 гг. я изучал папуаса более с антропологической (анатомической) стороны; теперь положение его в среде его соплеменников, общественная сторона его быта войдет в мою программу и будет одной из главных задач исследования.

〈Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая〉

7 и 8 марта. О. Геби. Холмистый, весь покрытый богатою растительностью островок, находящийся почти под экватором. Три деревни и несколько отдельных хижин расположены у морского берега, который во время отлива представляет большую дорогу, так как внутри острова, по словам туземцев, селений и дорог нет. Жители — главным образом папуасы, между которыми выселенцы из Тидора и Халмагеры встречаются в небольшом числе и преимущественно между мужским населением. Как и на островах Серам-Лаут, я видел здесь детей от папуасской матери чистой крови и отца-малайца, с прямыми волосами и очень брахицефальным черепом.

Я был встречен несколькими тидорцами, посланными сюда султаном Тидорским в качестве начальников, как старый знакомый, под предлогом, что они видели меня в Тидоре во время моего десятидневного пребывания там в 1873 г.

Главная пища здесь — саго и главное занятие — собирание трепанга* и ловля черепах.

13 марта. Группа Пеган (или острова Фревилль, или Св. Давида)¹. Шесть низменных островков, покрытые кокосовыми пальмами и окруженные рифом. Заметив дым и германский флаг у оконечности главного островка, я отправился на берег, где нашел тредора** — англичанина с многочисленною семьею (человек 20 детей и внуков) и с несколькими туземцами обоего пола с о. Наводо (или о. Плэзант³), откуда этот тредор выселился почти год тому назад, чтобы собирать «копру» (сушеный кокосовый орех) и другие произведения острова для немецкой фирмы Годефруа и К° в Гамбурге.

Спрошенный о туземцах острова, этот человек (убежавший матрос или кто-нибудь тому подобный), по имени Генри Терей, сказал мне, что их на группе очень небольшое число и что они его очень редко навещают. О их внешности он не мог сказать мне ничего точного, так что я остался без сведений о том, к какой расе принадлежат туземцы этой группы.

Капитан одной шкуны, плавающий уже давно в этих морях, рассказывал мне, что видел на этих островах многих папуасов, но не мог мне положительно сказать, постоянные ли они жители этого архипела-

* Трепанг — разные разновидности голотурий (Holothuria); вареные, затем сушеные на солнце лакомство китайцев.

** Тредорами называются на островах Тихого океана агенты торговых домов, которые получают от торгового дома товары для меновой торговли с туземцами, за что имеют известный процент с вымененных копры, трепанга и т. п.

га или занесены ветром и течением из Новой Гвинеи. *Герланд** причисляет группу Пеган к Микронезии; вероятно, однако же, что туземцы, которых видел Картере³, давно уже вымерли и что теперешние обитатели островов этих недавно живут здесь, так как, по словам Генри Терей (которого словам, однако же, нельзя придавать много веса), в целой группе нет ни одной деревни, а только несколько временно и наскоро построенных хижин и шалашей.

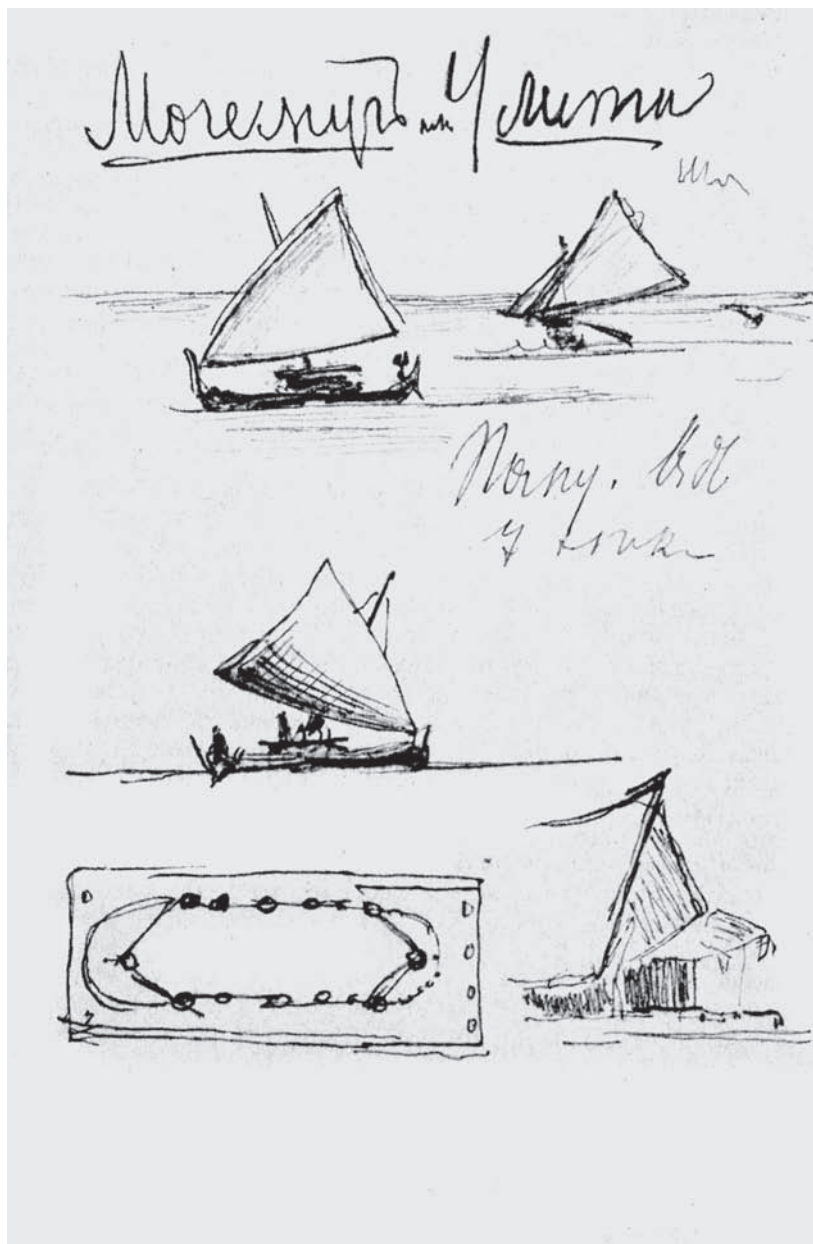
Голландское правительство считает эту группу принадлежащую к нидерландским колониям, и даже, если я не ошибаюсь, г. фон Ренессе фон Дейвенбоде в Тернате имел несколько лет тому назад на одном из островов этой группы свою факторию для выделывания кокосового масла, и я надеюсь от него получить точные сведения о действительных туземцах, которые находились там во время существования его фактории.

Европейско-микронезийская помесь (потомство Генри Терей) имеет преимущественно микронезийский тип, и только немного более светлый цвет кожи и легкий русый оттенок волос свидетельствуют примесь европейской крови.

25 марта. *Гр. Аурупик*. Три маленьких низких островка. Я не съезжал на берег, но, завидя пирогу, мы легли в дрейф, чтобы взглянуть на туземцев. Люди, выехавшие к нам, были не очень темны (№ 37 таблицы Брока), с вьющимися и курчавыми волосами, которые образовывали большие шапки. Носовая перегородка была пробуравлена. Большое число черепаховых колец и других украшений из различных белых и красных раковин сильно оттягивали снабженные громадными отверстиями мочки ушей. На руках выше и ниже локтя виднелась татуировка в виде браслет. Кроме большого гребня с развевающимся пером в волосяной шапке, цветка или листа в носовой перегородке, их костюм состоял из узкой циновки, обвязывающей талию и продернутой между ногами. Их вид напомнил мне очень жителей островов на юго-восток от о. Серама и островов Кей, и примесь папуасской крови здесь, как и там, мне казалась несомнительною. Как я узнал потом, о. Аурупик должен значительную часть своего населения о. Вуап, или Яп, откуда жители часто приезжают сюда для добывания и покупки т. наз. *шу*, украшений из раковин и камней (?), которые очень ценятся там и служат даже родом денег между начальниками, так как даже обладание их — привилегия последних.

27 марта. *Группа Улити*, или *Могемог*, или *Макензи*. Она состоит из 20 низких коралловых островков. Короткое мое пребывание на одном из

* *Weitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5: Die Völker der Südsee. Ethnographisch und Culturhistorisch dargestellt. Abt. 2: Die Mikronesier und nordwestlichen Polynesianer. Leipzig, 1870. S. 38.*

Парусные лодки. План и фасад хижины.
Группа Улити, или Могемуг (Могемог)

них (о. Исор) было достаточно, чтоб удостовериться, что население этого архипелага во всех отношениях тождественно с жителями о. Вуап.

28 марта—10 апреля. О. Вуап, или Яп*. Небольшой отдельный остров с двумя маленькими (Урумон и Моп) у северной оконечности. Остров этот имеет форму неправильного X, так как две бухты, одна с С, другая с Ю, оставляют посредине только небольшой перешеек, соединяющий обе неравные половины. Невысокие холмы, отчасти почти голые, делают местность несколько разнообразною, не придавая ей, однако же, особенной красоты. Все время стоянки я провел или живя в бай-бай (клубе туземцев или доме собраний), или в разъездах по береговым деревням.

Вот несколько замечаний о жителях и более характеристичные особенности их жизни. Замечу, однако же, что объем этого письма позволяет мне останавливаться только на главнейших пунктах⁴.

* * *

Не кончив выписки из дневника и не желая послать их в этом отрывочном виде, ограничусь сообщением в немногих словах моего маршрута.

С о. Вуап я отправился на *архипелаг Пелау*, где пробыл около двух недель. Кроме антропологических исследований, образчики *идейного шрифта* и слышанные там *предания* очень заинтересовали меня.

По делам сингапурского контрагента шкуна, на которой я был пассажиром, вернулась на о. Вуап, а затем, описав значительную дугу (по случаю юго-восточного муссона по ту сторону экватора), пришла к о. *Адмиралтейства*, где оставалась от 28 мая по 9 июня.

Во время путешествия мне много раз приходилось видеть бесчестную эксплуатацию, которой подвергаются туземцы со стороны белых, и я намерен представить (при первой возможности послать отсюда письма**) краткое изложение тех доходящих до преступления несправедливостей, которых мне пришлось быть невольным свидетелем⁵.

Посетив сперва южный, затем северный берег о. Адмиралтейства***, я нашел у туземцев (принадлежащих к меланезийской расе)

* Туземцы произносят имя острова чаще: Вуап. Жители архипелага Пелау называют о. Вуап — Пелу Лекон (Пелу — значит «остров»).

** Эта возможность представится, к сожалению, не ранее ноября месяца.

*** Остров Адмиралтейства, как большинство больших островов, разделенных между множеством отдельных и враждебных племен, не имеет *общего* имени: каждое племя знает только свой участок или свои деревни и участки и деревни своих неприятелей. Туземцы о. Агомеса¹*, говоря об о. Адмиралтейства, называют его *Тауи*, название, которое, будучи *не туземное*, имеет столько же права существовать, как и данное европейцами: *остров Адмиралтейства*, почему я не заменяю его агомесским названием⁶. Архипелаги же — Хермит, Эшикие и Анахореты имеют туземные на-

этого малоизвестного острова замечательную анатомическую особенность, именно громадную величину очень prognathostоящих зубов обеих челюстей*. Таких же *зубастых* меланезийцев я нашел на *островах Агомес* (группа Хермит), которые посетил после о. Адмиралтейства.

В Архипелаге *Ниниго* (группа Echiquier) меня ожидал другого рода интересный сюрприз: среди меланезийского населения окружающих архипелагов** эти острова, счетом с лишком пятьдесят, имеют микро-незийское население. Откуда и каким путем оно забрело сюда, остались для меня вопросами, которые, не зная языка этого робкого и напуганного населения, я не мог решить.

С архипелага *Ниниго* я направился 17 июня к моему Берегу, куда прибыл 28 того же месяца после отсутствия трех лет и шести месяцев.

Мое плавание из Явы продолжилось с лишком четыре месяца и было, по независящим от меня причинам, очень некомфортabelно, но я имел случай видеть собственными глазами многие поучительные факты и отношения, посетить несколько интересных местностей и достигнуть моей цели.

Туземцы приняли меня более чем дружелюбно и сказали мне, что ждали меня, так как Маклай обещал им вернуться и они не сомневались никогда, что это исполнится.

Построив довольно удобный дом, зная язык и пользуясь полным доверием и немалою дружбою папуасов, я имею много шансов подвинуть значительно мои научные задачи, которые назначил себе во время первого пребывания на этом берегу.

Не замедлю приняться за дело и в ноябре буду иметь случай сообщить Вам результаты, которые найдется возможность добыть к тому времени.

Миклухо-Маклай

3 июля 1876 г.

Бугарлом

На Берегу Маклая в Новой Гвинее.

1* *Неточность в рукописи. Правильно: островов Агомес.*

звания. Группа Хермит называется *Агомес*, группа Эшикие (Echiquier) — *Ниниго*, группа Анахоретов *Каниес*, почему в последующем я заменяю этими туземными названиями европейские имена.

* Об этом открытии, заслуживающем внимания антропологов, я отправляю с этою же почтою письмо председателю Берлинского антрополого-этнологического общества проф. *Р. Вирхову*⁷. Прилагаю здесь, для демонстрации гг. членам имп. Русского географического общества, наскоро набросанную копию одного из посылаемых г. Вирхову эскизов, который представляет образчик такого зубастого меланезийца в профиль.

** Архипелаг *Каниес* имеет также меланезийское население.

〈Острова Адмиралтейства〉

Мая 6. О. Вуап. Мы снова зашли на о. Вуап, и я съехал на берег у большой деревни Киливит, на севере острова. Из этой деревни отправлялась с нами партия 〈из〉 22 туземцев для ловли и приготовления трепанга на острова на юг 〈от〉 экватора. Один из тредоров, живших на о. Вуап, заключил более года тому назад условие с вождем Киливита, который обязался в уплату за перевоз «фе»¹ из Пелау отпустить с этим тредором известное число туземцев для ловли трепанга. После этого уговора случился печальный факт, что из 65 туземцев Вуапа, отправившихся в двух партиях на европейских судах, вернулись обратно только 7 человек, из которых умерло еще несколько по возвращении домой. Это обстоятельство, разумеется, очень озадачило жителей Киливита, и начальнику было трудно добыть людей: никто не хотел отправиться, видя, что шансы возвращения очень неверны. Но туземцы, несмотря на то, сдержали слово, и начальник, чтобы убедить других, сам показал пример, послав с прочими своего старшего сына. Это подействовало, и тредору удалось на этот раз получить людей.

Когда многочисленные пироги привезли отправляющихся с нами туземцев и провожающих их родственников и друзей, я заметил, что между первыми был и их «матра-мат»², который привез с собою также деревянную фигурку, обвязанную тряпками. Она висела у него на груди. На мои вопросы я получил весьма неудовлетворительные ответы: мне сказали, что, когда кто из туземцев заболел, эту фигурку ставят около больного, что один из больших «матра-мат» дал ее, чтобы сопровождать экспедицию, для предотвращения всяких бедствий. Мое любопытство, видимо, не нравилось туземцам, и они поспешили унести ее в трюм. До этого я не видел ни на о. Вуап, ни в архипелаге Пелау никаких человекоподобных фигур (за исключением Дилукай³ в арх. Пелау), которым придавали бы какую-нибудь особенную силу.

Мая 14. В виду группы Упей* я насчитал 16 островков, из которых 6 были больше других. К нам выехало значительное число пирог. Люди были немного темнее туземцев Вуапа, имели лицо, раскрашенное красною краской; носовая перегородка была пробуравлена, зубы белые. Некоторые были татуированы; рисунок татуировки был не отличен от виденного на островах Вуап и Могемуг. Красиво татуированный производит впечатление хорошо одетого, и в толпе, в которой находятся татуированные и нетатуированные, невольно сперва обращаешь внимание на первых. Между людьми среднего роста, из которых многие молодые были весьма красивы лицом и хорошо сложены, отличались

* На некоторых картах этот архипелаг носит название Волса.

некоторые замечательно высоким ростом. Я смерил одного, который был выше других: он оказался 1810 мм вышины.

Мая 15. Простилав всю ночь, мы незначительно отделились от группы, но миль 5 или 6 расстояния от нее не помешали выехать пирогам. Туземцы здесь очень падки на табак, так что небольшой кусок его предпочитают ножу.

На одном из островов этой группы живет европейский тредор.

Пояснительное примечание.

При дальнейшем путешествии я не нашел туземцев, понимающих несколько английский язык, ни людей, могущих служить мне переводчиками, как на островах Вуап и Пелау. Я должен был поэтому довольствоваться единственно собственными наблюдениями. Чтобы составить себе понятие об общем типе, я старался видеть как можно большее число индивидуумов разных возрастов и полов, а чтобы отчасти познакомиться с образом жизни туземцев, я оставался в их деревнях почти весь день. Я предпочитаю сообщить мои заметки в том же отрывочном виде, как они представились наблюдению, а не группировать их, как я делал это в предыдущих двух письмах.

Острова Адмиралтейства

(28 мая—9 июня)

Мая 27. На второй день, как видели силуэт о. Св. Матвея, мы оказались при рассвете на восток от главного острова, около островков, которые на карте носят названия Los Reyes, Gabriel, Rafael, Horno, La Vandola⁴. Как и у Св. Матвея, к нам не выехала ни одна туземная пирога; это было еще понятно у последнего острова, мимо которого мы прошли в значительном расстоянии; здесь же мы проходили некоторые из островов в расстоянии не более одной мили и даже менее, так что можно было различать предметы на берегу — хижины, пироги, людей. Причиной тому было, вероятно, обстоятельство, что утром шкипер, под предлогом «быть наготове», пробовал свои игрушечные орудия, которых хотя и не звук, а дым выстрела достаточно напугал туземцев, чтобы парализовать их любопытство.

Именно около группы Иезу-Марии, которую мы прошли сегодня около 4 часов, в октябре прошлого года произошло трагическое происшествие — один из многочисленных примеров поведения европейских шкиперов, плавающих в этих морях.

Шкуна «Рупар», шкипер Голл, под английским флагом, забрав на о. Вуап человек 30 туземцев, крейсировала около островов Адмиралтейства, ища удобного места для ловли трепанга. Около архипелага Иезу-Мария к шкуне выехала множество пирог; шкиперу показалось это обстоятельство опасным, тем более что он заметил большие связки

копий на пирогах. Не имея других причин, как свою трусость, он стал стрелять по пирогам туземцев. Видя, что испуганные туземцы, выехавшие, по всему вероятно, к шкуне для торга, обратились в поспешное бегство, шкиперу вздумалось дополнить свою победу. Он послал бывших с ним туземцев Вуапа на большой шлюбке в погоню, оставшись, разумеется, сам на шкуне.

Незнакомые с местностью, в пылу погони, туземцы Вуапа попали на риф и, не умея^{1*} хорошо управляться с европейскою шлюбкой, не могли скоро спихнуть ее в глубокую воду, почему были врасплах настигнуты жителями Иезу-Мария и в виду шкуны перебиты копьями. Шкипер не попытался подать им вовремя помощи и поспешил в свою очередь обратиться в бегство.

Мая 28. Пройдя в ночь немного, мы увидали утром южный берег большого острова, который к западу был горист, на востоке же тянулся длинною низменною полосой. Кроме этого берега главного острова, виделось несколько высоких и низких островков, которых я не могу с точностью найти на морских картах*. Между прочими один из островов отличался своими холмами, которых форма заставляла предполагать вулканическое происхождение. Я впоследствии узнал, что туземное название этого острова Лу, или Ло, и что туземцы получают там обсидиан, из которого они выделывают острия своих копий.

Довольно большая пирога с маленьким четырехугольным** парусом шла от этого острова, пересекая наш путь; туземцы на ней не показали и тени страха, когда встреча со шкуною стала неизбежною. Они, вероятно, уже не раз бывали в подобном положении и как знающие, в чем дело, свернули вовремя парус, поймали брошенный со шкуны конец и, убедившись, что за кормою пирога их совершенно вне опасности быть залитою волнением, в чем они сперва, как казалось, не были уверены, влезли на палубу.

Пирога эта, кроме небольшого четырехугольного паруса, имела еще две другие особенности, которые бросались в глаза. Во-первых, мачта ее была укреплена не в самой пироге, а за бортом, где заостренный нижний конец ее опускался в петлю из ротанга; во-вторых, платформа посредине пироги не лежала горизонтально, а стояла наклонно, образуя с бревнами, соединяющими балансир с пирогами, тупой угол. Такое положение платформы, которое представляет немалое неудобство для сидящих в пироге, имеет, как я предполагаю, ту выгоду, что при таком устройстве легче сохранять равновесие, что важно особенно

* Вся группа весьма недостаточно нанесена на картах.

** Четырехугольная форма паруса кажется характеристичною для Меланезии; у поли- и микронезийцев я всегда видел треугольные паруса.

при значительном волнении и в том случае, когда парус находится на стороне балансира, причем крен пироги обыкновенно так значителен, что балансир почти постоянно погружается в воду*.

Рея, стеньги и штаги⁵ пироги были украшены кистями длинных прядей человеческих волос. При виде этих выпелов туземцы Вуапа, которые были на шкуне, встревожились и опечалились, признав в них волоса своих соотечественников, перебитых недалеко от этого места в прошлом году, как я рассказывал на одной из предыдущих страниц. Это предположение было весьма вероятным, потому что волосы этих длинных кистей были, во всяком случае, не меланезийцев, а туземцев Вуапа было перебито достаточно у рифа Иезу-Мария, чтобы украсить снасти не одной пироги.

Мысль, что туземцы, которых мы встретили, нередко бывают в сношениях с европейскими судами, оправдалась скоро: между поклажею, которую они имели с собою на пироге, находилось небольшое зеркало, несколько ножей и топор. Кроме разных туземных украшений, на руках и ногах наших новых знакомых находились браслеты из разноцветных бус, по форме и качеству которых тредоры, бывшие на шкуне, заключили, что перед нами было здесь судно из Австралии^{2*}. Наши новые спутники жестами показывали на берег, где была, должно быть, их деревня, которую они называли Лонеу, и приглашали нас туда. Назначением шкуны при посещении этих островов были меновая торговля и постепенная высадка шести тредоров; так как изобилие естественных произведений острова (жемчужных раковин, черепах и трепанга) было им одинаково неизвестно, то мы направились к указанному берегу, где виднелись кокосовые пальмы и ряд хижин вдоль берега.

Подойдя ближе, когда можно было ясно различать людей на берегу, туземцы, бывшие с нами, знаками и криком стали звать своих соплеменников на шкуну, вследствие чего несколько пирог со множеством туземцев всех возрастов окружили судно; туземцы, крича во все горло, старались перекричать друг друга, предлагая свои произведения или передавая свои замечания один другому. Несмотря на страшный гам людских голосов, пользуясь случаем первого столкновения, я занялся решением задачи, которая состояла <в том, чтобы> дать себе отчет, с которою из папуасских разновидностей, прежде виденных, эти новые физиономии и фигуры имеют наибольшее сходство. Не успел я

* Туземцы Берега Маклая, имея пироги с горизонтальною платформою, становятся в случае свежего ветра, боясь потерять балансир, на противоположный выносу борт пироги и, держась за конец, прикрепленный к верху мачты, своею тяжестью и движениями тела, сообразными с креном пироги, не допускают балансир погружаться слишком в воду и сохраняют пирогу в равновесии.

оригинальный шиньон, висящий на тонком (волоса будучи туго обвязаны), часто 20 см, длинном стебле.

Характеристичное украшение, носимое здесь то на голове, то на груди, состоит из правильно вырезанного и хорошо выполированного круга, нередко в 12 см в диаметре, сделанного из одной из больших раковин (*Spes?*); иногда этот круг заменялся одною обчищенной, но не полированной жемчужною раковиною. Часто поверх этого белого круга был прикреплен в центре красиво и разнообразно вырезанный орнамент из черепахи, которого рисунок резко выступал на белом фоне раковины. В отверстие носовой перегородки был вдет шнурок с нанизанными мелкими раковинами, на котором висел выточенный из раковины (вероятно, из рода *Tridacna*) наконечник величиной в большую ручку для стальных перьев. Это оригинальное украшение, см 20—25 длины, болталось под носом. Виденные ожерелья были сделаны из зубов собак, между которыми находились часто и зубы людей; для придания ожерелью разнообразия в известных промежутках между зубами были нанизаны мелкие кости (челюсти и кости конечностей *Cuscus spes?*) и, между прочими, и людские *phalangi digitorum*. Я заметил у многих пожилых людей аппарат, которого назначение осталось для меня темным. Он состоял из пучка тонких ветвей, на которых засохшие листья были сохранены; эта метелка имела рукояткою верхнюю часть человеческого *humerus*. Эту метелку туземцы носили на шнурке вокруг шеи, и она болталась у них то на груди, то на спине. Я не видал, на что она служит, заметил только, что туземцы неохотно с нею расставались, когда я предложил им выменять ее на европейские изделия.

Туземцы здесь уже были так знакомы с требованиями европейских торговых судов, что подъехавшие пироги были нагружены всеми предметами торгова туземцев. Кроме черепахи и жемчужных раковин*, на пирогах находились предметы, заинтересовавшие меня в этнологическом отношении. По своей величине и искусной отделке *табиры*** разной величины, с красивыми резными ручками, обратили мое внимание.

Диаметр некоторых достигал 72 см, и правильность круга и изгиба вне и внутри были замечательны как образчик ручной и глазомерной работы. Другие сосуды различной формы, как, например, большие блюда, вазы и бутылки и т. п., были собственно не что иное, как *корзины*, сплетенные из тонкого ротанга, сделанные непромокаемыми намазанным с обеих сторон черным составом — соком, вероятно, какого-нибудь растения. Туземцы также привезли для меня множество

* Туземцы не были еще знакомы с ценностью жемчуга и выбрасывали все животное обратно в море, сохраняя одну раковину.

** *Табир* — название, которое дают папуасы Берега Маклая большим чашам или блюдам, выдолбленным из дерева и употребляемым для сервировки кушаний.

хорошо сделанных *сетей*, тонкая бечевка которых была сплетена из весьма крепких фибр. Наконец, *котья* с острием, состоящим из удачно отколотого куска обсидиана⁷, имели оправу, которая соединяла острие с древком из какого-то весьма твердого цемента, часто мастерски украшенную резьбой.

До захода солнца туземцы теснились вокруг шкуны. Не найдя хорошего якорного места, мы отошли, когда стало темнеть, немного от берега и легли в дрейф.

Мая 29. Ночью все положительно на шкуне спали: шкипер, рулевой, смотрящий на баке вперед. Утром, когда понемногу весь служащий персонал проснулся, мы оказались занесенными далеко на SSW от вчерашней деревни, около которой предполагалось оставаться, и находились около маленького островка, который виднелся вчера вечером на горизонте. Был почти штиль, и к нам приблизились от ближайшего берега две маленькие пироги. В одной из них находилась молодая женщина, которая, как и прочие туземцы, взобралась на палубу. Ее внешность была замечательна множеством татуировки, которою было покрыто ее лицо и тело до колен. Это были шрамы трех родов, расположенные без всякого рисунка или симметрии; прямые и кривые линии их перекрещивались вдоль и поперек. Эта татуировка не представлялась в виде уколов или точек⁸, как в Микронезии, а состояла из тонких (0,3 мм), сделанных острым орудием (как я убедился впоследствии — осколком обсидиана) шрамов 4—6 мм длины*. Другой род татуировки были пятна — зажившие ранки от обжогов древесным углем. Наконец, третий были высокие, покрытые гладкою кожей желваки; гипертрофия кожи была вероятным следствием втирания какого-нибудь вещества в рану. Таких было немного: несколько на плечах и между грудями⁹. Пока я рассматривал татуировку и мерил размеры ее головы, туземец, с которым приехала эта женщина, видя, что на нее обращено такое внимание, стал ее предлагать находящимся (здесь) европейцам (кладя свой кулак ей на колени и суя в него палец другой руки), на что она слегка улыбалась. Это меня удивило, так как меланезийцы в этом отношении весьма нравственны и такая услужливость вовсе не в их характере.

Не успел я смерить голов других туземцев, как они заговорили что-то в большой тревоге, указывая на берег, у которого мы были вчера, и на несколько пирог, которые показались из-за мыска. Они мимикой уговаривали шкипера и тредоров не возвращаться туда, а направиться в их

* Совершенно подобную татуировку я видел в Новой Ирландии (в Port Praslin) и у негритос в горах Лимай на о. Людоне, где шрамы, однако же, были немного толще, так как инструмент при татуировке был нож из бамбука, а не острый и тонкий осколок обсидиана. У негритос женщины были также более татуированы, чем мужчины¹⁰.

сторону (далее на запад). Когда же пироги наших вчерашних знакомых стали приближаться, сегодняшние посетители поспешили спуститься в свои пироги и стали грести в противоположную сторону, между тем как туземцы Лонеу (вчерашней деревни), завидя отвалившие пироги, кричали им что-то вслед и, стоя на платформе своих пирогов, грозили копьями. Очевидно, мы находились на границе двух враждебных деревень. Заняв на палубе место первых, вновь прибывшие в свою очередь стали усердно звать к себе к деревням *Лонеу* и *Пуби* и, указывая на удаляющиеся две пироги, постоянно повторяли: «уссия», мимикой хотели дать понять, что те люди людоеды*, и т. п.

Часам к 10 шкуна была окружена более чем 20 пирогами различной величины, и торг на юте шел очень оживленно. Картина его была характеристична для этой местности и этого торга; незначительный ветерок едва подвигал шкуну и не мог парализовать сколько-нибудь силы лучей палящего, ослепляющего солнца (к 11 часам в тени было 32 °С); у кормы несколько десятков разукрашенных, размалеванных папуасов кричали, прыгали из одной пироги в другую или бросались в море, держа предметы мены над головою, и достигали таким образом шкуну. У борта происходила страшная давка, несколько рядов туземцев предлагали, стараясь перекричать других, свои произведения, толкали других, пытались пробраться на палубу или спуститься обратно в пирог. С другой стороны, тредоры и шкипер с револьверами за поясом, с лежащими около наготове штуцерами разных систем, с мешочками, наполненными бисером, и стеклянными бусами в руках, уплачивали маленькими мерками, не больше наперстка, ⟨за⟩ скорлупу черепах, жемчужные раковины¹² и другие местные произведения**. Для допол-

* Значение слова «уссия» осталось мне неизвестным; может быть, оно значит «неприятель» или «дурной» или есть просто название местности¹¹. Я ничего не видал, подтверждающее людоедство на островах Адмиралтейства; украшения из человеческих зубов и употребление людских костей для подобной же цели недостаточны, чтобы служить опорой такого обвинения. Слова же туземцев еще менее того значат, так как очень распространенная уловка дикарей состоит в выдумке всего возможного и невозможного, единственно с целью убедить белого последовать их убеждению или просьбе.

** Проценты, которые берут европейцы при этой торговле, выменивая мелкий бисер на черепаху и перламутр, могут считаться сотнями. Один из опытных тредоров, прошедший много лет своей жизни, занимаясь этим делом, рассказывал мне, что во многих случаях при торге на островах Тихого океана барыш в 800 % не редкость. Разумеется, главная выгода достается главной фирме, которая доставляет тредорам — своим агентам — предметы для мены, назначая им цены, сообразно с которыми они должны возвращать произведения островов. Не помню всех мне сообщенных примеров этих цен, но все они были замечательно высоки, вроде как, например, пустая бутылка от вина или пива ценилась приблизительно около 1 дол-

нения картины прибавьте: подюжины туземцев Вуапа, вооруженных заряженными ружьями, стоят на рубке (каюта на палубе) около шкипера, который уже вчера зарядил свои игрушечные пушки и приготовил сегодня глеющие фитили «на всякий случай».

Иногда, когда ют слишком переполняется, на туземцев травят большого и сильного водолаза, которого они пока боятся более тредоров, шкипера и всего японского гарнизона, вместе взятых. Если собака показывала свои большие зубы или начинала лаять, ют мигом очищался и давка у борта еще более усиливалась; многие бросались в море, чтобы скорее уйти, другие лезли в ванты. Это очень тешило шкипера и тредоров. Насколько позволяла жара, раздражающий нервы шум человеческого крика и говора, давка около борта, суматоха при травле туземцев собаками, досада при виде человеческой бесчестности, несправедливости и злости и т. п., я старался развлечься наблюдениями над папуасской толпой. Это мне удалось несколько раз в продолжение дня, когда вся описанная непривлекательная обстановка исчезала для меня на время, и я видел перед собою ряд интересных объектов для исследования и, пользуясь случаем, спешил записывать, мерить и чертить эскизы для дополнения заметок. Я смерил по возможности аккуратно дюжины полторы голов и нарисовал эскизы челюстей с громадными зубами, которых величина и форма сперва меня очень озадачили*. Вьющиеся, *не* курчавые, волосы у одного особенно светлого мальчика обратили далее мое внимание; но, вспомнив о настоятельных предложениях спутника папуасской дамы, я не счел основательным придать большое значение такому одинокому исключению из общего типа.

Довольно замечателен был костюм у многих, который, хотя и был для меня не сюрпризом, так как я об нем не раз читал**, но вид его удивил более, чем просто читая о нем, приведенном между другими, также довольно курьезными изобретениями *Species homo*. У многих конец *penis*'а был защемлен в узкое отверстие *Bulla ovum*¹⁵. Туземцы, казалось, были очень довольны выдумкой такого несложного нацио-

лара. Понятно, что тредоры при торговле с туземцами также не упускают случая набить еще более цену, чтобы со своей стороны заработать что-нибудь. Слушая эти рассказы и видя на деле, что они не преувеличены, я невольно вспомнил страницу в сочинении г. Уоллеса (во 2-м томе его сочинения о Малайском архипелаге), где он негодует, что туземцам островов Ару достаются европейские произведения почти что не дороже, чем европейцам в Европе¹³. Г. Уоллес мог бы остаться доволен заработком европейских торгашей в этих странах!

* Портрет одного обладателя такой челюсти я послал имп. Русскому географическому обществу при последнем сообщении.

** *Weitz T.* (Anthropologie der Naturvölker. Th. 6. Leipzig, 1872. S. 566) приводит свидетельство *Форстера*, *Картера* и *Хунтера* об этом обыкновении¹⁴.

нального костюма; как только замечали, что кто из европейцев обратил внимание на привешенную раковину, почти всегда находился один, который, стоя на платформе пироги, приводил белую раковину в движение: она то прыгала вверх и вниз, то по сторонам, то вертелась, как колесо, вокруг оси; наконец, устав или считая, что потешил достаточно публику, шутник делал ловкое движение и прятал *Bulla ovum* между ногами. Движения эти были так ловки, люди, казалось, имели такой навык делать их, причем разные личности повторяли положительно те же движения и в том же порядке, что я не сомневаюсь, что эта гимнастика входит в один из танцев туземцев. Когда туземцы переменяют костюм, т. е. заменяют «мана» (туземное название *Bulla ovum*) поясом из тапы, то они надевают ее часто на ухо или вкладывают ее в небольшой мешочек, носимый на шее. Снимая и надевая мана, они, бесцеремонные в других отношениях, стараются не обнажать *glans penis*, закрывая ее рукой или защемляя ее между ногами*.

Я пожелал приобрести для своей этнологической коллекции несколько экземпляров раковины, послужившей для этой цели, отчасти ради орнамента, который был вырезан на ней, отчасти, чтобы удостовериться, что узкое отверстие ее расширено. Но я убедился, что в одном экземпляре оно не было изменено, в другом обточено самым незначительным образом. Мне казалось очень сомнительным, что эти люди могли бы втиснуть *glans penis* без боли в такое узкое отверстие, в которое едва входит мизинец взрослого человека, предполагал поэтому, что они защемляют в раковину только *praeputium*, который здесь как у детей, так и у взрослых, очень удлиннен. Однако же наблюдение многих индивидуумов показало, что не только *glans*, но и часть *corporis cavernalis* помещаются в раковину. Другое обстоятельство, убедившее меня в возможности ношения такого аппарата без серьезных неудобств и последствий для здоровья, то, что сдавливание внешних частей не так сильно, чтобы произвести стриктуру мочевого канала, так как туземцы могут испускать мочу, не снимая раковины, чего я сам был свидетелем и для чего сделано небольшое отверстие в круглой стенке *Bulla ovum*. Этот обычай доказывает малость мужского полового органа у этих туземцев, что составляет зоологический характер расы, которым не следует пренебрегать**.

* Герланд (Weitz T. Op. cit. Th. 6. S. 575) говорит, что в Полинезии единственная часть тела, с обнажением которой соединен стыд, это *glans penis*.

** Замечу, что другая крайность (т. е. чрезмерная) величина этого органа найдена у негров (см.: Jacquinot H. Considerations générales sur l'anthropologie suivies d'observations sur les races humaines de l'Amerique méridionale et dans l'Océanie // Voyage au Pôle Sud et dans l'Océanie... pendant les années 1837, 1838, 1839, 1840, sous le commandement de M. J. Dumont-D'Urville. Zoologie, par M. M. Hombron et Jacquinot. T. 2. Paris, 1846. P. 139¹⁶), племени, которое ближе других сродственно меланезийскому.

Два типа хижин в дер. Тупи. Июнь 1876 г.

Торг, который шел без перерывов, не мешал, однако же, туземцам думать о своем желудке. Одни ели таро, которого здесь, кажется, много и хорошего качества, другие — саго, вареное с тертым кокосовым орехом; некоторые же — какую-то массу кирпичного цвета, которую я сперва принял за особенным образом приготовленное саго, пока я не подошел к завтракающему и не удостоверился, что эта масса не саго, а глинистая земля. Туземец ел ее с удовольствием и долго жевал ее перед глотанием. Эта земля, которую называют здесь «*э-наме*», цветом и вкусом похожа на «ампо» — землю, которую малайцы едят на о. Яве, около Самаранга, и на многих других островах Малайского архипелага*.

Мы употребили весь день почти, чтобы добраться до деревни, и к заходу солнца бросили якорь около деревень Пуби и Лонеу, в нескольких саженях от берега.

Мая 30. Отправился в деревню, которая расположена была вдоль берега. Хижины тянулись около самого песчаного берега, а не были спрятаны, как в Новой Гвинее (Берег Маклая) за поясом берегового леса. Хижины были двух родов. Одни, в меньшем числе, состояли из крыши, доходящей до земли, так что отдельных боковых стен не было. Передний и задний фасады имели стены из того же материала, как и крыша, т. е. из листьев кокосовой пальмы; в них были двери, передняя, обращенная к морю, была шире, и верхний карниз ее был украшен раковинами. Эти хижины служат местом собрания мужчин и спальнею холостых; женщин и детей в них не было. Таких я заметил три во всей деревне; все остальные были меньшей величины и стояли на сваях, которых верхние концы были клинообразно заострены и снабжены круглыми горизонтальными досками — устройство, чтобы затруднить проникновение крыс в хижины. Можно себе составить довольно верное понятие об этих хижинах, вообразя всю хижину, состоящую из одного чердака, стоящего на сваях.

Под хижинами между столбами было опрятно, к отверстию в полу, которое образует вход и может запираться опускаемой дверью, было приставлено бревно с зарубками.

Осмотрев эту деревню, которая называлась *Пуби* и была очень невелика, я отправился по тропинке вдоль морского берега в другую — Лонеу, которую также можно было видеть со шкуны. Местность между деревнями была болотистая, и много саговых пальм росло здесь. Дру-

* На Яве эту землю продают тонкими пластинками, слегка поджаренными, как лакомство, на улицах. Кроме Явы, подобная ей глинистая земля, употребляемая в пищу, описана С. Мюллером (*Müller Salomon. Reizen en onderzoekingen in den Indischen Archipel in de jaaren 1828—1836. Deel 2. Amsterdam, 1857, Bl. 65*) на о. Амбоине, и анализы другой, из Суматры, находятся в журнале «*Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië*». Deel XXXIV, 1874. Bl. 185.

гая деревня оказалась значительно больше первой, и хижины стояли тесно друг около друга. Пространство под хижинами было содержано очень чисто, и сваи, на которых стояли хижины, образовывали ряды пропилен, отделяющие анфилады пустых и низких комнат. Под хижинами было прохладно, и такое устройство, я полагаю, соответствует хорошо тропическому климату. Это были семейные хижины; я осмотрел внутренность нескольких, но крик грудных ребят выгонял меня скоро из них; я успел только заметить, что в хижинах не было перегородок и, кроме табиров, горшков и циновок, никакой особой утвари, снарядов или мебели. Около некоторых хижин лежали барумы*, совершенно схожие по форме и по употреблению с теми, которые я описал в этнологических заметках (о папуасах) Берега Маклая.

Туземцы здесь не пугливого характера, они не угнали женщин и детей в лес или другие отдаленные деревни, почему я имел возможность продолжить и над ними мои вчерашние антропологические измерения, за которые я принялся, как только осмотрел обе деревни. Вообще я принял за правило предпринимать наблюдения в первые дни знакомства с туземцами, когда они еще находятся под влиянием известного смущения, с которым обыкновенно бывает сопряжено появление белого в странах, где таковые еще не живут и редко посещают. Новизна лица и любопытство, которые группируют туземцев около него, непонимание его намерений и боязнь рассердить его делают их очень послушными объектами исследования, которые мерить, рассматривать и т. п. можно без помех, разумеется, если исследования не переходят границу их терпения.

Занимаясь мерением одного, причем часто (как, например, здесь), я имел неприятный случай удостовериться, (что) 25 измерений, предлагаемые г. проф. Вирховым, не говоря уже о 78 (публикованные комиссией экспедиции фрегата «Новары»)***, оказываются слишком продолжительным промежутком времени для терпения туземца, (и) можно

* *Барум* — снова туземное название, которое дают папуасы Берега Маклая большому стволу, выдолбленному наподобие корыта; ударяя толстою палкою в стенки его, он издает громкий, немного глухой звук, который слышится в большом расстоянии; он служит набатом для сообщения разных происшествий (смерти, пиршества, войны и т. п.) в деревне и окрестным деревням (См.: *Miklucbo-Maclay. Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea. Batavia, 1875. S. 19* (См. «Этнологические заметки» в т. 3 наст. изд.)

** (Пабора) *K. Scherzer and E. Schwarz «On Measurements as a Diagnostic Means for Distinguishing the Human Races»* (Sydney, 1858) содержит 78 номеров измерений; в «*Instructions generales pour les recherches anthropologiques. Redigees par M. P. Broca»* (Paris, 1865) предлагаются 63 номера или по крайней мере 30. В антропологической инструкции *British Association for the Advancement of Science* — 47; в антропологической программе проф. Вирхова — 38 или по крайней мере 25¹⁷.

испытать неудовольствие, что остальные туземцы, которые образовали группу около вас и которых вы надеялись измерить в свою очередь, один за другим уйдут. Если же станете следить за окружающими вас, то или легко ошибочно станете мерить или записывать, или, что тоже может случиться, пока вы наполовину отвернетесь, сам объект ваших измерений неожиданно скроется и каждый из толпы будет искать отговорку, чтобы только не попасть в ваши руки.

Наученный опытом, я сократил значительно мои наблюдения и старался собрать достаточный материал для положительных ответов ограниченного числа вопросов. Я убедился уже при прежних путешествиях между другими дикарями, что лучше всего начинать со старейших по летам или по положению и, сохраняя при этом самый серьезный вид, заставлять хранить молчание всей толпы. Не раз, и не только здесь, замечал я, что люди, над которыми я сделал наблюдение, сами, без моего вмешательства, следили за другими, чтобы я кого не пропустил или чтобы кто не укрылся от манипуляций, сделанных над ними. Это происходит, как я предполагаю, от обстоятельства, что дикие видят даже в самой мелочной мелочи, сделанной над их особою, 〈проявление〉 какого-нибудь волшебства, чего-нибудь опасного и, сообразно с общелюдским характером, думают: если что дурное вследствие этого случится со мною, то пусть и с другим будет то же; со мною что-то сделали, пусть сделают то же и с тобою, и с ним, и с другими*.

* Мне хорошо помнится смешная, но характеристичная сцена, которой я был свидетель во время моего первого пребывания на Берегу Маклая на Новой Гвинее (1871 г.), которая может служить иллюстрацией этого психологического замечания. Туземцы, которые, как известно, много месяцев были крайне недоверчивы ко мне, имели также недоверие и к моим вещам и даже к моей еде. Раз, месяца четыре по моему приезду, когда я уже немного понимал папуасский язык, трое жителей соседней деревни застали меня за завтраком, который состоял из вареного риса без других приправ, кроме соли. Один из пришедших, сжимая обеими руками живот, который он втянул сильным выдыханием (обыкновенная папуасская мимика, чтобы изобразить: голоден, пустой желудок), сказал, что очень голоден, не ел еще ничего в этот день. Я предложил ему ложку риса, хотя знал, что он откажется от него. Но в тот день (и это было в первый раз, что туземец осмелился попробовать мою еду) он слегка вскинул голову, поднял глаза и, втягивая воздух между сложенными как бы для свиста губами (обыкновенный жест согласия у папуасов), сперва обнюхал ложку и взял в рот содержимое ее. Не успел он проглотить половину, 〈как〉, как бы сообразив всю отвратность своего поступка — попробовать «инги Маклай» (еду Маклая), с полным ртом спросил меня: он не умрет от этого? Я отвечал, что нет. Проглотив еще немного и обратившись к своим спутникам, он предложил им также попробовать рису, на что оба отвечали таким отвергающим жестом (подаваясь всем туловищем назад и тряся плечами и руками), как бы он предлагал бы им яду. Первый, с рисом во рту, перестал есть и еще раз настойчиво просил их попробовать рис. Но они опять отказали. Тогда его поступок и ему показался необдуманным, дерзновен-

Другое правило, до которого я дошел также опытом, это делать наблюдения (антропологические) при каждом удобном случае и по возможности неожиданно, особенно если хочешь мерить или рисовать женщин. Я таким образом мог собрать гораздо более размеров и заметок, чем если бы я поручал мужчинам позвать их или привлечь бы их, раздавая подарки. Женщины здесь представляют, особенно для краниологии, ценный материал, имея, как и во многих местностях Новой Гвинеи, очень короткие волосы или бритые головы, что позволяет весьма верно получать размеры их черепа. Я весь день провел на берегу, меряя и рисуя*.

Мая 31. Приход даже такого небольшого судна, как шкуна, оказывает влияние на ход ежедневной жизни туземцев, так что многие их занятия, работы и даже стороны их характера (отношения между собою, с женщинами и детьми) ускользают от наблюдения при кратковременном знакомстве. Когда я съехал утром на берег, в деревне не было мужчин; все были заняты торгом на шкуне. Зато множество женщин сидели около хижин с детьми всех возрастов; все были заняты нанизыванием на длинные нити мелкого бисера, который был наторгован вчера их мужьями и отцами на шкуне.

Бисер будучи очень мелок, я подошел к одной группе, чтобы рассмотреть нить, которую употребляли для нанизывания. Она при всей тонкости и длине оказалась замечательно крепкою и ровною. По крепости она превосходит, мне кажется, все европейские нитки. При посредстве сметливого мальчика я увидал разные шнуры и веревки, сделанные из этого же материала, который был принесен мне тем же мальчиком из леса; эта была длинная лиана с очень гибким и ровным стволом. Туземцы здесь называют ее *кан*, и ветку этой лианы, к сожалению без цветов, я сохранил для определения.

Занятия с бисером помогли моим краниологическим измерениям. Вчера мужчин и детей я мог мерить без препятствий; женщины же, вероятно вследствие присутствия первых, очень жеманились, закрывали лицо руками, как только я подходил, или, опустив, не хотели поднять голову, вертели или убегали; одним словом, я не получил вчера ни од-

ным и опасным. Он быстро выплюнул в ладонь остатки риса и стал быстро мазать ими грудь и руки своих товарищей, приговаривая: «Если я умру, то и ты умрешь!» Удивленные неожиданностью, его спутники сперва пятались, затем вскочили и бросились бежать от него в деревню, он — за ними, и я еще несколько раз слышал его харканье, чтобы освободиться от остатков риса в горле, и его возгласы: «И ты умрешь! И ты!»¹⁸.

* Так как туземцы северного берега о. Адмиралтейства не отличаются в антропологическом отношении от жителей южного берега, то я предпочитаю сообщить общие результаты антропологических измерений и наблюдений в конце этого письма¹⁹.

ного несомненно верного размера женской головы. Сегодня же не было мужчин, и они не считали нужным разыгрывать лишних комедий; притом, боясь рассыпать бисер, который лежал в табирах у них на коленях, они не шевелились, когда я, неожиданно подходя, мерил их головы, сравнивал цвет их кожи с таблицей Брока или рассматривал их татуировку. Последняя, хотя не отличается красотой или сложностью рисунка, расположена по крайней мере симметрично по обеим сторонам тела, а не вдоль и поперек без всякой системы, как у вчерашней женщины из деревни уссия. Вчера я описал физиономию самих шрамов, сегодня скажу несколько слов о расположении ее у здешних женщин. Начинаясь двумя или тремя желваками гипертрофированной кожи на верхней части рук у плеча, идет ряд выжженных пятен над грудями и, сходясь между ними, образует латинскую букву V; отсюда простая линия мелких надрезов или несколько подобных линий, расположенных зигзагами, опускается до пупа. Но на татуировку здесь обращается гораздо менее внимания, чем в Микронезии, и расположение ее не установлено строгой модой.

Костюм женщин не отличается почти от костюма на архипелаге Пелау: те же фартуки из растительных фибр (листьев пандануса, ствола банана и т. п.) спереди и сзади, только женщины здесь носят их, подвязывая пояс гораздо выше, так что пуп обыкновенно закрыт, и они также длиннее, чем у женщин островов Пелау. Почти все женщины казались старухами и были очень некрасивы собою, а девушки, еле достигшие зрелости, были беременны или возились уже кормлением грудью своих первенцев.

Я много раз вчера и сегодня замечал, как туземцы обоего пола выражают удивление. Каждый раз, как была к тому даже малая причина, они вкладывали палец между зубами, при этом не было ни возгласов, ни фраз, выражавших одобрение или страх; они молчали, но, когда удивление усиливалось, в рот вкладывали еще другой палец. Когда руки были заняты или держали что-нибудь, пальцы заменялись высовыванием языка, при этом также градусы удивления выражались длиною высовывающейся части языка.

Женщины сидели на земле так же, как и мужчины, что очень скандализировало моего слугу, туземца Пелау, который уверял меня, что женщины и девушки Пелау никогда так не садятся. Не замечая ничего особенного и не видя отличия от образа сидеть, какой в ходу на других островах, я спросил объяснения; оказалось, что на архипелаге Пелау считается непристойным (?), если девушка или женщина при лицах мужского пола сидит на корточках или даже, сидя, расставляет слишком далеко лежащие на земле ноги; эти оба положения были в ходу здесь между женщинами, которых уставы этикета отличались от понятия приличия туземцев Микронезии.

Мальчик лет 12 нечаянно или умышленно толкнул одну из женщин, которая вследствие того рассыпала немного бисера, отчего она пришла в такую ярость, что, найдя слова, которыми она его осыпала, недостаточными, она вскочила и, гоняясь за ним, стала бросать в него камнями, палками и всем, что находилось на дороге. Это была уже весьма пожилая женщина, и так как она долго не могла успокоиться, все старалась попасть чем-нибудь в своего противника, который увертывался и бежал от нее, то сцена была весьма смешная, и несколько мальчиков так сильно хохотали, что валялись по земле и от смеха в глазах у них были слезы.

Кончив с измерением голов и роста, я только что собирался рисовать профиль одной из женщин, как заметил в группе, которая окружала меня, суматоху; почти все женщины, за исключением нескольких старух, перебрались со своим бисером и детьми (на) несколько хижин далее от той, где я сидел; даже оригинал моего предполагаемого эскиза, пользуясь удобным случаем, когда я оглянулся, чтобы узнать причину общего передвижения, улизнул. Несколько пирог с мужчинами возвращались со шкуны, и они произвели общее бегство женщин. Когда туземцы вернулись и обступили мой столик, женщины сидели в почтительном отдалении, как подобает «номерам вторым» рода человеческого (которое нормальное отношение сохранилось еще в папуасском мире).

Вернувшиеся со шкуны казались очень усталыми: все утро было очень жарко, давки и травли собакою на шкуне также, вероятно, не доставало.

Я заменил убежавший женский оригинал весьма интересным объектом мужского пола, которого громадные зубы были очень замечательны; многие из туземцев расположились спать, улегшись на живот и уткнув лицо в подложенные под голову руки. Один же, которого интересовала почему-то моя камера-люцида, но у которого слипались также глаза, отправился к группе женщин и, сказав что-то одной из них, лег на землю. Подошедшая женщина, присев около него и взяв его голову в руки, стала сдавливать ее то спереди и сзади, то с боков, насколько хватало ее сил. Это продолжалось минуты 3 или 4, раза два она хотела перестать, но пациент ворчал что-то, вероятно вроде «еще», и она продолжала эту операцию. Он встал, наконец, протер глаза и, вернувшись ко мне, показал мимикою, что теперь он спать более не хочет, и действительно он оставался бодрым до вечера, между тем как его товарищи, все лежа на животе и по временам ворочая голову или раздвигая и сдвигая циркулеобразно ноги, проспали до сумерек.

Самым интересным наблюдением сегодня было, что и у женщин я заметил склонность некоторых зубов превышать величину других, хотя не в такой степени, как у мужчин, и далее факт, что у детей, осо-

бенно у мальчиков, некоторые зубы уже так значительны, что обещают достигнуть или даже перещеголять величину зубов отцов; из чего следует, что эта характеристичная для расы особенность стала уже наследственною²⁰. Неровность зубов заметнее у женщин и детей, имеющих белые зубы, между тем как у взрослых мужчин от употребления пинанга поверхность зубов покрыта как бы черною глазурью.

Июня 1. Двое из тредоров должны были по контракту, заключенному с сингапурскою фирмою, остаться на о. Адмиралтейства, почему один избрал деревню Пуби местом жительства. За несколько топоров, ножей, бумажной материи и т. п. была куплена одна из хижин, и новый хозяин ее стал перевозить свои вещи на берег, почему сегодня много мужчин оставались в деревне и толпились около хижины нежданного гостя. Дав мимоходом матери грудного ребенка немного бисера, (я привлек внимание матерей:) мне стали приносить всех грудных детей деревни, надеясь получить тот же подарок; при этом мне удалось видеть ребенка, которому, по всему вероятно, было не более 8 или 9 дней. Цвет его кожи был сравнительно очень светел (№ 21 таблицы Брока)²¹, а голова брахицефальна (индекс ширины 82,4).

Сегодня я был окружен туземцами мужского пола, которых физиономии представляют не менее разнообразия, чем в Новой Гвинее. Сказав несколько слов о татуировке женщин, я еще не описал ее у мужчин, у которых она также встречается и даже сделана тщательнее, чем у женщин, хотя (обильна) еще в меньшей степени, чем у последних.

Несмотря на то что туземцы о. Адмиралтейства любят украшения, что заметно из множества (предметов), которые они носят, татуировка отступает на второй план и заменяется раскрашиванием лица и тела красною краскою. Причина тому та, что только в первой юности, когда кожа гладка и немного светлее, чем у людей, достигших зрелых лет, татуировка (пунктами и тонкими шрамами) достаточно видна и производит эффект; у людей же лет тридцати (может быть, и ранее) кожа так темнеет, грубеет и покрывается морщинками (особенно на лице), что татуировка почти незаметна. Часто только пристально и вблизи разглядывая лица мужчин зрелых лет, я замечал татуировку на лице. Женщины татуированы значительно, оставаясь светлее мужчин; пятна от обжога сохраняются долее заметными, они видны даже у стариков, почему встречаются чаще.

Рисуя портрет одного из туземцев, с красивым римским носом, которого горб, однако, не был достаточно велик, чтобы отличить его обладателя от прочих туземцев*, я заметил пять кругов, состоящих из

* Проф. Вирхов (Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, за март 1873 г.) говорит, что он видит *неразрешенное противоречие*

лучеобразно расположенных шрамов мм 3 длины. Они были симметрично распределены: один над переносицею, по одному на висках и под глазами.

По мере 〈того〉, как я обозначал их на моем эскизе, вокруг стоявшие туземцы, принимавшие большое участие в движениях моего карандаша, называли мне каждую фигуру татуировки особнным именем и показывали ее, если такая имелась, также у себя на лице. Круг над переносицею оказался почти у всех, почему часто повторенное имя его «мадаламай» осталось у меня в памяти. Кроме пяти кругов, у рисуемого объекта нашлись по четыре ряда мелких шрамов, расходящихся веерообразно от угла глаз на виски и скулы. Описанные шрамы были так тонки и так мало отличались цветом от прочей кожи, что я должен был смоченною тряпкой несколько раз вытирать виски и лоб моего оригинала, чтобы кончить портрет²³, не упустив какой-нибудь татуированной фигурки.

Кончив эскиз, мне захотелось узнать, чем туземцы делают такие тонкие шрамы или чем и как они татуируются. Это нелегко было объяснить, но наконец мой знаками поставленный вопрос был понят более сметливыми, которые, порывшись в мешочках, которые туземцы носят на шее²⁴, достали несколько тонких, очень острых осколков обсидиана. Один из туземцев, чтобы показать, что понял, что я желаю знать, стал делать, не думая спрашивать на то позволение, очень проворно ряд надрезов на плече соседа, которые обнаружили скоро капельками выступившей крови. Чтобы я видел все достоинства его инструмента, он стал брить висок другого соседа, но, заметив, что несколько волосков на бровях успели отрасти, что не согласуется с модою на островах Адмиралтейства, он перешел к бровям.

Заметив, что, когда непрошенный оператор делал надрезы, пациент, которого лицо я вполне мог видеть, не моргнул, мне интересно было удостовериться, было ли спокойное его лицо следствием самообладания или боль при татуировке была незначительна. Я расстегнул рукав рубашки, и мне были сделаны несколько надрезов, к большому удовольствию оператора и окружающей толпы. Я не почувствовал положительно ничего, удостоверился, что они были сделаны действительно, только когда выступила кровь. Так же нечувствительно было и бритье. Я предложил одну ногу для этой операции и, едва записал

между большим носом папуасов Доре, как описывает их Уоллес, и короткими, сплюснутыми (*ecrasé*) носами новокаледонийцев, которых кончик направлен вверх²². Это противоречие разрешается главным образом не только невозможностью подвести все носы какого-нибудь племени под одну схему, но *изменением формы носа* вследствие операции пробурывания носовой перегородки, обычая втыкания разных предметов в отверстие и в оттягивании низа носовой перегородки.

несколько слов в записной книжке, как уже одна сторона ноги от колена до ступни была выбрита, и опять-таки почти нечувствительно для меня. Эти осколки — ланцеты и бритвы были приблизительно одной формы, напоминающей клинообразные зубы акул (*Carcharias*).

Взяв большой кусок обсидиана в руки, я захотел попробовать, легко ли получаются такие осколки и сумею ли я отколоть несколько. Однако же, как ни пробовал, как ни вертел камень, я не отколол ни одного даже и отдаленно годного осколка. Туземцы смеялись вокруг, а я должен был сознаться, что не умею. Я передал кусок обсидиана одному из них и стал смотреть, как он приступит к делу. Он встал, подошел к в несколько шагах отстоящему морскому берегу и поднял небольшую раковину (из рода *Surgaea*). Присев затем снова около меня, он положил обсидиан на подошву левой ноги так, что гладкая и широкая поверхность камня приходилась наверху. При втором или третьем *легком* ударе, также плоскою стороною принесенной раковины, отскочили несколько осколков, совершенно подобных сперва виденным. Выбирая разные стороны и края большого куска обсидиана и ударяя с разною силою (но всегда *слегка*), он получал осколки различной формы — то узкие, то широкие*. Ларчик просто открывался.

Тем же образом он заострил, по моему желанию, конец копья, которое держал один из толпы. Туземцы указали на о. *Ло*, или *Лу*, которого силуэт виднелся на ЮВ, как на место нахождения обсидиана.

Из значительной толпы, которая со всех сторон обступила нашу группу, я выбрал самого высокого и самого низкого; первый был 1740 мм, второй — 1470 мм вышины; большинство — роста ниже среднего европейского**.

На берегу я ни на одном туземце не видал костюм, состоящий из одной *Bulla ovum*, все мужчины были повязаны тапою, не отлично от других местностей Меланезии.

Большинство имело лицо, окрашенное красною краскою различным образом, и так как расположение краски на лице, груди, спине варьирует у каждого индивидуума и у этого изменяется каждый день

* В Punta Arenas (в Магеллановом проливе) мне были подарены в 1871 г. несколько наконечников стрел, сделанных туземцами Огненной Земли из стекла прибитых к берегу европейских бутылок. Они были очень искусно сделаны, и изготовление их казалось мне делом большого терпения и ловкости. Видев описанный способ обращаться с обсидианом, которого свойства очень подобны стеклу, я убежден, что наконечники стрел были сделаны тем же или весьма подобным образом и в привычных руках не менее быстро²⁵.

** Я подразумеваю под средним ростом европейца двадцати пяти лет для мужчины 1680 мм, для женщины 1570 мм (см. *Uble P. und Wagner E. L. Handbuch der Allgemeinen Pathologie*. 4-te Auflage. Leipzig, 1868. S. 72).

или каждый раз, как он возобновляет это украшение, то описание разных комбинаций рисунка я считаю здесь лишним.

Уже с первого дня знакомства с этими туземцами меня интересовал вопрос: есть ли у них начальник какой-нибудь и если есть, то какая его власть. Но наблюдения дали *отрицательный* ответ: как и в Новой Гвинее (<на> Берегу Маклая), у них нет такого, а если некоторые туземцы и достигают большого влияния, то это вследствие опытности, знания дела, отчасти и лет. Мореплаватели и путешественники, которые видят страны только несколько дней или часов, руководясь общепринятыми идеями или тем, что видели в других странах, не стесняются раздачу таких титулов, как вождь, начальник, король, руководясь часто только тем, что один из туземцев более кричал, чем другие, или имел какое-нибудь внешнее отличие. Я повторяю, что я не мог убедиться в посещенных деревнях в присутствии начальника между жителями, хотя и знал, что Герланд*, основываясь на описании французских мореплавателей, говорит о князьях (?) на островах Адмиралтейства, которых очень слушаются и которые деспотически обращаются с подданными. Я могу также ошибаться, как и французские мореплаватели, видевшие этих князей, но я знаю по опыту, что *много месяцев* жил в Новой Гвинее в незнании, есть ли у них начальники или нет**. Говорить *положительно* об подобных вопросах, основываясь на кратковременном пребывании, не зная языка, и собственными недостаточными наблюдениями стараться доказать ложность рассказа других, может быть названо, по моему мнению, не иначе, как: вносить *лишний хлам* в свое сообщение — почему умолкаю²⁶.

В деревне вдруг произошла тревога; группа около меня также зашумела, заговорила и разбежалась по хижинам. Много туземцев, вооружившись копьями, бросилось к берегу. Не зная языка, нельзя было добиться, что случилось; вероятно, что пироги из неприятельской деревни пробовали пробраться к шкуне, чтобы и на свою долю добыть несколько «буаям» (бисер), до которых туземцы здесь большие охотники. Это можно было предположить потому, что несколько отдаленных пирог давно уже занимало туземцев. Скоро и из Лонеу, куда известие уже успело дойти, прибежали преимущественно молодые люди, со значительными связками копий на плечах.

Я отправился в противоположную сторону, в Лонеу, желая сделать эскиз хижины, и дорогой имел случай видеть характеристическую картину страха. Тропинка была узка, и в нескольких местах от нее шли другие

* T. Waltz. Op. cit. Th. 6. S. 654.

** На Берегу Маклая в Новой Гвинее нет, собственно говоря, ни родовых, ни выборных начальников; всем взрослым принадлежит одинаково право голоса, но между другими находятся более влиятельные своим умом или ловкостью, и люди слушаются не их приказания, а их совета или их мнения.

тропинки, ведущие в лес или к огородам. При одном повороте вышли в нескольких шагах передо мною, из одной такой побочной тропинки, две женщины и направились к деревне, но, заслышав мои шаги и обернувшись, одна из них, с ребенком на плече и с мешком таро на спине, бросилась в кусты в сторону и мигом скрылась. Тогда другая, несшая большую связку сухих сучьев и сахарного тростника на голове, встревоженная бегством спутницы, с трудом, по случаю ноши, которая цеплялась за деревья, обернулась. Это была девочка лет 11 или 12. Я стоял в нескольких шагах и мог вполне видеть выражение ее лица. Увидев меня, лицо ее значительно вытянулось, брови поднялись, рот немного открылся, я думал, что она сейчас закричит или заплачет; но испуг был так силен, что она осталась нема, только большие капли пота выступили на висках и на лбу; она так дрожала, что ноша, которую руки перестали придерживать, свалилась с головы в сторону. Я думал, что и ноги откажут ей служить и что она упадет, сделал поэтому шаг вперед. Но теперь, чувствуя себя не стесненною ношею, она быстро и опрометью бросилась бежать по тропинке, оставив вместе с ношею на месте, где она стояла, и далее по тропинке след невольно испражненных экскрементов*.

* Другой пример страха, не менее характеристичный, я имел случай видеть в прошлом (1875 г.) при моем путешествии в Малайском полуострове. Войдя в хижину, где находилась семья оран-сакай, и подошедши к первому попавшемуся лицу, которое оказалось женщиной, я был поражен ее видом. Ее лицо выражало крайний страх; она странно водила глазами вокруг, подбородок дрожал, и она судорожно схватила меня за платье обеими руками. Она имела вид сумасшедшей. Я сказал несколько слов по-малайски, чтобы успокоить ее, и был немало удивлен, когда она повторила эти же слова и даже с тою же интонацией, как я произнес их. Я прибавил еще одну фразу. Тот же эффект: повторяет, как попугай, каждое слово. Я сказал несколько русских слов, думая озадачить ее. И те повторила она, не запинаясь и очень отчетливо. В промежутках она что-то бормотала, причем голос ее сильно дрожал. Я обернулся к старому малайцу, моему спутнику, чтобы узнать, сумасшедшая ли она; она этим мгновением воспользовалась, чтобы спрятаться в самый темный угол хижины и отнести туда ребенка, которого я сперва не заметил и который, вероятно, был причиной, что она схватила мою ногу обеими руками, когда я остановился перед нею. Мне сказали, что она не сумасшедшая, а что она только очень испугалась. Я захотел сделать ее портрет, чтобы удостовериться, что только под влиянием испуга она повторяла мои слова, — факт, который мне показался весьма интересным. Почти силою привели ее ко мне, и она постоянно отворачивалась, только чтобы не видеть мое лицо. Мне сказали, что до этого дня она ни разу не видала белого и что поэтому она так боится. Чтобы ободрить ее, я посадил около нее старого малайца, который знал ее еще девочкою. Она обхватила его шею и прижалась к нему так, что я мог нарисовать ее только в профиль. Она все еще не могла успокоиться и по временам дрожала. Когда я к ней прикасался, чтобы повернуть немного лицо или поправить волосы, она сильно вздрагивала, и крупные капли пота выступали у ней на лбу и на носу, несмотря на то что лоб и руки ее были холодны, Conjunctiva и десны

Я пришел в деревню и кончал уже эскиз, когда воины один за другим вернулись в деревню. Все дело оказалось не более как ложная тревога.

Единственное оружие, которое я здесь видел, были уже описанные копия с наконечником из обсидиана или твердого дерева (кажется, внешний слой древесины *Caurota*). Замечательно, что они не имеют лука и не знают его употребления, потому что когда я, желая убедиться в отсутствии этого оружия, думая, что рисунок может быть не понят, сказал моему слуге сделать небольшой и показал его употребление, туземцы смотрели на него, как на игрушку, и не соединяли никакого понятия с ним²⁸. Я не считал нужным настаивать на выгодах во многих случаях такого снаряда перед копьем; у них пока и копия достаточно, чтобы кончать свои ссоры, а европейские тредоры не замедлят познакомить их с преимуществами огнестрельного оружия. Это случится очень и даже очень скоро, так как в числе груза, которым нагружена шкуна, имеются для раздачи тредорам порох, ружья и даже небольшие пушки — предметы, которые им надлежит ввести в употребление, а также стараться сделать спрос на них по возможности большим для выгоды своих патронов в Сингапуре, которым дешево достаются тысячи ружей, вышедших из употребления в Европе, где благодаря процветанию игры в войну и «вооруженного мира» мода на этот инструмент часто меняется*. Замечательный факт, что у меланезийского населения островов Адмиралтейства лук, характеристичное для этого племени оружие, неизвестен, сообщен уже другими путешественниками**, и я только могу подтвердить здесь положительно для этого берега (южно-го) его верность, которая оставалась как бы сомнительною²⁹.

На возвратном пути в деревню Пуби я остановился около группы туземцев, занятых обделкою столбов довольно большой (общественной) хижины, которая еще стояла, но казалась очень ветхою. Средний столб был значительно <более> украшен, чем оба боковых, у которых капитали были одинаковы³⁰.

Можно было заметить, что маленькие, очень плохого достоинства железные инструменты почти что вытеснили здесь старые топоры, ко-

очень бледны. Хотя при каждом прикосновении она содрогалась, но более моих слов она не повторяла. Первый пароксизм страха прошел, и она теперь вовсе не казалась сумасшедшею, как при встрече (Из дневника 1875 г.)²⁷. Что же касается до непроизвольно испражненных экскрементов при испуге, то я часто видел это влияние страха в разных местностях на детях, которых родители, имея в виду подарок, силою хотели иногда привести ко мне для измерения их голов или рисования портретов.

* Было бы достойною гуманности мерою международного права запретить на островах Тихого океана ввоз и распространение тредорами пороха, огнестрельного оружия и спиртных напитков. Эта негативная мера может иметь более влияния на сохранение туземного населения, чем ввоз миссионеров и молитвенников.

** *T. Waitz. Op. cit. Th. 6. S. 598.*

торые делались из обточенных раковин. Кроме маленького железного топора европейской конструкции, куски железа, тщательно обточенные, были прикреплены к рукояткам старого образца. Несмотря на плохие инструменты³¹, столбы были замечательно хорошо обделаны; для окончательной полировки, которою они занимались, когда я подошел к ним, служили обломки разных раковин и большие сухие листья хлебного дерева, которыми они терли дерево, посыпая поверхность его мелким песком. Я до сих пор не упоминаю, что туземцы здесь не знакомы с табаком; они не только отказывались от сигар и трубок, которые им предлагали, но отворачивались и отходили в сторону от табачного дыма. Я также не видал у них *кавы* (*Piper methysticum*); зато они употребляют пинанг в значительном количестве, но только одни взрослые; дети и молодые женщины имеют зубы белые³².

Возвращаясь на шкуну вечером, в темноте, я понадеялся на крепость платформы туземной пироги и, ступив на край ее, попал по колену в воду, и, вероятно, пришлось бы выкупаться, если бы я не успел ухватиться за вовремя кинутый со шкуны конец.

Июня 2. Вчерашняя ножная ванна или гулянье на солнце, или обе причины вместе заставили меня пролежать весь день вследствие лихорадки в форме сильнейшей невралгии.

Июня 3. Снялись утром, оставив в деревне Пуби одного из тредоров, уроженца северной Италии, по имени Пальди, который обещал мне прислать словарь, который он поневоле должен будет составить, и ответы на несколько письменно оставленных ему вопросов, которые могут быть легко отвечены, но не иначе, как оставаясь жить несколько времени между туземцами.

* * *

*Июня 4. Северный берег о. Тауи**, или о. Адмиралтейства. Подошли утром к небольшому островку, который был отделен довольно широким проливом от главного острова; северный берег последнего горист и имеет более привлекательный вид, чем юго-восточный, однообразный вследствие своей низменности. Горы здесь невысоки, вряд ли выше 1500 ф.; они не образуют цепи, а стоят отдельно или соединены группами. Отсутствие высокой сплошной цепи гор важно относительно населения острова**, и здесь можно предположить, что внутри, как и по берегам, он

* Об имени *Тауи*, туземном имени о. Адмиралтейства, будет говорено ниже, в письме об о. Агомес, (или) Хермит, где я узнал его.

** В Новой Гвинее, например (в местностях, мною посещенных), туземцы не селятся в горах выше 1500 ф., и горные хребты представляют непроходимые рубежи распространения туземцев во внутрь и сношения с соседними народностями.

заселен. На островке оказалась большая деревня, и к нам выехало много пирог, как только мы зашли за риф. Туземцы здесь не отличались физически от жителей юго-восточной оконечности острова; единственные отличия были: они носили менее украшений и менее кричали, чем последние. Я отправился на большой остров и, предшествуемый и сопровождаемый туземцами, которые встретили шлюбку, пошел в деревню.

По крутой тропинке поднялись мы на холм, где расположена была деревня. Грунт был глинистый, а тропинка, по случаю бывшего ночью сильного дождя, очень скользкая. Перешагнув через невысокий забор, который перегораживал дорогу (род порога против свиней), мы очутились на открытом месте, вокруг которого расположены были хижины. Вся деревня состояла из таких групп хижин, стоящих вокруг небольших площадок, соединенных между собою тропинками, — расположение, напомнившее мне деревни Новой Гвинеи (Берега Маклая). Деревня имела опрятный вид, хижины постройкою отличались от виденных на южном берегу; ни одна не стояла, как там, на сваях, и хижины здесь не имели отдельных стен, а крыша опускалась до земли; план их (у земли) был круг или овал; в первом случае крыша была остроконечна, во втором кончалась коротким коньком^{*33}. И здесь, как и в деревнях *Лонеу* и *Пуби* (на юго-восточном берегу), лежали под навесами барумы разной величины. Меня привели в одну хижину, которая была больше других и служила местом собрания мужчин. Внутренность ее представляла овал, и она освещалась единственною низкою (не выше 1 м), но широкою дверью; в крыше вдоль конька находилось небольшое отверстие для дыма; на полках у стен стояли табирьы разных форм, горшки и т. п.; ряды черепов рыб, черепах, кускусов, нижние челюсти свиней, нанизанные рядами, красовались, привешенные в разных местах.

Что особенно удивило меня и что в первый раз мне приходилось видеть в папуасской хижине, была мебель: низкие, но широкие скамьи, род кушеток, широких, но немного коротких, если лечь на них, с небольшою спинкою (или деревянною подушкою) для головы. Туземцы не расположились на земле, а уселись, поджав ноги, на этих скамьях. Мне указали на самую большую с резною спинкою. Мне захотелось узнать, как называются на туземном диалекте эти скамьи; я тщетно пытался выразить мимикою мое желание, но не мог подыскать «выражения жеста» простого вопроса: «Как зовут?» Я невольно вспомнил при этом, как часто я бывал в подобном положении первое время пребывания на Берегу Маклая, пока мне не удалось узнать случай-

* Хижины эти совпадают по внешней форме с хижинами жителей островов Торресова пролива, которые изображает на некоторых таблицах Юкс (*J. B. Jukes. Narrative of the Surveying Voyage of H. M. S. Fly. 1842—1846. Vol. II. London, 1847*).

но* выражение: «Как зовут?» После неудавшейся попытки добиться названия скамей, я обошел деревню, заглянул в одну из семейных хижин, которые были вообще меньше первой, общественной. Она имела два входа с противоположных сторон, весьма низких и узких, посередине (поперек) была перегородка, которая разделяла хижину так, что по сторонам у стен были проходы. Женщин и детей не было видно, их припрятали по случаю неожиданных гостей или, может быть, все были на работе на плантациях.

Как и на юго-восточном берегу, никого нельзя было принять за начальника.

В этот же день я посетил и другую деревню на островке, который называется, как узнал от туземцев, *Андра*. Этот островок есть не что иное, как возвышенная часть рифа, который тянется параллельно северному берегу. Таких островков на В и на 3 вдоль берега виднелось несколько. От островка Андра по обеим сторонам тянулся риф, который только в низкую воду и при спокойном море обозначался полосой прибоя. Каналообразная лагуна, мили в 2 (приблизительно) ширины, представляет удобную якорную стоянку.

Здесь хижины не были соединены группами, а разбросаны по всему острову и оказались опять отличными от виденных утром в деревне на холме. Общественные были еще приблизительно одинаковы, семейные же хижины были по большей части не круглые и не овальные, а четырехугольные и имели перед дверьми небольшой огороженный высоким забором дворик, где стояла барла** и находился очаг. Иногда на один дворик выходили двери 3 или 4 хижин, причем изгородь шла только от одного переднего фасада к другому, хижины же стояли вне ее. Эти изгороди служат, вероятно, преимущественно преградой против прожорливости свиней. Хижины были очень низки ($1\frac{1}{2}$ —2 м), и крыша доходила до земли.

Туземцы, казалось, уже не раз видели европейцев и были с ними в сношениях; железо почти совсем вытеснило топоры из камня и раковин; женщины и дети, хотя оставались в стороне, но не прятались и не

* И это выражение, как и большинство важных слов (особенно глаголов), я узнал, подслушивая разговор туземцев. До того счастливого случая я имел обыкновение, находясь в обществе туземцев, класть ряд предметов перед собою и один за другим называть его по-русски. Обыкновенно один из толпы или все хором, поняв, в чем дело, говорили мне соответственные туземные имена, хотя не обходилось при этом без частых недоразумений. Здесь же это средство не помогло — меня не поняли.

** «Барла» — папуасское (Берег Маклая) название стола или высокой скамьи, на которой помещаются при еде туземцы, преимущественно чтобы избавиться от докучливых собак и свиней, которые при каждом удобном случае готовы миглом схватить все съедомое.

убегали, как, например, в Новой Гвинее первое время моего пребывания там в 1871—1872 гг. Несколько туземцев даже осталось в первый же день знакомства ночевать на шкуне; такому доверию, должно быть, немало способствовало присутствие многих (22) туземцев Япа, которых цвет кожи поддерживал дух папуасов.

Июня 5. Видел и здесь нескольких туземцев с большими зубами, между которыми один особенно отличался; не только d. incisores, но и d. canini были увеличены, не только зубы верхней челюсти, но и нижней. Перспектива значительного подарка бус заставила его сидеть спокойно, так что я смог смерить увеличенные зубы и сделать эскиз вооружения его челюстей. Пока я рисовал, подошли две девочки, оказавшиеся дочерьми этого человека. У них зубы были очень неправильны, и некоторые значительной величины. Щедро раздаваемые бусы привлекли толпу детей, и я мог убедиться, что эта органическая особенность настолько укоренилась, что сделалась наследственной: почти у всех детей зубы были асимметричны и у многих некоторые выдавались своею величиною, не соответственно летам.

На островок Андра приезжали во время нашей стоянки жители ближайших деревень с главного острова, а также с других, маленьких — *Перелу* и *Шоу*, которые виднелись на востоке, почему толпа постоянно сменялась, и я имел случай, таким образом, иметь, не стесняясь, постоянно новые объекты для наблюдения. Из вновь приехавших с большого острова я обратил внимание на одного туземца, которого глаза были замечательно светлы. Цвет их соответствовал среднему между № 3 и № 4 таблицы Брока. Цвет кожи его не был светлее других, и, кроме светлых глаз, не было никаких следов альбинизма. Это обстоятельство навело меня на рассматривание глаз у других туземцев, причем я удостоверился, что и у этих людей *plica semilunaris* (*palpebra tertia*) очень широка, до 4 и 5 мм, хотя представляет большие индивидуальные различия. Я заметил, кроме того, у многих на слизистой оболочке верхней и нижней веки, на крае у самых ресниц, около *caruncula lacrimalis*, по небольшому бугорку, один против другого; они были также различно развиты у различных особей, но у двух особенно велики. Я никогда не видел таких бугорков на веках у людей белой расы.

Туземцы, между прочим, потешались, повторяя очень быстро и долго некоторые слова, что было похоже на кудахтанье кур. Они это делали один за другим или вдвоем разом, стараясь превзойти друг друга быстротой выговора и продолжительностью этой гимнастики.

Июня 6. Отправился утром на большой остров. Я хотел оставить шлюбку у тропинки, ведущей к деревне, которую я уже посетил, и пройти по берегу в другую, немного далее на восток, которой положение я заключил по группе кокосовых пальм, замеченных при помощи

бинокля с островка Андра. Завидев приближающуюся шлюбку, на берегу собралась толпа туземцев, которая радушно встретила меня, как только я вступил на берег. Этот раз пришли не только мужчины, но и женщины и дети. Не зная языка, я жестом показал направление, куда хочу идти. За мною последовало несколько молодых людей. Пробираясь между мангровыми, которые по случаю отлива стояли вне воды, я дошел до места на берегу, где стояли замеченные кокосовые пальмы, но, к удивлению моему, деревни там не оказалось.

Туземцы, заметя, что я останавливаюсь по временам и ищу что-то глазами под деревьями, догадались, что я смотрю, нет ли здесь хижин, стали словами и жестами рассказывать мне длинную историю. Не понимая первых, я из жестов мог заключить приблизительно следующее: что здесь прежде была деревня (мне указали на следы бывших хижин), но что люди, живущие далее по берегу, их неприятели, приходили сюда, что несколько человек были убиты, а хижины разорены. Я внимательно следил за мимикой и был удивлен, как трудно было понять ее и как много времени потребовалось для передачи жестами этого случая; но я заметил при этом, что многие жесты совпадали с мимическими фигурами туземцев Берега Маклая. Так, например, чтобы показать, что человек убит копьем, они сперва делали жест метания копья (т. е. жест противника), затем схватывали обеими руками быстро за грудь или левый бок, откидывали при этом слегка голову и, закрывая глаза, высовывали немного язык. Чтобы показать, что хижины, прежде бывшие, более не существуют, они, выдувая воздух, проводили рукой по губам.

Дойдя до речки, глубокой и с хорошою водою, я захотел выкупаться, так как во время перехода я должен был довольствоваться обливанием морской водой, а пресною только в случае дождя. Туземцы, однако же, предостерегли меня, жестами показывая, что в речке много больших животных (вероятно, *Crocodilus biporcatus*), которые откусывают людям ноги. Становилось очень жарко на песчаном берегу, и, боясь иметь снова лихорадку, если подвергнусь несколько часов влиянию солнечных лучей, я предпочел путь в деревню, куда меня звали туземцы, называя ее *Соа*.

Придя в общественную хижину, где был уже в первый мой визит деревни Соа, я лег на уже описанную кушетку и, несмотря на то что она была не особенно удобна и что окружавшие меня туземцы не молчали, против воли заснул.

Часа через полтора меня разбудил шум, который был сделан нарочно с этою целью. Один из туземцев объяснил мне (поднося руку ко рту, как бы кладя что-то в него), что мой завтрак готов.

Хотя я завтрака и не заказывал, но нашел эту предупредительность не уместною и отправился в хижину любезного туземца. Там я стал все семейство его, которое, казалось, собралось во всем комплекте,

чтобы посмотреть на кормление чужестранного зверя. Мне был подан большой табир с вареным таро, бананами и рыбою. Когда я стал есть, туземцы, следуя папуасскому этикету*, немного отвернулись, но не могли преодолеть любопытства, следили за каждым моим движением. Я поспешил кончить мой завтрак, так как за перегородкою находился грудной ребенок, который по временам только умолкал и которого писк значительно уменьшил мой аппетит. Выйдя из хижины, меня непрерывно стали приглашать зайти в другие. В одной я застал четырех молодых женщин, из которых две нянчились с грудными детьми, а две были беременны. Пригласивший меня в эту хижину туземец, еще очень молодой человек, представил мне этих женщин как своих жен. Я не сейчас же понял, что человек по своей воле может жить в хижине (которая состоит из одной комнаты) с 4 женами и их детьми; почему хозяин, предполагая, что я сомневаюсь, что женщины эти его жены, повторил, поочередно подойдя к каждой, ту же мимику**, которая не была двусмысленна и была причиною общей веселости женщин. Скоро вошла еще пятая женщина, которая была мать хозяина или одной его супруги; она жила, кажется, в этой же хижине!

Туземцы умеют здесь готовить кокосовое масло: я видел в хижинах бамбуки, полные им. Один из жителей принес мне в подарок кусочек корицы (*Cinnamomum*); она здесь, как и в Новой Гвинее, употребляется, кажется, как лекарство.

Вернувшись в большую хижину, я остался там еще довольно долго, наблюдая туземцев и стараясь уловить и понять выражения их лиц. Эти островитяне, находясь редко в сношениях с европейцами, представляют хороший материал для ряда наблюдений, предложенных г. Дарвином, над выражением лица и телодвижениями под влиянием разных впечатлений (см. мою программу, с. 266 тома <VI, № 8> Известий (ИРГО))³⁴.

Во время путешествия, как читатель уже заметил, я не упускал случая делать эти наблюдения***, я тем более обратил на них внимание,

* Когда (на Берегу Маклая) я приходил в какую-нибудь деревню и мне приносили есть, то туземцы или выходили из хижины, где я находился, или, когда дождь или темнота мешали им выйти, как только я начинал есть, они отворачивались в сторону и переставали говорить.

** Мимика эта, описанная уже на стр. 67 (письмо 3-е), совершенно одинакова и в Новой Гвинее для выражения того же. (См. с. 111 наст. текста.)

*** Я нашел при этом, что делать *как следует* эти наблюдения весьма трудно. Особенно важно в этом случае не развлекать ничем своего внимания (которое, однако же, не следует показывать, так как оно нередко смущает наблюдаемого), чтобы уловить момент изменения в выражении лица; разумеется, не быть (по той же причине) ни сколько заинтересованным в происходящем. Такое объективное наблюдение гораздо труднее достигнуть, чем сперва кажется. Следует (что очень важно) при самом наблюдении записывать свои замечания, не полагаясь на память.

Меланезец в головном уборе,
с носовыми и ушными украшениями.
Северный берег о. Адмиралтейства,
деревня Соу (Суоу)

что, находившись часто и продолжительное время в соприкосновении с очень различным от белой расы племенем (папуасами), при том весьма примитивным, я не мог убедиться в верности положения г. Дарвина, принимаемого им как доказанное, о тождестве выражений ощущений у разных рас, доходящем до мелочей. Напротив того, *разлигие выражения чувств* мне до сих пор *таще* бросалось в глаза, чем их тождество, хотя и мне случалось встречать выражения, совпадающие с наблюдениями г. Дарвина. Так, например, было здесь. Пока я сидел между туземцами, зорко следя за каждым их движением, пришел один и рассказал что-то, очень встревожившее, по-видимости, всех, но, кроме того, что многие вскочили со своих мест и почти все заговорили очень громко и оживленно, я не мог заметить, была ли приятна или неприятна новость, которая их так заняла.

К подобному же *негативному* результату я приходил много раз: их физиономии, как и их язык, нередко их мимика, оставались для меня непонятными.

Когда я направился к шлюбке, туземец, в хижине которого я завтракал, нес за мною табир с остатками моего завтрака, а члены его семьи — много таро (Caladium) (которое здесь очень вкусно и очень больших размеров), бананов и кокосов. Это также обычай, который встречается и в Новой Гвинее.

Июня 7. Несмотря на мою предосторожность (не подвергаться солнечным лучам), вчерашняя экскурсия повлекла за собою лихорадку. Духота в каюте, крик туземцев, приезжающих на шкуну для торга, травля их собаками и т. д. не позволили мне остаться на шкуне; я отправился на островок (Андра), где, подвесив в тени большого дерева койку, провел весь день. Дерево (Callophyllum inophyllum, если не ошибаюсь) росло у самого морского берега, и я имел красивую панораму берега большого острова перед глазами. Но любоваться видом было

нелегко, туземцы то и дело приходили и надоедали своей болтовней; большинство, однако же, посмотрев на меня, на койку и другие вещи, уходили, так как недалеко люди Вуапа строили хижину для тредора, который должен был здесь остаться. Некоторые же оставались долее и, расположившись на песке ближе к морю, разглядывали внимательно замечательные вещи, меня окружавшие.

Любимая поза была лежание на животе, причем одна рука или обе подпирали подбородок. Ноги не оставались в бездействии: они размахивали ими по воздуху или рыли теплый песок. Наглядевшись вдоволь, некоторые предпочли заснуть, несмотря на палящее солнце, которое пекло их спины и головы; другие продолжали болтать, а один, протянув вперед ноги, стал забавляться гимнастикой пальцев ног, которая показалась мне весьма хитрою. Он так быстро двигал ими, что долго я не мог уловить, в чем состоит эта гимнастика. Он то растопыривал все пальцы или отводил то большой палец, то 1-й и 2-й, то все 3 вместе, причем ни нога, ни остальные пальцы не двигались. То очень быстро клал 1-й палец на 2-й, то 2-й на первый и т. п. Заметя, что я обратил внимание на его искусство, другие, и *à qui mieux mieux*^{3*}, старались показать, что и они умеют делать то же не хуже первого. Самая хитрая штука, в которой превосходил один из туземцев, оказалась <такой>: он с замечательно быстротою поочередно клал один палец на другой то в одну, то в другую сторону и при этом участвовали 3 первых пальца. Пальцы ног двигались почти так же самостоятельно, как пальцы рук. Это несомненное доказательство значительного развития мускулатуры ног навело меня на мысль: с каким бы интересом отпрепарировал бы я мускулы ступни одного из этих фокусников!*

Заметив у одного из туземцев висящие на шее так называемые пановы гусли, или панову флейту**, я знаками объяснил, чтобы он показал мне свое искусство на этом инструменте. Он не стал церемониться и, приложив гусли к губам, начал дуть поочередно в каждый бамбук, чего результатом был разнотонный, негромкий свист. Этот характеристический, но мало, как оказалось, музыкальный инструмент я до сих пор видел только в Новой Ирландии (Порт Праслин) и здесь***.

Пока я был занят музыкантом и его искусством, несколько вновь прибывших с главного острова подошли к группе туземцев. Один из них был так погружен в рассматривание меня, койки, столика и склад-

* На о. Вуап и арх. Пелау я часто имел случай удивляться, до чего довели туземцы (особенно девочки) гибкость рук и самостоятельные движения отдельных пальцев.

** Инструмент этот состоит из 7 или 8 бамбуков разной длины, связанных рядом сообразно своей длине, так что с одной стороны приходится самый большой (12—15 см), с другой — самый малый (5—7 см).

*** О распространении этого инструмента в Меланезии см.: *T. Waitz. Op. cit. Th. 6. S. 602.*

ной скамьи, что не подумал о необходимости смотреть под ноги и сильно ударился коленом о большой пень, прибитый морем и лежащий поперек дороги. Значительная боль заставила его забыть на время заморского зверя, на которого пришел поглядеть, и его принадлежности; он потерял колено, а затем, как будто бы вспомнив что-то, схватил большой осколок коралла и стал усердно бить то место ствола, о которое он ударился*. Трудно было без улыбки смотреть на этого взрослого человека, бьющего дерево потому, что он наткнулся на него, но другие туземцы серьезно и как бы сочувственно поглядывали на это заслуженное наказание пня. Пациент, как бы почувствовал облегчение, подошел к группе и сел между соплеменниками, изредка потирая колено и дую на него.

В это время внимание туземцев было привлечено большою шлюбою, приближавшейся к берегу с вещами тредора, который оставался жить и торговать здесь. Вся толпа, движимая любопытством, отправилась к новой хижине. Но я не остался один: сцена только переменилась и новые актеры заменили прежних. Немного дальше от группы мужчин уже утром расположилась группа женщин и детей, которые оставались на втором плане в присутствии первых и стали смелее, когда мужчины ушли, но все-таки не решались приблизиться. Небольшие свертки бус, завернутые в бумагу, бросающиеся на различные расстояния от койки, все ближе и ближе ко мне привлекали сперва детей, а затем и женщин в несколько шагов от меня. Почти у всех женщин были грудные дети на руках. Я обратил внимание на одну из матерей, с которой делались по временам припадки нежности, которым подверглась ее полугодовой сынишка. Она нанизывала бисер и кормила грудью ребенка, но, как только он переставал сосать, она схватывала его и прижимала к носу и ко рту, имея при этом выражение лица, которое мне показалось довольно характеристичным: губы были раздвинуты, так что ряды стиснутых зубов были видны; прижимая ребенка к лицу, она сильно носом втягивала воздух и по временам кусала его, причем выказала довольно странный вкус — выбирать для нюхания и кусания те части тела ребенка, которые не могли отличаться особенным благоуханием.

* Я обстоятельно рассказываю все эти кажущиеся мелочи, потому что они одинаковы с совершенно подобными же чертами, которые я не раз видел в Новой Гвинее (Берег Маклая). При экскурсиях споткнувшийся или упавший туземец никогда не упустит случая излить свою досаду или облегчить свою боль, побив то место, где это случилось, или тот предмет, который был причиною ушиба. Я не думаю, что при этом туземец соединял бы с этим поступком мысль, что предметы «живы» или «могут чувствовать». См. *Sir John Lubbock. The Origin of Civilization*. 2d ed. London, 1870. P. 202 («Life attributed to inanimate objects»). Несмотря на старания, я не нашел никаких доказательств, подтверждающих, что такой *nexus idearum*^{4*} мелькает при этом в мозгу папуаса.

Лоб и щеки ребенка были покрыты грязью; чтобы удалить ее, нежная мать прибегала к простому средству: она принялась лизать щеку и лоб своего детеныша, который стоически переносил обнюхивание, кусание и лизание. Заметив небольшие ранки за ухом, она помощью слюны бережно отняла корочки с ранок и, несмотря на крик ребенка, насухо вылизала ранки*, а затем стала дуть на них**.

Между детьми, которые бегали около койки, пока я спокойно лежал в ней, было несколько имевших некоторые зубы значительной величины. Мне очень хотелось осмотреть их ближе и дополнить мои заметки по этому вопросу. Но дети были очень пугливы, и, как только я сел у моего походного столика, они не решались подойти близко. Бусы, однако же, снова приманили их; когда же я высыпал несколько ярко-красных бус на большой лист хлебного дерева, все дети, забыв страх, обступили меня и ожидали раздачи, выражая свое удовольствие шумным втягиванием воздуха между полуоткрытыми губами и блеском глаз при взгляде на бусы. Высмотрев у одного из мальчиков, лет 3 или 4, два больших зуба в верхней челюсти, я попробовал притянуть его ближе к себе, чтобы посмотреть на них; но едва я дотронулся до него, как он с пугливым криком бросился к женщине, стоявшей невдалеке; другие дети также разбежались и спрятались за спины женщин. Я даже не мог взглянуть на лицо испугавшегося мальчугана, чтобы посмотреть, как оно изменилось. Обхватив руками ноги женщины, он уткнул лицо в бахрому***, составляющую ее одежду. Но испуг выражался не на одном лице: он топал ногами, как бы силясь бежать, и по временам судорожно сжимаемые ягодицы доказывали, что испуг почти что дошел до степени, которая сопровождается непроизвольным испражнением экскрементов.

Я в этот день еще нашел возможность измерить несколько голов женщин, что опять-таки потребовало разных уловок, чтобы помешать общему бегству.

Июня 8. Приехавшие сегодня на шкуну для торго туземцы с одного из ближайших островов привезли, между прочим, для обмена также человеческий череп. Такое предложение немного удивило меня, так как

* На о. Пелау я видел человека, которому собака вылизывала большую рану на ноге; мне сказали, что это считается родом лекарства, к которому часто прибегают. В Патане, на Малайском п-ове, я слышал рассказ или предание об одной принцессе из Ачина, которая была вылечена от ран, которые покрывали все ее тело, тем, что большая собака ежедневно вылизывала каждую рану.

** Дуть на рану или на больную часть тела весьма обыкновенное средство, которое встречается, кажется, почти у всех рас.

*** Костюм женщин здесь почти одинаков с одеждою женщин Микронезии и состоит, как и там, из 2 передников, сделанных из волокон листьев пандануса, волокон из ствола банана и т. п. Один из них висит, придерживаемый поясом, бахромообразно спереди, другой — сзади.

туземцы вообще редко вызываются *сами* продавать черепа своих соплеменников. Я объясняю его, однако же, тем, что на каком-нибудь прежде здесь бывшем судне туземцам дали хорошую плату за этот товар*. Во всяком случае достоверность происхождения таким образом приобретенного черепа мне кажется весьма сомнительною. Все черепа 20 туземцев о. Вуапа, убитых около рифа Иезу-Мария^{5*}, могут, таким образом, перейти со временем в европейские музеи и красоваться под ярлыком: «Череп туземца о. Адмиралтейства». Отчасти поэтому я считаю размеры голов туземцев, когда^{6*} знаешь местность, пол и приблизительно возраст измеряемого, очень полезными для антропологии.

Прибавлю, что при посещении деревень здесь и на юго-восточном берегу я напрасно искал следов каких-либо могил или памятников, но ничего подобного не нашел; думаю поэтому, что, как и в Новой Гвинее (на Берегу Маклая), эти туземцы хоронят своих покойников в самих хижинах.

Июня 9. Снялись поутру, оставив здесь тредора, ирландца по имени О'Хара, который, как и оставшийся на юго-восточном берегу, обещал собрать для меня несколько сведений, что ему нетрудно будет сделать при продолжительном пребывании на острове, а также переслать мне со временем копию со словаря туземного диалекта, который он должен будет составить для себя самого.

Ветерок был тих, и мы весь день шли вдоль северного берега острова, которого физиономия не отличалась от уже описанной^{7*}.

У небольшого островка, похожего на о. Андра, к нам выехала пирога; люди *были совершенно* схожи (физически) с виденными прежде, отличались единственно носимыми украшениями. Кроме кокосов, черепаховой скорлупы, они предлагали для меня саго и большой кусок коры Cinnamonum.

^{1*} В рукописи: не зная.

^{2*} В т. р. далее: Едва туземцы влезли на палубу, я приступил к антропологическим исследованиям, т. е. измерениям, но так как они (т. е. жители южного берега о. Адмиралтейства) антропологически не отличаются от туземцев северного берега, которых я посетил впоследствии, то я отлагаю сообщение результатов антропологических наблюдений до конца этого письма. (См. об этом «Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства» в т. 3 наст. изд.)

^{3*} Наперебой, взапуски (франц.).

^{4*} Связь мыслей (лат.).

^{5*} В рукописи далее: (см. с. 58). См. с. 106 наст. тома.

^{6*} В рукописи: причем.

^{7*} В рукописи далее: см. с. 98. См. с. 128 наст. тома.

* Один из тредоров, встреченных мною на о. Вуапе, рассказывал мне, что купил у островитянина о. Адмиралтейства 3 черепа, которые потом подарил офицерам прусского корвета, бывшего в прошлом году на о. Вуапе.

Группа Агомес, или Хермит (от 10—12 июня)

Июня 10. Уже на другое утро (по отплытии с о. Тауи) открылся архипелаг Агомес (или Хермит на картах), но при слабом ветерке, обогнув с юга группу и войдя с западной стороны за риф, мы только к 4 часам пополудни бросили якорь у южной оконечности главного острова. Группа состоит из трех или четырех островов посредине и многих низких — возвышенных частей окружающего рифа. Группа довольно обширна, и, занятый другими вопросами, при кратковременной стоянке, я не успел ⟨ни⟩ составить себе понятия о расположении ее, ни убедиться в числе островов. Главный высокий остров называется туземцами *Луб*, тянется узкою полосой от Ю на С. Он, как и другие, покрыт растительностью от линии высокого прилива до вершины холмов, которые несколькими отдельными группами расположены вдоль острова (приблизительно 400—500 ф. вышины).

Проезжая близко мимо группы и между островами, первое, что мне бросилось в глаза, была малая населенность ее: не было видно деревьев, ни даже отдельных хижин, и во весь день я не заметил ни одной туземной пироги. На следующее утро я нашел, что во всей группе всего две деревни¹, и, судя по виденному (числу туземных хижин, пирог и туземцев), не думаю, чтобы теперешнее население архипелага было более чем 100 душ (включая женщин и детей)².

Шкипер шкуны, который был здесь месяцев 7 или 8 тому назад и даже по случаю ловли и приготовления трепанга жил³ на одном из островов, знал хорошо фарватер, и мы бросили якорь около места, где стояла прежде его хижина.

Когда уже стемнело, я услышал из моей каюты шумное приближение туземных пирог и в полутемноте рассмотрел несколько папуасских фигур, взобравшихся на палубу, громко говорящих между собою и бесцеремонно расхаживающих на шкуне. Несколько папуасов засело в соседней с моею каюте шкипера, с которым они обходились, как со старым знакомым. Из нахальства их требований и шумных возгласов можно было заключить, что туземцы здесь привыкли видеть белых и потому, имея дело с весьма низким разбором этих людей, уже и здесь, как и ⟨в⟩ Микронезии, успели потерять уважение к европейцам или, вернее, никогда не имели случая приобрести его. В этот же вечер я имел случай познакомиться с образчиком взаимных отношений белых и черных друзей. Один из туземцев, которого шкипер назвал⁴ «king»^{1*}, во все горло требовал «brandy»^{2*}, а один из полупьяных европейских тредоров спрашивал у него женщину еще на эту ночь^{3*}.

⟨Июня⟩ 11-го. Встав по обыкновению на рассвете, я отправился в своей небольшой шлюбке осматривать группу. Моя главная цель была отыскать деревню и познакомиться с туземцами. Вдоль берега росли кокосовые пальмы, которые сами засеялись или (что вероятнее) посаженные некогда более многочисленным населением сами размножились*. Я был удивлен малостью орехов; воды в них было не более небольшой чашки, между тем как обыкновенно в кокосовых орехах средней величины находится воды от 2—3 стаканов, в больших же иногда более 4**. Я указываю на это множество кокосовых пальм (которые, однако же, не образуют сплошного пояса вокруг всех островов) на островах Агомес как на доказательство прежде здесь обитавшего гораздо значительнейшего населения. Но об этом несколько слов ниже.

Проехав значительное пространство вдоль берега двух островов и не найдя и признака жилья и туземцев, я направился к пироге, которая, отчалив от одного из низких островов у рифа, пересекала лагуну. Небольшая пирога с выносом на одной стороне была очень плохой (небрежной) работы, но, несмотря на то, доски, образующие высокие борты***, оказались изрисованными черными и красными иероглифическими фигурами, которых смысл я не мог понять, но которые положительно не были простым орнаментом. Между туземцами в пироге находился Бокчо, молодой туземец Агомес, который прослужил 7 или 8 месяцев в качестве матроса или юнги на шкуне, теперь счастливо вернувшийся на родину. Взятый на шкуну, получив от шкипера клочок Бокчо (имя его я не мог добиться от него****), зная единственно

* Нисколько не оспаривая случаев и возможностей самостоятельного засеяния кокосовой пальмы, замечу, что, насколько я знаю из собственных наблюдений, это далеко не часто случается; везде, где мне приходилось быть, кокосовые пальмы были признаком населения, настоящего или некогда бывшего. Раз посаженные, ясно, они сами засеивались вблизи посаженных. Папуасы на Берегу Маклая и малайцы на Яве, которых я расспрашивал о том, положительно отвергали сами собою засеявшиеся, а не посаженные человеком кокосовые пальмы.

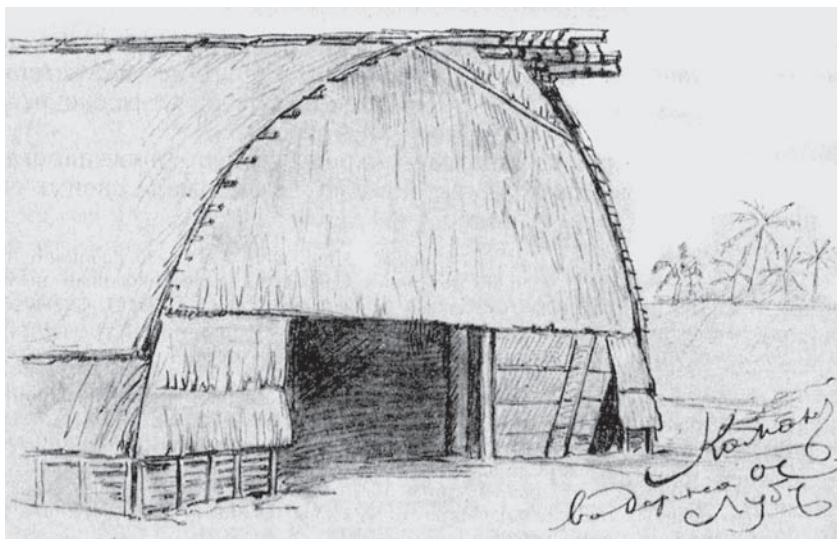
** Количество воды в орехах, как и их величина и вкус, весьма различно не только по местности, но и по деревням. Самые большие кокосовые орехи встречаются по словам г. Вебера в Апии (в архипелаге Самоа), человека, долго прожившего на островах Тихого океана в качестве главного агента дома Годефруа в Гамбурге, главным образом собирающего копру (сушеное зерно кокосового ореха) на островах, поэтому в этом отношении весьма компетентного — не под экватором, а на островах северной и южной границы распространения этой пальмы в Тихом океане.

*** Постройка этой пироги, весьма отличная от поли- и микронезийской, была подобна новогвинейской во всех отношениях.

**** Вероятно, вследствие обычая, общего с туземцами Новой Гвинеи (также многих островитян Тихого океана), что имя туземца можно узнать только от другого, а не от него самого.

Бокчо, житель островов Агомес (Хермит), 23—24 лет;
Мады, жительница островов Луб (Хермит)

Каман (мужской дом) на о. Луб

Уайи — житель островов Каниет.

Рис. сделан на о. Луб

с десяток английских слов и не понимаемый товарищами, при весьма дурном обращении, имел на шкуне очень запуганный и глупый вид, на вопросы он отвечал обыкновенно глупым смехом или постоянным «yes»^{4*}.

Проведя ночь на берегу между своими, он совершенно изменился, сейчас же понял меня, когда я ему объяснил (по-английски), что желаю, чтобы он перешел бы в мою шлюбку, показал бы мне свою деревню и был бы переводчиком. Туземцы Агомес, спутники Бокчо, которых я вчера в полутемноте не мог разглядеть, имели общий папуасский тип (только не папуасский тип г. Уоллеса)⁵, не отличались значительно от жителей о. Тауи, но не имели щеголеватого вида

последних, и кроме отсутствия украшений, куафюры голов и их бороды⁶ были небрежно растрепаны.

Мы направились к низкому острову, откуда шла пирога, которая, высадив Бокчо в мою шлюбку, продолжала свой путь к шкуне. Завидя приближение шлюбки и услышав возгласы Бокчо, на берегу, где стояли несколько хижин, собралась небольшая толпа, которая помогла втащить шлюбку на отлогий берег. Бокчо, играющий сегодня в своей деревне первую роль как прибывший из дальнего путешествия, командовал кокосов для меня и повел меня в самую большую хижину, которая стояла ближе к берегу.

Это была общественная хижина для мужчин, но сегодня, по случаю экстренного случая — приезда белого или, может быть, вследствие других обычаев, несколько женщин последовали за нами и даже протиснулись вперед. Хотя эти женщины были не стары и я (что очень много значит⁷) уже привык к папуасским лицам, они показались мне здесь особенно некрасивыми, уже не говоря о том, что вследствие elephantiasis у двоих ноги были двойного объема против обыкновенного. Их костюм показался мне довольно замечательным. Он состоял из небольшого фартука из листьев, закрывавшего нижнюю часть брюшины; стебли этих листьев и тонкие ветки их, продернутые под поясом, который держал весь костюм,

были увеличены, хотя в различной степени, но два, соответствующих d(entes) incisores (оба средних левой стороны), в обеих челюстях были особенно велики. Кроме того, в нижней челюсти за увеличенными резцами правой стороны росли сзади по сверхкомплектному зубу (dentes proligeri). Это была первая и единственная женщина, у которой я здесь мог рассмотреть гипертрофированные зубы; другие две так же жеманились, как и женщины Тауи⁸.

Женщины так теснились вперед, что мужчины нашли это неприличным и, громко что-то говоря, предложили им, как я предполагаю, выйти из хижины, причем один из туземцев замахнулся на них; женщины также возвысили голос и не хотели выйти. Чтобы отделаться от громкой перебранки, я роздал обеим партиям несколько кусков привезенного табаку и перешел к осматриванию хижины. Она была довольно объемиста: футов 40—50 длины и 25—30 ширины, сарасобразной постройки, освещалась четырьмя небольшими дверьми, по две в переднем и в заднем фасаде. Боковых стен почти что не было, так как крыша опускалась по сторонам до земли. Материалом для нее служили саговые листья. Два средних столба, подпиравшие конек, и другие сваи и перекладины доказывали, что на островах недостатка в хорошем дереве нет. По сторонам были устроены несколько высоких нар, на которых туземцы едят и спят; в разных местах висели горизонтально привешенные копья, между которыми некоторые были очень значительной длины (3 $\frac{1}{2}$ —4 м) и тяжести, казалось, мало соответствующие росту и силе туземцев. Подобные же чересчур длинные и тяжелые копья я заметил в бай-баях⁹ на о. Вуап. Там мне объяснили, что их не берут в походы, а употребляют только для защиты самих бай в случае нападения. Они представляют там род крепостной артиллерии.

Далее две пироги очень солидной и тщательной работы, разукрашенные привешенными в разных местах группами белых раковин, обратили на себя мое внимание. Я спросил, кто их строил, и получил ответ, что эти пироги не с архипелага Агомес, а из Каниес (группа Анахорет на картах), причем мне было указано человек на 5 туземцев как на жителей последней группы. Эти люди положительно ничем не отличались от туземцев Агомес.

Таким образом, я одновременно получил несколько интересных сведений: что физически туземцы групп Агомес и Каниес принадлежат одному племени, что жители последней строят хорошие пироги и что жители обоих архипелагов находятся в сношениях между собою; я убедился также, что туземное имя группы, обозначенной на картах под именем Анахоретов и находящейся милях в 30 на север от Агомес, — *Каниес*.

Бокко сообщил мне далее, что туземцы Каниес, выехав вечером, при рассвете находятся в виду островов Агомес и до полудня уже вы-

таскивают свои пироги на берег у селений последнего архипелага^{5*}. Расспрашивая о положении Каниес, я воспользовался случаем, чтобы удостовериться в знакомстве туземцев с положением и именами других групп: Тауи¹⁰ и Ниниго, и получил удовлетворительные ответы касательно обеих, с прибавлением (переведенным Бокчо): «Men Ninigo po good men, steal cocoanut»^{6*}. Рассказчики присоединяли к своим словам о Ниниго жесты метания копий, представляя происходящее при экспедициях островитян Ниниго на группу Агомес¹¹.

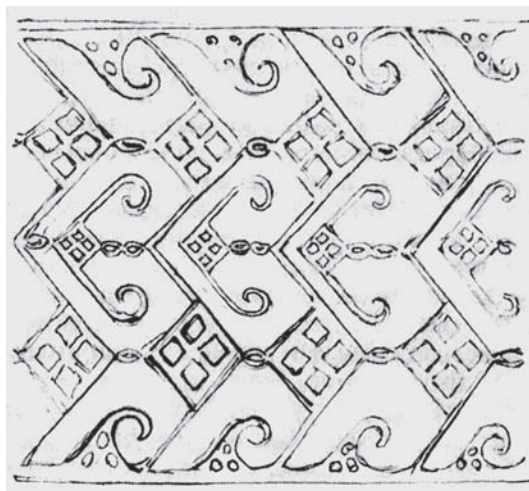
Кончив осмотр большой хижины, я пошел посмотреть деревню. Шесть или семь хижин всего стояли разбросанные между кокосовыми пальмами и несколькими банановыми деревьями. Они были невелики, четырехугольны, не стояли на сваях, и крыша по сторонам доходила почти до земли. Передний и задний фасады были сделаны из стеблей листьев саговой пальмы, а листья этой пальмы, перемешанные с листьями кокосовой, служили для крыши. Спереди крыша выступала немного, и под ее навесом находились у дверей высокие нары. Внутри царствовал полумрак, несмотря на яркий солнечный свет утра, и я с трудом мог разглядеть, что нары (2 или 3) внутри хижины были отделены перегородками из саговых листьев, так что хижина представлялась разделенною на несколько каморок. Общего пола не было, и очаг помещался между нарами на земле. Хижины, как и вся деревня и ее жители, которых тело было обезображено, кроме elephantiasis, также разными формами ichthyosis, разными нарывами и ранами, были грязны и непривлекательны. Хотя почти все женщины были или казались беременными, детей, за исключением 2 или 3 грудных, не было видно.

Между утварью, состоящей из нескольких деревянных блюд и чаш, высокобеленных скорлуп кокосовых орехов, калebas для хранения извести (необходимой при жевании пинанга), я заметил воткнутые в отверстия последних узкие ложки с весьма красивыми резными плоскими и широкими ручками. Резьба была á jour^{7*} и представляла интересные образцы папуасского искусства и вкуса. Интересуясь этими первыми ступенями развития искусства и собирая при случае образчики его, я поспешил приобрести несколько экземпляров этих ложек¹². Сравнивая их орнаменты между собою, я нашел их весьма сходными по характеру, хотя каждый экземпляр был не копия, а самостоятельный вариант основного рисунка. Я заметил также, что рисунок был одинаков, хотя и сложнее, с орнаментом, нататуированным на руках и ляжках женщин. Резьба была сделана помощью железного орудия, и спрошенный Бокчо подтвердил, что она сделана ножом.

Было уже 12-й час, и очень жарко, так что мне не удалось взглянуть на плантацию, которая находилась на соседнем низком острове. Кроме таро, саговая пальма, которая, кажется, растет здесь в изобилии, составляет туземцам главным образом пищу.

Образцы резного орнамента на ручках ложек (шпателей)
для доставания извести из калebas. Острова Агомес

Орнамент на пироге.
О. Луб

Вернувшись на шкуну, я узнал, что тредор, который оставался здесь, избрал место для своей хижины на развалинах прошлогодней резиденции скипера и что, так как постройка ее шла успешно, уже завтра к вечеру шкуна может быть готовою, чтобы сняться. Я, со своей стороны, не желая продолжить число дней моего пребывания на шкуне, решил не задерживать шкуну и, не теряя времени, отправиться на поиски другой деревни, которая должна была находиться где-то на главном острове архипелага Луб. Проезжая вдоль его западного берега, я снова заметил, но здесь на склоне холма, на значительной высоте, группу кокосовых пальм. Нет сомнения, что они могли попасть туда единственно при помощи человека и остались как памятник прежнего селения.

После приблизительно часового плавания, направляясь к С, я заметил на низком месте между двумя холмами, между кокосовыми пальмами и низким кустарником несколько крыш и направился к берегу. Была низкая вода, и в этом месте большой коралловый риф мешал пристать к берегу у деревни. Чтобы попасть туда, надо было перескакивать с одного камня на другой и во многих местах, где каналы между коралловыми блоками были слишком широки, входить по колено в воду. Имея несколько ранок на ногах, не заживавших со времени стоянки в Пелау, я не хотел раздражать их ванною морской воды, а перебраться на берег на спинах туземцев, при значительном расстоянии от берега, было во многих отношениях неудобно, имея одного гребца (моего слугу, туземца Пелау) и множество мелких вещей в шлюбке, которые мне могли понадобиться на берегу. Раздать их для переноски туземцам было также рискованно, так как я был предупрежден прежде здесь жившим европейским тредором, что туземцы здесь весьма склонны к воровству.

Видя, что я не выхожу из шлюбки, вся толпа мужчин, собравшаяся на берегу, направилась к шлюбке, и скоро объекты наблюдения обступили меня в значительном числе. Я сперва попробовал поочередно мерить их головы и рассматривать их зубы, показывая на куски табака, на который они очень падки. Однако же процедура измерения, казалось, их очень озадачивала, и, приняв серьезный вид (сжимая и закусывая губы), далеко не все решались подчиниться ей. Я как бы не замечая измененное настроение духа, продолжал мерить и записывать или, одной рукой раздвигая более послушные губы, чертить эскизы их зубов.

Мне удалось сделать при этом важное приобретение; видя, что я меряю и рисую большие зубы у некоторых, которые имели их, один из туземцев вынул из мешка, висевшего у него на левом плече и содержавшего разные мелочи*, тщательно завернутые два кусочка большого

* Не лишено значения и характеристично, что даже в мелочах туземцы Тауи и Агомес показывают сходство с папуасами Новой Гвинеи; так, например, этот мешок, кото-

зуба и показал мне их, но не давая мне их в руки. Я сейчас же вылил холодный чай — питье, которое обыкновенно сопровождает меня при экскурсиях, и в свою очередь показал пустую бутылку^{8*} туземцу, который сейчас же передал мне куски зуба, вероятно, своего родственника, так как его зубы не были гипертрофированы. Я был очень обрадован этим приобретением, которое даст мне возможность гистологически познакомиться с этою аномалиею*.

Мое удовольствие отразилось даже на туземцах (вообще дикие часто бывают хорошими наблюдателями и очень удачно приноравливаются к расположению духа белого, с которым имеют дело), они стали болтать и смеяться. И здесь, как на островах Тауи, мне случилось заметить довольно курьезное обыкновение, которого настоящее значение осталось мне неясным. Когда я говорил или приказывал, обращаясь к моему слуге, один из туземцев подхватывал одно из моих слов (чаще последнее) и, как только я кончал мою фразу, подражая даже интонации моего голоса, повторял его, обыкновенно очень хорошо выговаривая его. При этом он поглядывал на меня, как бы желая сказать: «Вишь, какой я хитрый, умею говорить по-твоему!» Не было и тени, чтобы туземцы это делали с намерением передразнить меня.

Между обступившими шлюбку туземцами был один юноша, который внешностью резко отличался от прочих. У него были вьющиеся, но не курчавые (папуасские) волосы, и цвет его кожи немного светлее кожи туземцев Агомес. Его невозможно было смешать с меланезийским населением архипелага.

Зная, что европейские шкиперы и тредоры уже много лет привозят сюда туземцев Микронезии для ловли и приготовления трепанга, я повторил, указывая на этого человека: «Вуап? Яп? Пелау?» Меня сейчас же поняли и отвечали: «Ниниго! Ниниго!», затем последовала пантомима метаний копий, которую дополнил житель Агомеса, стоявший рядом с туземцем Ниниго, охватив последнего за обе руки. Было ясно, что это был военнопленный, взятый во время экспедиции туземцев Ниниго на эту группу, об которой я уже слышал утром от Бокчо. Осматривая помощью бинокля деревню, которой имя я не мог узнать (туземцы не поняли моих вопросов), я заметил, что почти все хижины были вновь выстроены и стволы многих деревьев и кокосовых пальм были черны

рый на Берегу Маклая называется «гун», или «тельгун», имеет одинаковое назначение и носится всеми одинаковым образом; другой, весьма небольшой — «ямби» (на Берегу Маклая), висит на шее. Подобных согласований я заметил много в их украшениях, costume и образе жизни.

* Но так как это исследование для меня лично может остаться еще долго одним желанием, то я решил послать эти обломки зуба при моем письме об этом предмете г. проф. Вирхову.

от огня. Несомненно, это были следы бывшего пожара. Я припомнил при этом слышанный на островах Яп и Пелау рассказ о совершенных подвигах белыми на группе Агомес и убедился, вечером вернувшись на шкуну, из рассказа Бокчо и одного из тредоров, знавшего это дело, что именно эта деревня была сценою этого происшествия*.

* Вот содержание этого эпизода, который передаю, компилируя его из рассказов многих европейцев, которые были даже отчасти причастны к делу или слышали о нем от действовавших лиц. Несколько лет тому назад (1872 или 1873 г.) пришла сюда для ловли трепанга с туземцами о. Яп шкуна «Орел» под американским флагом. Чтобы иметь свежую провизию, шкипер Бурдет, или Бёрд (рассказчики различно называли его), посылал несколько раз своих людей на берег за кокосовыми орехами, а главное — за таро на плантации туземцев, которых он и не думал спрашивать о том позволения. Когда же последние явились к нему с претензиями, но соглашались принять небольшое вознаграждение за уже взятое и предлагали сами привозить ему таро и кокосы, шкипер рассердился и отвечал им, что он и не думает платить им за забранное и впредь будет посылать своих людей, когда ему что понадобится, и, как род вызова туземцам, прибавил, что завтра же он отправится на берег и посмотрит, кто запретит ему брать, что ему вздумается. На другое утро шкипер действительно приказал 20 туземцам Япа вооружиться копьями и отправился с ними на берег. Не прошло и часа, как никого из всей партии не осталось в живых; что видя, штурман, родом голландец, счел за более безопасное перепилить якорную цепь и, поставив паруса, выйти в море. Штурман не обладал значительными сведениями мореплавателя, однако же счастливо довел шкуну до о. Яп, но здесь имел несчастье (или, как говорят другие, умышленно сделал это, чтобы разделаться с нею) разбить ее о коралловый риф в одном из проходов к острову. Этот человек и теперь живет на о. Вуап, где известен как горький пьяница и ловкий тредор.

Случай шкипера «Орла» окольными путями дошел до сведения прессы в европейских колониях, причем, как водится, без прикрас и выдумок дело не обошлось. К истории убийства шкипера припели обстоятельство, что не все были убиты туземцами и что некоторые из участников экспедиции, между которыми находилась белая женщина или белый ребенок, остаются в плену у черных и т. п. Австралийское правительство сочло долгом послать в архипелаг Агомес канонерскую лодку с приказом разузнать дело и освободить несчастных пленных. Когда канонерская лодка пришла в Агомес, на группе жил европейский тредор Том Шоу (о котором будет речь ниже), который разъяснил командиру канонерской лодки выше приведенный случай и убедил его, что никакой женщины или ребенка в плену у туземцев нет. Сообразно со своею инструкцией командир потребовал тогда от туземцев выдачи убийцы шкипера Бурдета, или Бёрда, и назначил срок исполнения своего требования, грозя в противном случае сжечь деревню. Туземцы, перепуганные приходом военного судна, не имея почти никакого правительства, не привыкшие к такой процедуре, не явились в назначенный день с требуемым соплеменником, а попрятались по островам в лесу. Обождав немного и видя, что никто не является, командир счел своею обязанностью внушить туземцам святой страх к приказаниям представителей Ее Королевского Британского Величества и исполнить свою угрозу. Он послал десант на берег, к которому присоединилась часть экипажа находившейся в то время в архипелаге германской шкуны или брига. Соединенные австралийско-германские силы, войдя в покинутую деревню, зажгли хижины и не нашли другого

Собиралась гроза и становилось поздно, почему, посмотрев еще на физиономию юноши с Ниниги и сравнив ее с лицами окружающих его, я отправился в обратный путь. Но дождя не избежал и, промокнув, прибыл на шкуну.

Замечу, что при обеих встречах с туземцами Агомес я не мог убедить, что есть между ними начальник, который бы пользовался общим послушанием и почетом; хотя тредор, который прежде жил здесь, называл мне одного человека, прибавляя, что это «king», но я думаю (что уже заметил, говоря об о. Тауи), что этот человек ни *de jure* имеет право на этот титул, ни по выбору, ни по наследству, а пользуется *de facto* большим влиянием и властью над своими соплеменниками, «выделяясь» своими качествами и энергиею.

Июня 12. Заметив уже вчера, что на шкуне и около строящейся хижины толпится почти все население архипелага, по крайней мере почти все мужское, я предпочел остаться этот день на шкуне, тем более что из ответов туземцев я не мог убедиться в существовании третьей деревни. Кажется, она теперь покинута, потому что большая часть населения вымерла.

дела, как забрать с собою всех свиней, которых могли словить в деревне. Через несколько дней командиру удалось захватить убийцу шкипера, которого местопребывание в лесу было выдано одним из его соплеменников. Об участии этого последнего, который был увезен канонерскою лодкою, один из рассказчиков уверял, что, чтобы не возиться далее с этим делом, ему была дана нарочно возможность сбежать у о. Амаката (герцога Йоркского на картах), мимо которого проходила на возвратном пути канонерская лодка¹³.

Прибавлять размышления о поведении шкипера Бёрда считаю лишним, но замечу, что подобное непризнание права туземцев на их собственность и работу — случаи ежедневные на островах Тихого океана и что даже в этом провиняются не единственно полуграмотные или малообразованные шкипера разных мелких судов, а даже командиры военных судов. Мне был передан достоверный факт (к сожалению, без передачи имен), что испанское военное судно на пути в Манилу зашло на группу Улай и «испанцы», желая запастись дровами для топки машины, вырубали значительное число хлебных деревьев, несмотря на то что на острове другой растительности было немало. Командир не принял в соображение, что лишает тем туземцев большей части их пропитания, которое на островах Тихого океана не слишком обильно.

На другой случай я наткнулся в архипелаге Пелау, где в Короре айбадул жалобным тоном рассказывал мне, что недавно (кажется, даже в 1876 г.) немецкое военное судно послало партию матросов на берег, которая перестреляла для доставления свежей провизии экипажу всех коров (за исключением одной), которые были много лет тому назад привезены в подарок туземцам Корора (как мне говорил айбадул) за помощь, оказанную капитану Вильсону¹⁴. Айбадул жалостливо добавил: «Map of ware take, по рау»^{9*} (я предполагаю, что в последнем случае вышло какое-нибудь недоразумение, не считая возможным, чтобы военное судно в деле нескольких долларов нарушило бы так явно права собственности).

Наблюдая туземцев, я имел случай констатировать и здесь, как и на о. Тауи, одну характерную особенность, о которой буду говорить ниже; смерил несколько голов и сделал несколько эскизов¹⁵.

Туземцы здесь, как уже замечено, почти не носят украшений и весьма мало заботятся о своей внешности, что особенно заметно, если посмотреть на состояние волос голов и бороды; волосы принимают вид такой, что поверхностный наблюдатель мог бы объяснить его конституционною особенностью. Известно, что волосы папуасов, вырастая и достигнув известную длину, собираются в мелкие компактные локоны*, которые при дальнейшем росте и при малом уходе за ними (редком расчесывании) принимают вид длинных свертков, которые окружают голову как род толстой бахромы**. Можно было бы написать целый том текста и издать целый

атлас рисунков, трактующий и представляющий о росте волос у папуасов и о физиономии, которую они принимают, предоставленные сами себе или подвергнутые разным искусственным манипуляциям. Эти последние, оставаясь часто неизвестными путешественнику, составляют отчасти причину разногласия у авторов, писавших о волосах папуасов, меланезийцев, негритосов, готтентотов.

Туземцы Агомес мало ухаживают за волосами, не расчесывают их довольно часто, хотя классический папуасский гребень обыкновенно торчит спереди или сбоку в их волосах; не разбирают отдельные локоны, так что вышеупомянутая «бахрома» скатывается в очень неравные

Лапай — уроженец островов
Ниниго (?). Рис. сделан 2 октября
1879 г. во время третьего посещения
Миклухо-Маклаем о. Луб

* «Grains de poivre» — французов, «tufs» — англичан.

или «pipes»^{11*} — у английских авторов.

свертки, между которыми некоторые, достигая значительной длины, висят неравномерно вокруг головы и у подбородка. На спиральных локонах нанизаны щеткообразно или болтаются только на концах их скатанные комки черной массы, состоящей из черной земли* с примесью кокосового масла, которым тестом папуасы часто смазывают свои волосы. Нередко $\frac{3}{4}$ всей куафюры состоит из веществ, посторонних волосам, так как туземцы не жалеют черной земли для такого украшения; иногда вся «бахрома» (длинные спиральные локоны) превращена в массивные привески, часто в палец толщины, состоящие из черной земли, выпавших волос и разных предметов, случайно запутавшихся или прицепившихся к волосам. Так как черная масса ссыхается, то эти привески часто поломаны, и собственно волосы в них играют ту же роль, как тонкий фитиль, сдерживающий куски свечи, сломанной во многих местах. Я сожалею, что не могу приложить к этому описанию эскиз одного такого субъекта, который дополнил бы значительно эти строки.

Одному из туземцев я обрезал два экземпляра такой бахромы: один, который болтался у него за ухом, другой, который образовался из волос бороды**. Этот человек, казалось, остался доволен, что я освободил его от двух лишних прибавок его особы, и несмотря на общее здесь попрошайство при каждом случае, не спросил у меня ничего за эти две пробы для моей антропологической коллекции. Я думаю, что во многих случаях неимение удобных средств брить или резать волосы*** влияет значительно на форму и обычай ношения их; так, например, часто встречающиеся здесь длинные бороды и ненаодевание их на о. Тауи может быть всего проще объяснено отсутствием здесь такого подходящего материала для туземных бритв, как обсидиан на последнем острове.

Толпа различным образом окрашенных, носящих множество разных украшений папуасов или красиво и обильно татуированных полинезийцев производит подобное впечатление, как пестрая толпа разодетых европейцев****, делает впечатление довольства и обилия, между тем как растрепанные, грязные, не имеющие никаких украше-

* Черная земля «куму», употребляемая на Берегу Маклая для этой же цели, как и для окрашивания кожи, состоит из пиролюзита (MnO_2) с примесью незначительного количества окиси железа. Г-н Эвервейн в Батавии был настолько любезен, что сделал для меня химический анализ привезенного образчика «куму».

** Первый экземпляр имел длину 47 см и весил 12 г, второй имел длину 22 см и весу 5 г.

*** *Sakai* Малайского п-ова, как я сам видел, обжигают длинные концы своих волос горячею головешкой, рискуя спалить при этом всю свою куафюру. Островитяне Пелау в деревнях, где ножницы еще (не) вошли в употребление, еще и теперь, как в прежнее время, избавляются от слишком богатой растительности около *Symphylis rubis*, также обжигая их.

**** Одно из различий то, что между первыми разукрашены более мужчины, у вторых женщины значительно более разодеты.

ний группы туземцев Агомес представляют вид нищеты, точно так же, как нищенская одежда и лохмотья в Европе*.

Доказательством, что туземцам здесь не особенно хорошо живется, служит то, что они не прочь при случае покинуть архипелаг и даже на европейских судах, которое обстоятельство в свою очередь свидетельствует, что туземцы Агомес уже давно привыкли к виду белых и имеют с ними дело.

Так как по случаю дурного обращения шкипера шкуны с людьми мы постепенно лишились 4 матросов (из 5), из которых последний, очень деятельный и толковый малаец, сбежал на о. Тауи, то шкиперу было весьма важно пополнить немного комплект рабочих рук даже такими малосведущими моряками, как туземцы Агомес, попадающие в первый раз на европейское судно и не знающие английского языка. При помощи обещаний шкипер нашел двух охотников, которым Бокчо не описал, вероятно, того, что ему пришлось вытерпеть на шкуне, и которые через несколько дней заметят, что если им худо было жить у себя, то, попав на шкуну, попали из огня в полмя.

Мы снялись к вечеру и направились к группе Ниниго.

1* *Король (англ.).*

2* *Коньяк (англ.).*

3* *В рукописи: на ещё ночь. Исправлено по герникову.*

4* *Да (англ.).*

5* *В рукописи неточность: острова.*

6* *Люди Ниниго нехорошие, крадут кокосовые орехи (ломаный англ.).*

7* *Ажурная (франц.).*

8* *В рукописи: ес. Исправлено по герникову.*

9* *Военный корабль берет, не платит (ломаный англ.).*

10* *Ряд твердых витых шнушков, напоминающих толстую бахрому (франц.).*

11* *Трубки (англ.).*

* На Новой Гвинее (на Берегу Маклая) молодежь, особенно в многолюдных деревнях, конкурирует между собою и каждый день, после непродолжительной своей работы, наряжается: надевает множество украшений, окрашивает волосы и тело красною землею. Я много раз наблюдал, как деревня мигом принимает праздничный вид.

Группа Ниниго (13—17 июня)

⟨Июня⟩ 13-го. К рассвету открылся небольшой низкий остров Ла Ванделла милях в 30 от группы Агомес. Ветер был весьма слаб, так что мы еле подвигались вдоль северо-восточной стороны группы. Проходя медленно мимо множества маленьких низких островков, которых в продолжение дня я насчитал 58 (это число только приблизительное, так как при низкости и однообразности островков я весьма легко мог ошибиться), на одном только заметил кокосовую пальму, на других (на северной стороне группы) их не было, и также, несмотря на внимательный осмотр помощью хорошего бинокля, я не мог рассмотреть ни одного селения, ни одной хижины, хотя вдали между островами мы заметили несколько парусов, которые все направлялись на противоположную сторону лагуны; очевидно, что туземцы при виде приближающейся шкуны искали безопасности в бегстве. (Несколько месяцев ⟨?⟩ тому назад шкипер одной американской шкуны увез насильно 3 туземцев, забрав их вместе с их пирогами. 4 женщин, также вывезенных немецким шкипером несколько лет тому назад и оставленных в архипелаге Пелау, я видел в Короре. Одним словом, похищение жителей этой группы европейскими судами — дело часто повторявшееся и повторяющееся).

Зная, что Бугенвилю не удалось достать дна, что, по его словам, ⟨лоты⟩¹ между коралловыми рифами опускаются в чрезмерную глубину², я думал, что нам придется искать якорную стоянку, и удивился, когда к 3 часам, подойдя к северной оконечности группы, без долгих поисков мы стали на якорь на 10 саженях глубины. При нашем приближении две пироги отплыли от обращенной к лагуне стороны ближайшего островка. В одном месте у оконечности острова виднеется дым около нескольких низких хижин. Я отправился к тому месту, не надеясь застать жителей, но чтобы видеть их жилища.

Шкипер рассказывал мне, что туземцы этой группы живут в пещерах и при приближении европейского судна скрываются под землею. Этот рассказ, напомнивший мне, что я слышал на о. Таити об островах Помоту ⟨?⟩³, не оказался — по крайней мере для островов, которые я посетил — верным.

В нескольких шагах от берега[...]^{1*}

^{1*} На этом текст рукописи обрывается.

«Читая мои письма...»

Читая мои письма, многие читатели подумают, как^{1*} приятно пере-
езжать с одного острова на другой, прогуливаться по деревням, осма-
тривать жилища туземцев, мерить их головы или зубы.

Я не скажу, чтобы моя работа была бы сложна и требовала бы тако-
го терпения и внимания, но и собственно переезды с одного острова на
другой могут предст[авить] иногда такие осложнения, что читатель
даже из самых кратких описаний может убедиться, что мой путь не
был усыпан розами.

Не желая надоедать длинным повествованием, скажу в несколь-
ких словах самую суть приключившихся неприятных случайностей^{2*}.
Шкипер шкуны¹ оказался человеком весьма жестокого и грубого ха-
рактера^{3*}. Обращение его с тредорами, доходившее иногда до драки,
заставило меня почти не выходить из каюты. Раз даже ссора приняла
такой характер, что я мог предположить, что последние (их было 4)
выкинут его за борт, хотя такого купания он бы стоил во многих от-
ношениях, и принял^{4*} на себя роль миротворца. Я уже не говорю о его
обращении с туземцами, между которыми ходят рассказы о нем самого
серьезного свойства.

Меня уверяли туземцы о. Япа, что во время его последней поездки
с целью ловли трепанга, когда истощенные работой и недостаточной
пищей их соотечественники были больны и много больных умерло
во время перехода, был случай, что одного больного этот шкипер вы-
бросил живым за борт². Разумеется, плавание с таким шкипером пред-
ставляет столько неприятностей^{5*}, что нетрудно себе представить, что
план^{6*} путешествия по берегам Новой Британии, Новой Ирландии и
Соломонову архипелагу канул в воду; ежедневность и назойливость та-
ких столкновений разного рода между населением шкуны и шкипером,
чего я поневоле должен быть свидетелем, мне так надоела и опротиве-
ла, что мне серьезно пришла мысль остаться на одном из островов и
выждать другого судна, чтобы продолжать бы путь^{7*}. Но физиономии
островов Агомес и Ниниго заставляли предполагать нездоровый кли-
мат и вместе с тем весьма мало шансов скоро выбраться оттуда.

Я решил, собрав последнее истощившееся терпение, дотянуть еще
несколько дней и добраться до моего Берега^{8*}.

Передавая письма для доставки их в Сингапур такой личности,
как шкипер, было весьма неприятно, не имея полной уверенности, что
они действительно достигнут назначения.

Но особенно досадно мне было быть в необходимости отложить на
неопределенное время^{9*} предположенное путешествие на острова Ме-
ланезии. Итак, мне кажется, читатель бы не сомневался, что при моем

путешествии я частенько должен был найти между интересным и новым, что *non sono tutte rosse*^{10*}.

^{1*} *Далее было:* легко и.

^{2*} *Далее было:* во время этого путешествия.

^{3*} *Далее было:* Обращение его с матросами (яванцами) заставило их при удобных случаях сбежать и считать себя счастливыми, лишаясь даже заслуженного жалования.

^{4*} *В рукописи:* принять.

^{5*} *Далее было:* хотя мелочных.

^{6*} *Далее было:* продолжения.

^{7*} *Далее было:* или даже не отступить перед денежными жертвами.

^{8*} *Далее было:* хотя особенно неприятно было мне.

^{9*} *Далее было:* мое.

^{10*} *Не все было прекрасно (итал.).*

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА БЕРЕГ МАКЛАЯ в 1876—1877 гг.

Второе пребывание на Берегу Маклая
(июнь 1876 г.—ноябрь 1877 г.)

1876 г.

Июнь. Прибыл 27 июня на маленькой шхуне под английским флагом по имени «Sea Bird»¹. Заметил значительное изменение физиономий высоких вершин гор.

Туземцы были очень обрадованы, но несколько не изумлены моему приезду, будучи вполне уверены, что я сдержу слово². Когда я съехал на берег в Горенду, в непродолжительном времени туземцы

соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбегались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось очень возбужденным моим возвращением. Я не досчитался нескольких стариков — они умерли в моем отсутствии, но зато многие мальчики были уже почти что взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, ожидавшими быть скоро матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться в их деревне, я же, как и в 1871 г., предпочел не жить в одной из деревень, а устроиться в некотором расстоянии от них. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановился на мыске у самой деревни Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от улеу к площадке, выбранной мною³. В этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура; но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его, а также

Дом Н. Н. Миклухо-Маклая на мыске Бугарлом

и крыша были сделаны уже на месте, в Новой Гвинее. К сожалению, нежелание задержать слишком долго шхуну и вместе с тем воспользоваться услугами плотника принудило меня не обращать достаточно внимания на качество дерева, почему оно очень скоро пришло в негодность, главным образом от белых муравьев, больших врагов деревянных построек в этой части света⁴. Здесь, однако ж, на Берегу Маклая, немало видов деревьев, которые противостоят этому насекомому, но достаточного количества их нельзя было добыть за короткое время.

Июль. На 6-й день дом мой был окончен (в постройке его, кроме меня, принимали участие двое европейцев, двое из моих слуг, несколько десятков папуасов, переносивших срубленные стволы деревьев и крививших крышу, а также несколько десятков женщин, очень усердно расчищавших мелкий кустарник вокруг дома). Вследствие того что сваи, на которых стоял дом, были около 2 м вышины, я обратил нижний этаж в большую кладовую, в которую были перенесены мои вещи (около 70 ящиков, корзин и тюков разной величины), и я мог отпустить шхуну 4 июля. При помощи моих трех слуг, из которых один был малаец и служил поваром, а при случае и портным, а двое — микронезийцы, туземцы Пелау, и нескольких жителей Бонгу я скоро привел мою новогвинейскую усадьбу в надлежащий вид и устроился довольно комфортабельно. Очень интересные сведения я получил от туземцев о бывших в мое отсутствие землетрясениях. Как я уже

сказал выше, изменение вида вершин Мана-Боро-Боро (горы Финистер) поразило меня при моем возвращении на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 г.) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые скаты оказываются совершенно голыми. Туземцы рассказали мне, что во время моего отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем немало жителей в деревнях было убито упавшими кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины. Береговые деревни пострадали главным образом от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением, вырывали деревья и уносили с собою хижины, более близкие к берегу.

Уголок в доме Н. Н. Миклухо-Маклая.
Бугарлом

При этом я узнал далее от туземцев, что давно, еще до моего приезда в 1871 г., целая деревня, по имени Аралу, находившаяся недалеко от морского берега, между реками Габенеу и Коли, была совершенно смыта громадною волною вместе со всеми жителями. Так как это случилось ночью, все жители погибли, только несколько мужчин, бывшие случайно в гостях в другой деревне, остались в живых, но не захотели вернуться жить на старое место и переселились в Гумбу, которая избежала разрушения, будучи построена далее от берега, чем Аралу⁵. Разрушение этой деревни хорошо помнят даже не очень старые люди, и я полагаю, что это случилось около 1855—1856 гг.* После этой катастрофы в соседних местностях случилось много заболеваний, окончившихся смертью. Это последнее обстоятельство произошло, я полагаю, от разложения органических остатков, выброшенных на берег волнами и гнивших на солнце**.

* Мне указали на молодого туземца, который только что родился, когда случилась катастрофа в Аралу; ему не могло быть более 20 лет.

** Подобный же пример случился на о. Луб в 1875 г. и был сообщен мною в моем письме имп. Русскому геогр. обществу, напечатанном в «Известиях» общества в томе XV, стр. 43⁶.

Наму — папуас
из дер. Марагум-Мана

Это было время, когда туземцы Берега Маклая жгут унан. Вместе со множеством экземпляров *Perameles* мне принесли один экземпляр тиболя (*Macropus tibol* McL.), для которого я устроил род клетки, желая сохранить его живым. Туземцы различают два вида тиболя, называя одного «и-тиболь», а другого — «валь-тиболь» (речного и приморского тиболя). Первый из них, т. е. речной тиболь, должен быть больше ростом и редко достается туземцам. Последние уверяют, что тиболь ест иногда рыбу⁷.

Август. 2-го собрался идти в Марагум-Мана⁸, а затем 5-го в деревню Рай⁹. Везде в горах заметны были следы землетрясений в виде

длинных довольно глубоких трещин, расселин и обвалов. 8-го предпринял экскурсию вверх по реке Габенеу. После 4 часов ходьбы русло поднимается приблизительно на 300 ф. выше уровня моря¹⁰.

12-го экскурсия на Пик Константин¹¹.

23-го отправился на о. Били-Били, где туземцы построили мне хижину, темную, но прохладную, на месте, называемом Айру, и куда я думаю приезжать от времени до времени¹². Вернувшись в Бонгу, я посетил деревни Энглам-Мана, Сегуана-Мана и Самбуль-Мана. Все эти деревни не отличаются значительно друг от друга ни характером построек, ни типом и внешним видом жителей. Собрал при этой экскурсии значительное число черепов, а также разузнал довольно много интересных данных по этнологии горных жителей¹³.

Сентябрь. Экскурсия в Бан-Мана, Сандингби-Мана, Бурам-Мана, Манигба-Мана и Колику-Мана. Результатом этих экскурсий было приращение материалов по этнологии, черепов папуасских для коллекций и несколько дней лихорадки¹⁴.

20 сентября. Был в Гарагасси, где все очень заросло¹⁵. Из посаженных кокосовых пальм только 6 принялись. На большом кенгаре еще крепко держится оставленная клипером «Изумруд» медная доска, хотя красное дерево съедено отчасти муравьями. Я укрепил ее, вбив несколько гвоздей¹⁶. Все сваи моей хижины были до того изъедены муравьями, что легкого толчка ногою было достаточно, чтобы повалить их. В Гарагасси гораздо больше птиц, чем около моего нового дома близ

Бонгу, и знакомые крики их живо напомнили мне мою жизнь в этой местности в 1871—1872 гг. Распорядился, чтобы Möbly, мой слуга из Пелау, и несколько жителей Горенду расчистили бы площадку на месте моей бывшей хижины и около растущих там кокосовых пальм.

Октябрь. Благодаря моему теперешнему помещению, гораздо более удобному, чем в Гарагасси, я могу заниматься сравнительно-анатомическими работами. Вообще комфорт (лучшее помещение и трое слуг) благоприятно действует на здоровье. В конце сентября и в начале октября был снят первый сбор кукурузы, которую я посеял в июле месяце. Затем я посеял ее снова и множество семян разнообразных полезных растений, привезенных в этот раз. Вокруг моей хижины я посадил 22 кокосовые пальмы, которые все принялись¹⁷.

Небольшие ранки на ногах, вследствие ушибов о пни, камни, трения обуви и т. п., превращаются здесь при небрежности обращения с ними, а главное от действия на них морской воды, от которой нельзя уберечься, мало-помалу в значительные, хотя и поверхностные раны, которые долго не заживают и часто очень болят. Они не раз удерживали меня от экскурсий и заставляют частенько сидеть дома.

Кроме письменной работы, я нахожу возможным заниматься антропологическими измерениями. В Гарагасси это было немыслимо, теперь же туземцы достаточно привыкли ко мне и не видят ничего опасного для себя при этих манипуляциях над их личностями. Не нахожу, однако ж, удобным мерить женщин; мужчины здесь ревнивы, а я не желаю с моей стороны подать повод к недоразумениям, к тому же измерения женщин сопряжены с слишком большой возней: уговариваниями, глупыми возражениями и т. д. Одним словом: в этом случае *le jeu ne vaut pas la chandelle*¹⁸.

В Бонгу был большой «ай», в котором принимали участие и женщины (что я увидал в первый раз); процессия возвращения «ая» в деревню представляла очень характерное зрелище, которое стоило бы нарисовать¹⁸.

Узнал подробности операции «у-ровар», или «мулум» (обрезание). Почти все «улео-тамо» следуют этому обычаю (за исключением некоторых из островов архипелага Довольных людей), но почти что все горные жители не признают его¹⁹.

Ноябрь. Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают. Когда было возможно, занимался сравнительно-анатомическими работами, а то читал. Боль от ран бывает по ночам так значительна, что приходится принимать хлорал, чтобы спать.

Когда температура по утрам спускается до 21°, то я ощущаю положительно холод, совершенно, как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом.

5 декабря. После многодневных приготовлений сегодня начался «мун» в Бонгу, самый значительный, который мне пришлось до сих пор видеть, почему я постараюсь описать его²⁰.

Декабрь. Состояние моих ног заставляет сидеть дома.

22 декабря. Курьезная сцена произошла сегодня в Бонгу. Как я уже не раз говорил, днем по деревням людей в обыкновенное время не бывает: мужчины или в других деревнях, на охоте, на рыбной ловле, в лесу или на плантации; женщины с детьми, большими и малыми, также на плантациях. Возвращаются они перед заходом солнца. Зная это, а также и то, что мун уже кончился несколько дней назад, мы были удивлены, услышав несколько громких поспешных ударов в барум, который сзывал людей с плантации в деревню. Я отправился также туда и был там один из первых.

Подоспевший ко мне Буа рассказал мне следующее, а в это время из хижины Лако неслись крики его жены. Дело было вот в чем: Лако, вернувшись раньше обыкновенного в деревню, застал затворенной в своей хижине жену, но не одну, а в обществе Калеу, молодого неженатого человека лет 22. Туземцы вообще ходят так тихо, что виновные были застигнуты совершенно врасплох. Калеу, побитый или нет, не знаю, выбрался из хижины Лако, который начал тузить жену. Он на минуту оставил ее, чтобы созвать с помощью барума своих друзей. Когда я пришел, Калеу стоял, потупившись, около своей хижины, а Лако продолжал чинить расправу в своей. Наконец он выскочил, вооруженный луком и стрелами, и, оглядев кругом присутствующих, которых уже набралась целая толпа, увидел Калеу; тогда он остановился и стал выбирать стрелу для расправы. В то же время один туземец подал и Калеу лук и несколько стрел.

Смотря на Лако и на крайнее его возбуждение, я не думал, что он в состоянии попасть в противника, и действительно стрела пролетела далеко от Калеу, который стоял, не шевелясь, ожидая экзекуции. И другая стрела не попала в цель, так как Калеу вовремя отскочил в сторону, после чего Калеу не стал ждать третьей и быстро скрылся. Стрелял ли он в Лако или нет, я сам не заметил, я следил за первым. Мне, однако ж, сказали, что он выстрелил раз и не попал. По уходе Калеу ярость Лако обратилась на хижину последнего. Он стал рвать крышу и ломать стены ее; здесь туземцы нашли подходящим вмешаться и постарались отвести его в сторону.

На другой же день я застал противников дружелюбно сидящих у берега моря и курящих одну и ту же сигару. Увидя меня, оба захохотали: «А ты вчера видел?» — спросил меня Лако. «Видел», — отвечал я. «А что ж сегодня Калеу — хороший или дурной человек?» — захотел я знать. «О, хороший, хороший», — заявил Лако, между тем как Калеу говорил то же о своем сопернике.

На тропинке в Бонгу я встретил Унделя и указал ему на сидящих Лако и Калеу. Ундель сказал мне, что Лако прогнал свою жену, которая живет теперь в хижине Калеу, причем он прибавил известную пантомиму и громко рассмеялся.

Однако ж такие случайности происходят очень нечасто; это всего третья, о которой я узнал.

1877 г.

Январь. Мои наблюдения по антропологии подвигаются довольно хорошо. Волоса новорожденных не курчавы. До сих пор измерил 102 головы мужчин, 31 — женщин и 14 — детей. Ноги, руки и ногти туземцев²¹.

Пример, как европейские произведения легко вытесняют туземные традиционные украшения. Экскурсия в Бурам-Мана²².

Февраль. Пребывание в Айру и экскурсия в архипелаг Довольных людей, а также в деревню Эремпи²³.

Тревога людей Бонгу вследствие «Буду-Рибут» около моей хижины²⁴.

Ноги все еще сильно болят.

*Март*²⁵. Свадьба Мукао²⁶. Разговор с Бугаем «тамо-муен-муен сен гена арен!»²⁷.

Апрель. Забрал «пат Горенду», потому что «тамо Горенду дигар таталь» (Дигу жаловался, что Бугай забрал «пат Горенду») ²⁸.

Убеждение о моей глубокой старости²⁹.

Западня для диких свиней³⁰.

Отвращение к пище³¹.

Май. Экскурсия в Айру и на острова Довольных людей³².

Смерть жены Моте³³.

Июнь. Экскурсия в Гориму³⁴.

Трепанг оказывается действительно очень вкусным³⁵.

Июль. Экскурсия вдоль берега до деревни Телят, а затем на гору Сирул³⁶.

Смерть Вангума, а затем неожиданная смерть маленького Туя.

Туземцы хотят войну. Мой отказ³⁷.

Август. Мой второй дом кончен³⁸.

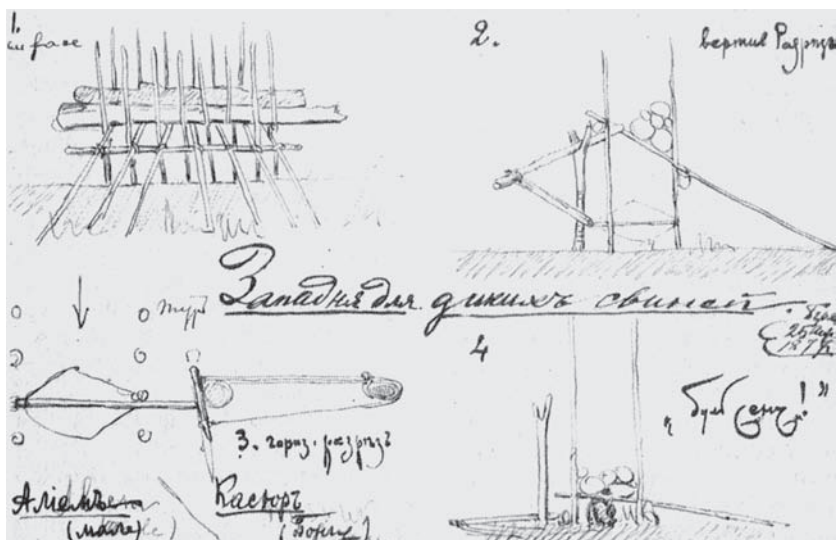
Большие бананы, так наз. мога-биган, весят около 500 grm.

Кусок каменного угля из реки и отзывы Буа о его нахождении³⁹.

Сентябрь. «Мун» в Богати. Головные украшения⁴⁰.

Привезенные семена, посеянные на плантациях туземцев, хорошо растут. Плавающие крокодилы часто переплывают большие расстояния залива.

Октябрь. Похороны Танока в Гумбу⁴¹. Люди Горенду действительно думают выселиться.

Западня для диких свиней

Вид на гору Тайо от востока, с берега р. Нобулия (притока р. Иор), не доходя до дер. Ярм

Ноябрь. Недобросовестность моих людей, которые крадут вещи для вымена на них разных предметов туземцев; не будучи в хороших отношениях друг с другом, один день М. приходит сказать, что С. крадет, на другой С. показывает, что М. обкрадывает⁴².

6 ноября. Приход шхуны «Flower of Yagrow».

9 ноября. Смерть и похороны матроса Абу.

10 ноября. Около 6 часов вечера подняли якорь. Оставил много вещей в доме, который я запер и предоставил охранять людям Бонгу.

Экскурсия на пик Константин⁴³

12 августа. Когда к 9 часам утра в своей дынге⁴⁴ я отправился в Богати, вся гора Тайо с пиком Константин была ясно видна. Нигде ни облачка.

При порядочном ветре в полтора часа прибыл в Богати. Встретившие меня туземцы перенесли вещи в хижину Коды-Боро. Они мне сказали, что уже слишком поздно, чтобы идти на гору, и следует подождать до завтра.

13 августа. Поднял людей в 3 часа утра. Напившись кофе и распределив вещи между несколькими носильщиками, отправился при свете неполной луны сперва по лесной тропинке, а затем по высохшему ложу реки Иор. Хотя было темно и дорога неудобна, я, однако ж, ни разу не споткнулся. Начинаю делаться в этом отношении папуасом. Когда рассвело, я записал имена моих спутников, которых оказалось 34 человека⁴⁵.

Не взяв провизии, пришлось зайти в деревню Ярю (810 ф. над уровнем моря).

Моим спутникам очень не хотелось идти далее в горы, но я не обратил на это внимания, тем более что людей у меня было раз в пять более, чем было нужно. К каравану присоединилось несколько человек из деревни Ярю. Мы продолжали следовать по ложу реки, т. е. по бульжникам; в некоторых местах (у порогов) пришлось карабкаться вверх по гладким мокрым камням. Вообще дорога была не особенно хороша. В третьем часу пошел дождь, и все горы были покрыты облаками; идти поэтому вперед было не к спеху. Я сказал туземцам, чтобы они строили шалаш, а сам расположился на ночлег. Сварил себе суп и смерил высоту местности помощью аппарата Реньо, которого результат был почти что одинаков с показанием моего aneroid-барометра. Высота оказалась равною 860 футам над уровнем моря. Было очень прохладно, вероятно вследствие дождя. Всю ночь дождь лил как из ведра. Крыша из непромокаемого одеяла, растянутого над моею койкою, оказалась очень удачно расположенною. Несмотря на ливень, я остался

совершенно сух, но воздух был весьма сыр, и я не был уверен, что день пройдет без лихорадки.

Я поднялся в 6 часов и, видя, что не все мои люди готовы, не стал их ждать, а объявил, что тамо-билен* могут следовать за мной, тамо-борле могут оставаться. Это действовало, почти все последовали за мной.

Вследствие дождя ночью в реке было гораздо больше воды, чем вчера, камни были очень скользкие, и надо было быть весьма осторожным в некоторых местах.

Пройдя немного, пришлось лезть по скату направо, без малейшего следа тропинки. Мои спутники стали уверять, что здесь дороги нет, почему мне пришлось идти или, вернее, лезть вперед. К великой моей досаде, я почувствовал, что вчерашний дождь, от которого я промок, и ночная сырость оказали свое действие и что пароксизма лихорадки мне не миновать. Голова сильно кружилась, и я подвигался как бы в полусне. К счастью, скат был покрыт лесом, так что можно было, придерживаясь и цепляясь за лианы, сучья и корни, подвигаться вперед. При одной крутизне помню, что потянул руку к лиане, что произошло после этого положительно не знаю...

Проснулся я как будто от человеческих голосов. Я открыл глаза — вижу кругом лес, и не мог ясно представить себе, где я. От общего утомления я снова закрыл глаза и при этом почувствовал значительную боль в разных частях тела и отдал себе отчет, что нахожусь в очень странном положении: голова лежит низко, между тем как ноги гораздо выше. Я все-таки не мог уяснить себе, где нахожусь.

Когда я опять открыл глаза, то недалеко от меня послышался возглас: «А я тебе говорил, что Маклай не умер, а только спит». Несколько человек туземцев выглянули из-за деревьев. Вид этих людей возвратил мне память. Я вспомнил, что с ними я лазил в гору, вспомнил, как схватился за лиану, чтобы удержаться. Мой вес оказался несоответственным ее крепости, и вот каким образом я очутился на десяток шагов ниже и в таком неудобном положении. Я недоверчиво пощупал ноги, бок и спину, а затем приподнялся. Ничего не было сломано, хотя бок и спина болели, и кажется, что я почувствовал себя бодрее, чем когда свалился. Хотел посмотреть на часы — оказалось, что, вероятно, от толчка при падении они остановились. Солнце было уже высоко, так что я имел основание думать, что пролежал в не особенно комфортабельном положении более 2 часов, а может быть, и еще дольше.

Времени нельзя было терять, а то к 3 часам, пожалуй, опять пойдет дождь, и с вершины ничего не будет видно. К счастью, один из моих анероидов оказался в полной исправности. В этом месте высота горы

* В слове «билен» *en* произносится в нос, как французское *i* и *in*.

была 1500 ф. Немного пошатываясь, спустился я к неглубокой долинке и сошел, а затем взобрался снова на холм, который туземцы называют Гумугуа и высота которого была 1880 ф. После него следовала опять неширокая долина, а затем возвышенность в 2400 ф. Идя все далее, мы пришли к вершине горы Тайо, к куполообразной возвышенности, которая с моря придает этому пику такую характерную форму. На небольшой площадке росло много высоких деревьев; высота здесь была 2680 ф. Мои спутники, чтобы показать жителям окрестных деревень, что мы добрались до вершины, зажгли костер.

Двум из них, более ловким, я передал белый флаг из толстой холстины, могущий противостоять некоторое время разрушению и прикрепленный к палке, с приказанием привязать его у вершины самого высокого дерева, обрубив сперва сучья. Когда это было сделано, мы отправились вниз. Я был разочарован этою экскурсиею, потому что по случаю растительности вокруг площадки на вершине пика панорама была очень ограниченная, а я не подумал взять с собою несколько топоров, чтобы вырубить кругом деревья. Мы сошли вниз до места нашего ночлега благополучно и, пообедав здесь, направились в Богати. Из ближайших деревень сходились люди, так что к вечеру моя свита состояла более чем из 200 человек. Хотя я чувствовал значительную усталость, я не захотел нигде останавливаться, и при свете многих десятков факелов мы вошли в Богати в 9 1/2 часов вечера⁴⁶.

Экскурсия в деревню Бомассия⁴⁷

Так как Каин не знал дороги в эту деревню, мы заехали на о. Сегу и забрали там двух людей как проводников. Из бухты мы вышли в речку Аюн-Монгун. Проехав незначительный приток ее, мы очутились в небольшом, почти что круглом, окруженном лесом озерке, называемом Моут-Монгун. Здесь пришлось оставить пирогу и идти по узкой тропинке, очень неудобной по причине множества пересекающего ее ротанга, цепляющегося за платье. Замечательно высокий дикий бананник обратил на себя мое внимание; плоды были маленькие, зеленые, полные зерен. Их нельзя было есть. Листья были также сравнительно с другими видами очень узки.

Мы продолжали наш путь на W и после более чем часовой ходьбы пришли в деревню Бомассия. Жители ее были очень испуганы моим неожиданным появлением и, вероятно, моим видом, так как они до сих пор, как мне сказал Каин, не видали белых. Несколько протяжных ударов в барум создали жителей деревни, которые работали на плантациях, и окружающих селений (люди эремпии⁴⁸ живут в небольших,

разбросанных в лесу хижинах, приходя от времени до времени в главную деревню). Хижины в Бомассии были почти все на сваях, а люди внешнею ничем не отличались от других папуасов Берега Маклая. Я смерил несколько голов и записал несколько слов их диалекта. Хотя люди здесь положительно людоеды, но в своих украшениях не имеют ни одного человеческого зуба или кости и последние никогда не употребляются ими как орудия. Каин мне сказал, что остатки костей выбрасываются в море. Я здесь видел щиты другой формы, чем на островах Довольных людей; они не круглы, а продолговаты.

Возвращаясь на другой день рано утром, я с удивлением услышал очень громкий голос, который я не мог отнести никакому мне известному животному; во всяком случае, можно было думать, что животное это должно быть значительных размеров. Я был очень удивлен, узнав, что это был голос взрослого казуара. Каин уверял, что их здесь, в этом лесу, особенно много и что он часто слышал их.

Булу-рибут

Мне как-то не спалось и подумалось мне, что хорошо было бы послушать музыку, которая всегда освобождает от различных назойливых размышлений. Ряд дальнейших соображений навел меня на мысль о том, что, путешествуя на Малайском полуострове, я не раз в селениях и даже в лесу засыпал под звуки своеобразной заунывной музыки т. н. малайских булу-рибут.

Надеясь, что Сале сумеет их сделать, я заснул, очень довольный своей идеей. Узнав на другой день, что Сале действительно умеет делать булу-рибут, я приказал ему заняться ими и сделать мне 4—5 штук различной величины.

Объясню в двух словах, что такое булу-рибут, по крайней мере та форма, которая в употреблении у малайцев Иохора (южной оконечности Малайского полуострова) и Явы. Они состоят из стволов бамбука различной длины (до 60 ф. и более), внутренние перегородки которых удалены, а затем в разных местах и в различных расстояниях друг от друга сделаны продольные щели, широкие и узкие. Такие бамбуки укрепляются у хижин, на деревьях, в деревне, а иногда и в лесу; ветер, проникая в щели, — в одну или несколько зараз — производит весьма курьезные звуки. Так как отверстия расположены с разных сторон бамбука, то различный ветер приводит в действие эти оригинальные золотые арфы. От длины и толщины стенок бамбука, степени сухости его и положения булу-рибут (т. е. находится ли он посреди дерева или на вершине его) зависит характер звуков.

Дня через три Сале показал мне 5 штук сделанных им булу-рибут; два из них имели более 40 ф. в вышиину. С помощью моих людей я рас-пределил их по вершинам стоящих около хижины деревьев, укрепив один из них на самой вершине моего дома. Так как полагается — как объяснил мне Сале — чтобы булу-рибут стоял перпендикулярно, то нам стоило немалого труда прикрепить их к деревьям надлежащим образом, тем более что их нужно было привязывать во многих местах, для того чтобы их не сдуло ветром.

Я с нетерпением ждал вечера, чтобы убедиться, удались ли Сале его булу-рибут, так как днем ветер слишком силен и шелест листьев окружающего леса и шум прибоя на рифе вокруг мыска заглушают звуки малайской эоловой арфы.

Заботы и разнообразная деятельность в течение дня совершенно отвлекли меня от мысли о бамбуках, и только когда я уже лег и стал засыпать, я услышал какие-то протяжные меланхолические звуки, а затем был озабочен резким свистом, раздавшимся у самого дома; свист этот повторялся неоднократно. Несколько других трудноопределяемых звуков — не то завывание, не то плач — слышались близ дома. Я услышал голоса Сале и Мёбли, толкующих о булу-рибут, и вспомнил о нашем утреннем занятии. В течение ночи меня раза два будил резкий свист на веранде; также явственно слышал я звуки и других бамбуков. Вся окрестность казалась оживленной этими звуками, которые перекликались, как разноголосые часовые на своих постах.

На другой день никто из туземцев не явился ко мне. Когда же и следующий день прошел без посещений, я стал недоумевать и думать, что в Бонгу, вероятно, что-нибудь случилось, почему туземцы целых два дня не показываются около моего дома. Это было совершенно против их обыкновения, так как редко проходил день, чтобы кто-нибудь из жителей окрестных деревень не зашел посидеть и поболтать со мною или с моими слугами. Вследствие этого я отправился в деревню узнать, в чем дело.

Я пошел перед заходом солнца, когда туземцы обыкновенно уже возвращаются с работ. Я застал всех по обыкновению занятыми приготовлением ужина. Я подошел к группе туземцев, поспешивших очистит для меня место на барле.

«Отчего вчера и сегодня не приходили в таль-Маклай?»

Туземцы потупились, говоря: «Мы боялись». — «Чего?» — с удивлением спросил я. — «Да тамо-русс». — «Каких тамо-русс? Где?» — допрашивал я, озадаченный. — «Где вы их видали?» — «Да мы их не видели, но слышали». — «Да где же?» — недоумевал я. «Да около таль-Маклай. Мы слышали их вчера и сегодня ночью. Их так много, они так громко говорят».

Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиною этого недоразумения, и ⟨я⟩ невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, вероятно, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами: «Когда были тамо-русс? Каким образом? Корвета ведь нет! Прилетели они? Что будут делать? Долго ли останутся? Можно ли прийти посмотреть их?» Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. «Никаких тамо-русс в таль-Маклай нет. Приходите посмотреть сами», — сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни, отправившейся искать тамо-русс и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако ж, не были совершенно убеждены, что тамо-русс не являются, по крайней мере по ночам, каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходить ко мне после захода солнца.

Звуки булу-рибут первое время своею пронзительностью будили меня, но потом, привыкнув к ним, я хотя и просыпался, но тотчас же опять засыпал.

Когда я засыпал, эта мягкая заунывная музыка, с аккомпанементом шелеста листьев и плеска прибоя, убаюкивала меня.

Свадьба Мукау⁴⁹

Несколько мальчиков из Горенду прибежали сказать мне, что невесту уже ведут из Гумбу. Я последовал за ними к песчаному берегу ручья и застал там несколько туземцев из Гумбу, пришедших с невестой. Они сидели и курили, пока двое из молодых людей (лет 17—18) занимались туалетом невесты. Я подошел к ней. Ее звали Ло, и она была довольно стройная и здоровая, но не особенно красивая девочка лет 16. Около нее вертелись три девочки от 8 до 12 лет, которые должны были проводить невесту до хижины ее будущего мужа. Но собственно туалетом ее занимались, как я уже сказал, молодые люди. Они вымазали невесту, начиная с волос до пальцев ног, положительно всю, за исключением мест, покрытых несложным костюмом папуасок, красною краскою, или «суру».

Пока ее натирали охрою, туземцы, сидевшие поодаль, подходили к ней, чтобы оплевать ее со всех сторон нажеванною заговоренною массою. Это называлось «оним-атар»⁵⁰. Последний из них, нажевав какую-то специальную массу, обрызгал ею нижнюю часть живота, отогнув для этого верхний край ее костюма. Он проговорил еще что-то, и тем операция «оним-атар» кончилась. Невесте провели три поперечные линии белою краскою (известью) поперек лица, а также линию вдоль

хребта носа. Ей навесили очень много ожерелий из собачьих зубов, а за браслеты на руках воткнули тонкие и гибкие [...] ^{2*} пальмового листа, к концу которых прикрепили по разрисованному листику.

Невеста подчинялась всем этим манипуляциям с величайшим терпением, выставляя поочередно ту часть тела, которую натурали. Поверх весьма незначительного девичьего пояса, очень короткого спереди, надели на нее новый маль, желтый с красными полосами, достигающий до колен, но по сторонам оставляющий ноги, начиная от талии, совершенно непокрытыми. Остатками суру вымазали девочек, сопровождавших невесту.

Ло положила обе руки на плечи девочек, которые, обнявшись таким образом, т. е. положив руки на плечи своих спутниц, двинулись по тропинке в деревню. У всех четырех головы были опущены; они не смотрели по сторонам, а в землю, и двигались очень медленно. На головы им был положен большой женский гун. Их сопровождали гуськом пришедшие с ними туземцы Гумбу. В процессии, кроме трех девочек, не было других женщин. Чтобы видеть все, я следовал одним из первых за невестой, вмешавшись в толпу туземцев Гумбу ⁵¹.

Войдя в деревню, мы застали всех жителей, мужчин и женщин, у дверей хижин. Дойдя, наконец, до площадки Канилю, квартала Бонгу, где находилась хижина жениха, девушки остановились в том же положении, как и шли; здесь же сидели женщины Бонгу и приготавливали инги, а мужчины сидели в разных группах ⁵².

Прошло несколько минут общего молчания, которое было прервано короткою речью Моте, подошедшего к девочкам и положившего на мешок, закрывавший голову последних, совершенно новый маль. Отошедшего в сторону Моте заменил Намуй, вышедший из одной хижины, находящейся напротив. Произнося свою короткую речь, он беглым шагом ⁵³ приблизился к девочкам и положил на голову Ло новый табир. Из группы женщин Гумбу выделилась одна и сняла с головы невесты табир, маль и гун и положила их около нее ⁵⁴. За этим последовал целый ряд жителей Бонгу, принося один за другим разные вещи: табиры, большое число мужских и женских маль, разные мужские и женские гун и т. д. Двое принесли по новому копыю, так называемому [...] ^{3*}.

При этом некоторые из туземцев говорили короткие речи или же молча клали свое приношение около невесты и молча отходили в сторону. Женщины Гумбу поочередно подходили, чтобы снять подарки с головы Ло и класть их вместе с другими около нее. Подруги Ло занимались в это время разборкою даров, кладя табиры к табирам, мали к малим и т. д. Когда последний подарок был положен, подруги невесты отошли и присоединились к группе женщин Гумбу. Воцарилось опять общее молчание. Один из старых туземцев, опираясь на копые, подо-

шел к невесте и, обвив вокруг пальца пук ее волос, начал речь, обращаясь к девушке, сидевшей у его ног; по временам, как бы для того, чтобы подчеркнуть сказанное и обратить на это ее специальное внимание, он сильно дергал ее за волосы. Было ясно, что он говорил о новых ее обязанностях как жены. Его место занял другой старик, который также, перед тем как начал говорить, навернул себе на палец прядь волос Ло и при некоторых наставлениях дергал ее так усердно, что девушка прискикивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала.

Все шло как по заученной программе; видно было, что каждый твердо знал свою роль. При всей церемонии присутствующими сохранялось глубокое молчание, так что речи, произносимые не очень громко, можно было хорошо слышать.

Собственно невеста и жених были совершенно на втором плане до того, что одно из главных действующих лиц, старик Гуна, совершенно забыл имя жениха, почему обратился к присутствующим, чтобы узнать его, что было принято, однако ж, не без смеха. Также отец и мать невесты не принимали никакого особенного участия в происходившем.

После того как двое или трое из стариков прочли свои инструкции, подкрепляя свои наизидания дерганьем волос бедной Ло, отчего она все более и более всхлипывала, церемония кончилась.

Пришедшие с невестой туземцы стали собираться домой. Женщины забрали все дары, сложенные около Ло, распределив их по своим мешкам, и стали прощаться с новобрачной, пожимая ей руку над локтем и глядя ее по спине и вдоль рук. Невеста, все еще всхлипывая, осталась ожидать, в том же положении, прихода своего будущего мужа.

Я узнал, что все вещи, послужившие для покупки Ло, были даны туземцами Бонгу вообще, а не только родственниками Мукау, и в свою очередь они не пойдут исключительно в семью невесты, а будут распределены между всеми жителями Гумбу. Разумеется, при этом распределении родственные отношения к семье невесты будут играть известную роль.

Вернувшись к хижине Мукау, я застал уже будущего супруга Ло, занимающегося приготовлением угощений для гостей. Мукау — лет 14 или 15; Ло — годом или двумя старше его. Над первым не была еще совершена операция «мулум», почему многие жители Бонгу изъявили свое неодобрение; другие указывали на обстоятельства, что Асел, который давно женат и имеет уже детей, не был еще подвержен этой операции. Из этого обстоятельства я увидел, что обычай «мулум» не соблюдается слишком строго на Берегу Маклая.

На другой день я видел целую толпу молодых людей Бонгу, которые шли к морю купаться. Они громко говорили и смеялись. Это купанье имело непосредственную связь со свадьбой; провожали ли и

мыли ли молодые девушки Ло, я не знаю; во всяком случае это купанье Мукау было последним актом его свадьбы.

20 июня 1877 г. я видел другой род свадьбы — именно похищение девушек силою, но собственно силою только для вида, по заранее условленному соглашению. Случай этот произошел таким образом: часа в 2 или в 3 днем послышался барум в Бонгу, призывающий к оружию. Прибежал мальчик в деревню с известием, что несколько вооруженных людей из Колику-Мана неожиданно явились на плантацию, где работали две или три женщины Бонгу, и увели с собою одну из девушек. Несколько молодых людей Бонгу отправились в погоню за похитителями. Произошла стычка, но только для виду (так как все было условлено наперед), после которой все отправились в Колику-Мана, где было приготовлено общее угощение. Между людьми, принимавшими участие в погоне, находились отец и дядя уведенной девушки. Все вернулись с подарками из Колику-Мана и все довольные. Похищенная девушка осталась женою одного из похитителей.

Убеждение о моей чрезвычайной старости⁵⁵

Я сидел около дома, любуясь вечерним освещением дальних гор и леса кругом. Пришел Саул-боро и сел возле меня, но долго ничего не говорил. Наконец он собрался и сказал: «Маклай, сколько у тебя жен, детей, внуков и правнуков?»

Я посмотрел на него и невольно улыбнулся. Он говорил очень серьезно и смотрел на меня вопросительно.

— Где? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил Саул. — В России, на луне, — поправился он.

— У меня ни жены, ни детей нет, — сказал я.

Саул недоверчиво засмеялся. «Маклай не хочет говорить», — добавил он. «Ну так скажи, помнишь ли ты, когда это дерево было очень маленьким? — сказал он, указывая на громаднейший *Calophilum inophilum*, росший неподалеку и которому было, наверное, несколько сот лет. — Ты, может быть, посадил его?»

Поглядев на Саула и не доверяя что-то его серьезности, я пожелал знать, почему он думает, что я так стар.

— Да ты никогда не бегаешь, не хочешь плясать, когда все старики у нас пляшут; жен здесь не хочешь брать; седых волос на голове много, и ты не хочешь, чтобы тебе их выдернули.

В этот вечер Саул ушел от меня очень недовольный тем, что Маклай ничего не хочет ему сказать.

Экскурсия на острова Били-Били, Ямбомба и некоторые острова Архипелага Довольных людей⁵⁶

Из Били-Били отправился на о. Ямбомбу, дорогою туда остановился у островка Урему или Урембу, как другие его называют. Здесь собственноручно посадил в разных местах по берегу 12 кокосовых пальм и приказал Каину помнить, что Маклай их здесь посадил, прибавив, что в следующий мой приезд я построю себе дом вместо Айру в Урембу. На этом островке никто никогда не жил, только по вечерам слетаются сюда, как и в Били-Били, множество голубей и остаются здесь до следующего утра, когда они снова массами летят в леса Новой Гвинеи. Каин называет Урему часто поэтому Мулики-амб (дом голубей; «мулики» означает на диалекте Били-Били голубь, а «амб» — дом). На материке, против островка Урему, впадает речка Ио-Гуму, довольно значительная. Небольшое селение находится в верховьях ее. Урему и Ямбомба ограждают небольшую гавань, которая может быть довольно удобною для небольших судов.

Я встретил в Ямбомбе очень радушный прием. Все казались рады моему приезду. Биромор проводил меня в свой «дарем» (на диалекте Ямбомбы буамрамра называется «дарем»). Видел у него топор, ручка которого была образец папуасской резьбы. Это был первый и единственный экземпляр, виденный мною на Берегу Маклая. Заметил также висевший на снурке пробуравленный плоский круглый камень. На мои вопросы, откуда, кто сделал, туземцы отвечали: «Из моря», «Не знаем», «Это было сделано не людьми»; однако ж нашелся один, который пояснил, что «наме, наме» (давно, давно) люди Ямбомбы привезли этот камень с о. Корогу*, который находится очень-очень далеко от Ямбомбы, что теперь люди Ямбомбы не только не ездят туда, но не знают даже, где он находится. Люди Ямбомбы не знали, для чего делались эти камни**.

Группа туземцев работала над новою пирогой, именно пришивали длинную планку у одного борта ее. Несколько соответствующих отверстий были сделаны на краях пироги и доски; в них продевалась крепкая красная лиана — которую туземцы называют «урамер» — много раз, пока оба отверстия сантиметра в 4 в диаметре не были вполне выполнены оборотами лианы. Одно подобное закрепление отстояло

* Я много раз и от других туземцев слышал название Корогу, но не мог добиться, где находится этот остров. Мне кажется положительно, что из теперь живущих жителей Берега Маклая никто там не бывал и единственно слышал от отца или деда это имя.

** Этот камень был не что иное, как каменный наконечник булав, которые употребляются на южном берегу Новой Гвинеи, а также на некоторых островах Луизиады.

от другого приблизительно на $\frac{1}{2}$ м, и все скважины и отверстия были законопачены наскобленными и размоченными внутренними слоями коры «дым». Работы было немало, но прежде было еще больше, потому что, не имея гвоздей, им приходилось делать отверстия каменными топорами, вследствие чего отверстия были больше; теперь они обтачивают большие гвозди в виде долота и очень искусно делают небольшие четырехугольные отверстия.

Они очень обрадовались, когда я им показал, что, накалив гвоздь на огне, они могут прожигать отверстия разного диаметра, смотря по толщине гвоздя, в бамбуке и не слишком толстых досках. Они очень серьезно просили меня поселиться на о. Урему, надеясь, вероятно, на помощь, которую я могу оказать им моими столярными инструментами. Подаренные мне при отъезде старые кокосовые орехи с ростками я прибавил к тем, которые посадил сегодня утром на о. Урему. Вернувшись в Били-Били, я сказал Мёбли, что подниму его очень рано, чтобы отправиться на острова Довольных людей.

10 мая. За неимением часов я пожертвовал свечою с пометками, соответствующими часам и получасам. Проснувшись, когда моя свечачасы показывала половина первого часа ночи, я встал и разбудил Мёбли, но прошло более часа до тех пор, пока было все готово и мы могли сдвинуть дынги в море. Ветер был слаб, и к рассвету мы были не далее как милях в 2 на Ю от острова Тамб, крайний остров группы. Тамб и Матарен имеют «улео» (песчаный берег), обращенный к лагуне, между тем как о. Певай кругом окаймлен скалами, так что пристать к нему неудобно. Проход между островами Тамб и Матарен чист, между тем как между о. Певай и Митебог находится риф. Мы высадились на о. Тамб. Он весь покрыт лесом и не имеет воды; кроме больших деревьев [...] ^{4*} встречается вид пандуса, а также [...] ^{5*}, который делает, при положительном отсутствии здесь тропинок, путь по острову очень неудобным и в некоторых местах очень труднопроходимым.

После завтрака Гассан очень тщательно собрал все объедки, и, свернув их, положив камень в середину, обвязав все гибкой лианой, которую сорвал недалеко, он бросил связку далеко в море для того, чтобы дурные люди, найдя наши объедки, не заговорили бы их и не причинили нам вреда.

С о. Тамб мы направились к о. Митебог. Везде глубина была значительная, но могла представлять множество удобных якорных стоянок. Пролив между материком, мысом Год-Аван и о. Митебог был достаточно глубоким для судов больших размеров. На о. Митебог 2 деревни: Митебог и Гада-Гада. Жители последней — выселенцы с другого острова, который они покинули вследствие войны с жителями о. Тиары. Семейные хижины построены все на сваях, «даремы» же — прямо

Остров Били-Били. Август 1876 г.

Банг блангути — двухмачтовая парусная лодка.
О. Били-Били. 5 октября 1877 г.

на земле, как в Били-Били, Тиаре и т. д. На конце конька над входом красовалась большая из дерева вырезанная рыба. Люди здесь были особенно любезны, упрашивали остаться ночевать у них, на что я не согласился, потому что Гассан предупредил меня, что очень боится остаться ночевать в Митебоге или в Гада-Гада, с которыми жители Били-Били находились в неприязненных отношениях. Он боялся, что во время сна ему отрежут несколько волос, заговорят их и что он от этого заболеет.

В Митебоге строят много пирог; в одной полуготовой, т. е. не вполне выдолбленной, была налита вода, как мне объясняли, чтобы размочить дерево и сделать его более мягким для долбления.

Лишившись моих 2 часов, я должен был приискать какое-нибудь мерило времени. Днем (так как пасмурных дней здесь сравнительно очень небольшое число) солнечные часы исправляют это дело, вечером я много раз замечал, что, занимаясь какой-нибудь интересной работой, совершенно теряешь всякое представление о времени.

Я придумал следующий способ, который оказался довольно практичным. Я взял 2 стеариновые свечи, у которых отрезал верхние конические концы, а затем зажег одну из них. По прошествии часа я отметил на незажженной свече чертою, на сколько вторая свеча сгорела, и, заметив время, снова зажег вторую. По прошествии часа я сделал то же, т. е. отметил на целой свече, на сколько вторая свеча укоротилась вследствие горения в продолжение 2 часов. Я сделал то же и для третьего часа. Найдя, что отдели, отмеченные были почти что равны, я взял среднюю величину и разделил ее на 4 равные части. Таким образом я получил скалу сгорания свечи; я, однако ж, скоро заметил, что сквозной ветер, дующий с разных сторон, делает сгорание свечи неравномерным, почему пришлось придумать какой-нибудь способ для ограждения свечи от сквозного ветра. Такой аппарат я себе устроил очень просто, вырезав, почти что совершенно, одну из сторон большой жестянки от бисквит, и получил аппарат, предохранявший свечу от сквозняка и неравного сгорания. К подсвечнику, который я употреблял для этой цели, я прикрепил масштаб из бамбука с делениями. Так как в этой местности круглый год почти солнце поднимается в одно и то же время, то, зажигая мою свечу в 6 часов, я мог почти наверно определять с помощью сгорания ее часы вечера.

Болезнь и смерть жены Моте⁵⁷

29 марта. Утром мне сказали, что жена Моте очень больна, и просили прийти в деревню. В час пополудни один из туземцев пришел с известием, что женщина эта умирает и муж ее просит меня дать ей ле-

карство. Я отправился и, услышав плачевный голос женщин, которые голосили по разным углам площадки перед хижиною, подумал, что больная уже умерла. Около хижины сидело несколько женщин, кормивших грудью детей. Мне указали на хижину умирающей, в которую я вошел. В хижине было очень темно, так что, войдя в нее со света, я сперва не мог ничего разглядеть. На меня набросилось несколько женщин, прося лекарство. Когда глаза попривыкли к темноте, я разглядел, что умирающая лежала и металась посередине хижины, на голой земле. Около нее расположилось 5 или 6 женщин, держа кто голову, кто спину, кто руки, кто ноги больной. Кроме того, в хижине было еще много женщин и детей. Добиться толку было невозможно. Умирающая не разжимала зубов и только по временам как-то вздрагивала и старалась подняться. Вне хижины, как и внутри ее, все толковали о смерти. Сама больная иногда вскрикивала: «Умираю, умираю!» Не успел я вернуться домой, как Моте пришел за обещанным лекарством. Я повторил, что принесу его. Отвесив небольшую дозу морфия, я вернулся в Бонгу. Меня встречали и провожали, как будто я действительно нес с собою верное исцеление от всяких недугов. В хижине ожидала меня та же картина. Больная не захотела принять лекарства, несмотря на то что все уговаривали ее и один из туземцев даже предложил разжать зубы дунганом⁵⁸, чтобы влить лекарство в рот. Больная повторяла по временам: «Умираю, умираю».

30 мая. Солнце только что взошло, когда несколько коротких ударов барума возвестили, что жена Моте скончалась.

Я поспешил в Бонгу. Вой женщин слышался уже издали. Все мужчины в деревне ходили вооруженными. Около хижины Моте я увидел его самого; он то расхаживал, как бы приседая при каждом шаге, то бежал, как бы желая догнать или напасть на кого; в руках у него был топор, которым он рубил (только для вида) крыши хижин, кокосовые пальмы, кусты и т. д.

Я пробрался в хижину, где лежала покойница, но там было так темно, что я мог разобрать только, что умершая лежит на нарах и кругом ее теснятся, причитывая и воя, женщины.

Часа через два Лако и другие родственники покойницы устроили в переднем отделе хижины род высокого стула из весел и палок. Приложенный рисунок делает подробное описание излишним⁵⁹. Один из туземцев вынес тело женщины, очень похудевшее в последние дни, на руках, другой принял и посадил его на приготовленный стул. У покойницы ноги были согнуты в коленях и связаны. Их завернули в женские нале⁶⁰, а около головы и по сторонам воткнули ветки *Coleus* с разноцветными листьями.

Между тем на площадку перед хижинкой высыпали пришедшие из Горенду и Гумбу туземцы, все вооруженные, с воинственными крика-

ми и жестами. При этом говорились речи, но так быстро, что мне было трудно понять сказанное⁶¹. Моте продолжал свою пантомиму горя и отчаяния, только теперь он был одет в новый маль, громадный катазань⁶² (гребень с большим веером перьев, который носят единственно тамо-боро, т. е. отцы семейств); большой гун болтался под мышками и, как утром, на плече у него был топор. Он расхаживал, как прежде, приседая, т. е. это был род пляски, которую он исполнял в такт под свою плаксивую речь и завывание женщин.

Что все это была одна комедия, которую действующие и присутствующие считали необходимостью исполнить, было ясно видно и прорывалось по временам. Например, когда Моте, среди своих монологов (он хороший оратор), войдя вдруг в азарт, стал неистово рубить топором кокосовую пальму, одна из женщин, кажется, сестра его, которая также была, вдруг прервала свои отчаянные вопли, подошла к Моте и заметила ему самым деловым тоном, что портить дерево не следует, после чего Моте, ударив еще раза два, но менее сильно, отошел прочь и стал изливать свою горесть, ломая старый, никуда не годный забор. Также, когда дождь стал накрапывать, он выбрал сейчас же себе место под деревом, где дождь не мог испортить его нового маля и перьев на голове.

Пришли несколько друзей Моте из Тумбу и принесли, чтобы изъяснить свое сочувствие, подарки (табиры, которые были положены перед входом хижины умершей). Табиры были сейчас же разобраны членами семьи.

Весь день продолжалось вытье Моте, и даже вечером он расхаживал и тянул свою песнь, начинавшуюся словами: «Аламо-амо» и т. д. Он говорил приблизительно: «Уже солнце село, она все еще спит; уже темнеет, она все еще не приходит. Я зову ее, и она не является» и т. д.

Покойницу принесли снова в хижину, и снова множество женщин окружили нары, на которых она лежала, по очереди воя, поддерживая огонь и болтая.

Зайдя в Бонгу ночью, я застал ту же сцену: женщины бодрствовали внутри хижины и у входа ее, мужчины на площадке, у костра. Несколько раз ночью в Бонгу ударяли в барум, на звуки которого отзывался другой где-то далеко в горах (как я узнал потом, то был барум деревни Бурам-Мана).

31 мая. Придя утром в Бонгу, я застал очень измененное настроение: люди оживленно болтали, следя за приготовлением угощения, которое, судя по числу горшков, стоявших рядами на длинном костре, и по гурдам шелухи таро, ямса и т. п., над которым трудились, жадно хрюкая, несколько свиней, должно было быть очень значительное. Все приготовления угощения были сделаны ночью; мне сказали, что люди Бурам-Мана, откуда была покойница и где жило несколько ее близких родственников, должны прийти «гамбор росар» (связать корзину) и что их теперь ждут.

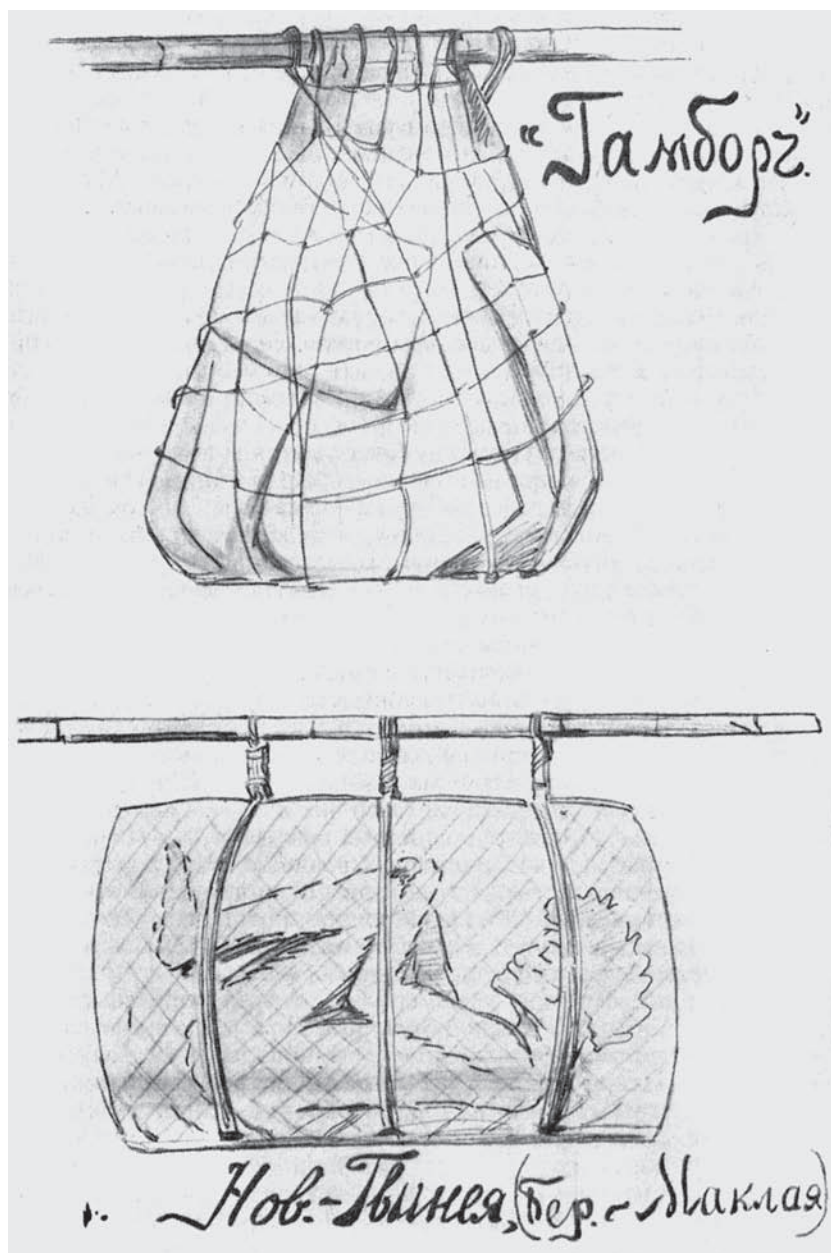
В хижине я увидал, что труп был уже упакован женщинами в корбку из «губ»*, но голова была еще видна. Подойдя к гамбору, я заметил, что все украшения: ожерелья и т. д., которые были навешаны при вчерашней выставке ее тела, были сняты; даже новый маль не был оставлен на покойнице, и, кроме нескольких ветвей *Coleus*, ничего не было положено в гамбор. Я вышел из хижины, услышав страшные крики. То была ватага жителей горной деревни Бурам-Мана, которые с криками и воинственными жестами появились со всех сторон на площадку, как вчера люди Горенду, но еще с большим шумом и азартом. Вслед за ними вышел ряд женщин, которые направились прямо в хижину покойницы, причем завывали самым усиленным образом.

Так как люди Бурам-Мана должны были вернуться домой сегодня же, жители Бонгу поторопились распределить для каждого из них долю угощения, которое не полагалось быть съеденным здесь, а взятым с собою. Для этого в каждый табир были положены банановые листья, а на них вареные инги и куски свинины, так, ч[тобы] было удобно связать их в большие свертки; затем к каждому свертку, число которых соответствовало числу мужчин, пришедших из Бурам-Мана (почти все — родственники умершей), были приложены разные вещи, как-то: табиры, гун, мали и т. п.

Между тем двое из туземцев Бурам-Мана вынесли из хижины гамбор с покойницей, а за ними последовали женщины, которые стали неистово выть и толкаться вокруг гамбора. Мужчины занялись увязкою корзины с телом. Она была привязана к бамбуку, концы которого двое мужчин держали на плечах; двое других, не скупясь на ротанг, увязывали корзину, доведенную ими, вследствие стягивания ротангом, до весьма небольших размеров; женщины, не переставая выть, стали кружиться и выпясывать вокруг группы. По временам все останавливались, продолжая выделять среднюю часть тела положительно неприличные движения; некоторые отделялись, скребли и терли гамбор, как бы лаская его, причем причитывали на разные голоса. Эти группы постоянно сменялись, пока, наконец, гамбор не был внесен обратно в хижину и повешен при помощи перекладки в углу ее. В это время люди Бурам-Мана, нагрузив жен своими долями угощения и наследства, поспешили отправиться домой и сошли со сцены с гораздо меньшим шумом, чем пришли.

2 июня. Застал утром всех туземцев от мала до велика с вычерченными лицами; у некоторых, кроме лица, грудь была также натерта черною краской; у третьих, кроме груди, руки и спина, а Моте, муж покойной, имел все тело испестренное черною краскою, или «куму». Мне сказали,

* Губ, как я уже имел случай заметить, не что иное, как так называемые [...] разн. видов пальм.

Гамбор. Берг Маклая. 31 мая 1877 г.

что это было сделано уже вчера вечером. Сегодня все оставались в деревне, никто не ходил на работу; мужчины пили кеу, женщины возились около хижин. Все были испачканы куму, не имели никаких украшений и походили на трубочистов. Заметив, что все без исключения были вымазаны черною краской, я, подойдя к Моте, спросил куму, который мне был тотчас же подан. К величайшему удовольствию обступивших меня туземцев я, взяв мизинцем немного куму, сделал себе на лбу небольшое черное пятнышко; Моте стал пожимать мне руку, приговаривая: «Э-аба, э-аба», а со всех сторон стали слышаться одобрительные возгласы.

Я вошел в хижину Моте и увидел большой цилиндр из кокосовых листьев, метра в 2 вышиною, как раз в том углу, где повесили вчера гамбор. Раздвинув немного листья, я убедился, что гамбор висел, как и вчера, на перекладине, а цилиндр был сделан вокруг него; в хижине горели 2 костра, что было целесообразно, так как запах от разлагающегося трупа был очень силен.

Июнь. Горима

Сидя за ужином на барле около хижины Коды-боро в Богати, я прислушивался к разговору, который вел мой хозяин, сидевший на пороге своей хижины, со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили не громко и жевали при этом бетель, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя мог расслышать несколько раз мое имя.

Когда я кончил ужинать, то слез с барлы и намеревался пройтись по деревне. Коды-боро удержал меня, схватив за рукав.

— Маклай, ты не ходи в Гориму (деревня, лежавшая милях в 4-х от Богати по берегу).

— Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль-Маклай.

— Это хорошо, — сказал Коды.

— А отчего же мне не ходить в Гориму? — спросил я.

— Да люди Горимы — люди нехорошие, — объяснил Коды.

Я на этот раз удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты я хотел взять несколько пеленгов для определения положения некоторых вершин хребта Мана-боро-боро, который был хорошо виден в этот вечер. Когда стемнело, я обошел несколько костров и поговорил с разными знакомыми. Вернулся к буамрамре, где должен был провести ночь. Коды-боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барлу и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, т. е. снял башмаки, гамашы и т. д. Затем позвал Коды-боро и спросил его: «Отчего люди Горимы борле? (нехороши)». Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько больших кусков табаку. «Ты ска-

жи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шляпку и поеду прямо в Гориму». — «О Маклай! Не езди в Гориму. Люди Горимы скверные!» — «Ты скажи, почему? Что тебе сказал сегодня Ур?»

Видя, что я не оставлю его в покое, Коды решился сказать все, что слышал. Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал, что встретил там двух туземцев из Горимы, которые говорили обо мне, что у меня много вещей в доме, что если люди Бонгу убили бы меня, то могли бы взять все, и т. д. Что двое из жителей Горимы хотят приехать нарочно в таль-Маклай, чтобы убить меня и взять, что могут, с собою. Вот почему Коды называет людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

— А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая? — спросил я.

— Одного зовут Абуй, другого — Малуй, — ответил Коды.

Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать.

По мере того как Коды говорил, у меня составилась план относительно того, что делать в этом случае. Я был удивлен, что после такого долгого знакомства со мною (правда, люди Горимы только один раз, во время моего первого пребывания, были у меня, так что, разумеется, очень мало знали меня) находились еще люди, думающие и говорящие, что хотят меня убить. На это они имели уже довольно времени и случаев. Я, в сущности, не верил, что они говорят серьезно, и был убежден, что при самых удобных обстоятельствах эти люди не посмели бы напасть на меня открыто; бросить же копье из-за угла, подкараулив меня около хижины, или пустить стрелу — на это я считал их вполне способными. Худшим обстоятельством, мне казалось, было то, что они сами говорят об этом, так как это может подать подобную же мысль кому-нибудь из моих более близких соседей. Кто-нибудь может подумать: «Зачем ждать, чтобы люди Горимы убили Маклая и взяли его вещи? Я попробую сделать это сам, и вещи будут мои».

Засыпая, я решил отправиться сам в Гориму, даже, пожалуй, завтра, если буду чувствовать себя достаточно свежим.

Проспав весьма хорошо ночь и будучи разбужен до рассвета криком петухов в деревне, я встал и нашел, что чувствую себя в расположении духа идти в Гориму. Недопитая с вечера бутылка холодного чая и несколько кусков холодного таро, оставшегося от вчерашнего ужина, послужили мне завтраком. Я оставил большую часть моих вещей в буамрамре и на всякий случай перевязал белой ниткой крест-накрест небольшую ранец с разными мелкими вещами.

Забрав только одеяло и несколько кусков таро, я отправился в путь. Так как все это происходило в буамрамре, то меня никто не видел, и вышел я из буамрамры прямо к морю, а не пошел по деревне. Хотя я и

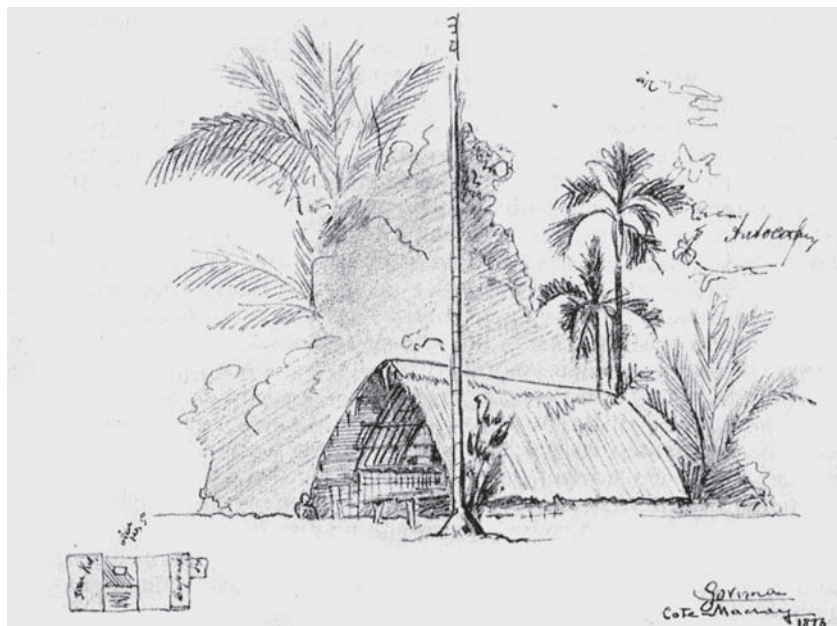
не знал дороги в Гориму, но надеялся добраться до нее, идя берегом, что будет, вероятно, немного дальше, но зато таким образом я не могу миновать деревни, лежащей у моря. Один из жителей Богати, исправлявший что-то в своей вытащенной на берег пироге, спросил меня, куда я иду. Я отвечал: «К реке Киор», что не было неправдой, так как для того чтобы дойти до Горимы, мне надо было перейти реку Киор.

Не стану вдаваться (в) описание пути. К 11 часам солнце стало печь весьма сильно. Пришлось перейти вброд реку Киор, где вода доходила мне до пояса, и еще другую, более мелкую. Снять башмаки я боялся, сомневаясь, можно ли мне будет надеть их снова, так как они были промочены насквозь. Мелкие камни, сменявшие в некоторых местах песчаный берег, делали ходьбу босиком положительно невозможною. В одном месте я пошел по тропинке в лесу, полагая, что она проложена параллельно берегу; но тропинка так углублялась в лес, что мне пришлось свернуть на другую, а затем и на третью. Я уже думал, что заблудился, когда при следующем повороте я вдруг снова увидел море. Был уже третий час, и я решил отдохнуть в этом месте и съесть взятое с собою таро.

Горима была недалеко, но мне не хотелось прийти туда ранее пяти часов. Я вспомнил одно обстоятельство, очень для меня неудобное и которое я совершенно упустил из виду, именно то, что диалект Горимы был мне абсолютно неизвестен и что там навряд найдутся люди, знающие диалект Бонгу. Возвращаться, однако ж, было поздно, оставалось только рискнуть. Отдохнув, я пошел дальше. Деревня Горима расположена на мыске, так что людям, ходившим или стоявшим в то время около берега, мое приближение было заметно еще издали. Навряд я попал бы в этот день в деревню, так как по берегу на значительном пространстве росли мангровы. К счастью для меня, на берегу лежала вытащенная пирога и слышалось несколько голосов в лесу, почему я и решил подождать их возвращения. Нелегко было бы описать выражение удивления туземцев, когда они вернулись и увидели меня. Мне показалось, что они готовы убежать, почему я поспешил сейчас же подойти к самому старому из трех.

— Вы люди Горимы? — спросил я на диалекте Бонгу. Туземец приподнял голову — жест, который я счел за утвердительный. Я назвал себя и прибавил, что иду посмотреть Гориму и что мы поедем вместе.

Туземцы имели очень растерянный вид, но скоро оправились, и так как им, вероятно, и самим надо было домой, то они, по-видимому, были даже рады отделаться от меня так дешево. Я дал каждому из них по куску табаку, и мы отправились. Расстояние оказалось гораздо более далеким, чем я ожидал, и солнце было совсем низко, когда мы подъехали к деревне. Мою белую шляпу и такую же куртку жители заметили

Хижина в деревне Горима. Июнь 1877 г.

еще издали, почему многие собрались встретить меня, между тем как другие то выбегали к морю, то опять возвращались в деревню. Дав еще табаку и по одному гвоздю моим спутникам, я направился в деревню, сопровождаемый туземцами, встретившими меня у берега. Ни один из них, однако, не говорил на диалекте Бонгу, и я сомневаюсь, чтобы кто-либо даже достаточно понимал его. Пришлось поэтому прибегнуть к первобытному языку — жестам. Я положил руку на пустой желудок, затем указал пальцем на рот; туземцы поняли, что я хочу есть, по крайней мере один из стариков сказал что-то, и я скоро увидел все приготовления к ужину. Затем, положив руку под щеку и наклонив голову, я проговорил: «Горима», что должно было значить, что я хочу спать. Меня опять-таки поняли, потому что сейчас же указали на буамрамру. Я не мог объясняться, а то с моей стороны было бы первым делом успокоить жителей, которых, кажется, в немалое смущение привел мой неожиданный приход. За себя я был очень рад, так как мог быть уверен, что не лягу голодным и проведу ночь не под открытым небом (на что я решаюсь только в самых крайних случаях, из опасения лихорадки). Я так проголодался, что с нетерпением ожидал появления табира с кушаньем и почти что не обратил внимания на приход человека, хорошо знавшего диалект Бонгу.

С большим ожесточением принялся я за таро, которое мне подали туземцы, и полагаю, что это была самая большая порция, которую я когда-либо ел в Новой Гвинее. Утолив голод, я припомнил главную причину, которая привела меня в Гориму, и подумал, что теперь как раз подходящее время поговорить с туземцами, имея под рукою человека, могущего служить мне переводчиком. Я его скоро нашел и сказал, что желаю поговорить с людьми Горимы и узнать, что они могут мне сказать. Я предложил ему созвать сейчас же главных людей Горимы. Пока я занялся устройством своего ночлега. У входа в буамрамру собралась значительная толпа людей, созванных моим переводчиком. Последний объявил мне, что все люди Горимы (т. е. тамо-боро) в сборе. Обратившись к переводчику, я велел, чтобы в костер подбросили сухих щепок для более сильного освещения буамрамры. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова переводчику были: «Абуй и Малу здесь или нет?» Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть мою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд мне было отвечено, что Абуй здесь.

— Позовите Малу, — было мое распоряжение.

Кто-то побежал за ним. Когда Малу явился, я встал и указал Абую и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные мною места. Затем я обратился с короткою речью к переводчику, который переводил по мере того, как я говорил, т. е. почти слово в слово. Содержание речи было приблизительно следующее. Услышав вчера от людей Богати, что двое людей Горимы, Абуй и Малу, хотят убить меня, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей (когда я стал поочередно глядеть на обоих, они отвертывались каждый раз, как встречали мой взгляд); что это очень дурно, так как я ничего дурного не сделал ни Абую, ни Малу и никому из людей Горимы; что теперь, пройдя пешком от Богати до Горимы, я очень устал и хочу спать; что сейчас лягу и что если Абуй и Малу хотят убить меня, то пусть сделают это, когда я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы.

Договорив последние слова, я направился к барле и, взобравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, значительный эффект среди слушателей. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя не раз было повторено. Хотя я и хорошо спал, но просыпался несколько раз, но это происходило не из опасения перед туземцами, а вероятнее, по причине моего тяжеловесного ужина, которого я всегда избегаю.

На другое утро я был, разумеется, цел и невредим, и перед отъездом из Горимы Абуй принес мне в дар свинью почтенных размеров и

вместе с Малу непременно пожелал проводить меня не только до Богати, но и в таль-Маклай.

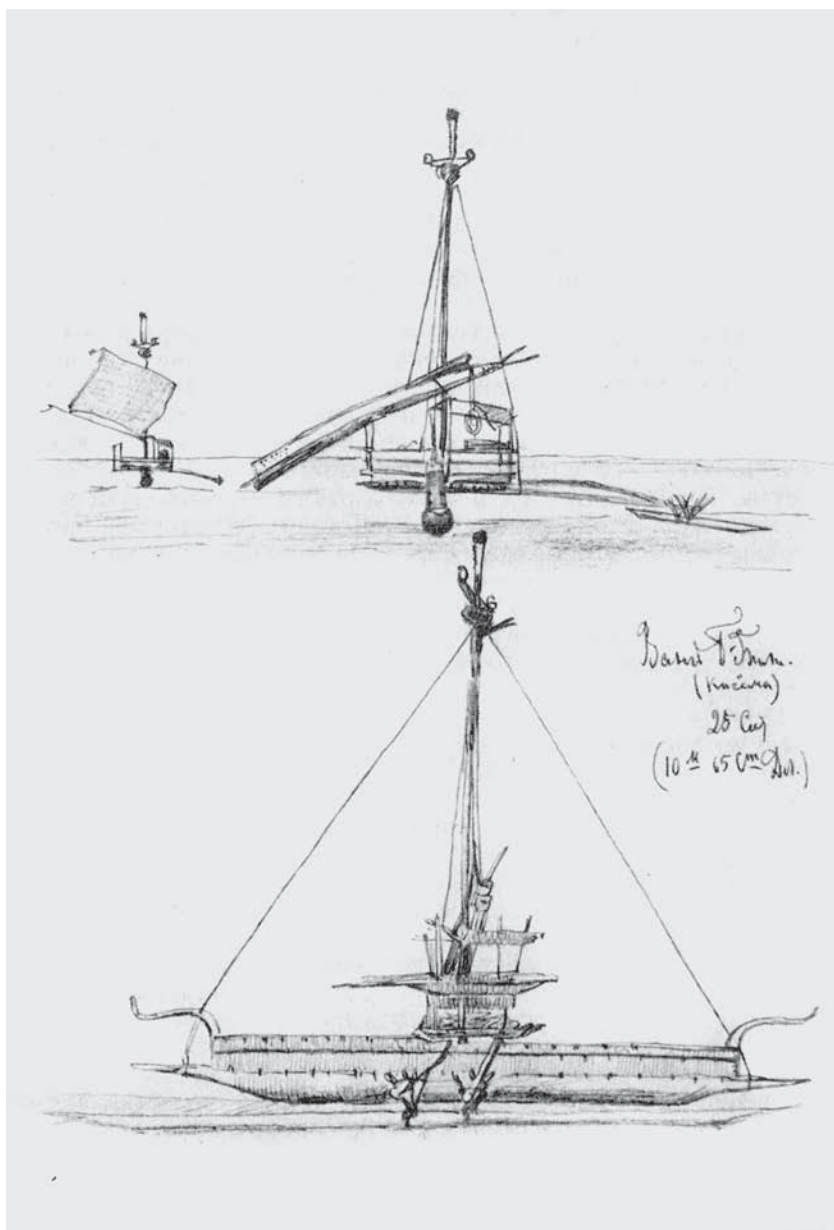
Этот эпизод, рассказанный и пересказанный из деревни в деревню, произвел значительный эффект⁶³.

Июль. Экскурсия в деревню Телята

Моя шлюпка (динги), будучи слишком малою для помещения провизии на несколько дней и разных вещей (как то: стола, складного табурета, гамака и т. п.), необходимых для многодневной экскурсии, и, кроме того, ввиду своей плоскости рискующая быть легко залитой при большом волнении, показалась мне неудобною для экскурсии в Телята. Я решил поэтому воспользоваться одним из больших «ванг» Били-Били. Эти пироги, как я уже говорил, имеют довольно поместительную хижину на платформе, так что в одной из таких пирог я мог не только уместить все мои вещи, включая даже и висячую керосиновую лампу, но нашел место и для стола, и для моего небольшого кресла. В хижине же другой пироги поместился Сале со всеми кухонными принадлежностями.

Каждым вангом управляло двое людей; один из них управлял парусом, другой — рулем. Один ванг принадлежал моему старому приятелю Каину, другой — Кисёму, очень энергичному, но, к сожалению, чересчур болтливому жителю Били-Били. Люди этой деревни из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята; они изучили эту местность, господствующие ветра, периодичность их, течение, самые удобные пристани вдоль берега и т. д. Поэтому было вполне естественно, что я предоставил моим спутникам всю мореходную часть экспедиции, уговорившись только, что мы будем останавливаться в каждой деревне столько времени, сколько это будет для меня необходимо. Каин и Кисём объяснили мне, что все переходы из деревни в деревню вдоль берега мы будем делать по вечерам или по ночам, пользуясь береговым ветром, который дует равномерно каждую ночь, начинаясь через час или два по заходе солнца и продолжаясь до рассвета. В продолжение дня нам невозможно было бы бороться с противным SO, который иногда дует очень свежо.

Итак, часов в 8 вечера туземцы Бонгу помогли людям Били-Били спихнуть оба тяжеловесных ванга в море. Ветер был незначительный, так что мы стали двигаться вперед очень медленно. Я, будучи уже знаком с этим берегом, лег спать, вполне полагаясь на опытность Каина и Гассана. В некотором отдалении двигалась за нами и другая пирога, с Кисёмом, его сыном и Сале в качестве пассажира.

Ванг, принадлежащий Кисему. 25 сентября 1877 г.

6 июля на рассвете мы проходили мимо мыса Риньи, который туземцы называют Тевалиб. Мыс этот состоит из поднятого кораллового рифа, возвышающегося футов на 15—20 над уровнем моря в виде черноватой, изъеденной прибором стены, над которой в свою очередь поднимается первобытный лес. Пройдя мыс Тевалиб, мы очутились у песчаного берега (называемого улеу на диалекте Бонгу). В этом месте за деревьями виднелись хижины покинутой деревни Бай. Немного спустя мы прошли отмель, около которой вода сильно волновалась и пенилась; это была, вероятно, та самая, которую посылал осматривать командир «Витязя».

По мере того как мы проходили, несколько туземцев бежали по берегу, стараясь рассмотреть, кто могли быть эти странно одетые люди (я и Сале), плывуие на вангах Били-Били.

Пройдя устье реки Говар*, мы должны были вытащить наши ванги на берег, так как наступил штиль; при этом нам немало помогла система блоков [...]*, данная мне П. П. Новосильским еще в 1871 г. и за которую я не раз был ему очень благодарен. Мои спутники скоро учились их применению и обращались с ними очень ловко.

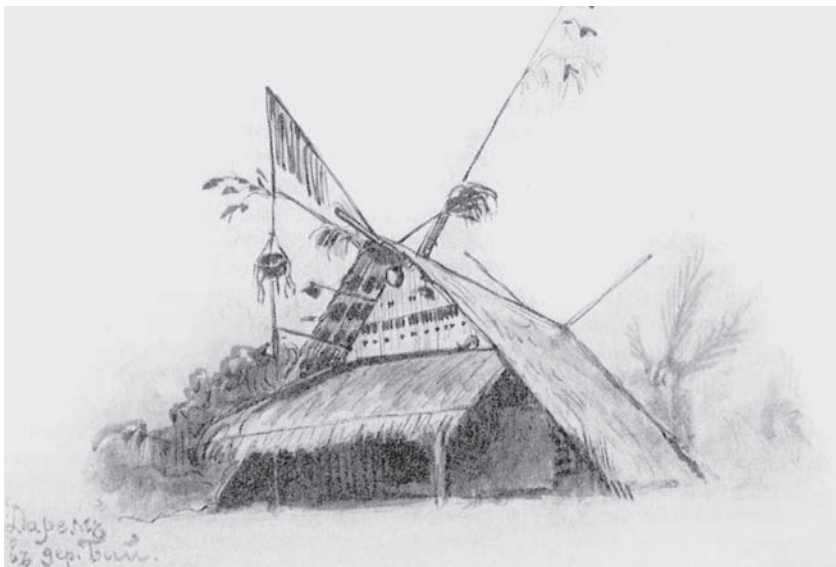
С этого места открывался красивый вид на горы, но мне пришлось недолго любоваться им, так как большие белые облака закрыли горы и долины.

Здесь на берегу когда-то существовала деревня, но вследствие нападения неприятелей была перенесена в лес, на довольно далекое расстояние от морского берега, по правую сторону от реки Говар.

Имея перед собою целый день, я пошел с Каином и Гассаном в деревню Бай. Мы шли не спеша, всё по лесу, представлявшему для меня большой интерес своей разнообразной растительностью, и только после полудня пришли в деревню. Около некоторых хижин — все они были совершенно новые — были посажены бананы и много табаку; кокосовых пальм, за исключением одной только, не было вовсе. Это обстоятельство, как мне объяснили, произошло оттого, что туземцы боялись, чтобы пальмы, вырастая, не послужили приманкою для неприятелей. Дарем с особенными украшениями была единственная хижина, отличавшаяся от других своей постройкою⁶⁴. Мы приотились в ней, скрываясь от солнечных лучей; туда же нам подали угощение, состоявшее из таро и вареной курицы.

Записывая диалект деревни Бай, я нашел, что туземцы здесь не имеют названия для *Piper Methysticum*! Они не только не употребляют напиток, приготавливаемый из него, но даже постоянно отказываются от кеу, когда бывают в деревнях, где он составляет главный аксессуар

* Жителями других деревень река эта называется Гуан, или Вай.

Дарем в дер. Бай. Июль 1877 г.

всякого пиршества. Нарисовав дарем, я собрался в обратный путь; при прощанье туземцы поднесли мне живую курицу и таро.

Ночевал на ванге, вытащенном на берег.

7 июля. Разбудил людей очень рано. Мы продолжали путь в темноте. В одном месте Каин указал мне, что тут находилась деревня Мендир, но что она была сожжена и покинута жителями, которые переселились в другое место. Когда стало светать, мы плыли вдоль берега, окаймленного скалами (поднятый коралловый риф). Здесь на значительном протяжении не встречается ни одного улеу, почему нет и береговых деревень.

Когда совсем рассвело, мы подъехали к деревне Мегу, где, по словам Каина, почти все жители вымерли. Несколько рак-рак (широги, сделанные из невыдолбленных стволов) виднелось у берега. Так как дул довольно умеренный SO, то мы благодаря конфигурации берега могли продолжать наш путь в бейдевинд⁶⁵. Пройдя деревню Лёмчуг и устье реки Серекак, мы обогнули мысок, за которым показался другой, густо поросший кокосовыми пальмами. Это был Бан (деревня Сингор), одно из значительнейших селений этого берега.

Мы подошли к его улеу около 5 часов пополудни. Большая толпа туземцев ожидала нас у берега и, подхватив наши ванги, вытащила их высоко на берег.

Я отправился в деревню. Она оказалась сравнительно очень большой. Тип людей и их постройки ничем особенно не отличались от моих сосе-

дей. Костюмы мужчин были совершенно одинаковы с людьми Били-Били, замужние же женщины закрывали груди, надевая на шею небольшой мешок, спускавшийся до пояса. У девушек одежда походила на легкий костюм девочек Били-Били, т. е., кроме небольших кисточек из бахромы спереди и сзади, несколько рядов полукругом опускающихся нитей нанизанных раковин и зубов собак лежали по сторонам ягодиц. Вообще здешние туземцы в избытке носили украшения из раковин. Здесь также главное место выделки больших украшений, носимых туземцами на груди, так наз. сюаль-боро, очень ценимых повсюду на Берегу Маклая.

Мне хотелось приобрести один экземпляр этого украшения, почему я предложил большой нож и множество различных безделушек в обмен за сюаль-боро. Но этого оказалось недостаточно; прибавив еще один нож, я наконец получил желаемое.

Повсюду валялись большие раковины (*Tridacna*), из которых вытачиваются сюаль-боро; тут же лежали большие точильные камни, на которых выделываются эти украшения. К сожалению, я не видел, каким образом они делаются. Множество орехов кенгара (*Canarium complanatum*) лежало в шелухе на циновках. Орехи выставляются таким образом два или три дня на солнце, после чего мясистая оболочка делается очень мягкой, так что орехи легко отделяются от нее.

Хотя деревня была большая, однако ни площадка ее, ни хижины не содержались в чистоте. Туземцы также не показались мне особенно чистоплотными. Эту ночь я предпочел спать в гамаке, подвешенном мною между деревьями близ берега моря. Стол, кресло, складной табурет, висящая над столом лампа, а затем появившийся ужин и чай — всё это было рядом сюрпризов и ежеминутно увеличивавшегося изумления жителей деревни Сингор, видевших белого и его обстановку в первый раз в жизни. К моему удовольствию, удивление их выражалось не шумно, а ограничилось (я нарочно внимательно наблюдал за выражением их лица) вкладыванием одного или двух пальцев в рот, прищелкиванием языком, причем некоторые прикладывали себе к носу сжатый кулак левой руки. Одним словом, непосвященному европейцу, увидевшему эти странные жесты туземцев, никак не пришло бы на ум, что они служат выражением удивления. Особенно лампа, свет которой я мог усиливать и уменьшать по желанию, привела всех в неописанный восторг. Также немало удивляло их, что Маклай заливает свои «инги» горячей водой. Толпа не расходилась до тех пор, пока Сале не убрал все со стола и я, написав мой дневник, не снял башмаков и гамашей и не влез в койку. Тогда явился Сале и объявил через посредство Каина, что сейчас потушит лампу. Это, наконец, заставило туземцев удалиться. Они увели Каина с собою, надеясь, вероятно, узнать от него многое из виденного около моего бивуака и оставшееся для них загадочным.

8 июля. Песчаный берег около Сингора состоял собственно из мелко-го булыжника, так что всю ночь море разбивалось с большою силою о каменный вал, и шум от набегавших и снова удалявшихся волн, несших и передвигавших булыжники, был очень силен и не раз будил меня в течение ночи. Я проснулся, когда было уже совершенно светло, и посмотрел на часы; было уже половина седьмого. Посмотрел кругом — ни один из моих людей еще не встал; все они спали крепким сном. Не желая долго ждать завтрака, я решил поднять их всех зараз, выстрелив из двустолки, привезенной мною для охоты. Трудно описать, как быстро вскочили мои люди и принялись уверять меня, что оглохли на одно ухо. Я их успокоил и сказал, чтобы они поскорее помогли Сале разводить огонь и готовить завтрак для всех. Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим случаем и набросился на бедных жителей Сингора.

— Как это, — завопил он, — Маклай — тамо-боро-боро, Каарам-тамо, тамо-русс, приехал сам в Сингор, а эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна! (таро).

Каин так расхотелся, что угнал всех обратно в деревню. По прошествии пяти минут стали появляться из деревни туземцы: кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком, с бананами и мешками кенгара. Двое пришли сказать, что так как свиньи уже разбрелись, то их можно будет словить только вечером, когда они вернуться в деревню. Пока длились все эти переговоры, две из принесенных куриц выпорхнули из рук державших их, так что на берегу состоялась в высшей степени курьезная погоня туземцев за курами. Она кончилась тем, что куры исчезли в лесу и были принесены только через несколько времени, обе пронзенные стрелами. Порода кур здесь очень маленькая, и они сохранили все привычки полудикой птицы.

После завтрака я пошел обстоятельно осмотреть деревню и нашел, что за нею на SO море образует довольно значительную, хотя мелкую бухточку с многочисленными коралловыми рифами. На противоположном мыске, отличающемся рядом скал, грядой выдающихся из моря, расположена другая большая деревня — Телята, цель моей экскурсии. Этим обстоятельством я был неприятно удивлен, так как знал, что никакими обещаниями или подарками мне не удастся уговорить моих спутников отправиться далее этой местности, а путешествие в туземных пирогах, с туземными переводчиками, благодаря которым меня всюду ожидал хороший прием, пришлось мне очень по нраву.

При помощи бинокля я мог рассмотреть несколько деревень, расположенных вокруг бухты. Я решил переправиться в деревню Телята, что можно было сделать довольно удобно даже и при помощи весел, так как в этот день господствовал на море почти что мертвый штиль.

Мои люди из Били-Били негодовали на меня за то, что я оставил людям Сингора большую свинью, обещанную мне ими; они успокоились, когда я заявил, что они могут взять ее от моего имени при следующем посещении этой деревни, съест ее на месте или отвезти в Били-Били. Сале как магометанин, не евший свинины, отнесся к этому подарку совершенно равнодушно. Когда мы подъезжали к одной из деревень в бухте, нам навстречу выехало несколько пирог, предполагая в нас людей с о. Тиары (Архипелаг Довольных людей); с этим островом здешние жители имеют постоянные сношения, проводя на нем иногда по несколько месяцев, и жители Тиары также приезжают сюда в гости на долгое время.

У следующей деревни Аврай мы заехали за риф, тянущийся вплоть до самой деревни Телята. Когда ванги наши были вытащены на берег, я приказал выбрать из них все мои вещи, так как полагал, что, живя в деревне, мне удобнее будет видеть ежедневную жизнь туземцев и иметь их под рукою для постоянного наблюдения.

Дарем, или буамрамра, для такой обширной деревни, как Телята, представляла собою довольно небольшое здание и была, как я узнал, к великому моему удивлению, единственным даремом во всей деревне. Для меня одного, впрочем, дарем этот был достаточно велик. Пока переносили мои вещи, я увидел среди обступивших меня людей первого совершенно седого папуаса, т. е. такого, у которого все волосы до одного были белы. У половины мужчин, которых я знал, волоса были черные с проседью; у некоторых было немало седых волос, но у этого человека все волосы на голове и бороде были совершенно белые. Туземцы здесь обыкновенно желают скрыть седину, постоянно натирая и смазывая себе волосы черною краской (кумú) и выдергивая себе седые волосы из усов и бороды; этот же старик, напротив, как бы гордился своей белой головою и не только <не> мазал ее никакой краской, но даже содержал ее очень чисто. Я сперва подумал, что имею дело со случаем альбинизма, но, осмотрев старика поближе, нашел, что он сед от старости, а не от чего-либо другого. Через Каина я спросил его, видел ли он когда-либо белого человека и слышал ли что о белых людях. Он без запинок ответил «нет» на первый вопрос; на второй же сказал, что люди ему говорили о Маклае, который живет в Бонгу и Били-Били.

Убедив старика, что я и есть именно тот Маклай, о котором он слышал, я подарил ему нож, к большой зависти остальных, и дал ему большую порцию табаку. Данный старику нож произвел странное действие: всем туземцам вдруг захотелось иметь по ножу, но так как у них не было ни совершенно седых волос, ни каких-либо других характерных особенностей, то я объявил первому из просящих, что дам ему нож в обмен за буль-ра (украшение из свиных клыков, которое туземцы носят на груди); другому обещал дать нож за большой табир, третье-

Деревня Телята. Июль 1877 г.

му — за каменный топор и т. д. Все эти вещи явились в продолжение дня, и каждый получил в обмен за них хороший стальной нож.

Как и в Сингоре, туземцы здесь повсеместно сушили на солнце орехи кенгара; свежие орехи, собираемые в это время года, очень вкусны и очень богаты маслом.

Отдохнув немного, я прошелся по деревне, за которой сейчас начинаются большие плантации, чего мне до сих пор еще не приходилось видеть в деревнях, расположенных вокруг бухты Астроляб. На этих плантациях росло особенно много банан, но так как плодов на них еще не было, то я и не мог видеть, сколько разновидностей разводят здешние туземцы. Бананы здесь едят недозрелыми и варят их как овощи, так что и впоследствии мне не удалось познакомиться с разновидностями этих плодов. Пройдя через плантацию, я вышел к морю и очутился перед обширной открытой бухтой, тянувшейся на О. Благодаря биноклю мне удалось рассмотреть хижины трех деревень; но здешние туземцы не находятся в сношении с тамошними, так что я даже не мог добиться названия тех деревень.

Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться далее; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкору, бус — одним словом, несметные для него богатства. Но он стоял на своем: «Нет», «Нельзя», «Убьют», «Всех убьют», «Съедят» и т. д. — вот все, чего я мог от него добиться.

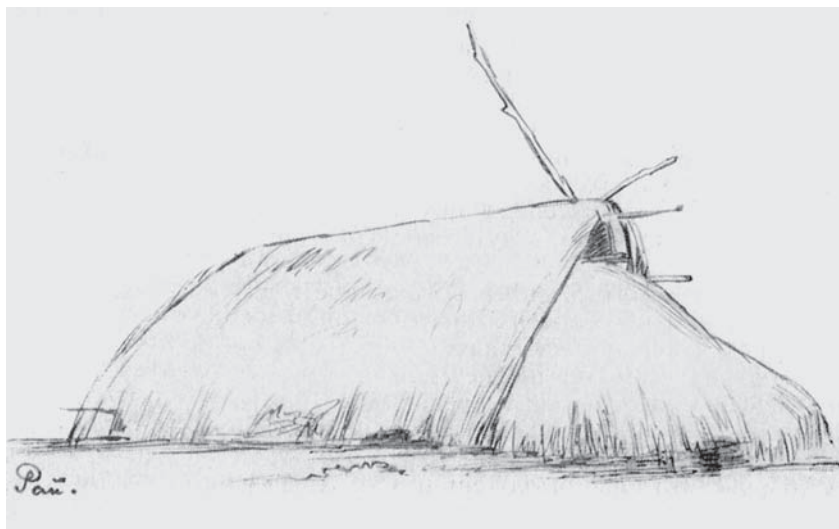
Я указывал на мой револьвер. Он, хотя и попросил спрятать его, но все-таки продолжал говорить: «Убьют!», «Маклай один, а людей там много».

Часа два бился я с ним таким образом и все-таки не уломал его. В досаде на его возражения я повернулся к нему спиною и заснул, вероятно прежде, чем он договорил.

9 июля. Отправился по широкой, хорошей тропинке, пролежавшей в лесу, в деревню Аврай. Повсюду поднимались высокие стволы кенгара; их здесь так много, что, полагаю, они были насажены предками теперешних жителей. Орехами кенгара туземцы положительно ведут меновую торговлю с соседскими деревнями.

На рифе, который можно было видеть с дороги, множество женщин собирали морских животных, пользуясь отливом.

Деревня Аврай представляет собою живописный уголок в лесу; только весьма немногие мелкие деревья были вырублены и заменены кокосовыми и арековыми пальмами, бананами, кустами разных видов *Coleus* и *Hibiscus*, а большие все оставлены, так что везде на площадках, вокруг которых живописно ютились небольшие хижины, была тень и прохлада. Дарем не оказалось, почему я и пришедшие со мною люди из Били-Били и Телята расположились на циновках на площадке. Я положительно отказался от всякой еды, кроме кокосовой воды и свежих

Хижина в дер. Рай. Июль 1877 г.

орехов кенгара. Однако ж туземцы непременно хотели поднести мне что-нибудь, хотя бы и курицу. Чтобы поймать ее, туземцы устроили род ловушки, состоящей из петли, которая была затянута, как только одна из куриц неосторожно ступила в круг, где были набросаны несколько кусочков кокосового ореха.

Я видел в деревне Аврай несколько очень больших табиров, замечательно правильной овальной формы. Трудно себе представить, каким образом достигается такая правильность, так как известно, что туземцы не имеют других орудий и инструментов, кроме осколков кремня и разных раковин. Это можно объяснить единственно тем, что на выделку каждой вещи туземцы посвящают очень много времени, уж не упоминая о том, что они обладают очень верным глазом и значительным вкусом. Один из туземцев принес в деревню два вновь заостренных копья. Я пожелал узнать, при посредстве Каина, каким образом это было сделано. Было видно, что работа сделана только наполовину; недоставало окончательной полировки и окраски. Каин объяснил мне, что концы этих копий были сломаны при охоте на диких свиней и, чтобы заострить их вновь, их отточили на кораллах. Это обстоятельство меня очень заинтересовало, и я попросил, чтобы один из мальчиков сбегал на риф и принес образчик коралла, употребляемого при этой операции. Мне принесли весьма красивый экземпляр, из рода *Meandrina*, величиною в человеческую голову. На довольно ровной и вместе с тем шероховатой поверхности его с некоторою силою и ловкостью

было нетрудно заострить любую палку. На рифе, кроме того, вода и слизистая оболочка коралла помогают процессу стачивания. Каин сказал мне, что везде на берегу при выделке деревянного оружия употребляется этот метод полировки.

Вернувшись в деревню Телята, я нарисовал группу хижин, которые напоминали собою скорее хижины горных деревень, чем хижины береговых деревень и на островах⁶⁶. Пока я рисовал, Сале прибил к одному из деревьев медный ярлык с моей монограммой⁶⁷.

11 июля. Так как не стоило возобновлять разговор с Каином о поездке дальше вдоль берега, я собрался в обратный путь рано утром. Для возвращения SO был нам почти что попутным ветром. На пути я хотел посетить еще так наз. деревни Рай-Мана и взобраться на гору Сируй. Когда мы подошли к берегу около деревни Биби, то берег оказался совершенно пустынным и в деревне никого не было. Каин объяснил, что все жители ушли в горы: «Унан барата — буль уяр» (жечь унан и есть свиней).

Мои спутники из Били-Били почему-то трусили перед горными жителями и в качестве приморцев полагали, что карабкаться по горам — не их дело. Я знал положение деревень Рай только приблизительно (с пироги я мог с помощью бинокля разглядеть в горах группы кокосовых пальм), но все-таки отправился туда в сопровождении моего слуги Сале. Мне без особенного труда удалось добраться до деревень, где горные жители Рай-Мана приняли меня как нельзя лучше; они по слухам уже знали мое имя и сейчас же догадались, кто это к ним пришел. Я пожалел, что мы не понимали друг друга, но знаками объяснил, что хочу идти на высокий холм, который находился за их деревнею и который они называют Сируй-Мана. Проводники нашлись сейчас же, и мы отправились немедленно. С вершины Сируй-Мана (около 1200 фут.) открывалась красивая панорама Берега Маклая на значительном протяжении. Вернувшись снова в деревню, я снова был встречен жителями крайне любезно и предупредительно. Я провел ночь в одной из хижин и вернулся на другое утро, довольно рано, к тому месту, где оставил ванги⁶⁸.

Выкупавшись в море, мы пустились в обратный путь и еще засветло подошли к улеу Бонгу. Встретивший меня Мёбли и туземцы Бонгу сообщили мне весть о смерти Вангума во время моего отсутствия; это был туземец из Горенду, человек лет 25. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через 2—3 внезапно умер. Мёбли сказал мне, что деревни Бонгу и Горенду находились в сильной тревоге вследствие этой смерти. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень. Это обстоятельство было очень серьезно, так

что я, услышав о происшедшем, решил не допустить этой экспедиции в горы. Я воздержался, однако ж, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно узнать положение дела.

15 июля. Я узнал вечером об одном благоприятном для моих планов обстоятельстве, именно, что жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в которой деревне живет предполагаемый недруг Вангума или его отца, приготовивший оним, который причинил смерть молодого человека. Это разногласие они, однако же, надеялись уничтожить весьма простым способом, а именно: напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу, для того чтобы просить меня быть их союзником в случае войны, получила от меня положительный отказ. Когда некоторые из них продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос: «Маклай балла кере» (Маклай говорил довольно). После этого депутация удалась.

Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с мана-тамо. Я вошел в хижину Вангума; в углу около барлы возвышался гамбор; недалеко от него горел костер, около которого на земле, вся измазанная сажей, почти без всякой одежды, сидела молодая вдова умершего. Так как в хижине никого, кроме меня, не было, то она улыбнулась мне далеко не печально. Ей, видимо, надоела роль неутешной вдовы. Я узнал, что она должна перейти к брату умершего. Не достигнув задуманной цели моего посещения, я отправился домой и дорогою застал отца Вангума раскладывавшим огонь на берегу, под совершенно новою пирокою своего умершего сына, которую последний окончил всего за несколько дней до своей смерти. Пирога была порублена во многих местах; теперь он хотел покончить с нею совершенно, т. е. сжечь ее. Зная, что я отговариваю людей от войны, затевавшейся по поводу смерти его сына, старик еле-еле поглядел на меня.

Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем, я не приписываю этого моему вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз в мнениях.

23 июля, около 3 часов, я сидел на веранде за какою-то письменною работою; вдруг является Сале, весь запыхавшийся, и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мёбли в деревню узнать, правда ли это. Когда он вернулся, то рассказал мне следующее: утром Туй, 9- или 10-летний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить шримсов⁶⁹ [...] к реке Габенеу. Там его ужали-

Туй (сын Бонема).
Горенду, 1877 г.

ла в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим.

Собрав в одну минуту все необходимое, т. е. ланцет, нашатырный спирт, марганокислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, почему я очень обрадовался возможности воспользоваться пирогаю, отправлявшейся в порт Константин, так как она могла довести меня в Горенду. Около Урур-И мы узнали от бежавших из Горенду сильно возбужденных Иона и Намуя, что бедняга Туй только что умер и что надо идти жечь хижины ямбан-

тамо! Послышалось несколько ударов барума, возвещающие смерть мальчика; когда я вышел на берег, меня обогнали несколько бегущих и уже воющих женщин. В деревне волнение было сильное; страшно возбужденные мужчины, почему-то все вооруженные, воющие и кричащие женщины сильно изменяли физиономию обыкновенно спокойной и тихой обстановки деревни. Везде только и было слышно, что «оним», «Кумани», «Ямбан-тамо барата»!¹⁷⁰

Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той самой семье, где и первая, последовавшая в промежуток каких-нибудь двух недель, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха... Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали утверждать, что жители которой-нибудь горной деревни приготовили «оним», почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемерут, и т. п.

Война теперь уже казалась неизбежной. О ней толковали и старики, и дети, всех же больше кричали бабы; молодежь приготовляла и приводила в порядок оружие. На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я был виноват в случившейся беде. Один старик Туй был, как и всегда, дружелюбен со мною и только серьезно покачивал головою. Мне не оставалось ничего больше делать в Горенду; люди были слиш-

ком возбуждены, для того чтобы выслушать меня спокойно. Пользуясь лунным светом, я прошел в Бонгу наикратчайшею тропинкою. Здесь тревога хотя была и меньше, но тем не менее довольно значительная. Саул старался уговорить меня согласиться с ним в необходимости похода на мана-тамо. Аргументы его были следующие: последние события — результат «онима»; затем, если они (т. е. тамо Бонгу) не побьют мана-тамо, то будут побиты последними.

Вернувшись домой, я даже у себя не мог избавиться от разговоров об «оним»; Сале сказал мне, что на о. Яве «оним» называется «доа», и верил в значение его. Мёбли сообщил, что на островах Пелау «олай» то же самое, что «оним», и также не сомневался в том, что от действия «онима» люди могут умирать.

24 июля. Утром отправился в Горенду. Туземцы имели более покойный вид, чем накануне, но продолжали быть очень мрачными; даже Туй был сегодня в пасмурном настроении.

— Горенду басса (конец Горенду), — сказал Туй, протягивая мне руку. Я пожелал, чтобы Туй объяснил мне, в чем именно заключается «оним». Туй сказал, что мана-тамо как-нибудь достали таро или ямса, не доеденного людьми Горенду, и, изрезав его на кусочки, заговорили и сожгли. Мы направились к хижине, где лежал покойник и где толпились мужчины и женщины. Неожиданно раздался резкий свист «ая»; женщины и дети переполошились и без оглядки пустились бежать в лес. Я также не понимал, что будет, и ожидал целую процессию, но вместо нее появился только один человек, который непрестанно дул в мункай, свистя прошел мимо входа в хижину, где лежало тело мертвого Туя, заглянул в нее и снова ушел. Что это значило, я так и не понял.

Когда замолк свист «ая», женщины вернулись и вынесли покойника из хижины. Старик Бугай натер ему лоб белой краской (известью), провел тою же краскою линию вдоль носа; остальные части лица покойного были уже вымазаны «куму» (черною краской). В ушах у него были вдеты серьги, а на шее висели «губо-губо». Бугай прибавил к этому праздничному убранству еще новый гребень, с белым петушиным пером, которое он воткнул ему в волосы. Затем тело стали обертывать в «губ»; но это было только на время, так как собственно «гамбор-россар» (увязывать корзину) должны были не здесь, а в Бонгу. Сагам, дядя покойного, взял труп на плечи, подложив «губ» под тело, и направился скорым шагом по тропинке, ведущей в Бонгу. За ним последовала вся толпа.

Я с несколькими туземцами пошел другою дорогою, а не той, по которой отправлялись похоронная процессия, и (мы) прибыли на одну из площадок Бонгу почти одновременно с нею. Здесь из принесенных губ был приготовлен гамбор, в который опустили покойника, причем ни одно из украшений, надетых на него, не было снято; голову по-

койника закрыли мешком. Пока мужчины, ближайшие родственники умершего, увязывали гамбор, несколько женщин, вымазанных черною краской, вопили, приплясывая, причем очень вертели задом и гладили гамбор руками. Больше всех их отличалась Каллоль, мать умершего; она то скребла землю ногтями, то, держась за гамбор, немилосердно выла, приплясывая и делая положительно неприличные телодвижения.

Наконец, гамбор был отнесен в хижину Сагама. Мне, как и другим, был предложен оним, для того чтобы и с нами не случилось какого-нибудь несчастья. Я согласился, желая увидеть, в чем состоит оним. Ион, один из присутствовавших, выплюнул свой оним мне и другим на ладони, после чего мы все гурьбою отправились к морю мыть руки. Старик Туй уговаривал меня приготовить «оним Маклай», чтобы сильное землетрясение разрушило все деревни в горах, но не сделало бы ничего прибрежным жителям.

Вечером этого же дня я услышал звуки барума в Горенду, и вернувшийся оттуда через несколько времени Мёбли, который зачем-то ходил в деревню, разбудил меня и таинственно сообщил, что война с мана-тамо (вероятно, с Теньгум-мана) решена. Но было положено ничего не говорить о ней Маклаю.

Войны здесь, хотя и не отличаются кровопролитностью (убитых бывает немного), но зато очень продолжительны, переходя часто в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение мира или перемирия. Во время войны все сообщения между многими* деревнями прекращаются, преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым.

Мне было ясно, что этот раз мне не следовало смотреть, сложа руки, на положение дел в деревне Бонгу, находившейся всего в пяти минутах ходьбы от моего дома. Притом молчание с моей стороны, при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода после смерти старшего брата <Туя>, было бы странным, нелогичным поступком. Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступать впоследствии. Мне необходимо было оставить в стороне мою антипатию к вмешательству в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный аффект следует действовать также аффектом, но еще более сильным, и сперва необходимо разрознить единодушную жажду мести. Следовало поселить между туземцами разногласие и тем способствовать к охлаждению первого пыла.

* Обе стороны имеют, или думают иметь, многих союзников, почему боятся идти в каждую деревню, об которой не знают положительно, что она дружественная. Таким образом случается, что нейтральные деревни подолгу считаются союзниками противной стороны.

25 июля. Я долго не спал, а затем часто просыпался, обдумывая план моих будущих действий. Заснул я только к утру. Проснувшись и перелав вчерашние размышления, я решился избрать план моих будущих действий, который, по моему мнению, должен был дать желаемые результаты и который, как оказалось, подействовал даже еще сильнее, чем я ожидал.

Главное — не надо было торопиться (*surtout pas trop de zèle!*)^{9*}. Поэтому, несмотря на мое нетерпение, я выждал обычный час (перед заходом солнца), чтобы отправиться в Бонгу. Как я и ожидал, в деревне всюду шли толки и рассуждения о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал, что и Вангум и Туй были молоды и здоровы и что старик отец остается теперь один; но что все-таки Маклай скажет все то же, что говорил и после смерти Вангума, т. е.: войне не быть!

Весть о словах Маклая, что войны не должно быть, когда все готовятся к ней, мигом облетела всю деревню. Собралась большая толпа; но в буамрамру, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима.

Рассуждать о неосновательности теории «онима» было бы невозможно ввиду ограниченности в моих знаниях языка туземцев — это во-первых; во-вторых, я только даром потратил бы времени, так как мне все равно не удалось бы никого убедить; а в-третьих, это было бы большим промахом, так как каждый стал бы перетолковывать мои слова на свой лад. Тем не менее я выслушал очень многих; когда последний кончил говорить, я встал, собираясь идти, и обыкновенным моим голосом, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил: «Маклай говорит: войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье!».

Наступило торжественное молчание, затем посыпались вопросы: «Что случится?», «Что будет?», «Что Маклай сделает?» и т. п. Оставляя моих собеседников в недоумении и предоставляя их воображению найти объяснение моей угрозы, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете».

Отправляясь домой и медленно проходя между группами туземцев, я мог убедиться, что воображение их уже работает: каждый старался угадать, какую именно беду мог пророчить Маклай.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, едва мог проговорить: «Маклай, если тамо-Бонгу отправятся в горы, не случится ли тангрин?» (землетрясение).

Этот странный вопрос и взволнованный вид старика показали мне, что слова, произнесенные мною в Бонгу, произвели значительный эффект.

— Маклай не говорил, что будет землетрясение, — возразил я.

— Нет, но Маклай сказал, что, если мы пойдем в горы, случится большая беда. А тангрин — большое, большое несчастье. Люди Бонгу, Гумбу, Горенду, Богати, все, все боятся тангрин. Скажи, случится тангрин? — повторил он просительным тоном.

— Может быть, — был мой ответ.

Мой приятель быстро пустился в обратный путь, но был почти сейчас же остановлен двумя подходившими к нам туземцами, так что я мог расслышать слова старика, сказанные скороговоркой: «Я ведь говорил, тангрин будет, если пойдем. Я говорил».

Все трое отправились почти бегом в деревню.

Следующие затем дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на пословицу: «У страха глаза велики». Теперь я был уверен, что они сильно призадумаются и военный пыл их таким образом начнет мало-помалу остывать, а главное, что теперь в деревнях господствует разногласие.

Я нарочно не осведомлялся о решении моих соседей, они тоже молчали, но приготовления к войне прекратились.

Недели через две ко мне пришел мой старый приятель Туй и подтвердил уже не раз доходивший до меня слух о том, что он и все жители Горенду хотят покинуть свою деревню, хотят выселиться.

— Что так? — с удивлением спросил я.

— Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду — все умрем, один за другим. Двое уже умерли от «оним» мана-тамо, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у всех стали красные, и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду «оним» — вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих мана-тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит: «Случится беда». Люди Бонгу трусят, боятся тангрин. Случится тангрин — все деревни кругом скажут: «Люди Бонгу виноваты; Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдут в горы»... Все деревни пойдут войною на Бонгу. Вот люди Бонгу и боятся^{10*}. А в Горенду людей слишком мало, чтобы идти воевать с мана-тамо одним. Вот мы и хотим разойтись в разные стороны, — закончил Туй уже совсем унылым голосом и стал перечислять деревни, в которых жители Горенду предполагали расселиться*. Кто хотел отправиться в Гориму, кто в Ямбобу, кто в Митебог; только

* Достоин внимания, что обычай выселяться из местностей, где произошел один, а тем более несколько смертных случаев и который я нашел в силе между меланезийскими кочевными племенами о. Люсона, Малайского полуострова и западного берега Новой Гвинеи, встречается также и здесь среди оседлых жителей Берега Маклая, дорожащих своей собственностью.

один или двое думают остаться в Бонгу. Так как расселение это начнется через несколько месяцев, после сбора посаженного уже таро, то я не знаю, чем это кончится*.

Август. Новый дом

Новый дом, начатый еще в июне месяце, был окончен в первых числах августа; размерами он походил совершенно на тот, в котором я живу. Думаю, что я, вероятно, и не буду нуждаться в нем, если только ожидаемая мною шхуна придет ранее конца года; если же нет, то мне придется переселиться в него, потому что крыша моего настоящего дома навряд ли выдержит более 18 месяцев: некоторые столбы и балки сильно изъедены белыми муравьями, так что я ежедневно опасаясь, как бы они не забрались в ящики с книгами или с бельем. Углядеть за ними очень трудно, так как белые муравьи устраивают крытые ходы от одного предмета к другому, как, например, от ящика к ящику. Осматривать же ящики каждый день — такая возня, что действительно в этом случае игра не стоит свеч. В моем новом доме все столбы и балки сделаны из такого леса, который белые муравьи не трогают. Когда его строили, я нарочно не позволял брать других видов дерева, кроме вышеупомянутого. Одно из них было темного цвета и называется туземцами [...] ^{11*}, другое, очень белое и твердое, называется здесь энглам.

Постройка хижины отличалась большой прочностью.

Маклай может ли умереть?

Я имел обыкновение часу в шестом вечера отправляться к моим соседям в деревню Бонгу. Сегодня я отправился, зная, что увижу там также и жителей других деревень, которых ожидали из Били-Били и Богати. Придя в деревню, я вошел в буамрамру, где происходил громкий оживленный разговор, который оборвался при моем появлении.

* Покидая Берег Маклая в ноябре 1877 г., я не думал, что жители Горенду приведут в исполнение свое намерение выселиться. Вернувшись туда в мае 1883 г. на корвете «Скобелев» и посетив Бонгу, я по старой тропинке отправился оттуда в Горенду. Тропинка сильно заросла; на ней, очевидно, ходили мало. Но, придя на то место, где находилась старая деревня Горенду, я положительно не мог сообразить, где я. Вместо значительной деревни, большого числа хижин, расположенных вокруг трех площадок, я увидел только две или три хижины в лесу — до такой степени все заросло. Куда расселились тамо-Горенду, я не успел узнать.

Саул — папуас из дер. Бонгу.
Октябрь 1877 г.

Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь таком, что им хотелось скрыть от меня. Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамрамры и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богати. Было целое собрание. Я сел. Все молчали. Мне показалось ясным, что я помешал их совещанию. Наконец мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволял иногда сидеть на моей веранде и с которым частенько вступал в разговоры о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне. Положив руку мне на плечо (что было не простая фамильярность, которую я не имею обыкновения допускать в моих отношениях с туземцами, а скорее выражение дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим

голосом и заглядывая мне в глаза: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?»

Вопрос удивил меня своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным, тоном. Выражение физиономий окружающих показало мне, что не один только Саул спрашивает, а что все ожидают моего ответа. Мне подумалось, что, вероятно, об этом-то туземцы и разговаривали перед моим приходом, и понял, почему мое появление прекратило их разговор.

На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды; их пословица «Баллал Маклай худи» (слово Маклая одно) не должна быть изменена и на этот раз. Посему сказать *нет* нельзя, тем более что, пожалуй, завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду. Скажи я *да*, я поколеблю сам значительно мою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, несколько дней после запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорее, нежели я пишу последние строки. Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся вдоль буамрамры, смотря вверх, как бы ища чего-то (собственно, я искал ответа). Косые лучи солнца освещали все мелочи, висящие под крышей; от черепов рыб и челюстей свиней мой взгляд перешел к кол-

лекции разного оружия, прикрепленного ниже* над барлой: там были луки, стрелы и несколько копий разной формы. Мой взгляд остановился на одном из них, толстом и хорошо заостренном.

Я нашел мой ответ.

Сняв со стены именно это тяжелое и острое копьё, которое, метко брошенное, могло причинить неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамрамры и следившему за моими движениями. Я подал ему копьё, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо: я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось.

Я сказал тогда: «Посмотри, может ли Маклай умереть».

Недоумевавший Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: «Арен! Арен!» (Нет! Нет!). Между тем некоторые из присутствующих бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном бабою, я сел между туземцами, которые говорили все зараз.

Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть.

¹* *Игра не стоит свеч (франц.).*

²* *Оставлено место для названия. В копии РПТ рукой Ангутина вписано: отрезки.*

³* *Оставлено место для названия. Возможно, что название это — хадга-нангор (ср.: ЗК-1876—1877. Л. 55).*

⁴* *Оставлено место для названия.*

⁵* *Оставлено место для названия.*

⁶* *В рукописи оставлено место для названия. В СС, т. 2, с. 350: листовые влагалища.*

⁷* *Оставлено место для названия.*

⁸* *Оставлено место для одного слова.*

⁹* *Главное — не переусердствовать (франц.).*

¹⁰* *Далее до конца этого рассказа текст дается по копии РПТ, так как в РПТ лист 00345 утрачен.*

¹¹* *Оставлено место для названия.*

* У большинства туземных построек на этом берегу крыша опускается почти что до земли, так что образует также и стены хижины.

〈Заметки о втором пребывании на Берегу Маклая〉

Экскурсия в Марагум-Мана 2 и 3 августа 1876 г.
(часов 5 от берега)

В шлюбке до устья речки Морель, затем через лес на холмах, покрытых унаном, общее направление — SSO.

От холма обширный вид: Самбул-Мана на W, Энглам-Мана — SW, Марагум-Мана — SSO. Следы землетрясения попадают на дороге этой часто в виде длинных трещин и обвалов. Пройдя часа 3, дорога тянется берегом, высоким и обрывистым, р. Камран, которой берега представляют хорошие геологические разрезы.

В широком ложе текут несколько рукавов реки, и в некоторых местах представляются обработанные поляны. Горные породы, которые везде здесь встречаются, — глинистый сланец и белый известняк.

Деревня сама разделена на несколько деревушек, отделенных глубокими оврагами. Деревня не представляет ничего особенного, хижины вообще низки, покрыты унаном и однообразной постройкой.

Кокосов мало.

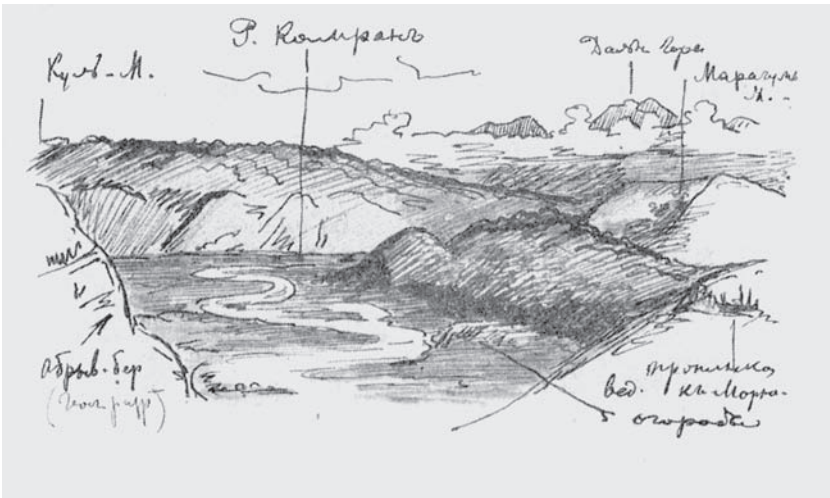
Вышина около 750 фут.

Экскурсия в Рай

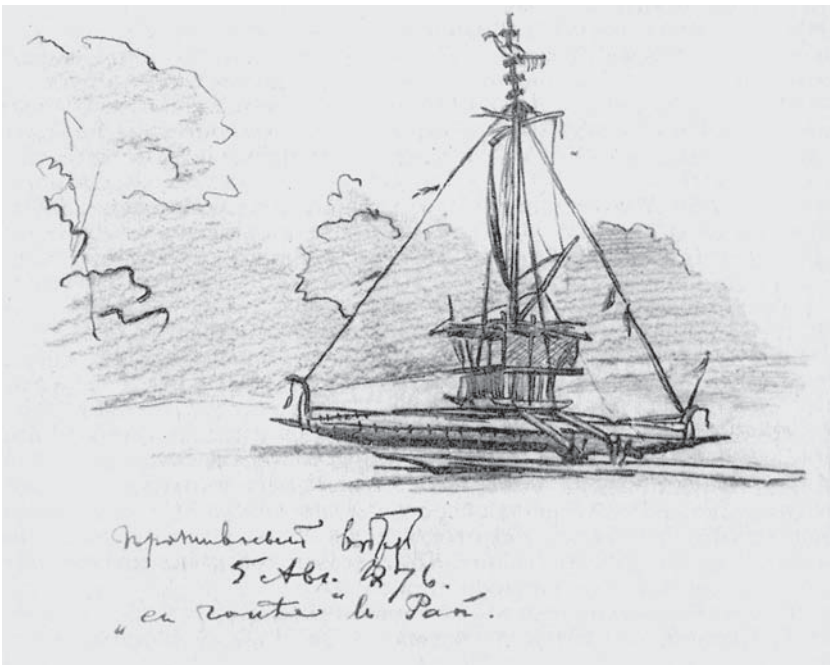
По случаю противного ветра остался весь день в бухточке при устье речки Боу, затем, остановившись в другой бухточке, Леле, ночью прибыл, обогнув скалистый берег мыса Риньи, к улеу Рай, которая после Тумбу первая береговая деревня на SO. За деревней ряд холмов невысоких, состоящих из поднятых кораллов (на несколько сот футов), за ними более высокий конический холм, которого вышину не удалось определить.

Около Рай находятся следующие деревни:

1) Сераиб; 2) Симна; 3) Варик; 4) Вальгаб; 5) Мурисан.

Долина р. Камран

Противный ветер. По дороге в Рай. 5 августа 1876 г.

Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 г. по ноябрь 1877 г.)*

О моем 3-м посещении о. Новой Гвинее могу сказать, во-первых, что оно проходит без таких помех, как приключились при 2-й экспедиции (на Берег Ковийай в 1874 г.), и, во-вторых, что, сообразно с моим наперед обдуманном планом, оно составляет во всех отношениях продолжение начатых исследований во время первого пребывания на этом берегу (в 1871—1872 гг.).

Мой отъезд в декабре 1872 г. был слишком неожидан, чтобы не оставить многих значительных пробелов в предпринятых работах; и если я согласился на отъезд, то это было только вследствие моего уже тогда принятого решения вернуться со временем на этот берег и дополнить, сколько возможно, что приходилось оставить тогда начатым и отчасти едва затронутым.

Направленный местными условиями при первом посещении Новой Гвинее главным образом на исследования по антропологии и предоставив *ее* задачам указывать мне направление пути при последующих путешествиях (при 2-й экспедиции в Новую Гвинею, путешествии в Малайском полуострове), я и этот раз остался *ей* верным.

Предпринимая путешествие, намереваясь посетить несколько местностей и имея выбор остаться долее в одной из них, мне казалось, помимо других причин**, вернее и целесообразнее не поддаваться на приманку новизны и вернуться сюда, на Берег Маклая, продолжать и дополнять начатое. Пересмотр перед отъездом из Явы (в декабре 1875 г.) сведений, добытых в 1871—1872 гг. о туземцах Берега Маклая, по случаю публикации продолжения моих замечаний о них***, весьма

* Это сообщение написано мною в октябре месяце 1877 г. в Бугарломе, на Берегу Маклая; но, будучи написано неразборчиво, на многих разнородных лоскутах бумаги (по случаю недостатка ее), не могло быть послано в этом виде имп. Русскому геогр. обществу; продолжительное нездоровье мое в Сингапуре в 1878 г., а затем работы в Австралии помешали переписать его. Только теперь в море я нахожу иногда возможность, когда качка и людской шум не препятствуют, заниматься машинальной работою переписки. Я предпочел оставить сообщение *без изменений*, дополнив его только несколькими примечаниями.

** Причины эти изложены в моем письме князю Ал. Ал. Мецкерскому, которого перевод находится в одном из №№ итальянского журнала «Cosmos» за 1877 г.¹

*** *N. von Miklucho-Maclay. Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea, II // Natuurkundig Tijdschrift... 1876.* Я отдал тогда в печать этот 2-й выпуск примечаний, потому что не знал, сколько времени я останусь в Новой Гвинее и даже придется ли мне вернуться (См. «Этнологические заметки...» в т. 3 наст. изд.).

сильно повлиял на это решение: откинув то, в верности чего у меня оставалось сомнение, мне ясно представилось большое число пробелов и вопросов, оставшихся без удовлетворительных ответов. Зная язык и пользуясь доверием туземцев, я более чем кто другой был в состоянии дополнить уже добытые сведения об их нравах и обычаях.

Возвращаясь на Берег Маклая, я *не* имел в виду предпринять дальнейшей экскурсии во внутрь страны. Этот проект, несмотря на всю заманчивость его, я устранил еще при отъезде из программы моей деятельности 1876—1877 гг., полагая, что и без такой экскурсии мне остается много неоконченного и неясного в ближайшей близи; также потому, что запасы и снаряды разного рода, наем необходимого контингента людей потребовали бы значительных расходов, средствами для покрытия которых я не располагал в то время. К тому же эти люди, совершенно необходимые для дальнейшей экспедиции во внутрь страны*, были бы мне совершенно не нужны при продолжительном пребывании в Новой Гвинее и составляли бы даже положительную тягость в последнем случае. Не только их пропитание представляло бы затруднение, но даже сомнительно, что они ужились бы мирно с туземцами; во всяком случае, потребовались бы постоянный надзор за ними и разбирательство, вероятно, частых ссор между ними самими и между ними и туземцами. На все это пришлось бы жертвовать время, с которым европеец в этой интересной, но малопригодной для его здоровья стране должен обходиться весьма и весьма экономно.

С другой стороны, ватага слуг, окружающая путешественника, составляющая как бы живой забор, часто мешает непосредственному наблюдению туземцев, влияет нередко значительно на сношения с последними, не говоря уже о том, что, внося при случае посторонний элемент в процесс мышления и во взгляды туземцев, запутывает и иска-

* Прислуга при такой экспедиции должна быть набрана главным образом из не-туземцев этого Берега по многим причинам; из них главные: во-первых, постоянные войны между деревнями, большая раздробленность населения, отсутствие безопасности в чужих деревнях делают туземцев (*далее затеркнуто*: которых вообще нельзя назвать трусливыми) весьма боязливыми вне собственной территории или участка ближайшей дружественной деревни; во-вторых, их припасы (таро, ямс и т. п.) слишком неудобопереносимы (громоздки) и тяжелы при пешеходных экспедициях, а они не хотят заменить свою традиционную пищу другою (например, рисом и т. п.); в-третьих, туземцы моего Берега, не быв в сношении с белыми и не имея в своем общественном устройстве подобного отношения, как отношение слуги к господину, весьма неясно понимают условия такого договора, почему всякая дисциплина, необходимая при дальнейшей экспедиции в страну с незнакомым населением, весьма затруднительна и почти что невозможна; наконец, в-четвертых, здесь семейные связи очень препятствуют набору людей, некоторые даже в последний момент могут поддаваться просьбам, уговору, слезам матери, жены, детей и т. п.

жает сведения об их обычаях и воззрениях, которые при знании языка возможно получать от них*.

Взятые мною 3 человека прислуги были достаточны, чтобы освободить меня от докучных забот ежедневной жизни², и мое помещение в Бугарломе** было достаточно удобно, чтобы, отдыхая от небольших, несколькодневных, часто предпринимаемых экскурсий в окрестности, заниматься моими сравнительно-анатомическими работами.

Начну перечнем главных работ, которые занимают мое время.

Во-первых, работы по антропологии***. Я занимаюсь при случае антропологическими измерениями****, которые вследствие недоверия и подозрительности папуасов я не мог предпринять в 1871—1872 гг., но что теперь, при старом знакомстве, они не могут отказывать мне и должны побеждать свое отвращение к подобным непонятным для них манипуляциям над их личностью. Я увеличил также мою коллекцию черепов для будущих исследований дюжиною черепов, которые родственники умерших *захотели* предоставить мне; но был принужден оставить нетронутыми (иными словами, не украл) несколько, вероятно, полных скелетов, хотя знал, где они находятся, не желая злоупотребить доверием туземцев, а они не захотели понять моих весьма ясных намеков, что я желаю иметь их. Зная, что возможно добыть совершенно полные скелеты в разных госпиталях*****, я не желаю поколебать легкомысленным шагом нелегко добытое доверие папуасов. Отсутствие фотографической камеры весьма чувствуется; эту работу приходится отложить до 3-го посещения моего Берега!

Во-вторых. Мое внимание было главным образом направлено на вопросы по *этнологии*, сознавая, что я нахожусь вследствие многих обстоятельств в удобном положении наблюдать несмешанное и изолированное племя.

Кроме нашего знакомства и обоюдного доверия, мое намерение, которое они знают, что если я и оставляю опять на время этот Берег, я

* В доказательство каждого пункта я мог бы привести примеры из собственного опыта, но удерживаюсь, считая эти комментарии по своему объему здесь неуместными.

** Бугарлом — туземное название места, где стоит мой домик.

*** Мое мнение об антропологических наблюдениях, которыми большинство путешественников *принуждены* ограничиваться, я сообщил в моем письме г. проф. Р. Вирхову, напечатанном в «*Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*» за март 1878 г. (См. «*Заметки по антропологии, собранные на пути в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.*» в т. 3 и письмо Вирхову от 9 декабря 1876 г. в т. 5 наст. изд.)

**** По программе г. проф. Вирхова (*Anleitung zu Wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen*. Berlin, 1875. S. 585).

***** Не только скелеты, но и все тело умерших меланезийцев, с немногими трудностями, можно получать иногда в госпиталях Нидерландских колоний, в Австралии, Новой Каледонии и др.

снова вернусь сюда, заставляет туземцев мало-помалу менее стесняться моим присутствием и не изменять или не стараться скрывать постоянно свои обычаи и насиловать свою обыкновенную^{1*} *manière d'être**. Немало помогает моему успеху сохранять и укреплять доверие туземцев то, что я здесь *единственный* белый, который живет между ними, так как поведение других (в чем я много раз убеждался на других островах) повлияло бы значительно на отношение туземцев к каждому белому в отдельности.

Но при всей обширности поля исследования, несмотря на все мое старание не упустить случая, чтобы знакомиться со всеми подробностями папуасской жизни, я должен сознаться, что мои успехи в этом отношении подвигаются *крайне медленно*.

Кто имел случай поставить себе задачею наблюдение первобытного племени при ограниченном знании языка^{**}, знает, как *туго* идешь^{2*} вперед, если, критически относясь к каждому так наз. «открытию», отбрасываешь весь хлам неполных, неточных и искаженных посторонним влиянием наблюдений!.. Выражение «шаг за шагом» далеко *не достаточно*, чтобы выразить всю медленность этого движения.

Расспросы туземцев об обычаях мало помогают (вследствие многих причин)^{***}, приводят к ошибкам или к воображаемому разрешению вопросов. Единственный путь — *видеть все собственными глазами*, а затем, отдавая себе отчет (при записывании) виденного, надо быть настороже, чтобы не воображение, а действительное наблюдение дало бы полную картину обычая или церемонии. Мне даже кажется полезным идти далее: следует удержаться (чтобы не ввести читателя в лишнее затруднение, а может быть, в ошибку) при этом описании виденного от всякого рода субъективных гипотез, объяснений и т. п. Далее, для каждого обряда, церемонии, обычая требуется соответствующий предлог;

* Эта скрытность, основанная на трудно преодолимой недоверчивости характера, может привести легко к ряду ошибочных наблюдений.

** Хотя я говорю по-папуасски порядочно, но во многих случаях мое знание оказывается все еще весьма ограниченным.

*** Туземцы трудно или совершенно не понимали, «на что» мне хочется знать все эти подробности об их обычаях и обыденной жизни; убедаясь, что я не могу уличить их во лжи, отвечали большею частью только из вежливости, чтобы отделаться каким-нибудь ответом. Я много раз наткнулся также на людей, которые сами не знали подробно процедуру обычая; и не всегда легко бывает найти действительно компетентный источник¹. Другая причина (помимо затруднения ставить вопросы), что^{3*} при расспрашивании туземцев о каком-либо обычае следует быть весьма осторожным, — та, что они очень склонны отвечать на все вопросы «да» или так неясно, что приходится почти что угадывать, что они хотят сказать; а станешь угадывать — 9 шансов из 10 впадешь в ошибку.

но эти предлоги, как на зло наблюдателю, представляются в некоторых случаях очень и очень не часто*.

Несмотря на наилучшие отношения наши, я единственно мог рассчитывать *на случай*; чтобы видеть что-нибудь, я должен был *случайно* заставить туземцев на месте действия. Предупреждение, что приду, или приказ призвать меня, когда случится то и то, когда будут делать это или другое, были часто достаточны, чтобы повлиять на всю процедуру. Опытом я пришел к результату, что лучший образ действия с моей стороны, чтобы узнать и видеть что-нибудь *неискаженное* из обычаев туземцев, состоит в том, что я принимаю относительно всего сюда касающегося вид полнейшего равнодушия, и, только притворяясь таким образом, мне удастся видеть кое-что из их интимной жизни, не измененное скрытничеством и суеверным страхом...⁴

Несмотря на это утомительное движение, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ шага вперед, иногда целый шаг назад**, я продолжаю этот путь, подстерегая ежедневные и экстраординарные эпизоды жизни туземцев под видом полнейшего индифферентизма, иногда даже хитростью добываю частички матерьяла к их этнологии, поставив себе за правило верить *единственно* своим глазам и не слушать воображение⁵. Я старался тем более накапливать постоянно мои наблюдения в этом направлении, потому что именно эта сторона жизни скорее всего изменяется и исчезает, как только белый человек появляется между первобытными племенами.

(Я вошел не без намерения в некоторые подробности относительно собирания матерьялов по этнологии, во-первых, потому, чтобы показать, через какой фильтр критики с моей стороны должны проходить собираемые сведения, а во-вторых, чтобы дать понятие о количестве времени и внимания, которым я должен пожертвовать для их добытия.)

Я стараюсь как можно менее вмешиваться в дела туземцев, не стараюсь изменять их обыкновений и обычаев; только в одном случае я изменяю роль беспристрастного наблюдателя, и уж не раз употребил мое влияние на предупреждение войн между деревнями — и с успехом. Об этом несколько слов ниже.

В-третьих. Я могу далее удобнее заниматься здесь *сравнительно-анатомическими* работами, чем в Гарагасси***, которые были очень затруднены по случаю малости помещения и образом моей тогдашней

* Так, например, «мудум» (обряд обрезания) производится сообразно с числом подрастающих мальчиков нескольких соседних деревень 1 раз в 6 или 7 лет, так что вряд ли мне придется видеть собственными глазами эту операцию, сопряженную с очень многими церемониями.

** Например, в том случае, когда, сделав из нескольких наблюдений слишком поспешный вывод, натыкаешься неожиданно на факт, который разрушает созданную теорию.

*** Туземное название мыска, где стояла моя хижина в 1871—1872 гг.

жизни: старанием сближения с туземцами, заботою о продовольствии охотою, недостатком прислуги и т. п.

Эти работы составляют главным образом продолжение моих исследований по сравнительной анатомии мозга позвоночных и некоторые дополнения по анатомии сумчатых (Marsupialia). Не время и не обстановка мешали этим занятиям, а сравнительная редкость матерьяла.

В-четвертых. На *метеорологические наблюдения* было обращено должное внимание, и их результаты составят дополнение и проверку 15-месячных наблюдений 1871—1872 гг. Разумеется, пробелами остаются дни, посвященные на экскурсии. Термометры и оба анероида были проверены в метеорологической обсерватории в Батавии перед отъездом.

После этого обзора предметов моих занятий скажу несколько слов о более интересных экскурсиях, которые мне удалось совершить. Если, как сказал вначале, я не имел средств предпринять большое странствие во внутрь страны, то от небольших экскурсий по окрестностям я не отказываюсь. Я начал их посещением многих деревень, которые по случаю войн туземцев или по своей отдаленности мне были недоступны в 1871—1872 гг. Это были деревни в горах южного и юго-западного берега залива Астролаб, причем моею целью были преимущественно деревни, за которыми (или выше которых) горы уже не населены. На ЮЗ, где высокий береговой хребет понижается и распадается на несколько кражей, находится большое число деревень и очень значительное население; но мне не пришлось далеко проникнуть в этом направлении, так как почти каждая деревня находится на военном положении относительно другой*, и я не смог уговорить моих соседей, ни жителей ближайших гор идти туда со мною, но зато я перепосетил почти все горные деревни вокруг залива. При этих экскурсиях я имел обыкновенно значительное число спутников из ближайшей деревни Бонгу. Дойдя к вечеру или на другой день до одной из горных деревень, вся моя свита сменялась жителями последней. Люди Бонгу оставались ждать мое возвращение или шли домой, если я их отпускал, что я обыкновенно делал, когда не знал наверно, сколько дней продолжится экскурсия. Не имея сношений, не зная диалекта последующих деревень и отчасти не убежденные в своей безопасности между горцами, береговые жители редко решались идти выше ближайшей цепи гор.

Переменяя раза 2 или 3 носильщиков моих вещей, причем для каждой палки и бутылки требовалось по человеку, я обходил деревни, и

* Безопасность для туземцев разных деревень пока еще «*pia desideria*»^{4*} на моем Берегу. Не говоря уже о горных жителях (которые считаются особенно воинственными), но между береговыми положение дел таково, что ни один туземец, живущий у мыса Дюпере, не осмеливается дойти, следуя вдоль морского берега, до мыса Риньи, что составляет 2 или 2¹/₂ дня ходьбы⁶.

если при первой встрече без страха со стороны туземцев не обходилось, то тем дружелюбнее были проводы (удовольствие отделаться от незваного гостя имело, в чем не сомневаюсь, немало влияния на это добродушие); часто приходилось отказываться от тяжеловесных изъятий дружбы — обычных подарков съестных припасов на дорогу.

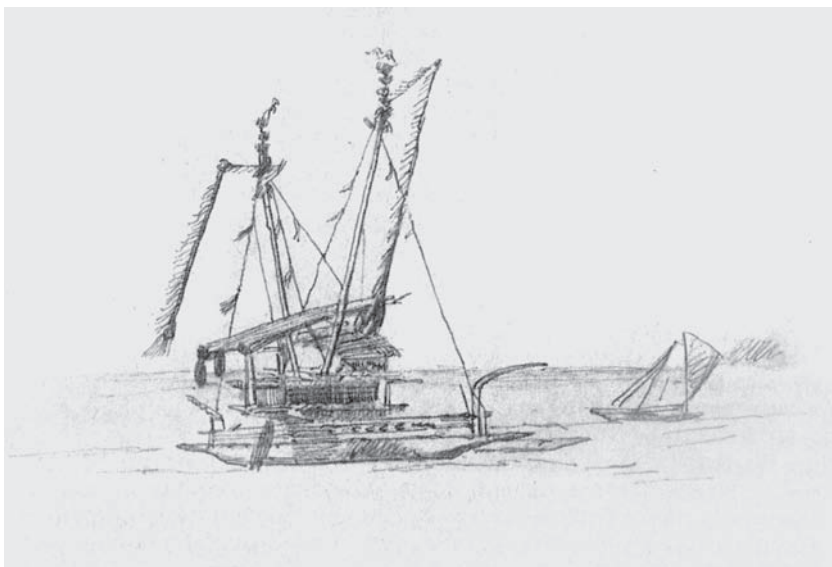
На возвратном пути провожатых было обыкновенно очень много, так как в каждой деревне находились охотники взглянуть на «таль-Маклай» (дом Маклая).

Если при этом способе путешествий я нередко должен был, соображаясь с туземными обычаями и характером, подчиняться многим их желаниям, что иной раз было скучновато, то, с другой стороны, он представлял серьезные выгоды. Посещая новые и отдаленные деревни, где едва мое имя было известно понаслышке, имея туземцев моими спутниками, я не только знакомился со взаимными отношениями туземцев между собою, мог получать разъяснение многих вопросов, возникающих при новых встречах, но я не встречал боязливой замкнутости со стороны населения и мог свободно знакомиться со страной и людьми; немалое удобство было также иметь почти что всюду переводчиков.

Более отдаленные и не менее интересные экскурсии мне удалось сделать по берегу моря, причем я снова воспользовался туземными средствами. Моя шлюбка, в которой я разъезжал по заливу, выходя даже за крайние мысы его, слишком мала (не совсем 4 м у ватерлинии) для многодневного плавания: во-первых, не имея тента, днем представляла серьезное неудобство, что не давала возможности укрыться от солнца; во-вторых, забрав необходимую поклажу и провизию на несколько дней, с большим трудом могла помещать 3 человек (двое гребцов были необходимы в случае шторма). В больших же пирогах о. Били-Били я не только мог разместить удобно мои вещи, быть укрытым от солнца и дождя, но, главное, я был освобожден от всех работ и забот: быть капитаном, лоцманом и матросом моей шлюбки. Я посетил таким образом острова Архипелага Довольных людей* и деревни у мыса Дюпере.

Я нарочно отправился в последнюю местность, узнав положительно, что люди Эремпи (область, заключающая с лишком 20 деревень) — людоеды. Я провел в одной из этих деревень около небольшого озера дня два. Они не отличались от моих соседей и хороших знакомых ни в антропологическом, ни этнологическом отношении и разнились единственно обыкновением съедать после войн всех убитых, не разбирая при этом ни пол, ни возраст. Так как людской мозг и мягкие ча-

* Весьма удобную якорную стоянку для судов средней величины среди островов архипелага этого, без трудности доступную несколькими достаточно глубокими и широкими проходами, я позволил себе назвать Портом вел. кн. Алексия.

Ванг блангути — двухмачтовая парусная лодка с о. Били-Били,
Улеу (песчаный берег). 5 октября 1877 г.

сти головы считаются очень вкусным блюдом и так как люди (как и вообще все животные) здесь съедаются без остатков (обглоданные и раздробленные кости бросаются здесь, как мне сказали, в море), то при этом посещении моя краниологическая и остеологическая коллекции не обогатились, на что, отправляясь туда, я отчасти рассчитывал. Мне кажется также, что им не часто приходится лакомиться этим родом пищи. Я посетил о. Сегу (один из Архипелага Довольных людей), где строят большие пироги и жители которого острова посещают иногда (однако же не каждый год) о. Кар-Кар (о. Дампира). Цель моего визита на о. Сегу была уговориться с жителями его снарядить в скором времени экспедицию в Кар-Кар, в которой я сам думал участвовать*.

Жители островов Били-Били и Ямбомбы, занимаясь горшечным производством, имея большие пироги и посещая значительное протяжение берега материка (Новой Гвинеи), находятся благодаря своим торговым сношениям** в миру с большинством береговых деревень и

* Эта экспедиция почти что состоялась, когда приход шхуны помешал осуществлению этого плана.

** Замечательно, что единственно эти 2 деревни (Били-Били и Ямбомба) занимаются горшечным производством. По всему Берегу Маклая они не имеют конкурентов. Распространение этого производства по берегам Новой Гвинеи представит, когда будет узнано, интересный этнографический результат⁷.

могут безопасно посещать их. Разузнав мало-помалу все подробности этих экспедиций, мне удалось после долгих прений, множества отговорок и задержек разного рода нанять 2 пироги, в которых я в сопровождении 2 слуг (оставив 3-го в Бугарломе) и 4 туземцев для управления пирогами отправился вдоль Берега по направлению к мысу King William'a с целью посетить деревни, имена которых я часто слышал от жителей Били-Били. По случаю преобладающего ЮВ ветра, который дул большую часть дня*, мы подвигались единственно ночью, пользуясь береговым ветром, который дул ровно и с достаточною силою. Таким образом, каждую ночь почти мы делали переходы, причем темнота не мешала нам, потому что фарватер на 1 1/2 или 2 мили от берега не представляет никаких опасностей (за исключением банки около деревни Бай, в 1/2 мили от берега). К утру мы останавливались около селений, где проводили день или несколько, смотря по интересу, который представляли для меня селение и его жители.

Посещенный берег, как и вокруг залива Астролаб, был довольно заселен, и, как там, селения находились преимущественно в тех местах, где берег был песчаный, где же скалы (поднятые коралловые рифы) окаймляли на значительное расстояние берег, деревень не было, хотя в горах селений было немало.

Я старался отыскать отличительные черты в сравнении с моими соседями, но ни физический *habitus*†*, ни образ жизни не представляли большой разницы; единственно некоторые производства были специальны для некоторых деревень и служили предметами мены, которая составляла монополию жителей Били-Били и Архипелага Довольных людей. Почти в каждой деревне мне приходилось записывать отдельный диалект. На пути я везде разузнавал, между прочим, умеют ли туземцы добывать огонь, но везде слышал тот же ответ; никакой способ получать его им неизвестен**. Как и следовало ожидать, «очень, очень дальние» расстояния, по словам моих друзей с о. Били-Били, оказались весьма недалекими, так что, проведя 4 ночи в море и сделав миль 50 (или немного более), считая от мыса Тевалиб (мыс Риньи), мы были у предела, за которым морское странствие жителей Били-Били в настоящее время не простирается, и никакие обещания не смогли убедить моих спутников отправиться со мною далее. Море, жители по бере-

* Он задувал различно между 9 и 11 часами утра и спадал между 4 и 6 часами вечера, редко он продолжал дуть после захода солнца.

** Я заметил при этом расспрашивании, что мой вопрос многим туземцам казался весьма странным. К чему добывать его, если они уже имеют его? Если он потухнет в одной хижине, то в другой он горит или тлеет; если он каким-либо образом погаснет во всех хижинах деревни, то он найдется в соседней! К чему же добывать его, искать то, что есть! Это был ход их мыслей, смысл их ответов.

гу — все было им одинаково страшно. Мне пришлось удовлетвориться, видя, что не в состоянии уломать их страха*.

Значительное селение, которое оказалось последним из посещенных при этой экскурсии селений, называется Телят, и я надеюсь при помощи моих заметок определить эту местность, как и положение других береговых деревень (Биби, Бай, Кунила, Миндир, Авой, Дайны, Мегу, Об, Дамтуг, Сингор, Аврай) на карте, сделанной офицерами парохода «Базилиск» в 1874 г.** К моей большой досаде, погода в продолжение 2 <дней>, проведенных в деревне Телят, была туманная, <так> что нельзя было разглядеть островов Куруа, Бунанга, Кую***, которые, по словам туземцев, бывают видны в светлую погоду и по которым я легко бы мог определиться. Местность эта, однако же, весьма характеристична вследствие положения на выдающемся мысе, от которого идет гряда скал, издали видных даже при высокой воде****.

Так как отправиться далее люди Били-Били никак не решались и уговор, заключенный с ними (посетить вышеназванные деревни до деревни Телят), был ими исполнен, приходилось вернуться. На возвратном пути, оставив пироги и людей Били-Били, не дойдя до мыса Тевалиб (Риньи), я отправился в горы познакомиться с горными жителями этой местности, которую называ[ют] «Хогему Рай» (деревни Рай). Берег оказался пустынным, жители ближайшей деревни Биби были все в горах: «унан барата — буль уяр» (жечь унан, есть свиней)*****; люди Били-Били трусили горных жителей и как приморцы полагали, что карабкаться по горам — не их дело. Я знал положение деревень только весьма приблизительно (с пироги в море я мог с помощью бинокля раз-

* Имей я подходящую для многодневного плавания достаточно большую шлюбку и наемных людей (не папуасов), я, разумеется, отправился бы далее; но в таком случае сомневаюсь, что меня бы так же мирно встречали, как между Бугарлом и Телят благодаря моим туземным спутникам. Без них я не видал бы $\frac{1}{4}$ того, что мне удалось видеть.

** Г. капитан Морезби был так любезен, что прислал мне в мае прошлого года карты своих съемок восточного берега Новой Гвинее с приложением нескольких №№ «Hydrographic Notice»⁸. Но, к сожалению, береговой контур от мыса короля Вильяма до мыса Риньи (на этой карте) имеет так мало деталей, что мне будет весьма трудно согласить мои заметки 1877 г. (которые остались в Сингапуре!) с картою, которую имею перед глазами.

*** Туземные имена островов Рук, Лотин и Лонг; но так как мне не пришлось увидеть их, то не знаю, какое туземное имя соответствует английским названиям на картах.

**** Я надеюсь встретить капитана Морезби при моем возвращении в Европу, и, может быть, из разговоров с ним мне удастся решить, разъяснить остающиеся недоумения⁹.

***** Перед концом сухого времени года (в июле и августе) папуасы обыкновенно жгут унан (*Sacharum Konigii*), главным образом для охоты на диких свиней, почему они сопоставляют обыкновенно эти два удовольствия: «унан барата — буль уяр!»

Деревня Телята

личить группы кокосовых пальм в горах), но все-таки отправился в сопровождении моего слуги-яванца. Мне удалось посетить три деревни и в этот же день взобраться на гору, которая своим положением давно манила меня. Несмотря на то, что мы не могли понимать друг друга (не было переводчика), горные жители Рай приняли меня как нельзя лучше; они по слухам слышали мое имя и, увидав белого, догадались, кто пришел к ним. Я знаками объяснил, что хочу идти на высокий холм, который открывался за их деревнею и который они называют Сируй-Мана (гора Сируй). Я нашел проводников, и мы отправились немедленно. С вершины ее (около 1200 ф.) мне представилась красивая панорама Берега Маклая* на значительном протяжении.

Ночь я провел в деревне Рай; на другое утро рано был на месте, где оставил пироги, и благодаря порядочному попутному ветру к вечеру вернулся в Бугарлом.

Мне так понравился этот способ путешествия, что я готовлюсь к экспедиции на о. Кар-Кар** с жителями о. Сегу.

* Я называю (или, если угодно, осмеливаюсь называть) Берегом Маклая часть северо-восточного берега Новой Гвинеи, между мысами Эрмпи и Телята, или, соображаясь с картами, приблизительно от мыса Круазиль до мыса короля Вильяма. Очень сожалею, что, не имея с собою моих записок и дневника 1876—1877 гг., нахожусь пока в невозможности приложить картографический эскиз Берега Маклая¹⁰.

** Я уже сказал, что эта экспедиция по случаю отъезда моего в ноябре не состоялась.

Спокойствие жизни среди обширного поля многосторонних исследований составляет особенно привлекательную сторону моей новогвинейской жизни¹¹. Спокойствие это, благотворительно действующее на характер, совершенно бесценно для деятельности мозга, которая, не развлекаясь различными мелочами, может быть сосредоточена на немногих избранных задачах¹².

Дни здесь кажутся мне слишком короткими, так как мне почти что никогда не удается окончить к вечеру все то, что предполагал сделать в продолжение дня* утром¹³. Не забывая назойливую истину «*Einen jeden Abend sind wir um einen Tag ärmer!*»^{6*}, приходится нередко отгонять невеселые думы: о мизерных свойствах человеческого мозга, о необходимости собирания материялов по песчинкам, иногда даже сомнительной доброты, и т. п. и т. п.

По временам, однако же, моя занятая отшельническая жизнь прерывается на несколько часов, иногда даже на несколько дней неожиданными случайностями.

Одну из таких, случившихся недавно, расскажу для примера.

Я заметил выше, что воздерживался от вмешательства в политическую и социальную жизнь моих соседей и старался единственно предупреждать войны между туземцами.

Одна из многих причин междоусобий основана на поверии, что смерть, даже случайная, происходит через посредство так наз. оним**, приготовленного врагами умершего, — врагами семьи его или врагами деревни, в которой он живет***. При смерти туземца (иногда даже заблаговременно, перед кончиною опасно больного) родственники и друзья его собираются и обсуждают, в какой деревне и кем был приготовлен оним, который причинил смерть умершего или болезнь умирающего. Толкуют долго, перебирая всех недругов покойного, не забывая при этом и своих личных неприятелей. Наконец, деревня, где живет недруг, открыта, виновник смерти или болезни (чаще несколько таковых) найдены. Открытие мигом переходит из уст в уста, причем часто прибавляются обвинительные пункты и иногда увеличивается реестр виновников. После этих прелиминарий составляется план похода, ищутся союзники и т. д.

* Сплю я здесь обыкновенно от 9, редко 10 час. вечера до 5 час. утра, на сиесту (от 1½—2½ час. пополудни) требуется еще 1 час; к этим 8 или 9 часам сна на еду (3 раза в день) уходят около 1½ часа, так что около 13 час. остается на рабту. Это распределение времени нарушается во время экскурсий.

** «Оним» называется заговоренный предмет с какою-нибудь целью; всякое лекарство также называется оним.

*** Подробности об оним сообщу в следующем (III) отделе моих «Заметок по этнологии папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее»¹⁴.

Туй (сын Бонема, брат Вангума),
8—10 лет. Горенду

В Бонгу при смерти жены одного из тамо-боро (общее название главы семейства) я услышал совещание о походе на одну из соседних деревень; но этот раз, когда дело касалось смерти бездетной старухи (дети ее умерли малолетними), мне без особенного многословия удалось уговорить туземцев воздержаться от войны. Несколько месяцев спустя, при возвращении с моей экскурсии в деревню Телята, которую описал в кратких словах выше, я застал ближайшие деревни Бонгу и Горенду в сильной тревоге: Вангум, туземец лет 25, крепкий и здоровый, после 2- или 3-дневного нездоровья внезапно умер. Отец, дядя и родственники покойного, которых было случайно немало в

обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население деревень отправиться безотлагательно в поход на жителей одной из горных деревень (чаще других обвиняемых в колдовстве).

С большим трудом и после очень многих серьезных переговоров мне и этот раз удалось устранить набег на горцев. Обстоятельство, что жители Бонгу и Горенду не были одного мнения насчет деревни, где жил предполагаемый недруг Вангума или его отца, значительно помогло моему успеху. Это различие мнения они, однако же, думали парализовать простым способом: напасть сперва на одну, затем на другую деревню. Я отклонил их от этих замыслов.

Несколько дней спустя я узнал, что брат умершего Вангума, мальчик лет 9 или 10, отправившись с отцом и несколькими жителями Горенду на рыбную ловлю к р. Габенеу, был ужален небольшою змеею; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схвативший ребенка на руки и почти бегом бросившийся в обратный путь, принес его в деревню мертвым. Эта вторая смерть в той же деревне и в той же семье, последовавшая в промежутке немногих дней, произвела настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха между жителями обеих деревень... Даже самые умеренные стали с жаром утверждать, что жители Теньгум-Мана приготовили оным, почему Вангум и Налай¹⁵ умерли, и что если этому не положить конец немедленным походом, все жители Горенду перемрут, и т. п. Война казалась неизбежною. Об ней толко-

вали старики, дети и бабы; молодежь готовила и приводила в порядок оружие.

Войны здесь хотя и не отличаются кровопролитием (убитых бывает немного), но очень продолжительны, исходя часто или переходя в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение мира или перемирия. Во время войны все сообщения между многими* деревнями прекращаются, преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым.

Я не мог смотреть, сложа руки, на такое положение дел в Бонгу, которая деревня была минутах в 5 ходьбы от моего дома в Бугарломе. Притом молчание с моей стороны при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода при смерти старшего брата, было бы странным, нелогичным поступком, и, уступив этот раз, я мог бы потерять влияние мое при всех последующих подобных случаях. Я должен был устранить мою антипатию вмешиваться в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный аффект следует действовать более сильным аффектом, а главное — следовало разделить их единодушную жажду мести, следовало поселить разногласие и дать тем первому жару остыть.

Будучи достаточно знаком с процессом мышления и склонностями туземцев, я обдумал план, который, по моему мнению, должен был произвести желаемое действие и который, на деле оказалось, подействовал даже сильнее, чем ожидал.

Придя в обычный час (перед заходом солнца) в Бонгу при случае происходивших при мне рассуждений о случившемся накануне и заметя, что туземцы очень интересуются узнать мой взгляд на положение их дел, я сказал, что хотя очень жаль отца, который потерял двух сыновей, молодых и здоровых, но что войны все-таки не должно быть и что все, что я сказал при смерти Вангума, остается верным и теперь.

Весть, что Маклай говорит «войны *не* должно быть», когда все и всё готовы предпринять ее, облетела всю деревню мигом. Набралась значительная толпа, и почти все старики обступили барлу**, в которой я находился, каждый стараясь разуверить меня, что война — положительная необходимость.

Доказывать неосновательность их теории «онима», вступать в теоретические рассуждения об нем было бы не только потерей времени, но и большой промах.

* Обе стороны имеют или думают иметь многих союзников, почему боятся идти в каждую деревню, об которой не знают положительно, дружественная она или нет, считая нейтральные за союзников своих противников.

** Барла — большая, открытая с обеих сторон хижина, преимущественно предназначенная для мужчин¹⁶.

Я выслушал, однако же, очень многих; когда последний кончил, вставая и собираясь идти, я повторил тем же обыкновенным голосом, который представлял сильный контраст с возбужденною речью папуасов, но которому я постарался придать тон убеждения: «Войны *не* должно быть; если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье!»

Наступило торжественное молчание, затем посыпались вопросы: что случится? что будет? что Маклай сделает? и т. п.

Оставляя моих собеседников в недоразумении и предоставляя их воображению найти перевод моей угрозы на свой лад, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете!»

Направляясь домой, проходя медленно между группами туземцев, я мог расслышать, что их воображение уже работает: каждый старался угадать беду, которую я пророчил.

Не дошел я до ворот моей близко отстоящей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, торопливо проговорил: «Если тамо Бонгу (люди Бонгу) отправятся в горы, не случится ли тангрин (землетрясение)?»

Этот странный вопрос и запыхавшийся старик показали мне, что мои слова в Бонгу произвели значительный эффект.

— Маклай этого не говорил, — возразил я¹⁷.

— Нет, но Маклай сказал, что тогда случится большая беда; а тангрин большая, большая беда. Все люди Бонгу, Горенду, Гумбу, Богатим, все, все боятся тангрин. А что, случится тангрин? — спросил он опять упрасивающим тоном.

— Может быть, — был мой ответ.

Мой приятель быстро пустился в обратный путь, проговорив скороговоркою, обращаясь к двум туземцам, которые подходили к нам: «Я ведь говорил: тангрин будет, если пойдём. Я говорил!»

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие дни я не ходил в Бонгу, оставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на пословицу: «У страха глаза велики». Я был уверен теперь, что они сильно призадумаются, и военный пыл мало-помалу начнет охладевать, а главное, что теперь в деревнях господствует разногласие. Я не спрашивал, что мои соседи решили; они также молчали, а к войне далее не приготавливались.

Недели через две пришел ко мне Туй, житель Горенду и самый старый мой приятель*, с неожиданною новостью: что он и все жители Горенду решили покинуть деревню эту, решили выселиться.

— Что так? — спросил я, удивленный.

* Тот самый, который приходил при постройке матросами корвета «Витязь» моей хижины в Гарагасси в сентябре 1871 г. и уверял, что меня убьют, когда корвет уйдет.

— Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду, все перемрем один за другим. Двое уже умерли от оним мана-тамо*, так и другие умрут. Не только люди Горенду умирают от оним мана-тамо, но и кокосовые пальмы больны, листья у всех стали красные, и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду оним — вот и кокосовые пальмы умирают**. Хотели мы побить этих мана-тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит — случится беда. Люди Бонгу трусят — боятся тангрин! Случится тангрин, все деревни вокруг скажут: люди Бонгу виноваты, Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдут в горы... все деревни пойдут войною на Бонгу, если тангрин будет. Так люди Бонгу боятся! Мы и решили разойтись в разные стороны, — добавил Туй все более и более унылым голосом и стал пересчитывать деревни, куда каждый из жителей Горенду думает переселиться***. Так как это переселение начнется через несколько месяцев (после сбора посаженного уже таро), то не знаю, чем это кончится****.

Я рассказал немного подробнее этот эпизод из моей новогвинейской жизни потому, что он кажется мне довольно характеризующим мои отношения к туземцам; но для полного понимания предыдущего я полагаю не лишним напомнить о том обстоятельстве, которое так помогло мне уже при первом пребывании на Берегу Маклая***** и которое представляет повторение уже несколько раз случившегося с европейцами при первых посещениях островов Тихого океана*****.

* Мана — гора, тамо — человек или люди. Мана-тамо — люди гор.

** Не помню латинского названия грибка, который причиняет эту болезнь кокосовых пальм, при которой листья мало-помалу желтеют, затем делаются красными и дерево умирает. Эта болезнь очень часто встречается в Малайском полуострове, на Яве и многих других местностях.

*** Достойно внимания, что этот весьма распространенный обычай — не оставаться в местностях, где случился один или тем более несколько смертных случаев, который был сообщен многими путешественниками в разных странах, который я нашел в силе между меланезийскими кочевными племенами о. Люсона, Малайского полуострова, западного берега Новой Гвинеи, встречается также между оседлыми, дорожащими своею собственностью жителями Берега Маклая.

**** По случаю моего отъезда в ноябре я и теперь не знаю, приведен ли этот проект выселения в исполнение; или, предполагая, что в моем отсутствии им нечего бояться тангрин вследствие войны, ярые приверженцы войны, сделав набег на одну из горных деревень и убив 2 или 3 горцев, думают, что задержали дальнейшее приготовление онима и остались жить в Горенду¹⁸.

***** См.: *N. de M.-Maclay. Mijn Verblijf aan de Oostkust van Nieuw-Guinea in de Jaren 1871 en 1872* в «*Natuurkundig Tijdschrift...*», Batavia, 1873 — голландский перевод моего сообщения, полнее напечатанного в «Известиях ИРГО»¹⁹.

***** Примеров слишком много, и они, полагаю, достаточно известны, чтобы приводить их здесь! Вера и репутация сверхъестественности белых продолжалась в большинстве случаев очень недолго: ром и тому подобные слабости обличали скоро их земное происхождение.

Раз возведя меня в положение *Каарам-тамо* (человека с луны), придав мне это неземное происхождение, каждый поступок мой, каждое мое слово, рассматриваемые в этом свете, казалось, убеждали их в этом мнении²⁰. С моей стороны, мне не приходилось и не приходится лгать (напротив, правдивость до мельчайших малостей — качество Каарам-тамо), ни играть роли или быть чем-либо особенным, так как вся моя сверхъестественность находится в воображении папуасов*.

Имей я белых слуг или живи я в близости других белых, туземцы скоро разубедились бы в <не>земном происхождении Каарам-тамо, но мой образ жизни и мои привычки не смогли изменить между папуасами установившееся мнение в особенности моего существа.

Я не считаю нужным разубеждать их** потому, что, во-первых, я обращаю мало внимания здесь, как и в других частях света, на «qu'en dira-

* Может быть, со временем, если найдется время и настроение, расскажу несколько сюда относящихся случаев.

** На днях произошел весьма курьезный и характеристический разговор между одним старым туземцем Бонгу и мною. Придя в обычное время в деревню, я вошел в барлу, в которой происходил громкий, оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь, что желают скрыть от меня. В барле, кроме жителей Бонгу, были гости из деревень Богатим и Били-Били. Я сел. Все молчали. Наконец, мой приятель Саул, которому я всегда доверял более других и с которым нередко разговаривал о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне и, положив руку мне на плечо (что было более выражение дружбы и просьбы, чем простая фамильярность, которую я имею обыкновение исключать в моих отношениях с туземцами), заглядывая мне в глаза, спросил меня масляным голосом: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богатим, Били-Били?..» Вопрос удивил меня своею неожиданностью и серьезным, хотя просительным тоном, которым он был сказан. Выражение физиономий желающих услышать мой ответ присутствующих показало мне, что не один Саул спрашивает. На ясный вопрос следовало дать ясный ответ, но который следовало обдумать минуту. Тем более обдумать, что туземцы знают, убеждены, что Маклай не говорит неправды. «Балан-Маклай-худи» (слово Маклая одно) вошло между ними в пословицу, в верности которой им никогда не приходилось сомневаться. Скажи я «нет», пожалуй, завтра или через несколько дней случай уличит Маклая во лжи. Скажи я «да», я поколеблю сам — и значительно мою репутацию, которая особенно важна для меня теперь, несколько дней после моего запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорей, чем потребовалось времени написать последние строки о них. Чтобы иметь эту минуту обдумать ответ, я встал и прошелся в длину барлы, как бы ища что-то (собственно, я искал ответа). Наконец, я нашел искомое. Остановившись, я снял с подвесок у стены солидное папуасское копье. Я выбрал нарочно самое тяжелое. Я вернулся тогда к Саулу, который, следя за моими движениями, стоял посреди барлы. Я подал ему копье, а сам, отойдя несколько шагов, остановился против него. Сняв тогда шляпу, которой широкие поля скрывали лицо (чтобы туземцы могли по выражению лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось), сказал: «Попробуй! Посмотри, могу

t-оп»^{7*}; во-вторых, моя репутация и с нею сопряженные качества представляют ту громадную выгоду, что избавляют меня от необходимости быть всегда вооруженным и иметь в доме наготове заряженные ружья, разрывные пули, динамит и подобные аксессуары цивилизации. Проходит уже третий год, и *ни один* папуас не перешагнул еще порога моего дома ни в Гарагасси, ни в Бугарломе; незначительный негативный жест Каарам-тамо достаточен, чтобы держать, если хочу, туземцев в почти-тельном отдалении. Пристальный взгляд Каарам-тамо, будучи, по мнению папуасов, достаточен, чтобы наносить вред здоровым* и исцелять больных, мне не приходится носить при себе воинственную амуницию и в незнакомых деревнях быть постоянно «au qui vive?!»^{8*} и т. д.

Эта же репутация дает мне иногда возможность видеть и узнавать многое, которое, вероятно, осталось бы недостижимым, был бы я в идеях туземцев на Каарам-тамо, а простой «белый человек». Она приносит даже туземцам ту несомненную пользу, что благодаря ей я был в состоянии не допустить несколько раз междуусобные войны и избавить туземцев от всех соединенных с ними бедствий.

Признаюсь, однако, что если <бы> потребовались для сохранения этой репутации не единственно пассивное молчание и иногда уклончивые ответы, я вряд ли воспользовался бы долго ее покровом; но в таком случае вряд ли мне удалось бы прожить так мирно и спокойно, как живу вот уже около 3 лет между ними.

Сообщив в общих чертах о предметах моих работ, о направлениях моих экскурсий и об образе этих путешествий, рассказав некоторые эпизоды, прерывающие иногда мою спокойную жизнь, и познакомив, наконец, читателя, вследствие какой коллизии обстоятельств мне удастся без особенных хлопот уживаться с папуасами, перейду к обратной, теневой стороне медали.

Сюда относится, во-первых, *нездоровие* мое и моих людей, которые чаще были больны, чем я. Кроме моей старой знакомой — лихорадки (Febr. remitt.) со своими непредвиденными и неправильными пароксиз-

ли я умереть!» Недоумевающий Саул, хотя понял теперь смысл поданного копья и моего предложения, не подняв даже его, первый заговорил: «Арен! Арен!» (нет! нет!), между тем как несколько из присутствующих бросились ко мне, как бы желая загородить меня от копья Саула своим телом. Простояв еще несколько времени, ожидая пробу Саула и назвав его даже шутливым тоном «бабою», я сел между туземцами. Ответ оказался удовлетворительным, так как никто и ни разу после этого случая не спрашивал, могу ли я умереть²¹.

* Это была причина, как я узнал теперь, что в 1871 г. в продолжение с лишком 4 месяцев туземцы скрывали от меня своих жен и детей, что еще и теперь случается в горных деревнях.

мами, которые иногда являются в форме сильных невралгий (neuralg. Ram I et II Nervi Trigemini), род хронической Dermatitis*, особенно ног, заставляет меня проводить целые дни, иногда даже недели (!) дома, и как на зло, это нездоровье было причиною, что мне пришлось упустить случай (пока еще не возвратившийся) предпринять экскурсии, которые помогли бы дополнить мои наблюдения обычаев туземцев.

Другая неприятность была: недостаток европейской провизии и многих весьма важных мелочей (между проч[ими] бумаги, чернил, стальных перьев, носок и т. п.), запас которых или истощился, или которые были забыты или утрачены дорогою из Батавии сюда.

Главная причина этой неприятности — почти годовое запоздание прихода ожидаемого судна.

Об этом несколько слов.

Я упустил из вида, что с членом коммерческого сословия слова и поручения должны сопровождаться положительными доказательствами, что при исполнении их он не будет в убытке; я не догадался подкрепить мою просьбу прислать** в ноябре или декабре 1876 г. за мною судно суммою наличных денег, векселем или т. п. ручательством. Моя непрактичность была наказана, что остаюсь вот уже 20 месяцев*** без писем и что приходится изловчиться прожить с запасом провизии на 5 или 6 месяцев вот уже 17!**** Вся вина лежит, разумеется, на мне самом: я не могу винить человека, с которым был знаком несколько недель, что он не оказал мне более доверия и не пожелал рисковать суммою, которая могла бы стать при большой цене найма судна (500 долларов в месяц), при, может быть, продолжительном плавании в местностях, подверженных неправильным ветрам (полоса штилей и переменных ветров близ экватора)*****.

* Да извинят г-да дерматологи мне это чересчур общее название: пока не могу приискать в памяти более специального, подходящего к физиономии болезни, которая, вызванная ничтожными ушибами, царапинами, трением обуви, одежды и т. п.²², перешла в значительные, хотя поверхностные раны, нарывы, сопряженные опухолью желез и т. п.; вероятно, основная причина всех этих «приятностей» были не ушибы и царапины, а общая анемия вследствие не подходящей белому туземной пищи, на которую я обречен обстоятельствами.

** Судно не должно прийти *нарогю* для меня одного из Сингапура, но, посещая торговые станции этой фирмы на островах Тауи, Агомес, Каниес, собственно *зайти* за мною на Берег Маклая.

*** Я получил мои письма, прибыв в Сингапур в конце января 1878 г., так что пробыл этот раз 23 месяца без писем.

**** Это обстоятельство, принудив меня употребить главным образом туземную пищу, имело для моего здоровья очень серьезные последствия и было главным образом причиною почти 7-месячной болезни в Сингапуре²³.

***** Запоздание шкуны имело, как я узнал впоследствии, весьма трагические последствия для 5 белых тредоров, поселенных на островах. Трое были, вероятно, убиты

При другом характере и других воззрениях на окружающее я мог бы отнестись к такому стечению обстоятельств и вследствие его — весьма некомфортальной жизни в продолжение месяцев как к значительному несчастью; но на опыте я убедился, что относясь к этим аксессуарам жизни, которую сам избрал, с большим индифферентизмом и, замечая новое лишение или недостаток удобства, могу повторять слова философа: «Много есть, однако же, вещей, которых мне не нужно»...²⁴

Если, замечая, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, не обещаюсь описать сотни и привезти^{9*} тысячи новых редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которые, собственно, не составляют моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций²⁵, я замечу на это, что хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства с фауною Малайского архипелага, весьма интересными, все-таки счел *за более* важное обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на status praesens^{10*} жителя-бытия папуасов, думая, что *эти* фазы жизни *этой* части человечества при некоторых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоропроходящи. Размышляя, что в будущем те же райские птицы и бабочки будут восхищать зоолога, те же насекомые насчитываться тысячами в его коллекциях, между тем как почти наверное при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи *теперешних* папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, как я искал сакай и семанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав: Tempo è galant' uomo^{11*}.

М.-М.

Написано в Бугарломе, на Берегу Маклая в Новой Гвинее, в октябре 1877 г.

Переписано и дополнено некоторыми примечаниями во время журнальной стоянки в лагуне Рифа Канделярия в июле 1879 г.²⁶

^{1*} Далее: Манера держаться, вести себя (франц.).

^{2*} В рукописи: идет. Исправлено нами по: ПОААН. Ф. 143. Оп. 1. № 15. Л. 3 об.

^{3*} В рукописи: это. Исправлено нами по: ПОААН. Там же. Л. 4.

(1 — на о. Тауи, 2 — на группе Каниес), а двое ограблены и прожили несколько месяцев в очень неприятном положении.

4* *Заветные мечты, благие пожелания (лат.).*

5* *Наружный вид, внешность (лат.).*

6* *С каждым ветром мы становимся беднее на один день (нем.).*

7* *Людские толки (франц.).*

8* *Настороже (франц.).*

9* *В рукописи: привести.*

10* *Нынешнее состояние (лат.).*

11* *Время покажет; переносн.: правды не скроешь (итал.).*

Несколько дополнений о моем втором пребывании на Берегу Маклая в Новой Гвинее в 1876—1877 гг.

(Из письма к князю А. А. М.)¹

Hindernisse überwinden ist der Vollgenuss seines Daseins, sie mögen materieller Art sein, wie beim Handeln und Treiben, oder geistiger Art wie beim Lernen und Forschen: der Kampf mit ihnen und der Sieg beglückt*.

Schopenbauer

...Так как остается еще несколько листов бумаги, то я могу доставить себе удовольствие писать Вам и дополнить мое письмо Русскому географическому обществу³, которое нехотел растянуть лишними подробностями, боясь главным образом что не хватит бумаги, которой, хоть обходился с нею весьма экономно**, остается очень немного. Причина, что многие из моих запасов истощились или близки к тому, та, что вот уже десять месяцев или более, как со дня на день ожидаю прихода судна, которое должно было прийти сюда в ноябре прошлого года, чтоб забрать меня или в случае, если пожелаю остаться, возобновить припасы и привезти письма. Хотя совершенно верно, что жду прихода шхуны каждый день и подчас с нетерпением, но в то же время боюсь ее

* «Преодолевать препятствия — вот истинное наслаждение его существования на земле; какого порядка ни были бы эти препятствия материального ли, как при занятии торговлею и ремеслом, или умственного, как при изучении или исследовании, — борьба с ними и победа осчастливливают» *(Шопенгауэр)*².

** Так, например, чтоб пополнить истощающийся запас бумаги, я принужден был вырвать из всех моих книг с переплетом первый и последний лист белой бумаги; для рисунков не особенной важности употреблять оберточную бумагу, конверты старых писем, планки из бамбука и тому подобное.

прихода, боюсь, что ее приход (в случае, если решу не остаться здесь) оторвет меня от работ, которые так интересны, но так трудно и медленно достаются, что приходится дорожить каждым днем, тем более что между многими незначительными является иногда такой день, который дает более результатов, чем недели терпеливого наблюдения!

Вы, надеюсь, извините отрывочность, бессвязность этого письма, которое я предполагаю писать иногда по вечерам, до тех пор, пока бумаги хватит или пока приход шхуны не прервет мою мирную новогвинейскую жизнь новою переменою декораций!..

Добравшись до моего берега (Берега Маклая) 28 июня 1876 г., я поселился недалеко от Гарагасси, в местности, где стояла моя хижина в 1871—1872 гг.

Причины этого выбора были: во-первых, диалект соседних деревень (Бонгу, Горенду, Гумбу) был мне достаточно знаком; во-вторых, якорная стоянка около этого места, защищенная небольшим мысом Габина (мысик Обсервации на карте бухты Астролаб, сделанной офицерами корвета «Витязь»), безопасна* и довольно удобна, позволяя всегда сношение с берегом, между тем как в очень многих других местностях на берегу бухты Астролаб по случаю сильного прибоя оно бывает затруднительно.

Бугарлом, туземное название местности, которую я избрал для постройки дома, находится у самого моря близ довольно большой (по здешним понятиям) деревни Бонгу. Я решил жить недалеко от одной из деревень, потому что в очень многих случаях моей прислуги мне не будет достаточно, жить же в самой деревне не хотел вследствие людского шума (разговоров мужчин, перебранок баб и крика детей) и воя туземных собак. Хижина, для которой я привез доски (стены и пол) из Сингапура, построена на сваях метра два вышины, имеет около 10 м длины и 5 м ширины. Верхний этаж состоит из комнаты и веранды, между тем как нижний, который также имеет стены (но сквозные, частью из досок, частью из бамбука), образует мою препаровочную для анатомических работ, мой кабинет для антропологических измерений и складочный магазин для припасов. Люди и кухня помещаются в отдельной хижине шагах в десять от дома; наконец, для шлюпки построена третья хижина.

Складная мебель, привезенная еще из России и Германии, дополненная в Батавии и Сингапуре, китайские циновки, несколько палок, пустые ящики, обращенные в шкафы для книг, банок и стеклянок, размещенные в порядке оружие и инструменты обратили мой небольшой домик в достаточно удобное помещение, которого умеренный комфорт бывает весьма приятен после утомительных экскурсий в горах и

* В ноябре, декабре и январе я видал иногда здесь ночью такие шквалы, что судно без запаса двух якорей с солидными цепями едва ли осталось бы на якоре.

ночлегов под открытым небом или в темных, не всегда опрятных хижинах туземцев.

В августе этого года мое помещение увеличилось новою пристройкою, почти одинаковых размеров с первоначальным домиком. Она состоит из большой комнаты с двумя верандами и соединена с жилым домом коридором между верандами обоих домов. Новый дом построен на сваях самого прочного дерева*, которого не трогают белые муравьи; стены снаружи из бамбука, внутри обложены циновками; наконец, крыша крыта листьями саговой пальмы**. Жители Бонгу под руководством моих слуг построили для меня этот европейско-малайско-папуасский дом, который образует светлое, чистое и прохладное жилище, о котором я позаботился заблаговременно, думая, что наскоро крытая (в июне прошлого года) крыша первого дома не выдержит ливней в ноябре, декабре и январе. Если шхуна придет скоро, до дождливого времени года, пожалуй, этот второй дом окажется лишним; если же останусь жить здесь, этот дом хватит мне надолго!

Слуг у меня трое (или, вернее, 2 1/2): яванец, весьма порядочный человек***, кроме должности главного доверенного человека он оказался изрядным портным и сносным поваром по части малайской кухни; другие два — туземцы архипелага Пелау: одного я взял как гребца для моей шлюпки и как охотника собственно не для собирания орнитологической коллекции, а для доставления мне дичи для стола; другого, лет 12 или 13, чтоб прислуживать мне в доме и сопровождать меня иногда при небольших экскурсиях. Прислуга могла бы, пожалуй, быть и лучше⁴, но даже при настоящих условиях главная цель достигнута, и я избавлен от ежедневных хозяйственных забот, которые в Гарагасси (в 1871—1872 гг.) падали главным образом на меня и сделались мне в то время так противны, что я часто предпочитал *голодать*, чем носить воду, собирать дрова и раздувать огонь.

Когда теперь в Бугарломе мне нужны бывают люди для какой-нибудь работы, для которой силы моих слуг недостаточны, несколько ударов в гонг, который для этого висит у меня на веранде, призывает людей Бонгу, которые охотно являются. Если же для какой-нибудь особенной работы (постройки хижины, сооружения забора, рубки деревьев и т. п.) людей Бонгу (около 80) недостаточно, призываются на подмогу люди Горенду.

После поселения в Бугарломе при помощи туземцев было расчищено место около дома и посажены разные деревья (кокосовые пальмы,

* Туземное название этого дерева «эглам».

** Листья саговой пальмы считаются самыми прочными для крытия крыши.

*** Впоследствии я переменял это мнение, и мне пришлось отказать этому человеку в Сингапуре как отъявленному вору. — Позд. прим.

Уголок в доме Н. Н. Миклухо-Маклая. Бугарлом. Май 1877 г.

бананы, папайя, хлебное дерево и т. д.) и в некоторых подходящих местах, где земля была вскопана, посеяны разные семена (кукурузы, тыквы, арбуза и т. п.).

Почти все посаженное и посеянное скоро принялось, взошло и стало расти очень хорошо.

Скоро дающие плоды папайя, кукуруза, арбузы и т. п., которые туземцы увидели в первый раз, очень понравились им, и они с удовольствием приходили работать в плантации сами или, когда были заняты работою на собственных плантациях, присылали своих жен и дочерей, которые даже усерднее работали, чем мужчины, так как последние имеют привычку часто прерывать работу, чтобы покурить*, пожевать

* Из расспросов туземцев я узнал, что курение табака, как и самое растение, распространилось на Берегу Маклая в сравнительно недавнее время; теперешние жители образуют второе поколение, которое курит табак. Люди лет 45 или 50 говорили мне, что их отцы в молодости еще не курили. Табак (по-папуасски «казы») был получен от туземцев, живущих на западе.

«кау»* и т. п. Несколько широких дорожек были также расчищены вокруг дома, и, наконец, вся усадьба обнесена забором с трех сторон, так как четвертою стороною был берег моря.

В первые месяцы по моем прибытии (июль и август) было, как я знал (вследствие метеорологических наблюдений 1872 г.), самое сухое время года на этом берегу и ложе больших рек в это время почти что высыхает и образует сравнительно удобный путь в горы до высоты 2000—3000 фут. Я воспользовался этим обстоятельством, чтоб сделать несколько экскурсий. Моя цель при этом была не столько посещение горных деревень, сколько желание испытать годность туземцев как носильщиков багажа при более отдаленных странствованиях. Но уже трех- или четырехдневная экскурсия отняла у меня эту иллюзию и доказала, что все попытки этого рода ни к чему не поведут. Главная помеха употреблять туземцев как носильщиков была невозможность забрать достаточное количество громоздкой и малопитательной туземной провизии (ямс, таро), так как от другой (риса и сушеной оленины) они положительно отказывались. Потом постоянный страх перед горным населением и непривычная система ежедневного напряжения имели также свои доли при неудаче испытания.

Для опыта я выбрал трех человек, которых считал более надежными и выносливыми. Груз, который каждый, смотря по сложению, должен был нести, не превышал 15 до 20 фунтов; ежедневный переход в гористой местности не был более 8 часов ходьбы. При всех этих умеренных требованиях уже на третий день я с досадою увидел, что один из папуасов, на которого я даже более чем на других надеялся, первый отказался идти далее! Когда после недолгого отдыха я подал знак двинуться вперед, он не встал и, лежа, плаксивым голосом заговорил: «Я голоден, таро сегодня кончится, ноги болят, дороги нет**», горные жители убьют! Все одно придется умереть, так ты, Маклай, лучше убей меня сейчас! Ноги так болят, что далее идти я не могу». При таком настроении уговаривания были бы напрасны, почему я взял молча его ношу поверх моей, которая была незначительна, и мы пошли далее.

Не прошло и часа, как явился другой инвалид. Другой туземец, рослый парень, но большой лентяй, жалостным голосом сказал мне, что второй день у него лихорадка, что он чувствует себя очень слабым, что он догонит нас сегодня или завтра, как только оправится немного. Лихорадка его была выдумка, я это видел; но крайние меры с туземцами редко приводят к удовлетворительным результатам. Без него было бы легко обойтись,

* Жевание кусков плода арековой пальмы с известью и листьями бетеля (Piper betle), процесс, называемый туземцами «кау уяр» (есть кау), по словам их, очень старое обыкновение, о введении которого никто не помнит и не знает.

** Я нарочно выбрал для этой экскурсии дикую местность в горах, без деревень.

но не без его ноши, потому что было взято единственно самое необходимое. Мои остальные два спутника (мой слуга из Пелау и третий папуас) имели такие раскисшие выражения лиц, которые становились еще кислее, когда я взглядывал на них, что увеличить их ноши не было никакой возможности (я и то несколько раз думал, что при каком-нибудь повороте они оставят мои вещи и скроются или нарочно отстанут под предлогом, что ноги болят). Нести самому третью ношу мне было не по силам.

Итак, на мой опыт я получил отрицательный ответ. Я свернул с пути в ближайшую горную деревню, из которой, сменив людей, направился в следующую и обошел таким образом несколько деревень.

В знакомой местности, между известными им деревнями, туземцы были хорошими, даже очень предупредительными проводниками; но едва они выходили из знакомого им (весьма небольшого) околотка, как становились непригодными спутниками: все им казалось трудным, опасным, невозможным; за каждым кустом или камнем им чудился неприятель. Одна только боязнь отказать мне заставила туземцев Бонгу согласиться пойти со мною за границу их обыкновенных странствий.

Высокая цепь гор (Мана-Боро-Боро туземцев или хребет Финистер на картах), не будучи населена, не представляет препятствий путешественнику со стороны населения, но для переноски самого ограниченного количества вещей требуются люди, а для них — провизия. Кроме даже небольшой ноши (платья, инструментов, оружия), человек может нести съестных припасов для себя только на очень ограниченное число дней. Брать для переноски провизии особых носильщиков мало помогает, так как и для носильщиков требуется дневная порция. Мне несколько раз являлась мысль, что, имея съестные припасы — консервы, которых переноска для продовольствия одного человека в продолжение многих дней не представляла бы ни слишком большого груза, ни объема, я мог бы *один* предпринять дальнюю экскурсию и быть избавленным, имея провожатых, от множества хлопот, уговариваний и т. п. Такое *портативное* питательное вещество могло бы сделать возможным многие экспедиции и таким образом доставить науке немало ответов на многие еще не разрешенные вопросы.

Если вследствие вышесказанных причин мне пришлось оставить мысль проникнуть при помощи папуасов внутрь страны, за горы, то, переменяя план, я употребил с полным успехом их содействие при посещении горных деревень, которых образ жизни и обстановка во многих подробностях отличны от жителя-бытия береговых жителей (отчасти беднее и примитивнее жизни береговых жителей).

Жители Бонгу и Горенду, воспользовавшись моею склонностью посещать горные селения, предложили мне идти в деревню Марагум-Мана, с жителями которой они во время моего первого пребывания на

этом берегу вели войну. Хотя мир был заключен, но обе стороны, боясь измены бывших неприятелей, не хотели сделать первого шага, хотя и желали упрочить мир возобновлением обоюдных посещений. Отправляясь же со мною, люди Бонгу, Горенду и Гумбу считали себя в полной безопасности. Когда, согласившись, я назначил день экскурсии и отправился в Марагум-Мана, около 100 человек образовали мою свиту. Вид этой толпы вооруженных и разряженных, как на пир (они хотели числом и блеском поразить своих бывших неприятелей), папуасов был оригинален и даже привлекателен. Трехдневная экскурсия в Марагум-Мана имела полный успех, и за нею последовал целый ряд других⁵.

Островок Били-Били у западного берега залива Астролаб своим положением и образом жизни его жителей представлял для меня удобный центр для морских экскурсий. Когда я выразил желание иметь на острове собственную хижину (хотя при моих посещениях каждая хижина в деревне была к моим услугам), жители Били-Били с готовностью исполнили мое желание. Моя вторая резиденция — Айру была не более как папуасская хижина, но я от времени до времени с удовольствием проводил в ней несколько дней, особенно потому, что выбранное местечко представляло весьма обширный, иногда при утреннем и вечернем освещении грандиозный вид гористого берега Новой Гвинеи. Моим хорошим отношениям с жителями Били-Били я обязан многими интересными экскурсиями: на острова Довольных людей, к людоедам Эремпи и вдоль берега до мыса Тевалиб⁶. Эти поездки я не мог бы предпринять в моей шлюпке, которая не больше невского ялика.

Малость шлюпки была весьма удобна в другом отношении: она позволяла мне одному разъезжать по бухте. Это удовольствие я стал позволять себе впоследствии только в крайних случаях, убедившись, что даже при малости и легкости шлюпки, когда приходилось грести при штиле или противном ветре (лабиринт при одном парусе не стоило), сил моих хватало ненадолго. Раз я отправился, по обыкновению, вечером часов в 11 из Бугарлома в Айру (около 12 миль), когда часа два перед рассветом заштило и шлюпку мою, без воды и провизии, занесло течением далеко в открытое море, так что мне казалось, что только счастливым случаем* могу я попасть на один из островов, Кар-

* Последствия такого счастливого случая (в Тихом океане, как известно, весьма нередко случается, что пироги, находясь в значительном расстоянии от какого-нибудь острова, застигнутые штилем, течением, заносятся далеко в море, где погибают или достигают иногда отдаленных островов) могли бы быть для меня весьма курьезны, если б попал на один из островов, как Кар-Кар или Ваг-Ваг. Пребывание там было бы во всяком случае интересно. Эти острова, не будучи еще никогда посещены белыми, вполне неизвестны; но весьма сомнительно, чтоб мне удалось когда-нибудь выбраться оттуда, особенно с о. Ваг-Ваг⁷.

Кар или Ваг-Ваг. Случился, однако, еще более счастливый случай: прокачавшись несколько часов, несомый от берега течением (грести я не думал — это значило бы напрасно выбиваться из сил), я дождался ветра с подходящего румба, который позволил поднять парус, и в два или три часа пополудни, немного испеченный солнцем и с хорошим аппетитом, я добрался до Били-Били, где я мог бы быть при других условиях погоды в два или три часа утра. После этого случая, отправляясь в Айру, я стал брать с собою Мёбли (моего слугу, туземца Пелау), который мог грести в случае надобности.

Другое приключение, которое также благополучно сошло с рук, случилось при восхождении на пик Константин, вершину хребта Тайю, на западном берегу бухты, у подножия которого находится значительная деревня Богатим. По своей форме это самый характерный пик между вершинами гор, окружающих бухту Астролаб.

На второй день ходьбы, проведя по случаю проливного дождя весьма скверно ночь, мне и моим спутникам (человекам 20, жителям деревни Богатим) предстояла самая крутая часть подъема. Отправились мы при рассвете, карабкаясь, прыгая и скользя между скалами и камнями, которые представляли возможность следовать вверх по ложу потока (верхнего течения реки Нобулия, приток реки Иор), которое было, однако, сравнительно весьма изрядная и самая прямая дорога на вершину горы. Наконец, компас показал и туземцы согласились, что надо было, оставив ложе потока, направиться в сторону и лезть вверх между деревьями. Не было и признака тропинки, и так как ни один туземец не знал или не хотел знать дороги, пришлось мне идти вперед.

Предыдущий день мы должны были несколько десятков раз переходить вброд реку Иор, и контраст весьма свежей, текущей с горы воды, которая в иных местах доходила мне до пояса, и палящих лучей солнца производил весьма неприятное ощущение. Почти всю ночь, не переставая, лил дождь, и, несмотря на три фланелевые, надетые одна поверх другой рубахи, толстого войлочного, а затем каучукового одеяла, я не мог согреться. Пароксизм лихорадки, для которого причин было достаточно, я ожидал не ранее вечера или следующего дня, поэтому поднялся я в тот день рано, чтоб без помех со стороны лихорадки добраться до вершины. На всякий случай я принял утром еще предохранительную порядочную дозу хины. Кроме незначительной головной боли над правым глазом, я чувствовал по временам легкое головокружение, что заставляло меня иногда останавливаться, чтоб придержаться за ближайшую скалу, ствол или ветку.

В одном месте подъем был особенно крут, и без корней больших деревьев, которые благодаря громадному развитию корней могут удерживаться на этой крутизне, и лиан, которые служили нам как канаты,

пришлось бы, вероятно, вернуться к месту ночлега, сделать большой обход и подняться с другой стороны.

Эта крутизна представляла метров 20 или 25 ширины, и ее нельзя было избежать, так как по обеим сторонам были обрывы — следствия последнего сильного землетрясения (1873 г.). Цепляясь за корни и лианы, я почти что добрался до более отлогого места, когда почувствовал сильное головокружение, наступившее так неожиданно, что я не успел рассмотреть ближайшую более солидную опору, чем тонкую лиану, за которую держался в ту минуту...

Когда очнулся, я лежал в очень неудобном положении (голова находилась гораздо ниже ног и туловища) около большого дерева, между большими корнями. Я долго не мог понять, как попал я туда и вообще, где я нахожусь. Я не чувствовал никакой боли, кроме странного ощущения в голове. Кругом было совершенно тихо, ни души. Мне хотелось спать, и вопросы, где я и т. д., казались мне вовсе неинтересными. Приведши голову и ноги в более удобное положение, причем я почувствовал с удивлением боль во многих местах, я закрыл глаза и стал засыпать, когда услышал недалеко возглас: «Я ведь говорил, что Маклай не умер — он только устал и спит!» Снова открыв глаза, я увидел многих папуасов, которые лежали и сидели вокруг меня в недалеком расстоянии, и двух, которые подкрались ближе, чтоб посмотреть на меня, и из которых один разбудил меня возгласом, что я еще не умер.

Мне трудно было собрать мысли и привести их в порядок. Люди, которые, подошедши, обступили меня, несколько глотков крепкого кофе с небольшим количеством рома (отличный напиток при экскурсиях) помогли мне отдать себе отчет о случившемся и вспомнить всю связь обстоятельств: головокружение, тонкую лиану, которая не смогла удержать меня, вероятно, последовавшее падение, которое я не помнил, и неудобное положение, когда пришел в себя. Папуасы дополнили остальные моменты этого казуса, рассказав, что, когда увидели, что я, упав и скатившись к большому дереву, не встал, подумали: одни, что лежу мертв, и боялись подойти, другие утверждали, что Маклай не может умереть и что, устав, он только отдыхает, и поэтому не подходили, боясь разбудить.

Солнце было уже высоко, так что я пролежал после падения по крайней мере часа полтора. Часы мои остановились, вероятно, вследствие падения, на половине седьмого. Рассматривать долго место, по которому я скатился к дереву, и рассчитывать шансы и последствия, если б скатился немного в сторону, прямо в обрыв, было некогда; голова и ноги были целы⁸, и время подняться на вершину пика терять было нельзя, почему мы двинулись и стали снова карабкаться вверх.

Несмотря на это приключение, я имел силы не только добратся до вершины, но в тот же день, правда, часам к 11 ночи, дойти до деревни

Богатим, откуда я предпринял эту двухдневную экскурсию. Дней пять я хромал и дней десять чувствовал контузии, полученные во время падения в различных частях тела⁹.

Эти головокружения, которых пример я описал выше, являющиеся изменнически, когда их вовсе не ожидаешь, одно из самых неприятных следствий анемии, происшедшей от лихорадки, которая, хотя посещает меня в последние годы реже, никогда не оставляла меня совершенно уже много лет. На Яве осенью 1874 г., а потом во время путешествия в Малайском полуострове подобные головокружения были причиною весьма неприятных случайностей, которые, однако, не имели пока слишком серьезного исхода...

Жизнь в таких отдаленных местностях от европейских колоний, как Берег Маклая, имеет то значительное неудобство, что, отправляясь туда, надо или делать громадные запасы, или привыкнуть обходиться без многих, иногда весьма необходимых вещей, или уловчаться заменять их суррогатами собственного изобретения. Мои сборы к этому путешествию в декабре 1875 г. были весьма поспешны, и многое было позабыто¹⁰. К тому же последствия расхищения моих вещей в Айве (на Берегу Ковиай в апреле 1874 г.)¹¹ отозвались неприятными сюрпризами и при настоящем путешествии. Многих предметов, которых я тогда лишился, я не мог пополнить в Батавии и Сингапуре, некоторые не подумал, другие не успел выписать из Европы, тем более что 1875 год я провел почти весь *en route*^{1*} (в Малайском полуострове, Сиаме). Так, например, лишение большого ящика с анатомическими инструментами, который был унесен папуасами в горы вместе со многими другими вещами, было часто для меня очень чувствительно. Пришлось при анатомических работах довольствоваться оставшимся небольшим ящиком, дополнив его из несессера хирургических инструментов и отчасти выбрав несколько инструментов между столярными принадлежностями. У меня, далее, оказалось только полдюжины (!) тонких стекол для покрывания микроскопических объектов (так называемых *Deckgläschen*; не припомню русского названия). Пришлось поэтому быть очень осторожным с этими шестью и не пренебрегать даже самыми маленькими осколками, когда стекла ломались.

Двое из моих часов были приведены в бездействие, одни вследствие описанного падения, другие — вследствие опытов, которые вздумал производить над ними младший из моих слуг с островов Пелау. С оставшимися тремя я обходился с большою осторожностью и брал их с собою, отправляясь в новые экскурсии, и не оставлял их на столе, опасаясь за их целостность. Дома, в Бугарломе, высота солнца была для меня достаточным регулятором времени; для вечера я придумал весьма удобное мерило времени. Масштаб, которого деления были

определены несколькими опытами, приставленный в известное время к зажженной стеариновой свече, защищенной от сквозного ветра с трех сторон жестяными ширмами, мог показывать мне ход времени с достаточною точностью. Измеренное сгорание свечи не допускало меня засиживаться слишком поздно, когда обдумывание какого-нибудь наблюдения или другое интересное занятие заставляли забывать время. Если не ошибаюсь, древние японцы имели что-то подобное, т. е. применяли огонь или сгорание как мерило времени.

Не стану более приводить примеров ухищрений разного рода, к которым мне пришлось прибегать вследствие поспешного и неполного приготовления к путешествию, затянувшемуся пребыванию в Новой Гвинее и разных лишений, происшедших от запоздания прихода шхуны. Тех и других я мог бы привести дюжины. Перейду лучше от этих *misères de la vie journalière*^{2*} к серьезному вопросу, который занимал меня часто.

Размышления о судьбе туземцев, с которыми я так сблизился, нередко являлись сами собою, и прямое следствие их был вопрос: окажу ли я туземцам услугу, облегчив моим знанием страны, обычаев и языка доступ европейцам в эту страну?

Чем более я обдумывал этот шаг, тем более склонялся к отрицательному ответу.

Иногда я ставил вопрос этот иным образом. Рассматривая вторжение белых как неизбежную необходимость в недалеком будущем, я снова спрашивал себя: не помочь ли доступу миссионеров^{3*}, чтоб они своим влиянием предупредили и парализовали вредное действие на туземцев со стороны шхиперов и тредоров (*vulgo*^{4*}: торгашей)? Ответ снова оказывался отрицательный, так как миссионеры, к сожалению, нередко занимаются под маскою наставников и друзей туземцев деятельностью тредоров и вообще готовят даже путь к вторжению тредоров с их аксессуарами: введению в употребление спиртных напитков, огнестрельного оружия, распространению^{5*} болезней, проституции, вывоза туземцев силою или обманом в рабство и т. п.^{*}

* Возражения вроде того, что темные расы как низшие и слабые, должны исчезнуть, дать место белой разновидности *Species Homo*^{6*}, высшей и более сильной, мне кажется, требуют еще многих и многих доказательств. Допустив, однако, это положение, извиняя тем истребление темных рас (оружием, болезнями, спиртными напитками, содержанием их в рабстве и т. п.), логично идти далее, предложить и в самой белой расе начать отбор всех неподходящих к принятому идеалу представителей единственно избранной белой расы; для того чтоб серьезными мерами помешать этим «неподходящим экземплярам» оставить дальнейшее потомство, логично ратовать за закон: чтоб всякий новорожденный, не дотягивающий до принятой длины и веса, был устранен, и т. п.

Я решил поэтому положительно ничем, ни прямо, ни косвенно, не способствовать водворению сношений между белыми и папуасами.

История европейского влияния и европейской колонизации на островах Тихого океана так характеристична и переполнена такими примерами, что невозможно взять на себя ответственность, привлекая сюда белых, стать причиною увеличения реестра подвигов бессостной эксплуатации, насилия и жестокости!..

Чтобы отогнать эти невеселые думы, мне стоило только обратиться к моим научным занятиям, которые всегда были и всегда останутся главнейшею целью моих странствований. И при этом верность замечания Шопенгауера: «Im Reiche der Intelligenz waltet kein Schmerz, sondern Alles ist Erkenntniss»* — здесь снова подтверждалась.

Так как это письмо не имеет назначения трактовать о научных результатах (а бумага еще есть), то, чтоб переменить тему, расскажу случай, который может послужить примером, насколько надо быть осторожным при делании «открытий» в стране, подобной Новой Гвинее.

Обходя горные деревни, я провел первую ночь в Теньгум-Мана, следующую — в Сегуана-Мана, где мои спутники из Бонгу пожелали остаться ждать меня, пока я вернусь из деревни Самбуль-Мана, куда я направился на другое утро с новыми проводниками и носильщиками, жителями Сегуана-Мана. Спустившись в лодину между обоими хребтами и перейдя вброд весьма быстрый горный поток (верховье реки Колли), мы снова поднялись на противоположный хребет, где стояла деревня Самбуль-Мана. В деревне я расположился в барле, или хижине, назначенной для хранения принадлежностей «ай»**, для гостей и

Дойдя при помощи беспристрастного наблюдения до противного положения, что части света с их различными условиями жизни не могут быть заселены одною разновидностью *Species Homo*, с одинаковым организмом, с одинаковыми качествами и способностями, додумавшись, что поэтому существование многих рас совершенно согласно с законами природы, придется признать за представителями этих рас права людей, согласиться, что истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы, и что каждый честный человек должен осудить или, если может, восстать против злоупотреблений ею.

Простите, что я остановился так долго на теме, слишком ясной для каждого беспристрастного, не ослепленного высоким мнением о совершенствах расы, к которой он сам имеет счастье принадлежать и для которого так подходят слова Епимарха:

...Так кажется собаке — пес
Прекраснейшим созданием, так бык — быку,
Осел — ослу и свинья — свинье¹².

* *A. Schopenbauer*. *Parerga und Paralipomena*, 2-te Aufl. Bd. 1. S. 355 (В царстве интеллигенции нет места боли — там все познание. — Нем.)¹³.

** См. *N. von Miklucho-Maclay*. *Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste*, II¹⁴.

вообще для мужского населения деревни. Барлы в горных деревнях отличаются от соответствующих построек в береговых деревнях. В горах, как, например, это было в Самбуль-Мана, они малы, темны, так как они не открыты спереди и сзади, как в береговых деревнях; небольшое отверстие (1 м вышины и $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ м ширины) в $\frac{1}{2}$ м расстояния от земли в переднем фасаде служит единственною дверью.

Крыша с боков доходит почти до земли, так что боковых стен снаружи почти не видно. Передняя и задняя стены образованы большею частью из расколотого бамбука, корзинообразно переплетенного. Над дверью под крышею висят или воткнуты в известном порядке нижние челюсти свиней или остатки черепа собак, кускуса, *Perameles*, рыб и т. п., сохраненные «в память» пиршеств и угощений гостей, происходивших в разное время в этой барле. Там же сохраняются, прикрепленные разным образом, разные предметы, напоминающие что-нибудь или кого-нибудь* или чем-нибудь обратившие на себя внимание туземцев. Не только над входом, но и внутри барлы сохраняются разные достопримечательности. Осмотрев по порядку все предметы, навешанные у входа, я вошел в барлу, где было так темно, что днем пришлось зажечь свечу.

Кроме двух вырезанных из дерева масок, употребляемых при Ай-Мун, двух или трех выдутых яиц *Megarodius*, почерневшего от дыма обломанного черепа казуара, мое внимание обратило на себя главным образом несколько костей, привешенных в самом видном месте среди хижины. Это были два позвонка быка (!) средней величины. Из тщательного образа, каким они были привязаны хорошо скрученным снурком к одной из перекладин под крышею, и по выражению физиономий окружавших меня жителей деревни я мог заключить, что они весьма дорожат этим украшением барлы.

— Анде рие? (это что?), — спросил я, удивленный, забыв, что, кроме людей Бонгу, оставшихся в Сегуана-Мана, никто здесь не понимает диалекта Бонгу. Хотя ответили многие, и некоторые вдались в длинные рассказы, понять я ничего не мог. Находка эта меня, однако, силь-

* Придя недавно в деревню, в которой я провел одну ночь как-то в 1871 г., я заметил висевший в барле обломок сучковатой палки, которой форма мне показалась знакома. Видя, что я обратил внимание, один из присутствовавших туземцев предупредительно напомнил мне, что это была моя палка, которую я сломал дорогою из Гар-гасси в Мале. Я действительно припомнил это обстоятельство, случившееся шесть лет назад; эти шесть лет жители Мале сохраняли обломок палки, чтоб при разговоре обо мне указывать на нее как на вещественное доказательство существования Маклая и посещения его Мале. Когда я бросал при моих посещениях деревень пустую жестянку от консервов или пустую коробку от спичек, они подбирались туземцами и сохранялись в барле, где я провел ночь; дорогою, когда случалось бросать изодранные перчатки, они поднимались обыкновенно спутниками и привешивались на сучке ближайшего дерева, и т. п.

но заинтересовала. Каким образом эти бычьи позвонки попали сюда, в эту деревню между горами, в трех днях ходьбы от моря? Хотя я читал, что в Новой Гвинее были найдены следы не только быка*, но и носорога**, видеть, однако, в этих позвонках доказательство одного из этих открытий мне не пришлось в голову, и чтоб найти разгадку, я послал за одним из людей Бонгу.

Вечером жителям Самбуль-Мана удалось объяснить мне, что эти позвонки — кости «большой свиньи» и что они получили их из Энглам-Мана. На другое утро от пришедшего туземца Бонгу я услышал следующую повесть. По уходе корвета^{7*} «Изумруд» (в декабре 1872 г.) сильным волнением были выброшены на берег многие предметы, между которыми находилось несколько костей, которые были признаны жителями деревень Горенду и Бонгу за «сурле бульборо русс» (кости большой русской свиньи)***. Туземцы собрали и сохранили как редкость эти кости и два позвонка, подаренные в Горенду одному из жителей Энглам-Мана, (от него они) перешли к отцу невесты его, туземцу Самбуль-Мана, в барле которого я их увидал. Другие кости были подарены в разные деревни в горах и, может быть, пространствуют подобным описанному образом еще дальше, не только удивят, но и послужат к разным гипотезам, если будут найдены европейскими путешественниками по ту сторону Мана-Боро-Боро (хребет Финистер).

При посещении горных деревень я имею обыкновение осматривать со вниманием не только хижины, но и матерьялы всех украшений****, и разных мелких орудий*****, которые отличны значительно, смотря по деревням, надеясь найти следы существования животного, которое, вероятно, живет в Новой Гвинее не только на севере, где его нахождение было доказано мне в 1874 г.***** Я говорю о Gen. Echidna.

* Г. Макфарланом и Стоном на юге Новой Гвинее¹⁵.

** Офицеры английского парохода «Базилик» сообщили, что видели в Новой Гвинее следы и кал, которые, по их мнению, могли принадлежать большому животному, например носорогу¹⁶.

*** Мне помнится, что во время трехдневной стоянки «Изумруда» в бухте Габинау на корвете находился небольшой бык, который привел в величайшее удивление видевших его папуасов, называвших его «большой русскою свиньей с зубами (рогами) на голове».

**** К сожалению, некоторые и даже самые интересные украшения вынимаются и носятся туземцами только в экстраординарных случаях, например при Ай-Муне и т. п., так что в обыкновенное время их не приходится видеть.

***** Например, зубы видов кускуса употребляют папуасы как маленькие долота для орнаментирования (резьбы) наконечников стрел; острые кости рыб и обточенные кости птиц употребляются как ланцеты; куски кожи акул употребляются для полирования дерева и т. п.

***** На Берегу Ковиай в Новой Гвинее в марте 1874 г. я видел у одного жителя той местности несколько игл, образующих концы ожерелья, которые я принял за иглы

Я думал найти, может быть, иглы его, употребленные как украшение какого-нибудь рода, или, может быть, его череп, сохранный как *temento*^{8*} туземного угощения. Но иглы ехидны не нашлись между украшениями, и ревизия всех костей и черепов, которые до сих пор попадались мне на глаза, не повела к ожидаемому открытию. К тому же это животное так характерно и отлично (своими иглами) от прочих, что туземцы, которым я не раз описывал его и расспрашивал о нем, должны были бы его знать, а они постоянно уверяют меня, что никогда такого животного не видели. Сегодня меня очень забавило открытие, что папуасы считают меня не только «человеком с луны», но и столетним, по крайней мере, дедушкой!

Я сидел после обеда в Бугарломе, любуясь пространством видом и вечерним освещением моря и далеких гор у горизонта, когда мой приятель, старый Саул, пришел поболтать.

После обычных вопросов и ответов Саул замолк, а я продолжал смотреть на далекий горизонт с голубыми и лиловыми горами и островами. Саул снова прервал молчание. Положив руку мне на плечо, он таинственным тоном спросил: «Маклай! Скажи мне, сколько у тебя «там» (под «там» он подразумевал мою родину — луну или большой, большой остров, Россию или вообще что-то большое и далекое) внуков?». Этот вопрос не мог не вызвать моей улыбки. Видя, что я не отвечаю, и думая, что я его не понял, он, продолжал: «Я не спрашиваю, сколько у тебя де-

ехидны, так как нахождение ее в Новой Гвинее мне казалось довольно вероятным. Спрошенный об их происхождении туземец не только сказал мне название животного (обрывок бумаги, на котором я записал это название, к сожалению, затерялся), но прибавил, что животное это отыскивается часто собаками в лесу гор. Мои люди из Серам-Лаут¹⁷, нередко посещавшие берег Оним, также знали его, называя малайским именем «ландак» (это название дается на Яве роду *Hystrix*), (они) рассказали мне, что это животное привозится макаassarскими падуканами живым в Серам, что один такой ландак был привезен недавно в Кильвару (небольшой островок у юго-восточной оконечности о. Серама). Расспрашивая далее, я узнал, что ландак не кусает, так как у него зубов нет, и это обстоятельство укрепило меня во мнении, что этот ландак не что иное, как вид рода *Echidna*. Не добыв, однако, в 1874 г. никаких других доказательств существования этого животного на Берегу Ковниай, я совершенно забыл о виденном и слышанном до тех пор, пока прочел (кажется, в итальянском географическом журнале «*Cosmos*») письмо г. О. Беккари с островка Соронг (около берега Оним в Новой Гвинее), что г. Л. М. Д'Албертис получил там от туземцев животное, покрытое иглами, но которое г. Беккари в том письме, однако, не называет ехидною. Существование ехидны в Новой Гвинее оказалось подтвержденным на севере (в горах Папуа-Нотан), она описана под именем *Acanthoglossus Brunyi*, на южном берегу найденная около Порт-Морезби под именем *Acanthoglossus Lavessii*. Что касается последнего вида, которого два экземпляра я видел в Австралийском музее в Сиднее^{9*}, по моему мнению, он не более отличается от австралийского вида (*Echidna Hystrix*), как последний от тасманского (*Echidna Setoca*).

тей; скажи, сколько у тебя внуков? Ты. Маклай, ведь очень стар. Седых волос у тебя очень много, зубы у тебя плохи; ты не хочешь более есть сахарный тростник; ты никогда не бегаешь, я не видал тебя никогда бегущим; ты ходишь и говоришь, как старый, старый человек. Ты, Маклай, так же стар, должно быть, как это дерево, — добавил он, указывая на громадный старый *Calophyllum inophyllum*, который стоял вблизи, — а это дерево было точно такое же, когда я был маленьким ребенком». Мой ответ, что ни жены, ни жен, ни детей, ни внуков у меня нет. Он не поверил и ушел, досадуя, что Маклай не хочет говорить с ним...¹⁸

Я и теперь смеюсь, когда вспоминаю странный вопрос Саула, сколько у меня внуков. Определяя лета туземцев, белые часто ошибаются лет на 10, даже на 15; но составить себе такую идею о моих летах (мне в этот год было или будет 30 лет)¹⁹, какую составил себе Саул, положительно курьезно, но характеристично...

Бугарлом, на Берегу Маклая в Новой Гвинее.
В октябре и ноябре 1877 г.

Р. S. Мое письмо было прервано приходом шхуны. Шхуна не привезла ни писем, ни провизии. Г. Ш.²⁰ в Сингапуре предположил, что, соскучившись ждать шхуну (ждал я, правда, 12 месяцев), я покинул, вероятно, Берег Маклая на одном из мимо проходящих судов, почему он заблагорассудил оставить мои письма у себя в Сингапуре; но не будучи уверен, однако, положительно в верности своей гипотезы, он дал инструкцию шхиперу заглянуть сюда. Хотя я прождал письма терпеливо 21 месяц, мне теперь кажется весьма долго ждать еще два месяца! От шхипера узнал весть о войне России с Турцией и о взятии Константинополя²¹.

Идем в Сингапур, но при западных ветрах, при частых штилях, сменяющихся шквалами, плавание, вероятно, очень затянется...

В море, у группы Луб, на шхуне «*Flower of Yarrow*»,
19 ноября 1877 г.

¹⁸ В пути (франц.).

²⁰ Неприятностей каждодневной жизни (франц.).

³ В газете: миссионерам.

⁴ Обягну, сплошь и рядом (лат.).

⁵ В газете: введение (...) распространение.

⁶ Человеческого вида (лат.).

⁷ Ошибка, надо: клипера.

⁸ Здесь: на память, в воспоминание (лат.).

⁹ Упоминание об экземплярах ехидны, увиденных в музее в Сиднее, куда Миклухо-Маклай впервые приехал в июле 1878 г., относится к «позд. прим.» (см. об этом во введении к примечаниям к данному тексту на с. 527 наст. тома).

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОСТРОВА МЕЛАНЕЗИИ И ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ЮЖНОГО БЕРЕГА НОВОЙ ГВИНЕИ в 1879—1880 гг.

Путешествие на острова Меланезии, 1879 г.

Письмо г. проф. Р. Вирхову. — Препятствие. — Н. М. S.^{1*} «Renard». — Трехмачтовая шкуна «Sadie F. Caller». — Программа путешествия.

Мог бы я, без постоянных и частых помех разного рода, спокойно заниматься моими анатомическими работами, одним словом, существуй уже Зоологическая станция в Сиднее, я и подумал бы <стоит ли> прервать начатые работы, предпринять новое путешествие, не окончив начатую работу... Но при данной обстановке, видя, что я теряю даром много времени по

случаю неудобного, даже совершенно негодного для серьезных занятий, но, к сожалению, единственного места для анатомических работ*, я стал помышлять об отъезде в Японию. Но, обдумывая мои предыдущие путешествия и подводя итоги результатов, я пришел к заключению, что об возвращении в Европу пока думать еще не время, что мне следует дополнить мое знакомство Меланезии посещением островов Новой Каледонии, Новых Гебрид, Соломоновых и др.

Чтобы избежать повторений, приведу здесь письмо, посланное мной г. проф. Р. Вирхову перед отъездом из Австралии.

* Смотри об этом мои письма г. проф. Вирхову в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1879¹.

Сидней, 13.III.1879.

«...Начать какую-нибудь работу бывает обыкновенно легче, чем закончить ее удовлетворительно. Наполнить пробелы хламом слов — дело возможное и нередко пускаемое в ход — противно настоящему исследованию (*ist der wahren Forschung ganz und gar zuwider*). Так как после 9-летнего странствия по островам Тихого океана мне *более* бросаются в глаза (в областях: антропологии и этнологии) *вопросы без ответов*, чем удовлетворительные ответы, и так как здоровье мое снова достаточно поправилось, то я решил, продолжая избранный мною путь, предпринять 4- или 5-месячную экскурсию на острова Меланезии, на те преимущественно, которые остаются мне еще не известными. Мне кажется весьма важным видеть *самому* как можно большее число разновидностей меланезийского племени. Несколько дней, даже несколько часов личного наблюдения туземцев на месте родины и в их ежедневной обстановке имеют в этом случае большее значение, чем повторное чтение всего об них написанного.

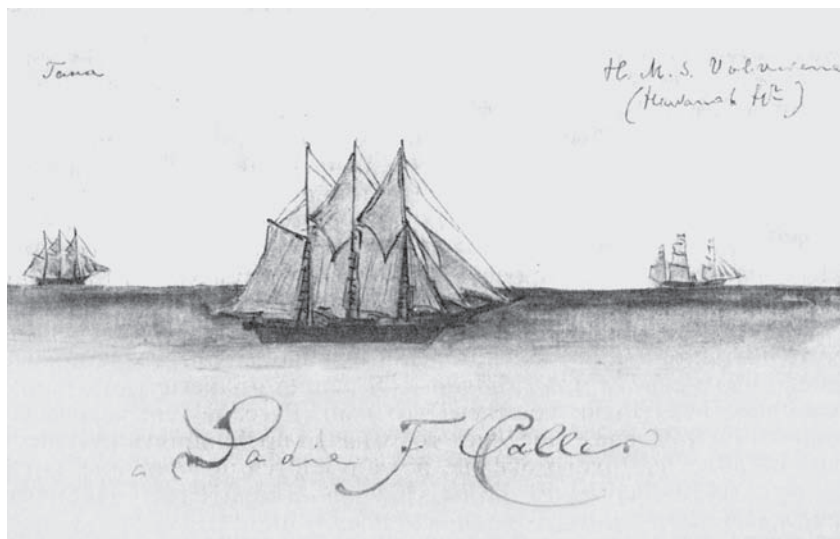
Я предпринимаю это путешествие при особенных условиях, и только сознание значения его для моих антропологических исследований побудило меня остановиться на *этом* решении, сообразно моему убеждению, что в предприятиях, касающихся успеха науки, *всякий* личный интерес должен уступить.

Будучи убежден, высокоуважаемый господин профессор, что Вы разделяете мое мнение о немалом значении для антропологии беспристрастного разъяснения отношений между разновидностями меланезийского племени, то смею думать, что мой план окажется достойным Вашего полного одобрения.

Другое обстоятельство побуждает меня не отлагать мое путешествие: то, что если я отложу его теперь, пожалуй, никогда не буду в состоянии его предпринять...»

Мое решение не только шло наперекор моему намерению вернуться в этом году в Европу, что было для меня желательно и даже важно во многих и многих отношениях, но при этом представлялось еще и другое затруднение, заключающееся в моем финансовом положении. Ожидать присылки денег было неоткуда; даже наоборот: в то время как я обдумывал план путешествия, я получил из Батавии письмо от одного торгового дома Д.² — настоятельную просьбу об уплате старого долга, составляющего относительно значительную сумму.

Но подчинить дело науки грошам, бросить план научного путешествия вследствие недостатка нужных грошей, мне показалось делом совсем *неподходящим*. Я решил прибегнуть к крайнему средству, будучи убежден, что имп. Русское географическое общество, помогшее мне 9 лет тому назад предпринять путешествие на острова Тихого океана, не

Шхуна «Сэди Ф. Коллер» (в центре)
и английское военное судно «Вулверин» (справа на заднем плане)

задумается помочь мне, когда дело касается серьезной попытки удовлетворительно закончить ряд нелегких и многосторонних исследований!?

Вексель на кассу имп. Русского географического общества, который г. В. Маклей³ имел любезность индоссировать на сумму 150 фунтов стерлингов (расчетливо рассчитанный минимум на издержки), помог мне выйти из затруднительной дилеммы.

Мое намерение было отправиться с одной из военных шкун, которые посылаются английским правительством на станции в разные архипелаги юго-восточной Меланезии с целью контроля над вывозом так называемых «free labourers»^{2*} (иначе или, вернее, рабов) из этих островов. Эти шкуны уходят из Сиднея и остаются месяцев 6 (иногда более) в этих архипелагах. Сообщив г. коммодору Вильсону, начальнику Австралийской морской станции, мое желание и спросив его позволение отправиться с одною из шкун на острова, я получил ответ, что он не имеет ничего против, если командир одной из шкун согласится взять меня; но что при тесноте помещения (шхуна всего около 80 тонн) он не желал бы стеснить двух офицеров (лейтенанта и мичмана), помещающихся в небольшой каюте, приказанием.

Случилось, что командир одной из шкун, Н. М. S. «Renard», был лейтенант Ричардс, сын адмирала Ричардса, с которым я познакомился в Лондоне в 1870 г. при выдаче мне из английского Адмиралтейства

линия для термометрических наблюдений. Я отправился повидаться с г. Ричардсом, который с первых же слов согласился взять меня с собою.

Однако же, осмотрев шкуну, убедившись в тесноте каюты и услышав еще, что г. Ричардс обещал г. Л. Лайарду⁴, английскому вице-консулу в Новой Каледонии, взять его с собою из Нумей на Соломоновы острова, стало ясно, что, чтобы других не стеснять и самому не быть стесненным, мне следует приискать другую оказию, чтобы попасть на острова Меланезии.

Такая не заставила долго себя^{3*} ждать; американская трехмачтовая шкуна «Sadie F. Caller» — хороший ходок с довольно большим помещением — должна была отправиться на острова Меланезии и в Новую Гвинею с коммерческой целью. Программа экспедиции довольно сложная. Освободившись от своего груза из Сиднея в Нумее, она должна будет по пути из Новой Каледонии, *via* острова Лояльти и Новые Гебриды, набрать человек 40 или 50 рабочих для ловли и препарирования трепанга на островах Санта-Круц. Затем для меновой торговли предполагается посетить Соломоновы острова и острова Адмиралтейства и острова юго-восточной оконечности Новой Гвинеи.

Программа эта подходит к моим планам: шкуна должна была посетить многие острова, и довольно продолжительная стоянка на островах Санта-Круц для ловли и приготовления трепанга, могущая продолжаться даже 1 1/2 или 2 месяца, не пугает меня, т. к. группа Санта-Круц, или Нитенти, хотя открытая в конце XVI столетия (Мендана, в 1595 г.), все еще остается известною в этнологическом отношении главным образом из описания первых испанских мореплавателей.

Обстоятельство, что шкуна посетит острова Тауи (Адмиралтейства) и зайдет на острова юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, представляло удобный случай навестить Берег Маклая. Этот пункт, соединенный с другим моментом немалой важности — «наличием» довольно большой каюты, определили мое решение отправиться с этой шкуною^{4*}.

Наученный опытом путешествия 1876 г., я счел нужным заручиться письменным документом, излагающим на бумаге обоюдное соглашение между шкипером шкуны и мною, которого содержание в кратких словах следующее:

«Нижеподписавшиеся согласны в следующих пунктах:

Во-первых, что трехмачтовая шкуна «Сади Ф. Каллер» после посещения островов Новой Каледонии, Новых Гебрид, Соломоновых и других зайдет на Берег Маклая в Новой Гвинее, где останется по крайней мере 14 дней, что посетит также острова Кар-Кар и Ваг-Ваг.

Во-вторых, что капитан Веббер обязывается дать всякое содействие (to give every assistance) г. Миклухо-Маклаю, связанное с его научными работами, в котором случае г. Миклухо-Маклай обещает со-

действовать экспедиции своим знакомством с островами, нравами туземцев и т. д.

В-третьих, что г. Миклухо-Маклай обязуется платить 30 шиллингов в неделю, которая плата включает содержание его слуги.

В-четвертых, что в случае, если г. Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обещается не позволить себе *никаких* насилий относительно туземцев под предлогом «наказания» (will not permit himself to employ *any* kind of violence against the Aborigines by way of punishment)*.

Шкуна «Сади Ф. Каллер» отправилась в путь из Сиднея 29 марта, в 5^{1/2} часов утра.

Миклухо-Маклай

22 апреля 1879 г.^{5*}

Bonne Anse. Baie de Prony на юге Новой Каледонии.

^{1*} *Her Majesty Ship* — корабль ее величества (англ.).

^{2*} *Свободные работие* (англ.).

^{3*} *В рукописи*: на себя.

^{4*} *В рукописи этот абзац вписан на полях.*

^{5*} *В рукописи здесь изображен якорь.*

〈Новая Каледония и остров Лифу〉

8 апреля¹, на одиннадцатый день плавания из Сиднея, шкуна бросила якорь в порте Нумея.

Отправившись на берег, я познакомился с английским генеральным консулом г. Лайардом, человеком, занимающимся, между прочим, также и зоологией². От него я пошел к *réverend père*^{1*} Montrouzier, весьма интересному человеку, пробывшему несколько десятков лет миссионером на островах Тихого океана, а последнее время окончательно поселившемся в Новой Каледонии. Имея большое пристрастие к естественным наукам, *père* Montrouzier в продолжение своей деятельности миссионера занимался также собиранием коллекций по всем отраслям

* Вина белых в отношении островитян Тихого океана, по моему мнению, *так громадна*, что всякое так называемое «наказание» только увеличивает число преступлений против них! К тому же, по моему мнению, шкипера торговых судов не имеют ни достаточной компетенции, ни достаточно средств быть беспристрастными и справедливыми судьями — это *не их* дело.

Первое предложение в этом примечании объясняет, почему я считаю и командиров военных судов *не* в праве, в большинстве случаев, брать на себя ответственности так называемых «наказаний».

естествознания. Будучи человеком очень наблюдательным и обладающий хорошей памятью, père Montrouzier мог сообщить мне также немало сведений по антропологии и этнологии жителей островов, где он жил в качестве миссионера³. Он обещал полное содействие и пригласил меня в монастырь Conception, где я буду иметь возможность видеть туземцев, живущих под специальным покровительством миссионеров.

9 апреля был обрадован утром визитом г. Ш., сына д-ра Ш., долго жившего и практиковавшего в Петербурге, которого я знал в Иене. Г. Ш. уже много лет живет в Новой Каледонии, имеет обширную плантацию в нескольких километрах от Нумей, но, кроме того, занимается торговыми делами. Восстание туземцев⁴, при котором плантация г. Ш. с ее жителями подверглась опасности быть разграбленной, а люди, при их сравнительной малочисленности, убитыми поголовно, так напугало г-жу Ш., что ее муж решил, во избежание повторения такой случайности, совершенно покинуть Новую Каледонию и переселиться в Аргентинскую республику. Пока он оставался в Нумее для продажи своей плантации и окончания дел. Г. Ш. любезно пригласил меня к себе на плантацию, причем я буду иметь возможность видеть немного внутренность острова, так как Тамоа (плантация Ш.) лежит за береговым хребтом.

Сделал визит губернатору capitain de vaisseau²* Jean Olry⁵, который обещал, когда захочу, дать мне возможность осмотреть все достопримечательности Нумей как места ссылки.

12 апреля. *Экскурсия в Тамоа*⁶. Около 2 часов пополудни мы выехали в небольшом кабриолете по хорошей дороге в Тамоа. Часть дороги туда мы могли сделать по шоссе, идущему от Нумей на север острова, а затем свернуть с большой дороги по проселочной на плантацию г. Ш. По обеим сторонам шоссе растительность роскошная, а силуэты гор, эффектно освещенные заходящим солнцем, придавали дороге особенно живописный вид. Под вечер, по случаю усталости лошади и тяжелого экипажа, нам пришлось оставить последний и верхом добраться до Тамоа, куда приехали в совершенной темноте.

13 апреля. Хотя было далеко за полночь, когда мы приехали вчера вечером, комары разбудили часа в 3 ночи и не давали заснуть. В 7 часов утра, уже после завтрака, в сопровождении одного из надсмотрщиков, данного мне г. Ш. в провозатые, я отправился в деревню туземцев. Она была расположена на холме, на склонах которого была разведена плантация таро и ямса. Мы были встречены несколькими жителями обоего пола, тип которых почти что не отличался от типа папуасов Новой Гвинеи. Несколько украшений, татуировка женщин делали их будто отличными от последних, но тип был одинаков⁷. Я сделал несколько рисунков татуировки, записал несколько слов туземного диалекта, вы-

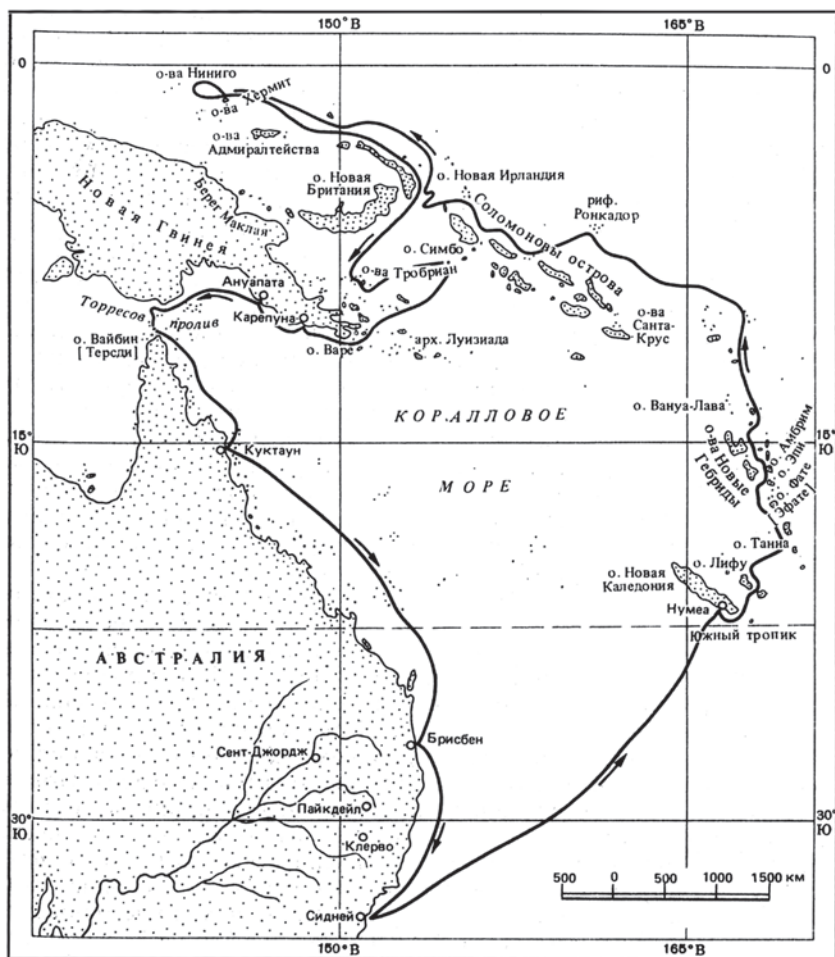
пил кокосовой воды и отправился дальше. Мой спутник, оказавшийся ссыльным, но вследствие хорошего поведения могущий пользоваться относительной свободой, спрошенный о месте, где я мог бы найти черепа туземцев, обещал показать мне таковое, предупредив, однако, что дорога будет очень скверная.

Мы добрались туда, и под навесом скалы я увидел два скелета, обложенные с четырех сторон небольшими камнями. У скелетов недоставало, кроме маленьких костей рук и ног, обоих черепов. Это место называлось «куни», и на некоторых деревьях вблизи я заметил привязанные тряпки. Вид с этого места обширный и красивый. Мой проводник, заметив, что я остался недоволен отсутствием черепов, повел меня в другое место. Здесь мы нашли хижину, около которой были врыты в землю деревянные, особенным образом заостренные столбы, так называемые «нукума». Эти нукума ставятся в виде memento^{3*} по усопшим и суть не что иное, как верхи хижин, которые они занимали при жизни.

Хотя место было очень уединенным, мой проводник, очевидно, не желал, чтобы туземцы видели его здесь, почему, сказав, что я, вероятно, найду череп или два в хижине, остался сторожить у входа. Я нашел, что искал, в одной из корзин, висевшей под крышей. В хижине были, кроме того, другие предметы: большие глиняные горшки, железная кастрюля, железный же топор, несколько копий и множество висящих из-под крыши узких полосок тапы. Посредине находился большой очаг. Мой проводник объяснил мне, что в этой хижине жил человек, пользовавшийся между туземцами большим значением, и что он похоронен в самой хижине. От времени до времени туземцы сходятся сюда на разные церемонии, причем не обходится без пиршеств. Рядом с хижинкой находится род шалаша, служащий кухней при этих торжествах. Приперев деревянную дверь так же, как и нашли ее, мы поторопились убраться и, к удовольствию моего проводника, не были замечены туземцами.

После обеда г. Ш. сделал мне сюрприз, собрав значительное число туземцев обоего пола, желая показать туземную пляску. Один из главных начальников окрестных деревень, по имени Jagne, явился, очень подпивши, в сюртуке с галунами, в офицерской экипировке, но без панталон. Он начал с того, что обратился к г. Ш. и просил его brandy^{4*}, обещая пляску на славу. Когда стемнело, пляска началась. Она вышла, разумеется, карикатурой настоящей, барабаны туземцев были заменены жестянками из-под керосина, удовольствие и возбуждение обыкновенной пляской заменилось полуопьянением от европейских спиртных напитков (рому и джину).

14 апреля. Пляска туземцев продолжалась до 2 часов ночи, так что едва я заснул, как пришлось встать. В четверть пятого в темноте мы верхами были уже на обратном пути.

Путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая в 1879—1880 гг.
Современные названия даны в прямых скобках

В 11 часов прибыли в Conception⁸, где нас ожидали с обедом père Montrouzier и père Tomassin⁹. Узнал от них немало интересного о туземцах и смерил две интересные головы, доказывающие несомненно деформацию черепа, которой подвергаются здесь дети первых месяцев жизни.

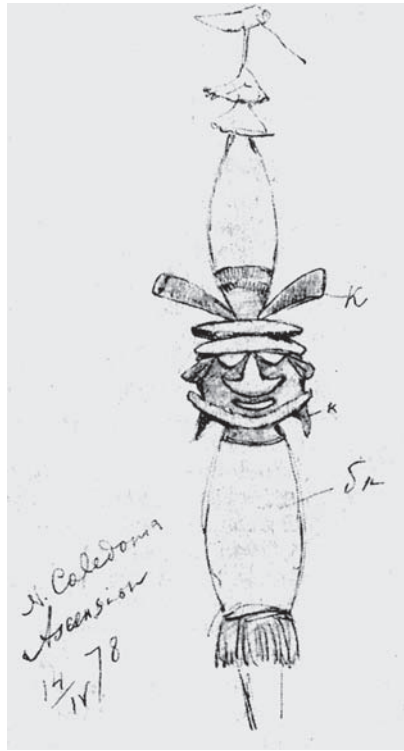
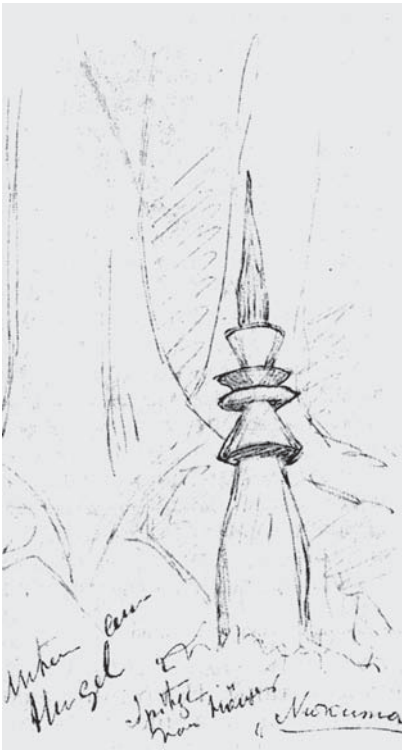
Мы вышли осмотреть деревню, лежащую у самого морского берега. Влияние миссионеров отозвалось на постройке хижин, утративших туземный характер, на самих туземцах, заменивших свой первобытный

Тан — вождь дер. Савай, плантация Тамоа; Левия, плантация Тамоа

костюм разнокалиберным европейским отрепьем, и всей домашней обстановке. Во многих хижинах я нашел, кроме больших лубочных изображений Пресвятой Девы и разных святых, также столы и стулья. Все жители этой деревни номинально христиане, и дети при нашем приближении сбегались *целовать руку* патера. Между детьми я заметил несколько прямоволосых, головки которых резко отличались от черных, курчавоволосых. Близость европейского населения и благосклонность женщин к европейцам вообще легко объясняют это явление. Père Montgouzier отвез меня вечером в Нумею.

15 апреля. По приказанию губернатора в мое распоряжение был прислан небольшой пароходик для осмотра так называемого Île Nout, где находится главная тюрьма. Повидавшись с *commendant de la place*^{5*}, который мне дал проводника, отправился в тюрьму. Несколько отдельных зданий, окруженных высокой стеной. Первое, в которое мы вошли, служило спальней заключенных. По обеим сторонам длинного прохода находились маленькие камеры для одного или двух человек. Постели везде заменены койками, которые на день скатывались и висели на одной из стен. Каждая камера была снабжена тяжелой, окованной дверью с небольшим окошечком. Вечером посредине коридора зажигают фонари.

Нукума — памятник по усопшему
(при жизни покойного — верхушка его хижины), Тамоа;
ритуальная верхушка хижины. Новая Каледония. 14 апреля 1879 г.
(у автора неточность — 1878)

Затем я осмотрел мастерские: столярную, кузнечную, портняжную. В этих помещениях было светло, прохладно и просторно. Некоторые из заключенных работали усердно и, казалось, интересовались работой.

Больница хорошо содержится и отлично вентилирована.

Заключенные едят три раза в день; получают кофе, вино три раза в неделю, и вообще в этом отношении им хорошо.

С Île Nout я переехал на п-ов Ducos, где познакомился с *commissaire Bascans*. На этом полуострове поселены коммунары.

В довольно обширной долине построены небольшие домики с садиками, назначенные одному или двум (по желанию). Здесь они пользовались значительной свободой, могли делать, что хотят. Им отпускается каждый день паек. Многие из них разводят небольшие огородики

для личного обихода. Два раза в неделю по очереди их отпускают в Нумею, где они могут сбывать свои произведения, так как между ними есть очень хорошие мастеровые и даже художники^{6*}.

Место заключения женщин находится на том же полуострове, но ехать туда было поздно, а завтрашним днем я уже располагать не могу¹⁰.

Вечером обедал в «Cercle», здешнем клубе, ресторан которого содержитя каким-то графом¹¹. Обед был очень хорош. На площади перед «Cercle» играла музыка с «Victorieuse», и все европейское население разгуливало по пыльной и некрасивой площади.

19 апреля. При маловетрии на четвертый день шкуна находилась в канале Вудин, между о. Уеп и Новой Каледонией. Лоцман сообщил мне, что прежде на этом острове было близко 1000 человек туземного населения, теперь же остается менее сотни. Причина этого уменьшения — различные эпидемии, занесенные европейцами. Лоцман винил также миссионеров, которые, по его словам, сильно вмешиваются в домашнюю жизнь туземцев, запугав их адом¹².

Между растительностью новокаледонийская ель характеристична¹³. Кругом почти нет признаков жизни. На берегу находится военный пост и телеграфная станция. От одного из служащих я приобрел несколько земноводных раковин.

20 апреля. По случаю штиля не могли сняться. Отправился на берег. Дети французского унтер-офицера и жены его, туземки Новой Каледонии (очень темной и курчавоволосой), были замечательно светлокожи, с темно-каштановыми волосами, вьющимися и мягкими. В Южной Европе внешность их не отличалась бы резко от других детей. Они казались здоровыми и рослыми для своих лет. Поднялся сильный ветер, и чтобы добраться до шкуны, потребовалось 4¹/₂ часа.

24 апреля. Три дня погода была шквалистая, дождливая, холодная, и очень непостоянный ветер заставил нас простоять на якоре, ежечасно надеясь уйти. Утром пришла небольшая казенная шкуна с чиновником, посланным капитаном над портом Нумеи, с приказанием от губернатора отправиться сейчас же далее или вернуться в Нумею. Такое приказание показалось сперва смешным шкиперу-американцу, но он не замедлил послушаться, когда узнал, что причина этого приказания была возможность бегства каторжников из *penitencier*^{7*}, которые могли бы нахлынуть неожиданно и, перерезав всех, захватить судно. Несмотря на противный ветер, дождь, мы снялись.

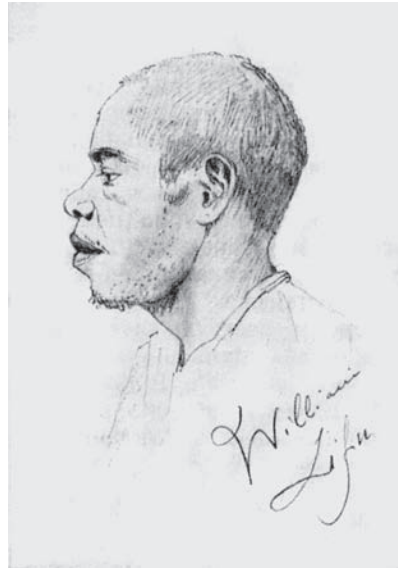
25 апреля. Остров Лифу, гавань Кепенге¹⁴ Только к часу пополудни, после беспокойной ночи по случаю сильной качки мы бросили якорь около селения против дома французского резидента.

Французский военный пароход и две небольшие шкуны были на якоре. На берегу виднелись несколько белых домов европейцев, а за

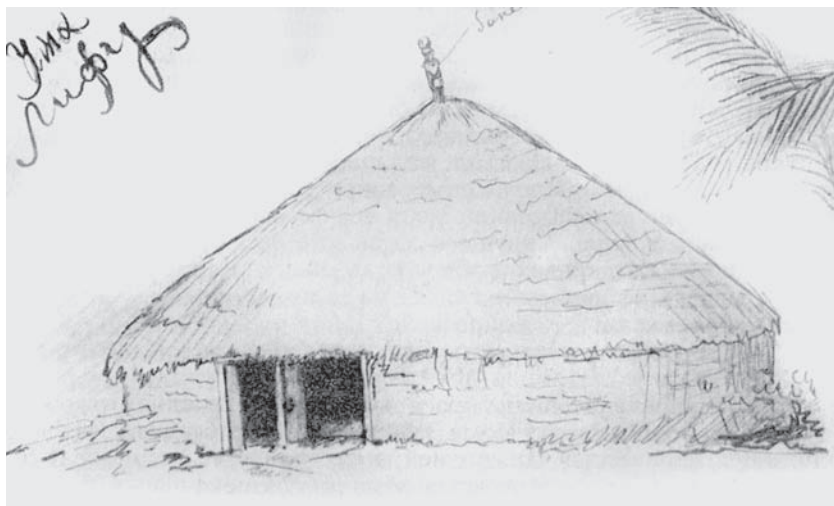
ними там и сям проглядывали крыши туземных хижин. Я имел от père Montrouzier рекомендательное письмо ко всем католическим миссионерам (père Maristes). Съехав на берег и выбрав между сбежавшими мальчиками-туземцами одного по имени Оно, я направился в селение Яшо, где жил père Fabère¹⁵. Тропинка в лесу была мокрая от дождя и темная, так как лес был густ. После 40 минут ходьбы мы пришли к выбеленному, но внутри очень грязному и неуютному домику, где также грязный старый padre^{8*} встретил меня. Перед входом не было и признаков садика. Прямо с дороги можно было войти в комнату без окон. Весь свет проникал в дверь, которая, вероятно, всегда оставалась ⟨открытой⟩ настежь. На столе валялись объедки, в комнате пахло чем-то кислым. Я пришел с намерением остаться здесь дня на два, но вся обстановка заставила меня сейчас же переменить намерение. От миссионера, живущего здесь уже несколько лет, я почти ничего не узнал о нравах и обычаях туземцев. На все мои вопросы он отзывался незнанием и глядел на меня, удивляясь, как я могу интересоваться такими вопросами.

Я пробыл у него менее получаса и вернулся в Кепенге, куда пришел за светом. Пройдя дом резидента, я очутился в проходе между школою туземцев и красивым садиком, раскинутым перед верандою просторного дома миссионера-протестанта. Недолго думая, я направился по средней дорожке садика к дому и был встречен г. Крэй у веранды. Мы познакомились, и г. Крэй предложил на время пребывания моего здесь поселиться у него, извиняясь, что, может быть, я найду хозяйство его не совсем в порядке, так как жена находится в Сиднее, куда отправилась определить в школу сына. Предложение было сделано так просто и любезно, что я сейчас же согласился. Вечер был проведен в интересных разговорах о туземцах, между которыми г. Крэй прожил много лет¹⁶.

26 апреля. Отправившись на шкуну за кое-какими нужными вещами, я встретил там полупьяного мистера Р. из Сиднея с супругою Мэдиу, туземкою с о. Увеа. Цвет кожи ее варьировал между ⟨№№⟩ 45

Уильям — житель о. Лифу

Ума — мужской дом, о. Лифу

и 47 таблицы проф. Брока. В ней была заметна примесь полинезийской крови, волосы, хотя сильно вились, не были так курчавы, как у туземок Лифу¹⁷.

Между остальными туземцами, сидящими и расхаживающими по палубе, выделялся полукровный, с сравнительно очень светлой кожей и не очень темными глазами (№ 3 табл. Брока). Это был сын одного из главных начальников острова и белой (дочери столяра-европейца). Они были формально повенчаны протестантским миссионером, но французское правительство сочло нужным объявить этот брак недействительным, что не мешает им жить как муж и жена.

Вернувшись на берег, я отправился осматривать деревню и нарисовал так называемую «ума» (большая круглая хижина, где спит молодежь мужского пола)¹⁸.

1* Преподобный отец (франц.).

2* Капитан первого ранга (франц.).

3* Здесь: памятник (лат.).

4* Коньяк (англ.).

5* Здешний комендант (франц.).

6* Далее зачеркнуто: Я был рад, когда окончил осмотр этих учреждений для ссыльных.

7* Здесь: каторга (франц.).

8* Отец (исп.).

Островок Андра

(Из дневника 1879 г.)

⟨I⟩

Es ist eine der ernstesten Aufgaben unserer Zeit, die Eigenthümlichkeiten der noch vorhandenen Naturvölker so genau wie möglich festzustellen, alle noch vorhandenen Ueberreste ihrer Cultur sorgfältig zu sammeln und der Nachwelt, welche bald dieses Mittels der Untersuchung beraubt sein wird, eine Literatur zu hinterlassen, welche reicher und vollständiger, als es für uns die klassische Literatur gelöst hat, die Quellen für eine vergleichende Wissenschaft vom Menchen zu erhalten, im Stande ist (*Rudolf Virchow*)^{1*}.

Предварительные замечания об островах Адмиралтейства. — Островок Андра. — Торг произведениями рифов, оружием и предметами домашнего обихода. — Хижины деревни Андра. — Торг с Европой уже начинает отзываться на образе жизни туземцев. — Употребление табака и водки пока неизвестно. — Татуировка женщин. — Пример людоедства. — Экзекуция воровки. — Массаж при головной боли. — Тип туземцев островов Адмиралтейства. — Предложение женщин. — «Э-пате», съедомая земля. — Экскурсия в деревню Пургасси на большом острове. — Станный временный костюм женщин. — Неприятная, но поздно открывшаяся ошибка треддоров. — Европейская гимнастика не дается туземцам. — Устройство «коптилки» на берегу. — Мое переселение из «ум-камаля» в «ум». — Ночные посетительницы. — Приключение ирландца О'Хары на островке Андра.

Острова Адмиралтейства, к которым принадлежит также и островок Андра, хотя и были открыты в 1616 г., остаются до сих пор малоизвестными, несмотря на то, что в течение 270 лет, т. е. со времени их открытия, они были посещены многими мореплавателями и несколькими естествоиспытателями. Они представляют группу, состоящую из одного большого гористого и многих, вокруг него лежащих, по большей части низких островков. Группа находится между 1°58' и 3°10' ю. ш. и 146° и 148°6' в. д., милях в 100 на юг от экватора, в 130 милях от о. Нового Ганновера и в 150 ⟨милях⟩ от ближайшего берега Новой Гвинеи. Большой остров Адмиралтейства¹, приблизительно 50 миль длины и 15 миль ширины, тянется от запада на восток и имеет поверхность приблизительно в 550 кв. миль; во многих местах он невысок, между тем как в других (в юго-восточной части) горы поднимаются до 3000 футов высоты.

Ле-Мер и Шутен, проходя в июле 1616 г. мимо островов Адмиралтейства, вдоль южной стороны их, дали им название «Двадцать три острова», которое, однако же, не удержалось, а заменено названием островов Адмиралтейства, данным им капитаном Ф. Картере, подошедшим на английском военном шлюпе «Swallow»^{2*} в сентябре 1767 г. к одному из островков на юге группы Адмиралтейства^{2*}. Двенадцать или четырнадцать туземных пироги приблизились к шлюпу и атаковали его, бросив неожиданно большое число копий на матросов, бывших на палубе. Капитан Картере, несмотря на свои миролюбивые намерения относительно туземцев, был принужден стрелять, чтобы отделаться от них. Несколько туземцев было убито, остальные спаслись вплавь, покинув пирогу, которая была забрана на шлюп, осмотрена, а затем расколота на топливо. Это было первое знакомство туземцев этой группы с европейцами.

Причиной посещения двух французских судов «Recherche»^{3*} и «Esperance»^{4*} под командою генерала^{5*} Д'Антркасто (d'Entrecasteaux) островов Адмиралтейства в 1792 г. были известия, полученные Д'Антркасто на мысе Доброй Надежды, что будто бы разные вещи, принадлежащие экспедиции Лаперуза, замечены у туземцев островов Адмиралтейства³. Это известие было сообщено коммодором Хунтером, который в 1790 г., потеряв свое судно, фрегат «Syrus», у о. Норфолк, отправлялся на голландском судне в Батавию. Когда судно это проходило мимо островов Адмиралтейства, несколько туземных пироги были замечены в отдалении. Белые украшения из раковин, резко выделяющиеся на темной коже, и куски выделанной древесной коры, намазанной охрой, были приняты коммодором Хунтером за клочки мундиров французских матросов и офицеров экспедиции Лаперуза; он был так уверен в этом обстоятельстве, что поспешил сообщить командующему экспедицией, посланной французским правительством отыскать место и все подробности, касающиеся гибели экспедиции Лаперуза. Д'Антркасто, получив сообщения коммодора Хунтера, прибыл на острова Адмиралтейства в июле 1792 г. и, побывав сперва на островах Иезу-Мария и Ла-Вандола, прошел вдоль северного берега большого острова. При посредстве торгоа он вошел в сношения с туземцами многих островов группы, но нигде не нашел следов европейских произведений, почему, заключив, что коммодор Хунтер ошибся, экспедиция покинула группу, нигде не высадившись. Об этом посещении

* An Account of the Voyage Round the World in the Years 1766, 67, 68, 69. By Philip Carteret, Esq., Commander of the H. M. Sloop «Swallow» // *Hawkesworths J. An Account of the Voyages undertaken... for Making Discoveries in the Southern Hemisphere. Vol. 1. L., 1773.*

островов Адмиралтейства существует два описания. Одно — самого Д'Антраксто*, другое — естествоиспытателя Лабиллардиера**.

В 1843 г. острова эти были посещены американским клипером «Margaret Oakley» под командой капитана Морреля; описание посещения этого было сделано неким Т. Якобсом***, экипаж клипера съезжал на берег в разных местах большого острова, а также малых островов.

Экспедиция «Челленджера» посетила острова Адмиралтейства в марте 1875 г.⁴ Семь дней пребывания фрегата у восточной оконечности большого острова дали возможность офицерам сделать съемку довольно удобного порта у северо-восточной оконечности большого острова Адмиралтейства, названного в честь командира Nares Harbour, а естествоиспытателям экспедиции позволили съезжать часто на небольшие острова порта и ознакомиться с флорой, фауной и отчасти этнологией этой местности. Профессор Мозлей в отдельной брошюрке**** с иллюстрациями сообщил немало интересных сведений о туземцах и их домашней обстановке.

Я несколько раз бывал на островах Адмиралтейства, на большом острове и на маленьких островках, прилегающих к нему; не раз жил по неделям на берегу и имел случай более, чем другие естествоиспытатели, посетившие эту группу, познакомиться с туземцами островов Адмиралтейства и образом их жизни. Первое посещение было в мае 1877 г., т. е. <спустя> два года после экспедиции «Челленджера»^{6*}. Я тогда побывал на юго-восточном берегу большого острова, а затем прожил несколько дней на островке Андра, одном из островков, лежащих вдоль северного берега большого острова. Мое второе посещение группы Адмиралтейства состоялось в августе и октябре 1879 г. Я жил^{7*} на островке Андра и на островке Сорри (Wild Island, на английской карте — Nares Harbour). В 1879 г. я опять прожил на этих островах около 25 дней. В июне 1883 г. я провел только несколько часов на островке Сорри, зайдя туда на русском корвете «Скобелев». Посещение островов Адмиралтейства в 1877 г.^{8*} было описано мною отчасти в письмах имп. Русскому географическому обществу****. Описание других пребываний в этом архипелаге войдет в общий отчет о моих путешествиях, настоящий же отрывок заключает

* Voyage de d'Entrecasteaux à la recherche de La Perouse. Redigé par M. de Rossel. Paris, 1808.

** Labillardière J.-J. Relation du voyage à la recherche de La Perouse. T. 1. Paris, 1800.

*** Jacobs T. J. Scenes, Incidents and Adventures in the Pacific Ocean during the Cruise of the Clipper «Margaret Oukley» under Capt. H. Morrell. New York, 1844.

**** Moseley H. N. On the Inhabitants of the Admiralty Island, with Plates // Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 6. May 1877 (отдельный оттиск).

***** Известия имп. Русского географического общества за 1880 г.⁵

в себе описание в форме дневника моего десятидневного пребывания на островке Андра в августе 1879 г.

Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение о. Новой Гвинеи (от марта 1879 г. по апрель 1880 г.) я предпринял с целью видеть как можно более мне еще не известных разновидностей меланезийского племени и решил тогда, *faute de mieux*^{*}, отправиться на острова Тихого океана на американской трехмачтовой шкуне «Сади Ф. Каллер», снаряженной для ловли трепанга^{*} и меновой торговли на этих островах.

21 августа 1879 г. шкуна «Сади Ф. Каллер» лавировала на севере островов Адмиралтейства, которые были в виду, но на значительном расстоянии. К полудню более свежий ветерок позволил нам приблизиться настолько, что я мог рассмотреть и узнать контуры большого острова, а по ним определить положение небольших островков, лежащих под самым берегом его. Мне хотелось повидать моих старых знакомых, жителей островка Андры^{**}, с языком которых я отчасти познакомился в 1877 г.^{10*}, и узнать о судьбе оставшегося там матроса-малайца Ахмата, сбежавшего вследствие дурного обращения с ним шкипера шкуны «Sea Bird». Мне нетрудно было убедить шкипера В. зайти в порт Андра, сказав ему, что он может рассчитывать там на хорошую добычу трепанга и на порядочную якорную стоянку.

Местность мне была хорошо знакома, почему я мог послужить на этот раз лодманом, что было очень кстати, так как зыбь мешала разглядеть рифы. Я указал шкиперу на западный проход за островок Андру, потому что на восток от него находится много риф. Шкуна благополучно прошла через бар между рифами, тянущимися один с западной оконечности островка Андра, другой — с восточной островка Бонем (или Понем), и легкий ветерок позволил войти в лагуну и бросить якорь на десятисаженной глубине. Со стороны моря островок этот представляется низким, но покрытым густою растительностью. Нигде между деревьями, смотря с моря, нельзя разглядеть ни деревни, ни даже хижины. Единственно голубоватый дымок, который вился и расстилался в одном месте над островком, доказывал присутствие человека.

Как только мы зашли за риф, то увидали над отлогим песчаным берегом ряды кокосовых пальм, над которыми высился лес, а внизу, между пальмами, стали показываться крыши хижин; вдоль же берега можно было разглядеть группы туземцев. Некоторые приготавливали пироги к спуску, другие спокойно ожидали, пока шкуна не бросит якорь.

* Трепанг — различные разновидности голотурий (Holothuria), вареные, копченые — большое лакомство китайцев.

** Туземцы называют этот островок также «Анра», но чаще «Андра».

Дети особенно волновались, перебегали от одной группы к другой, и можно было расслышать их крики и хохот. Женщины стояли и сидели поодаль, около хижины. Вся обстановка доказывала, что приход европейского судна сделался и здесь явлением не необыкновенным. Мой хороший бинокль позволял мне разглядывать все подробности, узнавать хижины, осматривать разнообразные группы туземцев, следить за движениями людей. Наконец, две небольшие пироги стали медленно приближаться к шкуне, рекогносцируя ее. По разговору и по жестам можно было заметить, что никто на пирогах не узнает шкуны (которая никогда не бывала еще здесь), что туземцы не видят на ней ни одного знакомого лица (я был единственным человеком, которого они могли бы узнать). Между приближающимися я и сам не мог признать ни одной знакомой физиономии.

Неожиданно раздавшийся возглас «Макрай!»* убедил меня, что нашелся один из туземцев, узнавший меня. Между людьми на пирогах завязался оживленный разговор, в котором мое имя часто слышалось. Результатом разговора было то, что туземцы один за другим влезли на трап, а затем на палубу. Все они окружили меня, протягивая руки, глядя по плечу и спине и т. д., повторяя мое имя с прибавлением «уян», «уян» (хороший, хороший!) и «кавас», «кавас!» (друг, друг!). Особенно суетился туземец, который первый узнал меня. Это был небольшой человек лет 40, с очень подвижной и хитрою физиономиею, его звали Кохем, что он мне сам объявил, ударяя себя по груди. Он убеждал меня сейчас же съехать на берег и, нагнув голову набок и приложив руку к щеке, показывал, чтобы я отправился ночевать в деревню. При помощи небольшого лексикона диалекта этого островка, составленного мною еще в 1877 г.^{11*}, мне удалось объяснить Кохему и его товарищам, что капитан пришел сюда за «бечтема», как они называют трепанг**, за «поэсю» (жемчужными раковинами), за «писпоне» (черепахой) и что если всего этого найдется много, то «роль» (судно вообще) останется здесь долго и что им будут даны большие и маленькие «самель» (железо, нож), «палюсь» (красная бумажная материя), «буаяб» (стеклянный бисер). Моя речь произвела большой эффект и прерывалась только словами «уян» (хорошо), «ксанга» (много), «кавас, кавас» (друг, друг).

Уверения туземцев, что всего много, и трепанга и перламутра, очень понравились шкиперу, который просил меня сказать туземцам, чтобы на другой же день с раннего утра они стали привозить трепанг и жемчужные раковины на шкуну. Покончив эти переговоры, я съехал

* На островах Адмиралтейства туземцы никак не могли выговорить «Маклай», а называли меня «Макрай» или иногда «Макай».

** Бечтема — не что иное, как искаженное название «bêche de mer», или трепанг.

с Кохемом и другими туземцами на берег и был встречен толпою мальчиков и девочек, которые все кричали: кто кричал «Макрай», кто — «уян», кто протягивал уже руку и орал «буаяб, буаяб» (бисер, бисер!). На берегу я узнал действительно несколько туземцев, с которыми часто был в сношениях в 1877 г.^{12*}

Я отправился по знакомой тропинке вдоль берега и осмотрел всю деревню, которая показалась мне на этот раз меньше, чем при первом моем посещении в 1877 г.^{12*} И людей как-то показалось мне меньше. Сев у одного из «ум-камаль»* (общественная хижина для мужчин) и указав жестом моей немалочисленной свите также присесть, я достал опять мою записную книгу 1877 г.^{12*} и стал читать громко записанные в ней имена жителей деревни. Эффект был изумительный, все вскочили и стали орать: «Макрай, уян! уян! уян!» Когда они поуспокоились, я снова стал называть имена; некоторые отзывались, но некоторые отвечали «римат» (умер), иногда прибавляли «салаяу» (неприятель), что означало, вероятно, что человек был убит неприятелями. При некоторых именах окружавшие меня туземцы прибавляли имя какой-нибудь деревни, что означало, вероятно, что названный субъект ушел туда-то.

Одним словом, туземцы скоро почувствовали, что нашли во мне старого знакомого, который немного понимает их, интересуется ими и не думает причинить им какой-либо вред или обмануть их при торге, которым, как они скоро убедились, я не занимался. Я роздал взятый с собой бисер женщинам и детям; каждая или каждый подходили ко мне с листиком с ближайшего куста, на который я отсыпал понемногу «буаяб», находившийся у меня в небольшой склянке. Физиономию, украшения, одежду подходящего я внимательно осматривал, а затем записывал его имя, прибавляя для памяти какую-нибудь особенность физиономии или телосложения, чтобы потом узнать его. Тем из детей, которых физиономия, расторопность или услужливость мне более нравились, я повязывал поверх обыкновенно носимого туземцами выше локтя плетеного браслета^{13*} по ленточке красной материи, которою дети остались очень довольны, ставшей предметом зависти остальных.

Солнце уже зашло и начало темнеть, когда я вернулся на шкуну.

22 августа. С самого рассвета торг с туземцами на шкуне начался. Когда часам к шести я вышел на палубу, то увидел кучи трепанга разного рода, а также груды жемчужных раковин, которые туземцы в это утро уже успели собрать на рифах. Была низкая вода, и рифы чернели на далеком расстоянии в море, на них копошились женщины и дети, собирая всякую всячину: трепанг и жемчужные раковины для продажи, разных моллюсков и маленьких рыбков для собственного стола.

* «Ум» — хижина, «камаль» — мужчина.

Мужчины в пирогах переезжали от рифа к шкуне, сдавая свой груз и получая взамен «самель» (обручное железо). Картина была оживленная и интересная.

Я остался на палубе и следил за окружающим. Несколько более ленивых туземцев или таких, за которых работали их жены или сыновья, выехали в пирогах, наполненных разными вещами, которые предлагали купить. На пирогах этих можно было видеть разного рода копья, большие «пуенкай» (деревянные блюда), сети для ловли рыб, глиняные горшки, так называемые «кур» (непромокаемые корзины), разного рода украшения, носимые туземцами, и т. п.

Я обратил особенное внимание на горшки, которые были тщательно сделаны и орнаментированы, всех их, хотя и разной величины, можно было подвести под две формы. Одни — с одним отверстием и с немногими украшениями — для варки, другие — с двумя отверстиями и с орнаментом вокруг них — для пресной воды. Обе формы имели круглое дно. Я приобрел один с двумя отверстиями. Орнамент состоял из рядов продолговатых выемок (сделанных, вероятно, небольшою заостренной палочкой), расположенных совершенно подобным образом, как татуировка женщин. Туземец, у которого я купил горшок, объяснил мне, что горшки делаются женщинами на большом острове, что в одно отверстие вливают воду, а через другое наливают* воду в рот. Другая вещь, замеченная мною, был кинжал с двумя лезвиями, сделанными из игл большого ската**. Иглы эти, очень острые, снабженные по краям в виде пилы загнутыми вниз острыми прибавками, представляют при своей ломкости очень опасное оружие. Всаженные в незащищенное одеждой тело туземца и почти наверное ломаясь в ране, они могут причинить почти неминуемую смерть раненому. Деревянная ручка этого кинжала представляла примитивно вырезанную человеческую фигуру.

Кучи трепанга между тем росли на палубе, и шкипер В. потирал себе руки, так как большая часть привезенного трепанга оказалась очень хорошего достоинства***, тонна которого китайцами, даже и в Куктауне (в северном Квинсланде), оплачивается более чем 100 фунтами стерлингов. Шкипер платил за трепанг здесь кусками обручного железа (так называемого *ironhoor* у англичан). Он сказал мне, что се-

* Здесь, как на многих островах Меланезии, воду вливают в рот, так что губы не касаются сосуда с водой (горшка, бамбука, скорлупы кокосового ореха и т. п.).

** Скот этот описан г. Вильямом Маклей и мною под именем *Miliabatis punctatus* Mcl. в 3-й части <статьи> *N. de Micloucho-Maclay and William Macleay. Plagiostomata of the Pacific* // *Proceedings of the Linnean Society of New South Wales*. Vol. X, Pt. 4. Sydney, 1886.

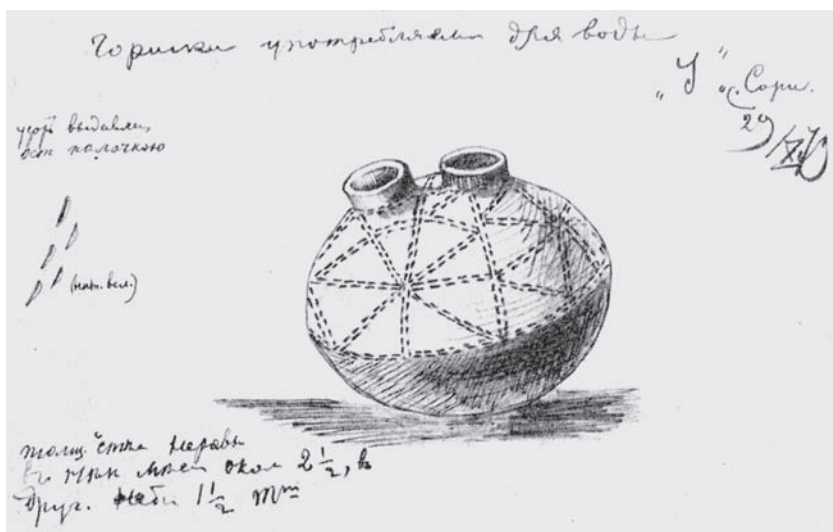
*** Это был так называемый «black till-fish» английских тредоров.

годня еще приступит к сооружению «smoke house»* на палубе и что не уйдет отсюда, не выловив весь трепанг на рифах кругом.

Позавтракав и взяв с собою койку и записную книгу, я отправился на берег. От крика и шума на шкуне у меня разболелась голова, так что, съехав на берег и выбрав подходящее большое дерево недалеко от хижин туземцев, я был очень рад подвесить мою койку и, растянувшись на ней, отдохнуть. Как только я вышел на берег, ко мне навстречу прибежали трое из отмеченных мною вчера вечером красными ленточками детей; другие работали, вероятно, на рифе. Эти трое были: мальчик Качу и две девочки — Пинрас и Аса. Качу, лет тринадцати, имел энергическую и интеллигентную физиономию; Пинрас, лет 12 или 13, могла назваться недурненькою девочкою даже в европейском смысле; Аса — веселая, подвижная и очень услужливая девчонка, лет 9, не более. Они оставались весь день при мне, если же и уходили, то скоро возвращались и старались предупреждать малейшее мое желание. Качу очень ловко привязал койку к указанным сучьям большого Ficus'a и принес мне несколько молодых кокосовых орехов для питья. После шума и суеты на шкуне в тени громадных деревьев с красивой панорамой островов, моря и гор я положительно наслаждался отдыхом; но предаваться долго этой *dolce far niente*^{14*} оказалось нелегко, так как все окружающее было так интересно.

Сперва я обратил внимание на жилища туземцев. На о. Андра хижины расположены иным образом, чем на южном берегу большого острова и в деревнях на холмах северного берега. Они не стоят вокруг площадок, как там, а тянутся по сторонам тропинки, идущей параллельно песчаного берега моря, стоя иногда одиноко у тропинки, иногда группами в 3 или 4. Около дерева, под которым была подвешена моя койка, находились пять хижин, из которых одна представляла так называемый здесь «ум-камаль» или просто «камаль», т. е. большую хижину^{15*}, где мужчины проводят свободное время, едят, принимают гостей и т. п. Камаль служит также спальнею для неженатых мужчин

* Шкуна «Сади Ф. Каллер», как выше уже было сказано, была специально снаряжена для ловли трепанга. Для того чтобы избежать потери времени, сопряженной с постройкою так называемого «smoke house» на берегу, и не подвергаться опасности нападения со стороны туземцев, что нередко случается при таком предприятии, на палубе шкуны мог быть поставлен «smoke house», или «коптилка», как я его называл, состоящий из железного домика, или, вернее, большого железного ящика метров 7 в длину, такую же ширину и метра 3 вышины. В этом ящике были растянуты многочисленные полки из проволочных сетей, на которые клался разрезанный и вареный трепанг. Две большие печи с трубами, идущими внутрь «коптилки», топились днем и ночью, наполняли ее дымом и коптили трепанг, на что, однако ж, требовалось не менее трех дней. «Коптилка» могла вмещать около тонны трепанга.

Горшки для воды, употреблявшиеся на островах Андра и Корри

и для ночевки посетителей из других деревень*. Размеры смиренного камала: 9 м длины, 5 м ширины и почти 6 м вышины.

Остальные хижины, называемые просто «ум», были семейные хижины. Последние обыкновенно немного меньше, но гораздо ниже (не более 3 м вышины) первых, т. е. «камаль». Семейные хижины имели четырехугольную форму с небольшим двориком, так называемым «сарри», обнесенным высокою изгородью перед входом. Кроме высоких нар, на которые садятся мужчины во время еды, на двориках находится очаг, состоящий из трех специально для этой цели выбранных камней, между которыми разводится огонь и ставятся горшки. Дворики главным образом устроены, чтобы избежать при домашней работе, еде, отдыхе и т. п. назойливости свиней, которых немало бегает в деревне. Крыши обоего рода хижин (т. е. ум-камаль и простых ум) спускаются чуть не до земли, так что боковых стен почти не видно с внешней стороны хижины. Двери ум-камаль сравнительно с дверью семейных хижин широки и часто украшены рядами белых раковин (*Ovula ovum*^{16*}), деревянными фигурами по сторонам входа или резными столбиками.

* Подобные общественные хижины, преимущественно для одних мужчин, находятся, как известно, почти на всех островах Меланезии; их часто путешественники, малознакомые с жизнью туземцев, принимали и описывали как «храмы», что не выдерживает критики⁶.

У хижин сидело несколько старух и детей; меновая торговля отвлекла к шкуне и на риф всех мужчин и многих женщин.

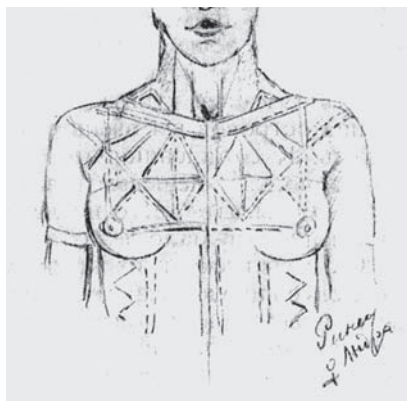
Ежедневная жизнь туземцев здесь, вследствие нередких посещений европейских судов, потеряла уже ту первобытность и отчасти монотонность, которые мне так нравились на Берегу Маклая, куда, как я сам испытал, по 28 месяцев, а иногда еще реже не заходит судов*. Спокойная жизнь туземцев при приходе торговых судов сменяется лихорадочною работою, каждый старается наловить больше трепанга, жемчужных раковин и т. п. Стимулами деятельности являются пока лишний наперсток (употребляемый как мера) бисера, лишний кусок обручного железа, лишний кусок красной бумажной материи и т. п. Туземцы удовлетворяются еще этим, но скоро они станут требовать ножей, стальных топоров, а затем пожелаю и ружей, пороха и т. д. Новые требования и стремление к наживе упрочат, разумеется, торговые сношения с европейцами, которые не замедлят познакомить туземцев с табаком, спиртными напитками и т. д. До сих пор еще ни то, ни другое не вошло в употребление на островах Адмиралтейства, несмотря на то, что разным шкиперам очень хотелось научить туземцев курить, так как выменивать на табак произведения островов им очень выгодно, но попытки эти им еще не удались. К сожалению, это, однако же, только дело времени. Табак и водка — дешевые товары, которые европейцам слишком выгодно сбывать**. Что последние губят туземцев — для шкиперов и торгашей мало дела.

Возгласы нескольких женщин, которым их мужья или сыновья привезли со шкуны значительное количество бисера, прервали мои размышления о взаимодействии рас в Тихом океане. Большинство женщин занялось нанизыванием бисера, только одной из них не досталось ничего. Так как она была татуирована и не казалась особенно пугливой, я послал мальчика Качу за ней: хотелось рассмотреть внимательно здешнюю татуировку и нарисовать портрет женщины. Несколько показан-

* Проф. Мозлей в приведенной брошюре («On the Inhabitants of the Admiralty Islands...») на с. 40 замечает, что нравы туземцев со времени посещения островов капитаном Картере (109 лет (тому назад)) и Д. Антраксто (84 года (тому назад)) почти что не изменились⁷. Это, может быть, было справедливо, но сношения с белыми последних лет не замедлили уже проявиться.

** Несомненный факт, что шкиперы некоторых судов, ежегодно торгующих на островах Западной Меланезии, где употребление спиртных напитков еще не очень распространено, даром угощают туземцев водкою, надеясь, что со временем, когда спиртные напитки войдут в употребление, их либеральность будет богато вознаграждена. Они назначают для раздачи водки туземцев, которые, прожив несколько лет с белыми, уже сделались пьяницами; такие люди очень красноречиво расхваливают действие водки, сами показывают пример, ловко соблазняют новичков попробовать и т. д.

ных стеклянных бус приманили ее к моей койке. Лицо, руки, грудь, живот, спина, верхняя часть ног ее были испещрены перекрещивающимися рядами (по два и по три) линий, состоящих из шрамов от небольших надрезов. Так как цвет кожи женщины (как и всех жителей островов Адмиралтейства вообще)* не был особенно светел, то татуировка была хорошо видна только в близком расстоянии и при особенном освещении. Общій эффект ее был далеко не такой замечательный, как татуировка наколами на островах Полинезии. Шрамы были от 4 до 6 мм длины и от 1 до 1/2 мм ширины. Кроме этих шрамов, расположенных линиями, на плечах этой женщины виднелось несколько плоских пятен, так называемых здесь «тунудун», произведенных прижиганием помощью небольших угольков, которые кладутся на кожу горящими и оставляются на ней, пока они не превратятся в пепел. <Так как> описывать расположение татуировки было бы и длинно и сложно, то я принялся рисовать портрет женщины, намереваясь особенно тщательно нарисовать именно татуировку. Исполнение этого желания, однако ж, не удалось. Послышался зов с приближавшейся пироги, и оригинал моего будущего рисунка вскочил и бросился к берегу.

Татуировка у Ринеу —
жительницы о. Андра

В пироге находился, как оказалось, муж этой женщины, вернувшийся из деревни с большого острова Адмиралтейства. Он привез с собою разные вещи, вероятно подарки приятелей, к которым он ездил, а также большое «поэку» (деревянное блюдо для кушанья) с вареным таро. Вид последнего и во мне возбудил аппетит, и я направился к группе, расположившейся около входа одной из хижин. Любезный муж, возвращаясь с хорошего завтрака, не забыл свою молодую жену. Он привез остатки съеденного им завтрака (или, может быть, ужина). Когда я подошел ближе, то увидел, что женщина держала большую кость в руках и зубами отрывала куски еще кое-где висевшего мяса. По форме кости мне легко было признать ее за верхнюю половину человеческого femur. Это был первый раз, что я увидел собственными глазами на островах

* Черновато-коричневый различных оттенков цвет кожи жителей островов Адмиралтейства соответствует основному тону № 50 таблицы Брока⁸, с оттенками, переходящими к № 43 и 28. Женщины и дети вообще светлее.

Адмиралтейства положительный пример людоедства*. Женщина, казалось, ела с большим аппетитом и передала, наконец, почти голую кость другой женщине, ее сестре, уже ожидавшей очереди поест мяса и не трогавшей большой кусок таро, который находился у нее в руке. Стоявший рядом ребенок, девочка лет трех, следила за старшими завистливыми глазенками. Через час времени приблизительно я заметил в руках этой маленькой девочки ту же, но уже совершенно очищенную кость. В поэку, между таро, находилось несколько кусков темного мяса, вероятно человеческого: они были слишком велики для кусков мяса кускуса и без всякого жира, чтобы оказаться мясом свиньи.

Не купив таро, я вернулся к своей койке, надеясь закончить начатый портрет. Хотя, как и утром, ко мне подошли несколько женщин и детей, но между ними татуированной женщины не было. У каждой из присутствующих было на теле и на лице по несколько татуированных фигур и линий, но сравнительно в очень незначительном количестве и малозаметных, так как женщины эти уже были пожилые и старые, почему имели кожу более темную и морщинистую. Видя, что я интересуюсь татуировкой, одна из них достала откуда-то кусок обсидиана и плоским камнем отбила несколько маленьких осколков. Выбрав один и заметя, что я внимательно слежу за нею, она вздумала показать мне свое искусство на одной из сидевших около нее девочек, которая, однако ж, убежала. Тогда я протянул ей мою руку и указал ей на место выше локтя. Она резнула меня несколько раз, что причинило весьма незначительную боль.

Операция эта была прервана очень шумною сценою, привлекавшей на себя общее внимание. Одна из девочек, лет шести или семи, воспользовавшись тем, что женщины обступили мою койку и очень заняты осмотром ее, разговорами, татуировкою и т. п., стянула из кокосовой скорлупы щепотку бисера, принадлежащего одной из старух и оставленного ею у порога хижины. Хотя похищение было сделано проворно и воровка быстро скрылась, но она все-таки была замечена одною из женщин, которая поспешила сообщить об этом собственнице оставленных «буаяб» (бисер). Девочка, между тем, спрятав украденное, как ни в чем не бывало приблизилась к нашей группе и стала с любопытством разглядывать меня и мои вещи.

Внезапно налетела на нее сзади разъяренная, рослая, худощавая старуха. Она держала в руке довольно длинную плоскую деревянную дощечку. Мигом свалила она девочку-воровку на землю, повернула ее спиною вверх и очень ловко подсунула тело ее под себя таким образом, что

* Проф. Мозлей, член экспедиции «Челленджера», говорит (Op. cit., p. 36), что не видел никаких признаков людоедства на островах Адмиралтейства⁹.

голова и руки девочки очутились сзади, а зад и ноги спереди старухи. Разогнувшись и переводя дух, последняя стиснула свою жертву между ногами. Старуха и девочка сперва молчали, как и все присутствующие. Выражение лица старухи было замечательно злое: рот с одной стороны, как раз над *dens caninis*, полуоткрыт, брови подняты, лоб весь в морщинах. Она заговорила что-то очень скоро, нагнувшись и откинув назад недлинную кисточку, которые болтаются у девочек сзади и составляют половину костюма их*, стала немилосердно бить свою жертву плоскою дощечкою. Девочка сперва взвизгнула раза два, а затем замолкла. Старуха, устав, снова выпрямилась, перевела дух, а затем, опять нагнувшись, продолжала экзекуцию, но на этот раз стала бить другую сторону тела. Девочка ежилась, болтала ногами, но не кричала. Причина этого стоицизма не характер девочки, а, вероятно, обстоятельство, что дощечка была плоская, гладкая и удары ее по мягким частям не могли быть очень чувствительны. Старуха, умаявшись, выпустила, наконец, свою жертву, которая не замедлила убежать; старуха же, оправившись немного, села и занялась серьезным рассматриванием моего столика, причем лицо ее приняло обычное, даже доброе выражение.

Я описал довольно подробно эту сцену, которая меня немало удивила, так как подобные экзекуции принадлежат к редким исключениям на островах Меланезии. Родители и вообще взрослые обращаются с замечательною мягкостью и добротою с детьми вообще и почти никогда их не наказывают. Я видел несколько раз, как вследствие шалости ребенка взрослый туземец иногда и попробует ударить (дети почти всегда оказываются замечательно проворными в этих случаях), но тем дело обыкновенно и ограничивалось и никогда не доходило до такой систематической экзекуции. Я даже в этом случае, по недостаточности знакомства с языком, не мог спросить, кто была старуха: мать или родственница воровки, или женщина, у которой был украден бисер.

Однако ж, несмотря на разнообразные наблюдения, голова у меня по-прежнему болела, и я по временам прикладывал руку ко лбу и закрывал глаза на несколько секунд. Это было замечено туземцами. Я мог понять, что они говорили обо мне и головной боли. В заключение разговора одна из женщин почти насильно подвела находившуюся вблизи Пинрас — девочку, о которой я уже упоминал. Убедившись, что при-

* Костюм девочек здесь состоит из небольшой и недлинной кисточки, растительных фибр, окрашенных обыкновенно в красный и желтый цвет горизонтальными полосами, которая подсовывается под пояс спереди и единственно закрывает *mons Veneris*, и другой, более длинной, но не более широкой, которая, подсунутая под пояс, болтается сзади между ногами. У взрослых женщин кисточки заменяются более или менее широкими фартуками из таких же фибр, один спереди, другой сзади. От носки цвет фартуков из красного делается грязно-коричневым.

ходится исполнить общее желание старших, последняя усердно принялась за дело, которое состояло в том, что, схватив обеими руками мою голову, Пинрас стала сжимать ее периодически изо всех сил. Я предоставил свою голову в полное ее распоряжение. Сдавливание перешло в растирание кожи головы двумя пальцами, причем массажистка надавливала растираемое место, насколько могла. Когда правая рука ее устала, она стала делать это и левой, причем я заметил, что сила пальцев левой руки ее не уступила силе правой. Ощущение было приятное: я при этом как бы перестал чувствовать боли, почему и не подумал о кокосовом масле и охре, которыми были смазаны ее руки. Когда Пинрас кончила, я насыпал, к ее большому удовольствию и великой зависти остальных женщин и девочек, полную пригоршню мелких бус из склянки. Несколько девочек стали предлагать мне массировать голову, причем я мог заметить, что ни одна из женщин, вероятно из страха перед мужем, не рискнула предложить мне свои услуги в этом отношении. Солнце уже садилось, и пироги одна за другой подходили и были быстро вытаскиваемы на отлогий песчаный берег.

Группа около моего бивуака изменилась в составе: все женщины исчезли и вместо них расположились мужчины. Они громко болтали, жевали бетель и показывали друг другу разные вещи, которые получили в обмен за произведения рифов. То были куски обручного железа различной длины, большие и малые ножи (так называемые *butcher knife*) английских фабрик, бусы, бисер и красные бумажные материи (так называемые *turkey-red*)*. У одного туземца нашелся кусок витого американского табаку, о котором показавший его прочел остальным целую лекцию. Табак обошел^{17*} все руки, но никто не вздумал попробовать покурить.

Так как туземцы целый день были на работе, то имели на себе очень немного из обычных украшений, которые они носят на голове, в ушах, в носу, на шее, груди, руках, поясе и ногах. Оригинальный примитивный костюм здешних мужчин, состоящий *единственно из одной раковины***, носимый ими в пирогах, был заменен обыкновенным поясом (из приготовленной древесной коры), обхватывающим несколько раз талию и проходящим между ногами.

Отсутствие характеристичных для этой местности специальных украшений облегчало сравнение их с другими разновидностями папуасского племени. Я и сегодня, смотря на них, пришел к результату, записанному при первой моей встрече (в 1876 г.) с жителями этих остро-

* Эта жиденькая материя, если не ошибаюсь, специально делаемая для торговли с темными расами Африки, Азии и островов Тихого океана, кроме своей непрочности, очень быстро линяет от солнца и воды. Туземцы ее все менее и менее ценят.

** Носимой ими *ut tegimen glandis mentulae*¹⁰.

вов и который я сообщил в свое время в письме имп. Географическому обществу* в следующих словах: «...Я старался только уловить *общий тип*. Чем более я всматривался, тем менее мне казалось естественным не считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и острова Адмиралтейства (южного берега) чем-либо иным, как *географическими разновидностями одного племени*».

Следя за разговором туземцев, которых я понимал только отчасти, я старался пополнить и проверить небольшой словарь здешнего диалекта, записанный в 1877 г.^{18*} Мне удалось записать несколько новых слов и, между прочим, уловить очень важное для меня выражение «ланган-се?» (как зовут), представляющее ключ ко многим другим, как я не раз имел случай убедиться, изучая какой-нибудь новый для меня туземный язык.

Пинрас, благодарная за полученный от меня бисер, не отходила от койки и следила за выражением моего лица, стараясь предупредить мое желание. Этот пристальный взгляд девочки не понравился ее отцу, который сказал ей что-то, заставившее ее удалиться. Уходя, она несколько раз оглядывалась, вероятно досадуя, что приходится послушаться. Мне жаль было вернуться снова на шкуну, но у меня не было ничего теплого с собою, а я боялся сырости и холода ночи на берегу; к тому же на другой день я собирался посетить большой остров, что было удобнее предпринять со шкуны.

Шкипер В., завидя мое приближение к шкуне, поспешил встретить меня у трапа, чтобы крепко пожать мне руку за то, что я привел его сюда, — так доволен был он результатом дня. Торг, как он мне объявил, шел без перерыва весь день, и, несмотря на многочисленный экипаж шкуны (более сорока человек), не хватало рук, чтобы забирать привозимые трепанг и раковины. Столяр с двумя помощниками почти что окончили сооружение «*smoke house*», который шкипер хочет затопить завтра же.

23 августа. Намереваясь взять на берег фотографический аппарат, мне необходимо было иметь с собой кого-нибудь, который понимал бы, что некоторые вещи европейцев очень ломки и нести их надо с большою осторожностью. Все мое знание туземного языка было бы недостаточно, чтобы объяснить это обстоятельство моим знакомцам (с) о. Андры; к тому же все туземцы были заняты торгом, ловлею и т. п. Я попросил шкипера В. позволить одному из людей его шкуны отправиться со мною, на что, по нашему уговору, я имел право. Он предложил мне выбрать, кого захочу. Я сказал матросу Стиву, туземцу

* Известия ИРГО за 1878 г. в статье моей: «Очерки из путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию. Острова Адмиралтейства» (см. наст. том, с. 109).

Австралии, что он должен отправиться со мною на берег. Я его выбрал, так как он хорошо понимал английский язык и очень порядочно говорил на нем. Стив сперва согласился, но, когда я вынес вещи мои из каюты, он попросил меня под предлогом нездоровья (просто струсил) взять кого-нибудь другого. Я заменил его туземцем о. Лифу (из группы Лояльти) по имени Джо, веселым и нетрусливым малым, который хотя и говорил по-английски, но очень плохо и, побывав на Новой Каледонии, так же коверкал и французский, но все-таки понимал оба языка достаточно, чтобы исполнить мои приказания. Не без разговоров и уговоров разного рода удалось мне найти туземную пирогу, чтобы перевезти меня на большой остров, так как почти все пироги около судна были заняты оживленным торгом или перевозкой трепанга с рифа на шкуну.

Сегодня между предметами торгова фигурировала также молодая женщина, сидевшая в одной из пирог. Ее усердно предлагал мужчина средних лет, весьма, может быть, ее же муж или брат, европейским тредорам, стоявшим у борта и платившим за привозимый трепанг. Между тем как муж или брат на палубе при помощи очень характерной пантомимы* предлагал свой товар, женщина, сидя в пироге как ни в чем не бывало, изредка улыбаясь, жевала «э-пате», красную землю, которую туземцы здесь едят**.

Перенесши осторожно камеру и другие принадлежности фотографического аппарата в пирогу, мы отправились в Пургасси, одну из ближайших деревень на берегу большого острова. Джо выпросил у шкипера револьвер, который он гордо прицепил к поясу. Я сперва не хотел позволить ему брать револьвер с собою, так как знал, что он стрелять не умеет, но, когда он заявил, что револьвер не заряжен и патронов у него нет, не захотел лишать его удовольствия носить безвредное оружие только для вида.

Мы причалили к роду пристани в глубине небольшой бухточки. В этом месте выдвигались из земли несколько поднятых коралловых глыб, почти что закрытых песком. По обеим сторонам мыска или пристани этой росли мангровы. Один из туземцев Андры, бывший на пироге, пожелал отправиться со мною, от чего я не отказался, так как

* Пантомима эта была: *Dum ex digitis dextrac unum in pugnum sinistrae interponebat et in eo vario modo agitabat* (*Вставляя один из пальцев правой руки в кулак левой и двигая им там различным образом (лат.)*)

** Об этом странном обыкновении наполнять желудок глиною, которое было замечено мною во время первого посещения островов Адмиралтейства в 1876 г., я сообщал Географическому обществу (Op. cit., с. 12), и химический анализ «э-пате», сделанный по моей просьбе доктором Кретье (D-r Cretier) в Батавии, был напечатан им в «*Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië*». Deel XXXVII. 1877. P. 70, 71.

при большом числе тропинок я мог бы попасть далеко в лес и, пожалуй, не найти деревни, которая, как я убедился при помощи бинокля со шкуны, находилась на холмике. О присутствии ее со шкуны можно было догадаться единственно по верхушкам кокосовых и арековых пальм. Собрав все вещи, я отпустил пирогу и в сопровождении Джо и туземца из Андры направился по тропинке, около которой, кроме других деревьев, росло немало саговых* пальм; далее, взбираясь на холм, растительность была разнообразнее**, тем более что повсюду можно было заметить влияние человека. Кроме хлебного дерева, кокосовых и арековых пальм, виднелись кусты китайской розы (*Hibiscus Rosae Siniensis*) с цветами разных оттенков, разных видов *Codium* с пестрыми листьями, возвышались красивые верхушки с красноватыми узкими листьями *Colodracon*; это были все растения, листьями которых туземцы любят украшать себя.

Когда увиделись первые крыши, я был удивлен тишиною в деревне, кроме крика нескольких птиц, не слышно было ничего: ни голоса мужчин, ни перебранок женщин, ни крика и визга детей. Войдя на площадку деревни с несколькими хижинами вокруг, над которыми качались ветки кокосовых пальм, мы действительно не увидели никого, кроме очень тощей, высоконогой свиньи, которая, хрюкая, убежала, и черной собачонки с белыми пятнами, с сердитым визгом последовавшей за первой. Я направился по узкому проходу между густою растительностью ко второй площадке. Из-за одной хижины выскочило двуногое существо (не знал тогда — мужчина или женщина), весьма странно упакованное в циновку таким образом, что, кроме ног ниже колен, тела не было видно. В профиль этот курьезный субъект имел вид прямоугольника из циновки на двух ногах. Оно быстро пробежало через площадку и скрылось за одной из хижин в лес***. Несколько кур, очень маленьких, взлетели на крыши хижин и ближайшие деревья, когда мой спутник из Андры начал во все горло сзывать жителей деревни. Ни собак, ни кур я не видал на островке Андры, в присутствии которых на островах Адмиралтейства я не сомневался, так как видел не раз

* Саго, кокосовые орехи и таро представляют три главных растительных продукта, употребляемых в пищу здешними туземцами. Приготовление саго совершенно такое, как в Новой Гвинее.

** На малоизвестную флору островов Адмиралтейства было обращено особенное внимание проф. Мозлея во время стоянки «Челленджера» в Nares Harbour, и результат его наблюдений напечатан им в отдельной статье: *Moseley H. N. Notes on Plants Collected and Observed at the Admiralty Islands, March 3 to 10, 1875 // The Journal of the Linnean Society. Botany. Vol. 15. London, 1877. P. 73—82.*

*** Я узнал впоследствии, что таким образом должны здесь одеваться девушки при появлении первых признаков половой зрелости и женщины, недавно родившие.

собачьи клыки в ожерельях, а петушиные перья — на гребнях туземцев. Отсутствием жителей я воспользовался, чтобы снять вид площадки с просторным ум-камаль на первом плане*. На зов послышались в ответ отклики, и скоро появилось несколько мужчин, очень смущенных, как мне показалось, моим присутствием в их деревне. Розданные бусы, куски железа привели их в нормальное и даже веселое настроение.

Я пожелал осмотреть камаль, в который из деликатности гостя не хотел войти без приглашения или по крайней мере во время отсутствия хозяев. Я скоро убедился, что не могу понимать здешних людей, так как диалект их не похож на диалект жителей островка Андры. Камаль здесь вообще ничем не отличался от подобных построек в деревне Андры; крыша его спускалась по сторонам до земли, вход был спереди, хотя низкий (нельзя было войти, не нагибаясь), но довольно просторный. Войдя в камаль, надо было обождать несколько секунд, чтобы примениться к свету, так как свет проникал единственно через двери. Когда я мог разобрать окружающее, то, кроме длинных нар, увидел несколько «мраль» (большие деревянные барабаны), два или три «кеду»** и довольно разнообразную коллекцию вещей, подвешенных под крышу или лежащих на полках вдоль стен; она состояла из деревянных блюд различной величины, горшков, копий различной формы и длины и т. п. На веревочке были нанизаны несколько небольших черепов, и «они» висели гирляндами между почерневшими от дыма стропилами. Эти черепа, тоже коричневые от дыма, некоторые совсем черные, оказались при осмотре черепами кускуса (Cuscus), вида, не отличающегося от новогвинейского. В углу были также и человеческие черепа, но поломанные и очень черные, при виде которых мне вспомнился виденный вчера пример людоедства. Я выбрал один из черепов кускуса для более тщательного осмотра, человеческие же оставил: они были поломаны, а главное, потому, что о происхождении их при моем незнакомстве с языком я не мог бы убедиться.

Так как никто из жителей деревни не приходил, то я ограничился еще осмотром одной из семейных хижин. В ней не оказалось ничего замечательного, кроме очень большого блюда, почти 1 м в диаметре, но с поломанною ручкою. Выходя из хижины, я заметил под навесом, перед дверью ее, продолговатые пространства, покрытые старою циновкой, на

* К сожалению, этот негатив, как и многие другие, сделанные во время этого путешествия, был привезен испорченным в Австралию. Продолжительность ли сохранения (более года), проникнувший ли свет, но все негативы одного ящика прибыли в Сидней, покрытые белую пеленою, т. е. никуда не годными.

** Кеду — род небольшой широкой низкой скамейки, на которой может поместиться только один человек. Такой образец примитивной, но довольно удобной мебели был виден мною только на островах Адмиралтейства.

которой лежало по углам несколько камней. Почему-то я подумал, что это, должно быть, могила, но расспросить туземцев не умел*. Другой тропинкою, чем которою пришли, мы спустились к морю, где, однако ж, пироги из Андры не оказалось. Пришлось ждать, пока мои новые знакомые снарядили другую, и на ней я добрался до шкуны, где меня встретил чад «коптки», хохот, прерываемый бранью подгулявших тредоров, крики туземцев и т. п. Собрав несколько вещей: койку, складной стол и скамейку, ружье, одеяло, консервы, медный чайник и небольшую корзину с необходимою посудой и т. п., — я поспешил убраться от этого гама на островок Андру. Там я расположился довольно удобно, заняв половину ум-камаля. Пользуясь лучами заходившего солнца, я вскипятил еще воду и приготовил себе чай; эта операция заинтересовала в высшей степени туземцев, с удивлением смотревших, как «Макрай ест горячую воду». Я не раз замечал, что даже теплая вода кажется туземцам горячею, и они делают вид, что обожглись, дотронувшись до нее.

Белые тредоры со шкуны приехали поздно вечером и сообщили мне, что шкипер В., которого я не видал, отправляясь на берег, крайне беспокоится о моей безопасности на берегу и просит непременно вернуться на шкуну. Уходя в сопровождении одного туземца, с очень таинственным видом они прибавили, что вернутся через час и что надеются найти меня готовым отправиться ночевать на шкуну. Я отвечал, чтобы они не беспокоились, что я сейчас лягу спать и прошу меня не будить, когда вернутся к шлюпке.

24 августа. Первую половину ночи я проспал хорошо в койке, подвешенной мною в хижине. К утру же говор и шум туземцев, которые собирались на риф, пробудили меня рано, но я не захотел подняться и заснул снова, как только пироги ушли. Когда я проснулся во второй раз, солнце уже стояло высоко. Я вздумал выкупаться в море. Надев купленные в Макассаре (на о. Целебес) малайские штаны (очень похожие на общеевропейский костюм мужчин-купальщиков), я вышел на берег и, объяснив туземцам, что мне нужно будет много «ва» (пресной воды), обещав им за нее «буаяб» (бисер), вошел в воду. Так как я не умею плавать, то мне пришлось быть весьма осторожным, чтобы не попасть в какую-нибудь яму; но берег был отлог и вода очень прозрачна. С большим удовольствием пробыл я минут 10 или 15 в воде и нехотя вышел на берег, заметив, что целая вереница женщин и детей с раковинами**, наполненными пресною водою, ожидают меня. Я показал, чтобы принесшие воду, одна за другой, выливали ее мне на голову,

* Через несколько дней пришлось убедиться, что мое предположение было верно.

** Большие раковины из рода *Cassis* с ручкою из плетеного ротанга употребляются здесь как ведра для переноски воды.

плечи, грудь, спину и т. д. Эта процедура очень рассмешила женщин. Они, смеясь, исполнили мое желание и, вероятно, остались довольны, так как я наделил всех щедро бисером.

Выпив кофе, я поспешил отправиться на охоту; убил только двух голубей. Будь не так поздно, моя добыча была бы значительнее, потому что голуби, переночевав на островах, улетают скоро по восходе солнца на большой остров и возвращаются оттуда к заходу солнца. Один из убитых голубей — *Caloenas nicobarica*. Вернувшись в деревню, я встретил там тредоров. Оба имели раздосадованный вид; один из них признался мне, что их вчерашние ночные похождения окончились очень плачевно, в чем, однако ж, они убедились только утром, увидя разные украшения не на молодых девушках или женщинах, а на 50-летних старухах, которые сегодня при встрече им сладко улыбались. «Как же такая ошибка могла случиться?» — спросил я. — «Да в хижинах было совершенно темно, и потом мы очень спешили», — ответил он с досадою. Я посоветовал ему в другой раз запастись спичками.

Один из белых, хороший гимнаст, предложил туземцам скаканье через веревочку со сжатыми ногами; он сам начал и действительно очень отличился; за ним последовали некоторые из матросов, туземцев о. Лифу, приехавшие с тредорами со шкуны. Двое из них скакали также очень хорошо, как не удалось ни одному из жителей Андры; трое или четверо даже свалились, задев ногами за веревку. Тредоры меня снова стали уговаривать не ночевать на берегу, говорили об опасениях шкипера, так что я счел нужным написать последнему записку, чтобы успокоить и вместе с тем напомнить ему один из параграфов нашего обоюдного уговора*. Передавая записку одному из тредоров, я попросил его сказать шкиперу, чтобы он спал спокойно, что со мною на берегу ничего не случится, разумеется, если и он на шкуне ничего не сделает ни одному из жителей Андры. Посланный мною в деревню Суоу на большом острове Кохем вернулся с известием, что Ахмат, матрос-малаец, о котором я выше упоминал, находится в другой деревне, дальше внутри страны, но что жители Суоу передадут Ахмату мое желание видеть его.

25 августа. Моя записка не только, кажется, ободрила и успокоила шкипера, но навела его на мысль устроить второй «smoke house» на бере-

* Параграф 4-й письменного документа, подписанного шкипером В. перед нашим отплытием из Сиднея, был следующий: «В случае, если г. Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обещает не делать никаких насилий относительно туземцев под предлогом «наказания» (will not permit himself to employ any kind of violence against the aborigines by way of punishment). Причины, почему я сделал этот пункт одним из параграфов условия, изложены мною в письме имп. Географическому обществу (см. «Известия ИРГО», т. XVI, с. 429) (См. наст. том, с. 250).

гу, так как железная коптилка на шкуне была совершенно переполнена, а количество трепанга, которое каждый день доставлялось на шкуну, не убавлялось. Он прислал одного из тредоров нанять хижину на берегу, которую он полагал возможным, закупорив все отверстия и скважины, приспособить к копчению трепанга. Хижина, которую туземцы согласились предоставить для этой цели, была именно ум-камаль, в которой я помещался. Заметив, что предложение шкипера нравится туземцам, я со своей стороны не хотел делать затруднений, почему сейчас же стал приискывать себе другое помещение. Кохем был очень рад предложить мне свою хижину, и найдя ее только немногим меньше, чем ум-камаль, я распорядился, чтобы перенести мои вещи в новое помещение. В одном отношении хижина Кохема была удобнее ум-камаль, так как, будучи частной собственностью, меня не могли так часто беспокоить разные посетители, которых из ум-камаль — хижины, назначенной для всех мужчин деревни вообще, я не считал себя вправе выпроваживать без дальнейших церемоний. Устройство моего нового помещения заняло несколько часов, так как хижину пришлось фундаментально вычистить: обмести паутину и толстый слой копоти под крышею и по стенам, вымыть нары и т. п. Перенесенные из ум-камаль мои вещи я расположил довольно удобно. Повесив фонарь-лампу над столом, (я) имел по вечерам достаточно света, чтобы писать дневник.

Очень устав, намеревался лечь спать рано, и в 8 часов я забаррикадировал входную дверь досками, назначенными для этой цели, и циновкою из панданусовых листьев, чтобы предупредить подсматривание. Полураздетый, лежа уже в койке, но еще не потушив^{19*} лампы, я был удивлен внезапным появлением около задней стены весьма пожилой женщины, которая что-то бормотала и странно поглядывала на меня. Простой знак рукой был достаточен, чтобы выпроводить ее. Она исчезла так же тихо, как и пришла. Я вспомнил тогда, что, кроме передней главной двери, хижина имела небольшую заднюю дверь, через которую старуха проникла в хижину. Мне так хотелось спать, что я не счел нужным вылезти из койки и как-нибудь запереть ее. Скоро задремав, сквозь сон я услышал снова шорох, но не сразу открыл глаза. Движение, сопровождаемое скрипом и какими-то вздохами, заставило меня, однако же, очнуться. На нарах на чистой циновке лежала женщина лет двадцати и притворялась спящею. Нужно было подняться, так как она не откликнулась, и разбудить ее, чтобы выпроводить; но на этот раз мне не так легко было избавиться от второй посетительницы, как от первой. Она хихикала, не хотела идти, указывая на койку, чтобы я лег, делая знаки, что сама ляжет на нары. Пришлось почти силой ее вытолкать. Когда она, наконец, убралась, и, пока я сидел еще у стола, записывая эти строки, появилась еще третья. Это была девочка лет

десяти, которая пришла сюда, вероятно, по приказанию папаши или мамыши, а не по своей воле, так как, войдя, она остановилась у стены, потупилась, молчала и боялась, кажется, двинуться, но сейчас же улизнула, как только я указал рукой на дверь. В деревне было очень тихо, и я остаюсь под сомнением, были ли эти непрошенные визиты делом моего хозяина Кохема или нет. В ум-камале, куда не допускаются женщины, таких оказий со мною не случилось*.

26 августа. Встал рано, чтобы отправиться на охоту; убив несколько голубей (*Carpophaga oceanica*) и желая сократить путь в деревню, я пробирался по заросшей тропе, которая, по моему расчету, должна была прямо привести меня к морскому берегу. Я вышел действительно к берегу, но довольно далеко от деревни. Озираясь кругом, местность, в которую я попал, показалась мне знакомою. Я мало-помалу убедился, что в 1876 г. я не раз бывал здесь, узнал не только дерево, но и сучья, к которым я привязывал тогда мою койку. Недалеко от этого дерева строился тогда домик для тредора, который был оставлен здесь шкуною «Sea Bird» в 1876 г.** Я поспешил в этом убедиться и, пройдя несколько шагов, увидел действительно развалины хижины, несколько свай и остатки крыши, лежавшей на провалившемся полу. Обрубки стволов доказывали, что место было когда-то расчищено, но зеленющие молодые побеги от них свидетельствовали в то же время, что прошло достаточно времени с тех пор, как место это было покинуто. Расположившись удобно на срубленном пне, весь эпизод знакомства моего с ирландцем О'Харою, его высадка и поселение в этой построенной для него туземцами хижине, а затем печальный конец его предприятия ясно представились моей памяти.

Так как история поселения этого первого европейского пионера-колониста на островах Адмиралтейства довольно характеристична для местности и туземцев, то я нахожу подходящим рассказать здесь приключения бедного О'Хара. Этот человек родом ирландец, получивший в Европе, сперва в Англии, потом где-то на Рейне, а затем во Флоренции, очень порядочное образование, был сперва, если не ошибаюсь, учителем где-то в Индии, занимал потом какую-то должность в колонии ссыльных на Андаманских островах, был одно время главным сотрудником, чуть ли не редактором английской газеты в Пуло-Пинанге. Попав, наконец, в Сингапур, он вошел там в сношения с торговою фирмою Ш.,¹² которая вела меновую торговлю на островах Тихого океана.

* Я убедился потом, что эти ночные визиты женщин находятся в связи с туземными обычаями¹¹.

** См. мое письмо об островах Адмиралтейства в «Известиях ИРГО», т. XIV (См. наст. том, с. 138).

Ему вздумалось попытать счастья на островах, куда он согласился отправиться в качестве «агента» или «тредора» для меновой торговли с туземцами. Чтобы пополнить число агентов своих на островах Тихого океана, фирма эта отправила в 1876 г. на острова Меланезии четырех тредоров на английской шкуне «Sea Bird», нанятой для этой цели. Двое из них должны были быть высажены на островах Адмиралтейства, один тредор — в группе Луб, а четвертый должен был быть оставлен на островах Каниес, или Каниет.

Итальянец С. Пальди и ирландец О'Хара были назначены поселиться на островах Адмиралтейства. Они были, как и я, пассажирами на шкуне «Sea Bird», и я был знаком с ними в продолжение трех или четырех месяцев, т. е. во все время перехода от Явы до островов Адмиралтейства. Пальди был оставлен в июне 1876 г. в деревне Пуби, на южном берегу большого острова; О'Хара остался на островке Андра. Оба они как люди образованные обещали мне собрать значительный материал по этнологии местностей, в которых остались. Я передал обоим по короткой инструкции и по списку дезидерат^{20*} по антропологии и этнологии, на которые я желал иметь ответы. Ни одного, однако ж, мне не пришлось более видеть: Пальди был убит туземцами, а о судьбе О'Хара я узнал случайно при моем возвращении с Берега Маклая в 1877 г. от лица, которое встретилось с ним около года спустя после того, как он поселился на островке Андра.

Этот человек был тогда пассажиром на небольшом кутере «Рабеа» под американским флагом. Приблизившись к о. Андра, но не желая бросить якорь, шкипер Х., много лет проводивший на островах Тихого океана, занялся меновой торговлей, которая шла очень успешно: множество пирог окружало кутер. Шкипер случайно обратил внимание на человека с очень светлой кожей, в изорванной шляпе, без рубашки, сидевшего в небольшой пироге и как будто не дерзавшего приблизиться к кутеру. Это последнее обстоятельство заинтриговало шкипера; он окликнул на английском языке проблематического незнакомца и, пригласив его на кутер, получил ответ, также по-английски, что он сделать этого не может, так как боится, что туземцы на пирогах не пропустят его к кутеру. Тогда шкипер поворотом руля (кутер лежал в дрейфе) и движением вперед очистил дорогу для пироги с незнакомцем. Когда последний приблизился, то этот человек был узнан многими на кутере: это был не кто иной, как О'Хара, но очень изменившийся. С величайшим трудом (его ноги оказались очень опухшими, и он сильно дрожал, вероятно, от возбуждения при встрече с европейцами) вылез из пироги на палубу. Костюм его состоял единственно из грубого холщового мешка, который обхватывал самым неуклюжим образом его талию, и из дырявой грязной соломенной шляпы. В нескольких словах рассказал он

шкиперу Х., что жители Андры, скоро после ухода шкуны «Sea Bird» угрожая ему смертью, забрали все товары для меновой торговли и все его личное имущество, как платье и белье, не оставив ему ничего, кроме старого мешка от риса и шляпы; что он уже много месяцев живет у одного старика-туземца, который, сжалившись над ним, дал ему угол в своей хижине, кормил его и при приближении кутера дал О'Хара свою пирогу, чтобы добраться до судна. О'Хара умолял шкипера отвезти его на южный берег большого острова Адмиралтейства, где он надеялся встретить Пальди. Так как шкиперу было почти что все равно, где торговать, то он согласился исполнить просьбу О'Хара и направился на восток, чтобы обогнуть восточную оконечность большого острова*.

II

«...Расспросы у туземцев об их обычаях, главным образом вследствие недостаточного знакомства с их языком и многих других причин, мало помогают, приводят к ошибкам или к воображаемому разрешению вопросов. Единственный надежный путь — *видеть все собственными глазами*, а затем, отдавая себе отчет о виденном, надо быть настороже, чтобы полную картину обычая или обряда дало бы не воображение, а действительное наблюдение. Мне кажется даже полезным быть еще осторожнее: следует удержаться при описании виденного от всякого рода гипотез, объяснений и т. п. ...»

Миклухо-Маклай

(Письмо имп. Русскому географическому обществу. «Известия ИРГО». Том XVI. 1880 г.)^{21*}

Морская стычка у южного берега Большого острова. — Обнюхивание. — Ожидание несостоявшегося ночного нападения. — Знакомство туземцев с луком («осокай»). — Смерть Панги. — Самоистязание жен его. — Пляски перед умершим. — Туалет покойника. — Выражение горя. — Ночные пляски вокруг трупа. — Погребение его. — Воинственная демонстрация по случаю смерти Панги. — Баталия женщин. — Первобытные орудия. — Быстрое вытеснение их европейскими. — Приглашение жителей островка Сорри. — Третье пребывание на островке Андра в ноябре 1879 г. — Забавы детей. — Положение пленников. — Экскурсия в деревню Суоу. — Малаец Ахмат. — Интересные сведения относительно нравов и образа жизни

* Дневник 1879 г. просмотрен и дополнен примечаниями в С.-Петербурге в октябре 1887 г.

туземцев, полученные от Ахмата. — Черепа съеденных. — Выделка «кур». — Женщина-покойник в деревне Суоу. — Этнологические загадки. — Необходимость большой осторожности и критики при наблюдениях.

Кутер «Рабеа» был очень небольшое судно, всего 35 тонн вместимости. Экипаж состоял из шести человек матросов, четырех малайцев из Манилы, одного негра и одного туземца с островов Ниниго.

Подойдя утром на другой день к селению Пуби (на южном берегу большого острова), где в 1876 г. был оставлен тредор Пальди, шкипер послал на берег шлюпку с тремя людьми за водою. Двое туземцев островов Адмиралтейства отправились с ними, чтобы указать ближайшую речку или ручей. В это время кутер окружило от 40 до 50 пирог, из которых некоторые были очень значительны, с более чем 40 человек экипажа. Пальди все еще не появлялся, почему О'Хара вздумал написать ему и передать записку одному из туземцев для передачи Пальди. Туземец, к которому он обратился, казалось, хорошо понял, что от него желают, взял бумагу, свернул ее, вложил в отверстие мочки уха и, не говоря ни слова, направился в свою пирогу, которая сейчас же отошла от кутера, но недалеко. Туземец с запиской в ухе обратился к землякам с короткой речью, после которой они поспешно очистили палубу кутера и слезли в свои пироги.

Людам на кутере нетрудно было понять, что, вероятно, скоро произойдет: пользуясь временем, пока туземцы, которых на палубе было множество, перелезли в свои пироги, они сами стали готовиться к защите. Кроме шкипера, на кутере оставались только трое человек матросов (трое других были отправлены за водой) и два белых тредора. Итак, этим шестерым пришлось вступить в борьбу с несколькими сотнями* туземцев. Никто, разумеется не оставался на палубе; шкипер Х., будучи замечательно хорошим стрелком, взял всю стрельбу на себя, предоставив остальным заряжать ружья, из которых некоторые были магазинные. Шкипер расположился у входа в каюту, так что половина его туловища находилась в самой каюте, а верхняя — несколько защищена небольшими дверцами каюты. Первое копьё брошено было человеком с запиской Пальди в отверстии мочки уха, который, казалось, распоряжался атакою, а за ним последовал град копий, направленных в полуоткрытые двери и маленькие окна кутера. Шкипер, вооруженный отборным скорострельным ружьем, принялся за свое смертоносное дело. Он стрелял, только хорошо целясь, и стрелял почти без промаха.

* Рассчитывая самым критическим образом по 10 человек экипажа на пирогу (в которых было насчитано более 40) и принимая число пирог 45, выходит, что нападавших было от 450—500 человек.

Первым убитым со стороны туземцев был человек с запискою. Несмотря на меткость выстрелов, туземцы с замечательнейшей храбростью и яростью поддерживали нападение. Число копий было так велико, что после боя никому не пришла мысль пересчитать их: копий было так много и все они были так поломаны (оконечность их сделана из осколков обсидиана, материала очень ломкого), что их, чтобы очистить палубу, смели в море. Многие из копий пробили насквозь толстые двери каюты, и, несмотря на массивную медную проволоку и толстое стекло, два окна оказались пробитыми. При одном неловком движении шкипер, выставивший неосторожно руку, был ранен копьем, что, однако ж, не мешало ему, перевязав наскоро рану платком, продолжать свою стрельбу в цель. Очевидец происшествия этого рассказывал мне, что при каждом выстреле один из туземцев на пирогах валился мертвым или раненым. Туземцы не отдавали себе, кажется, полного отчета в действии ружей; это можно было заключить из обстоятельства, что они чересчур нахально подставлялись под выстрелы. Один туземец, например, бросив копье, поднял лежавшую у ног его циновку, как бы желая укрыться от пули, которая недолго заставила себя ждать, свалив несчастного мертвым за борт. Шкипер полагал, что убитых или раненных им в тот день было около 60 и никак не менее 50. Через полчаса боя туземцы решились уступить, прекратили метание копий и двинулись по направлению к берегу. Как раз в это время шлюпка с водой находилась на пути к кутеру; шкиперу можно было поэтому прикрыть ее возвращение. Две пироги отделились было от флотилии по направлению к шлюпке, но несколько метких выстрелов заставили их оставить шлюпку в покое. Кроме шкипера, двое из бывших в каюте оказались также ранеными копьями, проникшими через разбитые окна, но все три раны были незначительны.

Главный парус, которого не успели убрать, был изорван копьями и превращен в лохмотья. Кутер, однако же, направился к берегу и приблизился к деревне Пуби настолько, что все хижины были ясно видны. О'Хара узнал ту, в которой поселился Пальди, но забора вокруг нее, построенного по желанию последнего людьми шкуны «Sea Bird», не существовало.

После такой стычки с туземцами о торговле с ними, разумеется, нельзя было и думать, почему шкипер Х. отправился далее. О судьбе Пальди я узнал впоследствии, о чем упомяну в свое время...¹³

Возвращаясь к моему дневнику.

Я вернулся по ближайшей тропинке в деревню и услышал там неожиданную новость, что «менова» (искаженное английское название «men of war» — военное судно) приближается. Я так мало верил этому известно, что не захотел сопутствовать Кохему, который тащил меня на северный берег островка, чтобы показать мне «менова», а остался в

деревне, где занялся осмотром большой акулы, пойманной на рифе при собирании трепанга. Ее привезли в деревню, и мне хотелось определить, к какому виду она принадлежит, перед тем как туземцы распластуют ее. Известие о приближающемся судне, однако ж, оправдалось, но, как часто случается, слон превратился в муху.

«Военное судно» было не что иное, как очень небольшой, довольно безобразный пароходик по имени «Alice» под германским флагом. Он принадлежал фирме братьев Гернсгейм и был на пути <от> о. Герцога Йоркского (между Новой Британиею и Новой Ирландиею) в группу Луб, где жил тредор этой фирмы. Я отправился на пароходик передать несколько готовых писем в Европу и Австралию, так как знал, что между о. Герцога Йоркского и Куктауном в Австралии существует довольно правильное почтовое сношение^{22*}. На пароходике мне сообщили, между прочим, что недавно был убит некий шкипер Л. своими же людьми. Этот человек несколько десятков лет был известен на островах Тихого океана своим бесстыдным и часто жестоким обращением с туземцами; жалеть было нечего и оставалось только принять к сведению, что на островах Тихого океана одним дрянным белым человеком стало меньше. Отдав свои письма, я поспешил вернуться на берег*, где мне хотелось дополнить мои заметки об акуле; вернулся, однако ж, слиш-

* Посещение порта Андра пароходиком «Alice» послужило поводом сообщения, которое я, не без удивления, прочел в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» за декабрь 1879 г. Оно находилось в письме доктора Финша (Finsch), написанном им с о. Ялут (главного острова Маршалловых островов) от 30 сентября. Ради «курьеза» я приведу это место письма: «...Micloucho-Maclay ist mit einem Sydney Trader nach den Admiralitäts gegangen und wohnt in einer Eingeborenenhütte mit Eingeborenen zusammen und studiert — Haie! von denen er täglich neue entdeckt. Hr. Robertson der ihn auf den Admiralitäts traf, furchtet sehr, dass ihn die Eingeborenen aufessen werden. Maclay hat aber Capitain und Steuermann einen Schein unterzeichnen lassen, dass man in diesem Falle an den Eingeborenen keine Rache resp. Vergeltung über soll, sondern sich nur bemühe seinen Kopf zu erhalten und in Spiritus nach Petersburg zu senden...» («...Миклухо-Маклай прибыл на острова Адмиралтейства с сиднейским тредором и, живя в туземной хижине вместе с туземцами, изугает акул! новый вид которых он открывает ежедневно. Г. Робертсон, встретивший его на островах Адмиралтейства, очень опасается, как бы его не съели туземцы. Маклай, однако, написал капитану и штурману расписку, чтобы в этом случае туземцам не гинили мести или наказания, но постарались только сохранить его голову и отослать ее в заспиртованном виде в Петербург...» (нем.)) Этот г. Робертсон (которого я не знаю) был на пароходе «Alice», вероятно, видел меня и слышал, должно быть, мое замечание, которым я мотивировал свое желание вернуться на берег, что на берегу находится интересная для меня акула, которую я достаточно еще не рассмотрел. Это замечание превратилось в заявление: «Maclay... studiert Haie!» («Маклай... изугает акул!» (нем.)). Откуда г. Робертсон взял, что я, пожалуй, попаду на обед туземцам, я не знаю: вероятно, это просто заключение из разных рассказов шкиперов о жестокости и людоедстве туземцев. Это пример, как появляются и распространяются «сообщения»¹⁴.

ком поздно: акула, по всей вероятности *Caleocerdo Rayneri*, MacDonald & Barton, оказалась изрезанною на куски и уже варилась в горшках на обед жителей островка Андра.

Вздумав купаться в море, я опять предупредил женщин приготовить для меня пресной воды, чтобы смыть соль с кожи. Раздевшись в хижине, надев мои короткие малайские штаны и род туфель или сандалий с деревянными подошвами, я вышел на площадку, где туземцы с криками встретили меня и сбежались, чтобы осмотреть меня поближе. Что выражали эти крики — изумление ли, удовольствие или неудовольствие — я не мог решить. Полагаю, что первое чувство было преобладающее. Белизна кожи и длинные волосы на груди и ногах особенно удивляли их. Несколько женщин пробились вперед и вздумали (странно сказать) обнюхивать мою грудь и спину, около *Regio subaxillaris*.

Это мне показалось очень курьезным, и я, закинув обе руки на голову, минуты две предоставил себя обнюхиванию. Мне кажется, все женщины деревни сбежались, и я решил войти в воду, чтобы избавиться от них. Качу и несколько мальчиков и девочек последовали за мною, и, следя за их ловкими движениями в воде, мне стало досадно, что не умею плавать. Я убежден, что туземцы не верили, что я не умею, и не могли представить себе, как это может быть. Качу особенно тащил меня в глубокую воду. Я насилу отвязался от него и, выйдя на песок, поднял кусок дерева и камень. Бросив дерево в воду, которое поплыло, я назвал его «Качу». Бросив затем камень, пошедший ко дну, я назвал его «Макрай». Это наглядное объяснение очень понравилось окружающим меня, которые стали повторять: «Качу — дерево, Макрай — камень!» Обмывшись пресною водой, я вернулся в хижину, чтобы избавиться от двух-трех старух, которые не были здесь перед моим купанием и ждали, чтобы я вышел из воды, желая, должно быть, проверить рассказы других женщин.

27 августа. Коптилка на берегу вышла удовлетворительно. Тредорам и пяти людям о. Лифу, которые поселились в деревне, удалось очень плотно заткнуть все отверстия хижины, так что, когда в ней сегодня утром были разложены два значительных костра и двери плотно закрыты, дым почти что не проходил через крышу, а оставался в хижине и коптил трепанг. Недалеко от копилки в двух больших полукруглых железных котлах варился трепанг, который привозили уже готовым для варки со шкуны. Люди Лифу устроили себе шалаш; в передней части последнего поместился капитан Б.*, один из белых тредоров, которому были поручены варка и копчение трепанга на берегу, как и присмотр за людьми Лифу.

* Итальянской службы¹⁵.

Я отправился на охоту, которая здесь, при незнакомстве птиц с огнестрельным оружием, очень незатруднительна; птицы, еще не наученные опытом, подпускают охотника на близкое расстояние, часто не улетают после выстрела, не обращая даже внимания на падение одной из них на землю. Я уронил нечаянно мой старый нож, с ручкой в серебряной оправе, и хотя заметил потерю его скоро и вернулся к тому месту, где обронил его, не нашел его. Он был, вероятно, найден и присвоен одним из туземцев, сопровождавшим меня. Я предложил два, даже три ножа тому, кто найдет потерянный, но никто не пришел, и мне пришлось заменить потерянный другим. Это был первый случай воровства, замеченный мною на этих островах. При возвращении в деревню капитан Б. сказал мне, что в то утро перебивало около копилки очень много людей, вероятно, из других деревень, так как в большинстве своем физиономии были для него новыми. Все они осматривали европейские вещи с большим интересом и видели их, кажется, в первый раз.

Я пожалел, что меня не было в деревне, потому что я пользуюсь всяким случаем для антропологических наблюдений, и отправился к своей хижине докончить начатый портрет одного из туземцев. Не успел я приняться за работу, как капитан Б. явился снова прочесть полученное им письмо от шкипера В. Последний писал, что с самого утра он замечал пироги, которые одна за другой направлялись к небольшой бухточке большого острова, недалеко от островка Андры, что в настоящее время там находится целая флотилия пирог с сотнями туземцев, что движения туземцев кажутся ему очень таинственными и подозрительными и что, по его мнению, нападение на нас, живущих на берегу, а может быть, и на шкуну очень вероятно. Ввиду этого он желает, чтобы мы непременно вернулись на шкуну и т. д. Капитан Б. был очень встревожен и не знал, что предпринять, обратился поэтому ко мне с вопросом, что я стану делать. «Я останусь здесь, — отвечал я, — потому что страх шкипера В. мне кажется неосновательным». Капитан Б., с одной стороны, боялся не послушаться шкипера, с другой — ему не хотелось показаться трусом, почему он объявил мне, что если шкипер настаивает на перевозке людей на шкуну, он, разумеется, их отправит со всеми вещами, но сам останется со мною.

Выслушав мое заключение, что мне никого не нужно и что ничего серьезного не произойдет, он отправился на шкуну переговорить со шкипером; я же — в хижину, чтобы отдохнуть и обдумать наше положение. Я положительно не верил, что жители Андры осмелятся напасть на нас, но отчасти допускал возможность такого глупого поступка со стороны жителей других деревень, союзников людей Андры. Не додумавшись ни до чего, я задремал; было уже темно в хижине, когда по-

слышался в третий раз голос капитана Б., у дверей говорящий мне, что шкипер согласился оставить людей на берегу с условием, чтобы никто не спал ночью и все было готово к отражению нападения. Кроме бывших на берегу четырех ружей системы Шнейдер, он прислал еще два той же системы, несколько фальшфейеров для сигналов и т. д. Капитан Б. отправился совещаться со своими людьми; я же сел у моря подышать свежим вечерним воздухом и полюбоваться последними лучами солнца. Б. опять подошел ко мне, но уже с менее радостной физиономией, как за минут пять перед тем, и знаком предложил мне следовать за ним. Не было еще так темно, чтобы не видеть довольно ясно предметов.

Хижины, как я уже сказал, стояли в деревне Андра группой и были обращены передними фасадами на довольно неправильную площадку. Несколько тропинок, четыре или пять, вели к ней, и все они были обыкновенно довольно открыты и заметны. Капитан Б. привел меня к одной из них; она была завалена высокою кучей колючего хвороста; подошли ко второй — то же; к третьей — то же. Только четвертая и пятая, ближайшие к берегу, оставались открытыми. Оба мы знали положительно, что никогда этого прежде не бывало. Для чего это было сделано? Когда и кем? Мы не знали. Эти баррикады показались мне странными, а в пылом воображении капитана Б. рисовалась целая картина атаки, засад и т. д. Я предложил ему не показывать и виду наблюдавшим за нами туземцам, что мы придаем большое значение этому обстоятельству. Капитан Б. сообщил мне, что распределил своих пятерых людей по вахтам: два человека по два часа, сам же не будет спать всю ночь. «Напрасно, — сказал я, — если что случится, то случится это не вечером и не ночью, а под утро; к тому времени я буду к вашим услугам, а теперь я отправлюсь спать, чтобы подготовиться на всякий случай».

Несмотря на виденные баррикады, мне все еще не верилось, что люди Андры рискнут на серьезное нападение. Я не стал пить чаю, который всегда действует на меня возбуждительно и не дает мне спать. На всякий случай я вытащил мое ружье Шнейдера из чехла, зарядил его, вложил дюжину патронов в пояс и осмотрел патроны револьвера, которые оставляю иногда по неделям невынутыми в револьвере, потому что смотрю на этот инструмент как на крайность, в крайнем случае, а не как на игрушку для стрельбы в цель, ради забавы. Револьвер, нечаянно смоченный, оказался очень ржавым; пришлось разобрать его на части, вычистить их и смазать, а также вложить новые патроны. Кончив эту операцию, я был рад лечь, наконец, и не захотел встать, когда Кохем, которого я не видал весь день, явился и разложил небольшой костер в очаге. Это было сделано для света, так как лампа не горела. Кохем покрыл нары новою циновкой и долго с кем-то шептался у задней двери хижины. Он вернулся, а за ним следовали две женщины или

девушки, которых он уложил на циновке на нарах, прикрыв каждую свежою циновкой.

Между женщинами находилось место как раз для одного, и я думал, что он оставил его для себя, но ошибся. Кохем подошел к койке и знаками предложил мне лечь на нары; все это показалось мне очень странным, потому что я не высказал желания иметь общество кого-либо ночью, а тем более двух женщин. Это показалось мне даже какой-то западней*. Я встал поэтому, зажег лампу и сдернул циновку с лежащей женщины — это была та же, которая приходила беспокоить меня прошедшую ночь; но сегодня она не хихикала, а серьезно поглядывала то на Кохема, то на меня. Подойдя к другой, я и с нее стащил покров — это была Пинрас, девочка, о которой я уже говорил. Кохем стоял, умильно поглядывая на меня и повторяя: «уян, уян!» (хорошо, хорошо!). Чтобы отвязаться от них и не обидеть никого, я указал на мои сонные глаза, сказав: «Матин (спать)», потушил лампу и лег в койку, предоставив Кохему и моим посетительницам делать что угодно.

28 августа. Я проспал отлично до трех часов утра и, слыша голос Б. и людей Лифу на площадке, я вышел к ним и нашел всех на ногах. Б. было как будто досадно, что я проспал напролет всю ночь, а он без толку бодрствовал. Позвав его в хижину, я предложил ему для подкрепления сил выпить чашку кофе, который при помощи экстракта кофе мог быть приготовлен очень скоро. Требовался единственно кипяток.

«Теперь, — сказал я Б., когда мы напились кофе, — если туземцы затеяли что против нас, то мы узнаем это весьма скоро. Скажите людям Лифу быть наготове и исполнять наши приказания безотлагательно». Капитан Б. вышел распорядиться, а я стоял в раздумье, что предпринять: лечь ли снова, писать ли дневник или выйти на площадку. Вдруг послышались невдалеке отчетливые звуки «мраля» (деревянного барабана), как будто с пироги у берега, а затем на самой площадке возгласы жителей Андры: «уссия! уссия!» (неприятель! неприятель!)¹⁶. Схватив ружья и фальшфейер, я выскочил на площадку, где, к моему неудовольствию, заметил немало людей Андры. Мне почему-то подумалось, что эти люди останутся нейтральными до тех пор, пока исход схватки, которая теперь казалась неминуемой, не определится, что они с удовольствием бросятся доколоть и ограбить нас, когда главное дело будет сделано людьми, которых они называют «уссия!». В группе туземцев я заметил и Кохема. «Мраль» и говор вдали послышались снова.

Я подошел к Б. и людям Лифу, которые стояли, вооруженные ружьями, около потухающего костра.

* В этом я ошибался. Это предложение женщины гостю оказывается, как я узнал потом, обычаем на островах Адмиралтейства.

— Что теперь будем делать? — спросил Б. — Не зажечь ли фальшфейер? (Это должен был быть сигнал, что находимся в опасности).

— Оставьте шкипера В. спать, мы и без него управимся, и я вам сейчас скажу, что делать.

В критические минуты мне иногда приходит какая-нибудь счастливая идея, исполнение которой приводит натянутое, иногда опасное положение к благоприятному исходу. Потухающий костер в этом случае дал мне эту идею. «Дайте мне факел, — обратился я к людям Лифу, — и бросайте на костер все, что найдете, что может гореть». Загорелся великолепный костер. Звуки мрая усиливались, и крики были слышны очень близко.

Терять времени нельзя было.

Я зажег факел и сказал громко, чтобы все меня слышали, вероятно, значительно коверкая туземный язык: «Уссия идет, Маклаю и людям шкуны надо много огня, чтобы видеть, в кого стрелять. Кохем, скажи женщинам и детям выйти из хижин, потому что Маклай будет сейчас жечь их!» Б. и люди Лифу поняли мою мысль и стали вооружаться факелами; я же был готов поджечь ближайшую хижину. Мои решительные слова и возможность в несколько минут лишиться жилья и имущества озадачили Кохема и его земляков. Я заметил, что некоторые убежали, вероятно, предупредить «уссия»; Кохем же и несколько других поспешили ко мне с уверениями, что «уссия» еще далеко, что «уссия», вероятно, не придет, и просили не жечь хижин. «Если уссия не придет, то хижин не будем жечь», — успокоил я некоторых, между тем как другие уже суетились, желая вынести разные драгоценности из своих хижин.

Рассвело, и шлюпка с десятком людей отвалила от шкуны. Махинация Кохема и компании на этот раз не удалась.

— Что случилось с баррикадами? — поинтересовался я узнать у Б.

— Исчезли, — ответил он, — как только туземцы заговорили, что уссия не придет.

Именно проблематическое сооружение их поддерживало мою мысль, что если бы нападение на нас состоялось бы, то в нем участвовали бы наши приятели деревни Андра.

После эпизода, который я описал, мне показалось не особенно удобным оставаться в хижине Кохема, где я находился совершенно как бы в руках туземцев, которые доказали, что не заслуживают большого доверия. Недолго думая, я поставил мою палатку, которую на всякий случай привез с собой, на краю деревни, под большим деревом, где прежде подвешивал койку. Мое помещение при этом выиграло тем, что стало светлым; в хижине и днем при открытых дверях господствовал полумрак. Палатка представляла спальню; в ней находились сложенные все мои вещи; около нее я поставил складной стол и скамейку.

Немного расчищенное место вокруг служило для принятия посетителей-туземцев. В палатке я только спал или отдыхал, но писать, есть и т. п. мне приходилось у стола, с трех сторон открытого для взоров любопытных; но я так привык не стесняться десятками глаз, следящих за каждым моим движением, что давно уже стал к этому совершенно равнодушен и нередко совершенно забывал о присутствии посторонних. Я приставил Качу, который по-прежнему был готов всегда услужить мне, — за что, разумеется, я со своей стороны отплачивал от времени до времени небольшими подарками, — охранять мои вещи, когда я уходил куда-нибудь: в деревню, на охоту или когда купался. Моя остальная свита, человек шесть или семь мальчиков и девочек, понемногу отстала, появляясь редко, на короткое время и то только для того, чтобы выпросить что-нибудь. Пинрас после вчерашней сцены в хижине Кохема более не появлялась.

Расхаживая по деревне, я наткнулся в одном из камаль на торчащий между «атапами»* крыши небольшой лук, который, судя по размерам, собственно был не что иное, как детская игрушка. Эта находка была интересна, потому что нигде на островах Адмиралтейства употребление лука как оружия неизвестно. Ни один из путешественников, посетивших эту группу до меня, о луке не упоминает, а многие удивляются его отсутствием. До сегодняшнего дня я и сам его нигде не видел на этих островах. Я сейчас же позвал одного из более толковых туземцев, указал на него и прибавил: «ланган-се?» (как зовут?). Вытаскивая между атапами лук, он назвал его «осокай»** и, приискав где-то под крышей несколько легких стрел, названных им «поренгун», он пустил одну в море, прибавив часто туземцами употребляемое слово «уян» (хорошо).

Итак, лук, правда, как детская игрушка, известен на островах Адмиралтейства. Отчего он не вошел в общее употребление, не стал действительно важным для туземца оружием на войне и при охоте, я не берусь

* «Атапами» называются особенным образом сплетенные циновки из листьев кокосовой и других пальм, употребляемые для крыш, стен, заборов и т. д. «Атап» — название малайское.

** Было бы интересно убедиться, не встречается ли подобное имя, как «осокай», в одном из меланезийских диалектов. На одном из диалектов Фиджи лук называется «такай». Не без интереса обстоятельство, что в этнологическом отделе Австралийского музея в Сиднее находится лук средней величины с ярлыком: «Острова Адмиралтейства», без более подробного обозначения местности, где он был приобретен. Коллекция, в которой находился этот лук, была куплена музеем у какого-то шкипера. Не упуская из виду большую недостоверность (сообщений) коллекторов этого рода, факт этот, мне кажется, заслуживает внимания вследствие обстоятельства, что даже берега о. Адмиралтейства, не говоря уже о внутренности его, далеко не исследованы и, может быть, именно в одной из таких непосещенных местностей туземцы и знакомы с луком. Это, однако же, не более как предположение.

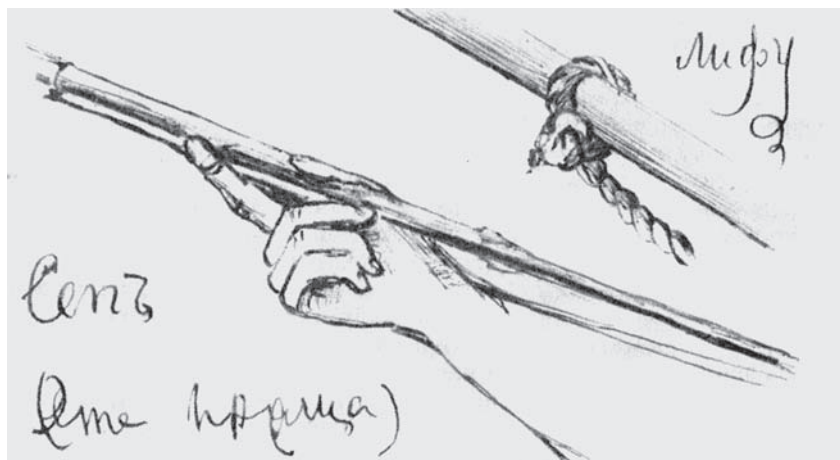
решить. Может быть, имея копья различной формы и величины (некоторые не больше больших стрел папуасов Новой Гвинеи), привыкнув метать их с большою ловкостью, лук показался туземцам здесь лишним¹⁷.

Другое предположение: может быть, кто-нибудь из посетителей островов Адмиралтейства, европеец или житель других островов, где употребление лука известно, показал здешним людям именно этот «осокай» как новую штуку. Пример подобной возможности я видел на днях: как-то утром пришла шлюпка со шкуны; через несколько времени я заметил толпу детей, между которыми находились и взрослые, окружавшие матроса Джо, туземца Лифу. Я подошел к группе и нашел, что последний обучает туземцев Андры употреблению так называемого «сепа», небольшого приспособления, при посредстве которого жители группы Лойяльти бросают свои копья на гораздо большее расстояние и с большею силой, чем если бы бросали простою рукою¹⁸. При помощи сепа Джо в метании легких детских копий переигрывал всех своих конкурентов. Жители Андры скоро переняли у Джо умение делать сеп, и я каждый день замечал у мальчиков этот новый инструмент и имя «сеп» вошло в общее употребление на острове Андра.

Может быть, подобно, как сеп, и осокай был показан здешним туземцам каким-нибудь приезжим. Услужливый Джо, научив туземцев употреблению сепа, хотел выучить их делать и «эте» (пращи), употребляемые как в Новой Каледонии, так и на островах Лойяльти. Полагая, что у туземцев здесь и без эте довольно смертоносного оружия, я сказал Джо, считающего себя усердным христианином (он католик), что показывать людям, как убивать друг друга, большой грех и что я непременно напишу миссионеру, что Джо занимался на островах обучением туземцев делать сеп и эте. Это сильно смутило Джо, он чуть не заплакал и обещал, разрывая на части начатую прашу, более этого не делать, прося только не писать миссионеру, которого он всегда очень хвалит. Чтобы развеселить Джо и потупившихся жителей Андры, которым мое вмешательство не понравилось, я предложил первому показать туземцам пляску Лифу, так называемую «пилу-пилу», до которой Джо был большой охотник и плясать которую был мастер.

Несколько сильных ударов в «мраль» (деревянный барабан) в камале одной из ближайших групп хижин, несколько пронзительных криков и завываний женщин заставили нас всех оглянуться. Туземцы все разбежались. Я направился с Джо к моей палатке, не понимая, в чем дело. Мимо нас пробежала, крича и воя, пожилая женщина, вся измазанная небрежно черною краской* (а может быть, просто углем). Обыкновенный, очень приличный костюм пожилых женщин — два длин-

* Растертым пиролузитом или, может быть, просто растертым углем.

Сеп — копьеметалка, употребляемая на о. Лифу

ных спереди и сзади висящих фартука из растительных фибр — был заменен у этой женщины несколькими обрывками короткого старого фартука, который почти что не прикрывал ее тела. Пробежав около нас, она стала еще сильнее кричать и голосить и вдруг со всего размаха бросилась на землю и начала кататься по ней. Там, где она бросилась на песок, торчало несколько острых кораллов, так что она поранила себе тело до крови во многих местах. Было неприятно смотреть на это самоистязание. Она схватила лежащий обломок коралла и принялась бить им выбритую голову, лицо, грудь. К ней подошли несколько других женщин, вероятно утешить ее; но она только вскочила и, завопив еще громче, во второй раз, плашмя, как стояла, бросилась на землю.

Я все еще не знал, в чем дело. Подошедший Качу тихо сказал мне: «Панги римат» (Панги умер). Я понял тогда, что женщина эта должна быть одною из жен старика Панги, которого я уже несколько дней не видал. Женщина, между тем, теперь вся покрытая песком, окровавленная, почти что голая, вскочила и побежала дальше и скрылась между хижинами. Я направился к хижине покойника. Меня никто не остановил, почему я влез в узкую дверь семейной хижины, где увидел следующую картину. Недалеко от двери на земле, покрытой «кадьаном»*, лежал покойник, окруженный несколькими женщинами, тянувшими заунывную песню, между тем как две или три громко, что имели сил, рыдали. Свет из дверей прямо падал на совершенно голое тело умершего; голова его лежала на коленях одной из женщин, которая грея пальцы над огнем,

* «Кадьян» — циновка из листьев пандануса. «Кадьян» — название малайское.

старалась закрыть полуоткрытые глаза. Вдруг одна из женщин, страшно воя, бросилась обнимать умершего, прильнула к груди его и рукою стала гладить лицо его; другая бросилась обнимать его колена. За заднюю дверью слышались крики женщины, которую я видел на берегу. На ней еще виднелся песок, и кровь текла из ран на лице, груди и руках. Перелезши высокий порог хижины, плаксиво что-то напевая, пошатываясь и как бы приплясывая, не глядя ни на кого, она медленно приблизилась к покойнику, от которого другие женщины тогда отступили. Вновь пришедшая при виде трупа снова пришла в сильное волнение; с пронзительным криком, срывая с себя последний клочок одежды, она бросилась на мертвого, которого, лежа на нем, стала тереть то в одну, то в другую сторону; приподнимала его голову, трясла за плечи, усиленно звала его, как бы желая разбудить спящего. Вскочив опять на ноги, вся в поту, в крови и грязи, она принялась выплясывать какую-то странную пляску, напевая самым жалостным голосом непонятные для меня слова. Я приютился, сев на старый мраль в углу хижины, и следил за происходящим. Сцена была такая необыкновенная, что мне казалось, что я вижу какой-то странный сон: не верилось действительности.

Женщина не сводила глаз с лица покойника, словами и телодвижениями она как бы старалась вернуть мертвеца к жизни. По временам, как бы в забвении всего окружающего, кроме умершего, движения ее тела доходили до самых неистовых...

Когда она устала, ее заменила другая из присутствовавших.

Во всех завываниях, жестах, телодвижениях можно было, однако же, заметить много искусственного, заученного. Обычай этого требовал, чувство отступало на второй план. Что я не ошибался в этой оценке, доказала происшедшая передо мною сцена, немного в стороне от покойника и главных действующих лиц. Как только главная жена отошла от трупа и была заменена другою, она непосредственно перешла от самых бешеных криков и жестикуляций к простому разговору; она достала горшок с водой и жадно напилась; уместившись поудобнее, все время болтая с близ сидящими женщинами, она стала очищать от грязи и угля ею же самую нанесенные себе раны. Она производила впечатление актрисы, сошедшей со сцены.

Вторая женщина была сменена третьей и четвертой, после чего сидевшие ближе к покойнику (вероятно, более близкие родственники) перешли к убиранию тела. Лицо, голова были тщательно выбриты осколками обсидиана, даже пучок волос в ушах не был забыт. Все тело затем было тщательно вытерто мягкой «тапою»*, все волосы со всех частей тела удалены.

* «Тапа» — приготовленная древесная кора. «Тапа» — название полинезийское.

Все время я был единственным мужчиной в хижине. Заметя общее утомление, я подумал, что некоторое время ничего не произойдет замечательного, и вышел поэтому из хижины на свежий воздух. Войдя полчаса спустя, я застал небольшую группу около умершего. То были, вероятно, самые близкие родственники и друзья его. Выражение горя на лицах было глубоко и трогательно. Не было театральных жестов и поз, не было даже крика или воя; по лицам всех текли обильно слезы, и кроме тихих всхлипываний, я ничего не слышал.

Эта сцена неподдельного горя представляла сильный контраст с видом группы женщин и детей, жадно обгладывающих человеческую кость! Выходя из хижины, я прошел мимо женщины, сидящей у берега. То была, вероятно, сестра или одна из молодых жен усопшего. Выражение горя было очень характерно: из закрытых глаз текли ручьем слезы, губы что-то бормотали; бессознательно водила она по песку руками; иногда, как ребенок, нагребала она песок в кучки, потом снова сравнивала все рукой. Я прошел мимо, затем остановился, простоял довольно долго, глядя на нее, но она меня не видала и не слышала.

Из моего бивуака я мог видеть, как несколько процессий черною краской обмазанных женщин с разных концов острова прошли к хижине покойника. Я последовал за ними и увидел, что в мое отсутствие покойник был вымазан красною краской* и имел вокруг головы, шеи и рук несколько украшений из раковин. Я приютился в моем уголку. Входявшие группы женщин еще до входа в хижину начинали заунывный вой; когда же подходили к покойнику, одни начинали выплясывать пляску, подобную виденной мною утром, другие с плачем и воем бросались к трупу.

Около трех часов пополудни мужчины принесли несколько больших и малых «мраль» и, поставив** их у заднего входа в хижину покойника, уселись около них. Скоро оглушительный стук начался. Во все «мраль» били зараз палками из очень сухого дерева и били изо всех сил. Стук, как я сказал, был оглушительный.

Хижина переполнилась понемногу женщинами; большинство стояло, и только ближайшие к покойнику предавались разным телодвижениям, стоя на месте.

Движения сосредотачивались на средней части туловища и должны были быть весьма утомительными: женщины часто сменялись. Те, которые хотели показаться более растроганными (как мне показалось), подходя к покойнику и начиная свою пляску на одном месте, срывали с

* Красная охра заменяется здесь часто для окрашивания тела толченою сургучною яшмою.

** Для резонанса мраль ставится на два толстых поперечных бруска из сухого дерева.

себя оба фартука, т. е. не оставляли ничего на себе. Пробыв более часа в хижине и видя, что ничего нового не происходит, я ушел.

Виденные сцены, а главным образом томительное завывание женщин и несмолкаемый громовой стук «мралей», привели меня в крайнее утомление: голова кружилась, глаза слипались.

Несмотря на продолжающийся гам в хижине умершего, я не входил туда до вечера. Внутри хижины пляска шла своим чередом. Костер, разложенный около головы покойника, освещал пляшущих. Вою и крику женщин вторили звуки «мраля».

Не будучи в состоянии при этих условиях заснуть, я принял небольшую дозу морфия, которая доставила мне несколько часов сна, но около трех часов утра особенно сильный раскат «мралей» пробудил меня. Я спал нераздетым, намереваясь посмотреть, что будет твориться ночью в хижине умершего; я сейчас же встал и направился туда. Была великолепная лунная ночь, и много женщин стояли и плясали вне хижины, в ней же самой женщин всех возрастов было, кажется, еще более, чем днем. Костер около покойника иногда ярко вспыхивал, и при этом свете я мог видеть, что все пляшущие (в хижине не было тогда ни одного мужчины) были совершенно голы. Пляски и телодвижения были обращены к покойнику, который был положен боком и как бы смотрел на пляшущих; и старые женщины особенно в них отличались.

При самых усиленных ударах в «мраль» появился в хижине человек лет 45. Он был весь вымазан черным, и костюм его состоял единственно из раковины *Ovula ovum*. Когда он шел к покойнику, все дали ему дорогу и приутихли; подошед к самому костру, он остановился шагах в двух от покойника. Все присутствующие женщины тогда уселись, как могли, на земле, только две из них стали по сторонам вновь пришедшего. Эти трое (мужчина и обе женщины), подняв руки над головами и расставив ноги, начали вопить самым немилосердным образом. Когда их вопли немного смолкали, «мрали» вне хижины старались как бы заглушить голоса человеческие. Движения мужчины были очень энергичны, но вряд ли уступали в этом отношении движениям обеих женщин. Минут через десять при самом неистовом крике всех и сильнейших ударах «мраля» мужчина* вышел из хижины, и весь гам как бы оборвался.

* Имей я скверную привычку говорить «более, чем знаю» и обыкновение называть проблематические (для меня) личности и вещи определенными названиями, мне показалось бы здесь весьма уместным назвать этого черным вымазанного человека с болтающеюся белой раковиной чем-нибудь вроде «жреца», «кудесника» или по крайней мере «знахаря». Мне кажется, однако же, при моем настоящем знании обычаев туземцев островов Адмиралтейства более соответствующим правде оставить титул этого человека *вопросом открытым*. Во все время моих четырех пребываний на этих островах я не видал никого и ничего, что бы дало мне право утверждать, что между

Все стали расходиться; я тоже ушел, надеясь еще заснуть перед восходом солнца. Это удалось — прием морфия еще действовал.

Все утро в деревне было тихо: ни воя, ни звуков мрала не было слышно, так что я подумал, что покойника куда-нибудь унесли. Я пошел удостовериться. Он лежал на старом месте, сильно вспух и вонял; стаи мух наполняли хижину; множество их жужжало вне ее. Несколько женщин постоянно обмахивали, обтирали и обкуривали труп. Это занятие продолжалось все утро.

Около 2¹/₂ часов пополудни покойник был вынесен из хижины на особенно устроенных носилках из досок и положен среди площадки между хижинами. Мужчины стояли и сидели крутом, женщины образовывали группы за ними. Один из мужчин*, взяв кокосовый орех в одну руку, а туземный топор в другую, произнес короткую речь, которую я, к сожалению, не понял. При каждом имени, произнесенном оратором в конце речи, он делал топором на кокосе легкую зарубку. Все время, пока тело лежало на площадке, над ним держали циновку. После речи все поднялись, и покойника на тех же носилках отнесли в «сари» (дворик перед хижинной) и там, около самого входа в хижину, стали рыть яму. Яма эта, по случаю кораллового грунта, не имела более 2¹/₂ или 3 футов глубины. Тело, на котором были оставлены немногие украшения, завернутое в кадьян и обвязанное, положили в яму в лежачем положении и стали наполнять ее землей. Пока покойника зарывали, некоторые плакали и кричали, но все вообще спешили окончить церемонию погребения.

Часа через два спустя на площадке между хижинами произошел дележ наследства, которое состояло из нескольких больших деревянных блюд, множества копий, разных украшений, домашней утвари, циновок и т. д. Все это было положено в небольшие кучки и унесено немногими мужчинами и женщинами.

В каком родстве к покойнику состояли эти люди, по недостаточному знанию языка я не мог спросить.

Вечером и ночью в хижине умершего было собрание воюющих женщин, а на могиле ярко горел костер, сложенный из больших стволов²⁰.

31 августа. Утром большинство мужского населения острова стало собираться в поход на деревню Рембат. Эта экспедиция находилась в прямой связи со смертью Панги**. Ко мне и капитану Б. туземцы обра-

этими островитянами есть личности, занимающие положение «жрецов», «колдунов» и т. п.¹⁹.

* Не тот, который плясал у трупа утром.

** Туземцы большинства островов Меланезии не верят в естественную смерть, а полагают ее следствием колдовства врагов умершего, почему смерть туземца сопровождается часто походом на одну из враждебных деревень, в которой, полагают, живет причинивший заговором смерть туземцу. Пример тому на Берегу Маклая

тились с просьбою принять участие в предпринимаемой экспедиции. Мы, разумеется, отказались.

Женщины снаряжали мужчин, таскали копыя в пироги, провизию, воду и т. д. Отправилось одиннадцать пирог; на каждой было от семи до девяти человек.

Отправляясь на охоту, мне пришлось проходить около колодца, находящегося почти посредине островка и состоящего из ямы фута в 3 или 4 глубиною; вкус воды был солоноватый, хотя ее можно было пить без отвращения. Колодец содержался очень опрятно, был обыкновенно покрыт «кадяном», и недалеко от него на сучьях дерева висели несколько скорлуп кокосового ореха, служащих обыкновенно туземцам ковшами. У колодца можно было всегда почти встретить женщин и детей, приходящих за водой с самыми разнообразными сосудами*.

Сегодня, проходя недалеко, я был удивлен гамом нескольких десятков крикливых женских голосов. Я сперва хотел пройти, но остановился, заметив, что среди толпы женщин находились две, лежащие на земле, которых били, топтали ногами и т. д. Против этих несчастных двух было, как я уже заметил, несколько десятков женщин, из которых некоторые были вооружены почтенными палками. Сопровождавший меня Качу объяснил мне, что это женщины из Рембат, именно той деревни, с которою жители Андры отправились воевать. Хотя мужья этих двух женщин были туземцы Андры, но это обстоятельство, кажется, не было достаточно в этом случае, чтобы избавить их от насилия остальных женщин.

Это истязание показалось мне несправедливым, и я направился в середину свалки. Гам и побои продолжались, голос же мой был заглушен всеобщими криками; мне необходимо было поэтому прибегнуть к энергической мере, которая, я надеялся, произведет свое действие. Оба дула моего ружья были заряжены дробью. Я выстрелил их поэтому вверх, над головами беснующихся баб. Все разом притихли, большинство разбежалось, но несколько особенно озлобленных старух не хотели выпустить своих жертв. Увидя полную раковину с водой, я схватил ее, подошел к самой разъяренной из мегер и плеснул все содержимое раковины ей прямо в лицо. Она, разумеется, не ожидала от меня такого успокоительного средства. Выпустив из рук порядочную дубинку, она с руганью убралась.

сообщен в моем письме имп. Географическому обществу: «Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее. 1876—77». — «Известия ИРГО». 1880. Т. XVI. С. 161 и след. (См. наст. том, с. 221—222).

* Здесь можно было видеть сосуды из дерева, скорлупы кокосовых орехов, бамбуки разной длины и разные раковины (Cassis, Voluta и др.), глиняные горшки, непромокаемые корзины («кур»), сосуды из пальмовых листьев и т. п. Полное описание всех этих сосудов потребовало бы несколько страниц.

Крики в деревне заставили меня направиться туда. Экспедиция в Рембат вернулась, но без раненых или убитых, не ранив и не убив никого из противников. Все ограничилось воинственным комедиею.

Я посвятил сегодня несколько часов на приобретение коллекции первобытных туземных орудий*, которые очень быстро вытесняются европейскими. Первое место между этими орудиями каменного века занимает «реляй», или большой топор, орудие действительно очень примитивное; оно состоит из деревянной палки (около 80 см длины), один конец которой гораздо толще другого. В этом толстом конце сбоку выдолблено углубление, в которое плотно вставляется отточенный кусок базальта или другой какой вулканической породы (чаще треугольной, редко продолговатой формы) или подходящим образом отломанный кусок раковин *Nipporus* или *Tridacna*. Только один край куса раковины бывает отточен, остальная поверхность его остается без отделки. Эта первобытная форма топора встречается также на некоторых островах Микронезии и Австралии. «Реляй-рин» (топор малый) походит на более распространенную форму каменных топоров островов Тихого океана. Ручка его имеет форму цифры 7; к верхнему колену ее прикреплена помощью ротанга наполовину сточенная раковина *Terebra maculata*. Эти топоры очень легки и могут служить только для легкой работы.

Ножами служат куски обсидиана, вправленные в деревянные ручки, а чаще отточенные молодые раковины или продолговатые обрезки больших жемчужных раковин. Отточенные на камне края этих раковин могут быть сделаны очень острыми; ими режут веревки, клубни корнеплодных растений и т. д. Для резания мяса, однако, туземцы употребляют ножи из бамбука.

Резьба украшений и орнаментов разного рода на дереве (красивых ручек больших деревянных блюд, деревянной оправы обсидианового острия копий и т. п.), на бамбуке и на раковинах (*Tridacna*, *Meleagrina*, *Trochus* и др.) производится главным образом с помощью осколков кремня. Для полировки дерева (больших деревянных блюд, например) употребляются обломки разных раковин, а затем куски пемзы, которая по временам в значительном количестве приносится приливом к берегу**. Осколки обсидиана служат для бритья, татуировки, разных хирургических операций.

* Все эти вещи можно видеть в Музее имп. Академии наук, т. к. они составляют часть этнологической коллекции с островов Тихого океана, подаренной мною в прошлом году С.-Петербургской Академии наук²¹.

** Между островами, на юг от большого острова Адмиралтейства, находятся несколько с действующими вулканами.

Туземцы охотно расставались со своими топорами, меняя их на железные топоры, ножи и даже обручное железо. Последнее они очень ценят потому, что куски его им нетрудно укреплять к ручкам их неболших топоров («релай-риин») вместо отточенных *Terebra maculata*.

Обручное железо служит также жителям островков и береговых деревень большого острова удобным средством обмена при сношениях их с жителями материка.

Между тем как большие «релай» (топоры) почти что вышли уже теперь из употребления, «релай-риин», с куском железа вместо раковины, и все остальные инструменты туземцев из раковин, кремня и обсидиана еще долго, а может быть, навсегда, останутся необходимыми предметами ежедневного обихода жителей островов Адмиралтейства, вследствие того, что последние не получают от европейцев ничего подходящего, что могло бы заменить их*, и потому что материалы туземных орудий (жемчужная раковина, обсидиан и т. д.) находятся в таком количестве, что пока нет причины и думать, что в них может оказаться недостаток.

Ножи, большие гвозди, топоры ценились туземцами гораздо более, чем бусы, красная бумажная материя и т. п. До сих пор еще, к большому удовольствию и большой выгоде шкиперов и тредоров, туземцы не открыли различия между железом и сталью. Я попытался объяснить разницу некоторым, но они, кажется, меня не поняли.

Одиннадцать четырехугольных парусов туземных пирог оказались в проливе между большим островом и островком Понем, то были пироги с островка Сорри. Все они окружили скоро шкуну, куда и я отправился. Там я узнал, что новоприбывшие приглашали шкипера отправиться к ним, обещая ему трепанга, жемчужных раковин, черепаховой скорлупы вдоволь. За последние дни туземцы Андры были слишком заняты собственными делами, так что добыча произведений рифов была незначительна. Шкипер решил поэтому уйти и предложил мне вернуться завтра же на шкуну.

Я поспешил поэтому на островок, к себе в палатку. Множество вновь прибывших жителей Сорри находились в деревне и приготавливали себе ужин. Лунная ночь была великолепна, и я долго просидел с туземцами на берегу моря, стараясь дополнить словарь диалекта Андры. При этом мне удалось записать также много слов диалекта островка Сорри, который не одинаков со здешним.

* Осколки обсидиана и кремня представляют в руках туземцев такие превосходные бритвы, хирургические инструменты и аппараты для резьбы орнаментов по дереву и раковинам, что сомнительно, чтобы европейские бритвы, ланцеты и т. п. когда-либо заменили их.

Быбысю — жительница о. Сорри

Туземцам очень нравилось мое желание знать их язык, и они с удовольствием отвечали на мои вопросы.

1 сентября. Люди Сорри утром собрались в обратный путь. Некоторые из пирога были значительной величины, и знал бы я наверное, что шкипер В. отправится прямо туда, я с удовольствием рискнул бы перебраться в Сорри на одной из пирога; но слову шкипера я уже привык не доверять, и не зная языка Сорри, такое предприятие могло оказаться действительно небезопасным. Когда пироги Сорри ушли, я стал собираться на шкуну. На прощание Кохем и несколько других туземцев сочли своим долгом наделить меня и капитана Б. подарками. Мне была дана свинья и тридцать один кокосовый орех, Б. получил несколько больших рыб и дюжину кокосовых орехов. Дети, как Качу, Аса и другие, все принесли мне по какому-нибудь небольшому подарку. Я также не поскупился и убежден, что они сохраняют по мне добрую память. При последних лучах солнца, пользуясь задувшим береговым ветерком, трехмачтовая шкуна «Сади Ф. Каллер» вышла за риф в открытое море²².

* * *

4 ноября. Наш курс лежал очень близко от островка Андры, и на этот раз без моей просьбы шкиперу вздумалось заглянуть туда и захватить, если возможно, еще немного трепанга.

К пяти часам вечера мы бросили якорь на старом месте. Одним из первых явившихся был Кохем. Известие, слышанное нами в Сорри, подтвердилось: островок Андра выдержал набег Салаюу*, причем из жителей Андры было убито 7 человек, в том числе и Греги, отец Качу. Очень выразительной мимикой Кохем показал, что Греги вместе с другими убитыми был увезен неприятелями и съеден.

5 ноября. На берегу в деревне, куда я отправился утром, я нашел значительную перемену. Вместо «ум-камаль», который послужил шкиперу для устройства «коптилки», стояли теперь целых три небольших «камалей» рядом. Двери их выходили на песчаный морской берег. Крайний из них, самый отдаленный от деревни, понравился мне по своей чистоте и уединению, почему я и занял переднюю часть его. Я подвесил койку таким образом, что мог видеть все, что происходило на берегу.

Несколько девочек, от 3 до 12 лет, купались на берегу и, заметив, что я обратил на них внимание, они очень долго занимались^{23*} этим делом: то выходили из воды и ложились на теплый песок, то с кри-

* Значение слова «Салаюу» на диалекте Андры я не мог уяснить; может быть, это название какой-нибудь местности, деревни или острова; быть может, означает, как и «уссия», — «неприятель» вообще.

ком бегали в воду и барахтались на весьма мелком месте. Температура воды (30 °C) и воздуха (31,2 °C) делала, разумеется, это препровождение времени весьма приятным, и скоро примеру девочек последовало множество детей обоего пола. Я нарочно не показывался, чтобы не нарушать их забав.

В деревне я видел одного из пленников, забранных во время недавней схватки жителями Андры. Участь этих людей, как я узнал потом, не особенно завидная. Во всякое время они могут опасаться быть убитыми и съеденными. Им приходится много работать и быть в полной зависимости чуть ли не от каждого жителя деревни, где они находятся в плену²³. Мне было указано место, теперь расчищенное, где прежде стояли две хижины, и на несколько

пней кокосовых пальм — все это, как мне объяснили, было делом «Салаяу». Я уговорился с Кохемом и другим туземцем отправиться завтра в деревню Суоу, где, как мне сказали, находится в настоящее время Ахмат, малаец, о котором я уже не раз упоминал. Мне было интересно поговорить с этим человеком, прожившим здесь между туземцами более трех лет, могущим поэтому разъяснить многое, для меня загадочное, а также послужить переводчиком. Имея эту экскурсию в виду, я предпочел вернуться ночевать на шкуну.

Шкипер потирал себе руки. Результатом сегодняшнего дня была покупка за несколько десятков фунтов обручного железа и несколько фунтов стеклянного бисера не менее тонны трепанга, ценностью, при самом умеренном расчете, не менее 100 фунтов стерлингов.

6 ноября. Считая поездку в Суоу предприятием довольно рискованным и не желая подвергнуться расспросам и советам, я предпочел не говорить никому из белых на шкуне о моем намерении. На всякий случай, однако, я оставил записку капитану Б., в которой сообщил, куда и зачем я отправлюсь, прося его, в случае моего невозвращения, поддерживать шкипера В. в точном исполнении нашего уговора.

Делись — жительница
дер. Суоу (Суоу)

Часов в 9 я отправился на большой остров в пироге Кохема; с нами был также и мой старый знакомый (1876 г.) Подако, житель деревни Суоу. Без приключений пристали мы к пристани деревни Суоу. Я предпочел остаться в пироге, а послать Подако в деревню, находящуюся на холме, и привести Ахмата сейчас же. Не прошло и пяти минут, как Ахмат, который, вероятно, ожидал меня, окруженный толпой жителей Суоу, подошел к пироге. Хотя на нем был костюм туземцев, т. е. простой пояс, но сравнительно с туземцами светлый цвет кожи и отросшие прямые волосы резко отличали его от прочих — темнокожих и курчавоволосых. Ахмат робко подошел ко мне и сперва не смог ничего сказать (не знаю, от робости ли или возбуждения). Несколько майских слов, сказанных мною, ободрили его. Он мне ответил, что его содержат здесь вроде пленника и что он желает, если только возможно, отправиться со мною; что это будет, однако же, зависеть от меня, так как туземцы Суоу не отпустят его без выкупа, а что у него ничего нет. Я утешил Ахмата, сказав, что выкуп я заплачу и намерен это сделать сегодня же, не зная наверное, когда шкуна снимется.

Я пошел затем, сопровождаемый всею толпой, в деревню и расположился в том же «камале», где был три года тому назад. Мне несколько раз пришлось остановить Ахмата, который порывался рассказать мне свои приключения, сказав, что выслушаю его с интересом вечером на шкуне и что он теперь переговорил бы обстоятельно с туземцами и узнал от них, какой выкуп они за него потребуют. Для нас, меня и моих спутников из Андры, жители Суоу приготовили завтрак. Я воспользовался этим временем, чтобы сделать несколько набросков, нарисовал между прочим портрет одной из девочек. Никогда не видел белого, смущение, страх ее при виде меня сделали ее совершенно неподвижною. Она даже боялась моргнуть. Сходство портрета (сделанного при помощи камеры-люциды) вышло поэтому очень удачное. От вернувшегося Ахмата я узнал, что за него требуют, и обещал ему и жителям Суоу вернуться с выкупом за Ахматом к трем часам. Время дня легко объясняется туземцам указанием на приблизительное положение солнца. Я поспешил на шкуну. При прощании Ахмат был очень растроган, чуть не плакал, хотел целовать мне руки и т. п. Он просил меня привезти с собою со шкуны пару старых панталон и какую-нибудь рубашку, потому что, говорил он, ему было бы совестно явиться на шкуну в костюме дикарей.

Я сдержал слово и, несмотря на усталость, отправился за бывшим пленником, как обещал, к трем часам. Выкуп за него состоял в следующих предметах: большой американский топор, шесть сажен красной бумажной материи, три больших ($1\frac{1}{2}$ м длины) ножа, двенадцать больших кусков железа, полкокосовой скорлупы бисеру, 2 ящика спичек. Все это я передал Ахмату, который в свою очередь отдал каждый пред-

мет, один за другим, одному из людей Суоу. «Они поделятся в деревне», — пояснил мне Ахмат, поспешно переодеваясь в европейские штаны и рубашку. Некоторые из жителей Суоу подошли к нему проститься, потрепали по плечу, сказали несколько слов; Ахмат оказался очень равнодушен, оставляя местность, где провел более трех лет.

На шкуне я узнал от него несколько интересных подробностей из жизни туземцев (к сожалению, далеко не так много, как ожидал)* и несколько дополнений к истории жизни тредора О'Хары на островах Андра и кое-что об участии другого тредора, С. Пальди, убитого в деревне Пуби. Начинаю с первых.

Власть начальников в деревнях островов Адмиралтейства показалась Ахмату очень незначительною и зависела более от личности и характера начальника, чем от его положения. Хотя Ахмат порядочно знал диалект деревни Суоу, но за все время своего пребывания там он не узнал названия (титула) начальника на туземном языке. Что некоторые туземцы пользуются между своими большим авторитетом, чем другие, он часто замечал, но это было более вследствие личных качеств этих некоторых²⁴.

Людоедство — явление здесь очень нередкое. Туземцы предпочитают мясо людей свинине. Едят его вареным в пресной воде; тело режется на небольшие куски так, чтобы можно было поместить их в горшки. Внутренности, за исключением мозга, сердца и печени, выбрасывают. Человеческое мясо дается есть женщинам и детям. После стычек привозят на пирогах или приносят убитых издалика с целью есть их. Ахмат уверял меня, что хотя и был очень много раз свидетелем людоедства, но никогда не принимал в нем участия. Туземцы обыкновенно предлагали ему порцию людского мяса, но не сердились на него, когда он отказывался. Черепа, которые нередко бывают выставлены в «ум-камалых», в большинстве случаев принадлежат людям, съеденным в этих «камалых». Пленников, забранных во время набегов, нередко убивают и съедают, иногда после того, как последние прожили несколько месяцев в деревнях. Исключение из этого правила составляют те из пленников, которые сумеют найти себе в деревнях победителей между молодыми девушками жену. Ахмат уверял меня, что туземцы здесь не очень разборчивы, какими средствами или каким образом добывают человеческое мясо. Он рассказал мне случай, которого он сам был свидетелем.

Несколько недель до первого прихода шкуны «Сади Ф. Каллер» в порт Андра (т. е. в августе этого года), во время отлива, когда все рифы

* Зная, что Ахмат человек неглупый, я был убежден, что смогу получить от него немало сведений о туземцах, с которыми ему пришлось прожить 3 года и 5 месяцев. От него туземцы не скрывались, а в рассказах о них Ахмату не было причины утаивать что-либо или выдумывать. Все сообщаемые ниже заметки о туземцах, узнанные от Ахмата, заслуживают, по моему мнению, полного доверия.

были оголены, из деревни Суоу, находящейся на высоком мысу, была замечена девушка, собиравшая там морских животных. Никто из жителей Суоу, обративших на нее внимание, не признал ее за живущую в соседних береговых деревнях, а некоторые подробности ее костюма и украшений свидетельствовали, что она принадлежит к одной из горных деревень. Все же горные деревни находятся на большом острове во враждебных отношениях к жителям береговых. Это обстоятельство решило участь девочки. С общего согласия один из жителей Суоу отправился за легкой добычей. Ахмат, понимавший, в чем дело, остался смотреть, что будет. С выступа скалы, покрытого зеленью, можно было все видеть, что происходит на рифе, и не быть замеченным оттуда.

Житель Суоу выехал в пироге один, как бы на рыбную ловлю. Девочка, хотя и заметила его, но не испугалась и продолжала собирать раковины. Охотник, обогнув риф, чтобы сделать бегство его добычи невозможным, вышел на риф и стал мало-помалу приближаться к неосторожной, не подозревавшей ничего девочке. Подойдя к ней, он схватил ее поперек тела и скорыми шагами направился к своей пироге. Добравшись туда, он с силой бросил несчастную на острые кораллы спиной вниз. Пока она была еще ошеломлена от падения, ушибов и боли, людоед хладнокровно перерезал ей горло небольшим европейским ножом и здесь же на рифе принялся за распластание своей добычи. Ахмат видел затем, как ее принесли в деревню. Все внутренности были вынуты, но тело, помимо длинного разреза вдоль *linea alba* и нескольких ран на спине от ушибов, было цело. Оно принадлежало девочке лет четырнадцати или пятнадцати. «Я бы взял ее себе в жены, — добавил Ахмат, — а не съел бы ее.» Не так думали люди Суоу: жена достанется одному, между тем как все жители деревни получили, вероятно, по крайней мере по кусочку от сваренной девочки. Этот пример людоедства, по словам Ахмата, в Суоу не считается ничем особенным. Неосторожные женщины и неопытные дети горных деревень нередко достаются легкой добычей жителей береговых деревень или побережных островков.

Многоженство. По словам Ахмата, у весьма немногих туземцев более пяти жен, у большинства их две, нередко — одна. Особенной покупки женщин в жены не существует — это дело соглашения с родственниками. Все жены, хотя бы их было и пять, живут в одной хижине*. Когда мужчина берет себе новую жену, то он уводит ее на не-

* Приведу здесь несколько строк из моего дневника 1876 г. «В одной из хижин я стал четырех молодых женщин, из которых две нянчились с грудными детьми, а две были беременны. Пригласивший меня в эту хижину туземец, еще очень молодой человек, представил мне этих женщин как своих жен. Я не сейчас понял, что человек по своей воле может жить в хижине, которая состоит из одной комнаты, с *гетьрьма* женщинами и их детьми; хозяин же, полагая, что я сомневаюсь в том,

сколько дней с собою в лес, оставаясь иногда там недели две и более. Потом парочка возвращается домой, и новой жене приходится знакомиться со старыми. Без побоев и брани не обходится.

Сначала, когда Ахмат только что появился между туземцами, когда имел еще достаточно вещей разного рода, нравившихся туземцам, он был встречаем по деревням с большим почетом: везде его кормили исключительным образом и, когда он отправлялся спать, клали около него по обе стороны молодых девушек, до которых он, с его стороны, однако же, не должен был прикасаться. При малейшей фамильярности с его стороны они с криком убегали. Я узнал также от Ахмата, что девушки при наступлении зрелости и женщины после родов носят здесь специальный костюм из «кадьяна», вид которого меня так изумил при посещении деревни Пургасси*.

«Руен-римат» — кость, украшенная перьями крыльев орла (*Pandion* spres.), замеченная мною уже в первое мое пребывание на островах Адмиралтейства в 1876 г., оставалась для меня проблематическим украшением**. Профессор Мозелей, также описавший ее***, называет его просто общим названием «*charm*»^{24*}. Значение руен-римат было уяснено для меня Ахматом. Руен-римат не что иное, как кость (обыкновенно *humerus*) отца или дяди, и носится только теми из туземцев, отец или дядя которых был начальником или известным почему-либо человеком. Иногда случается, что туземец носит два таких руен-римат, что значит, что не только отец, но и дед его был значительный человек, всеми признанный за такого; одним словом, руен-римат — род вещественного знака хорошего происхождения, род патента на дворянство. Руен-римат носится только при особенных случаях, и Ахмату несколько раз случалось видеть, как носителям этого знака предоставлялись особенные преимущества.

что эти женщины его жены, повторил, поочередно подходя к каждой из них, ту же мимику, весьма недвусмысленную, которая стала причиной общей веселости женщин. Скоро вошла в хижину еще пятая женщина — мать хозяина или одной из его супруг — она жила также в этой хижине» (Известия ИРГО. 1878. Т. XIV. Вып. 5. С. 31). *(Страница неточна; правильно: 439. См. наст. том, с. 133).*

* См. первую часть: Островок Андра *(см. выше, с. 275)*.

** В моем письме имп. Русскому географическому обществу о путешествиях 1876 г. о руен-римат находится следующее замечание: «Я заметил у многих пожилых людей аппарат, которого значение осталось для меня темным; он состоял из пучка тонких ветвей, на которых засохшие листья были сохранены; эта метелка имела рукоятку из верхней части человеческого *humerus*. Эту метелку туземцы носили на шнурке вокруг шеи, так что она болталась у них то на груди, то на спине. Я не узнал, для чего она служит, заметил только, что туземцы неохотно с нею расстаются» *(см. наст. том, с. 110)*.

*** *H. N. Moseley. Op. cit. P. 22.*

Раз, например, Ахмат был свидетелем следующего случая. В Суоу пришло несколько гостей из соседней береговой деревни. Между ними находился один туземец, державший себя очень важно и на спине у которого болтались два руен-римат. После обычного угощения, когда гости собирались уходить, им были поднесены жителями деревни Суоу, сообразно общему папуасам обычаю, подарки. Эти подарки состояли, во-первых, из свертка недоеденного угощения*, а затем из нескольких предметов, которые не составляют редкости в деревне Суоу, но не встречаются в таком изобилии** в деревне посетителей. Все гости молча приняли подарки, но важный человек с двумя руен-римат насыпился и, отложив подле себя подарки, начал речь, в которой высказал мнение, что подарки эти достаточны были бы для простого человека, но не для него. Перекинув оба руен-римат себе на грудь, он указал на один из них, требуя прибавки подарков. Их принесли. Он этим, однако же, не удовольствовался и, показывая на другой руен-римат, потребовал: «И для этого». И это было исполнено как что-то должное. Ахмат уверял меня, что туземцы, обладатели руен-римат, очень нередко прибегают к подобным вышеописанным мерам или основывают свои права на что-нибудь простым указанием на руен-римат.

В последние годы туземцы, заметив желание европейских тредоров, собирающих этнологические коллекции, приобретать экземпляры руен-римат, прибегли к подделке настоящих. В некоторых случаях они просто делают их из куска дерева, вырезывая его в виде кости или вставляя между перьями какую-нибудь человеческую кость (не humerus), иногда даже птичью.

Правосудие. По словам Ахмата, если кто убит или что украдено, третье лицо не вмешивается. Обиженный или обиженные мстят, как могут. Если кто открыл что-нибудь у него украденное в хижине соседа, то он берет свое и отправляется в «ум-камаль» бить в «мраль». Если вор молчит — делу конец; если произойдет драка и один убит — посторонние не вмешиваются.

* Каждому гостю на островах Меланезии подносится при угощении большое деревянное блюдо с едой, которой обыкновенно так много, что за один раз одному человеку невозможно съесть более $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ поднесенного. Все недоеденное связывается после угощения в свежие листья (хлебного дерева, банана и т. п.) и отдается гостю со словами: «на дорогу», или «съешь потом», или «дашь детям», или что-нибудь в этом роде.

** Каждая деревня производит обыкновенно что-нибудь с избытком: в одной делают, например, горшки, в другой растет много арековых пальм, третья богата красною охрою, четвертая — съедомою землею и т. п. В каждой деревне гостям при уходе подносятся по горшку, по несколько связок орехов арековой пальмы, охра и т. д., одним словом, то, что находится в ней в изобилии.

О своей жизни между туземцами Ахмат сказал, что хотя ни разу туземцы не покушались убить его, но что он никогда не чувствовал себя вполне безопасным между ними. Одно казалось ему верным, что его не убьют из-за желания съесть его, так как он не раз слышал от туземцев выражение отвращения есть мясо светлого человека. Ему много раз предлагали жен, обещая в таком случае построить для него отдельную хижину. Но все предлагаемые женщины были стары, и это обстоятельство заставляло Ахмата отказываться. Лишних молодых девушек в Суоу не было или туземцы берегли их для себя. Он обыкновенно жил в одном из ум-камаль и не может вообще жаловаться, что с ним туземцы обращались нехорошо.

О тредоре О'Хара Ахмат рассказал мне многое, что объясняет плачевную участь этого человека. По уходе шкуны «Sea Bird» О'Хара, которому, как и другим тредорам, был оставлен небольшой запас красного вина и брэнди, находился почти ежедневно в полупьяном состоянии и нередко в положении полной невменяемости. Разумеется, такое состояние не могло поставить этого человека высоко в глазах туземцев. От полной фамильярности туземцы мало-помалу перешли к самым нахальным требованиям. Смотря по состоянию, в котором находился О'Хара, он то упрямо отказывался от исполнения желаний туземцев, то, смеясь, раздавал им больше, чем требовали. Хижина его была днем, а иногда и ночью полна народу. В одно прекрасное утро, наконец, полутрезвый О'Хара отправился купаться в море, оставив в хижине и около нее множество туземцев. Когда он вышел из воды, ему представилось зрелище общего разграбления его имущества: без всякой церемонии, как бы не видя его, туземцы вытаскивали ящики с товаром и каждый брал, что хотел. Когда О'Хара вздумал что-то сказать, несколько туземцев, схватив копыя, так серьезно пригрозили ему, что он не стал далее препятствовать. У него было взято положительно все, и, если бы не нашелся между туземцами действительно добрый человек, который сжалился над ограбленным, О'Хара остался бы без крова и пищи. Я поспешил узнать имя этого доброго туземца, приютившего О'Хару, намереваясь познакомиться с ним и дать ему несколько подарков. «Его имя Мана-Салаю, — ответил Ахмат, — он совсем старый человек и живет один; жены его умерли, а дети уже все взрослые. Приютить, кормить и поить О'Хара старику не было никакой выгоды; напротив, над ним смеялись, иногда даже ругали за О'Хару», — прибавил Ахмат.

Так и между людоедами встречаются сострадательные люди.

Об участии Пальди от Ахмата узнал я следующее. Немного месяцев (три или четыре) по уходе шкуны «Sea Bird» до деревни Суоу дошла молва, что белый, оставленный судном в деревне Пуби на южном берегу большого острова, был убит и все вещи его забраны туземцами. За-

щищался ли Пальди перед смертью или был убит во сне, Ахмат не слышал, знает только, что, когда труп его был раздет и хотели приступить к приготовлению из него разных кушаний, никто не захотел его есть. Тогда голова его была отрезана для сохранения как трофей в «камале», а тело, изрезанное на куски, сложено в пирогу, отвезено и брошено в море на съедение рыбам. Эту историю Ахмат слышал несколько раз и не сомневался в ее верности*.

* При этом рассказе мне вспоминался разговор с Пальди накануне ухода шкуны «Sea Bird» с рейда у деревни Пуби, где последний остался, а потом был убит. Разговор был приблизительно следующий:

— Что вы думаете о моем новом местожительстве, о решении жить здесь между дикими и вероятном результате этого плана? Прошу очень сказать мне совершенно откровенно! — обратился ко мне Пальди.

— Зачем мне вас разочаровывать? — ответил я. — Мои слова будут лишними, так как вы решили остаться здесь.

Пальди стал настоятельно просить сказать, что я думаю.

— Если вам жизнь дорога, если вы когда-нибудь надеетесь жениться на вашей возлюбленной, о которой вы как-то мне говорили, то, по моему мнению, не оставайтесь здесь! — были мои слова.

— Это почему? — вскричал Пальди.

— Потому что вы проживете здесь месяц, может быть два, а возможно также только день или другой по уходе шкуны.

— Что же вы думаете, меня убьют туземцы? — спросил Пальди недоверчиво.

— Да — ответил я решительно.

— Отчего же убьют меня?.. Вас же не убили папуасы на Берегу Маклая! Почему же убьют меня? Вы же ужились с туземцами Новой Гвинеи! Разве люди здесь другие? — стал спрашивать Пальди каким-то обиженным тоном, в котором слышались также досада и недоверие. — Вам же удалось, отчего это не может удасться другому? — добавил он.

— Причин тому много. Лучше прекратим этот разговор, — возразил я.

Пальди, однако же, настаивал, чтобы я договорил, что начал. Он был прав, почему я продолжал.

— Главные причины следующие: вы — горячекровный житель юга, я — северянин. Вы считаете вашим другом и помощником, вашею силою ваш револьвер; моя же сила на Берегу Маклая было хорошее и справедливое обращение с туземцами; револьвер же мне никогда не казался там нужным инструментом. Вы хотите, чтобы туземцы вас боялись благодаря револьверу и ружью; я же добивался и добился их доверия и дружбы. Вот главнейшие различия наших воззрений относительно обращения с туземцами. Есть еще второстепенные причины трудности вашего успеха; вот одна: вы остаетесь жить в самой деревне туземцев, не зная ни их языка, ни их обычаев; вы остаетесь ли вы, что вы будете для них скоро «как бельмо в глазу», от которого они постараются избавиться? Оставаясь в Новой Гвинее, я поселился в лесу, в местности, до меня никем не занятой, на которую никто до моего прибытия не предъявлял ни прав, ни притязаний, построил себе хижину в одной миле от одной и двух милях от другой деревни... Есть еще одна серьезная причина трудности вашего успеха: все туземцы, при которых были перевезены вещи ваши со шкуны,

На мои вопросы, есть ли между южными и северными берегами Большого острова постоянное прямое сообщение и *есть ли внутри острова деревни*, было отвечено Ахматом, что он слышал положительно, что такого сообщения не существует; для того чтобы из Суоу прямо попасть на южный берег, приходится перебраться через значительное пространство соленой воды, род большого озера. Сообщение, однако же, существует вдоль берега или где-то через остров, но весьма непрямым путем.

7 ноября. Отправился с Ахматом на островок Андру, чтобы отыскать туземцев Пакау и Мана-Салаяу, которым О'Хара главным образом обязан своею жизнью и некоторым комфортом во время пребывания здесь. Обоим я дал по несколько подарков и при помощи Ахмата, который служил переводчиком, объяснил, что даю эти вещи им как друзьям О'Хары. Старик Мана-Салаяу очень расчувствовался, даже заплакал.

Мне хотелось узнать, чем натирают корзины, здесь называемые «кур», чтобы обратить их в непромокаемые сосуды. При помощи Ахмата туземцы хорошо поняли, что я желаю знать, но заявили, что «апис» (растение какое-то) растет только на большом острове.

Проходя через деревню Андра мимо новых хижин и припоминая ночное приключение 27 августа (несостоявшееся нападение «уссия»), мне вздумалось спросить Ахмата, знает ли он что-нибудь о нем. «Как же! Все деревни кругом много говорили о нападении на туан* Маклай и людей со шкуны, живущих на берегу. Некоторые хотели даже попытаться завладеть и шкуной; предлагали и мне присоединиться в этом случае к ним», — сказал Ахмат. — «Отчего же это все не состоялось?» — спросил я. — «Да оттого, — ответил Ахмат, — что все боя-

знают, какие сокровища, по их мнению, будут находиться в вашей хижине; думаете вы, никому из них не придет мысль, что одним удачным ударом пущенного копья все эти сокровища могут сделаться их? Вы скажете: не очень вероятно, чтобы первое пущенное копье попало бы в цель, что ваш револьвер положит нахала на месте, заставит остальных разбежаться! Согласен, верю даже, что, будучи, как вы говорите, хорошим стрелком, вы положите не одного, а шестерых на месте, что каждая пуля найдет своего человека. Тем хуже для вас. Все разбегутся, но вы прибавите к желанию завладеть вашими сокровищами еще чувство, даже долг (обязательный у туземцев) мести!... Но довольно, хотя это далеко не все, что можно бы сказать. Но я сказал нарочно болес, чем хотел сперва, думая, время еще есть, и вы можете переменить ваше решение.

Хотя мои слова заставили, кажется, Пальди очень призадуматься, но он остался в Пуби.

Убийство его показало, что я был прав; как долго он прожил, как я уже сказал выше, мне не удалось узнать; смерть его в глазах туземцев была блистательно отомщена белыми, так как шкипер Х. положил на месте 50 или 60 человек...

* «Туан» — по-малайски значит господин.

лись европейских ружей, которых, говорят, на шкуне много; а жители Андры боялись, что туан Маклай не сжег бы их деревни».

8 ноября. Шкипер В. послал шлюпку с тредором к деревне Суоу скупить там кокосовое масло. Я воспользовался этим случаем, чтобы снова побывать там, надеясь с Ахматом как переводчиком разузнать о многих меня интересующих вопросах по антропологии и этнологии. Ахмат, между прочим, сказал мне, что в «ум-камале», где меня принимали, сохраняется 5 черепов жителей большого острова и что туземцы за несколько кусков железа отдадут их мне. Такую краниологическую добычу несомненно верного происхождения не следовало упускать.

Добравшись в деревню, я сейчас же захотел видеть эти черепа. Сперва туземцы немного церемонились, но показанные большие куски железа очень оживили их, и все пять черепов были положены к моим ногам. Через Ахмата я спросил туземцев, указывая на первый попавшийся череп, кому принадлежал он. Взглянув на него внимательно, один из присутствующих ответил: «Камаль Ругуль» (человек из деревни Ругуль); другой был из Рембат, третий — из Терлоу, а четвертый и пятый — из Терлут (все эти деревни находятся на северо-восточном берегу большого острова). Каждый из черепов имел кое-какие особенности, так что туземцы, вероятно, не ошибались, обозначая их. Все черепа были совершенно черны от копоти. Ахмат дополнил историю происхождения их, сказав, что эти пять человек уже мертвыми были привезены в Суоу и все съедены в этом же камале.

Я вспомнил о растении апис, употребляемом при выделке так называемых «кур». Ахмат отрядил двух мальчиков принести мне из леса листья, цветы и плоды апис. Немного погодя я получил желаемое, за исключением цветов. Один из туземцев принес в камаль плотно сплетенную корзину — будущий «кур». Взяв один из плодов апис и сдернув ногтями довольно плотную кожу с одной стороны, он принялся натирать корзину мякотью плода. Последняя очень волокниста, но довольно сочна. Сок этот, проникая в скважины плетения, быстро застывал, так что через некоторое время дно корзины, несколько раз смазанное соком апис, сделалось непромокаемым. На одну небольшую корзину требуется несколько плодов апис, потому что внутри плода находится большое зерно. Апис формой и величиною напомнило мне манго (*Mangifera indica*)*, почему я захотел узнать, едят ли апис, на

* Сохраненные плоды и листья апис я препроводил, при возвращении в Австралию, известному ботанику, барону Ф. Мюллеру в Мельбурне, прося его определить растение, от чего другие ботаники, к которым я обращался, за отсутствием цветка отказывались. Громадное знакомство с туземной флорой этой части света (Австралии и островов Тихого океана) барона Мюллера делало исполнение моей просьбы возможным. Определение аписа в систематическом отношении на этот раз, однако же,

что туземцы, делая разные гримасы, как бы съев что-то очень кислое и невкусное, отвечали: «Пый» (Нет!). Мне были показаны кур разной величины и формы, и Ахмат уверял меня, что для холодной воды эти сосуды могут быть употребляемы долго, даже несколько лет, если покрывать их новыми слоями сока апис.

Выйдя на площадку, я заметил некоторое оживление у входа в одну из хижин. В ней я увидел лежащую на циновке мертвую женщину, около которой несколько баб голосили. Никаких плясок не было. Ахмат сказал мне, что пляшут только вокруг покойников-мужчин; при смерти женщин ближайшие родственники, вымазавшись черным, а иногда и белым красильным веществом*, только причитают и воют, сидя вокруг покойницы, которую затем зарывают близ хижины. От трупa сильно пахло, почему я не остался долго в хижине. Не дошел я <еще> до «камалья», как меня и моих провожатых обогнали несколько мужчин странного вида. Все тело их было вымазано белой глиной, даже головы были смазаны ею. На них не было никаких украшений, и костюм их состоял единственно из раковины *Ovula ovum*. Быстро пройдя мимо нас, они вошли в камаль, где стали бить в мраль. Они то же повторили и в другом камале и, наконец, направились в хижину покойницы, которая приходилась им родственницею. Эти вымазанные белым люди были жители другой деревни и пришли, чтобы присутствовать при похоронах умершей.

Проходя мимо хижины моего старого приятеля (1876 г.) Подако, я не узнал его, потому что ему явилась фантазия выбрить себе всю голову, за исключение узкой полоски волос на затылке. Мне пришлось сказать, что шляпка, на которой я приехал, скоро отвалит, так как все кокосовое масло в деревне скуплено тредором. Собрав мои покупки, которыми нагрузил Ахмата, я спустился к пристани и нашел в шляпке, кроме полного бочонка кокосового масла, несколько бамбуков, наполненных им. По отзывам Ахмата туземцы здесь не умеют готовить его. Хотя это делается здесь, но не с помощью гниения, а кипячения.

9 ноября. Ночью и утром шел сильнейший дождь, почему я остался на шкуне. Торг трепангом продолжался, но последний оказался уже мелким; шкипер неохотно его брал, уговаривая туземцев привозить ему крупного.

У одного из жителей Андры, приехавших на шкуну, я заметил пришепленные к его орехелю из собачьих зубов несколько характерных

не состоялось. Письмо мое было получено г. Мюллером, но приложенные образчики листьев и плода каким-то образом были затеряны в ботаническом музее в Мельбурне. Я полагаю, что апис может оказаться важным и для европейской мануфактуры. Ахмат натер, по моему желанию, мои парусинные штиблеты соком апис — они стали непромокаемы, остались мягкими, и я их проносил года два или даже более.

* Перекисью марганца (пиролузитом), глиной или пеплом.

бус, употребляемых на островах Пелау как деньги*. Каким образом они попали сюда, был бы хитрый вопрос для этнолога, малознакомого с новейшей историей островов Адмиралтейства. Эти бусы довольно редки и на островах Пелау, и туземцы там только при крайней нужде расстаются с ними. Здесь же человек, украсившийся ими, не придавал им особенного значения. Загадка уяснилась для меня простым образом. Ахмат сказал мне, что эти бусы были найдены между вещами О'Хары.

Это наглядный пример, указывающий, как следует быть осторожным при рассмотрении этнологических коллекций островов Тихого океана**. Вкус туземцев, на одной ступени развития, относительно украшений будучи довольно сходным, имеет следствием, что туземцам одних островов нравятся туземные украшения жителей других гораздо более, чем европейские произведения***. Этим обстоятельством шкипера торговых шкун и тредоры давно уже воспользовались, скупая на одних группах разные туземные украшения для меновой торговли на других островах.

Не подумав о возможности такого обстоятельства, член какой-нибудь ученой экспедиции, заходящий на военном судне на несколько дней на какую-нибудь группу, мимолетный путешественник, попадающий на несколько часов на какой-нибудь остров, видя одинаковые украшения, может быть очень характерные, в обеих местностях, иногда очень отдаленных, невольно приходит к разным гипотезам о тождестве рас, сношениях между островами и т. д. Только продолжительное пребывание в одной местности, знакомство с языком, а иногда просто случай могут оградить путешественника-этнолога от подобных «невольных» ошибок.

¹* Одна из серьезнейших задач нашего времени состоит в том, чтобы как можно точнее установить особенности еще существующих естественных народов, тщательно собрать все сохраняющиеся остатки их культуры и оставить потомкам, которые вскоре будут лишены этого средства исследования, литературу, которая сохранит источники для сравнительной науки о человеке богате и полнее, чем это сделала для нас классическая литература (Рудольф Вирхов).

²* Ластогка (англ.).

³* Исследование (франц.).

* См. мои письма с архипелага Пелау, напечатанные в «Известиях ИРГО», 1878. Т. XIV (см. т. 3 наст. изд.).

** «Сева», который войдет, вероятно, здесь в употребление, представляет другой пример этого же рода (в «Северном вестнике»). Употребление «сева»).

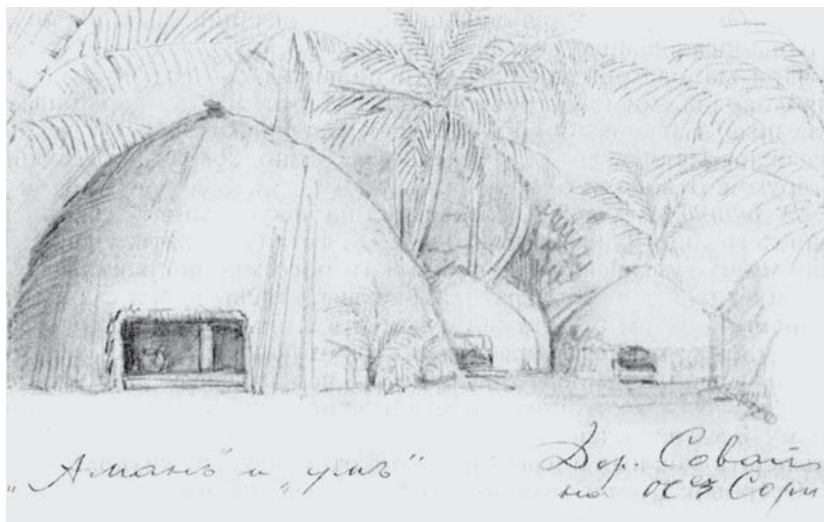
*** Я много раз убеждался в этом же на Берегу Маклая в Новой Гвинее, где предметы моей этнологической коллекции, собранные на других островах, очень ценились туземцами, гораздо более, чем европейские бусы, бисер и т. п.

- 4* *Надежда (франц.)*.
- 5* *Неточность: д'Антраксто был адмиралом.*
- 6* *Неточность; правильно: в мае 1876 г., т. е. спустя год после экспедиции «Челленджера». См. наст. том, с. 130.*
- 7* *В «Северном вестнике»: Я прожил.*
- 8* *Неточность; правильно: в 1876 г.*
- 9* *За неимением лучшего (франц.)*.
- 10* *Неточность; правильно: в 1876 г.*
- 11* *Неточность; правильно: в 1876 г.*
- 12* *Неточность; правильно: в 1876 г.*
- 13* *В «Северном вестнике»: я повязывал, поверх локтя, обыкновенно носимого туземцами плетеного браслета.*
- 14* *Сладостное нитегонеделание (итал.)*.
- 15* *В «Северном вестнике»: т. е. «большая хижина».*
- 16* *В «Северном вестнике»: Ovulum ovum.*
- 17* *В «Северном вестнике»: перешел.*
- 18* *Неточность; правильно: в 1876 г.*
- 19* *В «Северном вестнике»: не потушил.*
- 20* *Пожеланий (лат.)*.
- 21* *См. наст. том, с. 213.*
- 22* *В «Северном вестнике»: между о. Герцога Йоргского существует довольно правильное почтовое сношение с Куктауном в Австралии.*
- 23* *В «Северном вестнике»: занялись.*
- 24* *Амулет (англ.)*.

Посещение острова Сорри 17—24 октября 1879 г.

17 октября. Несмотря на значительное расстояние (около 11 миль) от о. Сорри, полдюжины пирог прибыли к шкуне, которая лавировала с трепангом. На одной из пирог я заметил небольшую акулу, которую приобрел; это был [...]¹*. Между прибывшими я увидал многих, которые приезжали на островок Андру. Громадные зубы одного были очень замечательны. Когда лицо было совершенно спокойно, зубы торчали между губами, когда же он улыбался, размеры зубов казались положительно невероятными. Мне не удалось привлечь этого человека на палубу. Заметив, что я обратил на него особенное внимание, он никак не хотел выйти из своей пироги. Я его оставил в покое при виде трех людей, очень отличных от остальных туземцев островов Адмиралтейства. Поглядев на них, мне нетрудно было заметить их сходство с жителями архипелага Ниниго.

Подойдя к ним и только назвав имя их родины, как двое из них, ударяя себя рукою в грудь, стали повторять: «Ниниго, камаль Ниниго» (человек с Ниниго), третий сказал, что он туземец островов Луб.

Аман (ум-каман) и ум — мужской дом и семейные хижины.
Дер. Совай на о. Сорри

Вероятно, все они в пироге были занесены ветром или течением сюда. Как давно это было, мне не удалось узнать. Они казались знающими хорошо здешний язык, и с ними обращались здешние туземцы хорошо.

При маловетрии шкуна плохо подвигалась. Мы проходили, идя с запада, мимо островков порта Нарес. Я стал спрашивать туземные названия. О. Д'Антркасто (английских карт) туземцы называют Пелланган¹ [...]*. Было уже темно, когда пироги, одна за другой, отвалили от шкуны.

18 октября. Утром перебивало на шкуне много туземцев, и когда мы бросили якорь у входа [...]*, я стал собираться на берег. Одному из туземцев, физиономия которого мне понравилась, по имени Каду, я дал позавтракать (бисквит, вареного риса с сахаром и банан), а затем предложил ему ехать с ним в Сорри, который находился по крайней мере в 2½ милях от нашего якорного места. Захватив необходимое, чтобы провести ночь в деревне, я спустился в пирогу Каду, которому, очевидно, понравилось мое доверие к нему. Всем встречающимся пирогам мои спутники сочли нужным объявлять мое имя и известие, что я отправляюсь жить в Сорри.

Островок Сорри немного больше островка Андры, и на нем живут, кажется, значительно больше людей, чем на последнем. Как и там, хижины разбросаны группами. Мы подъехали к одной, более значительной, которую туземцы называют здесь Совай. В этом месте недалеко от берега находились несколько изгородей; то были род аквариумов, где сохранялись черепахи живыми. Пирог был вытащена на берег

Житель о. Сорри с характерной прической

близ площадки, представляющей центр деревни Совай. Хижины были очень скучены. Только перед ум-камаль, который здесь называется «ум-каман», было оставлено больше места кругом. Семейные хижины были большею частью обнесены забором.

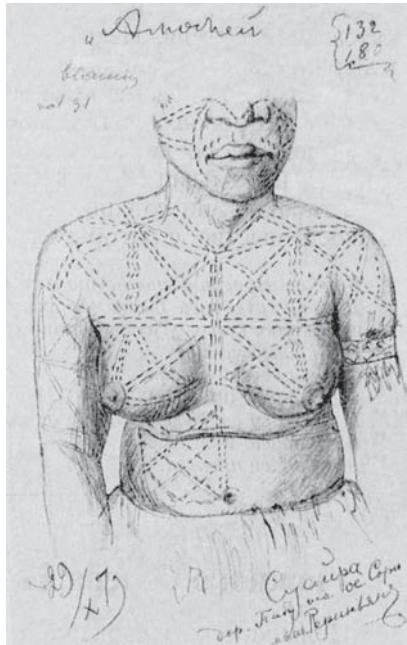
Поручив мои вещи Каду, я отправился в сопровождении нескольких человек по тропинке осматривать другие части острова. Побывал^{4*} в двух деревнях, в которых не нашел ничего особенного, кроме выделки ожерельев, так называемого здесь «соуль»², а в другой мне повстречалась

какая-то больная (вероятно, страдавшая лепрой) с закрытым листьями лицом. При моем приближении сопровождавшие меня люди прогнали ее, говоря при этом, что она «релан» (нехороший), и затыкая себе нос, старались объяснить, что от нее пахнет. Мне хотелось посмотреть ее ближе, но окружающие не допустили этого, повторяя: «релан, релан».

У одной хижины молодая женщина весьма странным образом укачивала ребенка. Последний находился в мешке, которого снурок обхватывал лоб женщины, а сам лежал на спине. Мешок был просторный, так что несколькомесячному ребенку, лежащему на дне его, места было довольно. Тело ребенка приходилось как раз над задним фартуком женщины. Убаюкивание состояло в том, что мать, придерживаясь одной рукой за изгородь, раскачивала среднюю часть тела, надеясь толчками усыпить свое кричащее чадо. Это ей действительно удалось, но только при самой усиленной гимнастике. Забыв захватить с собою конденсированное молоко (мою главную пищу в настоящее время), я ничего не мог найти в деревне, чтобы поесть. Таро, вареный и печеный в золе, я не мог тронуть, достаточно спелых бананов не нашлось, полусырые не годились. Пришлось удовольствоваться несколькими глотками воды кокосового ореха и лечь голодным на «кэяу» (род широкой скамьи).

19 октября. Проспал^{5*} очень скверно, так как циновка, покрывавшая кушетку, не делала досок ее более мягкими, а задние перекладины ее представляли довольно неудобную подушку. Первым делом надо было подумать о лучшем помещении, и, осмотрев деревню, я остановился на небольшой хижине рода небольшого камана и решил переселиться туда. Пришлось отправиться на шкуну за вещами, и к вечеру я устроился довольно удобно в моем новом помещении. Все туземцы были очень заняты варкою трепанга и устройством копилки. Заметил, между прочим, очень рослого туземца, который с сознанием собственного достоинства позволил себя смерить. Он оказался 1765 мм вышины. Мой приятель Каду только немногим ниже его. Видел вчера, проходя по деревням, несколько крупных экземпляров женщин, но они убежали при моем приближении.

20 октября. Ходил на охоту, чтобы добыть несколько свежей провизии. Голубей, как на о. Андра, здесь много. Мне попались два экземпляра голубя [...]^{6*} Очень толковый мальчишка лет двенадцати по имени Варай сопровождал меня на охоту. Проходя мимо окруженного плетнем места позади деревни, я захотел знать, для чего оно. Варай стал показывать на резанье горла, но я не мог добиться, кого здесь режут — людей или свиней. Суп, сваренный мной из голубей, оказался очень хорошим, несмотря на то, что пришлось есть его без соли: забыл захватить ее на шкуне. Но прожив в Новой Гвинее целых десять месяцев без нее, это обстоятельство не уменьшило мой аппетит. В продолжение дня я сделал несколько рисунков, смерил несколько голов и выучился нескольким

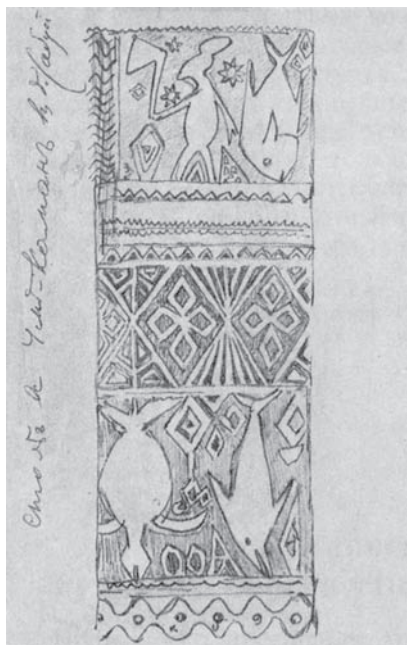

Самба — жительница Сорри, с характерной татуировкой;
узоры татуировки у Суайры — обитательницы дер. Пабу на о. Сорри

словам здешнего диалекта. Перед заходом солнца пролежал с полчаса в море, наслаждаясь теплотою воды и воздуха. Никого из белых со шкуны целый день не видал и радуюсь, что устроился почти вне деревни.

21 октября. В одной из хижин недалеко от моей всю ночь плакали и выли две или три женщины, иногда слышен был голос и мужчины. Я думал, что кто-нибудь умер или умирает. Утром, однако же, узнал, что причиной этого вытья была случайная смерть свиньи, принадлежавшей хозяевам. Здесь, как и в Новой Гвинее, женщины нередко вскармливают поросят собственным молоком, которое обстоятельство может отчасти служить поводом большой нежности женщин к свиньям, вскормленным таким образом.

Отправился рисовать фигуры у входа в каман деревни Совай. Одна изображала мужчину, другая — женщину; обе были почти что в рост человека и довольно примитивно вырезаны из дерева. Около мужской фигуры на небольшой подставке лежал череп с шапкою обстриженных волос. Обе фигуры, которые назывались: мужчина — Нянро, женщина — Нидитан, были изображения двух неприятелей, убитых и съеденных при постройке этого камана. Череп и волосы принадлежали

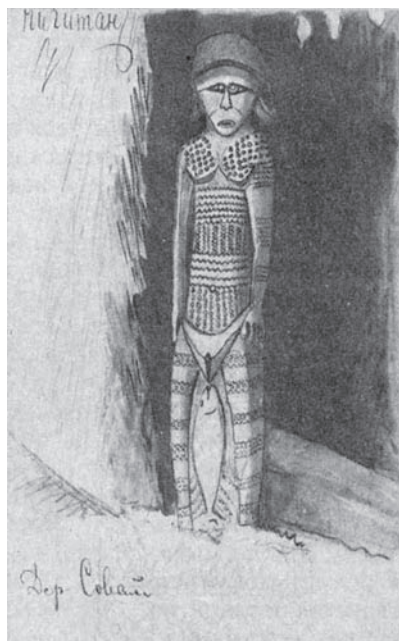
Столб с резьбой в ум-каман, дер. Сабуй (Совай?) на о. Сорри;
образец резьбы по дереву, о. Сорри

Нинро. На обеих фигурах была изображена татуировка, на женщине очень полная. Эти фигуры описаны профессором Мауслей³.

Что фигуры, описанные экспедицией «Челленджера» и виденные мною, несомненно те же самые, доказывается описанием подробностей, из которых некоторые довольно характеристичны, например изображение рыбы между ногами женщины.

Другие два камана не имели фигур у входа, зато один из столбов внутри был покрыт обильною резьбою. Осмотрев основательно все хижины деревни, я пришел к заключению, что туземцы здесь проявляют значительную самостоятельность в постройке и внутреннем устройстве своих жилищ, они <не> слепо следуют обычаю. Постройка семейных хижин (так называемых ум) гораздо разнообразнее, чем устройство каманов.

Пребывание европейского судна и постоянные торговые сношения с ним значительно изменяют образ жизни туземцев, так что наблюдение обычаев и характера их делается весьма нелегким. Одну общую черту легко, однако ж, заметить: что туземцы здесь очень склонны к торгу и проявляют при этом значительную ловкость и большое корыстолюбие.

Няро — мужская ритуальная фигура и Нигитан (Нидитан) — женская ритуальная фигура у входа в ум-камаи. Дер. Савай на о. Сорри

Мне хотелось составить словарь диалекта Сорри, который немало отличается от диалекта островка Андры. Найдя подходящего человека, я стал записывать слова, но ему не сиделось, он, видимо, желал избавиться от меня. Подумав, что, может быть, работа ему более понравится, если она окажется не даровая, я начал отсыпать ему немного бисера за каждый десяток слов. Он превратился в очень внимательного и терпеливого учителя. Диалект островка Сорри оказался значительно схожим с диалектом архипелага Луб; к последнему он подходит даже ближе, чем к диалекту островка Андры.

22 октября. При самом рассвете, лежа еще на моей постели, я заметил женщину, вышедшую из-за кустов с большой пачкой листьев. Оглядываясь кругом, она вырыла в песке небольшую ямку и, оставив себе только два или три листика этого перечного растения, положила остальные в ямку и сравняла песок. Оглянувшись еще, не видал ли ее кто-нибудь, она направилась в деревню.

Этот примитивный способ сохранения собственности встречается нередко (как я слышал потом) на островах Адмиралтейства. Между женщинами здесь встречаются некоторые, гораздо тщательнее татуи-

рованные, чем в других виденных мною местностях этой группы, хотя татуировка совершенно одинакова, как и там (те же небольшие надрезы осколком обсидиана), но расположение рисунка на теле гораздо симметричнее. Мне удалось нарисовать татуировку девушки лет двадцати.

Вечером пришла пирога с острова Бонен и привезла известие, что неприятели напали на жителей острова Андры и убили из последних человек десять, которых увезли с собою и съели.

23 октября. Здешние жители не находятся в настоящее время в хороших отношениях с туземцами о. Пелланган (о. Д'Антркаста на английской карте), почему мне невозможно было найти здесь пироги отправиться на островок Пелланган, шкипер же не мог уделить несколько человек экипажа шкуны, так как все были заняты копчением трепанга. Пришлось отложить этот план.

Сегодня произошла ссора между туземцами и тредорами, которым первые просто предложили забрать весь трепанг из временной коптилки на берегу и отправить на шкуну. Шкипер В. был настолько благоразумен, что не стал настаивать и решил собираться в путь. С четырех часов шел проливной дождь, так что все туземцы, как и я, сидели по хижинам.

24 октября. Мне удалось, наконец, заманить к себе туземца с громадными зубами. Я не только смерил и осмотрел их, но и нарисовал рот этого человека en face^{7*} и в профиль. Приложенные рисунки и размеры делают длинное описание лишним. Этот образчик [...] ^{8*} окончательно убедил меня, что мы имеем дело здесь не с увеличением собственно зубов, а с чрезмерным отложением конкремента, особенного рода винного камня. Жевание бетеля находится в прямой связи с этою аномалиею. Здесь жуют куски ореха арековой пальмы, как обыкновенно, с негашеной известью, но кроме листьев бетеля, нередко жуют также обрезки корня Piper. О пропорции каждой составной части я, к сожалению, не могу дать точных сведений. Она, мне кажется, главным образом зависит от вкуса потребителя. Некоторые из туземцев жуют бетель здесь не в меру; весь день они, кажется, заняты этим жеванием. Заслуживает интереса, что, когда европейцы в первый раз познакомились с жителями островов Адмиралтейства, жевание бетеля не было во всеобщем употреблении, только начальники предавались ему. Не будучи знакомыми с употреблением кавы, не познакомившись еще ни с табаком, ни со спиртными напитками, единственное наркотическое вещество, с которым туземцы знакомы, есть жевание бетеля.

^{1*} В рукописи оставлено место для латинского названия.

^{2*} Далее в рукописи было: Сорри. Острова у [...] туземцы называют Самеси, прибавляя к этому имени слово «уссия».

3* *В рукописи пропуск.*

4* *В рукописи: побывав.*

5* *В рукописи: проспав.*

6* *В рукописи оставлено место для названия.*

7* *В рукописи: в en face.*

8* *В рукописи пропуск.*

⟨Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.⟩

Цель моего посещения южного берега Новой Гвинеи было желание ознакомиться с туземцами этого берега для сравнения их с теми, которых я уже знал и имел возможность наблюдать на Берегу Маклая, Берегу Папуа-Ковиай, а также с прочими курчавоволосыми и темнокожими жителями разных групп и архипелагов Меланезии. Мне хотелось лично убедиться в верности разных сообщений о какой-то особенной, «желтой малайской» расе, которая обитает на юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, — название, вошедшее в употребление в последние года. Прийти к окончательному решению этого вопроса мне казалось стоящим нескольких месяцев путешествия.

Имея в виду более продолжительное пребывание на этом берегу, я должен был оставить шхуну «Saddie F. Caller» на о. Базилаки (или о. Морезби)¹, но зная, что там мне навряд ли можно будет дожждаться судна, я решил перебраться на о. Варе (о. Тест на картах), чтобы дожждаться^{1*} там небольшого парохода «Элленгован», принадлежащего London Missionary Society².

Оставив почти все мои вещи на шхуне для доставления в Сидней, забрав только несколько необходимых вещей, я отправился на о. Варе, где в ожидании оказии поселился в доме миссионеров, или «тичеров» (teacher)*, туземцев островов Лояли, у которых я нашел 2 письма на мое имя и известие, что военная шхуна «Бигль», заходившая сюда неделю 6 тому назад, старалась разузнать место моего пребывания, так как имела несколько писем на мое имя, которые командир не захотел оставить здесь. Я устроился довольно удобно в небольшой хижине, принадлежащей миссионеру. Как только устроился, то отослал шлюпку и людей обратно на шхуну.

* Teacher'ами называются миссионеры-туземцы, помогающие белым миссионерам распространять христианство среди местного населения. Принадлежа часто к одной и той же расе, они чаще достигают доверия туземцев, переносят климат и неудобства первого поселения. Teacher'ы были, можно сказать, главным орудием успешного распространения христианства среди туземцев островов Тихого океана.

Хижина, о. Базилаки.

«Крыша, передняя и задняя стены —
листья саговой пальмы,
боковые стены — из foliorum vagina»

была уплата за пирогу умершего туземца, хозяина той хижины, под которой мы стояли. Вдова его, находившаяся в самой хижине, должна была *ex officio*^{2*} выть в память покойника, пирогу которого она продавала. Мне сказали, что 12 куне не составляют всей уплаты за пирогу, так как вдове был уже дан прежде значительный задаток.

Я пошел осматривать деревню. Видел замечательную ловушку для рыб, называемую туземцами [...]»^{3*}

Внутренность хижин оказалась сходною с рисунком в книге Макгиливрея³, в ней помещались три пары, т. е. трое мужчин и трое женщин и двое детей. В деревне я насчитал более 100 хижин.

21 января. Около полудня показались 2 судна: одно из них было небольшой пароход, оказавшийся <«Ellengowan»>^{4*}, другое — шхуна <«Annie»>. На пароходе «Ellengowan» я познакомился с г. Чальмерсом, известным миссионером, прожившим много лет на островах Тихого

20 января. Узнал от миссионера, которого зовут Вауная, туземца о. Лифу, что здесь, на о. Варе, нет начальников в настоящем смысле этого слова. Что покойников зарывают и на могиле ближайший родственник спит ночей десять. Наш разговор был прерван множеством голосов; мы вышли и направились к группе туземцев, собравшихся под одной из хижин*. При этом я убедился в верности того, что уже предполагал, а именно, что большие топоры, называемые туземцами «куне», собственно не употребляются как орудие или оружие, а главным образом служат средством обмена, родом денег, как, например, на островах Микронезии сверток циновки, на котором никто никогда не будет спать, служит денежною единицею. Под хижиною на циновке, вокруг которой собрались туземцы, было положено 12 новых или кажущихся новыми «куне». Это

* Большинство хижин на о. Варе построено на сваях, так что под ними можно ходить и стоять.

Миссионерский пароход «Элленгован». Водоизмещение 36 т,
мощность двигателя — 16 л. с.

океана и прибывшим на южный берег Новой Гвинеи, где он неумоимо продолжал свою деятельность миссионера⁴.

Г. Чальмерс любезно согласился взять меня до Ануапаты (Порт Морезби), и я с удовольствием узнал, что он имеет намерение посетить многие деревни по берегу, чтобы навестить живущих в них миссионеров, ⟨teacher'ов⟩^{5*}, по большей части туземцев островов Тихого океана.

Пришлось вернуться в хижину и снова уложить вещи, которые разложил, полагая, что придется прожить несколько недель на этом острове.

Собрал все и был к 7 часам вечера на пароходе. Спал на палубе. Общество миссионеров (г. Чальмерса и Безвика) представляло большой контраст с тем обществом, с которым мне приходилось мириться на шхуне ⟨«Sadie F. Caller»⟩^{6*}.

22 января. Снявшись с якоря в 6 часов, пришли к 3 к островку Самарай [...] ^{7*}.

Познакомился здесь с капитаном Редлихом, который, потеряв свое судно, занимается собиранием коллекций птиц. С ним был другой коллекционер, также немец, г. Хундштейн⁵. Они оба попросили г. Чальмерса взять их с собой, на что и получили согласие. Между вещами, принадлежащими г. Хундштейну, находился небольшой темно-коричневый кенгуру, который был пойман туземцами на материке Новой Гвинеи, против островка Самарай.

Встретился здесь с замечательным туземцем Джими-Каледония, который был некогда в Австралии счастливым золотоискателем; спу-

Образец разрисовки лица смолой
«думу», о. Варе

Татуировка на лице и шее
женщины, о. Суоу

стив все, он прибыл вместе с другими в Новую Гвинею искать золота, но, как и другие, ничего не нашел⁶. Он, между прочим, сказал мне, что при промывке большой тарелки песку обыкновенно находилось несколько блесток, называемых «следами золота» (colour of gold).

23 января. На якоре у деревни Бара-Бара. Мерим головы. Бритые головы женщин и детей представляют особенно подходящий материал для этих измерений. У некоторых женщин я нашел интересную деформацию головы вследствие ношения больших тяжестей в мешках на спине таким образом, что ручка или веревка мешка покоится на средней части головы. Так как женщины уже маленькими девочками начинают помогать матерям по хозяйству и очень рано подражают взрослым во всем, также и в ношении мешков, то от этого у них образуется поперек головы, как раз перед [...]**, поперечное вдавление, которое легко ощущать у взрослых женщин; оно заметно на многих женских черепах этой местности*.

На многих деревьях я заметил несколько фигур. Хижины похожи были на виденные на о. Базилаки, с такими же вогнутыми крышами. Проходя мимо группы туземцев, занятых приготовлением обеда, я увидел, как они резали на куски змею значительной длины; осмотрев голову

* Об этой произвольно являющейся деформации головы я напечатал короткую записку (см. т. 3 наст. изд.: «Деформация черепа у новорожденных на острове Мабиаки и на других островах...»).

змеи, я нашел, что она принадлежит к роду [...]»* Я попробовал эту змею, когда она сварилась: мясо было очень бело, но жестковато.

У туземцев здесь нет барумов.

Женщины не татуированы, но разрисовывают себя разными фигурами* (употребляя для этого черную смолу «думу»)**.

24, 25, 26 января. На якоре у острова Самарай. Лихорадка. Чувствовал себя очень неладно, ничего не делал.

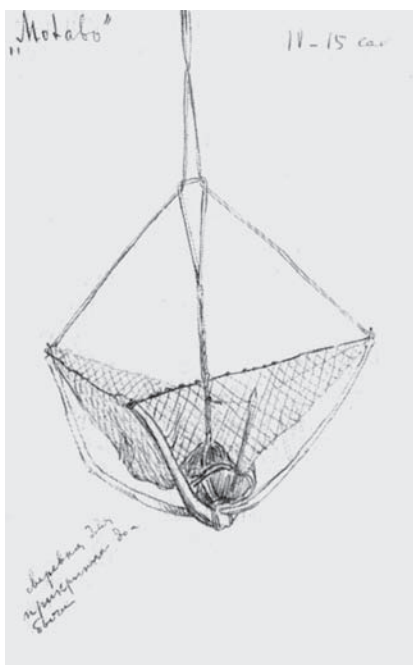
27 января. Снявшись рано утром, бросили якорь к 11 часам в проливе между материком Новой Гвинеи и о. Суоу, недалеко от дома миссионера. Съехав на берег, я получил здесь 3 письма, оставленные командиром канонерской лодки «Бигль», все 3 были из Европы. Одно из них было от сестры из Петербурга, это было последнее, которое я получил от нее (вернувшись в Европу, я не застал ее в живых).

28 января. Снял несколько фотографий⁷. Татуировка женщин здесь отлична от виденной на островах Луизиады. Между туземцами видел женщину с прямыми волосами.

У одной из хижин увидел ловушку для рыб, называемую «мотабо», ту самую, которая заинтересовала меня на о. Варе. Имея время, я нарисовал ее, а затем убедился, взяв ее с собою на пароход, что она действует хорошо. Приложенный рисунок сделает понятным ее конструкцию.

Был с г. Чальмерсом в школе. Мальчики хорошо знали азбуку и некоторые порядочно писали.

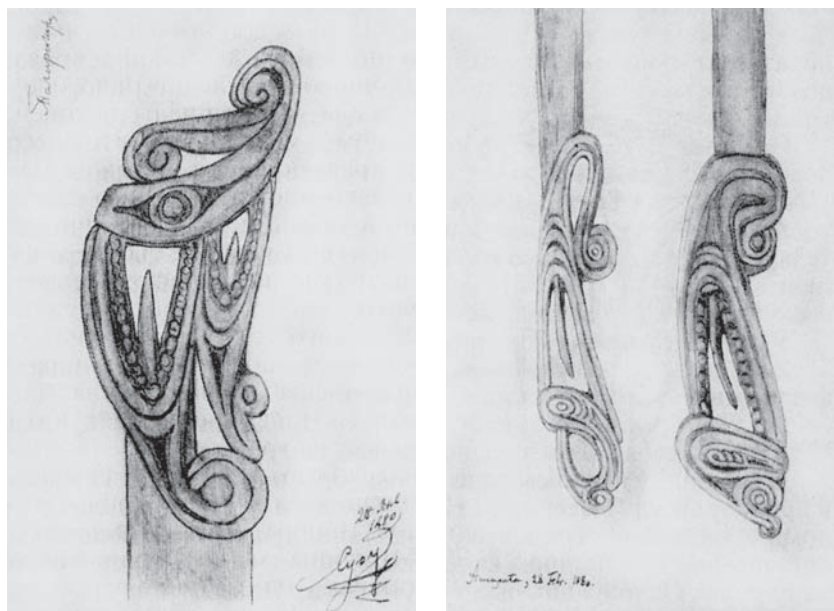
30 января. Пройдя под парами миль 25, зашли в совершенно замкнутый между холмами порт, названный Дудфильд — по имени бывшего капитана парохода «Элленгован». В этом месте туземцы напали,

Мотабо — ловушка для рыбы,
о. Суоу

* Из которых каждая имеет специальное название: на лбу над глазами она называется «каб-каб», вокруг губ — «ререре».

** Этой же смолою туземцы смазывают некоторые части своих пирог, полагая, что это будет иметь благоприятное действие при ловле черепах.

Детали резных украшений на лодках, о. Суоу и дер. Ануапата

несколько месяцев тому назад, на шлюпку последнего, причем один человек был убит и несколько, вероятно, ранено. Миссионерам, однако ж, удалось восстановить мир, и сегодня много мужчин и женщин съехались вокруг парохода и толпились на палубе.

31 января. На якоре.

После ночи и утра под парами пришли в эту большую удобную гавань. Матросы отправились рубить дрова. Несколько туземцев выехало к пароходу; ни на них, ни на их пирогах, ни на веслах я не заметил никаких украшений. Деревни расположены по холмам довольно высоко, они не видны с парохода, а на посещение их не было времени.

1 февраля. На якоре.

Пришлось остановиться, чтобы нарубить дров. Якорная стоянка была совершенно открыта, так что сильно качало. Вдали виднелись невысокие горы. Жителей здесь нет.

2 февраля. Там же.

Продолжали рубить дрова, которые привезли сегодня 8 шлюпок на пароход. Выгружать длинные тяжелые поленья при сильной качке была тяжелая работа, но матросы, преимущественно туземцы о. Лифу, работали хорошо.

4 февраля. На якоре у деревни Маупа.

Бросили якорь у деревни Парамата около полудня; к нам выехал миссионер с рослым широкоплечим туземцем, который мне был представлен как [...] ^{10*} (начальник) по имени Квапена или Куапена⁸. Съехав на берег, я направился в деревню Маупа, но предпочел идти по лесной тропинке, а не более прямым путем вдоль песчаного берега. Лес состоял почти весь из кокосовых пальм; множества спелых орехов, из которых большинство уже пустило ростки, были собраны и положены по обоим краям тропинки. После почти часовой ходьбы я пришел, наконец, к дому миссионера, стоящего у края большой

деревни. Не только площадка около дома, но и самый дом, состоящий из 2 больших комнат, был переполнен туземцами. Около почетного места — стола и единственного стула — на чистых циновках на полу сидели разные члены семьи Квапена. Так как г. Чальмерс думает идти далее завтра, то я воспользовался безотлагательно случаем и принялся мерить головы, рисовать портреты и татуировку. Мужчины мало татуированы, так как у них татуировка связана с убийством врага; женщины же все покрыты разнообразными и оригинальными фигурами, которые вытатуировываются на разных частях тела, сообразно их летам. Фигуры или орнаменты татуировки здесь опять отличны от виденных мною на островах Луизиады и деревни Суоу.

Татуировка представляет значительный интерес для этнолога: во-первых, потому что известные орнаменты переходят как бы по наследству от одного поколения к другому и совершенно характеристичны для известной местности; при переселении туземцы вместе с языком и другими физическими особенностями переносят также и татуировку в свое новое местожительство, почему на орнаменты татуировки и всю операцию, сопряженную с ней, путешественник должен обращать полное внимание; во-вторых, именно против татуировки миссионеры ведут ожесточенную войну, и по мере распространения христианства обычай этот постепенно исчезает, а с ним вместе и важный этнологический ма-

Папуас из дер. Маупа

териал. Я счел поэтому положительно своей обязанностью делать точные замечания о ней, причем, разумеется, рисование орнаментов было необходимо. К величайшему моему, я еще ранее положительно убедился, что татуировка, произведенная способом накалывания, — причем узоры выходят синевато-серого цвета (как на островах Полинезии и здесь, на южном берегу Новой Гвиней), — положительно не выходит на фотографии, так что для передачи ее остается утомительный и менее точный, но единственный способ — рисование. Поэтому уже в Маупе я принял за рисование татуировки и очень аккуратно продолжал ее при каждом удобном случае⁹.

Я отправился в деревню с тичером. Она состояла, по словам последнего, из более чем 300 хижин, расположенных по сторонам улиц, перекрещивающихся под прямыми углами; все хижины были на сваях, довольно похожи на те, которые строятся туземцами на южном берегу островов Адмиралтейства. Деревьев между хижинами не было, хижины стояли близко друг от друга; везде на улицах и под хижинами виднелся один песок. Нас сопровождала целая толпа девушек, от которых мы не могли иначе отделаться, как зайдя в хижину Куапена — начальника, к которому не осмелились войти за нами.

Я вернулся в дом миссионера, где переночевал.

5 *⟨февраля⟩*. Деревня Маупа.

Всю ночь дул сильный ветер; один шквал сменялся другим, более сильным. В 4 часа г. Чальмерс, который спал в том же доме, сказал мне, что по случаю ветра нам, вероятно, нельзя будет отправиться сегодня далее, чему я был рад, желая закончить несколько начатых рисунков. Когда рассвело, «Элленгован» оказался не на том месте, где был вчера, и неподвижен; вероятно, ночью подрейфовало, и пароход оказался на рифе. Г. Чальмерс поспешил на пароход, и я отправился с ним; необходимо было выждать высокую воду, чтобы сойти с рифа; это значило, что мы не снимемся ранее завтрашнего дня. Я вернулся на берег с гг. Безвиком и Редлихом, и мы отправились назад в деревню, и только

Хижины в дер. Маупа

благодаря г. Безвику мне удалось нарисовать татуировку одной из молодых девушек, что оказалось не особенно легким предприятием. Присутствие миссионера помешало ей снять свой [...]»^{11*}, и, таким образом, мой рисунок остался недоконченным до следующего посещения этой деревни¹⁰. При посредстве г. Безвика и тичера мне удалось узнать несколько подробностей о жизни туземцев.

6 ⟨февраля⟩. Смерил, по возможности аккуратно, около 20 голов женщин, что, разумеется, не обошлось без крика, давки и суматохи. Я избрал женщин, а не мужчин, так как головы замужних женщин тщательно выбриты и, таким образом, для антропологических измерений они более подходят, чем головы мужчин и девушек с их громадной шапкою волос, при которой трудно избежать погрешностей при измерении. Собрание состояло из приблизительно 300 или 350 женщин; все лезли, все хотели быть измерены или, вернее, хотели получить кусок табаку¹¹. Здесь я видел нескольких положительно прямоволосых (которых, я предполагаю, не наберется более 2 %); у большинства волосы вьющиеся, но курчавых, настоящих папуасских будет не менее 25 %. Таким образом, о так называемой «малайской расе» не может быть и речи. Можно говорить о «полинезийской примеси», но не как о малайской расе¹². Несколько субъектов были очень светлы; у девушек, только что достигших половой зрелости, я заметил замечательную форму груди: вся часть, ограниченная [...]»^{12*}, представляла одну полукруглую [...]»^{13*}, причем *papilla mammae* не было заметно; эту форму груди я мно-

Хай — житель дер. Карепуна

го раз уже видел на островах Полинезии и в Новой Гвинее.

7 *〈февраля〉*. Деревня Карепуна, в доме миссионера.

В 3 часа утра пришла с берега шлюпка; г. Чальмерс, тичер и я отправились в шлюпке под парусами в Карепуну, куда «Элленгован» должен был последовать после восхода солнца. Вначале ветер был ровный и благоприятный, но к рассвету он засвежел, а нам оставалось пересечь еще значительную бухту. Пришлось лавировать, и лавировали до 9 часов утра. Видя, что мы двигаемся медленно и ветер сделался совсем противным, мы подошли близко к берегу, убрали паруса и, взяв весла наукол, стали толкаться вдоль мелкого берега и к 11 часам — гораздо

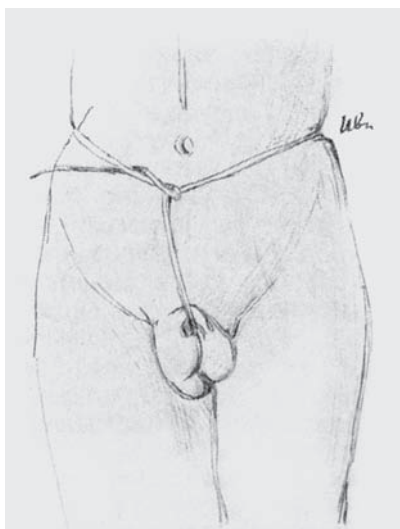
позднее, чем полагали, — прибыли к дому тичера в деревню Карепуна. Деревня эта оказалась большая и интересная, со многими хижинами замечательной постройки, а также с очень оригинальными высокими заборами, называемыми «пири», построенными, чтобы заградить хижины и улицу вдоль берега от сильного NW'ого ветра¹³, который дует у этого берега весьма сильно в продолжение нескольких месяцев. Заборы состоят из крепких свай футов в 15 вышины; между ними укреплены перекладыны, придерживающие двойной или тройной слой «атапов» или особенным образом плетеных циновок из листьев разных видов пальм. Туземцы здесь видели уже не раз европейцев, почему они менее застенчивы, и все женщины и мужчины, от мала до велика, при встрече с нами разными интонациями голоса просили у нас «куку», т. е. табак.

Одежда мужчин состоит здесь положительно из «одной веревочки», которой они придумали придавать себе такой вид, что при первом взгляде не знаешь, к какому полу принадлежит встреченный, или являеся мысль, что над ним была произведена какая-то операция. Женщины покрыты богатою татуировкою, которая здесь различна от виденной мною в деревне Маупа.

8 *〈февраля〉*. Ночью был сильный ветер, так что «Элленгован» не пришел.

После завтрака я отправился к обедне, которая по случаю отсутствия церкви, еще не построенной, должна была происходить на ве-

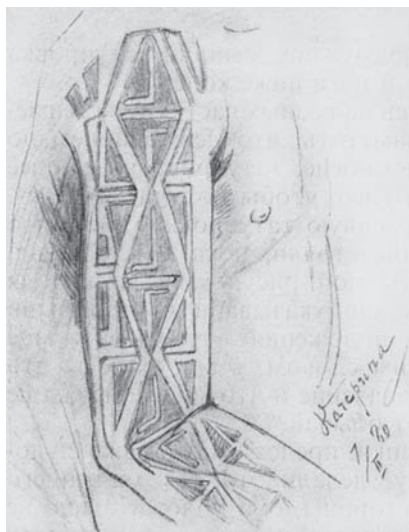
ранде одной из больших хижин. Присутствовали большею частью дети, несколько женщин и весьма немного мужчин. Многие собрались посмотреть на белых и послушать пение их и тичера, который сказал длинную проповедь, видимо надоевшую туземцам; они стали зевать, перемигиваться, хихикать, многие принялись за работу, но вообще не шумели. По окончании службы я зашел в несколько больших хижин; помещения просторные, но темные; постройки вообще солидные, на толстых сваях. Я нарисовал одну из больших хижин, которые называются «оге», между тем как обыкновенные — просто «нума»¹⁴. Я также принялся рисовать татуировку женщин, но было

«Костюм» мужчин в дер. Карепуна

Хижины в дер. Карепуна.
Фото Н. Н. Миклухо-Маклая

Образцы татуировки в дер. Карепуна,
татуировка правой руки мужчины

заметно, что присутствие миссионеров, которые были со мною, стесняло девушек, почему я и отложил рисование до другого дня.

Имел довольно длинный разговор с г. Чальмерсом, который полагал, что туземцы здесь не папуасы, а принадлежат к какой-то особенной расе. «Вопрос, к какой именно, решится, когда язык и мифология туземцев будут известны», — прибавил г. Чальмерс.

Я допускаю, отвечал я, что полинезийская примесь здесь несомненна; почти что прямые волосы некоторых туземцев, более светлый цвет кожи, обычай татуировки и грамматические формы языка свидетельствуют несомненно, что сюда забрались каким-то образом несколько полинезийцев. Но я

не допускаю, чтобы мифология могла бы считаться имеющею такой же вес, как наблюдения анатомического *habitus*'а какой-нибудь расы. Предположите, г. Чальмерс, что спустя несколько сот лет после вашей деятельности здесь какой-нибудь миссионер какого-либо другого вероисповедания, буддист, например, прибыв в Карепуну, найдет следы христианской мифологии. Насколько будет справедливо его предположение, что туземцы здесь принадлежат к кавказской или семитской расе?.. Туземцы любят сказки, скоро их усваивают и хорошо помнят, хотя и примешивают много своего. Мифология поэтому никогда не может иметь одинакового значения с антропологическими наблюдениями, почему я повторяю, что основная раса здесь чисто папуасская, с весьма небольшою примесью полинезийской крови.

Не знаю, насколько я убедил г. Чальмерса.

9 *(февраля)*. Продолжал осматривать деревню и рисовать, что находил более интересным. Женщины, которым г. Чальмерс или, вероятнее, тичер делал какое-нибудь замечание относительно безнравственности татуировки и неподходящего дела гордиться ею и выставять ее напоказ и т. п., гораздо более церемонятся, когда я начинаю рисовать татуировку их тела, боясь их появления, почему я решил оставить их в покое до отъезда белых миссионеров, который состоится завтра. Результаты измерения голов показали, что у многих проявляется на-

клонность к брахицефальной форме головы¹⁵. Заметил, между прочим, двух альбиносов, но видел их только мельком. Узнал, что отец и мать их были не светлее большинства.

10 февраля. Гг. Чальмерс и Безвик отправились в шлюпке в деревню Хура или Хула; я же остался обожда́ть прихода «Элленгована», но более для того, чтобы сделать несколько рисунков татуировки женщин. Я не ошибся: как только отъезд миссионеров стал известен в деревне, около дома, в котором я помещался, стали бродить девушки и женщины, прося куку. Впуская по две в комнату, я мог без затруднения рисовать их татуировку, причем, если двери были закрыты, они нисколько не жеманились и даже без моего приказания развязывали свои [...] ^{14*}, чтобы показать мне татуировку на всех частях тела. Я отпустил первую с порядочным количеством куку за ее терпение, а затем без моего приглашения ко мне в течение всего утра являлись девушки разного возраста, готовые стоять натурщицами; при этом я заметил, что татуировка известных частей тела совпадает с известным возрастом. Так, например, у девочек около 10 лет татуировка встречалась на лице, на руках, иногда на предплечье, на нижней части живота, закрытой обыкновенно [...] ^{15*}; иногда подмышками, где волосы, как и на *mons Veneris*, были выщипаны, находились вытатуированные фигуры. У девочек между 10—15 лет были татуированы нижняя часть спины, ягодицы, ноги спереди и сзади до колен.

У девушек от 15—20 лет и у замужних женщин татуировка распространилась на груди, спину и ноги ниже колен.

Фигуры татуировки повторялись на разных частях тела и имели известные названия. Я мог заметить, что девушки немало гордились своею татуировкою, и многие, татуированные более других, приходили не только для того, чтобы получить табак, но и для того, чтобы показать красивую татуировку. Видя, что я рисую их терпеливо, натурщицы стояли, пока я не кончал, и непременно желали посмотреть мой рисунок, и не находя какой-нибудь характерной фигуры, они указывали на нее и были готовы стоять даже в неудобных положениях, чтобы дать мне возможность нарисовать ее. Одним словом, я мог видеть, что татуировка здесь имеет большое значение и что миссионерам не будет слишком легко вывести этот обычай¹⁶.

Могу еще прибавить, что девушки, предоставляя, даже с удовольствием, рисовать татуировку, делали это без малейшего намека на стыдливость со своей стороны; они положительно не видели в этом ничего худого и, я думаю, не могли понять убеждения миссионеров, что не следует выставлять на вид татуировку.

Так как некоторые женщины, лет около 25, были татуированы с головы до колен, я стал сомневаться, чтобы операция эта могла быть

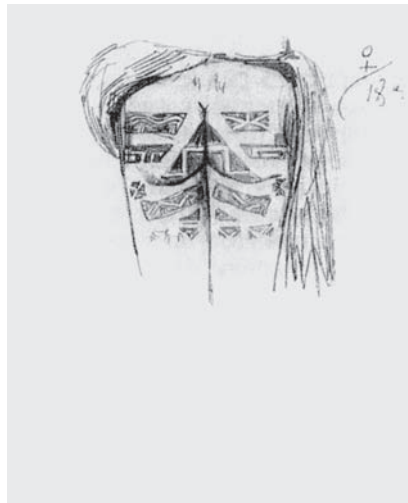

Образцы татуировки в дер. Карепуна:
татуировка лица девушки Иля, лет 16;
татуировка на лице и подмышкой у девочки Варе, 8 лет;

сопряжена со значительною болью. Не умея спросить у них об этом, решил сам испытать эту операцию.

11 февраля. Я не только интересовался знать, сопряжен ли процесс татуировки с болью, но хотел видеть инструменты, употребляемые при операции, а также и все церемонии, которые ее сопровождают. Я отправился в хижину [...] ^{16*}, к которой я обещал обратиться по этому делу. Хижина оказалась просторною, с большою верандою, куда я взобрался. [...] ^{17*} позвала к себе двух помощниц; кроме них, несколько других любопытных женщин собрались вокруг нас. Все были очень довольны, что белый захотел подвергнуться операции «ало-ало» (как здесь называют татуировку), несмотря на то, что миссионеры так встают против этой процедуры. Они немного разочаровались, когда я предоставил им левое плечо, а не грудь для татуировки и выбрал небольшой рисунок для этой цели, так как я не хотел провозиться слишком долго с этою операциею. Надо было высвободить руку из рукава рубашки, показать место, а затем предоставить себя в полное распоряжение операторов, которые все были женщины.

Принесли циновку и предложили мне лечь, причем одна из девушек указала на свои колени, чтобы я положил к ней голову, на что я, однако ж, только тогда согласился, когда было послано несколько свежих листьев хлебного дерева, на которые я мог положить голову; другие

Образцы татуировки в дер. Карпуна: татуировка правой ноги женщины;
татуировка лица и верхней части тела Валим, женщины 25 лет;
татуировка от талии до колен у девушки Иамо, 15 лет;
татуировка на ягодицах и бедрах у женщины 18 лет

две схватили мою руку, а третья, сидя на противоположной стороне, т. е. за моей спиной (я лежал на правом боку, предоставляя левое плечо и левую руку для этой операции), обмакнув небольшую палочку в род чернил*, принялась выводить на моей руке указанный мною узор. Линии были в 2 мм толщиной; пока операторша делала это, две или три женщины давали ей разные советы относительно рисунка, причем одна из них мягким листом стирала те линии, которые казались неподходящими; после нескольких изменений рисунок был окончен, и когда все женщины, осмотрев его, выразили свое одобрение, [...] ^{18*} принялась за второй акт операции.

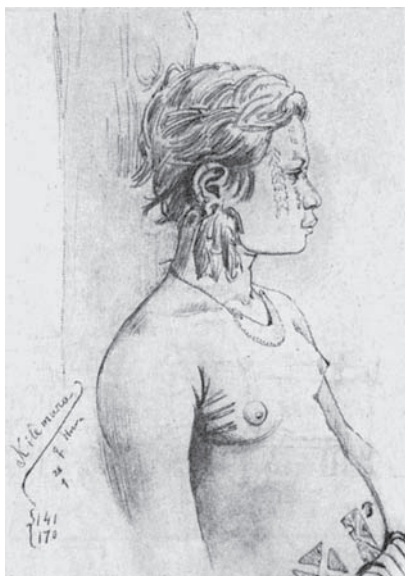
Вооружившись так наз. «кини» — небольшой палочкой (собственно отросток ствола одного из видов *Dioscorea*), на конце которой был оставлен острый шип, и взяв «беу» — небольшой молоток — в правую руку, приложила кини к черным линиям рисунка. После этого она обратилась к своим помощницам с несколькими словами; та из них, на коленях которой лежала моя голова, стала гладить мои волосы, напевая что-то, а две другие, державшие мою руку и плечо, стали сдавливать их, насколько могли. [...] ^{19*}, быстро ударяя беу по кини, стала вонзать острый шип в кожу, передвигая кини, следуя линиям рисунка; боль при этом была далеко не так значительна, как можно было предполагать, хотя кончик шипа углублялся мм на 2 и даже на 3 в кожу.

Скоро весь черный рисунок сделался красноватым от выступавшей при каждом уколе крови. Одна из помощниц острым ребром расколотого бамбука провела по рисунку, чтобы снять кровь и убедиться, действительно ли рисунок довольно ясен. В некоторых местах линии не были достаточно видны, почему были снова выведены черною краской. [...] ^{20*} вывела их точкообразными наколами на коже. Моим операторшам один рисунок показался недостаточным; после первой и другая захотела показать свое искусство; еще один рисунок был нарисован, а затем нататуирован на другом месте руки. Этот раз татуировка вышла темнее, вероятно, потому, что вторая ударяла сильнее молоточком по кини и наколы были более часты, чем в первом случае. Заплатив операторшам, их помощницам, а также купив инструменты, употребленные при татуировке, я вернулся домой, убедившись, что операция эта сопряжена со сравнительно незначительною болью¹⁷. Я понял, почему женщины стараются быть как можно более татуированы, считая татуировку действительным украшением. Я полагаю, что выщипывание волос под мышками и на *mons Veneris*, а не самая татуировка этих частей главным образом сопряжена с болью.

* Водяной раствор толченого угля, для добывания которого употребляется несколько известных растений, так как другие, обращенные в уголь, производят при татуировке большие опухоли.

В продолжение дня множество туземцев, мужчин и женщин, приходили просить меня показать им татуировку¹⁸.

12 февраля. К 5 часам был уже на пароходе. Снявшись в 6, часа через 2 «Элленгован» бросил якорь милях в 3 от дома миссионера. Деревня Хура или Хула была расположена не на материке, а состояла из длинного ряда хижин, построенных на сваях в воде, в расстоянии от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ мили от берега; длинный ряд их был разделен на несколько групп. Когда мы проезжали мимо, большое число свай, на которых стояли хижины, а также кривизна и сучковатость их бросились мне в глаза. Перед каждой хижиною был род веранды или платформы, обращенной, как

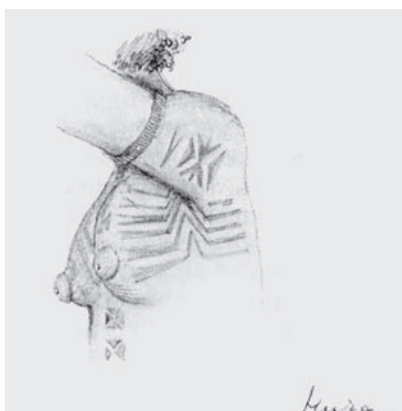

Килемунa — женщина из дер. Хура

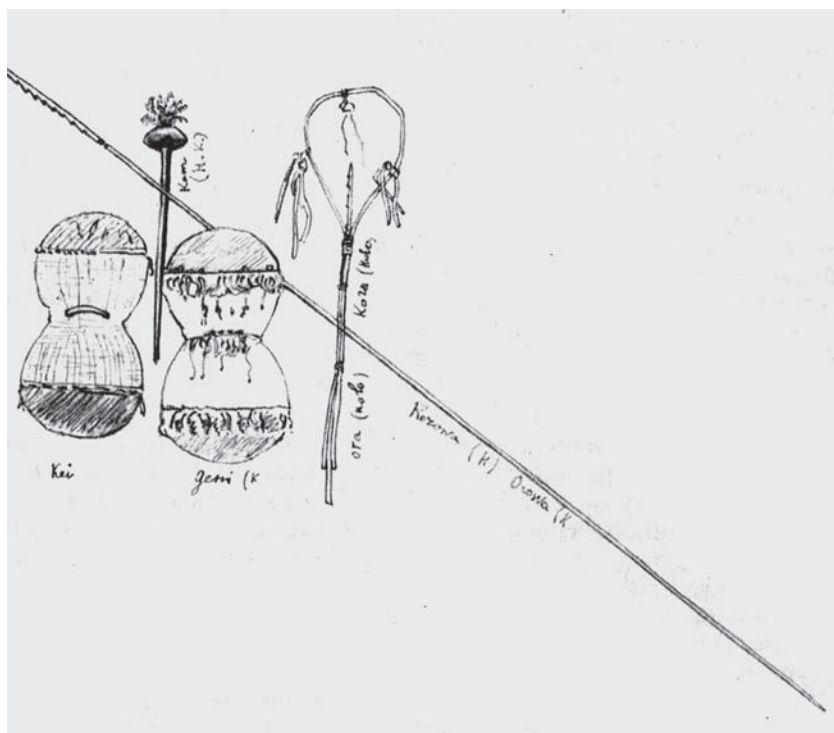
и двери всех, к берегу, с весьма примитивною лестницею, спускающейся в воду. Все эти хижины казались наскоро построенными, причем главное внимание было обращено более на солидность, чем на красоту. Отправляясь в шлюпке на берег, мы встретили нескольких туземцев, которые плыли из хижин к берегу, держа разные предметы в одной руке над головою, чтобы не смочить их. Между ними находилось несколько женщин с грудными детьми за спиною.

На берегу стояли только 2 или 3 хижины и довольно большой дом миссионера, также построенный на сваях. Здесь жил г. Безвик. К дому примыкал довольно значительный сад и огород, так что вся усадьба миссионера занимала мысок бухты Кало, противоположный мыс которого был занят деревней Карепуна; по прямой линии расстояние между обоими мысами небольшое, но судам, даже таким маленьким, как «Элленгован», приходится выходить далеко в море, чтобы обогнуть рифы около деревни Хура.

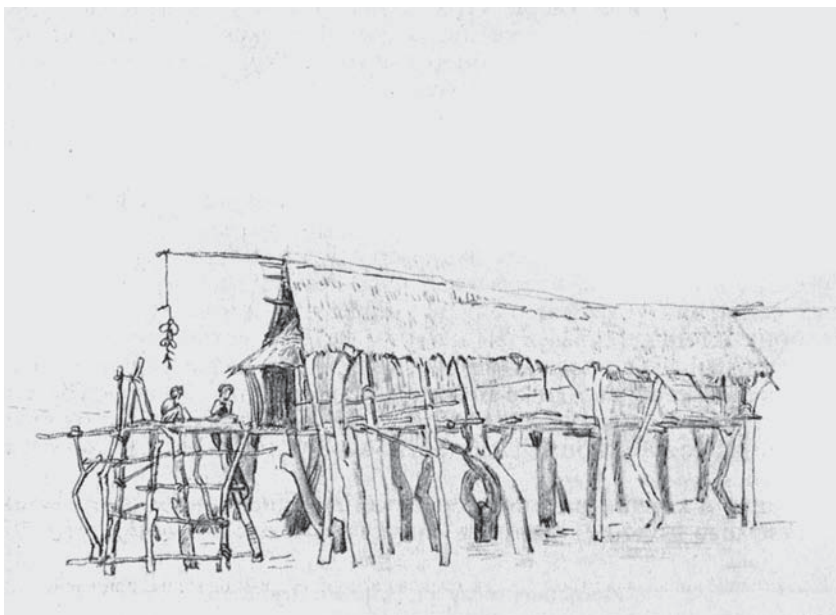
У дома миссионера собралась толпа туземцев, и, осматривая их, я заметил, что внешностью и татуировкой они не отличались от жителей Карепуна. Г. Безвик представил мне одну из женщин как образец татуировки: у этой женщины, лет около 20 или 22, положительно вся поверхность тела, от лба до ногтей ног, была покрыта разными фигурами татуировки; из частей тела, покрытых у взрослых волосами, един-

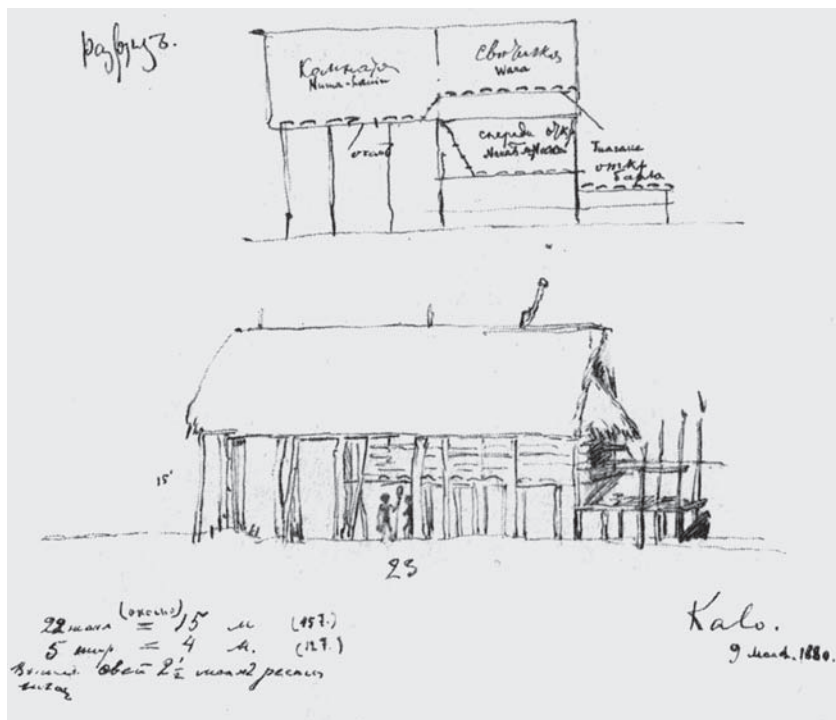
Алева — девушка из дер. Хура;
татуировка на груди и подмышкой у женщины из дер. Хура

Палица, копье, щит (вид с двух сторон) и коро (короткое копье с петлей).
Дер. Хура

Хижины в дер. Кало

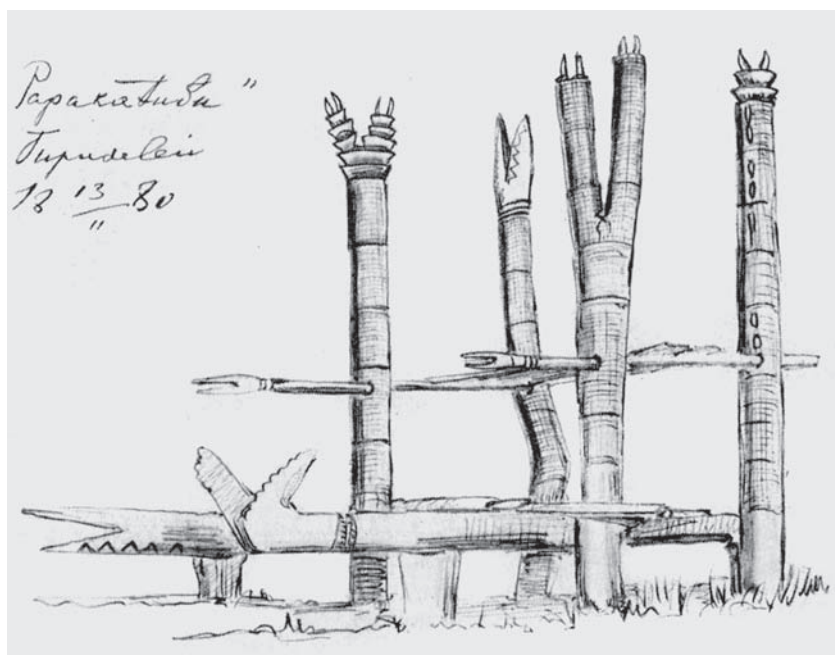
Хижина (вид сбоку и в разрезе). Дер. Кало

ственно кожа головы была не татуирована, так что ее перещеголяла только одна женщина из той же деревни, которая сбрила себе волосы головы, чтобы нататуировать несколько орнаментов. Так как волосы на голове не были выщипаны, как на других частях тела, то ей приходилось выбривать себе волосы, когда они вырастают¹⁹.

Г. Безвик показал мне также очень курьезный инструмент — род орудия, который туземцы употребляют во время войны, когда преследуют неприятелей; туземное название этого инструмента «коро»; он состоит из небольшого копья, к которому прикреплена петля из ротанга; оба конца этой петли, связанные с копьем, образуют ручку. Преследующий старается накинуть на голову преследуемого коро и вонзить ему копье в затылок или шею; неожиданным толчком, а затем притягиванием к себе назад противника он валит его, доканчивает побежденного и отрезает ему голову с помощью бамбукового ножа, который для этой цели туземцы носят за браслетом на руке. Мне захотелось посмотреть если не убийство, то по крайней мере действие коро при преследовании, и за небольшое количество табаку я доставил себе эту забаву²⁰.

Хижины в дер. Тупузелей

Покакатубу — церемониальный помост. Дер. Тупузелей

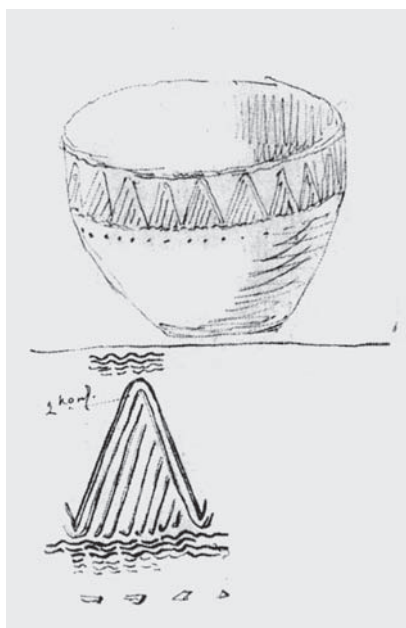
Хижины в дер. Ануапата

Я отправился затем в одну из хижин и нашел их почти пустыми; кроме очага, состоящего из плоского ящика с землею и нескольких сетей и оружия, ничего не было; пол из кривых палок разной толщины, со множеством щелей был очень неудобен; по крайней мере в башмаках ходить по нем небезопасно: того и гляди, можно провалиться. Туземцы же ходят босыми ногами по этим жердям с большим проворством. На веранде я примостился и нарисовал соседнюю хижину, которая может служить здесь образчиком этих построек. Длинный конек хижины выдвигается метра на $1\frac{1}{2}$ над верандой; к нему были прикреплены на длинной веревке разные предметы: листья, скорлупы сухих кокосовых орехов, перья и т. п.; движимые ветром, они производят разнообразный шум, сообразно силе ветра.

Смотря на детей, не умеющих еще ходить, ползающих по дырявой веранде без перил, я удивлялся, что несчастных случаев встречается, как говорят, очень мало.

Пока я рисовал, постоянное сообщение вплавь от хижин к берегу и обратно не прерывалось.

13 февраля в 5 часов утра отправились далее. Часа через 2 подошли к деревне, также построенной на сваях, называющейся Тупузелей. Туземный миссионер выехал к нам навстречу; много пирог окружили пароход и усердно продавали перья райской птицы, черепаховую скорлупу и каменные топоры, которые быстро выводятся здесь из употребления и заменяются железными, так что туземцы отдавали топор без ручки за кусок табаку.

Образцы керамики с южного берега Новой Гвинеи

Рисунки татуировки женщин здесь те же, как и в Карепуна. Съезжая на берег, я насчитал 83 хижины.

Г. Чальмерс предложил мне посмотреть на площадку, где туземцы в известное время года и при каких-нибудь чрезвычайных событиях устраивают свои пиршества и пляшут. По одну сторону площадки были выдвинуты четыре «попака-тубу», или платформы, где во время пиршества туземцы развешивают и раскладывают свои съестные припасы. Собственно попака-тубу соответствует так называемой барле на Берегу Маклая, только бревна, из которых она была построена, очень толсты и покрыты резьбой.

Когда я кончил рисунок, представляющий попака-тубу, один из туземцев подошел попросить куку (табаку), объясняя, что эта постройка принадлежит ему; хотя это требование показалось мне курьезным, я, разумеется, не отказал ему.

Возвращаясь в хижину тичера, где мы переночевали, мы любовались великолепным вечерним освещением, но, к сожалению, высокого хребта Owen Stanley, который бывает отсюда виден, мы не видели²¹.

14 февраля. Вид при приближении к деревне Ануапата, главного селения Порты Moresby, произвел на меня далеко не благоприятное впечатление.

Татуировка лица и тела девушки Макане, 16 лет. Дер. Ануапата

чатление: холмы кругом покрыты мизерною растительностью, очень напомнившего мне Австралию, но никак не Новую Гвинею.

В этой деревне г. Чальмерс имел свою главную резиденцию, и я решил остаться его гостем на несколько недель, тем более что из этой местности я без особенной трудности мог, при помощи парохода миссионеров, переезжать из одной деревни в другую.

25 февраля. Считая себя не совсем выздоровевшим от лихорадки, которая надоедала мне, возвращаясь регулярно каждый день, но в разные часы, я не мог почти что делать экскурсий по окрестностям.

Небольшой кенгуру капитана Редлиха, о котором я уже упоминал, околел сегодня и был передан мне. Туземцы здесь уверяют, что подобные животные водятся и здесь, но не на берегу, а в горах. Его туземное имя здесь «Гове» или «кове»^{*21*}.

27 февраля. Сделал весьма удачный портрет старого туземца из деревни Майвы, лежащей миль на 50 по берегу на NW. Лицо этого человека было характеристичное отчасти потому, что волосы головы, за исключением двух пучков, были выбриты. Портрет Мирия, так называли туземца из Майвы, вышел так похож, что многие туземцы Ануапаты предложили, чтобы я нарисовал и их, но так как я могу получить от г. Л.²², который занимается фотографией, портреты здешних туземцев, то я предпочел заняться рисованием татуировки женщин, которая не выходит на фотографиях. Татуировка здешних женщин отличается

от виденной мною в Суоу, Ароми и Карепуна. Я выбрал для срисовывания татуировки девушку лет 16, которая считалась миссионерами за какую-то «заблудшую овцу» (ее звали Макане, или Кенгуру), полагая именно по этому случаю, что мне не придется иметь особых затруднений при рисовании татуировки, украшающей ее тело и даже тех частей его, которые обыкновенно бывают покрыты одеждой. Это занятие очень утомительно, почему я должен был ограничиться на первый раз одним лицом и грудью, отложив остальное до другого сеанса²³.

Между желающими быть нарисованными находилась также одна девушка из Самоа, жившая уже давно с миссионерами и предназначавшаяся в жены одному из них. Когда я, усадив ее, расстегнул на ней блузу и предложил спустить ее с плеча, заметив при этом, что у меня нет времени для рисования тряпок, она сделала это сейчас же, но при этом очень заметно покраснела, т. е. на несколько секунд лицо ее потемнело. Когда я кончил, ее сменила другая туземка этой местности; только рисуя ее профиль, я заметил, до какой степени она была некрасива.

Устав рисовать людей, я принялся за срисовывание большой зеленой, очень интересной лягушки, которую мне принесли сегодня: она, если не ошибаюсь, тождественна с теми, которых я собрал в большом количестве на Берегу Маклая.

28 февраля. Мне принесли три экземпляра *Belideus ariel*, очень красивого животного, величиною с мышь, но кажущегося больше вследствие перепонок между передними и задними конечностями, дающими этим животным возможность как бы летать; это выражение, однако ж, не вполне сюда подходит, так как при помощи этих перепонок они могут спускаться с высоких деревьев, но не подниматься на них. Они были светло-серого цвета, с черною полосой вдоль спины и большими глазами; крик их был очень неприятен.

Вечером отправился в деревню, состоящую из хижин, построенных на высоких кривых сваях на самом краю песчаного берега, так что при приливе сваи находятся в воде, но и тогда при помощи подмост-

Райла — девушка из Ануапаты,
14 1/2 лет

ков в эти хижины можно пробраться, не замочив ног. Вдоль по берегу тянется улица.

Некоторые из хижин были в два этажа, нижний этаж не имел стен, а состоял только из пола, над которым возвышалась собственно хижина. За некоторыми хижинами стояла вторая, а иногда и третья, и все три были соединены мостками. Проходя по улице, я заметил около одной платформы небольшое место, покрытое циновкой, и узнал, что это не что иное, как могила недавно умершего туземца.

Проходя из одной деревни в другую по берегу, я увидал несколько обрубков громадных стволов, отчасти выдолбленных, до 60 ф. длиною и 3 ф. в диаметре. Туземцы связывают их по два и употребляют для плавания вдоль берега. Они направляются до Fresh Water Bay, где, кроме закупки саго, занимаются также рубкою этих стволов, долблением их и т. д., а затем возвращаются, связав выдолбленные стволы вместе. Эти неуклюжие суда, со многими парусами и большою платформою, на которой построена одна или несколько хижин, называются «лакатои»²⁴.

В деревне мне был указан молодой туземец Меа, которого я уже видел в Сиднее, куда он был завезен Л., коллектором предметов естественных наук. Я еле-еле узнал моего старого знакомого, которого я мерил и с которого снимал фотографии. В продолжение года юноша этот очень возмужал. По возвращении обратно в Ануапату для него была выстроена новая хижина, где он помещался с молодою женой.

29 февраля. Один из тичеров вернулся с охоты и принес несколько кенгуру, которые оказались отличными от приобретенного мною кове.

Этот вид был описан проф. Петерсом и маркизом Дориа и назван *Macropus paruanus*. Я сохранил для моей коллекции молодой экземпляр и череп взрослого. Отпрепарировал также мозг большого новогвинейского голубя (*Goura*).

1 марта. Снова рисовал татуировку спины Макане; разнообразие рисунков довольно значительное. Когда я дошел до пояса, Макане без всяких ужимок спустила свою юбку из бахромы ниже колен. Она это сделала, вероятно, зная, что г. Чальмерса нет дома (он отправился в Redscar-Bay) и что тичер не войдет в мою комнату. Все тело Макане было татуировано до колен, которые, вероятно, со временем также будут украшены татуировкой.

Около 10 часов вошла в бухту большая шлюпка, в которой находился один только человек. Мне сказали потом, что он заходил за водою и свежее провизию. Человек этот, как я узнал впоследствии, должен был искать спасения жизни в бегстве и намеревался добраться в своем кутере до Суоу, где его еще не знают и откуда он при случае может на одном из проходящих судов отправиться в Австралию.

Этот случай показал мне, как сравнительно безопасно здесь плавание вдоль берега^{*22*}, главным образом вследствие значительного числа хороших портов, в которых в случае скверной погоды можно укрыться. Единственную опасность представляют туземцы; последние при виде одного только человека легко могут покуситься убить его, чтобы завладеть шляпкой ради ее паруса и железа, до которого туземцы здесь очень падки.

6 марта. Ввиду того, что вследствие лихорадки мне пришлось снова потерять несколько дней, я полагаю, что климат здесь не особенно благоприятный, почему я решил воспользоваться случаем и отправиться на пароходе «Эленгован», который отправляется за лесом в Карепуну. Только известный род дерева не трогается белыми муравьями, причиняющими здесь большой вред деревянным постройкам. Сюда относятся также и мангровы, дерево которых, будучи очень твердо и пропитано солью, не трогается муравьями. Для новой церкви в Ануапата требовались столбы из этого дерева, а ближайшее место, где их можно было достать в достаточном количестве, было Карепуна²⁵.

1* В рукописи исправлено на выждать.

2* По обязанности (лат.).

3* Оставлено место для названия.

4* Здесь и далее оставлено место для названия парохода и шхуны.

5* Здесь и далее оставлено место для этого слова.

6* Оставлено место для названия парохода.

7* Оставлено место в скобках.

8* Оставлено место для слова. Имелось в виду: ossa parietalia.

9* Оставлено место для названия.

10* Оставлено место для термина.

11* Оставлено место для названия.

12* Оставлено место для слова. В изд. 1923: ареолой.

13* Оставлено место для слова. В изд. 1923: выпуклость.

14* Оставлено место для названия. В изд. 1923: юбки.

15* Оставлено место для названия.

16* Оставлено место для имени.

17* Оставлено место для имени.

18* Оставлено место для имени.

19* Оставлено место для имени.

20* Оставлено место для имени.

21* В рукописи сноски нет.

22* В рукописи примечание отсутствует.

Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи (март 1879 г.—апрель 1880 г.)*

Для достижения моей цели — видеть как можно более мне еще не известных разновидностей меланезийского племени — я решил, *faute de mieux*^{1*}, отправиться с американской трехмачтовой шкуною «Сади Ф. Каллер», снаряженной для ловли трепанга и меновой торговли на островах Тихого океана.

Об этом решении я уже имел честь писать Вам в начале путешествия^{**}. Теперь, находясь уже на возвратном пути в Австралию, т. е. закончив почти предпринятую экспедицию, имею честь послать Вам краткое «предварительное сообщение» о ходе путешествия и о некоторых выяснившихся^{***} результатах его.

Из Новой Каледонии (Нумей и бухты Прони) шкуна направилась к о. *Лифу* (группа Лояльти), а затем на острова Новые Гебриды, где шкипер, заходя на острова Танну, Фате, Тонгоа, Май, Эпи, Амбрим, забрал около 50 туземцев разного возраста (предназначавшихся для ловли трепанга, собирания жемчужных раковин и т. п.) и закупил провизию (ямс, таро, кокосов и т. д.) для их продовольствия на шкуне. Я не упускал, разумеется, случая во время якорных стоянок, которые иногда затягивались от пяти <до> десяти дней, видеть туземцев как можно более, для чего обыкновенно жил в их деревнях.

Заходя на острова *Мало* и *Вануа Лава*, шкуна направилась сперва к группе *Квироса* (или группе *Дуфф*), а затем к группе *Санта-Круц*. Но ни на одной из этих двух групп нам не удалось остаться достаточно долго. В первой из них (группа *Квироса*) предполагаемого значительного рифа для ловли трепанга не оказалось; а в другой (группа *Лом-Лом*, одной из групп небольших островков архипелага *Санта-Круц*) шкипер, уже предупрежденный дурною репутациею туземцев, видя их многочисленность и воинственную осанку, не найдя к тому же до-

* Это сообщение было начато во время моего нездоровья в деревне Ануапата (Порт Морезби) в Новой Гвинее, а затем переписано и дополнено несколькими примечаниями 8 месяцев позже в Пейкдел (около Стантопа, в Квинсланд), так как анатомические работы, которые я не мог отложить, не позволили заняться этою перепискою во время моего шестимесячного пребывания в Бризбейне.

** См. мое письмо от 22 апреля 1879 г. из бухты Прони в Новой Каледонии (Изв. имп. Русского геогр. общества. Т. <XVI>. С. <425>) (См. *наст. т.*, с. 246–250).

*** Многие результаты, как зоологические, краниологические (<1 нрзб> т. п., определяются только по разработке собранных материалов, что будет возможно только при более удобной, подходящей обстановке, чем та, которую я *пока* могу найти в Австралии.

статочного безопасного якорного места, не решился попытать счастья и направился к группе Леунева (острова Онтонг-Жава, или Лорд Гова). Не дойдя, однако же, до этих островов, шкуна бросила якорь в лагуне рифа Канделярии (или Ронгадор), где мы застряли почти целый месяц. Пребывание в этой лагуне, окруженной не островами, а рифом, было для меня не особенно интересно: во время прилива весь риф был залит, за исключением нескольких скал; заняться наблюдениями над фауною рифа и формацией его также не приходилось: этот раз я не имел, как в 1876 г., собственной шлюбки, а на шкуне все люди были заняты с утра до ночи ловлею трепанга, варкою и копчением его. Пришлось удовольствоваться письменною работою, насколько позволяли людской шум, жара каюты, дым «коптилки»* и тому подобные неудобства, и исследованием случайно словленных животных.

Отсюда ((с) рифа Канделярии) шкипер намеревался отправиться на острова Адмиралтейства, но обещал мне идти туда проливом Св. Георгия и таким образом дать мне возможность, высадившись на о. Герцога Йоркского**, вернуться *via* Куктаун в Сидней, т. к. я не имел особенного желания посетить вторично острова Адмиралтейства, где я был уже в 1876 г. Однако же противный ветер и значительное противное течение не допустили исполнения этого плана. Потеряв неделю у южного входа в пролив, я не считал себя вправе в дальнейшем настаивании, чтобы шкипер сдержал данное мне обещание и высадил меня на о. Герцога Йоркского. Мы отправились поэтому вдоль восточного берега Новой Ирландии, пройдя между островами Новым Ганновером и св. Матфея к *островам Адмиралтейства*. Здесь у островка Андра, найдя значительное количество доброкачественного трепанга, шкуна пребыла на якоре дней 10.

Я жил все время на берегу, где туземцы, припомнив мое пребывание между ними в 1876 г., встретили меня как старого знакомого. Живя между ними, я имел случай познакомиться с некоторыми из обычаев и

* Шкуна, как выше уже сказал, была специально снаряжена для ловли трепанга. Для того чтобы избежать потерю времени, сопряженную с постройкою так наз. «smoke house», или «коптилки», как я ее назвал, на берегу и не подвергаться опасности нападения со стороны туземцев, что нередко сопряжено с таким предприятием, на палубе шкуны была поставлена «коптилка», состоящая из железного домика, или, вернее, большого железного ящика, метров в 7 в длину и ширину и метра 3 вышины, с многочисленными полками из проволочных сетей, на которые клался вареный трепанг (разные виды голотурий). Две большие печи, которых трубы открывались внутрь коптилки, топились днем и ночью и наполняли ее дымом и коптили трепанг. Таким образом тонна (1000 кг) трепанга могла быть добыта в продолжение 3 дней.

** Мне было известно, что немецкая коммерческая фирма (Хернскейм и К^о) имеет главную станцию меновой торговли в этой части Меланезии на о. Герцога Йоркского и посылает от времени до времени один из своих небольших пароходов в Куктаун как в ближайший порт для полочки и отсылки корреспонденции.

Хижины в дер. Сенабой, о. Мало, Новые Гебриды

Мужской дом и жилая хижина в дер. Саравана,
о. Вануа-Лава в группе островов Банкс

Хижина на о. Симбо, Соломоновы острова

Хижины в дер. Тума, Тробрианские острова

даже нашел возможность, несмотря на непродолжительное пребывание, выучиться понимать немного их диалект. Заходя на группы Ниниго (Эшикие или Эсьекер) и Луб (Хермит)* и потеряв много времени, лавируя против юго-восточного пассата, мы снова вернулись к группе Адмиралтейства, к островам северо-западной оконечности большого острова, где я прожил снова десяток дней на островке Сорри** и снова имел интересное поле для изучения нравов туземцев и для антропологических исследований над ними.

Как у островка Андра, окружающие рифы около Сорри снабдили шкуну значительным количеством отличного трепанга и перламутра, который сотни туземцев за небольшие куски железа или за незначительное количество мелких бус ловили и доставляли на шкуну***. Эта местность была интересна для меня также потому, что в 1875 г. экспедиция «Челленджера» провела несколько дней в Nares Harbour, и туземцы, их жилища, домашняя утварь, оружие и т. д. были описаны одним из членов экспедиции****. Вследствие этого мои наблюдения в этой местности могут служить проверкою и, может быть, дополнением добытых результатов экспедиции «Челленджера».

Мы вернулись снова к островку Андра, и я мог при этом третьем посещении добавить немало интересных сведений о туземцах и о взаимных отношениях между деревнями. Отсюда при других обстоятельствах шкуна на пути к островам Луизиады могла бы зайти на Берег Маклая, но я сам уволил шкипера от его обязательства*****, почему он, не желая рисковать при ненадежной погоде (шквалы сменялись штилями) между плохо нанесенными на карту рифами и островами (между островами Адмиралтейства, Новою Британией и Новою Гви-

* Во время моего последнего посещения группы Луб я убедился, что название «Агомес», сообщенное мною в моих «выписках из дневника» 1876 г., не что иное, как искаженное туземным произношением английское название «Hermit», которое туземцы часто слышат от шкиперов. Туземцы группы этой, как и жители групп Ниниго и Каниет, называют эти острова «Луб», именем главного острова группы.

** Или Wild Island на карте Nares Harbour, сделанной офицерами «Челленджера».

*** Тонна этого трепанга, который добывается здесь за бесценок, стоит в портах Австралии и Китая 100 и даже 120 фунтов стерлингов (700—800 рублей серебром).

**** Г-н Мозелей, член экспедиции «Челленджера», описавший в статье со многими иллюстрациями предметы, собранные в этой местности, имел любезность прислать мне этот интересный мемуар, который даст мне скоро возможность проверить наши обоюдные наблюдения¹.

***** Хотя мне было весьма желательно повидаться с моими друзьями (с) Берега Маклая и посетить острова Кар-Кар и Ваг-Ваг, что я имел право требовать от шкипера вследствие нашего условия, но, к сожалению, мое мнение о личностях, находившихся на шкуне, было таково, что я не захотел подвергнуть моих черных друзей риску этого знакомства.

неей), предпочел старый путь вокруг Новой Ирландии. К большому моему сожалению, мне не удалось съехать на берег в Новой Ирландии, но ежедневно многие пироги выезжали к судну, которое оставалось в дрейфе на время их визита, имеющего целью торг съестными припасами и черепаховою скорлупою.

Таким образом, я мог видеть несколько сотен жителей Новой Ирландии, причем мне удалось сделать несколько интересных антропологических наблюдений над этими туземцами, которых общий *habitus* особенно близко подходит к типу жителей Соломонова архипелага. Это обстоятельство, как и немало интересных наблюдений и замечаний, сделанных мною на островах Адмиралтейства, Ниниги и Луб, примирило меня с фактом, что я, почти против желания, во второй раз посетил эти острова.

Несмотря на позднее время года, довольно ровный SO привел нас к группе Тробриан, которая была для меня весьма интересна своею близостью к островам Д'Антраксто и Новой Гвинеи, а также своею малою известностью; к сожалению, однако же, скверная погода, шквалы с продолжительными дождями, значительное волнение, мешавшее ловле трепанга, сократили наше пребывание, но все-таки мне удалось провести интересный денек в деревне на о. *Туме* и видеть, мерить и рисовать туземцев в продолжение трех других дней нашей стоянки, во время которой туземцы были нашими постоянными гостями. Шкипер на пути к островам Луизиады хотел обогнуть группу Лонглен, где, он слышал, есть гуано. Он желал зайти туда, чтобы удостовериться в верности этого слуха, но, приблизившись к этим островам, вследствие очень свежего NW ветра, весьма ненадежной погоды, распатавшихся вант, порванных парусов, принужден был переменить курс, и вместо Луизиады мы попали к небольшой группе, означенной на картах именем островов *Симбо*, или Эдистон, в группе Соломоновых*.

По случаю починки снастей мы пробыли здесь дней 20, т. е. до 27 декабря. Разумеется, все это время я жил на берегу и остался весьма доволен моим пребыванием там, хотя дождливая погода была причиною довольно сильных пароксизмов лихорадки. Наконец, в начале этого года шкуна добралась до архипелага *Луизиады* и бросила якорь для продолжительной якорной стоянки (ловли трепанга) в бухте *Махиу* о. *Бухилари*** (Pitt Harbour о. Морезби).

* Кроме копры (сушеных кокосовых орехов) <и> черепахи, один из главных предметов вывоза здесь представляет так наз. «vegetable ivory», которая оказалась плодом пальмы из рода *Sagus*. В письме от 14 октября этого года известный австралийский ботаник д-р Ф. фон Мюллер в Мельбурне пишет мне, что это — *Sagus vitiensis Wendland*.

** Туземцы острова называют свой остров «Бухилари», но жители окружающих его островов называют его «Базилаки».

Дуджем — татуированная
обительница о. Вануа-Лав

Сделав несколько экскурсий на о. Бухилари, я решил оставить здесь шкуну, что я уже давно имел в виду, и перебраться на о. Варе (о. Тест на картах), надеясь найти там случай или попасть, пользуясь проходящим судном, в Куктаун, или, на что я имел большую охоту, отправиться на небольшом пароходике «Элленгован», принадлежащем London Missionary Society^{2*}, на южный берег Новой Гвинеи, а оттуда на острова Торресево пролива.

Расстояние о. Варе от бухты Махиу не более 20 миль, и утром 19 января, оставив почти все мои вещи на шкуне для доставления в Сидней*, забрав несколько необходимых вещей, я отправился в шлюбке на о. Варе и поселился в туземной хижине в ожидании okazji^{3*}.

На третий день моего пребывания на о. Варе два судна броси-

* Шкипер Веббер намеревался вернуться в Сидней в апреле месяце, и так как я знал, что пароход «Элленгован» очень невелик и не будет в состоянии забрать все мои вещи, то мне казалось весьма подходящим оставить большую часть их на шкуне. За недостатком времени накануне моего отъезда, отчасти вследствие моей натуральной доверчивости (17-летнее скитание по свету не изменило еще эту черту характера!), я сказал шкиперу: «Считая Вас честным человеком, я надеюсь, что Вы сдадите все мои вещи исправно в русском консульстве в Сиднее, почему мне не надо никакой расписки о вещах». Шкипер поспешил уверить меня, что мое мнение о нем окажется верным и т. д. Когда даже в июле месяце шкуна не прибыла еще в Сидней, где, по словам шкипера, она должна была быть в апреле или мае, я написал русским консулам в Сингапур, Гонконг, Сан-Франциско и Лондон, прося их, в случае, если «Сиди Ф. Каллер» прибудет в один из этих портов, взять на себя труд получить мои вещи и сохранить их до востребования в консульстве. В августе, наконец, в Сидней пришло известие с о. Фате (Новые Гебриды), что шкуна «Сиди Ф. Каллер» заходила туда на пути своем в Сан-Франциско, что шкипер Веббер умер и что некоторые из моих вещей были переданы на другую шкуну, отправляющуюся в Сидней. Какие из моих вещей вернулись в Сидней и сколько увезено в Америку, я еще не имел возможности узнать, не добравшись еще сам в этот город. Надеюсь, что русский консул в Сан-Франциско найдет возможность выручить остальные — во всяком случае, каждый из утраченных ящиков представит для меня значительную потерю.

ли якорь около острова: пароход «Элленгован» и шкуна «Анни». Оба отправлялись на другое утро; шкуна прямо отправлялась в Куктаун; «Элленгован», заходя в разные местности вдоль южного берега Новой Гвинеи, возвращался обратно в деревню Ануапата. Мне предстоял выбор, но желание видеть туземцев южного берега, об которых я читал уже не раз^{4*}, что они принадлежат к «малайской расе», превозмогло неудобство продлить еще на несколько месяцев уже и без того затянувшееся путешествие. Я решил, недолго думая, отправиться с «Элленгован» и посетить в четвертый раз этот остров. Заручившись позволением г. Чалмерса, старшего из двух миссионеров London Missionary Society, находящихся теперь на южном берегу Новой Гвинеи², отправиться на пароходе в Ануапату, мне едва хватило времени вернуться в деревню и уложить снова вещи, которые разложил в хижине, не подозревая, что останусь на о. Варе только 3 дня.

На другое утро, 22 января, с рассветом мы снялись, но только 14 февраля прибыли в деревню Ануапату, находящуюся у значительной бухты, обозначенной на картах под именем Порт Морезби. Плавание это вдоль берега (всего около 300 миль) продолжалось 23 дня, так как г. Чалмерс находился на инспекторской поездке и должен был останавливаться в местностях, где поселены были наставники*, а также^{5*} в разных местах для рубки дров для парохода^{**}. Оставаясь в некоторых деревнях по 4 и 5 дней, я имел достаточно времени, чтобы видеть туземцев, жилища их и поверхностно знакомиться с их нравами, так что это четвертое, хотя и непродолжительное посещение Новой Гвинеи обогатило меня интересными и немаловажными результатами по антропологии и этнографии. В Ануапате, где я воспользовался любезным гостеприимством г. Чалмерса, здоровье мое, которое во все время этого путешествия только 2 или 3 раза, и то на короткое время,

* Уже много лет миссионеры на островах Тихого океана имеют обычай посылать на острова, куда они думают перенести со временем свою деятельность, не белых своих собратий, а туземцев-миссионеров. Этот способ имел и имеет большой успех. Охотников между христианами на островах Самоа, Раротонга, Таити и т. п. всегда находится немало, и таким туземцам-миссионерам многие острова (как, например, о. Лояльти и др.) обязаны введением христианства. Уже 7 лет тому назад было привезено на южный берег Новой Гвинеи несколько таких миссионеров, или «наставников», которые значительно облегчают деятельность белых миссионеров.

** Эти периодические посещения южного берега Новой Гвинеи небольшим пароходом, как «Элленгован», который должен часто останавливаться для возобновления запаса дров и может по малости своей подходить близко к берегу, имели прямым следствием хорошее знакомство шкипера его с этою частью берега, что повело к открытию нескольких весьма удобных и обширных гаваней, как Milport Harbour, Dudfield Harbour и др.

Меланезиец Лор
с палицей, луком и стрелами.
Дер. Лалапа, о. Эфате,
Новые Гебриды

изменяло мне, принудило меня к относительному бездействию* недели на три и заставило отказаться от экскурсии в окружающие горные деревни, куда доступ благодаря лошадям, привезенным на этот берег Новой Гвинеи австралийскими золотоискателями в 1877 г.** и оставленным здесь, был незатруднителен.

Полагая, что местные условия в Ануапате имеют значительное влияние на возобновление пароксизма лихорадки, я отправился снова вдоль берега и посетил во второй раз деревни Хуру и Карепуну, куда пароход «Эленгован» был отправлен г. Чалмерсом за деревом для постройки церкви и других строений в Ануапате. Я вернулся в Ануапату, чувствуя себя гораздо здоровее, чем выезжая отсюда. В апреле «Эленгован» отправился на о. Вайбин (или Thursday Island) — станцию пароходов из Австралии в Сингапур и Китай. Это обстоятельство было для меня в высшей степени подходящее, так как я имел при этом возможность видеть жителей Новой Гвинеи в деревнях Боэра, Майва и Сило, а также острова Торресова

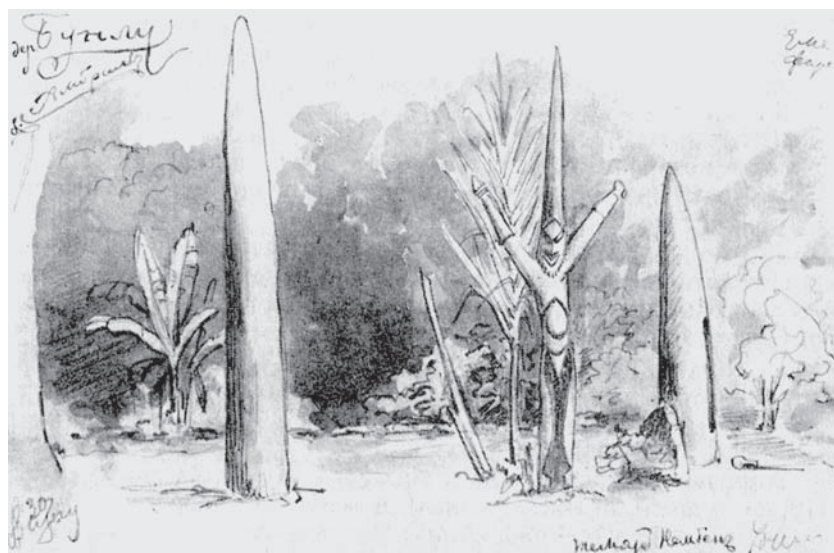
пролива: *о. Эруб, Мэр, Тауван, Сейбай, Мабиак*. С о. Вайбин (Thursday Island) я имел честь послать Вам письмо с извещением о моем возвраще-

* Пароксизмы лихорадки были не особенно сильны и позволяли мне каждый день посвящать несколько часов письменной работе; таким образом, я имел случай написать из дневника настоящее сообщение.

** Ануапата, или Порт Морезби, и окрестности были полем поисков золота золотоискателей, нахлынувших из Австралии в 1877 и 1878 гг. Из с лишком 80 прибывших сюда многие умерли, остальные вернулись в Австралию или были вывезены с Новой Гвинеи присланным английским судном, когда известие об их неудаче и печальном положении стало известно в Австралии.

Ритуальные гонги в дер. Лумбутуду, о. Тонгоа, Новые Гебриды

Ритуальные гонги в дер. Бунлу, о. Амбрим, Новые Гебриды

Отдыхающий эму. О. Мабиак, Торресов пролив

нии в Сидней, которое, однако же, еще не состоялось, причины чего я предполагаю сообщить в скором времени в следующем письме³.

Для более верной оценки некоторых результатов путешествия мне кажется не лишним дополнить эту перечень посещенных местностей более кратким итинерарием с прибавлением продолжительности пребывания в каждой местности.

1879 <год>

Марта 29 выехал из Сиднея.

Апрель. О. Новая Каледония: порт Нумея (8 дней), бухта Прони (5 дней); о. Лифу (5 дней). В море — 12 дней.

Май. Дрейф у о. Танна (2 дня), острова Фате (12 дней), Тонгоа (2 дня), Май (2 дня), Эпи (3 дня), Амбрим (1 день). В море — 9 дней.

Июнь. Острова Мало (4 дня), Вануа-Лава (7 дней); дрейф у о. Кви-роса и о. Лом-Лом. В море — 19 дней.

Июль. Риф Канделария, или Ронгадор (28 дней). В море — 3 дня.

Август. Штили и противные ветра у пролива Св. Георгия, Новая Ирландия (дрейф у восточного берега); островок Андра (у северного берега большого острова Адмиралтейства) (10 дней). В море — 21 день.

Сентябрь. Архипелаг Ниниго (10 дней), архипелаг Луб (4 дня). В море — 15 дней.

Октябрь. Архипелаг Луб (6 дней), островок Сорри у северо-западной оконечности большого острова Адмиралтейства (13 дней), островок Андра (3 дня). В море — 9 дней.

Ноябрь. Новая Ирландия (дрейф у восточного берега), группа Тробриан (3 дня). В море — 27 дней.

Декабрь. О. Симбо (Соломонов архипелаг) (20 дней). В море — 11 дней.

1880 <год>

Январь. Западные острова архипелага Луизиады: Базилаки (11 дней), Варе (3 дня); <о.> Самарай (4 дня), деревня Бара-Бара (Новая Гвинея) (1 день), о. Суоу (3 дня); южный берег Новой Гвинеи: Dudfield Harbour (1/2 дня), Milport Harbour (1 день). В море — 8 дней.

Февраль. Южный берег Новой Гвинеи: Тэбл-Пойнт (2 дня), мыс Родней (1 день), деревня Арома (3 дня), деревня Карепуна (5 дней), деревня Хула, или Хура (1/2 дня), деревня Тупузелей (1/2 дня), деревня Ануапата или Порт Морезби (15 дней). В море — 5 дней.

Март. Южный берег Новой Гвинеи: деревня Ануапата (7 дней), деревня Хура (4 дня), деревня Кало (1 день), деревня Карепуна (2 дня), деревня Ануапата (2 дня). В море — 5 дней.

Апрель. Южный берег Новой Гвинеи и острова Торресова пролива: деревня Буэра (3 дня), деревня Майва (1 день), деревня Моту-Моту (1 1/2 дня), деревня Сило (1/2 дня), острова Эруб (2 дня), Мэр (3 дня), Дауван (1/2 дня), Сейбай (1/2 дня), Мабиак (5 дней), Вайбин (6 дней). В море — 8 дней.

Май. Восточный берег Австралии: Сомерсет (3 дня), г. Куктаун (3 дня), г. Таунсвилль (1 день). 12 мая прибыл в г. Бризбейн⁴.

Итого во время этого с лишком 13-месячного путешествия из 409 дней *приблизительно* 237 дней были проведены на берегу или на якоре, а около 162 дней — в море⁵.

Только некоторые *результаты путешествия* могут быть сообщены в кратких положениях. Между ними следующие^{6*} выдвигаются на первый план, именно:

1) Жители весьма многих островов Меланезии* (некоторые из островов Новогебридских, Соломоновых, Луизиады и др.) оказались

* «Меланезийцами» я называю *единственно* «курчавоволосых» жителей островов Тихого океана.

Наманга, 19 лет, о. Эфате;
Бруандра — житель о. Маликоло (Малекула). Новые Гебриды

имеющими форму черепа брахицефальную (индекс ширины превышал во многих случаях 81 и в некоторых даже 85), которое обстоятельство доказывает, что брахицефалия имеет в Меланезии гораздо большее распространение, чем до сих пор полагали.

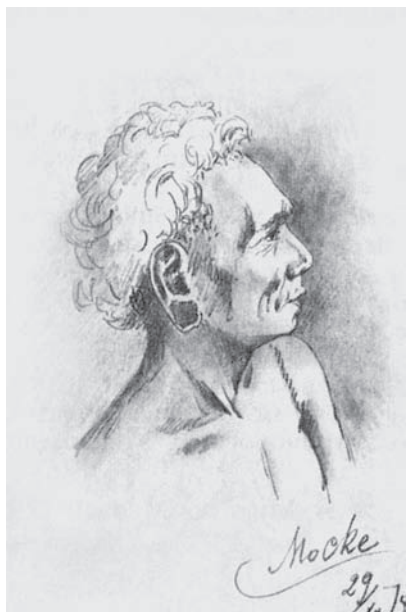
К этому неожиданному результату меня привели многочисленные измерения голов и черепов* туземцев весьма многих островов Меланезии.

2) Хотя в некоторых* деревнях южного берега Новой Гвинеи** заметна *полинезийская или малайская примесь* (смесь с прямоволосою расой)***, но она сравнительно *весьма незначительна* и не дает права назвать жителей юго-восточной оконечности Новой Гвинеи «желтою малайскою расой», название, вошедшее в употребление в последние годы.

* Чтобы устранить всякое сомнение в верности измерений голов меланезийцев, я собрал достаточное число несомненно аутентичных черепов туземцев Новой Каледонии, островов Адмиралтейства, Соломоновых, Новой Гвинеи и др.

** Главным образом в деревнях *Хура, Карепуна, Арома*.

*** Изучение *языка и традиций*, а также сравнение узоров и стиля в этой части южного берега Новой Гвинеи весьма распространенной *татуировки* дадут, вероятно, возможность определить, из какой части Полинезии происходят предки полинезийского элемента этой смеси⁶.

Моке — житель о. Симбо, Соломоновы острова;
Понга — житель атолла Леунева (Онтонг-Джава)

3) Ознакомление с языком и некоторыми традициями туземцев группы Луб и с диалектами северного берега большого острова Адмиралтейства положительно доказало, что население этой группы происходит с северного берега о. Адмиралтейства.

4) Жизнь между туземцами островов Адмиралтейства дала мне возможность ознакомиться со многими интересными *обычаями* этих туземцев, но эти наблюдения и исследования теряют слишком свое настоящее значение и ясность, будучи переданы без необходимых подробностей и иллюстраций, почему сообщение их не может войти в рамки настоящего письма*. К этому же разряду результатов принад-

* К сообщениям, которые я отлагаю до подробного описания моих путешествий, принадлежит также ряд сведений, бывших для меня второстепенной важности, но которых собиранием я не пренебрегал, считая их не лишенными интереса и достаточно известными. Сюда относится, кроме сведений о продуктах островов, о предметах вывоза и ввоза, вопрос об эффекте столкновения белой расы с туземцами. Самое поверхностное и беспристрастное наблюдение открывает вереницу злоупотреблений, сопровождающих вывоз туземцев Меланезии на плантации в Австралию, Новую Каледонию, Фиджи, Самоа. Это весьма редко без обмана, иногда помощью насилия обходящееся добывание темнокожих рабочих на плантации

лежат наблюдения, которые я никогда не упускал из виду, когда представлялся случай, как-то: наблюдения эффекта обычаев *деформации головы, татуировки, перфорации* *sertum pagium, alae nasi*, разных частей уха и т. п. Мне удалось также сделать более наблюдений и добыть более сведений относительно макродонтизма у туземцев архипелагов Адмиралтейства и Луб.

В заключение замечу, что убеждение, высказанное мною, принимая эту экспедицию, что несколько дней, даже несколько часов собственного наблюдения дадут мне более верное мнение о туземцах Меланезии, чем повторенное чтение всей об них накопившейся литературы, вполне подтвердилось, и не раз* во время этого путешествия, которое прошло не без многих неприятных случайностей, я был доволен, что, вопреки многим затруднениям и жертвам, я предпринял его и могу таким образом дополнить некоторые пробелы по антропологии и этнографии этой части света...

Н. Миклухо-Маклай

Пейкдель, около Стантоп в Квинсланд
16 ноября 1880 г.

прикрывается в английских колониях эпитетом «free labour trade»^{8*}, так как название «slave trade»^{9*} хотя и более приближается к истине, не особенно благозвучно и должно быть избегнуто, что весьма нетрудно, так как весьма немногие желают видеть настоящее положение дела, которое для них самих или друзей их выгодно, почему всякий протест против этой бессовестной эксплуатации темнокожих встречает здесь положительную непопулярность. Большинство *не хочет* знать правду, что не помешает, однако же, этому большинству, когда будет уже слишком поздно, притворяясь, уверять, что никогда и (не) подозревало истинного положения дел, и негодовать против торга человеческим мясом и варварского насилия, которые прикрываются невинным названием «free labour trade». Собранные факты по этому вопросу (которым я думаю посвятить со временем особую статью) я считаю долгом довести до сведения лиц, имеющих возможность, *если захотят*, облегчить участь пострадавших и отчасти, хотя в незначительной степени, предупредить повторение постоянно повторяющихся злоупотреблений белых на островах Тихого океана⁷.

* Нахожу, что с этим неоднократным опытом совершенно согласуется мнение г. проф. Р. Вирхова: «...gerade bei der Feststellung von Rassendifferenzen ist meiner Erfahrung nach der Generaliendruck den man beim Eintritt in ein fremdes Land bekommt viel sicherer, als derjeniger, mit dem man hinausgeht, er verflachtet sich mit jedem Tage, den man länger bleibt» (*Как раз при установлении расовых различий, согласно моему опыту, общее впечатление, которое получаешь при въезде в чужую страну, гораздо надежнее, тем то, с которым из нее выезжаешь; оно становится менее острым с каждым новым прожитым в ней днем* (нем.)) (Sitzung der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologic und Urgeschichte am 9. März 1878).

^{1*} *За неимением лучшего (франц.).*

^{2*} *Лондонское миссионерское общество (англ.).*

^{3*} *В рукописи далее затеркнуто:* Я нашел на о. Варе миссионера — туземца о. Лифу, который сказал мне, что со дня на день ожидает прихода парохода «Элленгован» из деревни Ануапата (Порта Морезби) — главной станции миссионеров на южном берегу Новой Гвинеи.

^{4*} *В рукописи далее затеркнуто:* хотя с недоверием.

^{5*} *В рукописи далее затеркнуто:* мы должны были останавливаться.

^{6*} *В рукописи:* следующие два.

^{7*} *В рукописи далее затеркнуто:* прибрежных.

^{8*} *Торговля свободным трудом (англ.).*

^{9*} *Работоторговля (англ.).*

ПОСЕЩЕНИЯ НОВОЙ ГВИНЕИ

В 1881—1883 гг.

Второе посещение южного берега Новой Гвинеи

Телеграмма из Куктауна, напечатанная в сиднейских газетах, об убийстве миссионеров (туземцев) в деревне Кало и подтвержденная письмом миссионеров из порта Морсби, побудила командора Австралийской морской станции¹ предпринять что-либо в виде наказания туземцев, чтобы предупредить повторение

подобных убийств. Скоро получились дальнейшие подробности, и я узнал, что командор Уильсон сам имеет намерение отправиться в Новую Гвинею разобрать дело и наказать, если нужно, туземцев. Пробыв в деревне Кало несколько дней², зная многих туземцев этой деревни и вообще знакомый с условиями их жизни и отношениями к миссионерам и другим белым, я отправился к командору Уильсону, которого знал за справедливого и хорошего человека. После краткого разговора о предстоящей экспедиции я спросил командора, что он намерен делать.

— Жители, вероятно, разбегутся при появлении корвета, так что мы найдем деревню пустою, и нам не останется сделать ничего другого, как сжечь ее, потому что убийство 12 человек не может быть оставлено без наказания.

— Но, командор, — возразил я, — Кало — большая деревня; в ней несколько сотен домов и, вероятно, более тысячи жителей, из которых, может быть, несколько десятков только участвовали в убийстве, договоренные двумя или тремя, а может, даже и одним зачинщиком всей катастрофы. Справедливо ли будет наказать всех, разорив их жилища, представляющие собою не какие-нибудь мизерные хижины, а большие

дома, на крепких, прочных сваях, на постройку которых требуется не-мало времени и очень много труда.

— Что же бы вы сделали на моем месте? — спросил коммодор.

— Я бы отыскал настоящих виновников, т. е. зачинщиков убийства, и наказал бы их только, а не всех без разбора. Таким образом туземцы поняли бы, что справедливость белых отличается от их справедливости, заставляющей их мстить за смерть кого-либо из своих убийством не того, кто виноват в этой смерти, а кого бы то ни было из жителей его же деревни.

— Это легко говорить: «Найти виновника», — возразил коммодор, — на деле же весьма трудно, а иногда даже и совсем невозможно.

— Не так трудно, как вы полагаете, коммодор, — был мой ответ. — На южном берегу Новой Гвинеи живут уже несколько лет миссионеры, которые знают туземные языки. В самой деревне Кало в продолжение одного года или двух жил teacher³. Деревни Карепуна и Ула, расположенные около Кало, разумеется, находятся с нею в дружественных отношениях, несмотря на убийство teacher'ов. При посредстве миссионеров и жителей соседних деревень нетрудно вступить в переговоры с населением провинившейся деревни, потребовать от них имени виновников и выдачу их, объявить, какое наказание может постигнуть их в случае невыполнения этого требования, и т. д. Я убежден, что таким образом можно добраться до настоящих виновников, наказать их и оставить невинных в покое, доказав им, однако ж, что справедливость белых стоит выше справедливости туземцев. Я не сомневаюсь, что такой поступок будет иметь крайне благотворное влияние на отношение туземцев к белым.

Мои доводы убедили коммодора в возможности обойтись без совершенного разорения или сжигания деревни.

Мы перешли к обсуждению деталей экспедиции, и наш разговор закончился предложением коммодора отправиться с ним и убедиться в возможности применить на деле предложенный мною план действий, который он решил испытать. Хотя предложение это являлось для меня и не совсем удобным, я тем не менее согласился, но посоветовал коммодору непременно отправиться в Ануапату и заручиться там помощью человека, которая могла оказаться гораздо более действительной, чем моя помощь: именно, взять оттуда г. Чалмерса, знающего туземные языки и имеющего большое влияние на туземцев южного берега⁴. Коммодор согласился и заявил, что корвет «Вульверин» снимется с якоря 10 августа.

В назначенный день в 4 часа пополудни мы вышли из порта Джаксон⁵ вместе с летучей эскадрой, находящейся под командою адмирала графа Кламуильяма, в которой находились оба сына е. в. принца Валийского. Мы плыли с эскадрой только до следующего утра, когда сигнал, поднятый на адмиральском судне, дозволил коммодору отделиться

ся от эскадры и плыть по своему назначению. Мы поставили паруса и направились почти на N, между тем как эскадра продолжала свой путь вдоль берега, намереваясь зайти в Брисбейн.

Не стану описывать ни весьма удачного перехода, совершенного под парусами в одиннадцать дней, ни любезное гостеприимство коммодора Уильсона, в одной из кают которого я помещался, а перейду прямо к прибытию корвета в порт Морезби, где мы бросили якорь 21 августа.

Здесь мы встретили два английских военных судна, шкуны «Beagle» и «Sand-Fly». Съехав с коммодором на берег, мы были встречены обоими миссионерами, гг. Лооз (Lawes)⁶ и Чалмерсом. От них мы узнали точную историю убийств.

Уже за несколько времени до убийств в ближайших деревнях распространился слух о том, что жители деревни Кало собираются убить живущего среди них teacher'a. Последний, однако ж, не хотел верить этому и даже обратился к главному начальнику деревни Кало, по имени Квайпо, с вопросом, должен ли он верить этому слуху или нет. Последний постарался уверить его, что эти слухи — чистая выдумка.

Тария, teacher деревни Хулá, отправился 25 марта в своей шлюпке в Карепуну с намерением забрать оттуда своего товарища — teacher'a, так как последний был нездоров. С ним поехали пятеро молодых людей из деревни Хулá. Тария заехал также и в Кало и условился с тамошним teacher'ом, обещав ему взять его с собою на обратном пути. Обещание это он исполнил. Кроме Тария, в шлюпке находились teacher деревни Карепуну, его жена и двое детей. Пока Тария ждал прихода teacher'a деревни Кало и его семейства, Квайпо, начальник деревни, вошел в шлюпку поболтать с миссионерами. Скоро пришли teacher деревни Кало, его жена, двое детей и teacher из Мататути, находившийся в гостях у первого. Когда все уселись в шлюпку, Квайпо вышел на берег. Это было сигналом для нападения. Десятки копий полетели на шлюпку; сопротивление было бы совершенно напрасно, и всякая попытка к бегству вполне бесполезна, так как с одной стороны несчастных была вода, а с другой — туземцы с их копьями.

Один Тария вздумал сопротивляться, но четыре брошенных в него копья прикончили его тут же. Всех убитых было двенадцать человек. Среди них находилось и двое туземцев из деревни Хула. Четверо спаслись, бросившись вплавь вниз по речке; их не преследовали, так как еще в начале нападения Квайпо приказал падать туземцев Хула. Только тело одной из женщин вместе с трупом ее ребенка были погребены туземцами Хула и Карепуна; остальные же сделались добычею крокодилов⁷.

Туземцы соседних деревень указывают на Куапена, начальника деревни Арбама, который уверял жителей деревни Кало, что иностран-

цев можно убивать безнаказанно, и даже привел несколько примеров, между которыми один был — убийство, случившееся в Ароме около года тому назад, и толковал о том, какая большая слава выпала на долю его деревни. Туземцы Кало не пропустили этого совета мимо ушей. Но ближайшей и более действительной причиной этого убийства была ненависть жены начальника Квайпо к жене Анедера (Андрея), teacher'a Кало. Вражда длилась долго, и жена Квайпо не оставляла его в покое бесконечными жалобами своими на teacher'ов, что и привело, наконец, к вышеописанной печальной развязке.

Когда коммодор Уильсон в немногих словах рассказал миссионерам наш план наказания настоящих виновников убийства, т. е. Квайпо и его сына, то они выразили большое сомнение относительно выдачи туземцами своего начальника. Единственной возможностью успеха, по их мнению, было овладеть деревней врасплох и захватить начальника.

Оставив коммодора и миссионеров совещаться, сам же отправился в деревню. Проходя между группами туземцев, которые так часто видели европейцев, что появление последних нисколько не отвлекает их от их занятий, я мог заметить, что употребление каменных орудий (осколков кремня) еще не вполне вытеснено железом и сталью. Я видел двух человек, обтесывающих какие-то палки кусками кремня; острые края свежееобломанных сторон камня отлично стругают самое твердое дерево; третий туземец заострял копье не ножом, который был заткнут у него за браслет на руке, а куском продольно расщепленного свиного клыка. Носовые украшения из *Tridacna gigas* также режутся и полируются кремнем.

Встретил Макане, ту молодую девушку, с которой я рисовал татуировку⁸; завидев меня, она прибежала ко мне и, помня мое рисование, указала на несколько фигур на ляжке и стала настаивать, чтобы я сейчас же срисовал их, т. е. дал бы ей за это куку (табаку). Я ограничился тем, что дал ей табак.

Во время прогулки я наткнулся на женщину с очень светложким ребенком на руках. Цвет кожи и характер волос не оставляли сомнения в том, что отец ребенка был белый. Мне сказали после, что действительно это был долго живший здесь ирландец.

22 августа. Ко мне привели мальчика лет 5, о котором я уже успел услышать, как только ступил на берег: мне говорили, что у этого был хвост. Когда отец мальчика с таинственным видом снял с него тряпку, составлявшую его одежду, я увидел, что в *pars sacralis*, как раз в средней линии, действительно находился род хвостика, около 5 см длиною и толщиною в детский мизинец, но собственно хвостом его назвать было нельзя, так как это был не что иное, как кожный полип значительной длины, и мог считаться хвостиком только по своему положению на

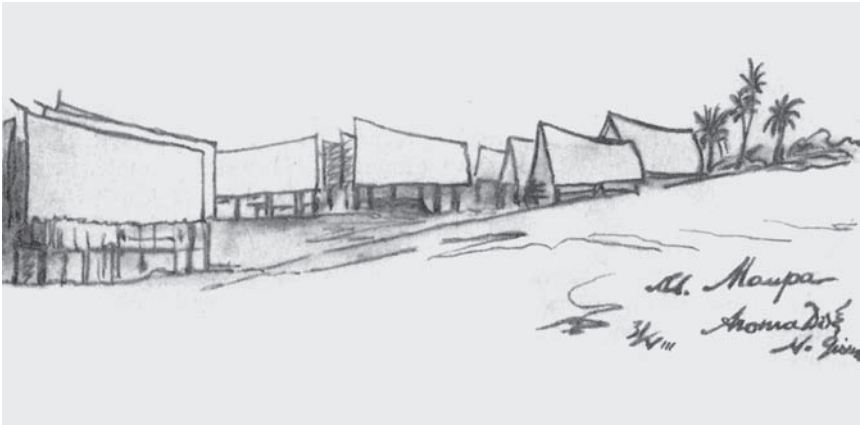
Деревня Маупа в районе Арома

теле. Линия более длинных волос по середине спины продолжалась и на этот придаток. Я осмотрел, смерил и нарисовал этот курьезный объект. Отцу, очевидно, нравилось, что я так внимательно отнесся к этой особенности его сына. Он заставил его сесть, и в таком положении этот накожный придаток очень походил на настоящий хвостик.

Надо заметить, что у здешних туземцев очень распространено поверье о существовании хвостатых людей, о которых все говорят и рассказывают, но которых до сих пор еще никто не видел. Один туземец, хорошо говоривший по-английски, серьезно рассказывал мне, что так как хвосты этих людей, живущих где-то в горах, состоят из костей и кожи и не сгибаются, то, когда они садятся на землю, им приходится, чтобы не сломать хвостик, сделать сперва копьём довольно глубокое отверстие в земле и сесть так, чтобы хвост поместился в это отверстие. Этот рассказ я слышал на о. Базилаки, но г. Чалмерс сказал мне, что поверье о существовании хвостатых людей очень распространено среди туземцев южного берега Новой Гвинеи.

Макане не забыла явиться, и так как рисунка ее татуированного тела у меня с собою не было и я помнил, что вид татуировки на передней части тела был сделан мною тогда второпях, я сделал новый рисунок татуировки ее туловища и ног до колен спереди. Меня отчасти удивило то обстоятельство, что рисунки, недавно (несколько месяцев тому назад), сделанные на ее теле, цветом своим почти что не отличались от цвета остальных, сделанных несколько лет тому назад.

Так как предполагалось сняться на следующий день, то коммодор Уильсон роздал начальникам и туземцам деревни большое количество подарков (бумажной материи, ножей, несколько топоров, бус и глав-

ным образом табак). Все раздавалось от имени королевы Виктории, которая, благодаря стараниям миссионеров, очень популярна на этом берегу.

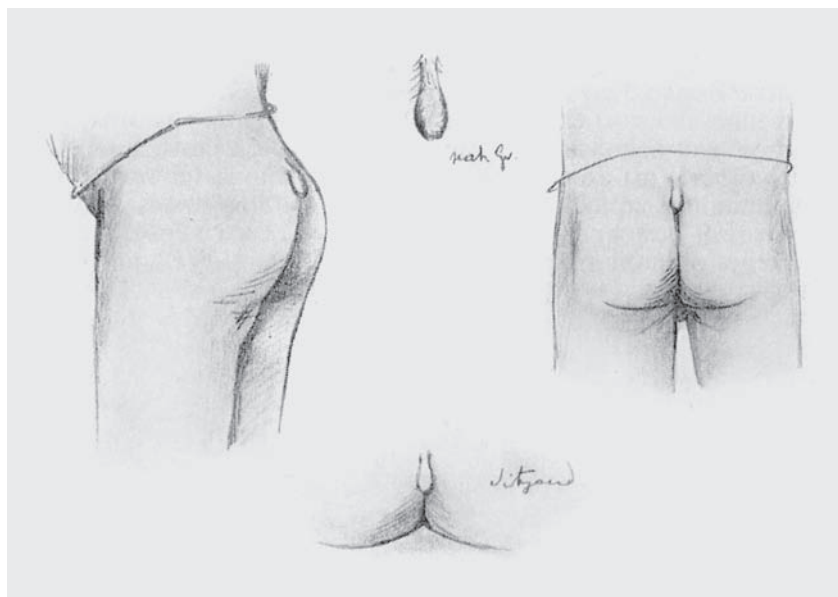
23 августа. Шхуна «Sand-Fly» отправилась с почтою в Куктаун. Корвет «Vulverin», взяв шхуну «Beagle» на буксир, снялся около часу пополудни. Г. Чалмерс и вдова teacher'а Хулá, убитого в Кало, знающая хорошо язык и обычаи этой деревни, отправились с нами. План, на котором

Хижина. Дер. Маупа,
район Арома

Куапена — вождь дер. Маупа,
район Арома

Мальчик-папуас, лет 5—6, с хвостом

остановился коммодор, должен был заключаться приблизительно в следующем: корвет «Vulverin» должен был пройти почти что до деревни Карепуна и бросить якорь к вечеру, затем на другое утро несколько вооруженных шлюпок будут отправлены к устью реки, где расположена деревня Кало. Часам к 8—9, как только послышится рожок — быть готовыми к атаке, — другая партия, состоящая из десанта, высаженного еще накануне, который в продолжение ночи должен был пробраться сухим путем к деревне, должна была войти в деревню с тыла. Полагалось, что все туземцы будут ожидать нападения с реки и вовсе не подумают о возможности атаки с тыла; что таким образом жители Кало, застигнутые врасплох неожиданным нападением с двух сторон, должны будут сдаться или во всяком случае оставить деревню в руках белых. Тогда последние могут назначить свои условия и т. д. В этот вечер нам, однако ж, не пришлось дойти до места назначения: по случаю темноты оказалось неудобным слишком приблизиться к берегу.

24 августа. Прележав всю ночь в дрейфе, около полудня «Vulverin» и «Beagle» бросили якорь у рифа ввиду «Round Head». Восемьдесят пять человек матросов, составляющие десант под начальством командира корвета Ватсона, господин Чалмерс, вдова teacher'a и я были переведены с корвета на шхуну «Beagle». Между тем как корвет про-

Хижина вождя Квайпо. Дер. Кало

Хижина в дер. Кало

Толемуту —
туземец из деревни Кало

должал путь к Hood-Bay, «Beagle», пролавировав часов до 9, бросил якорь в Палавайя-Бай. Господин Чалмерс с командиром съехали на берег искать тропинки, которая, как уверял господин Чалмерс, ведет от этого пункта берега прямо в деревню Кало. Я же предпочел заснуть, сильно сомневаясь, чтобы тропинка находилась как раз против того места, где мы бросили якорь. Я был разбужен часа через полтора голосами вернувшихся. Они громко рассуждали, толкуя о том, что по случаю темноты невозможно было найти тропу. Было уже 12 часов ночи, и командир приказал перевезти десант в двух партиях на берег. Они должны были как-нибудь, вероятно, следуя берегом, добраться до Кало.

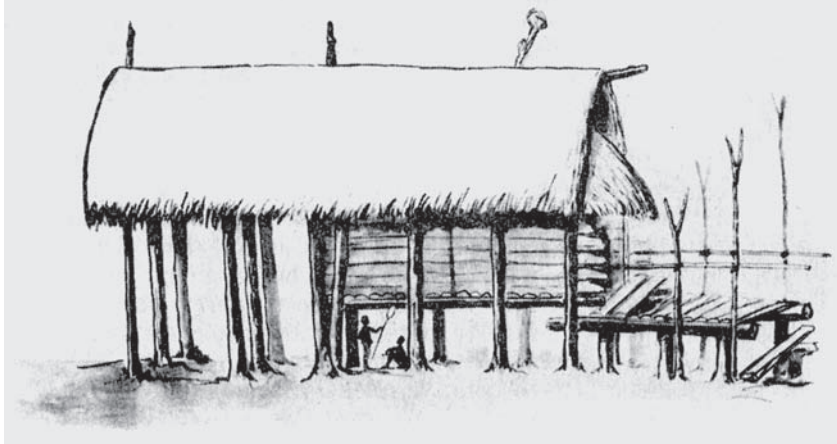
Зная, что отлогость берега помешает баркасу подойти ближе к сухой земле, я спустился в шлюпку босиком. Мое предположение оказалось верным, так как, подойдя к берегу, можно было добраться до него, только идя по колена в воде. Здесь я с удовольствием надел сухую обувь.

Было уже четверть второго; нам пришлось прождать другую партию десанта, так как баркас на буксире паровой шлюпки, который привез нас, должен был вернуться за нею к шхуне. Было очень темно, и все время моросил дождь. Я был очень доволен, что надел кожаную куртку, заказанную мною перед отъездом.

По высадке на берег второй партии господин Чалмерс повел нас через лес, надеясь, что тропинка, на которую он наткнулся, приведет нас к противоположному берегу, т. е. наперерез от Палавайя к Hood-Bay. Пройдя четверть часа частью лесом, частью по высокой траве, мы пришли к болоту, и такому топкому, что пришлось вернуться. Было так темно, что в лесу на расстоянии двух-трех шагов нельзя было разглядеть человека.

Голоса и шум шагов руководили нами. Вернувшись к морскому берегу, мы отправились к мысу, у которого находилась деревня Хула. Здесь Кайранги, вдова teacher'a, попробовала привести нас к тропе, ведущей к деревне Кало. Проплутав с полчаса между банановыми и

ХИЖИНА ВЪ ДЕР. КАЛО, НА ЮЖН. БЕР. НОВ. ГВИНЕИ.

Дер. Кало

другими плантациями, нам пришлось снова вернуться к берегу, и в деревне взяли молодого туземца, который рискнул быть нашим путеводителем, так как, показывая нам путь в Кало, он делался изменником относительно союзной деревни. На этот раз тропинка оказалась настоящей, но, так как уже было пять часов, то пришлось отправиться в путь ускоренным маршем. Люди с корвета, а также и офицеры были сильно утомлены, и неудивительно, так как воинская сбруя разного рода тяжела и, кажется, далеко не удобно приноровлена к походу в тропической стране. Не успели люди достаточно отдохнуть, как послышался рожок, вероятно, партии, прибывшей под начальством коммодора на шлюпках в устье реки. Тогда и наша партия двинулась к деревне, разделившись на три отряда, которые вошли в деревню разом с трех сторон⁹.

Третье посещение Берега Маклая в 1883 г.

Я имел возможность снова посетить Берег Маклая, встретив на пути в Австралию в Батавии корвет «Скобелев»¹.

Узнав от адмирала Н. В. Копытова², что он намеревается посетить некоторые острова Меланезии и, может быть, зайдет на Берег Маклая, я предложил адмиралу взять меня с собою, так как благодаря моим знаниям туземного языка и местных условий островов, куда должен был зайти корвет, я мог быть полезным при плавании, а я, со своей стороны, мог вновь посетить знакомые мне места.

Должен сказать, что Берег Маклая особенно притягивал меня, так как мне хотелось знать, что случилось с моими новогвинейскими друзьями.

Адмирал согласился, и я, распорядившись, чтобы мой багаж был отправлен в Австралию на английском пароходе «Chuebassa», на котором я ехал из Порт-Саида в Брисбейн (Квинсланд), захватил несколько необходимых вещей и перебрался на корвет, который снялся на другое же утро.

За неимением свободной каюты мне было устроено при помощи брезента и флагов отличное помещение под полуютом. Кроме подвешенной офицерской койки, служившей мне постелью, стол, стул и кресло были помещены в моей временной каюте, которая, находясь на палубе, была прохладна и светла.

Зайдя на Макаassar, в Амбоину³, я попросил адмирала приобрести здесь одного бычка, 2 телок и коз местной породы, уже акклиматизировавшейся в Малайском архипелаге, в подарок туземцам Берега Маклая. Мое желание было исполнено, и, кроме того, на казенные деньги были куплены для подарков туземцам тех островов, к которым мы должны были пристать, разные вещи, как то: малайские паранги (большие ножи), красная бумажная материя, бусы, небольшие зеркала и т. п. Кроме того, мною было приобретено множество семян разного рода, между прочими — семян дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева, апельсина, лимона, ланзат⁴, кофейного дерева, несколько молодых ананасов и, кроме того, много семян разных полезных растений и овощей.

Пройдя пролив Буру и Сагуйэн (между островами Салавати и Батанта), 12 марта мы подплыли к северному берегу Новой Гвинеи. По случаю дождя и густых облаков, скрывавших берег, и вообще вследствие дождливой погоды адмирал решил не заходить в Дорэ, а идти прямо к Берегу Маклая.

15 марта мы проходили мимо бухты Гумбольдта в Новой Гвинее. Открывшийся перед нами 16 марта о. Вулкан оказался снова действующим, как и в 1877 г.

17-го утром, пройдя проливом «Изумруда» (между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар), мы медленно прошли архипелаг Довольных людей около 2 часов пополудни, а в половине шестого вечера бросили якорь в порте Константиин.

Я съехал на берег, на мысок Обсерваций, и увидел там несколько старых знакомых из Гумбу (Олума и др.) и сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия: свиньи, таро, бананы и т. п.

Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет.

18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину и т. п., мы обошли деревню. Она показалась мне в этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 гг. Припомнив расположение деревни, я скоро открыл, что целые две площадки с окружающими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились. Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 г.⁵, все девушки и молодые женщины были удалены, оставалось только несколько старых, безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения. Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие, без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более что почти вся молодежь отсутствовала: одни находились в Богати по случаю происходившего там большого «ая» и «муна», другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин. Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о «тамо-ингис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove») ⁶, затем о приходе в Гаргасси абадам-Маклай (брата Маклая), как он, вероятно, называл г. Р. ⁷

Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем. Туй муэн-сен (Туй умер), — ответил мне Саул.

Я очень пожалел о моем старом приятеле.

Я оставил туземцев Бонгу в большом волнении, объявив, что привез им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мной имена этих животных, все хотели их видеть сейчас же и т. д. Я объяснил, что для привезенного скота надо построить изгородь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили, и никто не принимался за дело. Еще раньше я убедился, что если дать туземцам какую-нибудь вещь для общего пользования, но не исключительно одному, то это всегда окажется ошибкой, так как никто не заботится об общей собственности. Одна-

ко же дать привезенный скот кому-нибудь одному или же раздать по одному животному на нескольких лиц не казалось мне справедливым. Сказав, что я привезу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876—1877 гг. стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь всюду высокий кустарник; только местами изредка проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество *Сagica rарауа*, которая поднималась высокими стволами значительной толщины*. Вместо широких дорожек, содержавшихся всегда в большой чистоте около моей хижины, оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было добраться только с трудом.

Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел подюжины еще стоявших свай, и это было все. Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь 5—6 лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы. Времени на размышления, однако ж, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1878^{1*} у меня росла кукуруза и где, мне показалось, кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе нетрудно.

Расчищенное место было вскопано матросами, имевшими с собою железные лопаты, на пространстве нескольких квадратных сажен. Я послал туземцев за водою, а сам с помощью моего слуги из Амбоины Яна и обоих матросов стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных растений. Не посадил я только одних семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит более, нежели на Берегу Маклая.

Туземцы, по-видимому, интересовались всей этой процедурой. Я, тем не менее, не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не явились в тот же день или на другой свиньи и не разрыли бы новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за сооружением ее самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкою у деревни забора для скота. Я от-

* Вообще я заметил, что *С. рарауа* очень быстро акклиматизировалась на Берегу Маклая. Теперь нет деревни, где бы она не росла.

правился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду; но и тропинка была сильно запущена; невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новою. Добравшись, наконец, до места, где 6 лет тому назад была расположена деревня Горенду, я был окончательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни оставались только две-три хижины: все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет⁸.

После полдника и короткой сиесты я вернулся на берег и снова пошел в Бонгу. Я чувствовал себя как дома, и мне положительно кажется, что ни в каком из уголков земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствий, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым. Когда я пришел в деревню, вокруг меня собралась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитать; многие показались мне совершенно незнакомыми: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими прежними старыми приятелями. Два обстоятельства в особенности бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружавшим меня казалось, что как будто только вчера, а не 6 лет тому назад, я был в Бонгу в последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь я и сам ничем особенным не выражал моего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скажут от радости при виде меня? Были, однако ж, и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия: «И этот умер, — говорили они, — и этот, и этот», и т. д. Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели также знать, когда я опять вернусь и что им делать, если «тамо-инглис» снова появятся.

Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо-рус» с «буль-боро-русс» (большая русская свинья) приближаются в «кобум-ани-боро» (в шляпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпою.

Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как по причине отлогости берега тяжелому баркасу нельзя было подойти близко к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, командовал несколькими матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду. Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из

высочивших матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось, сперва вплавь, а затем бегом, к берегу, так что матросам нелегко было задерживать его. Он побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев, которые при виде нового для них животного, казавшегося для них, не знающих животных больше дикого кабана, громадным, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смирнее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я также поспешил, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам.

В деревне была сооружена изгородь, метров 15 в квадрате, для бычка и коровы. С некоторым затруднением матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заточена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению. Несколько из матросов с баркаса, пришедшие поглядеть деревню, наломали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; по-видимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень неспокоен, он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. Присутствие матросов, которые ухаживали за ними во время переезда из Амбоины, как бы успокаивало их. Рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, чувствовали себя спокойнее. Козла и коз, за неимением другого помещения, я предложил туземцам поместить в одну из хижин и рассказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана.

Один из матросов заметил, что недурно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир был принесен и матрос стал доить одну из коз, все туземцы сбегались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молока, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, почему я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся в изгороди, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кой-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка. По уходе матросов он стал очень неспокоен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор. Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбе-

гавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще раз бросился к забору с нагнутой головой, и еще несколько палок вылетели из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побежал за тамо-русс, как бычок, отбежав от забора, ринулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, вырвавшись на свободу, как бешеный полетел по деревне. Туземцы в ужасе быстро попрятались кто куда. Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать стремглав вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все-таки скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им, в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, им удастся загнать бычка обратно в изгородь, так как он очень ручной.

Когда мы вернулись в деревню, то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес, почему я послал туземцев в обход, чтобы не допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, увидев людей, бычок стремительно пустился вперед; туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы⁹.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествиями дня, что, несмотря на большое желание, не мог исполнить обещанного, т. е. вернуться ночевать в Бонгу.

19 марта на рассвете корвет «Скобелев» снялся и направился к островку Били-Били. Так как предполагалось сделать съемку порта Великий князь Алексей, то для нас было очень важно иметь переводчиков, потому что диалектов жителей архипелага Довольных людей несколько и они мне незнакомы; в Били-Били же я мог рассчитывать найти кого-нибудь из знакомых, которые согласились бы отправиться с нами. Так как глубина в этом месте была достаточна, то корвет направился в пролив между островом Били-Били и материком Новой Гвинеи. Подходя к деревне, мы уменьшили ход и спустили шлюбку, и я направился к деревне. На берегу нас ожидала большая толпа, узнавшая меня и вопившая: «О Маклай! О Маклай! Эме-ме! Э-аба! Гена!».

Несколько пирог приблизилось к шлюбке. В одной из них находилась Каин, в другой — Марамай и Тассан и несколько других.

Чтобы не терять времени на лишние переговоры, я предложил им всем следовать за мною на корвет, обещая дать табак и гвоздей. Каин перебрался ко мне в шлюбку и стал предлагать всевозможные вопросы, на которые я, разумеется, не мог отвечать за недостатком времени.

Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой. Сказав Каину и Гассану, что мне их нужно для того, чтобы говорить с людьми о. Сегу, куда идет корвет, я роздал остальным очень щедро то, что им было обещано (т. е. табак и гвозди), и отпустил их, задержав Каина, Гассана и Марамай, который сам пожелал отправиться с нами. Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина; Гассан же, улучив момент, когда я на него не глядел, взобрался на полуют и оттуда бросился в море.

Проходя мимо островка Урему, где я в 1877 г. посадил несколько кокосовых пальм¹⁰, я имел удовольствие видеть, что они принялись и росли хорошо. Каин и Марамай, указывая на них, повторяли мое имя, приговаривая: «Нуи Маклай», «Мунки Маклай» («остров Маклая», «косы Маклая»), «Навалобе Маклай Урему ина таль атар» («Со временем Маклай прибудет в Урему и построит себе дом»). Туземцам очень хотелось, чтобы корвет прошел через узкий пролив между о. Григером и мысом Бэйле на материке Новой Гвинеи и таким образом направился бы к о. Сегу. Адмиралу, однако ж, это показалось слишком рискованным, почему мы продолжали путь вдоль островов архипелага Довольных людей. Мы прошли острова [...]²*, попытались проникнуть в порт Алексей около острова [...]³*, но и это оказалось неудобным вследствие множества рифов. Наконец, мы прошли длинный о. Сегу и увидели пролив между материком, совершенно чистый от всякой опасности. Пройдя пролив, корвет бросил якорь у западного берега о. Сегу, на [...]⁴* саженьях глубины.

Так как было еще не поздно, то в тот же день было сделано несколько промеров.

Я отправился вместе с несколькими офицерами на паровом баркасе осмотреть несколько бухт обширного порта Алексей. При моем возвращении мне было сообщено, что Каин и Марамай последовали примеру Гассана, т. е. воспользовались приблизившеюся пирогаю, которая забрала их из воды, и более не возвращались. Хотя я отчасти извинял страх туземцев, но все-таки был сильно раздосадован их поступком, почему, увидев пирогу с туземцами, я приказал рулевому направиться к ней и почти что силою взял одного из них, другой же бросился в воду. Я отвез моего пленника на корвет, убежденный, что это обстоятельство побудит Каина или Марамай вернуться на корвет. На палубе я начал с того, что убедил знаками (диалект Сегу был для меня незнаком) моего пленника, что его не ожидает никакая опасность и напротив того — он получит много подарков, из которых многие были вручены ему немедленно.

Перед заходом солнца вид высоких гор, с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра, был великолепен. Двум людям из команды было поручено смотреть за пленником, который, благодаря благодушную ма-

тросов, чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали.

20 марта. Был одет в половине пятого и после завтрака отправился с лейтенантом Б.¹¹ в бухту Эремпи, которая оказалась гораздо более обширною, чем мы думали, и состояла собственно из трех бассейнов. Глубина воды в бухте совершенно достаточна для больших судов. Берега кругом были покрыты лесом. Мы видели нескольких туземцев, которые, однако ж, побоялись приблизиться к паровому баркасу, дым которого очень смущал их.

На обратном пути я попросил лейтенанта Б. войти в речку Аю, которая была мне знакома еще с 1877 г. Речка оказалась достаточно глубокою, хотя и узкою. Растительность кругом была роскошная. Одна лиана, с пучками лиловых цветов, попадалась очень часто. Очень высокие бананники росли у самого берега. Кроме высокого ствола и узких листьев, они отличались маленькими несъедобными плодами, полными зерен*.

Недалеко от устья речки Аю я заметил небольшое озеро (Моут-Монгун)^{5*}, которое я видел, отправляясь в деревню Эремпи в 1876 г.^{6*} Я решил, вернувшись на корвет, отпустить нашего вчерашнего пленника, и поэтому сам отправился с ним в деревню Сегу, которая, однако ж, оказалась совершенно безлюдною. В одной из покинутых хижин я увидел два круглых щита, несколько горшков с орнаментами вокруг горла и один очень замечательный «телум», представляющий мужскую и женскую фигуры in sorula.

Наш пленник остался на острове и не отходил от шлюпки до нашего отъезда. Он был бы непрочь вернуться обратно на корвет, где все обшались с ним очень хорошо. Встретив на обратном пути к корвету несколько пирога, я стал уговаривать туземцев (говоря на диалекте Бонгу, который они, по-видимому, отчасти понимали) вернуться в деревню, откуда они выбрались вчера вечером вследствие прихода нашего корвета. Дав им несколько подарков (табаку, красного коленкору и бус), я сказал, чтобы они привезли нам на другое утро кокосовых орехов.

Когда стемнело, можно было разглядеть во мраке несколько пирога, возвращавшихся на о. Сегу. Огоньки, замелькавшие там и сям, показали нам, что туземцы послушались и вернулись по домам.

21 марта. До восхода солнца я отправился в деревню Сегу и отпустил шлюпку. Кругом не было ни души, но я был убежден, что туземцы скоро покажутся, и не ошибся. Не только мужчины явились ко мне, но от них не отстали и женщины. Каин был между первыми. Очень радостно пожи-

* Этот вид дикого банана по рисунку цветов, плодам и по моему описанию был назван бароном Ф. Мюллером в Мельбурне «*Musa Macloyi*» (См. «*Proceedings of the Lynnean Society of New South Wales*»)¹².

мая мне руку, он сказал, что вчера он потому только сбежал с корвета, что боялся оставаться там среди тамо-русс без меня, но что со мною он готов вернуться хоть сейчас и отправиться, куда я пожелаю. Я поймал его на слове и предложил ему отправиться со мной в деревню Бомассия, про которую я только слышал в 1876 г., побывать же там самому мне не удалось. Кроме Каина, я взял с собою еще и моего амбоинца Яна.

В небольшой пироге мы отправились к реке Аю, затем через небольшой приток по имени Маус мы переплыли маленькое озерко Аю-Тенгай, окруженное лесом. Около тропинки мы вытащили пироги на берег и втроем отправились вперед. Часа через полтора мы пришли к деревне, очень похожей на Эремпи. Жители ее сперва бросились было бежать, но несколько слов, сказанных Каином, успокоили их совершенно. А когда я роздал несколько подарков, вся деревня, как мужчины, так и женщины, сбежалась, чтобы получить от меня что-нибудь; мужчинам я давал табак и гвозди, женщинам — бусы и красную материю, разорванную на длинные полосы.

Здесь, как и в Эремпи, жители — людоеды. Мне хотелось приобрести несколько черепов, но Каин уверил меня, что мозг обыкновенно варится в самом черепе, а затем, когда все уже съедено, кости выбрасываются в море. Мне предложили купить здесь очень интересный для меня и довольно длинный щит — не деревянный, а сплетенный из ротанга. Этот щит был приобретен туземцами от жителей Кар-Кара (о. Дампир). Так как владелец щита хотел получить за него топор, которого у меня даже и не было с собою, и не хотел доверить его мне и подождать уплаты при посредстве Каина, да и самому ему не хотелось идти на корвет, где он мог получить топор, то мне пришлось отказаться от приобретения щита. Тем не менее мне удалось приобрести копьё, лук и стрелы, весьма тщательной работы, и этим пополнить небольшую коллекцию папуасского оружия, которую я имел намерение послать е. и. в. великому князю Алексею Александровичу как образцы искусства туземцев, живущих у порта имени е. в.¹³ Концы стрел в особенности были вырезаны очень искусно: разными зарубками и засечками.

Когда нам подали угощение из вареного таро и т. п., я пожелал узнать, имеют ли здешние жители специальные табиры для угощений, на которых бы подавалось исключительно человеческое мясо. Ответ получился отрицательный. Мне сказали, что человеческое мясо варится в обыкновенных горшках и подается тоже в обыкновенных табирах. Так как сегодня меня не угощали мясом, то на этот раз я мог быть уверен, что мне не преподнесли человеческого мяса.

На обратном пути нам пришлось пройти несколько довольно больших и очень хорошо обработанных плантаций. По-видимому, земля здесь особенно плодородна.

Мы вернулись на корвет как раз перед самым ливнем. От адмирала я узнал, что он намеревается сняться на следующий день. Это меня крайне удивило и опечалило, так как на карту еще не было нанесено и половины обширного порта Великий князь Алексей. Все бухточки и якорные места около островов Рио, Ти́ара, Григер и др., т. е. вся южная часть этого порта, не значились еще на карте, сделанной офицерами корвета «Скобелев». Я несколько раз начинал доказывать адмиралу, как было бы хорошо распространить промер и на остальную часть порта Алексей. Адмирал, однако же, оставался непреклонен, говоря, что уже сделано все необходимое и что лучшей якорной стоянки, чем мы имели около о. Сегу, искать нечего и что ему необходимо крайне дорожить временем и т. д. Мне было очень досадно, что не русскому военному судну удастся сделать полную карту отличного порта Алексей*.

22 марта. Встав до рассвета, отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-боро-боро и архипелага Довольных людей.

Сильный противный ветер помешал нам сняться, почему я отправился на небольшой островок по имени Мегаспена^{7*}, покрытый растительностью и представляющий во многих местах некоторые удобства для причаливания шлюбок. Оттуда я переехал на о. Сегу, отыскал Каина и через него спросил у туземцев, которые считают о. Мегаспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы поставить там дом в случае моего возвращения. Все оказались не только согласными, но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них.

23 (марта). Снялись с якоря в 6 часов и около 8 проходили пролив «Изумруда» между Новой Гвинеей и о. Кар-Каром. У SW оконечности последнего мы заметили несколько парусных пирог, и часа через три я убедился, что эти самые пироги были выгашены на берег у мыса Круазиль; это послужило мне доказательством постоянного сообщения между туземцами Кар-Кара и жителями материка¹⁴.

1* У Миклухо-Маклая ошибка, надо: 1877 г.

2* Оставлено место для названия.

3* Оставлено место для названия.

4* Оставлено место для числа.

5* В РПТ здесь было оставлено место. Название восстановлено нами по дневнику 1877 г.

6* Ошибка, надо: 1877 г.

7* Правильнее: Меласпена.

8* В рукописи оставлено место для названия.

9* В рукописи оставлено место для названия.

* Я не ошибся, так как месяцев 5—6 спустя германским корветом [...] ⁸ была сделана съёмка южной части порта Алексей, две бухточки которого были названы немцами [...] ⁹*

ПУТЕШЕСТВИЯ 1886—1887 гг.

Один день в пути

(Из дневника)

14 марта 1886 г. около двух часов утра пароход «Merka»^{*} бросил якорь на рейде Батавии. Сперва шум якорной цепи и беготня на палубе, а затем возня и приготовления к разгрузке уже несколько раз будили меня; но, зная, какой тяжелый, утомительный день предстоит мне, я старался снова засыпать и поднялся не ранее обычного времени, т. е. в 5 часов утра.

Взяв ванну из морской воды, я поднялся на палубу, где, кроме лоцмана и нескольких пассажиров, — которые от сильного нетерпения поскорее увидеть Батавию провели почти всю ночь на палубе, — нашел уже ship-chandler'ов, поставщиков провизии и других предметов.

Утро было замечательно ясное, и темно-голубые силуэты вулканов Салак и Пангеранго отчетливо вырезывались на ярко-зеленой кайме береговой растительности. На берегу, в миле расстояния от нас, виднелись красные кровли и белые здания новой гавани Батавия — Таньон-Приок¹. Большинство судов стояло на якоре тут же, и только немногие виднелись далеко на западе, на старом Батавском рейде. Малым ходом вошли мы в небольшую, но вполне укрытую брекваторами² гавань, оконченную только два года тому назад, и каналом подошли к самой стенке пристани, где нагружают уголь. Более сотни туземцев немедленно принялись за работу. Такая поспешность загрузки углем была

^{*} Пароход «Merka» — один из 78 пароходов английской компании India Navigation Company, 2971 тонна вместимости. 400 номин. сил.

не очень приятна для пассажиров, так как многие рассчитывали отправиться в Бюйтенцорг и вообще пробыть в Батавии не менее суток, а иные желали бы даже остаться и дольше. Для моих личных намерений непродолжительность стоянки являлась также крайним неудобством.

Целью моего шестого приезда в Батавию, стоившего мне более двадцати лишних дней времени, проведенных на пароходе, далеко не перво-классном, — было забрать мои коллекции, которые заключались в значительном количестве ящиков и свертков разного рода и уже около 13 лет ожидали перевозки в Европу. К моему несчастью, день был воскресный, и я знал, что мне предстояло немало препятствий и затруднений. Весьма сомнительно, что можно будет найти главного управляющего торговым домом MacLaine and Watson, в складах которого хранились мои коллекции, попасть в эти склады (конечно, запертые по случаю воскресенья), нанять лошадей для перевозки ящиков из города на станцию, затем доставить их по железной дороге в Таньон-Приок и, наконец, в шлюпке на пароход; все это необходимо было проделать в один день. Хотя и сомневаясь в успехе, я все-таки решился попытаться, хорошо зная, что не удастся мне покончить все необходимые дела в один день, мне придется прожить в Батавии целый месяц, до прихода следующего парохода той же линии, так как я взял билет до Порт-Саида.

По просьбе пассажиров, завтрак был подан в 8 часов, т. е. целым часом раньше обыкновенного, а затем небольшой пароход, также принадлежащий British India Company, должен был перевезти желающих отправиться в Батавию на другую сторону канала. Так как дамы составляли почти половину всех пассажиров, желавших отправиться, то нам пришлось ожидать более десяти минут, пока они собирались и усаживались на пароходик. Лоцман уверял, что если сборы барынь не будут окончены еще через пять минут, то мы наверное опоздаем на поезд, который, вместо того чтобы отходить каждый час, как в будни, идет по воскресеньям только четыре раза в день. Наконец, дамы уселись, и мы тронулись. У противоположного берега, очень близко друг от друга, стояло множество пароходов, так что нам пришлось подняться довольно высоко, чтобы иметь возможность высадиться.

Выскочив на пристань и увидев, как медленно двигались пассажиры, я громко заметил, что если они не поторопятся, то наверное опоздают на поезд, и сам, вместе с несколькими пассажирами, быстро направился к станции. По моим часам, времени до отхода поезда оставалось уже очень мало, почему я постепенно все ускорял и ускорял шаги. Довольно далеко впереди нас шагал лоцман. Я нагнал его, оставив всех остальных пассажиров далеко назади. Вот уже показались настежь раскрытые двери станции, как вдруг лоцман наш побежал. Я последовал за ним и, взбегаая на верхние ступеньки, увидел, что поезд трогается.

Несмотря на то, что поезд сразу двинулся довольно быстро, я оттолкнул кондуктора, пытавшегося остановить меня, и вспрыгнул на платформу, подхваченный пассажирами, опасавшимися, что я сорвусь и упаду. Выглянув из окна, я увидел группу человек в 25—30: это были пассажиры, опоздавшие на поезд и вынужденные поэтому высадиться на станции часа три, если не больше, в ожидании следующего.

Спутники мои оказались крайне любезными: к моему неудовольствию, я попал в отделение для курящих, но мой сосед, усиленно куривший, заметив, вероятно, по выражению моего лица, что табачный дым мне неприятен, пересел на другое место и открыл окно, так что дым совершенно перестал стеснять меня. Другой пассажир, видя, что я затрудняюсь уплатить за билет, так как у меня были только английские деньги, любезно предложил мне разменять их на голландские.

Дорога от Таньон-Приок до Старой Батавии — по болотистой местности, сплошь поросшей кокосовыми и арековыми пальмами, бананами и другими роскошными тропическими растениями. Богатство и разнообразие здешней флоры резко бросается в глаза после монотонной австралийской растительности и производит крайне приятное впечатление.

Приехав со станции Старой Батавии в Вельтефреден*, я остановился на первой из городских станций и, наняв коляску, поехал к лицу, от которого главным образом зависело решение вопроса, устроится ли все, согласно моему желанию, в один день или же мне придется прожить в Батавии целый месяц в ожидании следующего парохода.

Скажу несколько слов о коллекциях, ожидавших меня в Батавии.

В период времени от 1873 по 1878 г. Батавия была центром, откуда я предпринимал мои экскурсии, и складочным местом для моих коллекций, собранных во время путешествий с 1872 по 1877 г. Представители торгового дома Дюммлер и Комп. в Батавии всегда относились ко мне весьма любезно и очень аккуратно берегли и хранили мои вещи во время моих отлучек³. Переселившись в Сидней и производя оттуда мои исследования островов Меланезии, я не счел нужным перевозить мои коллекции из Батавии, так как со временем они должны были быть отправлены в Европу. В марте 1885 г. я получил из Батавии от фирмы Дюммлер и Комп. письмо, в котором ввиду банкротства фирмы меня просили взять из складов мои коллекции и, между прочим, сообщали, что кроме двадцати семи разного рода мест с коллекциями в несгораемом шкафу торгового дома нашлись два запечатанных пакета с моим именем на обертке и со следующей припиской: «Brûler en cas de ma mort»^{1*}.

* «Вельтефреден» — по-русски значит «весьма довольный».

Сообщение о найденных бумагах было для меня весьма приятным сюрпризом, так как я уже несколько лет назад заметил исчезновение некоторых из моих манускриптов и дневников и буквально не мог ума приложить, куда они делись. Боясь, чтобы найденные бумаги (которые легко могли оказаться именно недостающими мне манускриптами) как-нибудь не затерялись по дороге из Батавии в Сидней или же не пропали при крушении парохода, что случается, к сожалению, гораздо чаще, чем это вообще предполагают, я решил лучше обожждать и захватить за ними в следующем году самому, по пути в Европу.

В то время (т. е. в 1885 г.) русского консула в Батавии еще не было, и поэтому я обратился к великобританскому, г. Мк.-Н.⁴ — представителю главной английской фирмы, гг. MacLaine and Watson, и просил его принять от Дюмлера и Комп. мои коллекции на хранение до моего приезда в Батавию. Теперь ясно, что мне было крайне интересно узнать, в каком виде находятся мои вещи и что именно заключалось в найденных в несгораемом шкафу запечатанных пакетах. Директор («manager») старинной фирмы MacLaine and Watson живет в Вельтефредене, в большом доме, принадлежащем этой фирме. Дом этот был мне известен еще с 1873 г., когда в нем жил предшественник теперешнего представителя фирмы.

Г. Мк.-Н. я видел в это воскресенье в первый раз. Он, по-видимому, или собирался в церковь, или же только что вернулся оттуда. Объяснив ему в коротких словах, кто я и чего желаю, я постарался убедить его исполнить мое намерение забрать вещи сегодня же во всяком случае и во что бы то ни стало, так как ехать без вещей в Европу для меня невозможно, а прожить целый месяц в Батавии — положительно *out of question*^{2*}. Глядя на симпатичное и энергичное лицо г. Мк.-Н., я почти не сомневался в успешном результате своей просьбы.

Трудностей, однако ж, по словам г. Мк.-Н., предстояло немало. По случаю воскресенья помещение консульства и склады фирмы были закрыты; мало этого: отдельные помещения складов были заперты разными ключами, находившимися в руках нескольких служащих фирмы, которых в праздничный день было нелегко разыскать, не говоря уже о том, как трудно было найти людей и лошадей для переноски и перевозки вещей, все по причине праздничного дня. Хорошо еще, что г. Мк.-Н. был агентом пароходства «British India», вследствие чего от него в значительной степени зависела отправка «Merkara».

Г. Мк.-Н. действительно не только обещал устроить выдачу моих вещей и заблаговременную отставку их на пароход, но и гостеприимно предложил мне свой дом в случае, если я останусь ночевать в городе. Мы условились, что я в сопровождении главного клерка консульства, г. Д., отправлюсь в старый город. Там я добуду свои пакеты и разыщу

ящики с коллекциями, что, по мнению г. Д., представлялось делом далеко не легким, так как ящики мои, полученные более года тому назад, были завалены массою кофе, прибывшего за последний месяц из разных мест. Хотя я и не совсем понимал, как могли большие ящики быть зарытыми в кофе, но не стал терять времени на расспросы и предложил немедленно ехать в город. Г. Мк.-Н., прощаясь, сказал, что так как «Merkaга» уходит только на следующее утро, то мне удобнее остаться ночевать здесь, и снова повторил, что его дом к моим услугам, прибавив, что будет ждать нас к lunch'у.

Было половина первого, когда мы с г. Д. отправились вдоль канала в старый город, заехав предварительно к кассиру за ключами. Нас сопровождал один из слуг г. Мк.-Н., знавший местожительства большинства служащих, у которых находились ключи от различных помещений и отделений фирмы.

Проехав китайский квартал, мы очутились в собственно старом городе Батавии, где все здания заняты конторами европейских торговых домов. По случаю воскресенья все дома без исключения были закрыты и даже ставни были заперты. На улицах — ни души. Со времени моего последнего приезда в Батавию (в январе 1876 г.) я не нашел здесь ни малейшей перемены⁵. Не видно не только новых зданий, но даже не заметно ни одной новой вывески. Наконец, мы подъехали к великобританскому консульству, где, как и во всех остальных домах, двери и окна стояли запертыми. Сторожа, который должен был находиться у ворот, также не оказалось, и так как улицы были совершенно пусты, то и послать разыскать его было невозможно. Г. Д. сам отпер двери консульства, и мы поднялись во второй этаж по большой широкой лестнице. В большом помещении конторы господствовал полумрак, потому что ставни были закрыты и даже сторы опущены.

Когда мы подошли к двери несгораемого отделения, где хранились важнейшие и ценные документы фирмы, а также находились и пакеты с моими бумагами, мной овладело сильное нетерпение, хотелось поскорее увидеть их. Замок оказался с разными хитростями. Ключ, по видимому, отпирал шкаф, но дверь не поддавалась. Г. Д. долго возился со сложным замком; наконец, ему удалось отпереть дверь, и мы вошли в довольно обширную и темную комнату, где на полках лежали кипы бумаг. Когда достали мои два пакета, я прежде всего увидел на обоих сделанные моей рукою надписи: «Brûler sans ouvrir en cas de ma mort»^{3*}. Тут мне живо представились все подробности, связанные с упаковкою этих бумаг и передачею их г. А., тогдашнему главе фирмы Дюммлер и Комп⁶. Припомнил я и разговор мой по этому поводу с г. А., и торжественное обещание последнего уничтожить эти пакеты в случае моей смерти. И странное дело: теперь все эти детали воскресли в моей

памяти с поразительной ясностью, а раньше, несмотря на все мои усилия, я положительно не мог припомнить, ни где я оставил эти бумаги, ни какого они были рода.

По внешнему виду я, однако, и теперь еще не мог догадаться, что в обретенных пакетах находились именно те дневники, которые я так долго искал. Я поспешил обрезать снурок, с нетерпением разорвал бумагу, в которую были завернуты мои манускрипты, и в бумаге оказалась именно та самая рукопись, относительно которой я так долго находился в неизвестности. Жаль, что у меня в ту минуту не было под рукою зеркала: я чувствовал, что выражение моего лица постепенно меняется, и мне было бы интересно проследить на нем эти характеристичные изменения, выражения удовольствия и переход от нетерпеливого ожидания к удовольствию при нахождении желаемого. Бумаг оказалось даже гораздо больше, чем я ожидал: нашлись рисунки и записки, о которых я уже успел совершенно забыть⁷.

Я до такой степени увлекся рассматриванием найденных бумаг, что г. Д. вынужден был напомнить мне, что нам еще предстоит немало дела с коллекциями. Тут возникло новое затруднение: дверь склада оказалась запертою, а ключ от нее находился у одного из служителей-малайцев, адрес которого не был известен ни г. Д., ни слуге г. Мк.-Н. Однако г. Д. был до того обязателен, что позволил сломать замок. Под общим напором дверь поддалась, но за нею оказалась другая, с еще более упорным замком, так что нам пришлось послать слугу к «мандору»*, у которого мог находиться ключ от этой двери. В ожидании его прихода мы забрались на шкафы, стоявшие у перегородки, и таким образом ухитрились перелезть в ту комнату, где должны были находиться мои вещи.

Тут только я понял вполне выражение г. Д., когда он говорил, что мои вещи зарыты, погребены в кофе. Склад представлял собою большую, почти квадратную комнату, футов 40 в длину и немного больше в ширину. На полу были сплошь насыпаны груды кофе, лежавшего слоями в 4 фута толщины; местами только между этими громадными кучами кофе были оставлены узенькие дорожки для прохода. Взобравшись на такую кучу, мы стали разрывать ее и в одном месте наткнулись на один из моих ящиков. Около него виднелся край другого ящика. При этом г. Д. сказал мне, что хотя он и не утверждает положительно, но ему кажется, что фирма брала на хранение не более двух-трех таких ящиков.

Слова эти были для меня весьма неприятным сюрпризом. Я рассчитывал найти по крайней мере двадцать пять ящиков, а никак не два или три. Я продолжал зондировать кофе палкою в разных местах,

* «Мандор» — по-малайски надсмотрщик или главный рабочий.

но нигде ничего не оказывалось. Я положительно встревожился. Куда могли деться мои ящики? Если их не окажется здесь, то сегодня по случаю праздника, разумеется, не придется разыскивать их по другим местам, а это значило волей-неволей засесть на целый месяц в Батавии. А г. Д. не переставал уверять меня, что других ящиков их фирма не принимала. Вдруг палка моя натывается на новый ящик; разгребая, читаю: «With the greatest care»^{4*}. Узнаю мою руку и принимаюсь еще усерднее тыкать палкою в кофе. Еще ящик, а за ним другой... третий... Вероятно, и все они здесь, но буквально погребены в кофе.

Пока продолжалась эта рекогносцировка, наступил уже третий час. В это время мы услышали шаги нескольких человек, приближающихся к дверям. Неподатливая запертая дверь отворяется ключом. Его принес мандор, прихвативший, кстати, и человек десять рабочих. Этот мандор, как объяснил мне г. Д., служит фирме MacLaine and Watson около сорока лет; человек он очень надежный и толковый и, заведя так долго складом, знает все, находящееся в нем, до последней щепки. Когда я спросил его о количестве ящиков, принятых от торгового дома Дюммлера и К⁰, он тотчас же отыскал под грудами кофе один из них, на котором была наклеена следующая надпись, им же самим сделанная: «Принято от Дюммлера и К⁰ 19 марта 1885 г. 3 свертка (N^oN^o 13, 14, 15); 3 свертка (в циновке); 1 связка (5 палок); 1 корзинка; 19 ящиков; всего 27 мест».

Читая эту драгоценную надпись, я совершенно успокоился и не без удовольствия заметил г. Д., что я был прав, когда утверждал о существовании большого количества ящиков. Благодаря расторопности мандора и приведенных им людей ящики мои были очень скоро откопаны из-под кофе и все вновь перенумерованы. После этого г. Д. отдал приказание мандору, чтобы все вещи были перевезены на следующее утро с первым поездом в Таньон-Приок, нагружены на пароходик и окончательно готовы к сдаче на «Meika» к тому времени, когда я туда приеду. Укладка и переупаковка недостаточно прочных ящиков, расчет с людьми и закрытие консульства были также поручены мандору, а мы с г. Д., захватив мои драгоценные манускрипты и пакеты, без дальнейших проволочек покатили обратно в город, к г. Мк.-Н., который, несмотря на позднее время, ожидал нас к lunch'у.

Дорогою мне невольно пришла на память довольно печальная для меня история, бывшая со мною в Сингапуре в 1878 г. По возвращении из Новой Гвиней, после продолжительного пребывания там в 1876 и 1877 гг., я проболел целые семь месяцев и ослабел в течение этой болезни страшно (вес моего тела, равняющийся при нормальных условиях 148 фунтам, уменьшился в то время до 93 фунтов). По мнению докторов, с которыми я и сам был совершенно согласен, мне необходимо было переменить климат, в котором я жил, на более холодный, хотя (бы) на

время. Вследствие этого я решил отправиться в Австралию; но так как я намеревался пробыть там недолго и снова вернуться в Сингапур, то и не захотел брать многого, в особенности же не желал возить с собою некоторых манускриптов, вывезенных из последнего путешествия.

Ослабел я, как уже сказал, чрезвычайно, голова у меня постоянно кружилась, и вообще я недомогал сильно, так что укладка вещей была для меня весьма утомительна и шла крайне медленно. Накануне отъезда я собрал вышеупомянутые бумаги и несколько рисунков, сложил их в пакет, завязал, запечатал и отправился к одному из банкиров, через которого чаще других получал деньги. Я объяснил ему, что, боясь потерять в пути некоторые, довольно важные для меня бумаги и рукописи, я желаю оставить их у него.

Я чувствовал себя в тот день так плохо, что, выслушав согласие банкира принять на хранение мои бумаги, кое-как распрощался с ним и рад был поскорее вернуться в *Hôtel de l'Europe*, где я в то время жил, и отдохнуть. На другой день я уехал в Сидней, и был так болен и слаб, что меня на руках перенесли из экипажа прямо в каюту. Дорогою я значительно поправился; в Сиднее прожил шесть месяцев, а там снова вернулся на острова Тихого океана. Вскоре затем я опять был в Австралии, и в таких разъездах прошло около четырех лет. О манускриптах, оставленных мною в Сингапуре, я совершенно забыл. Заехав в Сингапур в 1882 г. на пути в Европу и увидев там некоторые оставленные мною вещи, я вспомнил также и о пакете с манускриптами.

Намереваясь отправиться за ними на другое же утро, я, естественно, задал себе прежде всего вопрос, в какой именно банк я должен идти. Память моя не давала мне никакого ответа. Отыскав свой дневник за 1878 г., я стал добираться по нем до имени банкира, но оно, как нарочно, оказалось незаписанным. Нашел только указание, что в вышеупомянутом году я имел дело с тремя банкирами. Всю ночь я просыпался и старался припомнить имя банкира, однако безуспешно. На утро после завтрака я отправился к одному из моих троих банкиров. Дом, подъезд и самые комнаты показались мне знакомыми. Спрашиваю директора банка. «У себя в кабинете». Стучу, вхожу, надеясь встретить знакомое лицо, — и ошибаюсь. Ни я его, ни он меня не знаем. Я называю себя и прямо говорю, что оставил в его банке в 1878 г. пакет с бумагами на хранение. Директор ответил на это, что недавно приехал из Англии, о пакете ничего не знает и вследствие этого просит меня показать ему расписку в получении пакета. На мое возражение, что расписки у меня нет, он пожал плечами и заметил мне, что я, вероятно, ошибся банком, но, впрочем, прибавил, что если он найдет этот пакет, то перешлет его или мне самому, или кому я поручу. «Ваша фамилия, вероятно, была выставлена на пакете?» — спросил он. Я отвечал, что не помню, и,

чувствуя, что тут расспрашивать долее нечего, откланиваюсь и ухожу, замечая, что директор провожает меня довольно недоумевающим взглядом.

В другом и третьем банке — тот же результат. Всюду одни и те же расспросы о расписке или по крайней мере об имени лица, которому я передал пакет, те же следующие за ними удивленные, недоумевающие взгляды и пожиманья плеч на мою доверчивость. Не мог же я рассказывать каждому из них, как сильно я был болен, когда поручал неизвестному банкиру мои злосчастные манускрипты! Я вернулся в отель и решил не думать больше об утраченном; однако, несмотря на это решение, я весь день был не в духе и даже не мог ничего есть. Я и теперь не могу вспомнить, кому я отдал свой пакет с рукописями и рисунками. Питаю, однако ж, надежду, что он когда-нибудь да найдется⁸.

Любезный г. Мк.-Н. встретил меня на веранде, и я, выйдя из коляски, крепко пожал руку ему и г. Д., благодаря их за помощь. Будь это какие-нибудь немцы, французы, голландцы и т. п., я бы не встретил такой простой и действительной помощи, и поэтому я благодарил судьбу за то, что она столкнула меня с джентльменами-англичанами. Мы с г. Д. вернулись в город после нашей экспедиции с отличным аппетитом, и для меня, после однообразного пароходного режима, переход к свежему столу был особенно приятен, тем более что поданное нам *saggu* со всеми аксессуарами малайской кухни, по моему мнению, самая подходящая пища под тропиками.

По батавскому обычаю после обеда следует сиеста. Мне очень хотелось спать, но, помня, что в моем распоряжении остается всего несколько часов на пребывание в Батавии, я пожалел потратить их на отдых. Мне хотелось сделать несколько визитов, повидаться со старыми знакомыми и собрать некоторые сведения. Хотя, по местным понятиям, по воскресеньям нельзя делать визитов раньше шести часов вечера, т. е. пока жара совсем не спадет, я ввиду недостатка времени решил пренебречь обычаем и отправился с визитами в четыре часа пополудни. Расстояния в Батавии не маленькие, и поэтому я охотно принял любезное предложение г. Мк.-Н. воспользоваться его коляской. Прежде всего я отправился к г. Ф. Д. Ш. Вышедший слуга объявил мне, что барин еще не вставал. Действительно, окна и двери были заперты, стулья и столы на веранде сдвинуты вместе и ковры свернуты. Я колебался, не зная, подождать мне или уехать. В это время ко мне подошел другой слуга и объявил, что барин уже встал и отправился в купальню. Я послал ему карточку с надписью, что остаюсь в Батавии только на сегодняшний день. Через минуту слуга вернулся с докладом, что барин тотчас же оденется и непременно просит меня подождать. С г. Ф. Д. Ш. я не виделся с 1876 г., и несмотря на это, он вовсе не

нашел, чтобы я переменялся; разве только, что сильно поседел. Визит мой был очень короток, но время мы провели весьма приятно, перебирая и вспоминая наших общих старых знакомых в голландских колониях и оживленно беседуя о новостях литературы по антропологии и этнологии Малайского архипелага, появившихся на голландском языке. Мы не заметили, как наступило время прощаться, и я надеюсь, что г. Ф. Д. Ш. не сетует на меня, что ради меня ему пришлось несколько посократить свою сиесту.

Распрощавшись с моим старым знакомым, я отправился к доктору С. с целью посмотреть устроенную им зоологическую лабораторию⁹. Он тоже отдыхал, но, получив мою карточку, не захотел заставлять меня дожидаться и вышел ко мне почти немедленно в легком, удобном костюме, какой европейцы обыкновенно носят в голландских колониях. Узнав, что я остаюсь только на сегодняшний день, он сам предложил мне осмотреть зоологическую лабораторию, устроенную им в музее Natur Kundig-Gootschaf¹⁰. Часть залы музея с двумя окнами по сторонам была отделена доктором С. бамбуковой перегородкой и превращена в лабораторию для занятий по зоологии. За недостатком времени я не мог подробно осмотреть коллекции низших морских животных, собранных доктором С., но обратил внимание на устроенный им аквариум с морской водой. Под довольно большим стеклянным аквариумом, вмещающим приблизительно два ведра воды, находится резервуар, куда постоянно выливается вода. Чтобы поддерживать непрерывный ток свежей воды, небольшая стеклянная трубочка соединена каучуковою с сифоном, вставленным в большую стеклянную, оплетенную камышом бутылъ, подвешенную на блок к самому потолку. (Доктор С. объяснил мне, что он каждую неделю посылает за несколькими такими бутылками свежей морской воды, если не ошибаюсь, в Таньон-Приок.). Когда вся вода выльется через сифон в аквариум, пустая бутылъ опускается и при помощи блока к потолку поднимается новая, наполненная свежей морской водою. Это приспособление сберегает немало труда и времени, и благодаря этому доктор С. держит только одного служителя, смотрящего за лабораторией. Доктор сообщил мне, что за несколько недель до моего приезда в его лаборатории занимался один русский зоолог, некто г. К.¹¹.

По моему мнению, однако, выбор Батавии для устройства зоологической станции не может считаться удачным. Для изучения морской фауны громадным неудобством является значительная отдаленность лаборатории от моря. Для ловли пелагических морских животных нужно отъезжать от паровой пристани или таможни по крайней мере на полтора-два часовое расстояние да от пристани до лаборатории будет не менее часа обыкновенной езды. Следовательно, уходит пять часов на

непродолжительные разъезды взад и вперед. Если естествоиспытателю придется употребить на одно это целое утро, то для работы над собранным уже останется немного времени. Я уже не говорю о неудобстве перевозки в экипажах морских животных, положенных в незакрытые сосуды с морской водою.

Если же естествоиспытатель придет сюда заниматься анатомией и эмбриологией не морских животных, то тогда является другое неудобство, именно отдаленность Батавии от лесов. Сингапур и Молуккские острова (Амбоина и Тернате) кажутся мне местностями, несравненно более удобными для зоологической станции, и я все еще жалею, что в 1878 г., после второго пребывания на Берегу Маклая, серьезное нездоровье заставило меня перебраться в Австралию и помешало привести в исполнение мой план об устройстве биологической станции на юго-восточной оконечности материка Азии, около Сингапура. Островок Серимбон, который я предназначал для этой цели, будет моею собственностью еще лет 25, и я очень желал бы, чтобы кому-нибудь вздумалось привести в исполнение мой проект. Мой островок и все мое знание местности — к его услугам¹².

Возвращаясь к батавской лаборатории. Несмотря на высказанное мною мнение, старания доктора С. во всяком случае заслуживают со стороны каждого естествоиспытателя полной благодарности и пожеланий дальнейшего успеха. Между прочим, внимание мое было привлечено стеклянной банкой, стоявшей на одном из столов; в ней находилась очень красивая акула, светло-желтого цвета, с симметрично расположенными коричневыми полосками и пятнами. Доктор С. с предупредительною любезностью вынул ее из спирта и предложил посмотреть. Я нашел, что она принадлежит к роду *Scylium**. Зная, что я особенно интересуюсь этим отделом рыб, доктор С. любезно предложил мне ее, заметив при этом, что она была прислана ему всего лишь несколько дней тому назад. Я с удовольствием принял этот интересный для меня подарок. Акула была упакована в небольшой склянке, после чего мне необходимо было вернуться в дом г. Мк.-Н., так как было невозможно продолжать визиты с моим подарком.

Вернувшись в дом моего гостеприимного хозяина и переодевшись (так как батавский обычай требует, чтобы после 6 часов мужчины облекались в черный сюртук), я отправился к резиденту, т. е. главному представителю власти в провинции и городе Батавии. Я знал его уже раньше и поэтому очень пожалел, что не застал дома. Затем я отправил-

* Эта курьезная акула, с хвостом, более длинным, чем все тело, называется *Stegostoma tigrinum*, или *Stegostoma fasciatum*, но была описана еще и под другими именами, как то: *Squalus tigrinus longicaudatus*, *Squalus fasciatus*, *Scyllium heptagonum*.

ся к доктору Б. с целью побеседовать с ним о живо интересующем меня вопросе по акклиматизации белой расы под тропиками. К великому моему удовольствию, почтенный доктор сообщил мне, что он недавно издал книгу, трактующую именно об интересующем меня вопросе, и обещал прислать ее мне в скором времени¹³.

Направляясь в батавский клуб «Harmonie», я встретил г. Д., пригласившего меня ехать вместе с ним в один частный дом посмотреть на выставку вещей, которые должны были продаваться на следующий день с аукциона. Этот оригинальный обычай давно существует в Батавии. Если обыватель совершенно покидает колонии или же просто переселяется в другой город, он имеет обыкновение пускать в аукционную продажу все свои вещи, начиная с мебели и ковров и кончая последней вилкой в столовой, кастрюлей в кухне и лошадиной сбруей. За день до продажи все знакомые извещаются специальными приглашительными карточками; кроме того, о времени продажи печатается в газетах. Мы с г. Д. подъехали к дому, ярко освещенному газовыми лампами. Вся площадка перед ним и даже часть улицы была заставлена экипажами посетителей, собравшихся осмотреть вещи. Мы оставили свою коляску далеко от дома и, с трудом пробираясь между тесными рядами экипажей, дошли, наконец, до веранды, где толпилось множество дам и мужчин.

Войдя в дом, ярко освещенный люстрами и канделябрами, мы увидели вещи (вымытые и вычищенные), составляющие принадлежность каждой комнаты, до последних мелочей, уставленные группами и таким образом, что каждую вещь можно было осмотреть отдельно, без затруднений. При входе раздавались печатные каталоги, причем каждая вещь была обозначена особым номером. Хотя посетителей было очень много, но мы рассмотрели все очень спокойно и толкотни не было. Г. Д. сказал мне, что этот способ продажи вещей по случаю отъезда оказывается самым удобным. Вещи продаются почти по своей цене, с весьма незначительным убытком¹⁴.

Пробыв здесь несколько времени, мы вместе же отправились в клуб, где я встретил г. Мк.-Н. и много батавских и бюттенцоргских знакомых, с которыми встречался еще в семидесятых годах. Тут же я познакомился с г. Б., недавно утвержденным русским консулом в Батавии¹⁵. Мне пришлось услышать немало интересного о положении вещей в голландских колониях, а также о моих знакомых в разных уголках Малайского архипелага. Хотя многое из слышанного мною могло бы иметь общий интерес, я тем не менее воздержусь здесь от сообщений, боясь, как бы они не показались слишком длинными.

Просматривая, между прочим, газеты и журналы, я наткнулся на старый номер сингапурской газеты «Straits Times» (за 16 января), в ко-

тором меня заинтересовала одна статейка. Это был рассказ об открытии на о. Борнео летучих змей. Таких змей встречается там два вида (вероятнее, два различных рода). Змея первого вида, «улар-пиндан», не ядовита и имеет не более 10 дюймов длины; второй вид, «улар-кеналанг», достигает до 3 футов длины. Спина у нее черная, с белыми пятнами, брюхо беловатое. Укушение «улар-кеналанг» производит почти немедленную смерть. Крылья у этих змей начинаются недалеко от головы и доходят до половины тела; они состоят из жесткой кожи без костей. Туземцы говорят, что они способны перелетать через реки Рейян и Капит, т. е. расстояние, равняющееся 150 ярдам с лишком. Их можно нередко встретить около истоков и у дельты реки Рейян. Я нарочно выписал эту заметку, желая убедиться в существовании подобных змей; но пока я еще не могу ни подтвердить этого факта, ни опровергнуть его окончательно^{*16}.

К 8 часам мы вернулись к г. Мк.-Н. Между прочим, он сказал мне, что пригласил к обеду русского консула и еще некоторых лиц. Когда все собрались, любезный хозяин повел нас на обширную веранду, которая в колониальных домах Батавии обыкновенно служит удобной и прохладной столовой. Так как дам за столом не было, то разговор шел очень оживленный и интересный, хотя немного шумнее и продолжительнее, чем следовало.

После обеда большинство присутствующих удалилось в билиардную, а я остался в столовой беседовать с русским консулом, назначение которого явилось для меня крайне приятной новостью. Имея недвижимую собственность в голландских колониях, я не раз и очень чувствительно испытывал на себе все неудобство отсутствия официального представителя России¹⁷.

В этот вечер мне пришлось лечь спать не в мое обычное время, т. е. не в 9 часов, а только в 11. Отложив до следующего дня писание моего дневника по случаю позднего времени, я улегся спать в отведенной мне комнате. Но мне не спалось. Громкий говор в билиардной, долетавший до меня через открытую дверь столовой, смежной с той комнатой, где я спал, а также обдумывание всего слышанного и виденного мною в течение дня мешали мне уснуть. Из всех впечатлений, вынесенных мною после этого короткого пребывания в давно знакомых местах, ярче всего выделялись вопросы, характеризующие отношения между европейцами и туземным населением.

* На пути из Батавии в Аден я, между прочим, написал в Сингапур одному моему хорошему знакомому, находящемуся в постоянных сношениях с Сараваком (на Борнео), прося его обратиться к кому следует, обещая при этом хорошее вознаграждение, и добыть мне по экземпляру «улар-пиндан» и «улар-кеналанг». До сих пор я не имею еще никакого ответа, хотя и не теряю надежды получить его.

Смотря на большие каменные дома европейцев, окруженные хорошо содержащимися садами, освещенные множеством ламп, украшенные верандами, полными удобной мебелью, кажущиеся совершенными дворцами в сравнении с лачужками туземцев; видя удобные, роскошные экипажи; проезжая мимо освещенных станций со спящими взад и вперед поездами, — при виде всего этого великолепия, повторяю, приезжий европеец может, пожалуй, быть легко увлечен блестящей внешностью и, чего доброго, возыметь самое преувеличенное понятие о деятельности, могуществе и большом влиянии белых в колониях. Но все это, как я уже сказал, одна только *внешность*. Интересно, однако же, присмотреться ближе, чем именно поддерживается эта внешность.

Как известно, голландцы владеют своими колониями уже около трехсот лет, причем весьма немногие тысячи белых эксплуатируют и распоряжаются миллионами туземного населения*. Не следует, однако же, думать, чтобы эти миллионы относились совершенно пассивно к чужестранцам, которые отличаются от них не только расою, но и языком, и религией. Припоминая историю голландской колонизации и отношения белых к туземцам на разных островах Малайского архипелага, невольно обращаешь внимание на то уменье или же на случайность, с помощью которых голландцы так ловко воспользовались землями и трудом туземцев. Собственно говоря, все уменье их состояло в применении всем известной, если хотите, даже избитой, но тем не менее всегда верной системы «*divide et impera*»^{5*}. Европейцы стали между туземными правителями и народом и воспользовались властью первых для господства над последними; они покровительствовали расселению китайцев, которые образовали класс людей, ставших между туземцами и европейцами, и оказались очень полезными для последних. Кроме того, белые поощряли полукровных (европеомалайцев) и сделали их равноправными с собою. Но, введя между ними христианство, европейцы этим самым отделили их от туземного населения, к которому они, европеомалайцы, стоят гораздо ближе, чем к расе своих отцов, как по физиологическому *habitus*'у, так и по наклонностям.

Вспыхни восстание туземцев против белых, восстание, которому арабы и арабомалайцы¹⁹, воодушевляемые магометанским фанатиз-

* По статистическим данным, напечатанным в «Regeerings-almanak voor Nederlandsch-Indië» за 1886 г., туземное население Малайского архипелага под господством голландцев равнялось численностью 6 376 128 чел.¹⁸ (из них около ½ миллиона китайцев); между тем как европейцев и с ними равноправных (т. е. полукровных и вообще всех христиан) 46 837 чел. На о. Яве на приблизительно 27 миллионов туземцев приходится в настоящее время около 300 000 китайцев и только 30 000 европейцев (или же равноправных с ними), из которых в Батавии, имеющей около 90 000 жителей, живет всего 7000 человек.

мом, несомненно придали бы религиозный характер, — китайцы и полукровные, как язычники и «неверные», несмотря на весьма слабую симпатию к европейцам, тем не менее примкнули бы к ним, так как туземцы (магометане) не захотели бы их иметь союзниками. Довольно оригинально то обстоятельство, что туземцы и китайцы вовсе не нуждаются в европейцах и могли бы вполне благоденствовать без них. Между тем как европейцам никоим образом невозможно остаться без туземцев, так как они находятся в совершенной зависимости от их труда. И все-таки до сих пор туземцам не удалось, да и вряд ли скоро удастся сбросить с себя иго белых, тяжесть которого они чувствуют все сильнее и сильнее^{*20}.

Вспоминая мой сегодняшний разговор с доктором Б., подтвердившим своим многолетним опытом результаты моих наблюдений относительно акклиматизации белых под тропиками, я невольно подумал о шаткости германской колониальной системы, которая так неожиданно выступила на первый план в Тихом океане и, вероятно, окажется мыльным пузырем, участь которого, подобно участи всех мыльных пузырей, не подлежит никакому сомнению. Мне показалось странным, что такой человек, как инициатор германской колониальной политики²¹, не подумал осведомиться у людей компетентных, к каким результатам привели опыты европейской колонизации под тропиками. Они ответили бы ему, что такая колонизация, за исключением немногих местностей, возможна только при постоянном наплыве свежих эмигрантов из Европы; что без примеси туземного элемента белая раса как раса под тропиками акклиматизироваться не может, подобно тому как колония негров, переселенная на какой-нибудь Шпицберген, не просуществовала бы там во многих поколениях²².

Пробило половина первого, а я все еще не спал. Наконец, я решил прибегнуть к лекарству против бессонницы, которое мне часто помогает. Полуодевшись, я отправился крытым ходом через двор в боковое здание, где обыкновенно помещаются купальни, людские, кухни, сарай и т. д. Отыскав купальню, я взял душ свежей дождевой воды. Я знал, что рискую схватить лихорадку, но вспомнил об этом тогда только, когда уже возвращался в постель. Средство это благотворно подействовало мне на нервы, и я скоро уснул.

На другое утро, после душа и завтрака на скорую руку, г. Д. и я отправились на станцию железной дороги, причем я не забыл захватить

* Что туземное население находится в постоянном брожении и что голландцы не должны засыпать в полной беспечности, доказывается несколькими довольно серьезными волнениями, вспыхнувшими на Яве уже после моего отъезда и о которых я прочел в июле в русских газетах. Волнения эти, впрочем, были быстро подавлены.

банку с подаренной мне интересной акулой. Доехав из Вельтефредена до порта Таньон-Приока по железной дороге, мы к 9 часам уже были на пароходе «Меркага». Баржа с моими вещами уже ожидала моего приезда у борта. Все вещи были осторожно перенесены и сложены в трюм.

Напрасно, однако, я так спешил утром. «Меркага» покинула мол в Таньон-Приоке только в первом часу пополудни.

Н. Миклухо-Маклай

^{1*} *Сжечь в слугае моей смерти (франц.).*

^{2*} *Не может быть и речи (англ.).*

^{3*} *Сжечь, не вскрывая, в слугае моей смерти (франц.). Выше было: Сжечь в слугае моей смерти.*

^{4*} *С величайшей осторожностью (англ.).*

^{5*} *Разделяй и властвуй (лат.).*

На несколько дней в Австралию

(Из путевых заметок 1887 г.)

I

Пароходное сообщение Европы с Австралией. — Пароход северогерманского Ллойда «Неккар». — Несколько замечаний об Адене. — Острова Келинг, или Кокосовые. — Интересная аномалия кокосовых пальм. — Ловля жемчужных раковин и жемчуга в Индийском и Тихом океанах. — Курьезное поверие о размножении жемчужин.

Я выехал из Петербурга во вторник 17(29) марта, рассчитывая быть в Одессе в пятницу вечером; но вследствие недоразумения по поводу поездов я попал туда только в субботу утром. В тот же день в 4 часа пополудни я отправился далее, в Александрию, на пароходе Русского общества пароходства и торговли «Чихачев» и на восьмой день по выходе из Одессы, заходя в Константинополь, Смирну и Хиос, прибыл в Александрию. Я намеревался в Порт-Саиде пересечь на пароход «Messageries Maritimes», который должен был быть в Порт-Саиде около 12 апреля нового стиля на пути в Австралию. По приходе в Александрию, однако ж, я переменял мой план, узнав, что на другой день должен был выйти из Суэза пароход северогерманского Ллойда «Неккар», также отправляющийся в Австралию. «Неккар» ожидал прибытия другого парохода германского Ллойда из Бриндизи, на котором должна была прийти почта и приехать несколько пассажиров. Пароход этот ожидали на следующее утро рано, почта и пассажиры должны были

быть перевезены на специальном поезде из Александрии в Суэз¹. Еще в Петербурге я слышал и читал об этой новой линии между Европой и Австралией. Отзывившись об удобстве и скорости пароходов были очень благоприятны, почему я был непрочь собственным опытом проверить слышанное, тем более что я рассчитал, что, отправляясь на германском пароходе, я мог прибыть в Сидней, цель моей поездки, несколькими днями ранее парохода «Messageries Maritimes».

В настоящее время главных почтовых пароходных линий между Австралией и Европой не менее шести: 4 английских (Peninsular and Oriental S. N. С°, или так называемое P. and O., Union Steam Ship С° of New Zealand, Orient Line of Steamers и Queensland Royal Mail, или British India S. N. С°), одна французская и одна немецкая. Пути каждой линии различные. Пароходы P. and O., выходя из Европы через Аден, идут в Коломбо, а затем следуют в Австралию, заходя в порты Альбани, Аделаид, Мельбурн и Сидней. Пароходы Orient обходят мыс Доброй Надежды, а на обратном пути из Австралии, зайдя на свою угольную станцию на острова Чагос в Индийском океане, направляются прямо в Суэз и далее. Пароходы Queensland Royal Mail идут из Брисбейна, заходя в главные северо-восточные порты Австралии (Рок-гамптон, Макай, Бовен, Тоунсвилль, Куктоун, Тюрсдей-Айланд), идут в Батавию, затем через Galle в Аден, Суэз и т. д.

Американские пароходы Union Steam Ship С° of New Zealand, выходя из Сиднея, направляются сперва в Аукланд в Новой Зеландии, а затем через Гонолулу на Сандвичевых островах в Сан-Франциско, откуда пассажиры, выбрав одну из трех железнодорожных линий, переезжают по ней материк Северной Америки и из Нью-Йорка следуют далее в Лондон. Вследствие конкуренции этот интересный путь стоит не дороже пути по Индийскому океану и Суэзскому каналу. Несколько лет тому назад французская линия Messageries Maritimes открыла сообщение между Марселем и Сиднеем, откуда почта и пассажиры на пароходах уже меньших размеров отправляются в Новую Каледонию. Со временем предполагается устроить сообщение и с островами Таити. Пароходы французской линии идут из Адена на острова Сешельские и о. Морис (Иль-де-Франс).

Наконец, в прошлом году открылась еще линия в Австралию, линия северогерманского Ллойда.

Пароходы идут из Бремена, но почта и пассажиры могут нагнать их в Суэзе*, откуда через Аден, Коломбо, заходя в Аделаид и Мель-

* Так же могут поступить и пассажиры пароходов других линий, идущих через Суэзский канал, но германский Ллойд располагает для этой цели специальным пароходом; он идет из Бриндизи, а большой австралийский пароход ожидает его прибытия в Суэзе.

бурн, приходят в Сидней. Отсюда небольшие пароходы отвозят пассажиров и почту на острова Тонга и Самоа.

Кроме этих шести линий из Европы в Австралию, существуют еще две линии из Европы в Новую Зеландию, имеющую удобное паромное сообщение с Австралией (всего 4 или 5 дней пути).

Эти линии, имеющие отличные, скороходные пароходы, проходят между Новой Зеландией и Лондоном, *via* Магелланов пролив, Рио-де-Жанейро и Тенериф.

Все пароходы этих линий вместимость имеют от 3000 до 6000 тонн и более и совершают путь из Австралии в Европу, круглым числом, от 35 до 40 дней.

Стоимость проездной платы в 1-м классе из Европы в Австралию различна, она меняется от 50 до 70 фунтов стерлингов, смотря по линии, к которой принадлежит пароход, и даже каюте на том же пароходе*. За билет туда и обратно цена сбавляется. Билет 2-го класса стоит от 30 до 35 фунтов стерлингов.

Хотя я и желал отправиться на «Неккаре», но мне показалось необходимым удостовериться в одном важном для меня обстоятельстве, именно: могу ли я рассчитывать на отдельную каюту. Мое нездоровье, во-первых, делало это почти необходимым; во-вторых, даже для человека вполне здорового перспектива прожить с кем-нибудь в одной каюте в продолжение сорока пяти дней была не особенно привлекательна. При высокой цене билета и немалом числе пароходов такая требовательность вполне понятна**. Я обратился к агенту германских пароходов за справками; он уверил меня, что при незначительном числе пассажиров 1-го класса капитан парохода «Неккар» несомненно предоставит мне отдельное помещение. Тогда я уплатил ему за билет из Александрии в Сидней 63 фунта стерлингов (что при тогдашнем курсе составляло более 700 руб.). Цена эта оказалась равною стоимости билета из Порт-Саида в Сидней на французских пароходах Messageries Maritimes.

Мне не пришлось долго ждать в Александрии, так как на другой день по моем прибытии в этот порт, часам к восьми утра, пришел из Бриндизи пароход германского Ллойда с почтою и несколькими пассажирами, которых ожидал пароход «Неккар». Как только свезли на берег почту, а пассажиры, в числе которых находился и я, расположились по вагонам специального поезда, предназначенного везти нас в Суэз, мы тронулись

* Так как на больших пароходах каюты 1-го класса расположены не одинаково, т. е. одни расположены на рубке, на палубе, другие выходят в общий зал, третьи находятся около машины и т. п., то совершенно справедливо, что и цены им назначены различные.

** Новейшие пассажирские пароходы в Англии и Америке строятся так, что значительное число кают помещают только одного пассажира.

в путь. Поезд подвигался очень медленно; в плохих, дребезжащих египетских вагонах было грязно, пыльно и жарко. На одной из станций нас ожидал скверный обед; достаточно было взглянуть на него, чтобы потерять всякий аппетит. Развлечениями во время довольно долгого скучного пути служили виды из окон вагона (физиономия растительности, группы людей в разнообразных, живописных костюмах или без оного, постройки в некоторых селениях, через которые мы проезжали, и т. д.) и отличные сочные апельсины. Смотря на красивые виды, я не раз пожалел, что я не художник, и, кушая апельсины, досадовал, что чистить их без ножа и тарелки в пыльном вагоне представляет немало возни.

Только в 12 часу ночи добрались мы до Суэза и не ранее половины первого подъехали на маленьком пароходике к ожидавшему нас под готовыми парами пароходу «Неккар». Не без труда и лишь при помощи одного из матросов взобрался я на палубу, так как боль в обоих плечах и руках не позволяла придерживаться за перила, да и вообще я едва держался на ногах от ревматизма. Меня любезно встретил капитан, получивший от агента в Александрии телеграмму о моем приезде, и сейчас же обещал мне отдельную каюту, прибавив, что с величайшим удовольствием сделает все от него зависящее, чтобы устроить меня покомфортабельнее.

Почта была скоро выгружена из маленького пароходика, и я только успел передать агенту германских пароходов телеграмму в Сидней, как «Неккар» двинулся в путь.

Расположение и устройство кают, электрическое освещение, число очень прилично обмундированной, очень вежливой прислуги, одним словом, вся комфортабельная обстановка, которую нетрудно заметить при первом, даже поверхностном осмотре, была для меня приятным сюрпризом в виду 45 или 46 дней пребывания на этом пароходе. Каюта, которую я занял, была просторна, имела две койки, одну над другою; верхнюю сейчас же подняли*, так как мне была предоставлена вся каюта; против коек находился довольно удобный, широкий диван; между ним и койками два умывальных стола (каюта назначалась для двух) с зеркалом над ними, по обе стороны которого находилось по полке. Каюта освещалась белым шаром электрической лампы. Свет мгновенно потухал и являлся при легком движении небольшой ручки. Около нее находился электрический звонок для прислуги. Обер-стюартом мне был назначен один из waiter'ов (слуга) для специального прислуживания; на нем же и лежала обязанность наблюдать за чистотою и порядком в моей каюте.

* Койки были на петлях, устроены, как «полки на петлях», т. е. их можно было легко поднимать или опускать.

В каюту, смежную с моею, по приказанию капитана были положены мои вещи. Стюарт пришел сказать мне, что и эта каюта находится в моем распоряжении. Иметь весь свой багаж под рукою было для меня, разумеется, большим удобством. В столовой два ряда электрических ламп по обеим сторонам обеденного стола делали эту комнату ночью более светлою, чем днем; глазам, однако же, не было больно, так как лампы были помещены высоко. Над столами, которых было пять или шесть, между двумя рядами ламп висели «понки» (громоздкие веера, употребляемые в Индии и других тропических странах для доставления искусственной прохлады); они приводились здесь в движение не людьми, как обыкновенно, а паром.

— Есть ли у вас библиотека? — спросил я стюарта.

— Как же, — был ответ, — прикажете принести каталог?

— А есть аптека? — продолжал я.

— Есть, но ключ от нее находится у доктора, который уже спит (был уже второй час ночи). — Но, если прикажете, его сейчас разбудят, так как он и днем, и, если нужно, ночью к услугам гг. пассажиров.

Я заметил, что могу подождать до завтра.

— А ванная есть? — продолжал я расспрашивать.

— Какую прикажете, теплую или холодную? — спросил стюарт; — если теплую, она может быть готова через четверть часа, а холодную можно иметь сейчас же.

Я сказал, что желаю иметь теплую ванну в шесть часов утра.

— Я передам ваше приказание цирюльнику, на котором лежит обязанность смотреть за исправностью ванн. Какой температуры вы желаете иметь ванну? Ее можно сделать совсем горячую или какой угодно температуры, пуская в холодную воду пар, — пояснил мне стюарт.

Назвав температуру, я продолжал:

— Так у вас и цирюльник есть?

Как же. Он имеет прекрасное помещение для стрижки волос и бритья гг. пассажиров.

— Может быть, у вас и прачка найдется?

— Есть и прачка. Прикажете отдать ей белье сегодня же или завтра?

На этот раз расспросы показались мне достаточными, и я вернулся в свою каюту, где меня ожидал Фриц, мой временный слуга, чтобы помочь раздеться.

Невольно сравнивая комфорт, найденный мною на «Неккаре», с тем, что я видел на «Чихачеве», мне показалось, как будто я переселился в первоклассный отель с вполне современным комфортом из хорошей гостиницы пятидесятых годов с патриархальными порядками. Я улегся в постель, состоящую из железной рамы и проволочного матраца, покрытого легким волосяным тюфяком.

Так как в каюте вовсе не было жарко (повешенный мною термометр показывал 28 °С), то легкое байковое одеяло нисколько не было лишним. Не было ни малейшей качки, стук и сотрясения от винта почти что не ощутительны. При таких условиях, даже после менее утомительного дня, проведенного в вагоне, было нетрудно хорошо проспать ночь.

На другой день я осмотрел пароход. На палубе 1-го класса расположена небольшая гостиная и очень комфортабельная каюта для курящих. Пассажиров в 1-м классе было весьма немного, что являлось немалым удобством. Температура воздуха в Красном море оказалась очень умеренною, и я ни разу не видел, чтобы в моей каюте она превышала 32 °С; даже при полном штиле фланелевый костюм нисколько не был стеснительным.

Мы пришли в Аден на четвертый день плавания от Суэза. Здесь значительное число пассажиров 2-го и 3-го классов съехало на берег в ожидании парохода германского Ллойда, который должен был перевезти их в Занзибар и новые германские колонии на восточном берегу Африки; большинство же пассажиров осталось на «Неккаре», так как почти все отправлялись в Австралию и только весьма немногие ехали далее, на острова Самоа.

Здоровье мое не позволяло мне съехать на берег в Адене, да и провести два-три часа в городе при несколькихчасовой стоянке в этом порту было бы для меня не особенно интересно, так как это было уже мое третье посещение этого города и, в продолжение предыдущих несколькихдневных пребываний в Адене, мне уже удалось познакомиться с его главнейшими достопримечательностями.

Аден и Коломбо — две самые интересные станции австралийских пароходных линий, но описывать такой город, как Аден, только словами, без иллюстраций — дело неблагоприятное; такое описание не может дать читателю почти никакого представления о действительности, т. е. физиономии местности, типе населения и т. п., почему я и ограничусь здесь только немногими замечаниями об Адене; предлагаю тем из читателей, которые пожелают ознакомиться более обстоятельно с подробностями относительно этого интересного и важного для мореплавания пункта, прочесть книгу капитана (ныне майора) Хунтера, правительственного резидента в Адене².

В Адене собственно два города — старый и новый. Старый представляет остатки очень древнего* арабского города, новый же, европейский, был основан англичанами в 1839 г. и сделался важною угольною

* О древности Адена свидетельствуют искусственные водоемы в скалистом ущелье, которых первоначальное основание полагается 600 лет до христианской эры; в 1873 г. решено реставрировать главнейшие из них, и некоторые находятся уже в употреблении.

станцией для коммерческих пароходов всех наций и не менее важным пунктом для британских военных судов во время войны. Кроме того, новый Аден обратился в удобный склад для продуктов западного берега Африки, Аравии и отчасти Персии. Поводом, поведшим к приобретению Адена, послужило разбитие английского судна, которое было разграблено жителями Адена. Англо-индийское правительство овладело городом в 1837 г., а в 1839 принялось за основание нового Адена около порта. В 1850 г. Аден был объявлен порто-франко.

Устройство и содержание этого города делают большую честь предприимчивости и энергии англичан. Все правительственные здания построены прочно и хорошо, город удобно расположен и содержится опрятно. Климат, несмотря на довольно высокую температуру (средняя годовая температура $21,4^{\circ}$ R), вероятно, благодаря своей сухости, сравнительно здоров, так что сюда посылают из Индии больных для поправления здоровья. Несмотря на то, что дождь в Адене — редкое явление, вода здесь отличная, так как вся она, по крайней мере та, которую употребляют европейцы, дистиллирована из морской воды*. Фабрика, где дистиллируют воду, и рядом с ней другая, где выделяют искусственный лед, — два учреждения, очень важные для благосостояния европейского населения в Адене. Тонна дистиллированной воды стоит 13 шиллингов (около 4 руб.).

Живописные, но голые скалы Адена представляют хороший пример того, насколько отсутствие растительности делает пейзаж безжизненным и монотонным; только при вечернем и утреннем освещении серые скалы представляют иногда неожиданные световые эффекты. Если ботаник не найдет в Адене богатой добычи, зато для антрополога и этнографа разнообразное и меняющееся население Адена может представить обильный материал для изучения. Помеси разных семитических и негритянских племен могут выяснить при этом немало вопросов относительно скрещивания и образования новых рас.

Значение Адена ежегодно возрастает, и он смело может считаться самым важным портом и городом для европейцев на Аравийском полуострове. Его значение, разумеется, было поднято тем обстоятельством, что он сделался важною станцией для почтовых пароходов; не проходит дня, чтобы в порт не пришел один или несколько пароходов из Европы, идущих в Японию, Китай, на острова Тихого океана, в Австралию, Индию и берега Западной Африки или возвращающихся обратно.

* Туземный город снабжается водою, доставляемою из Шейк-Отман водопроводом длиною 7 миль, а также после дождей из реставрированного искусственного водоема, который, когда будет совершенно окончен, может вмещать 8 000 000 галлонов воды.

Английский гарнизон в Адене обыкновенно значительный, и, несмотря на кажущуюся безопасность со стороны Аравийского материка, англичанам не следует упускать из виду, что все население внутри страны более или менее враждебно европейцам и, воодушевленное фанатизмом, может при случае оказаться серьезным их врагом, несмотря на все превосходство европейского вооружения. Майор Хунтер, правительственный резидент в Адене, опрошенный мною во время одного из посещений моих Адена о возможности путешествия сухим путем из Адена в Мокку, Лахаию или прямо в Джедду, ответил мне, что считает такое предприятие рискованным, потому что в нескольких милях расстояния от города жизнь европейца не в безопасности¹.

Главные жизненные припасы привозятся не с аравийского, а с ближайшего африканского берега*. Это обстоятельство представляет немалое удобство, так как во время войны, например, эта доставка может быть прервана или очень затруднена неприятельскими судами. Для молодых колоний, как Обок (французской) и Ассаб (итальянской), близость Адена весьма удобна. Здесь новые колонисты могут найти всегда главнейшие предметы, необходимые европейцу, а также при посредстве этого порта они находятся в правильном и частом пароходном и телеграфном сношениях с Европою. О новых колониях в Адене я узнал очень мало и полагаю, что в Париже и в Риме, пожалуй, легче узнать что об них, чем в соседнем им Адене. Во всяком случае там возможно найти кое-какие брошюры и отчеты об этих колониях, что в Адене мне не удалось, несмотря на все мои старания**.

Пароход «Неккар» на пути в Коломбо прошел очень близко от о. Сокоторы, острова, на котором недавно был поднят британский флаг, и остров этот включен в число стран, находившихся под протекторатом Великобритании. Султан на о. Сокоторе получает теперь небольшую субсидию под условием заботиться об экипажах европейских судов, которые нередко разбиваются у берегов Сокоторы***. Остров Соко-тора был посещен года 4 тому назад известным ботаником г. Швейн-фуртом, который остался, как мне говорил при нашей встрече в Алек-

* Который года два тому назад был объявлен находящимся под британским протекторатом.

** Интересная статья, касающаяся антропологии и этнологии племени данакиль, живущего около колонии Ассаб, была напечатана гг. Скарамучи и Жильоли (*F. Scaramucci e E. Giglioli. Notizie sui Danakil e più specialmente su' quelli di Assab*) в «Archivio per l'Antropologia e la Etnologia», 1884.

*** На возвратном пути из Австралии (в июне) в Коломбо мы узнали, что, например, «Одер», один из новых пароходов северогерманского Ллойда, разбился у с.-в. берега о. Сокоторы, причем все пассажиры и весь экипаж без исключения были спасены, но пароход со всем грузом и багажом пассажиров погиб.

сандрии в 1883 г., очень доволен своею экскурсиею, давшей несколько интересных результатов по географии растений⁴.

Г. Швейнфурт отправился на о. Сокотору и вернулся оттуда на английский военный судне, которое несколько раз в год из Адена посещает Сокотору и разные местности аравийского и африканского берега.

На седьмой день пути из Адена мы пришли в Коломбо, откуда после несколькихчасовой стоянки направились к западному берегу Австралии.

30 апреля (нов. ст.) мы прошли острова Кокосовые, или Келинг*, посещенные в 1836 г. Дарвином и описанные им в его кругосветном путешествии (в 9 гл. II тома)⁵. Эти острова, когда были открыты в 1608 г. капитаном Келингом, не имели жителей; они были заселены сперва в 1823 г. неким Александром Хером (Alexander Hare), привезшим с собою из Батавии несколько десятков малайцев и целый гарем малайских женщин. В 1826 г. прибыл на острова капитан Росс (J. C. Ross), который ранее несколько раз бывал на островах Келинг. На этот раз он окончательно здесь поселился со всею семьею и стал заниматься выделкою из кокосовых орехов «копры»**. К нему присоединились скоро малайцы, привезенные Хером, так как последний дурно с ними обращался. Это обстоятельство заставило Хера покинуть острова Келинг, и Росс остался один с своим помощником Лиском и малайцами. При посещении островов «Биглем» малайцев с женщинами и детьми было более сотни; теперь, как я слышал, их несколько сотен. Несмотря на то, что капитан Росс был совершенно другой человек, чем Хер, и старался не подавать причин к неудовольствию окружавших его малайцев, но и против него составилась заговор, имевший целью убить его, чтобы завладеть его имуществом. Исполнение этого заговора не состоялось, так как он был вовремя открыт женою (малайкою) Росса и вследствие энергических мер, принятых семьею Росса.

Сыновья капитана Росса, полукровные, получили в Батавии европейское образование и теперь, по смерти отца, продолжают начатое им дело, делая громадные запасы копры для вывоза, разводя новые плантации на других островах.

Когда года два или три тому назад многие из островов Тихого океана были заняты Германией, то и на острова Келинг британское правительство, во избежание недоразумений, сочло подходящим послать из Сингапура военное судно с приказанием поднять там британский флаг. Это было, если не ошибаюсь, в конце 1886 г.⁶ Посылкою этого судна воспользовался один мой знакомый, г. С. из Мельбурна, и провел не-

* Называемые так по имени капитана Келинга, который открыл их в 1608 г.

** «Копрою» называются нарезанные и высушенные куски зерна кокосовых орехов.

дели две на этих интересных для естествоиспытателей островах⁷. Так как г. С. особенно интересовался ботаникою, то он проверил и, может быть, дополнил наблюдения Дарвина, который, как известно, нашел здесь, кроме одного вида мха, одного вида лишая, одного гриба, одного дерева, которое за отсутствием цвета не мог определить, и другого, о котором только слышал, всего-навсего 20 видов растений, из которых 19 принадлежали к различным родам.

Между фотографиями, привезенными г. С. с о. Келинг, одна особенно заинтересовала меня. Она представляла кокосовую пальму со множеством побочных ветвей. Пальма эта была показана г. С. одним из молодых Росс, который прибавил, что таких кокосовых пальм находится несколько на островах Келинг. Подобная аномалия между кокосовыми пальмами, насколько я знаю, была неизвестна до сих пор и покажется новинкою для ботаников*. Виденная мною на одном из островов близ Новой Гвинеи кокосовая пальма с тремя главами совершенно отлична от пальмы на островах Келинг. Там ствол у самой верхушки разделялся как бы на три ветви одинаковой толщины**, здесь же почти что от самого корня от ствола отделяются миниатюрные ветви.

Шхуна, принадлежащая братьям Росс, раза два в год ходит с о. Келинг в Батавию, так что естествоиспытатель, который пожелал бы посетить эту интересную местность, не найдет много затруднений, чтобы добраться туда.

Погода стояла отличная. Индийский океан имел вид не моря, а спокойного громадного озера; а между тем, как я узнал по прибытии в Аделаид, не далее как недели две тому назад в этих широтах разразился такой шторм, что целая флотилия мелких судов, служащих для ловли жемчужных раковин и жемчуга, была почти что уничтожена.

21 апреля в 8 часов вечера флотилия эта была на якоре вдоль местности, известной под именем «Ninety mile Beach». Уже вечером налетали шквалы, которых сила увеличивалась постепенно ночью. К утру шторм все крепчал, так что многие из судов были сорваны с якоря и унесены в море, где были залиты волнами и затонули. К трем часам пополудни ни одного судна не оставалось на якоре, все были унесены в море и находились в самом печальном положении, многие погиб-

* Мне пока остается еще неизвестным, напечатал ли г. С. сообщение о своем посещении о. Келинг и описал ли свои наблюдения об этой интересной аномалии кокосовых пальм.

** Показав сделанный мною на о. Сайбаи, около Новой Гвинеи, эскиз этой трехглавой кокосовой пальмы известному австралийскому ботанику барону Ф. Мюллеру в Мельбурне, я узнал от него, что подобная или похожая аномалия находится в одном из садов (если не ошибаюсь, в ботаническом) в Калькутте, но что вообще эти аномалии встречаются очень редко.

ли. На следующее утро шторм стал уменьшаться, но весьма немногие из судов оказались уцелевшими; несколько шхун, около 20 люгеров⁸ и других 6 судов разной величины погибли, причем утонуло около 250 человек.

Несколько слов о ловле жемчужных раковин* и жемчуга в Индийском и Тихом океанах могут, может быть, показаться интересными.

Как известно, богатые рифы жемчужных раковин находятся в Индийском океане у западного берега о. Цейлона, между 8 и 9° с. ш., у берегов Кондатчи, Арино и Манаар, и ловля их составляла монополию британского правительства. Вследствие долгой бесконтрольной ловли раковин рифы там вдруг так оскудели, что доход пал с 120 000 на 10 000 фунт. стерл., почему ловля жемчужных раковин в этих местностях была прекращена британским правительством** на 16 лет (от 1838 до 1854 г.). Это обстоятельство было поводом, что предприимчивые люди стали разыскивать новые рифы и эксплуатировать случайно открытые, где ловля жемчужных раковин и жемчуга оказалась в разной степени доходною. Между островами Тихого океана архипелаг Поумоту особенно прославился в этом отношении, особенно когда распространился слух о нескольких ценных жемчужинах, привезенных оттуда миссионерами в Вальпарайзо, о доставке в Европу агентом торгового дома Годефруа и Ком. пакета жемчужин ценностью с лишком в 20 000 долларов, которые были собраны им в несколько месяцев при объезде островов этого архипелага.

Лет двадцать или тридцать тому назад доходы, которые наживались разными шкиперами, выменивавшими у туземцев жемчужные раковины и жемчуг на европейские вещи, были громадны; так, например, за простой железный топор островитяне платили в иной местности по тысяче жемчужных раковин. Иным из этих шкиперов они доставались еще дешевле; так, например, некий «каптен Ругг» (Rugg), хорошо известный лет тридцать тому назад в восточном Тихом океане, имел обыкновение периодически обходить на своей шхуне острова Поумоту и, разузнав о заготовленном для продажи складе жемчужных раковин, просто забирал его вооруженною силою.

* Жемчужная раковина принадлежит к классу Acepala, разряду Mytilacea, семейству Aviculidae, роду Meleagrina и известна в зоологической систематике под именем *Meleagris margaritifera*. Хотя особи этого вида очень различны по величине, внешнему виду, цвету и т. п., но они представляют один вид. Научные подробности о жемчужных раковинах (genus *Avicula* и genus *Unio*) можно найти в книге: *Tb. von Hessler. Die Perlenmuscheln und ihre Perlen. Leipzig, 1859.*

** О ловле жемчужных раковин около о. Цейлона см.: *An account of the Pearl-fisheries of Ceylon, by Capt. J. Stenart of Colombo, 1843, а также того же автора «Note on Ceylon», 1862.*

Эти времена, конечно, прошли или проходят и наживаться шкиперам и трэдорам* с каждым годом труднее; однако я сам помню, что на островах Мангарева в 1871 г. мне не раз предлагали довольно крупную жемчужину за рубашку. При отправлении тогда в Новую Гвинею рубашка для меня представляла гораздо большую ценность, чем даже очень крупная жемчужина. Во время посещения моего островов Адмиралтейства в 1877 г. я видел, как тысячи жемчужных раковин и другие произведения островов уплачивались мелким бисером, который трэдоры отмеривали маленькими наперстками. За большую жемчужную раковину, иногда за пару, туземцы получали наперсток мелкого стеклянного бисера, количество, представлявшее такую незначительную ценность, что ее даже трудно определить; барыш, получаемый европейцами при этой торговле, может насчитываться смело сотнями процентов**.

Количество вывезенных с островов Поумоту жемчужных раковин было за последние 25 или 30 лет приблизительно 25 000 тонн, ценностью более чем 1 млн. фунт. стерл. В настоящее время вывоз с этих островов упал с тысячи тонн на двести в год. Как в Индийском океане, так и здесь рифы заметно оскудели, разумеется, только на время, так как приблизительно шесть или семь лет требуется для жемчужной раковины, чтобы дорасти до величины, имеющей значительную торговую ценность***. В последних годах со многих островов Меланезии (островов Адмиралтейства, Луб, Луизиады и др.) стали вывозить жемчужные раковины, выменивая у туземцев. Систематическою ловлею жемчужных раковин теперь занимаются европейцы у западного и северо-западного берегов Австралии и в Торресовом проливе.

Простых водолазов, ныряющих просто или иногда опускающихся при помощи камня (от 15—25 фунт. веса), который они выпускают из рук, как только достигают дна, заменили по берегам Австралии водолазы, облаченные в полный водолазный аппарат. Экономия труда при последнем способе ныряния громадная. Между тем как первые могут оставаться под водою от 50 до 60 секунд и только весьма немногие от 80 до 84 секунд, водолаз, ныряющий в водолажном костюме, работает по нескольку часов сряду, не подымаясь со дна моря. Туземные пироги и лодки, где, как, например, около Цейлона, род «колдуна» или «заговорщика»**** был необходимым человеком при ловле, без которого

* Trader — общее название торговцев в Тихом океане.

** См. мои письма об островах Адмиралтейства в «Известиях императорского Русского географического общества» за 1878 г. (см. наст. том, с. 112).

*** Около 20 см в поперечнике. Величина, которую достигают раковины в 6 или 7 лет, различна, смотря по местности, где они живут.

**** Обязанность этого человека была своими «чарами» или «заговорами» предохранить ныряющих от разных морских чудовищ, как акул и крокодилов.

водолазы, буддисты, магометане и даже христиане*, не осмеливались нырять, заменились здесь хорошими европейскими кутерами⁹, экипаж которых состоит из хорошо оплачиваемых водолазов и матросов.

У западного берега Австралии в 1880 г. ловля жемчужных раковин была ограничена Акульей бухтой (Shark Bay, 26° Lat. S.), где раковины были малы и не представляли большой ценности. Несколько лет промышленность эта была очень незначительна, когда неожиданная находка очень ценных жемчужин быстро подвинула промысел. Лучший класс судов заменил прежний, и выписанные или привезенные водолазы-малайцы и полный водолазный аппарат для них стал необходимою принадлежностью каждого судна; затем рифы к северу от Акульей бухты были исследованы и доставили лучшие жемчужные раковины и немало первоклассного жемчуга. Промысел так увеличивался, что правительство колонии Западной Австралии назначило специального чиновника, который имеет в своем распоряжении небольшой кутер для периодического посещения флотилии жемчужнопромышленников. Его обязанность состоит в инспекции судов, раздаче свидетельств на право ловли, разборе споров между промышленниками и наблюдении за верной уплатою вывозной пошлины раковин.

Рифы жемчужных раковин здесь тянутся от Акульей бухты к северу до 25° ю. ш. и могут быть эксплуатированы только во время больших отливов, т. е. от 6 до 8 дней каждый месяц, и то не круглый год, а только от апреля до сентября.

Суда, употребляемые для этого промысла, от 5 до 50 тонн вместимости, и большинство их представляет тип кутеров. На них находятся 2 или 3 белых, человек 5—6 темнокожих (малайцев, полинезийцев и австралийцев). Как только судно сделало достаточный запас жемчужных раковин, оно возвращается к берегу, чтобы сдать груз и снова отправиться на риф. На берегу животное, отделенное от раковины, бросается в бочки, где их предоставляют гниению. По временам бочки потрясывают, чтобы освободить жемчуг от сгнивающего тела моллюсков, причем жемчужины падают на дно бочки; зловоние при этом бывает крайнее, к которому, однако ж, промышленники скоро привыкают. Когда моллюски совершенно сгнили, зловонную жидкость осторожно сливают, а осадок на дне бочки промывают самым тщательным образом, чтобы не потерять ни одной жемчужины. Жемчужные раковины затем упаковываются плотно в деревянные ящики и отправляются в Лондон и Америку.

По последним статистическим данным, по берегам Западной Австралии около 1000 человек заняты жемчужным промыслом, из кото-

* Бывали случаи, что эти «колдуны» были даже христиане (католики).

рых одна треть малайцы. Промышленники предпочитают, однако же, услуги австралийцев, так как с ними ладить легче. Малайцы имеют здесь репутацию опасных людей, которые недолго думают при удобном случае зарезать белых и вернуться домой на забранном судне.

Промысел этот существует, как я сказал, также и в Торресовом проливе, как и у западного берега Австралии, хотя на совершенно других основаниях. Опыт показал, что полинезийцы и малайцы — гораздо лучшие водолазы, чем белые, почему ловля жемчужных раковин представлена преимущественно первым.

На разных островах Торрессова пролива находятся станции промышленников, которые не владетели, а только агенты разных сиднейских фирм. Такие станции состоят из дома агента, или так называемого *manager'a*, другого для людей, магазина для раковин и разных принадлежностей для ловли и судов, кухни и т. д. Постройки большею частью из цинкованного железа, очень удобного материала для временных построек в тропических странах. Эти станции служат для хранения запасов различного рода, как провизии для людей и вещей для ремонта судов и водолазных аппаратов; здесь же на этих станциях совершаются разные починки, получают раковины, чистятся и упаковываются для отправки в Сидней. Живущие на таких станциях *manager* и плотник обыкновенно белые, остальные — темнокожие.

Подобных станций было при моем посещении Торрессова пролива в 1880 г. около 12, которые имели 88 судов, от 5 до 8 тонн вместимости; средину этих люгеров и кутеров занимал обыкновенно аппарат для водолаза. В Торрессовом проливе уже несколько лет, как все нырянье за жемчужными раковинами производится при помощи водолазного аппарата. На 88 упомянутых судах 70 имели водолазный аппарат и только 18 имели водолазов, нырявших без аппарата. Цена такого кутера с аппаратом в Сиднее, где они строятся, 400 фунт. стерл. Доставка кутера из Сиднея в Тюрздей-Айланд (пароходной станции в Торрессовом проливе) на почтовом пароходе стоит 40 фунт. стерл. Были не раз сделаны попытки послать кутера под парусами из Сиднея в Торрессов пролив вдоль австралийского берега, но такие попытки никогда не окупались. Водолаз — капитан судна; кроме его помощника, обязанность которого состоит в том, чтобы помогать водолазу во всем при его работе, т. е. одевать и раздевать его и заботиться, чтобы все было бы исправно, когда водолаз работает под водою, на судне находятся еще 4 матроса.

Плата водолазу не малая, немногие берут менее 200 фунт. стерл. в год, многие получают от 5 до 10 фунт. в месяц и значительный процент с каждой тонны раковин. Бывают года, когда водолаз зарабатывает 350 фунт. стерл. и более. Жалованье матросов — полинезийцев и малайцев — два фунта в месяц. Водолаз нанимается обыкновенно на три

года. Провизия, которую получает экипаж этих судов, очень хороша, но им не полагается спиртных напитков.

Водолаз собирает раковины на глубине 8 сажен, редко более 10. Раковины лежат свободно, т. е. не прикрепленные к скалам, хотя иногда почти что совсем бывают покрыты песком. Когда в случае ветра водолаз не может работать, он с помощником принимается за очистку раковин.

Тело раковин выбрасывается за борт; когда раковин набрано достаточно, т. е. приблизительно каждые две недели, суда возвращаются на станции для сдачи груза; там перед принятием раковин в магазины их считают и вешают, и аккуратная ведомость, сколько было поймано каждым судном, ведется агентом.

Раковины во второй раз чистятся, обмываются, край обламывается, а затем раковины упаковываются в ящики для отправки в Сидней, а затем в Англию. Обыкновенная цена тонны перламутровых раковин около 120 фунт. стерл., но она доходила до 280 фунт. стерл. Каждый кутер добывает круглым числом около 7 тонн раковин в год.

В 1878 г. было собрано и вывезено 449 тонн ценностью в 53 тыс. 21 фунт. стерл. Ценность в том же году вывезенных жемчужин была всего 230 фунт. стерл. Незначительное количество жемчуга, вывозимого со станций Торресова пролива, происходит от того, что агенты редко получают их, они остаются в руках водолаза и матросов, которые продают их на стороне. Насколько я слышал, весьма немногие жемчужины превышают здесь цену 40 фунт. стерл., средняя цена хороших жемчужин от 5 до 8 фунт.*

Что промышленники обращают главным образом внимание на жемчужные раковины, которые имеют значительную цену и на которые существует постоянный спрос, неудивительно еще по тому обстоятельству, что иногда в нескольких сотнях раковин не найдется ни одной жемчужины, между тем как в иной их находится 30, 40, иногда 100 различной величины.

Почти что каждый год в окрестностях Торресова пролива открываются новые рифы, так что этот промысел имеет перед собою значительную будущность.

Курьезное поверье о жемчуге существует в Сингапуре не только между малайцами, но и между европейцами. Это поверье состоит в том, что некоторые лица, основываясь на опыте, убеждены, что можно «разводить» жемчуг. Уверяют, что если положить несколько (4 или 5)

* Во время моего пребывания на островах Торресова пролива разные темнокожие водолазы часто предлагали мне купить у них жемчуг; в Сиднее я раз видел очень красивую крупную жемчужину, купленную у водолаза-туземца за 10 фунт. стерл. и оцененную знатоками не менее как в 80 фунт. стерл.

жемчужин в ящик с несколькими (15 или 20) зернами сырого, т. е. невареного, риса и оставить его, не трогая, в продолжение значительного времени (приблизительно года), то, открыв ящик, можно найти (но не всегда, вставляя они) на дне ящика некоторое число очень маленьких жемчужин и заметить, что и большие жемчужины увеличились в объеме. Если ящик или коробку снова закупорить и не трогать в продолжение шести месяцев или года и тогда снова посмотреть, что стало с жемчужинами, то окажется, что жемчужины стали больше и что явилось несколько новых жемчужин. Зерна риса при этом тоже оказываются измененными. Концы у некоторых как будто откушены, и уверяют, что число новых жемчужин соответствует числу зерен риса с откушенными концами.

Дамы особенно часто занимаются этими опытами, держат жемчужины в ящиках по двадцати лет и уверяют, что, положив несколько жемчужин, получают несколько десятков новых, которые с годами увеличиваются. Не только дамы убеждены в верности факта размножения жемчужин, но многие образованные люди положительно верят в него, хотя и допускают, что эти опыты не всегда удаются. По вопросу о размножении жемчужин можно найти в естественнаучном журнале, который издается в Сингапуре*, несколько статей, автор которых очень склонен, как кажется, верить в возможность такого размножения.

Если разводить жемчуг при помощи риса окажется самообольщением, то разведение самих жемчужных раковин в подходящих для разводки местностях будет делом весьма возможным, так как доктор Келаар (Kelaart) доказал своими исследованиями цейлонских рифов, что жемчужные раковины можно без вреда для них переселять из одного места в другое, даже в воду неособенной солености; поэтому искусственное разведение жемчужных раковин окажется совершенно простым и доходным промыслом, за который, однако же, можно будет приняться тогда, когда рифы в океанах Индийском и Тихом не будут доставлять достаточной добычи и прибыли, что еще не скоро будет.

Н. Миклухо-Маклай

II

Насадка леса в Южной Австралии. — Китайский вопрос. — Бедствие от кроликов. — Введение новой религии на островах Тонга.

Утром 5 апреля (н. ст.)^{1*}, на 23-й день пути из Суэза, можно было разглядеть с палубы северогерманского Ллойда «Неккар» ряд низких

* «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society». Singapore, 1878. P. 31.

холмов, а под ними белую линию песчаного берега. Открывшаяся земля была юго-западная оконечность австралийского материка. Мы проходили в таком отдалении, что селения Альбани не было видно и с берега на сигнальной станции наш флаг не мог быть узан, почему о приходе почтового парохода «Неккар» в Австралию было извещено по телеграфу во все главнейшие города не из Альбани, как обыкновенно, а из Аделаиды, куда мы пришли двумя днями позже.

Недавно оконченная железная дорога из Аделаиды в Мельбурн дает теперь возможность путешественникам отправляться сухим путем в Мельбурн (около 12 час. пути) и в Сидней (около 30 час.). При моем нездоровье, однако же, мне не только нельзя было и думать воспользоваться этим удобством, но даже не пришлось съездить на берег в Аделаиде, хотя «Неккар» простоял там около 20 часов.

Между немалым числом посетителей, которые поинтересовались осмотреть пароход новой почтовой линии, нашлось несколько лиц, с которыми я познакомился при моем первом посещении Аделаиды в 1882 г. От них я имел случай узнать довольно подробно о результатах опыта, о котором я слышал уже ранее: именно о попытке насадки леса в безлесных дотоле долинах колонии Южной Австралии. Консерватор правительственных лесов г. Джемс Браун, занявшись этим делом, доказал, что, с необходимыми знаниями и искусством, разные деревья могут быть посажены и расти хорошо в безлесных до тех пор, даже очень сухих местностях. Первый опыт был сделан в лесном резерве Бундалери, находящемся недалеко от городка Джемстауна, в 150 милях на север от Аделаиды и в 40 милях на запад от порта Пири, на заливе Спенсер. Резерв этот находится на 1500 фут. над уровнем моря и защищен от NW рядом голых холмов. Количество дождя за последнее лето было в этой местности не более 13 дюймов, так что эта местность должна считаться очень сухою. Почва в резерве недурная и состоит из красноватой глины.

Величина резерва 22 тыс. акров, но из этого количества только тысяча акров была занята плантацией. Деревья были посажены в 1878 и 1879 гг. В настоящее время средняя высота их 35 фут., многие 40 и 50 фут. вышины, между тем как некоторые, посаженные в особенно благоприятных условиях, достигают вышины 65 фут. Большинство деревьев имеют здоровый вид, и объем стволов в нескольких футах от земли достигает от 2 до 5 ½ футов, немногие — 6 футов. Деревья, составляющие плантацию, принадлежат к видам: *Eucalyptus Globulus*, *E. Carynocalyx*, *E. Leucoxydon*, *E. Roswata*, *E. Cornuta* и *E. Diversicolor*.

По мнению г. Брауна, самое ценное дерево между остальными есть южноавстралийский *E. Carynocalyx*. Достигши полного роста, *E. Carynocalyx* представляет самое большое дерево сравнительно с остальными, растет скоро, и дерево его считается лучшим, чем другие

виды *Eucalyptus*. Г. Браун имеет заказ от управления телеграфов на доставку 5000 телеграфных столбов, который он надеется выполнить в продолжение двух лет. За каждый столб он получит по 7 шиллингов и 6 пенсов (около 2 р. 25 к.), и вырубка деревьев с этой целью, по его мнению, не только не уменьшит ценности леса, а, напротив, окажется полезною для дерев, которые в настоящее время стоят слишком часто.

Резерв вполне окупается. Наем земли под пастбище и продажа дерева составляют источники дохода, который в прошлом году представлял уже 2578 фунт. стерл. Расходы на плантации не превышали 1387 фунт. стерл., так что баланс в пользу резерва был 1191 фунт. стерл. Деревья резерва уже так велики, что скот не может вредить им, и уже 4 года лесная плантация отдается в наем под пастбище, что приносит 2 шилл. 8 пенс. за акр.

Г. Браун изучал лесоводство в Европе и в Америке и, познакомившись обстоятельно с климатическими условиями Южной Австралии, одолел препятствия, и устроенные им плантации представляют хорошее доказательство его знания дела. Некоторые из деревьев сеются прямо в землю, а затем пересаживаются; для других, более нежных, применяется следующая система. Бамбук или род камыша (*Arundo donax*) режется на куски дюймов 5 длиною таким образом, что оба конца остаются открытыми; вырывается яма в земле, в нее вставляются отрезки бамбука, которые наполняются подходящею землею, а затем в каждый бамбук сажается по зерну. Таким образом в этих ямах вырастают много тысяч молодых деревьев, из которых каждое растет в отдельном бамбуке. Во время рассадки бамбуки вынимают из ямы и в ящиках развозят, куда потребуются. Бамбук с деревцом опускается в землю, и таким образом пересадка совершается, не тревожа корня. Бамбук скоро сгнивает, так что удаление его не требуется. Сеяние деревьев производится в январе и в феврале, пересадка же — от июня по октябрь.

Для плантации земля готовится вспахиванием глубиною от 7 до 8 дюймов. Прежде полагали, что один раз вспахать землю было достаточно, теперь же нашли лучшую систему: земля, назначенная под плантацию, отдается в наем фермерам под пшеницу на 1 или 2 года, за что фермеры платят по 4 шилл. 6 пенс. за акр в год. Таким образом, плантатор леса за вспахивание не только ничего не платит, но получает еще деньги за наем, и земля после двухгодовой обработки делается более пригодною для посадки деревьев, чем была в своем девственном состоянии.

Прежде деревья сажали в 16 фут. друг от друга, что, однако же, требовало подрезания ветвей, теперь их сажают в расстоянии от 6 до 8 фут., вследствие чего подрезание ветвей делается ненужным. Расходы всякого рода по первоначальному устройству плантации и забота о деревьях в продолжение первых двух лет стоят около 3 фунт. стерл. за

акр. Г. Браун убежден, что лес достигнет полного роста через 30 лет и будет иметь тогда ценность 100 фунт. стерл. за акр.

Правительство Южной Австралии очень интересуется насаживанием леса в колонии, и парламент вотирует ежегодно 300 фунт. стерл. для даровой раздачи молодых деревьев, что дает возможность г. Брауну раздавать ежегодно по 300 тысяч дерев. В продолжение последних пяти лет 1 200 000 деревьев были розданы таким образом; кроме того, правительство колонии платит по 2 фунт. стерл. премии за акр успешно разведенной плантации.

Просматривая австралийские газеты, которые были присланы редакциями двух главных газет в Аделаиде на пароход для пассажиров, и прислушиваясь к разговорам новых наших спутников из Аделаиды в Мельбурн и Сидней, мне нетрудно было угадать, какие вопросы выступили за последнее время на первый план. Это было для меня тем более возможно, что, прожив около семи лет в Австралии, я всегда следил с интересом за общественною жизнью и главнейшими происшествиями в австралийских колониях, а мое пребывание в Европе было сравнительно короткое.

Очень много толковали о совещаниях «имперской конференции», которая продолжала заседать в Лондоне, но никто здесь, в колониях, не придавал ей большого значения, и большинство очень критически относилось к ее деятельности¹⁰. Разумеется, в таких случаях угодить всем бывает очень трудно. Между тем как воинственно настроенные австралийцы были довольны, что вопрос об обороне Австралии занимал в прениях конференции видное положение, более мирные считали это ошибкою. Один из представителей последней группы как-то в кают-компании, бросив на стол прочтенную им газету, разразился следующим монологом: «Спорят они (члены имперской конференции) там, где следует строить крепости: в Альбани, в Порт-Дарвине или в Торресовом проливе, а никто и не подумает поднять вопрос, чтобы по крайней мере главнейшие законы были бы у нас те же в разных австралийских колониях. А то, что в одной колонии запрещено законом, закон соседней разрешает, санкционирует!.. Не глупо ли, — продолжал он с азартом, — подобное положение дел? Хочет человек жениться на сестре умершей жены — если он живет в Сиднее, закон это не дозволяет, и ему приходится съездить в Мельбурн, где он может вступить в брак сообразно желанию и с полнейшею санкциею закона». Ему стали возражать, что этот закон о браке с сестрой умершей жены (закон, о котором было наговорено очень много в Англии и в колониях) представляется, сравнительно с вопросом об обороне колоний, очень незначительной важности и т. д.

Но речи, произнесенные на конференции, содержание которых было передаваемо телеграфом, производили здесь немного действия,

так как у всех было убеждение, что все ораторство членов конференции не может несколько связать колониальные правительства*. Совершенно иначе относилось большинство людей, которых мне на этот раз пришлось встретить в Австралии, как только разговор касался китайцев! Здесь индифферентное выражение мнения заменялось сейчас же очень определенным приговором и в большинстве случаев очень жесточайшими нападениями на колониальные правительства, что они допускают вообще приезд «желтолицых» в колонии.

Отношения белых с китайцами, которые в Австралии никогда не были нормальны, обострились в последние годы. Европейское рабочее население, не могущее конкурировать с китайцами относительно заработной платы, имея в Австралии значительное влияние на парламент, всевозможными мерами стало стеснять эмиграцию китайцев, наложив так называемую poll tax в 10 фунт. стерл. на каждого приезжающего; связало пароходные компании относительно числа китайцев, которых каждый пароход мог привозить в Австралию, назначив большие штрафы в случае неисполнения новых правил. Все это не помогло. Ежегодно китайцы прибывали и китайские кварталы пополнялись. Китайцы, несмотря на разные несправедливости со стороны белых, мирно работают, довольствуясь сравнительно с европейцами значительно меньшей платой.

Озлобление рабочих классов европейского населения против китайцев доходит нередко до того, что насилия разного рода над китайцами стали обыденным явлением. Доходит до того, что среди белого дня жизнь китайца в главных городах Австралии не может считаться совершенно вне опасности. Я помню случай в одном из предместий Сиднея, когда совершенно безобидный китаец, продавец овощей, был смертельно ранен. Несколько уличных мальчишек и молодых людей, принадлежащих к классу людей, для которого в Австралии существует особенное название «larrikin»**, преследовали этого несчастного сперва насмешками, затем бранью, затем комьями грязи, пока, наконец, булыжник, раздробивший китайцу череп, не свалил его. Тогда недалеко стоявший полисмен счел своей обязанностью позвать кэб и свезти раненого в больницу, где последний на другой день умер. Имена некоторых преследовавших китайца молодых людей были записаны полисменом, и затем они притянуты к ответственности. Их судили. Убийца, не отрицавший своей виновности, оправдывался тем, что бросил грязью,

* В этом смысле высказался и сэр Генри Паркс, первый министр колонии Нового Южного Уэльса, т. е. что решения имперской конференции не могут быть действительны в колониях без специального подтверждения местным парламентом.

** Специально австралийское название «уличных негодяев» самого скверного разбора.

а не камнем. Это объяснение показалось, однако ж, совершенно удовлетворительным присяжным, которые почти сейчас же вынесли оправдательный приговор.

Полная безнаказанность европейцев или самые легкие наказания, как штрафы, несколькодневный арест в случаях самого серьезного насилия против китайцев, имели результатом, что при враждебном отношении рас жизнь последних на улицах, особенно по вечерам и ночью, совершенно не безопасна. Если бы европейцам, живущим или путешествующим в Китае, пришлось бы подвергаться такому налогу при въезде в Китай (который китайцы платят, приезжая в Австралию), а главное, тем неприятностям и опасностям, которым китайцы подвергаются ежедневно в Австралии, все европейские газеты каждый день были бы переполнены сообщениями возмутительных фактов, жалобами и требованиями прекращения такого положения дел. Китайцы пока молчат и продолжают ежегодно прибывать в разные порты Австралии.

Поэтому приезд китайских комиссаров, генерала Вон-Юнг-Хоу и господина У-Цин в Австралию, последовавший в мае этого года, несколько удивил правительство австралийских колоний и австралийскую публику. Цель прибытия комиссаров состояла в исследовании положения китайцев вообще и китайской торговли в разных местностях, где китайцы поселились, и доставке полного отчета этих исследований китайскому правительству. Генерал Вон-Юнг-Хоу, по словам австралийских газет, мандарин 2-го разряда, человек лет 40, с приятными, весьма учтивыми манерами, выразительным, добродушно-хитрым лицом. Во время восстания тайпингов он был переводчиком при генерале Гордоне и помнит хорошо хартумского героя¹¹. Он отлично говорит по-английски. Его настоящая миссия началась в сентябре прошлого года, когда он выехал из Гонг-Конга в Сингапур, Малакку, Пинанг, Перак, Борнео, Яву, Суматру, Манилу, Австралию и Рангун.

Комиссары были очень любезно встречены в главных городах Австралии, где осматривали все достопримечательности и старались убедиться в положении своих соотечественников.

Вряд ли, однако ж, их миссия послужит улучшению положения китайцев в Австралии, сомнительно, что после такого хорошего приема со стороны австралийских властей отчет о несправедливостях, претерпеваемых их земляками в Австралии, будет достаточно беспристрастен. Не успели комиссары выехать, как митинги рабочих в разных городах Австралии начали требовать от колониальных правительств повышения таксы для китайцев при приезде в Австралию, которую они требуют повысить до 100 фунт. стерл., и, кроме того, назначить ежегодную таксу (на право жительства в Австралии) в 20 фунт. стерл. На одном из таковых собраний обсуждался даже серьезно вопрос просить прави-

тельство обязать всех приезжающих в Австралию китайцев обрезать себе косы. Хотя в Австралии не дошли еще относительно китайцев до таких возмутительных несправедливостей, как в Западных Соединенных Штатах, но это, кажется, скорее вопрос времени. Останется ли китайское правительство индифферентным зрителем подобных нарушений международного права, получив отчет посланных комиссаров, пока еще остается неизвестным. Во всяком случае разные представители рабочего сословия, которых я видел в Мельбурне и Сиднее, уверяли меня, что добьются от колониальных правительств таких мер, которые прекратят окончательно эмиграцию китайцев в Австралию. «Но на такие меры колониальных правительств имперское британское правительство навряд ли согласится, — возразил я на предыдущее заявление. — Ведь китайское правительство войдет в сношения по этим вопросам не с австралийским, а с имперским правительством».

— Если имперское правительство в данном случае не исполнит желания австралийского народа и станет поддерживать китайцев, так тем лучше для нас, австралийцев, — отвечали мне, — тем скорее Австралия будет самостоятельной!

Такое мнение, однако ж, популярно лишь в крайнем демократическом лагере; более разумные, которые пока составляют громадное большинство, считают отделение австралийских колоний от Англии еще несвоевременным, хотя убеждены в то же время в его неизбежности, но не теперь, не скоро, а со временем¹².

Другой «непрощенный» гость в Австралии, который стоит колониальным правительствам больше всяких китайцев и от которого, оказывается, труднее отделаться, чем от последних, не кто иной, как, странно сказать, довольно в других местах безобидное животное — кролик.

В Сиднее в мае месяце мне передавали за факт, что правительство колонии Нового Южного Валлиса имеет намерение предложить премию в 25 тыс. фунт. стерл. (или при настоящем курсе около 260 тыс. руб.) за лучшее средство истребления кроликов. Премия будет выдана после того, как предложенное средство, обстоятельно испробованное, окажется удовлетворительным*. Предложение такой высокой премии не особенно удивительно, когда бюджеты колоний показывают, что в колонии Виктория было до сих пор истрачено уже более миллиона фунтов стерлингов на истребление этих животных, а в Новом Южном Валлисе убыток и расходы на истребление кроликов обходятся колонии более чем 360 тыс. фунт. стерл. в год. Все до сих пор

* В полученных мною за октябрь месяц австралийских газетах находилось уже официальное заявление со стороны колониального правительства об условиях выдачи премии.

употребленные средства* уничтожения их оказываются недействительными, и миллионы акров мало-помалу заселяются этими маленькими грызунами, страшно обесценивающими землю.

Первые кролики были привезены в Австралию в 1860 г. Г. Остин (Austin), который выпустил нескольких этих животных дикой серой породы в своем Барвонском парке (в колонии Виктории) просто для охоты, разумеется, не думал, что эта фантазия будет стоить его новому отечеству миллионов фунтов стерлингов. Кролики очень быстро размножились в Австралии не только потому, что нашли во многих местностях для себя очень подходящие условия, но вследствие того обстоятельства, что в Австралии они могут размножаться круглый год, между тем как в Европе время их размножения ограничивается восемью месяцами. Г. Блак в Виктории рассчитал, что если выпустить беременную самку в подходящей местности, ее потомство в продолжение одного года может дойти до 3400 особей, из чего можно заключить, до какой степени серьезна может быть опасность от дальнейшего размножения этих кажущихся невинными животных. В австралийских газетах эта опасность сравнивается с чумой, называется национальным несчастьем и т. п. Рассчитано, что двадцать кроликов съедают в определенное время то же количество растительной пищи, что съедает овца, почему для овцеводства размножение кроликов положительно громадное бедствие.

Интересно с зоологической точки зрения, что европейский кролик в Австралии переменял значительно свои привычки и применился легко к новой местности**. Он стал лазить на заборы и взбираться на деревья, как австралийский опоссум, перестал бояться воды, и реки не представляют препятствия его распространению. В некоторых местах колонии Виктории воспользовались размножением кроликов и стали готовить из их мяса консервы, а кроличьи меха собирать для выделки кастровых шляп и т. п.

Между городами Коллак и Кампердаун в колонии Виктории открыты фабрики для приготовления консервов из кроликов, и ежегод-

* Средства эти были главным образом разные формы отравы кроличьих нор или разбрасывание отравленной пищи. Против распространения кроликов было предложено сооружение особенных заборов и т. п.

** Не один только кролик выучился применяться к новому отечеству (Австралии) — и другие привезенные из Европы животные изменили свои привычки, что видно, например, в перемене пищи овец и скота, которые во время засухи выучились есть такую пищу, до которой не дотронулись бы в Европе. Так, например, презираемый ими в Европе репейник спас огромное количество скота от голодной смерти во время засух. Английская лисица в Австралии предпочитает охотиться на молодых овец и оставляет в покое домашнюю птицу и кроликов. Подобных примеров можно насчитать немало.

но около миллиона этих животных варятся и закупаются в жестянки. Ловля кроликов при помощи ловушек может принести опытному охотнику от 2 фунт. 10 шилл. до 4 фунт. стерл. в неделю. Цена дюжины кроликов там 2 $\frac{1}{2}$ шилл. За дюжину кроличьих шкурок платится зимой также 2 $\frac{1}{2}$ шилл., летом же только 1 шилл. В этой местности не менее 300 человек занимаются этим промыслом. Но такие местные выгоды не могут быть принимаемы в расчет, когда дело идет о громадном уменьшении ценности земли на очень больших пространствах. Средства частных лиц совершенно бессильны против этого «национального несчастья», почему правительства всех австралийских колоний обратили должное внимание на этот вопрос¹³.

Во время моего пребывания в Сиднее пришел почтовый пароход с островов Фиджи и между прочим привез известия с островов Тонга*, которые на следующий день были напечатаны в главных сиднейских газетах. Эти корреспонденции с островов Тонга могут представить наглядную иллюстрацию зол, связанных с поселением белых на островах Тихого океана, и вместе с тем послужить примером, до каких безобразий доходят иногда люди под предлогом «просвещения» и «христианства». История слишком длинна, чтобы входить в подробности, скажу в нескольких словах, в чем дело.

Уже лет 50 или 60, как туземцы островов Тонга обращены в христианство миссионерами — последователями Веслея. Между миссионерами выдвинулся в продолжение последнего десятилетия особенно один, по имени Бакер, и стал играть в делах королевства Тонга значительную роль, став первым министром короля Георга. Этому г. Бакеру и другому миссионеру г. Ваткину вздумалось в один прекрасный день заняться основанием придуманной ими новой религии и организацией новой церкви, которую они назвали «свободною церковью Тонги» (The Free Church of Tonga), во главе которой стал г. Ваткин. Первый министр (Бакер) уговорил короля сделать эту новую свободную церковь официальною для королевства Тонга и заставить всех своих подданных, отказавшись от «веслеянства», примкнуть к новой, им придум-

* Острова Тонга, открытые в 1643 г. Тасманом, лежат, как известно, между 18° и 22° ю. ш. и 174° и 176° з. д. Между сотнею островов, образующих эту группу, только 3 (Тонга-Табу, Вавау и Эуа) значительной (около 20 миль длины), 7 других средней (от 5 до 7 миль длины) величины, остальные все гораздо меньше. Большинство островов низки. Жителей на всей группе около 30 000 человек.

В 1826 г. туземцы (принадлежащие к полинезийской расе) были обращены в христианство веслеянскими миссионерами. Все умеют читать и писать. Образ правления — монархия, ограниченная периодическими собраниями начальников. Королевство Тонга признано европейскими государствами независимым королевством.

манной религии и церкви. (Насколько религия гг. Бакера и Ваткина отличается от веслеянства, мне не удалось узнать). Довольно понятно, что большая часть населения отказалась от перемены религии. Тогда наступило гонение веслеянцев, продолжавшееся около 2 лет, которое в феврале этого года достигло, наконец, крайней формы.

Один из корреспондентов с о. Вавау приводит следующий случай. В конце февраля получился приказ от правительства островов Тонга (т. е. г. Бакера) прибегнуть к крайним мерам, т. е. сечь и подвергать пытке непослушных до тех пор, пока они не изъявят согласия присоединиться к «новой» церкви. Эти приказания были исполнены с крайним варварством. 2 марта по окончании службы «свободной церкви», около 9 часов утра, власти начали свое дело. Воспитанник веслеянского училища, сын одного из самых старых веслеянских пасторов, был спрошен: хочет ли он переменить религию? Вследствие его отказа он получил 72 удара по плечам и спине, 73-й удар разрезал кожу поперек груди, 74-й удар он получил по лицу, причем один глаз был поврежден, наконец, 75-й удар, последний, по голове и шее. Имя этого мальчика Ион Хавер. Затем женщина по имени Меле-Тахи была опрошена. Так как и она отказалась, то ее стали сечь, но уже после третьего удара она была приведена в беспамятство, почему ее на этот раз оставили.

Корреспондент с двумя другими европейцами пришли на место вскоре после экзекуции и видели обе жертвы. Вся спина и плечи несчастного мальчика представляли синева-красную массу; глаз и голова во многих местах были поранены. Зад женщины имел вид, как бы она получила не три удара, а несколько дюжин ударов, чему, однако ж, нельзя было удивляться, потому что этих людей секли кнутами о шести концах, из которых каждый был толще и жестче, чем обыкновенная веревка, употребляемая для развешивания белья. Каждый удар был равен поэтому не одному, а шести ударам и был наносим здоровым человеком изо всех сил, который при каждом ударе приподнимался даже на цыпочки, чтобы усилить удар. Очень многих мужчин, женщин, некоторых почти что детей подвергли истязанию, которого два примера были сейчас приведены. И на других островах архипелага Тонга веслеянцы были подвержены различным насилиям. В Хабайе 29 человек обоего пола были заключены в тюрьму, состоящую из единственной небольшой комнаты. Ночью оба окна этой комнаты запирались. Положение заключенных можно легче представить, чем описать: без свежего воздуха, не имея места лечь от тесноты, в полной темноте и в зловонной атмосфере. Между заключенными женщинами находилась и принцесса Шарлотта, дочь короля, не хотевшая переменить религию; она вела себя с большим достоинством в продолжение всех этих испытаний. Тиран островов Тонга (г. Бакер) содержит еще

многих заключенными в тюрьме, из которых он приказал расстрелять шестерых, главнейших противников его религии.

Прощение, подписанное всеми независимыми белыми людьми, проживающими в группе, было препровождено британскому консулу в Тонга-Табу. В этом прощении заключается просьба всех европейцев, чтобы все дело, в котором г. Бакер, английский подданный, играет главную роль, было бы подвергнуто строгому расследованию и чтобы е. пр. губернатор островов Фиджи и вместе с тем британский обер-комиссар западного Тихого океана лично занялся этим расследованием.

Позднейшее известие с островов Тонга сообщило, что 27 марта сэр Чарлс Митчель, губернатор Фиджи и т. д., прибыл на корвете «Даямонт» вместе с главным судьей г. Кларком.

На следующий день по приходе корвета депутация была принята сэром Чарлсом, которая вручила ему прощение, подписанное 60 европейскими купцами, тредорами и т. п., живущими на островах Тонга, выражающее убеждение, что настоящее печальное положение островов было делом управления первого министра, г. Бакера, которого они просят удалить с группы. Назначенное следствие показало, что главною причиною жестоких истязаний и насилий, которые в продолжение двух лет были совершаемы от имени правительства Тонга, было единственно старание заставить народ присоединиться к так называемой «свободной церкви» г. Бакера и Ваткина. Следствие далее показало, что г. Бакер каждый день мог бы прекратить все насилия, которые совершались по его приказу.

Следствие не было еще заключено, когда пароход «Любек» ушел из Тонга, так что мне не удалось узнать из газет, решил ли представитель британского правительства (сэр Чарлс Митчель) вмешаться в дело и удалить г. Бакера, первого министра короля *независимого* государства Тонга. Сэр Чарлс поставлен в щекотливое положение, и я не думаю, что он рискнет своею властью на решительную меру, как удаление г. Бакера с островов Тонга, особенно в настоящее время, когда германское правительство очень своевольно вмешивается в дела островов Самоа. Подобный шаг со стороны британского обер-комиссара развязал бы еще более руки германских властей на островах Самоа. Другое обстоятельство, хотя меньшей важности, то, что г. Бакер, принимая положение первого министра короля Георга, отказался от британского и принял подданство Тонга — королевства, признанного Англиею самостоятельным¹⁴.

Н. Миклухо-Маклай

Пароход германского Ллойда «Неккар». Май 1887 г.

¹⁴ * *Явная неточность. Правильно: 5 мая (н. ст.).*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе (в 1882 г.)

Чтение первое* (1 октября)¹

Г. Председатель!²

Милостивые государины и милостивые государи!

Чрез восемь дней, 8 октября, исполнится 12 лет, как в этой же зале я сообщил гг. членам Географического общества программу предполагаемых исследований на островах Тихого океана. Теперь, вернувшись и вполне взвешивая значение каждого слова, могу сказать, что исполнил мое обещание, данное Географическому обществу 8 октября 1870 г., выраженное тогда мною в следующих словах: «Со своей стороны я сделаю все, что будет в моих силах, чтоб мое предприятие не осталось без пользы для науки»³.

Надеюсь, мм. гг., вы поймете всю трудность моей задачи: познакомить вас в трех чтениях с ходом и результатами моих 11-летних странствований. Я буду доволен, если вы получите общее впечатление и убедитесь, что, посещая интересные и частью совершенно не известные страны, я не терял даром времени, и пожелаете впоследствии познакомиться с подробным отчетом моих наблюдений и исследований в печати. Издание этих наблюдений и исследований и есть одна из главных причин моего настоящего приезда в Россию.

* Просматривая настоящую стенограмму, я заметил, что в мое чтение не вошли многие из тех фактов, которые я желал сообщить. Это произошло, вероятно, вследствие головной боли, которая продолжалась весь день и особенно усилилась к вечеру. Я позволяю себе пополнить настоящий отчет пропущенными на чтении фактами, а также несколько исправить мою подчас нескладную русскую речь.

В предлагаемых трех чтениях я не буду следовать хронологическому порядку моих путешествий, буду соотнобразоваться с программой исследований, которую я поставил себе в 1872 г., в конце моего первого пребывания на Берегу Маклая в Новой Гвинее, о чем сообщу ниже. В этом первом чтении я буду говорить о моих двух пребываниях на берегу, который ради удобства при описании я назвал Берегом Маклая: о пребывании в 1871 и 1872 гг. и о втором, более продолжительном, в 1876 и 1877 гг.

Предупреждаю вас, мм. гг., что мне придется иногда в этих чтениях повторять то, что было уже напечатано в разных изданиях как Русского географического общества, так и других — иностранных — ученых обществ.

Вместе с тем прошу, мм. гг., снисхождения за погрешности против русского языка: вследствие весьма небольшой практики в продолжение 11 лет я подчас с трудом справляюсь с русскою речью. Также прошу извинить и не совсем, быть может, удовлетворительное изложение вследствие моей малой привычки говорить в многочисленном собрании белых; мне часто приходилось говорить с черными, но это совсем другое дело! (*смех*).

Я должен заметить, что хотя 12 лет и кажутся длинным периодом, но все же при критическом обсуждении моего путешествия не следует забывать всех препятствий, которые мне являлись на пути и очень замедляли ход работ. К числу этих препятствий относится прежде всего *продолжительность путешествия*. Приведу несколько примеров. При посещении островов Меланезии в 1878 и 1879 гг. я провел в путешествии 409 дней, из которых 237 находился на берегу, на суше, а 172 дня — в море. При обстановке, в которой я тогда путешествовал, — это была небольшая шхуна, — я мог уделить работе весьма незначительную часть времени. Мой последний переезд из Австралии в Европу, хотя и при совсем другой обстановке, длился не менее 200 дней. Приведу еще пример большой потери времени. При путешествии на Малайском полуострове мне приходилось ходить большею частью пешком в течение 176 дней, делая по 10 часов в день. Естественно, что такие переходы требовали более продолжительного отдыха, на который и приходилось терять время. Значительная потеря времени сопряжена также с разными, хотя и простыми, но необходимыми *условиями жизни*, как, например, устройство себе жилья и поиски ежедневного пропитания. Так, в 1872 г., во время первого моего пребывания на Берегу Маклая, мой ежедневный стол зависел главным образом от охоты, и мне нередко приходилось голодать, если охота была неудачна. Потом еще препятствие — *болезни*. Не говоря уже о частых припадках лихорадки, которым я подвергался в Новой Гвинее и которые оставляли по себе

большую слабость, очень мешавшую занятиям, мне пришлось пролежать около месяца в госпитале в Амбоине, когда к перемежающейся лихорадке присоединилась еще рожа лица и головы — болезнь, почти эпидемически господствующая на Берегу Ковиай в Новой Гвинее. Целые семь месяцев проболел я в Сингапуре, вернувшись из Новой Гвинеи в 1878 г.,⁴ вследствие чего вес моего тела от нормального, 147 фунтов, понизился до 93 английских фунтов, и в продолжение этих *семи* месяцев работать, в собственном смысле слова, я мог только весьма мало. Наконец, крайнее *недоверие туземцев*, которое приходится встречать во многих малоизвестных и потому наиболее интересных местностях и которое может быть преодолено только долгим терпением, большую настойчивостью, *незнание местного языка* и большая трудность изучения его без вспомогательных средств, как, например, переводчики или лексиконы. В подробном отчете о моих путешествиях найдутся еще многочисленные примеры подобных препятствий.

Выбирая в 1868 г. ту часть земного шара, которой предполагал посвятить мои исследования, я остановился на островах Тихого океана и преимущественно на Новой Гвинее как острове, наименее известном. Остановившись на этом выборе, я постарался предварительно ознакомиться со всею литературою об этом острове, имея в виду главным образом цель — найти местность, которая до тех пор, до 1868 г., еще не была посещена белыми. Такою местностью был северо-восточный берег Новой Гвинеи, около бухты Астролябия. Дампир, который был около этого берега и именем которого назван о. Кар-Кар, прошел вдали от берега, не останавливаясь на нем. Дюмон-Дюрвиль, который дал название заливу Астролябия, потеряв у Раротонги оба якоря, также не мог остановиться и прошел восточнее Кар-Кара, определив только два крайних мыса: Дюпере и Риньи⁵.

О моем первом пребывании в Новой Гвинее вам, мм. гг., вероятно, кое-что уже известно из моих печатных сообщений, так что на подробностях я не буду останавливаться. Но мне кажется, что вам было бы небезынтересно знать, каким образом я успел сойтись с туземцами и заслужить их доверие и уважение; одним словом, каким образом моя задача удалась.

Обдумав совершенно объективно все обстоятельства моего первого пребывания между туземцами и последующего знакомства с ними, я пришел к заключению, что хорошим результатом сношений с дикарями я обязан главным образом моей сдержанности и терпению. Высадившись на Берег Маклая⁶, я избрал для постройки хижины мысок, довольно отдаленный от обеих соседних деревень Горенду и Гумбу; местность эта не принадлежала никому, не была до моего поселения занята никем; таким образом, поселившись вне деревень, отстоявших от ме-

ста моей хижины (называемого, как я узнал впоследствии, Гарагаси) не менее $\frac{1}{3}$ и $1\frac{1}{2}$ мили, я не навязывал жителям своего постоянного присутствия. Это обстоятельство оказалось в высшей степени удачным шагом для моего дальнейшего сближения с дикими. Заметив далее, что мой приход в деревни нарушал обычное течение жизни туземцев, что при моем появлении все женщины с детьми стремглав бросались в кусты, а мужчины брались за оружие, окружали меня и угрожали убить, я постарался найти средство, чтоб не беспокоить их внезапным появлением. Я нашел для этого очень простое средство, которое, может быть, покажется вам малостью, но все-таки весьма характеристично и покажет вам, каким образом мелкие вещи могли иметь важные последствия. Открыв, что неожиданность моего появления сильно их беспокоит и так им надоедает, я обыкновенно, подходя к деревне, останавливался и резким свистом давал знать о моем приближении для того, чтоб дать женщинам время убраться с детьми в кусты и спрятаться там. Я скоро заметил, что вследствие этого туземцы, зная, что я не приду неожиданным гостем, стали совершенно иначе относиться к моим визитам и гораздо реже брались за оружие. Таких примеров я мог бы привести очень много.

При первом же моем прибытии главной моей заботой было изучение языка туземцев — задача, оказавшаяся очень трудною, и не раньше четырех или пяти месяцев мне удалось познакомиться с языком настолько, чтоб понимать туземцев и быть в состоянии объяснять им самые необходимые вещи и предлагать им самые элементарные вопросы. Постепенное ознакомление с языком и, если можно так выразиться, моя «деликатность» в обращении с туземцами, наконец, мало-помалу преодолели их нежелание видеть меня среди себя и поддерживать со мною сношения. Сперва они положительно предлагали мне удалиться, показывая на море; это был их постоянный жест, как бы приглашавший отправиться туда, откуда пришел. Доходило даже до того, что они почти ежедневно ради потехи пускали стрелы, которые пролетали очень близко от меня, главным образом, как я полагаю, для того, чтоб испугать меня или испытать, как я отнесусь к подобной с их стороны забаве.

При неоднократных таких опытах, которые могли кончиться плохо для меня, я только два раза был слегка оцарапан. Я скоро понял, что моя крайняя беспомощность ввиду сотен, даже тысяч людей была моим главным орудием. Ознакомясь ближе с языком, я стал замечать, что между туземцами существует какое-то особенное мнение касательно моей личности. Мне удалось, наконец, чрез несколько месяцев узнать, что среди туземцев возникла мысль о моем сверхъестественном происхождении. Эта мысль возникла, выросла и окрепла среди туземцев не только без всякого с моей стороны участия или содействия, но даже без моего ведома,

так как сам я узнал о существовании ее только впоследствии, ближе ознакомившись с местным языком.

Я стал замечать, что в разговорах между собою они часто употребляли весьма странную комбинацию слов: «каарам тамо»; «каарам» означает «луна», «тамо» — человек. Сначала я не мог понять значение этого выражения — «каарам-тамо», человек с луны, и, только познакомившись, наконец, с языком папуасов настолько, чтоб спросить у них, что это такое, где находится этот «каарам тамо», я, к моему крайнему удивлению, узнал, что так они называют меня. Но все-таки весьма ограниченное знание языка не позволяло мне сделать дальнейших вопросов, чтоб тотчас же разъяснить, каким образом они пришли к такому странному заключению относительно моего происхождения. Наконец, уже на четвертом месяце моего знакомства с ними, когда я успел ознакомиться с языком достаточно хорошо, при новых расспросах о происхождении этого выражения я узнал следующее. Спросив однажды одного из туземцев: «Кто тебе сказал, что я каарам тамо?», т. е. человек с луны, я получил ответ: «Да все говорят это». — «Кто же эти все?» — «Да ты спроси их (при этом он указал на подле стоявших): вот тот, тот и тот, все тебя так называют».

Добившись, наконец, кто первый назвал меня таким образом (мне сказали, что это был Бугай из деревни Горенду), я тотчас же отправился в эту деревню, отыскал Бугая и спросил его: «Почему ты думаешь, что я пришел с луны?» — «Потому что у тебя огонь с луны». Опять явилось затруднение: что они называют «огнем с луны»? Я стал объяснять им, что огонь, который горит в моей хижине зажигается в ней, совершенно такой же, как и тот, который горит в Горенду, Гумбу и других деревнях. «Все это так, — отвечал Бугай, — но у тебя в твоей хижине есть еще другой огонь, который с луны». Снова пришлось расспрашивать, и, наконец, я узнал, что этот дикарь Бугай, будучи раз с товарищем на рыбной ловле, увидел около моей хижины яркий, белый свет и так испугался, что сейчас же бросился в деревню и стал звать всех посмотреть на «огонь с луны», как он назвал этот необыкновенный огонь. С этого времени сначала в ближайших деревнях, а потом и в более отдаленных стали звать меня «человеком с луны».

Мальчик.
Дер. Бонгу. Берег Маклая

Долго я не мог сообразить, какой особенный огонь они могли видеть у меня. Припомнив хорошенько все обстоятельства моей жизни в Гарагаси, я остановился как на более вероятном на следующем случае. Однажды в бурную ночь, когда мне надо было отыскать что-то под хижиною (хижина в Гарагаси стояла на сваях), я вздумал зажечь один из фальшфейеров, оставленных мне командиром корвета «Витязь». Это случайное обстоятельство окончательно утвердило в мозгу туземцев убеждение в моем сверхъестественном происхождении, первоначальное зерно которого брошено было, вероятно, моим неожиданным появлением среди них.

Туземцы, раз вошедши в эту колею мышления, стали объяснять положительно всякую относящуюся ко мне мелочь каким-нибудь особенным, сверхъестественным образом. Они были убеждены, например, что я могу зажечь воду, могу летать и т. д. Все эти атрибуты, которыми они облекали каарам тамо — человека с луны, росли и распространялись весьма быстро вследствие того, что мои соседи имели сверх того и выгоду как можно больше рассказывать обо мне как существе необыкновенном. Чем более они возвышали меня в глазах жителей более отдаленных деревень, тем более возвышались и сами, тем более казались страшными своим врагам, если бы те вздумали когда-нибудь напасть на них.

Вскоре туземцы соседних деревень дали мне доказательство своего ко мне доверия. Однажды, когда жители более отдаленных деревень объявили моим соседям, жителям Горенду и Бонгу, войну и хотели напасть на них, эти соседи мои решились на совершенно неожиданный поступок, который немало удивил меня. В продолжение четырех или пяти месяцев они ни разу не показывали мне своих жен и детей. Известенные о моем приближении к деревне свистком, все женщины и дети убегали и оставались в лесу до тех пор, пока я не уходил; да я и не старался обнаруживать особенного любопытства видеть их. Как же поэтому велико было мое изумление, когда однажды несколько десятков женщин с грудными детьми были приведены к моей хижине в Гарагаси (в то время я уже хорошо понимал их язык), и один из старых людей, которых они называют «тамо боро» (большой человек), обратился ко мне с просьбою о позволении оставить их около моей хижины на несколько дней, так как они ожидают нападения неприятеля. Хотя меня очень беспокоит и раздражает крик детей, но я согласился на их просьбу. Враги моих соседей были напуганы этим обстоятельством и, видя меня на стороне деревень Горенду и Бонгу, удержались от нападения, и, таким образом, вся история обошлась без кровопролития⁷.

Чем больше распространялась моя известность как «каарам тамо» (человека с луны), тем удобнее стало для меня являться в окрестные

деревни, и мои исследования и наблюдения пошли гораздо успешнее. Вообще чем менее я менял свое поведение, чем более я оставался *самим собой*, т. е. европейцем, ученым, исследователем, чем больше отличался от туземцев, тем более укреплялась в них идея о моем неземном происхождении, для поддержания которой мне не приходилось играть никакой роли или принимать какие-нибудь меры. В отношениях моих с туземцами я строго наблюдал за собою, чтоб всегда даже малейшее, но данное мною обещание было исполнено, так что у папуасов явилось убеждение, выражаемое ими в трех словах и ставшее между ними родом поговорки: «Балал Маклай худи», что в переводе значит: «Слово Маклая одно». Но, чтобы дойти до такого мнения, я действительно должен был быть весьма заботлив: никогда ничего не обещать, чего не могу сделать. Это исключительное положение много помогало в моих частых сношениях с туземцами и давало мне возможность оказывать на них хорошее влияние при часто возникавших между ними междоусобиях и войнах.

По мере знакомства с туземцами, с образом их жизни и нравами, в сентябре и ноябре 1872 г., т. е. в конце моего пребывания в Гарагаси, мне стала рисоваться программа дальнейших исследований на островах Тихого океана. Изучив туземцев Берега Маклая в антропологическом и этнологическом отношениях, я заметил себе задачу исследования всей папуасской или меланезийской^{1*} расы.

Между интересными и малоизвестными животными Новой Гвинеи наиболее интересным представлялся мне туземец Новой Гвинеи, *бото рариа*.

Таким образом, мне представлялось необходимым, *во-первых*, познакомиться с папуасами других частей Новой Гвинеи для сравнения их с изученными мною жителями Берега Маклая; *во-вторых*, сравнить папуасов Новой Гвинеи с обитателями других островов Меланезии и, *в-третьих*, выяснить отношение папуасов к «негритосам» Филиппинских островов, доказать присутствие или отсутствие курчавоволосой расы на Малайском полуострове и в случае ее присутствия сравнить ее представителей с остальными меланезийцами. Программу эту мне удалось выполнить, но на выполнение потребовалось десять лет путешествия.

Вернувшись из Новой Гвинеи и прибыв на клипере «Изумруд» в мае 1873 г. на о. Яву, я воспользовался там гостеприимством генерал-губернатора Нидерландских Индий и занялся приведением в порядок моих наблюдений на Берегу Маклая в 1871—1872 гг., результатом чего был ряд статей в батавийском журнале естественных наук («*Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië*»). Случилось это таким образом. Страдая в то время лихорадкою денга (*кнокель-курс* голландцев или *де-*

ню-фивер англичан)⁸ с опухолью суставов пальцев, я не в состоянии был писать и должен был диктовать переписчику, и вот причина, почему статьи эти напечатаны в иностранном журнале, на чужом языке; будь я сам здоров или имей под руками переписчика, умеющего писать по-русски, я, без сомнения, прислал бы статьи в Русское географическое общество⁹.

Таким образом напечатаны были:

1) «Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea» (1873. D. 33. S. 225—250).

2) «Ueber Brachycephalie bei den Papuas von Neu-Guinea» (1874. D. 34. S. 345—347).

3) «Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea» (I und II) (1875. D. 35. S. 66—93; 1876. D. 36. S. 294—333).

4) «Notice météorologique concernant la Côte-Maclay en Nouvelle-Guinée» (1873. D. 33. P. 430—431)¹⁰.

Наконец, я послал профессору Брока в Париж маленькую статейку под заглавием «Vestiges de l'art chez les Papouas de la Côte-Maclay en Nouvelle-Guinée», которая составляла начало целого ряда статей, посвященных вопросу об искусстве папуасов, но от профессора Брока я не получил ответа, вероятно, по случаю его смерти, и только теперь случайно узнал, что означенная статейка моя напечатана в «Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris» 3-me sér. Т. 1. Année 1878. P. 524—531¹¹; последующие же статьи о том же предмете остались ненапечатанными и находятся в моих бумагах¹².

Вышеозначенные брошюры заключают в себе предварительные сообщения о результате моих исследований в Новой Гвинее в 1871—1872 гг.¹³

Для передачи вам, мм. гг., содержания каждой из этих брошюр мне потребовалось бы целое отдельное чтение, а потому приниматься за подробное изложение результатов, перечисленных в них, я считаю положительно здесь неуместным; тем более что если б я вздумал изложить пред вами результаты моих 11-летних путешествий, более или менее в подробном виде, мне понадобилось бы употребить на это, по одной лекции в неделю, целую зиму.

Чтобы дать понятие о содержании означенных сообщений и важном значении находящегося в них матерьяла, я сообщу заголовки статей в одной из брошюр по этнологии: 1) пища туземцев; 2) приготовление пищи; 3) кухонные принадлежности и орудия; 4) орудия, употребляемые при разных работах; 5) одежда и украшения; 6) деревни и жилища; 7) внутренность хижин; 8) ежедневная жизнь папуасов; 9) заметки об изучении языка; 10) искусства; 11) суеверия и обычаи, связанные с суевериями, и 12) музыка и пение¹⁴. К этому могу лишь

прибавить, что в моих коллекциях, оставленных в Сиднее¹⁵, особенно богатых предметами Берега Маклая, имеются в большом количестве образчики домашней утвари, орудий, оружия и других употребляемых в разных случаях их жизни предметов. Сверх того в коллекциях моих находится полное, чрезвычайно интересное в антропологическом отношении собрание черепов.

Отправляясь в декабре 1872 г. на «Изумруде» с Берега Маклая, я обещал туземцам, которые сильно горевали о моем отъезде, вернуться к ним. В январе^{2*} 1876 г. мне удалось исполнить это обещание: я отправился вторично на Новую Гвинею. Это путешествие, совершенное на маленькой английской шхуне «Sea Bird», было сопряжено с большими неудобствами и богато приключениями.

Пройденный путь обозначен здесь, на этой карте (*показывает*).

Из Явы я отправился на о. Целебес и, пройдя около островов Геби и группы Пеган, отправился на о. Яп, а оттуда на группу Пелау, или Пелью. Побывав там и пройдя группу Улеай и острова Матвея, посетил острова Адмиралтейства, острова Луб, Ниниго и, наконец, прибыл к себе в Новую Гвинею. Краткое сообщение об этой экспедиции находится в «Известиях Географического общества», а также напечатано в «Petermann's Geographische Mittheilungen», 1879^{3*} (Bd. 24) (Reise in West-Mikronesien, Nord-Melanesien und ein dritter Aufenthalt in Neu-Guinea, von Februar 1876 bis Januar 1878)¹⁶. Я вернулся снова на Берег Маклая затем, чтоб, зная хорошо язык туземцев и пользуясь их полным доверием, дополнить мои наблюдения и окончательно выяснить некоторые, не вполне разрешенные мною при первом посещении вопросы. Мои ожидания вполне оправдались. Полное знание языка туземцев, а главным образом их доверие ко мне весьма облегчили мои исследования. Я не в состоянии показать вам здесь всех рисунков, портретов, изображений хижин и других предметов и вообще обстановки жизни туземцев Новой Гвинеи, но в этих двух (*показывает толстые томики*) записных книгах собран громадный этнологический материал о папуасах Берега Маклая¹⁷.

Само собою разумеется, что я обставил свое возвращение в Новую Гвинею совершенно иным образом, чем в 1871 г. Вместо хижины, в которой мое помещение было не более семи квадратных футов, я привез с собою из Сингапура удобный дом и поставил его в другом месте берега, чем в 1871 г. Этот раз моя резиденция находилась в 1/2 мили от порта Константина, на мыске, называемом туземцами Богарлом (или Бугарлом). Таким образом, при более удобной обстановке я мог заняться анатомическими работами. Образцы некоторых анатомических рисунков находятся (*показывает*) на последней таблице, а в этом портфеле лежат остальные, и желающим я могу их показать.

Мне удалось еще посетить значительные пространства берега Новой Гвинеи — миль 180, от мыса Кроазиль до мыса Теляты, и притом очень удобным образом. Я с двумя слугами и несколькими жителями деревни Бонгу¹⁸ отправился в двух пирогах вдоль берега, останавливался почти во всех деревнях и везде встречал радушный прием благодаря моим спутникам-папуасам, которые, будучи моими старыми знакомыми, хорошо знали меня и знали туземные языки, так что я мог очень удобно познакомиться с образом жизни и нравами береговых папуасов, которые в этнологическом отношении очень отличаются между собою: каждая деревня имеет свои характерные особенности. Некоторые виды пройденных деревень выставлены также здесь (*показывает на развешанные на стене рисунки*)¹⁹.

Мое влияние на туземцев оказалось так сильно, что мне удалось совершенно прекратить во все время моего пребывания постоянные междоусобные войны. Этот результат был для меня в высшей степени приятен. Эти войны имеют более характер убийств, чем войны или боя в открытом поле. Каждое убийство ведет к новым репрессалиям, и, таким образом, вся война состоит из ряда вендетт. Войны страшно вредили всему населению, так что туземцы боялись отходить на несколько часов от своих селений. Вследствие моего положения и авторитета как «человека с луны» я имел возможность положительно запретить войны и вскоре увидел хороший результат этого запрещения.

* * *

Во второе пребывание в Новой Гвинее мое здоровье вследствие более удобной обстановки было гораздо менее подвержено приступам лихорадки, так что я мог более времени употреблять на занятия, состоявшие, как я сказал, главным образом в этнологических исследованиях, причем, однако, никогда не упускал из вида и сравнительно-анатомических работ. Но я полагал, что мне следует, главным образом заняться изучением туземцев и образа их жизни. Я застал их на самой низкой ступени развития: металлов они совершенно не знали, и все их орудия были сделаны из камня, костей и дерева. Они не умели даже добывать огня. Несомненно, что такая примитивная жизнь туземцев, во всех ее мелочных подробностях, представлялась интересным предметом исследования для всякого естествоиспытателя. Сверх того, эта степень развития туземцев Берега Маклая — переходная и должна бы измениться уже вследствие одного моего пребывания между ними. Так, они познакомились с употреблением железа и целого ряда других предметов, которых прежде совершенно не знали; целый ряд идей явился в их умственном кругозоре. В непродолжительном, быть может, времени вследствие развития торговли в Тихом океане жители Берега Маклая

войдут в сношения с другими народами, и тогда их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который представляют дикари в их первобытном состоянии.

Позвольте мне здесь, мм. гг., привести несколько строк из моего письма Императорскому Русскому географическому обществу о втором пребывании моем на Берегу Маклая в Новой Гвинее в 1876 и 1877 г. О выборе главного предмета моих исследований я писал тогда следующее:

«Если, замечая, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, не обещаюсь описать сотни и привезти тысячи редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций? Я отвечу на это, что, хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства моего с фауною Малайского архипелага, все-таки почел за *более важное* обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на status praesens житья-бытья папуасов, полагая, что *эти* фазы жизни *этой* части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) *весьма скоро проходящи*. Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции, между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи *теперешних* папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому как я искал оран-сакай и оран-семанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав»*.

Благодаря большому ко мне доверию туземцев я был поставлен во время второго у них пребывания в возможность познакомиться с весьма интересными обычаями — брачными, погребальными и другими. Укажу для примера на некоторые обычаи, иллюстрации которых (*показывает на рисунки*) находятся здесь, на рисунках²⁰. Так, туземцы оставляют покойников гнить в хижинах. На первой таблице вы имеете рисунок гробницы взрослого папуаса. Когда человек умирает, его тело приводят в сидячее положение; потом труп оплетают листьями кокосовой пальмы в виде корзины, около которой жена покойного должна поддерживать огонь в течение двух или трех недель, пока труп совершенно не разложится и не высохнет. Случаи зарывания трупов крайне

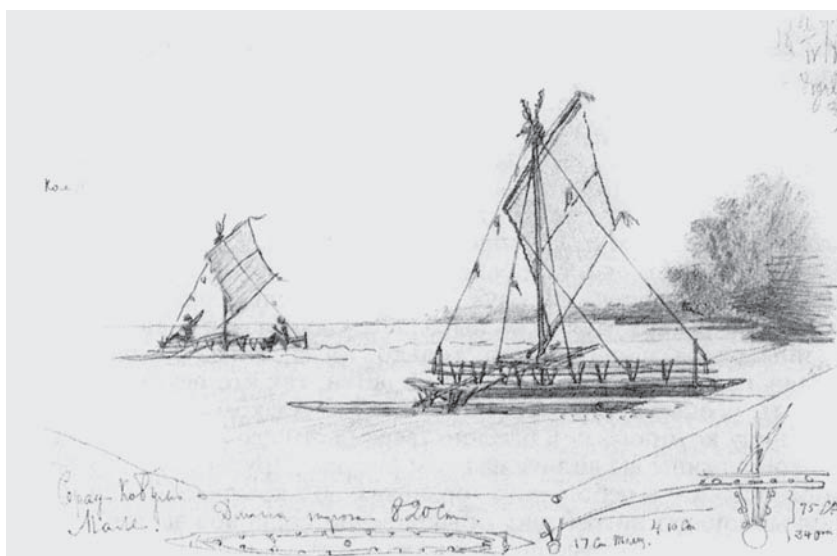
* Изв. РГО. 1880. Т. 16. Вып. 2. Отд. 2. С. 170 (ср. с. 229 наст. тома).

редки и происходят только тогда, когда какой-нибудь старик переживет всех своих жен и детей, так что некому поддерживать огонь. Это и случилось с моим знакомым Маде-Боро, гробницу которого под барлоу (верандою) его опустевшей и запертой хижины вы видите на этом рисунке. Трупы умерших детей подвешивают в небольших корзинках под крышею хижин. Описанный способ погребения обыкновенно сопровождается многими обрядами, которые подробно изложены в одной из вышеупомянутых брошюр²¹.

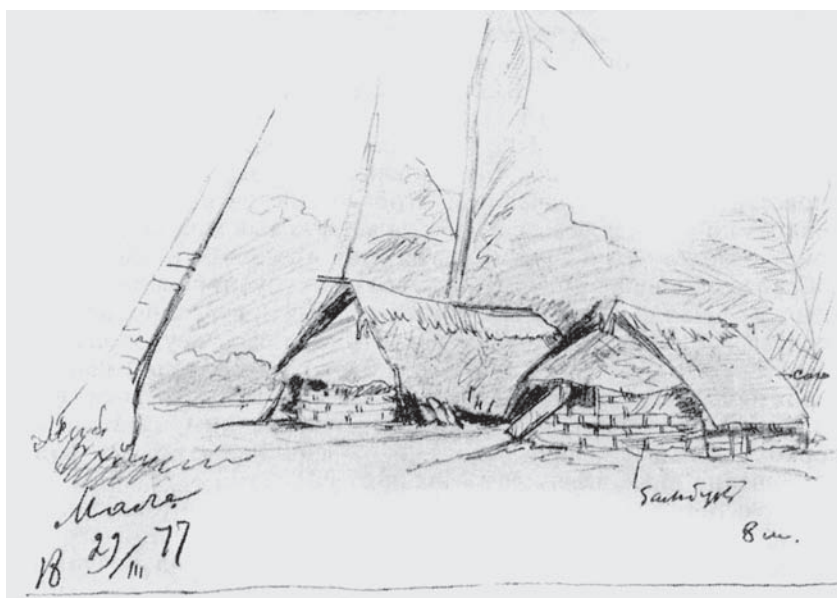
Я уже говорил, что папуасы не умели добывать огонь, и когда я спрашивал их об этом, то они положительно не понимали моего вопроса и даже находили его смешным. Они говорили, что если у одного погаснет огонь, то он найдется у другого; если во всей деревне не будет огня, то найдется в другой. Некоторые туземцы говорили мне, что их отцы и деды рассказывали, что помнят или в свою очередь слышали о времени, когда у людей вовсе не было огня, что им приходилось есть пищу сырую, вследствие чего у них была болезнь десен, название которой сохранилось до сих пор²².

Когда в ноябре 1877 г. я решил, наконец, вернуться в Сингапур на случайно зашедшей английской шхуне, то приказал оповестить по всем деревням, чтоб ко мне из каждой деревни явилось по два человека: самый старый и самый молодой. Ко мне пришло более чем по два человека, так что около моей хижины собралась большая толпа. Когда все они сгруппировались около меня, я сказал им, что покидаю их на время и, вероятно, не скоро вернусь. Они почти долгом выразить мне свое неудовольствие и очень сожалели о моем отъезде. Потом я объяснил им, что, вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами и в такой же одежде, придут к ним на таких же кораблях, на каких приезжал я, но, очень вероятно, это будут совершенно иные люди, чем Маклай.

Я считал своим долгом предупредить этих дикарей относительно того класса промышленников, которые еще до сих пор делают острова Тихого океана свидетелями весьма печальных сцен. Еще до сих пор так называемое «kidnapping», т. е. похищение людей в рабство разными средствами, там встречается и производится под английским, германским, американским и французским флагами. Я ожидал, что и в Новой Гвинее может случиться то же, что на островах Меланезии (Соломоновых, Новогвинеидских и других островах), где население стало уменьшаться значительно вследствие вывоза невольников. Поэтому я, полагая, что и Берег Маклая будет со временем целью посещения этих судов, счел долгом предупредить и объяснить им, что хотя они и увидят такие же суда и таких же людей, как Маклай, но эти люди могут их увезти в неволю.

Сорау кобум (парусные лодки). Дер. Мале, Берег Маклая

Хижины в дер. Мале, Берег Маклая

«Гробница Маде-Боро под «барлою» его опустевшей и запертой хижины». О. Били-Били, Берег Маклая

Это предупреждение привело их в большое смущение, и они положительно хотели воспротивиться моему отъезду и старались уговорить меня остаться. Тогда я посоветовал им никогда не выходить к белым навстречу вооруженными и никогда не пытаться даже убивать их, объясняя им все значение огнестрельного оружия сравнительно с их стрелами и копьями. Я им советовал для предупреждения бед при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы. Я им указал, однако, каким образом они могут отличить друзей от недругов.

Впоследствии я узнал, что все мои советы, выслушанные со вниманием, были исполнены в точности. После моего отъезда пришла английская шхуна из Мельбурна на Берег Маклая с золотоискателями, которые полагали, что я скрыл присутствие там золота, и хотели исследовать берег в этом отношении. Это было год спустя после моего отъезда. Я встретил в Мельбурне в прошлом году одного из участников этой экспедиции, который и рассказал мне, что они нашли мою хижину в том виде, как я ее оставил, и что дверь и замок были целы, а плантация вокруг дома содержалась так хорошо, что имела вид сада. Когда мистер П., участник экспедиции, взялся за замок, чтоб посмотреть, нельзя ли войти в хижину, то поддюжины рук схватили его, и папуасы объяснили ему знаками, что это принадлежит Маклаю, каковое имя они постоян-

но повторяли в разговоре между собою, и что ему нечего тут искать. Демонстрация эта была настолько внушительна, что белые поспешили убраться, видя, что туземцы, пожалуй, станут защищаться²³.

Я получил еще одну весточку о моих друзьях: военное судно было послано туда вследствие распоряжения the High Commissioner of the Western Pacific Sir Arthur Gordon^{4*24}.

Перед Отъездом Ромили^{5*} (Deputy-Commissioner^{6*}) на Берг Маклая я имел случай видеть его в Сиднее и передал ему те знаки и слова, по которым он мог быть узнан туземцами как друг Маклая. Из рассказа вернувшегося Ромили я убедился, что все, даже мельчайшие подробности моих советов папуасами были исполнены. Так, в течение многих часов, пока он не сделал известных знаков, ни один человек не осмеливался подойти в своей пироге к шхуне; но как только он сделал знаки и сказал условные слова, которым я его научил, моментально все изменилось: десятки пирог явились к шхуне, и все начали кричать, произнося постоянно имя Маклай. Тогда Ромили представился им как «брат Маклая», после чего он был отведен к моему дому и вообще встречен туземцами в высшей степени дружелюбно²⁵.

Быть может, я утомил ваше внимание, господа, моим рассказом о пребывании моем в Новой Гвинее, но этим рассказом я желал дать вам хотя общее понятие, каким образом я достиг весьма интересных и важных для науки результатов²⁶.

Чтение второе (4 октября)

Г. председатель,
милостивые государины и милостивые государи!

Я начну сегодняшнее чтение тем, чем начал и прошлое*: просьбой о снисхождении ко мне за мое не совсем удовлетворительное изложение, происходящее вследствие непривычки говорить пред большим европейским обществом.

Прошлой чтение я посвятил двум моим пребываниям на Берегу Маклая, но вследствие головной боли не успел достаточно подробно изложить результаты этих пребываний.

Я уже сообщал, что результаты моего первого пребывания в Новой Гвинее в 1871 и 1872 гг. были напечатаны в четырех брошюрах на французском и немецком языках; но во время второго моего там пребывания, при более обширном знакомстве с папуасским языком, мне удалось многое дополнить, а по этнологии добыть результаты, более важные и

* См. № 269 «Голоса».

удовлетворительные. Поэтому мысль вторично посетить Берег Маклая оказалась в высшей степени удачною в интересе моих исследований.

Как вам, мм. гг., уже известно, отправляясь в Новую Гвинею, я имел в виду исследование меланезийского, или папуасского, племени и с этою целью нарочно избрал ту часть Новой Гвинеи, которая была до меня еще совершенно не затронута белыми. Мое с лишком трехлетнее пребывание на Берегу Маклая убедило меня, что туземцы этого берега не находились до моего приезда в соприкосновении ни с белою, ни с малайскою расами. Я удачно попал именно в такое место, где папуасская раса была совершенно чиста, без всякой посторонней примеси, тогда как на других островах Меланезии, как я сообщу в следующей лекции, она является более или менее смешанною с другими расами.

Основываясь на поверхностных и отрывочных наблюдениях различных путешественников, позднейшие ученые предполагали существование в Новой Гвинее нескольких различных племен, причем отличали прибрежных жителей от обитателей внутренних гористых местностей. Поэтому представлялось необходимым прежде всего проверить это мнение относительно Берега Маклая и местностей, к нему прилегающих. Сделав значительное число экскурсий во внутрь страны, в горы, и посетив различные, по возможности отдаленные места вдоль берега, я пришел к положительному убеждению, что никакого племенного или расового различия между прибрежными жителями и обитателями горных местностей не существует, везде живет одно и то же племя, имеющее одинаковый антропологический *habitus* и отличающееся по местностям только языком и подробностями образа жизни и обычаев. Таким образом, вопрос о существовании в Новой Гвинее нескольких различных племен решен мною в отрицательном смысле²⁷.

Далее, касательно черепа папуасов существовало мнение, что отличительный его признак — долихоцефалия, или длинноголовость. Это мнение принималось как совершенно доказанная истина, и даже один из известнейших современных антропологов, профессор Р. Вирхов, считал необходимым на основании формы черепа отличить как две вполне самостоятельные и отдельные расы *длинноголовых* (долихоцефальных) *папуасов*, с одной стороны, и *короткоголовых* (брахиоцефальных) *негритосов* (Филиппинских островов). Для разрешения этого вопроса — длинноголовости (долихоцефалии) папуасов — я обратился как к самому надежному средству к измерению голов туземцев, что для меня было значительно облегчено обычаем папуасских женщин брить голову по выходе замуж.

Я сделал сотни таких измерений, и к моему величайшему удивлению, между сотнями измеренных голов десятки оказались брахиоцефальными или очень склонялись к брахиоцефалии (*короткоголовости*).

Ввиду такого результата, для предупреждения каких-нибудь сомнений со стороны ученых относительно правильности и точности своих измерений, я запасаюсь достаточным количеством краниологического материала — папуасских черепов, который вполне подтверждает результаты, полученные мною путем измерения. Таким образом, признак *длиноголовости* (долихоцефалии) для расового отличия папуасов оказывается несостоятельным. Для специалистов скажу, что ширина черепа папуасов Новой Гвинеи относительно длины варьирует между 62 и 86, т. е. в весьма широких пределах.

Далее, во многих учебниках по антропологии как на признак, отличающий папуасов от других темных, курчавоволосых рас, указывается, что у папуасов курчавые волосы растут будто бы не равномерно, а *группами*, или *пучками*, так что между этими группами, или пучками, находятся извилистые безволосые пространства. Наблюдая волосы на голове и теле как детей, так и взрослых папуасов и внимательно рассматривая распределение волос на коже, я убедился положительно, что у папуасов ни в каком возрасте особенной пучкообразной группировки волос не существует.

Следовательно, и этот общепринятый в учебниках признак папуасского племени оказался несостоятельным.

Наконец, некоторые антропологи, никогда не выезжавшие из Европы, как на хороший признак при классификации различных рас (папуасской, негритосской, негритянской) указывают на размер (диаметр) спирали (завитка) волос и на основании этого признака различали, например, папуасов от негритосов, утверждая, что у негритосов волосы представляют гораздо более узкие спирали, а именно диаметр волосной спирали, или завитка, равняется 1—2 мм. Но по произведенным мною наблюдениям и измерениям отрезанные у папуасов Новой Гвинеи волосы свертывались спиралью (завитками), диаметр которой в очень многих случаях не превышал 1—1,5 мм, причем оказалось, что диаметр спирали, или завитка, волос, взятых с различных частей головы (виска, затылка), а тем более различных частей тела, весьма различен и сильно варьирует. Таким образом, и это основание (диаметр спирали волос) классификации рас, которое было серьезно защищено некоторыми учеными, не выдерживает критики.

Все вышеуказанные вопросы могли быть разрешены только благодаря громадному, так сказать, живому материалу, который находился у меня под руками.

Познакомившись с папуасами Берега Маклая, я, как уже сообщил в первом чтении, для сравнения и проверки добытых на этом берегу антропологических наблюдений решил посетить другие местности Новой Гвинеи. Отдохнув в течение шести месяцев в Бюйтенцорге на

о. Яве и приготовив к печати предварительные сообщения о результате первого путешествия, я отправился в этот раз на берег Новой Гвинеи, противоположный Берегу Маклая, где, по разным сообщениям, предполагал найти более или менее чистое, несмешанное папуасское население. В декабре 1873 г. на почтовом голландском пароходе вышел я из Батавии и, посетив разные порты Явы, через Макаassar, Тимор, Банду прибыл в Амбоину, где хотя и нашел средства к дальнейшему путешествию, но не мог получить никаких новых для меня сведений о Новой Гвинее. Из Амбоины я направился на один из островов группы Серам-Лаут — островок Кильвару, откуда дальнейшее путешествие представлялось возможным только с помощью малайского прау. Но здесь возник чрезвычайно важный вопрос: какую именно часть берега Новой Гвинеи избрать местом исследований?

Каждому из вас, мм. гг., легко понять, какое важное значение имеет удачный выбор места для тех или других научных наблюдений и исследований. Поэтому, прежде чем остановиться на той или другой местности, я постарался приблизительно собрать сведения о Новой Гвинее как у малайцев, так и в литературе.

Необходимо заметить, что малайцы о. Целебеса, главным образом макаassarцы, уже в течение 300—400 лет имеют сношения с Новою Гвинеей, равно жители островов Серам-Лаут, Серама и Кей также часто отправляются туда за невольниками, для ловли и покупки у туземцев черепах, трепангов и жемчужных раковин. Я узнал также, что в той части берега Новой Гвинеи, которая называется Папуа-Оним и Папуа-Нотан, малайцы всегда принимаются туземцами в высшей степени дружелюбно и что хорошие отношения установились между ними уже издавна, так что на этих частях берега я, по всей вероятности, встретил бы смешанное население. В интересной статье П. Леупе (*P. A. Leupe. De reizen der Nederlanders naar Nieuw-Guinea en de Papoesche eilanden in de 17-e en 18 eeuw*)*, в которой описаны сношения малайцев и европейцев с туземцами Новой Гвинеи в XVI и XVII столетиях, я нашел, между прочим, заметку о том, к какому средству прибегли малайцы о. Целебеса для того, чтоб, установив совершенно правильные сношения с западным берегом Новой Гвинеи, иметь вполне в своих руках этот рынок. Отправляясь в Новую Гвинею, они брали с собою молодых девушек из хороших малайских семейств и отдавали их в жены более влиятельным туземцам, а в обмен вывозили папуасских девушек, которых выдавали на Целебесе замуж за малайцев. Таким образом установились родственные связи между макаassarцами и прибрежными папуасами Новой Гвинеи, вследствие чего между ними упрочились тесные и исключительные торговые

* Bijdragen voor de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Indië. 1865. D. 10.

сношения. Вот почему названный голландский ученый Леупе, роаясь в архивах, нашел, что все попытки голландцев в XVI и XVII веках завладеть рынком Новой Гвинеи были уничтожены вследствие такого вероломства, как он выражается, со стороны макассарцев²⁸. Убедившись из этого, что папуасское племя берегов Папуа-Оним^{7*} и Папуа-Нотан уже в течение нескольких сот лет подвергалось смещению с малайским, и для того, чтобы найти чистокровных папуасов, я должен был отправляться далеко во внутрь страны; я решил избрать другой берег Новой Гвинеи для своей экскурсии, именно Берег Папуа-Ковиай.

О жителях Берега Папуа-Ковиай ходили между малайцами самые ужасные рассказы: их считали людоедами; уверяли, что они нападают на приходящие к берегу суда, грабят, убивают, поедают экипаж и т. п.

Все эти страшные рассказы малайцев о разбойничестве и людоедстве жителей Берега Папуа-Ковиай и побудили меня избрать именно эту местность, так как я надеялся встретить там чистокровное папуасское население.

С большими затруднениями мне удалось нанять небольшую малайскую прау, или, как ее называют на островах Серам-Лаут, небольшой «урумбай», — судно, имевшее приблизительно 30 футов длины и 8 футов ширины; и на это судно должен был взять экипаж в 16 человек, так как в меньшем числе малайцы не решались отправиться в гости к папуасам Берега Ковиай. Они уверяли, что при меньшем числе экипажа экипаж едва ли вернется живым: все будут перерезаны и т. д. Сверх того, в Амбоине я запасаю хорошим поваром и охотником, которые были христиане и, оставив свои дома и семейства в Амбоине, желали, разумеется, со временем вернуться домой; я знал их за честных людей, так как раньше они служили у других натуралистов, от которых имели хорошие рекомендации, и я мог более или менее на них положиться.

Не желая иметь в своем экипаже людей из одной какой-нибудь местности, знакомых между собою, я *намеренно* оставил при себе по несколько человек из разных местностей и даже разных племен; так, у меня были малайцы, папуасы и другие. Люди знакомые легче могли сговориться между собою, оказать мне скопом неповиновение, сопротивление и даже нападение на меня.

Наконец, когда урумбай и люди мои были готовы, мы отправились с острова Серам-Лаут сперва к островам Матабелло, а затем, повернув на северо-восток и пройдя между п-овом Кумава и о. Ади, прибыли к Берегу Папуа-Ковиай Новой Гвинеи. Я посетил сначала великолепную бухту Тритон-бай, около которой почти за 40 лет до моего прихода находилась голландская колония Форт-дю-Бус (Fort du Bus); от этой колонии в настоящее время, кроме нескольких камней в лесу, ничего не сохранилось. Колония была основана в 1828 г. и существовала

до 1836 г., т. е. в течение восьми лет. Голландцы старались поддержать ее существование, высылая ежегодно по 150—200 солдат-яванцев с европейскими офицерами; но вследствие лихорадок и дизентерии не многим из гарнизона приходилось возвращаться: почти весь гарнизон обыкновенно вымирал до прихода смены. Когда я прибыл в Тритон-бай, я не мог найти у туземцев даже и воспоминания об этой колонии (в моем экипаже находились два—три человека, знавшие местный язык и служившие мне переводчиками), и только один из стариков-папуасов, радья Айдума*, мой приятель (портрет его находится здесь)²⁹, вспоминал, что есть в лесу недалеко от берега так называемая румабату (т. е. каменный дом). Действительно, по указанию радья Айдума мне удалось найти в лесу следы бывшей здесь колонии Форт-дю-Бюс: фундаменты нескольких домов и заржавленный чугунный щит с гербом нидерландским, найденный мною на земле, был покрыт мохом.

Находящаяся здесь перед вами, мм. гг., карта до моего прихода представлялась далеко не такою, какою вы ее теперь видите³⁰. Все это (*показывает*) рисовалось в виде материка Новой Гвинеи, между тем оказалось в действительности, что из Тритон-бай есть пролив, отделяющий группу островов Мавара от материка, весьма живописный, который я назвал проливом великой княгини Елены Павловны (другой пролив, отделяющий о. Наматоте от материка, назван мною проливом королевы Софии в честь покойной королевы нидерландской). Для пребывания своего я выбрал в высшей степени красивое место — Айва, мысок, находящийся между обоими вышеназванными проливами, где с помощью взятых с собою необходимых для постройки хижины принадлежностей в виде «атап», сплетенных особым образом листьев саговой пальмы, которые составляют удобный матерьял для построек, мои люди скоро выстроили хижину, и я немедленно принялся за антропологические исследования. Хотя между населением, особенно между детьми, встречались положительные доказательства помеси, но вообще можно сказать, что обитатели Папуа-Ковиай представляются чистокровными папуасами.

Отсутствие помеси или присутствие ее только в незначительной степени объясняется тем, что малайцы никогда не поселялись на этом берегу и, заходя сюда лишь изредка, вступали в случайные, временные связи с папуасскими женщинами; рождавшиеся от таких случайных связей полукровные дети бросались родителями на произвол судьбы и редко достигали зрелого возраста. Так как вопрос о том, населяет ли Новую Гвинею одно племя или несколько различных племен и даже рас, представлялся нерешенным в науке, то я не доверился первому общему впечатлению, которое было в пользу полного сходства жите-

* После того как малайцы начали посещать берега Новой Гвинеи, папуасские начальники усвоили себе малайское название «радья».

лей Берега Папуа-Ковиай с обитателями Берега Маклая. В самом деле, помимо некоторых особенностей костюма, я встретил здесь множество физиономий, которые вследствие поразительного сходства можно было принять за братьев или близких родственников многих знакомых мне папуасов на Берегу Маклая.

Но я не поддался этому первому впечатлению и старался проверить его на деле, для чего занялся антропологическими измерениями, насколько туземцы позволяли над собою эти манипуляции. Я сообщу здесь только некоторые результаты измерений. Так, например, рост людей на Берегу Маклая варьирует между 1 м 74 см (максимум) и 1 м 42 см (минимум); рост женщин, у которых есть вполне взрослые дети, 1 м 32 см. Рост туземцев Папуа-Ковиай разнится от приведенных цифр весьма незначительно, именно: максимум роста мужчин 1 м 75 см и минимум 1 м 48 см; женщин 1 м 31 см. Между тем как индекс ширины черепа на Берегу Маклая 86,4 и минимум 64,0, на Папуа-Ковиай — 80 и 62. Опять-таки различие пропорций незначительное.

Независимо от этого, как показывают приведенные цифры, и на Берегу Папуа-Ковиай подтвердился результат, добытый мною на Берегу Маклая, т. е. что между жителями Новой Гвинеи вообще встречается часто брахицефальная форма головы.

Оставив в моей хижине в Айве около десяти человек экипажа, я решил с остальными отправиться в глубь Новой Гвинеи, между прочим, для того, чтобы проверить рассказы туземцев о каком-то большом озере в горах. Высадившись на материке Новой Гвинеи против о. Койра, я перешел хребет гор в 1200 футов вышины и действительно открыл сравнительно узкое, но длинное озеро, называемое окрестными жителями «Кака-Валлар». Обитающие же в окрестностях озера горные жители называются «вуоусирау»^{8*}, и по произведенным исследованиям, измерениям и снятым рисункам они почти не отличаются от береговых папуасов. Озеро Кака-Валлар тем более обратило на себя мое внимание, что, по рассказам туземцев, за несколько лет до моего прихода уровень его весьма значительно изменился.

Присматриваясь ближе к озеру, я заметил в прибрежной его части множество деревьев, находившихся, очевидно, на различной глубине, так как некоторые из деревьев показывались из воды только своими вершинами, между тем у других вода едва покрывала нижние части стволов. Это несомненно указывало, что когда-то уровень воды в озере был ниже и находившиеся в воде деревья росли открыто на берегу, но потом вода повысилась, затопила берег, и деревья очутились, таким образом, в озере на различной его глубине. При этом туземцы уверяли, что незадолго до моего прихода вода в озере стояла еще выше, так что деревьев совсем не было видно.

Сверх того и другие признаки на крутых берегах озера ясно указывали на значительные изменения и колебания уровня воды — от 15 до 20 футов. По словам туземцев, понижение воды в озере произошло чрезвычайно быстро: утром еще они видели озеро с обыкновенным уровнем, но около полудня вода в нем вдруг стала спадать, начали показываться вершины деревьев, и на другое утро, к удивлению жителей, вокруг озера, на обнаженном берегу, явилась целая полоса омертвевших деревьев, которые до того находились под водою. Рассматривая эти деревья, я нашел, что многие достигали 25 см толщины и древесина их еще очень хорошо сохранилась, почему можно предположить, что они сравнительно не очень долго находились под водою — может быть, от 30 до 40 лет.

Повышение воды в озере Камака-Валлар можно объяснить тем, что озеро это, находящееся на высоте 500 футов над уровнем моря, представляет резервуар воды без истока, так что при сильных ливнях во время дождливого времени вода в нем, значительно прибывая, может с годами повыситься на несколько футов. Дожди в этой местности Новой Гвинеи бывают так обильны, что после двухдневного ливня поверхность залива Тритон покрывается слоем пресной дождевой воды, столь значительным, что воду эту можно черпать сосудами и употреблять в питье и пищу. Что касается приведенного выше рассказа туземцев о случившемся незадолго до моего прихода быстром понижении воды в озере, то понижение это может быть объяснено следующим образом. Образующие дно озера слои, принадлежат к какой-нибудь мягкой породе и постепенно растворяясь, не могли противостоять увеличившемуся давлению воды, масса которой возросла от сильных дождей; явился прорыв, в который и устремилась вода, продолжавшая вытекать до тех пор, пока оторванные сильным напором воды камни и глыбы земли не завалили протока и, таким образом, выход воды остановили на некоторое время, значительно понизив уровень озера.

Вода в озере оказалась очень теплая, 31° Ц, и неприятного вкуса. Мне удалось также найти здесь интересный и новый род губок, принадлежащий к группе *Halichondria* и названный мною *Rumut Vallarii*. Собрав затем интересную коллекцию раковин, я отправился далее, посетил острова Айдуму, Драмай, Каю-Мера, причем выступающий между двумя последними островами мыс назвал в честь генерала-губернатора Нидерландских Индий, оказавшего мне гостеприимство в Бюйтендорге, мысом Лаудон, побывал на островке Лакахиа, где нашел каменный уголь, прошел в Телок-Кируру* и, высадившись в местность, называемой Илонай, сделал несколько экскурсий в горы.

* Телок — по-малайски значит «бухта», «залив».

Однако появление нашего небольшого судна привлекло внимание жителей южного берега Телок-Кируру, где находятся многочисленные деревни папуасов. Вероятно, мы показались им хорошою и легкою добычею, и они явились к вечеру в таком числе, что мои люди положительно струсили, уверяя, что наш последний час пришел и если мы не уберемся в продолжение ночи из узкого залива, то на утро не миновать беды.

Действительно, число пирог, а с ними и папуасов все возрастало и нападение их на нас стало казаться и мне не только вероятным, но и неизбежным. О сопротивлении с дюжиной людей сотням дикарей нечего было и думать, и поэтому я решил ретироваться без шума под прикрытием темной ночи. Побуждаемые страхом, люди мои не щадили сил и, несмотря на утомление, усердно работали веслами всю ночь, чтобы поскорее выбраться из негостеприимного Телок-Кируру. Папуасы, собравшиеся было напасть на нас, вероятно, были неприятно удивлены на другой день, увидев, что добыча, на которую они положительно могли рассчитывать, так неожиданно ускользнула из их рук.

Добравшись до о. Айдума, я получил весьма неприятное известие, что моя хижина в Айве, в которой оставалось человек пять моих людей, была совершенно разграблена и все находившиеся в ней вещи забраны дикарями, живущими в горах вокруг Телок-Камрау, которые в мое отсутствие явились в числе более 200 человек, окрашенные в черную краску, с перьями райской птицы на голове (что они обыкновенно делают, отправляясь на войну и желая показаться страшнее неприятелям). Против этих 200 вполне вооруженных дикарей пятеро моих людей, понятно, ничего не могли сделать. Надо еще сказать, что около моей хижины сгруппировалось большое число прибрежных папуасов, и на них-то сперва напали горные дикари. Из женщин, надеявшихся укрыться в моей хижине, три были постигнуты в ней и убиты вместе с ребенком четырех лет. Точно так же были умерщвлены взятый мною в качестве проводника и переводчика старик, радья Айдумы³¹, жена его и дочь-ребенок, которого разбойники изрубили на моем столе; последняя жестокость была сделана с очевидною целью показать, что они нисколько не боятся белого и при случае с ним расправятся подобным же образом. Несмотря, однако, на этот неприятный эпизод, я решился остаться в Новой Гвинее, хотя люди мои, напуганные кровавым происшествием в Айве, настоятельно требовали возвращения и угрожали покинуть меня одного.

В Айве я не мог оставаться, потому что дикари, ограбившие мою хижину, уходя, отравили источники пресной воды, и должен был поселиться на о. Айдуме, в наскоро устроенном небольшом и крайне неудобном помещении; люди же мои, хотя и остались со мною, но до того боялись папуасов, что жили на судне и крайне неохотно сходили на берег.

На о. Айдуме я пробыл около месяца и за отсутствием живого антропологического матерьяла все время посвятил сравнительно-анатомическим работам, пользуясь тем, что охотник мой из Амбоины Давид доставлял мне интересные экземпляры новогвинейских птиц и других животных.

Особенно мое внимание обратил на себя в высшей степени интересный вид кенгуру (*Dendrologus ursinus*), строение которого вследствие приспособления к местным условиям существенно изменилось: он приобрел крепкие когти, но утратил мускулы хвоста и из скачущего животного стал лозящим, почему живет большею частью на деревьях.

Но, занимаясь сравнительно-анатомическими работами на урумбай, я, признаюсь, не покидал намерения наказать главного зачинщика и виновника нападения на мою хижину в Айве, разграбления моих вещей и убийства нескольких людей, которого, как я узнал, звали Мавара и портрет которого вы здесь видите. Хотя человек этот, как легко заметить по портрету³², был втрое сильнее меня, но нервы мои оказались крепче, и мне удалось взять его в плен живым. Мое появление перед ним и среди окружавших его дикарей было так неожиданно, что, когда я приказал своим людям связать разбойника, то не встретил ни малейшего сопротивления со стороны толпы папуасов, которые так растерялись, что даже помогли моим людям перенести остатки моих вещей и пленника на урумбай³³.

С добычей своей я отправился на о. Кильвару, откуда послал одного из людей известить о происшедшем резидента Амбоины, а в ожидании ответа целый месяц провел на островах Серам-Лаут, занимаясь изучением находящегося здесь смешанного типа людей, помеси папуасов с малайцами. Занятия шли успешно благодаря знакомству моему с малайским языком, а также и тому, что я хорошо был принят начальником, или радьей, и поселился в его доме.

На островах, расположенных между Целебесом и Новою Гвинеей, особенно на островах Серам-Лаут, Кей и других, издавна существует обыкновение приобретать папуасов как хорошую и дешевую рабочую силу, и зажиточный малаец всегда охотнее берет в услужение или для работ папуаса, нежели своего же малайца. Вследствие этого папуасы обоего пола в значительном числе вывозятся из Новой Гвиней, приобретаются малайцами названных островов, вступают с ними в близкие сношения и образуют малайско-папуасскую помесь. Результаты моих антропологических исследований этой помеси сообщены в первом прибавлении к статье «*Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea 1874*» под заглавием «*Ueber die Papua-Malayischen Mischung in den westlichen Molukken*» («*Natuurkundig Tijdschrift...*» 1876. D. 36. S. 174—176).

Происходившее в течение многих столетий и продолжающееся и в настоящее время смешение малайской и папуасской рас вполне объяс-

няет то разнообразие типа, какое встречается между населением восточной части Малайского архипелага³⁴.

Считаю уместным сказать здесь несколько слов о социальном положении папуасов Берега Ковиай и о том влиянии, какое имели на это положение малайцы и их культура. Сравнивая их положение с тем, в каком находятся обитатели противоположного, восточного, берега Новой Гвинеи, могу сказать, что папуасы Ковиай могли бы очень и очень позавидовать своим соплеменникам — папуасам Берега Маклая. Вследствие торговых сношений с малайцами (о чем я говорил в начале чтения), в которых вывоз невольников из Новой Гвинеи и торг ими всегда играли важную роль, папуасы Берега Ковиай из оседлых мало-помалу превратились в кочевых: на всем протяжении берега в настоящее время не встречается ни одной папуасской деревни. Подвергаясь вначале насилию, нападению и обращению в рабство со стороны малайцев, жители прибрежных деревень впоследствии сами сделались их сообщниками и в свою очередь отправлялись в более отдаленные горные папуасские деревни, производили на них нападения, захватывали в плен жителей и продавали малайцам. Понятно, горные жители не оставляли таких вероломных действий соседей без отмщения, и таким образом между прибрежными и горными папуасами возникали постоянные междоусобия и производилось взаимное истребление.

Находясь постоянно между двух огней — эксплуатацией малайцев, с одной стороны, и угрозой нападения горных жителей, с другой, береговые папуасы нашли слишком беспокойным и небезопасным жить на суше, бросили свои хижины и плантации на берегу и обратились в *водных номадов*, скитаясь в пирогах вдоль и между берегов. Лишенные постоянного и обеспеченного источника пропитания, они находятся в крайне бедственном положении, и при встрече с бесшумно скользящею у берега пирогой на вопросы сидящему в ней папуасу: «Куда идешь?» или «Откуда ты?», обыкновенно получаешь ответ: «Иду искать чего-нибудь поесть» или «Искал чего-нибудь поесть». Живут они обыкновенно с женами и детьми в крытых пирогах, в которых помещается и все их имущество, и только на ночь или в свежую погоду пристают в *известных* местах песчаного берега, которые служат им как бы станциями, где они сходятся для разного рода сношений и дел своих и имеют свои особые названия.

В некоторых местах я мог найти остатки их прошлой оседлой жизни, состоявшие из разных плантаций, на которых все еще росли некоторые виды полезных растений, главным образом кокосовые пальмы; под тенью их некогда были расположены хижины; только в трех местах я видел довольно большие деревянные хижины, принадлежавшие папуасским начальникам, именно на островах Наматоте, Айдума и Мавара,

поощренные малайцами, вероятно, для того, чтоб при посещениях этого берега иметь хотя какой-нибудь «ried-à-terre»^{9*}, в которых они, однако, боятся оставаться ночью, опасаясь измены на вид смиренных и почтительных папуасов, но которые не упускают случая мстить своим врагам — малайцам. Из сказанного следует, что хотя жители Папуа-Ковиай и получили от малайцев огнестрельное оружие, познакомились с курением табака и опия, стали ценить золото и усвоили малайские названия своих начальников, но оттого не стали ни богаче, ни счастливее³⁵.

На обратном пути в июне 1874 г. я серьезно заболел в Амбоине и едва было не умер в тамошнем госпитале, но, оправившись, я вернулся на Яву, заходя на пути в Тернате, Менадо, Макаassar, Сурабай, где снова воспользовался гостеприимством генерала-губернатора Лаудона. Зная его за человека вполне честного и справедливого, я обратился к нему с полуофициальным письмом, в котором описал бедственное положение папуасов Берега Ковиай вследствие эксплуатации их малайцами, ведущими деятельную торговлю невольниками. Хотя рабство в голландских колониях давно уничтожено официально, на бумаге, но торговля людьми совершается на деле в довольно широких размерах, и находящиеся на многих островах голландские резиденты частью не в состоянии следить за тем, что делается в отдаленных колониях, частью же считают более удобным смотреть сквозь пальцы на подобные явления. Письмо мое не затерялось в архиве, и голос мой за несчастных папуасов не оказался гласом вопиющего в пустыне: в ноябре 1878 г., уже в Сиднее, я имел большое удовольствие получить письмо из Голландии с известием, что голландским правительством приняты самые энергические меры к искоренению возмутительной торговли людьми³⁶.

Перехожу к моему четвертому посещению Новой Гвинеи, на этот раз — южного ее берега, с тою же целью сравнения обитателей его с чистым, несмешанным племенем Берега Маклая, а также проверки рассказов о так называемом *желтом* малайском племени на юге Новой Гвинеи.

Миссионерами и некоторыми путешественниками неоднократно сообщалось о существовании на южном берегу Новой Гвинеи особого светлокожего племени, отличного от остальных темнокожих папуасов Новой Гвинеи, которое названо ими *желтым*, или *малайским*. Пропутешествовав по островам Меланезии месяцев одиннадцать на трехмачтовой шхуне «Sadie F. Caller», я с островов Соломоновых прошел на острова Луизиады, где оставил багаж на шхуне, возвращавшейся обратно в Сидней, а сам решил остаться на маленьком острове Варе (или Teste Island) в ожидании прихода туда миссионерского парохода, на котором и предполагал отправиться далее, на южный берег Новой Гвинеи. Ожидать мне пришлось недолго: через неделю на миссионерском пароходе «Элленгован», на который я был радушно принят мис-

сионером of the London Missionary Society Reverend J. Chalmers'ом^{10*}, мы плыли уже по направлению к Ануапате — главной резиденции миссионеров на южном берегу Новой Гвинеи. Путешествие наше до Ануапаты, или Порты-Морезби, продолжалось около двух с половиною месяцев, и мне удалось посетить много встречавшихся на попутных островах деревень, при помощи переводчиков говорить с туземцами и сделать ряд любопытных антропологических наблюдений.

Наконец, добрались мы до Ануапаты — главной станции английских миссионеров. Она весьма негостеприимно встретила меня лихорадкой, от которой я едва отделался недели через три. Оправившись от болезни, я тотчас же, не теряя времени, принялся за розыски так называемых *желтых* людей, наблюдение над которыми составляло одну из целей моего посещения южного берега.

Хотя никакого желтого, отличного от других новогвинейских папуасов племени я не нашел, зато познакомился с некоторыми фактами, послужившими несомненно основанием вышеприведенных рассказов о *желтых* людях. В двух—трех из посещенных мною папуасских деревень, именно в Карепуна, Кало и Хула, я нашел у жителей несомненную примесь полинезийской крови. Жители этих деревень, правда весьма немногочисленные, отличаются от других папуасов южного берега прямоволосостью и более светлым цветом кожи; но по поводу этого случайного и единичного явления говорить об особом желтом племени, конечно, не представляется ни малейшего основания³⁷.

Однако и эта незначительная в количественном отношении примесь полинезийской расы, оказавшая влияние на антропологический *habitus* туземцев-папуасов, отразилась также и на их обычаях. Несомненно полинезийцы, быть может, случайно занесенные в своих утлых пирогах ветром или течением к южному берегу Новой Гвинеи, ввели между туземцами, например, обычай татуирования, на который я обратил особое внимание, так как обычай этот под влиянием миссионеров может скоро совершенно исчезнуть. Лондонское миссионерское общество содержит в различных местах южного берега Новой Гвинеи от 30—35 миссионеров, из которых только двое белых, остальные же принадлежат к туземцам островов Тихого океана, и не только полинезийцам, но и меланезийцам. На о. Лифу (группы Лояльти) миссионеры устроили большую школу, в которой обучают молодых, более способных и энергичных туземцев и готовят их к пропаганде Евангелия между островитянами Тихого океана.

Само собою разумеется, что темнокожие миссионеры из туземцев, зная хорошо язык, нравы и обычаи последних, гораздо успешнее ведут дело распространения христианской религии на островах Тихого океана и, являясь обыкновенно пионерами в новых местностях и среди вполне

дикого населения, готовят и облегчают дальнейший путь миссионерам-европейцам. С помощью миссионеров-туземцев распространение Евангелия и вообще европейской культуры за последние семь—восемь лет сделало значительные успехи среди папуасов южного берега Новой Гвинеи, и, вероятно, недалеко то время, когда многие из них будут усердно посещать церковь, распевать гимны и даже читать и писать по-английски. При таких условиях, понятно, многие местные обычаи, как татуирование и т. п., с которыми соединены разного рода обряды и понятия, не совместные с христианскою религией и европейскою культурой, должны мало-помалу исчезнуть и перейти в область преданий.

На южном берегу Новой Гвинеи татуируются преимущественно женщины, мужчины же — только в исключительных случаях, в отличие и награду за разного рода подвиги, особенно умерщвление врагов. Взглянув на мужчину-туземца, можно по его татуировке определить, сколько убил он людей, так как число татуированных фигур на различных частях тела (руках, груди, плечах) обыкновенно соответствует числу убитых им людей. Женщины татуируются с детства до старости; девочек уже пяти—шести лет начинают разрисовывать, и эта разрисовка, по-видимому, прекращается только с рождением женщиной последнего ребенка. Встречаются женщины, украшенные татуировкой от лба до пальцев ног; иногда для татуировки бреют даже голову. Все это делается, конечно, из любви и даже страсти к украшению, и, действительно, татуированная туземная женщина, не только на мой взгляд, но и на взгляд многих других европейцев, производит гораздо более приятное впечатление³⁸.

Что касается главной моей антропологической задачи, то по произведенным наблюдениям и измерениям оказалось, что и на южном берегу Новой Гвинеи обитает то же папуасское племя, как на западном <Берегу> Ковиай и восточном <Берегу> Маклая, за исключением вышеупомянутой, встречающейся в немногих деревнях примеси полинезийской. Как на Берегу Маклая, и здесь встречается нередко брахицефальная форма головы, но при производстве измерений головы я наткнулся здесь на любопытные случаи деформирования черепов у женщин, происходящие оттого, что женщины с самого юного возраста, с 6—7 лет, носят на спине различные тяжести в мешках, привязанных веревкой или ремнем к голове, отчего образуется вдавление черепных костей. Это поперечное вдавление, находящееся как раз у *Sutura sagittalis* и поражающее свою аномальностью, весьма часто встречалось мною при собирании черепов и измерениях головы, почему можно предполагать, что оно передается путем наследственности³⁹.

В заключение скажу несколько слов о последнем, пятом посещении Новой Гвинеи в 1881 г., именно южной ее части, которое представлялось

мне необходимым для пополнения некоторых пробелов и разъяснения некоторых вопросов, оставшихся от четвертого путешествия в эту местность. Для этого я воспользовался следующим случаем. В деревне Кало на южном берегу Новой Гвинеи были умерщвлены папуасами четверо миссионеров из туземцев, с их женами и детьми. Узнав об этом, коммодор австралийской морской станции Вильсон счел необходимым строго наказать жителей деревни Кало, так как это было уже не первое подобное убийство, совершенное папуасами, и для этого лично отправиться на место преступления. Так как за год перед тем я жил в деревне Кало у убитых миссионеров и был знаком с местными условиями, то старался убедить Вильсона, с которым находился в дружеских отношениях, что убийство, вероятно, было делом немногих и что несправедливо было бы из-за немногих, действительно виновных, наказывать всех жителей деревни Кало, в которой насчитывалось 2000 человек.

Коммодор, соглашаясь в принципе с моими доводами, находил, однако, весьма затруднительным найти действительно виновных и в конце концов полагал, что для примера и назидания туземцам и поддержания силы и значения английского флота, обязанного защищать подданных королевы, ничего не остается делать, как сжечь всю деревню. Но так как я продолжал настаивать на своем плане и уверял в полной возможности найти виновных, то Вильсон предложил мне отправиться с ним. Я, конечно, с удовольствием принял предложение и в качестве гостя коммодора отправился в пятый раз в Новую Гвинею на корвете «Вульверин».

План мой вполне удался: вместо сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей все ограничилось несколькими убитыми в стычке, в которой пал главный виновник убийства миссионеров, начальник деревни Квайпо, и разрушением большой его хижины. Посетив затем несколько деревень южного берега, я дополнил некоторые прежние свои наблюдения; но краткость стоянки корвета и дело в Кало значительно помешали моим работам.

Охарактеризовав в общих чертах влияние малайцев на папуасов Новой Гвинеи, мне кажется справедливым и уместным не умолчать и о влиянии белых на жителей южного берега острова.

Я сказал выше, что влияние миссионеров на южном берегу растет, и выставил хорошие стороны их влияния: туземцы учатся читать и писать и т. д.; но мне не пришлось сказать о теневой стороне появления миссионеров на островах Тихого океана. Эта теневая сторона, по моему мнению, состоит главным образом в том, что за миссионерами следуют непосредственно торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, влияние которых проявляется в распространении болезней, пьянства, огнестрельного оружия и т. д.

Эти «благodeяния цивилизации» едва ли уравниваются уменьшением читать, писать и петь псалмы!..

По мере того как распространяется торговля, растут и потребности туземцев, вызываемые искусственно, примером и навязыванием. Туземцы скоро выучиваются курить табак и употреблять спиртные напитки.

Некоторые миссионерские общества позволяют своим членам торговать, другие (к которым, между прочим, принадлежит также London Missionary Society) не допускают такого смешения занятий, как распространение религии и вышеназванных «благodeяний цивилизации».

Пока еще на южном берегу Новой Гвинеи тредоров появилось немного; но они не замедлят попытаться счастья и здесь, а с их появлением, вероятно, повторятся те бедствия, которым подверглись другие острова Тихого океана.

Единственным союзником туземцев в борьбе их с белыми явится, вероятно, климат Новой Гвинеи, неблагоприятный для существования в ней белой расы.

В следующем чтении я перейду к моему путешествию по Малайскому полуострову (*дружные и продолжительные рукоплескания*).

Чтение третье (6 октября)⁴⁰

Г. председатель,
милостивые государины и милостивые государи!

Сегодня я намерен сообщить вам о двух моих путешествиях — об экскурсии на Филиппинские острова и о довольно продолжительном путешествии по Малайскому полуострову.

В числе вопросов, предложенных мне для разрешения во время путешествия и вошедших в составленную мною в 1870 г. программу*, находился один, предложенный академиком Бэром и выраженный им в письме ко мне в следующих словах: «Я советовал бы вам заехать на Филиппинские острова и отыскать там остатки первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить всевозможное старание, чтобы привезти с собою несколько черепов. Мне кажется, очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов — брахиоцефалы».

Мне удалось решить этот вопрос во время непродолжительной (пятидневной) стоянки клипера «Изумруд» в Маниле в конце марта

* Читана в общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г. (см. «Программу предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана» в т. 3 наст. изд.).

1873 г.⁴¹. По приходе клипера в Манилу я переплыл в небольшой рыбацкой лодке на противоположный берег большой манильской бухты и, переночевав в деревне Лимай, на следующее утро отправился с переводчиком и носильщиком моих вещей в горы Маривелес. В этих-то именно горах и сохранились до настоящего времени остатки племени негритосов, о которых желал знать академик Бэр. После непродолжительного путешествия пешком мы наткнулись на становище негритосов, которые обыкновенно перекочевывают с места на место. При помощи одного из моих людей, знакомого с языком дикарей и служившего мне переводчиком, я тотчас завязал с ними дружественные отношения и прожил в их становище несколько дней. Живут они в так называемых пондо, представляющих не что иное, как переносный щит из пальмовых листьев, которым они заслоняются от ветра и холода. Такой пондо, или шалаш, в котором можно только сидеть или лежать, но отнюдь не стоять, был устроен мне для ночлега⁴².

На основании сделанных мною в значительном количестве измерений я пришел к заключению, что сомнение академика Бэра было напрасно: негритосы действительно оказались брахицефалами. Индекс ширины их черепа колебался между 87,5 и 90. Измерение голов было облегчено тем, что мужчины имеют обыкновение брить затылок. Некоторые негритосы своими физиономиями чрезвычайно напоминали папуасов Новой Гвинеи — обстоятельство в высшей степени важное, потому что до сих пор негритосов считали племенем, совершенно отличным от папуасов. Негритосы вообще отличаются малым ростом: я видел женщину, рост которой был не более 1 м 30 см; у нее было уже двое детей.

В короткое время, проведенное мною в горах Лимай, я успел подметить у негритосов несколько весьма интересных обычаев, очень сходных с обычаями, встречающимися на многих островах Меланезии⁴³.

Ради опыта я бросил несколько объедков в огонь, и негритосы тотчас же стали засыпать костер землею, потушили огонь и просили меня больше не делать этого. В другой раз я плюнул в огонь, отчего они тоже пришли в большое смущение, прося и этого не делать. Подобные же предрассудки относительно огня встречаются и в Новой Гвинее. Сверх того я узнал чрез переводчика о следующем весьма интересном обычае, который недурно было бы, хотя в иной форме, заимствовать белым. Негритос перед началом еды обязан громко прокричать несколько раз приглашение разделить с ним трапезу другим людям, которые случайно могли бы близ него находиться в это время. Мне говорили, что обычай этот соблюдается так строго, что нарушение его подвергается смерти, чему и бывали случаи. Крайне жалею, что не имел возможности дольше остаться между негритосами и бли-

же познакомиться с обычаями и языком этого вымирающего племени: я должен был к назначенному сроку вернуться в Манилу, на клипер «Изумруд», отправлявшийся в Гонконг, Сингапур и Яву. Но все-таки, как я уже сказал, мне вполне удалось сделать достаточно измерений для разрешения поставленного Бэрм вопроса, собрать краниологический материал и сделать значительное число рисунков.

В августе 1874 г. вернувшись с Берега Папуа-Ковиай в Бюйтен-дорг и отдохнув там немного, я решил предпринять путешествие по Малайскому полуострову, для чего и отправился в Сингапур.

Надо заметить, что до того времени в литературе не была установлена точно принадлежность к той или другой расе жителей внутренней части Малайского полуострова, известных под именем орансакай и оран-семанг. Так, Логан, Ньюболд, Кроуфорд, Ло, Вайц* и другие авторы говорят об этом различно. Между тем как одни из них не отличают этих племен от малайцев, другие утверждают, что они очень отличаются от малайцев, что они — негры и т. п. Никто из названных авторов лично не видел и не наблюдал этих племен, а все они ссылаются на путешественников, которые тоже не имели специальной цели познакомиться с ними для решения спорного вопроса. Я пытался расспрашивать малайцев об их соседях, жителях внутренней, гористой и лесной части Малайского полуострова, но от них мне не удалось получить толковых сведений. Считая, однако, исследования эти несомненно интересными для антропологии, я решился попробовать сам выяснить дело, никак не полагая, что для этого потребуется так много времени, как оказалось впоследствии. Я думал, что экскурсия во внутрь Малайского полуострова займет лишь несколько недель, что стоит только перейти поперек полуостров в какой-нибудь его части, побывать в горах, и я буду в состоянии ответить на главный вопрос — о расе горных племен.

Из Сингапура я отправился в Йохор — резиденцию махараджи йохорского. Махараджа, немолодой уже человек, лет около 50-ти, почти с европейским воспитанием и образом мыслей, принял меня радушно и пригласил поселиться у него во дворце. Узнав о моем намерении отправиться чрез его страну, он предложил мне свое содействие в этом предприятии. За все это я обещал ему составить карту пройденного

* *Logan J. R.* Ethnology of the Indo-Pacific Islands // *Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia*. 1853. V. 7; *Newbold T. J.* Political and Statistical Account of the British Settlements in the Straits of Malacca. V. 2. London, 1839; *Crawford J.* A Descriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries. London, 1856; *Low J.* The Karean Tribes or Aborigines of Martaban and Tavai, with Notices of the Aborigines in Keddah and Perak // *Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia*. 1850. V. 4); *Waitz Th.* Anthropologie der Naturvölker. Th. 5. Abth. 1. Leipzig, 1865.

пути, что для него было небезынтересно, так как страна была тогда весьма мало известна: в Йохоре не нашлось ни одного малайца, который мог бы похвастаться, что он прошел Йохор поперек. Махараджа дал мне открытое письмо ко всем старейшинам в деревнях, чтоб они поставляли мне необходимых людей как проводников и слуг, сколько пожелаю, хоть до 30 человек.

Не теряя ни минуты, я отправился в путь в декабре, а это было как раз самое дождливое время года на полуострове. Путешествие оказалось довольно трудным: реки и ручьи вследствие обильных дождей вышли из берегов; более низменные места покрылись водою, в лесах тоже вода. Чем дальше, тем больше затруднялся путь; мне приходилось по целым дням идти в воде, которая доходила до колен, а местами до груди; целые семнадцать дней я не имел ничего сухого на себе: весь мой багаж был смочен.

Дошедши до устья реки Муар, я пустился в плоскодонной лодке вверх по течению. По берегам названной реки попадались малайские селения, но не они привлекали мое внимание. Поднимаясь выше, я добрался, наконец, до речки Палон, приток Муара. Она протекала лесом, и здесь, в лесу, у верховьев Палона, стали уже встречаться изредка разбросанные маленькие хижины — жилища так называемых оран-утан. Последнее слово надо объяснить. В Европе с именем оран-утан соединяют представление о большой человекообразной обезьяне, известной в науке под именем *Pithecus satyrus*; малайцы же никогда не называют обезьян, (т. е.) животных, оран-утанами, а дают это название людям, живущим постоянно в лесах. «Оран» значит «человек», «утан» означает «лес»; «оран-утан» значит, таким образом, «лесной человек». Подобных названий у малайцев много, как, например: оран-букит — человек, живущий на холме; оран-улу — человек, живущий у верховьев реки; оран-далам — человек, живущий внутри страны; оран-лаут — человек, живущий у моря, и т. д. Все эти названия соответствуют не расе, а месту жительства людей.

Хотя название оран-утан может относиться к малайцу, который поселился в лесу, но этим названием обозначают смешанное в различной степени папуамалайское племя, живущее в лесах и на холмах Малайского полуострова.

Эти оран-утаны не имеют постоянных жилищ, а там и сям в лесу у них построены жалкие хижины, которые посещаются ими от времени до времени. Некоторые из них находятся в хороших отношениях с малайцами; другие же, напротив, избегают иметь сношения с ними. Антропологические наблюдения над ними показали, что хотя оран-утаны частью и смешались с малайцами, но, сверх того, имеют много примеси и меланезийской крови. Это обстоятельство еще более усилило во мне

желание ближе и как можно лучше исследовать оранов, надеясь, наконец, найти среди них чистокровных меланезийцев.

Йохор я прошел с запада на восток: от устья реки Муар, впадающей в Малаккском проливе, до устья реки Индау в Китайском море, а потом от севера на юг: от реки Индау до Селат-Тебрау, пролива, отделяющего островок Сингапур от материка Азии. На первую часть экскурсии потребовалось 30 дней, на вторую — 20 дней. Я встретил на пути там и сям немногочисленные орды племени оран-утан. Хотя они более или менее отличались от малайцев и между собою, но все-таки ни одна из виденных групп не представляла чистого меланезийского племени. Виденные мною оран-утаны в Йохоре были более похожи на малайцев, чем на особое племя. Я, разумеется, постарался собрать как можно более сведений об их языке и нашел, что они постепенно забывают свой родной язык и усваивают малайский вследствие постоянных сношений с малайцами. Записанные мною в разных местах различные диалекты языка оран-утанов заставляют меня думать, что оран-утаны разделялись когда-то на много различных народностей. Сверх того, и обычаи их оказались различны. Я приведу один пример: одни из оран-утанов употребляли очень важное для них оружие, именно сум-питан, другие группы оран-утанов вовсе не слыхали о нем.

Малайцы различают два рода оран-утанов: одних они называют оран-утан-дина, а других — оран-утан-лиар. Оран-утан-дина (дина — значит «ручной») находятся в постоянном соприкосновении с малайцами; но оран-утан-лиары никогда не показываются малайцам, не хотят ничего знать о них и только при посредстве оран-утан-дина выменивают иногда вещи, которые им нужны от малайцев. Эти оран-утан-лиар — совершеннейшиеномады; они привыкли к своей номадной жизни, любят ее и не желают менять ее на более удобный образ жизни малайцев, хотя и не уступают малайцам в умственных способностях; в самой удобной хижине они чувствовали бы себя, как птица в клетке, и, вероятно, долго не прожили бы в ней. Это смешанное племя оран-утан постепенно вымирает, и главным образом вследствие того, что напор малайцев и китайцев от берегов все больше и больше вытесняет их внутрь страны, в леса. Сверх того, малайцы, а еще более китайцы выменивают и покупают самых красивых и крепких девушек, дочерей оран-сакай, так что оран-утанам остаются только некрасивые, слабые женщины, от которых, естественно, рождаются слабые, малорослые и хилые дети.

Дети, родившиеся от браков малайцев с женщинами оран-утан, очень приближаются физически к малайцам, так что их трудно бывает отличить от малайских. В Йохоре можно найти постепенные переходы от оран-утан к малайцам. Мелано-малайская смесь, должно быть, об-

разовалась уж очень давно, и я полагаю, что в Йохоре прежде обитало чистокровное меланезийское племя. Между малайцами существует предание, что когда к ним был занесен арабами ислам, то не желавшие принимать новую веру бежали в леса, где, вероятно, и смешивались с меланезийцами, и таким образом образовалась первая помесь орангутанов с малайцами.

Результатом 50-дневной экскурсии в Йохор была сильная лихорадка, которая мне так надоела, что я решил во что бы то ни стало избавиться от нее и воспользовался приглашением сингапурского губернатора сэра Андрю Кларка отправиться с ним в Бангкок, полагая, что морская прогулка благоприятно подействует на мое здоровье. Я прожил в Бангкоке дней десять и не только успел познакомиться с интересным городом, но и заручился весьма важным для следующих моих путешествий письмом от сиамского короля, в вассальной зависимости от которого находится почти половина Малайского полуострова. В письме король приказывал всем своим вассалам оказывать мне всякую услугу и пособие и доставлять в случае нужды по моему требованию людей и вообще средства для путешествия. Хотя результаты моей экскурсии на Йохор были интересны, но они далеко не удовлетворяли меня; поэтому я решил отправиться сухим путем из Йохора в Сиам.

Надо мною, разумеется, трунили и смеялись, говоря, что я вернусь из Пахана, что мне не удастся пройти дальше и т. д.; но все эти толки меня не остановили. Я отправился снова из Йохора в сопровождении доставленных мне махараджею 30 человек и с письмом от него к соседнему владельцу, бандахаре паханскому, находившемуся с махараджей йохорским в отдаленных родственных отношениях, что не мешало, однако, их подданным постоянно вести между собою войны. Я нарочно не взял никаких писем и рекомендаций от сингапурского губернатора, боясь быть принятым за английского агента и встретить затруднения у малайцев, которые вообще не любят англичан⁴⁴.

Из Йохора я отправился в путь в сопровождении двух слуг: папуасского мальчика Ахмата и яванца-повара, 20 человек носильщиков, данных мне махараджей, и им же назначенного мелкого чиновника, обязанного передавать мои приказания носильщикам, гребцам и т. п., а также, опираясь на открытое письмо махараджи ко всем старшинам и деревенским начальникам, доставлять мне все необходимое для путешествия, как то: людей для носки вещей, гребцов, разного рода провизию и т. п. Люди обыкновенно сменялись в каждой деревне, и так как все это делалось по приказанию махараджи и других владетельных князьков, то мне не приходилось даже платить носильщикам, которых, впрочем, по свойственным малайцам лени и недоверию к белым я не в состоянии был бы нанять и за большие деньги. Приставленные ко мне

в качестве посредников между мною и туземным населением чиновники сопровождали меня до пределов соседнего княжества, где сменялись другими такими же чиновниками, и за более или менее щедрый с моей стороны «бакшиш» оказывали мне всевозможные услуги и облегчали мое путешествие.

Приближаясь к столице какого-нибудь султана или раджи, я обыкновенно посылал туда нескольких из сопровождавших меня людей, чтоб предупредить князя о моем приходе и дать ему время позаботиться о моем помещении. Посланные мои на вопрос князя, кто я такой, должны были, согласно моим наставлениям, отвечать, что «дато русс» Маклай (дато — по-малайски означает «дворянин») придет в гости к нему, что дато Маклай идет из такой-то страны, побывав у такого-то султана или князя, и направляется через эту страну в такую-то, к тому-то. На вопрос: «Что же дато Маклай хочет во всех этих странах, чего он ищет?» — посланные мною люди имели инструкцию отвечать: «Дато Маклай путешествует по всем странам малайским и другим, чтоб ознакомиться, как в этих странах люди живут, как живут князья и люди бедные, люди в селениях и люди в лесах; познакомиться не только с людьми, но и с животными, деревьями и растениями в лесах» и т. п. Разумеется, такой небывалый гость, желавший все видеть и исследовать, приводил в немалое изумление и беспокойство туземные власти, которые хотя и любезно меня встречали, но еще любезнее и торопливее старались меня выпроводить из своих владений.

Возвращаясь к рассказу о моем прибытии из Йохора в Пахан.

По приходе в Пахан я был встречен весьма любезно бандахароу (который заменил в последние года этот титул титулом «султана»); но он был немало смущен моим желанием отправиться во внутрь его страны, а потом в Клантан. При первой же аудиенции я повторил ему слова моего посланного, что я пришел навестить его и надеюсь, что бандахара может сделать для меня то же, что сделал махараджа йохорский, давший мне до 25 человек для переноски вещей из Йохора в Пахан, и так как я намереваюсь идти из Пахана в Клантан, то я надеюсь, что бандахара паханский может дать мне столько же людей. На это бандахара с гордостью ответил мне, что Пахан больше Йохора, и потому если махараджа дал 25 человек, то бандахара может дать, если нужно, 40 человек. Я ничего против этого не имел и, пробыв несколько дней у бандахары в гостях, отправился в путь в Клантан.

Не стану входить здесь, за недостатком времени, в подробности этого путешествия, из которых многие тем более интересны, что до меня ни один европеец никогда не посещал этих стран; скажу только, что у верховьев реки Пахан, в горах между странами Пахан, Трингано, Клантан, я встретил, наконец, первых *несомненно гистокровных ме-*

ланезийцев. Хотя они оказались очень пугливыми, но я успел сделать несколько портретов и антропологических измерений и, подвигаясь весьма медленно вперед, посетил почти все встречавшиеся на пути селения этих примитивных дикарей, называемых здесь «оран-сакай». Они столько же отличались от малайцев, сколько малайцы от папуасов, и приближаются к негритосам о. Люсона, о которых говорилось в начале этого чтения. По произведенным мною многочисленным измерениям оран-сакай оказалось: рост у мужчин варьирует между 1620 и 1460 мм, у женщин — между 1480 и 1350 мм; череп приближается к брахиоцефальной форме; индекс ширины черепа варьирует: у мужчин между 74—82, у женщин — 75—84, у детей — 74—81, из чего видно, что женщины оказались наиболее короткоголовыми. Завитки курчавых волос у оран-сакай, как и у папуасов Новой Гвинеи, имели от 2 до 4 мм в диаметре. Цвет кожи варьирует между номерами 28 и 42, 21 и 46 таблицы Брока. Нашлась еще особенность: *plica semilunaris*, или так называемая *palpebra tertia*, более развита, чем у людей других рас, у которых она, как, например, у кавказской, не шире 1,5—2 мм, между тем как у оран-сакай, по крайней мере у некоторых индивидуумов, она достигла 5 и 5,5 мм ширины. Наконец, у оран-сакай часто встречается также складка кожи у внутреннего угла глаза, называемая при патологическом увеличении *epicanthus*.

Продолжая путешествие, я направился из Пахана в Трингано, а потом в Клантан, где познакомился со старым раджей Клантана, с которым при первой встрече произошел такой же разговор, как и при свидании с бандахарою паханским. Хотя раджа был очень удивлен и смущен приходом белого в его владения, однако не отказался дать мне нужных людей для переноски вещей. Я посетил затем владения многих малайских князьков: Легге, Саа, Ямбу, Румен, Яром, Ялор, Патани. Все эти названия соответствуют владениям отдельных малайских князьков, которые находятся в вассальной зависимости от короля сиамского. Благодаря письму сиамского короля я всюду встречал хороший прием и еще лучшие проводы, потому что хотя мое появление и возбуждало любопытство малайцев, но они были очень довольны, когда я уходил: мой приход слишком нарушал их обыденную жизнь и порождал в них разные сомнения и опасения относительно моих намерений. Это-то желание поскорее избавиться от моего присутствия, выпроводить меня способствовало скорости и многим удобствам моего путешествия, во время которого я останавливался только в тех местах, где встречал интересовавших меня дикарей⁴⁵.

Скажу теперь несколько слов о некоторых обычаях этого вымирающего племени — оран-сакай. Подобно оран-утанам, они ведут бродячий образ жизни в лесах, останавливаясь на короткое время на из-

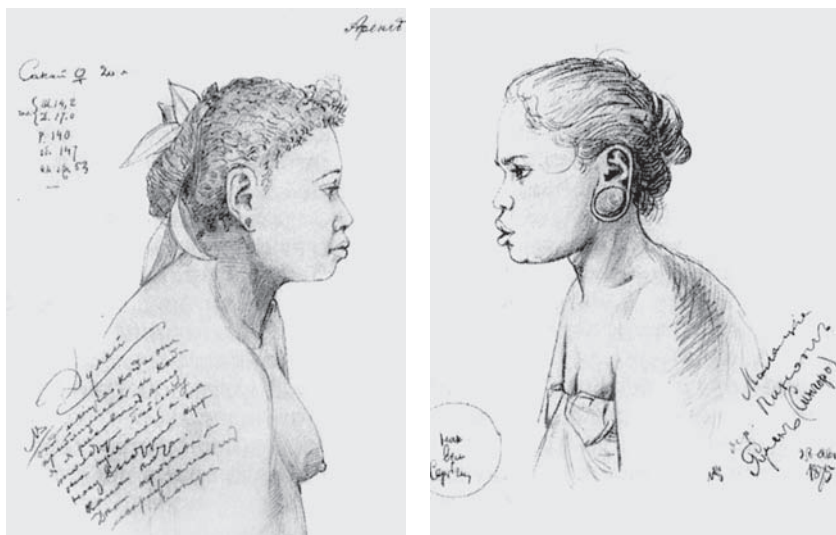
бранных местах для сбора разного рода лесных продуктов: камфоры, каучукового дерева, ротанга, слоновой кости и т. п. — и обменивая эти продукты у малайцев на табак, соль, железные ножи и разные тряпки, в которые они облачаются, посещая малайские селения.

Костюм оран-сакай весьма примитивный: он состоит у мужчин из пояса вокруг талии, часть которого закрывает *reginaeum*; у женщин пояс из ротанга наматывается несколько раз вокруг талии и к нему спереди и сзади прикрепляется тряпка (обыкновенно приобретенная у малайца), прикрывающая *reginaeum*⁴⁶. Лицо женщин обыкновенно татуируется линиями и круглыми пятнами; татуировки у мужчин я не встречал. Оран-сакай, как и другие меланезийцы, прокалывают носовую перегородку и вставляют в отверстие так называемую «хаянмо», длинную бамбуковую палочку или иглу *Hystrix*⁴⁷. Малайцы особенно боятся одного оружия оран-сакай, встречающегося также и у оран-утанов и называемого туземцами «блахан»⁴⁸. Оружие это состоит из пустого внутри бамбука, метра два длиной и приблизительно одинакового диаметра 2—3 см, из которого они выдувают небольшие стрелы, весьма легкие. Небольшой царапины достаточно, чтоб убить человека, который умирает, как уверяли меня малайцы, через 10—15 минут. Эти стрелы очень тонки, не толще вязальной спицы, и заострены таким образом, что, вонзаясь в кожу, кончик стрелы обламывается и остается в коже.

Мне было очень интересно познакомиться ближе с ядом, который оран-утан и оран-сакай употребляют для отравления своих стрел, и потому во время моей экскурсии в Йохоре я постарался добыть значительное количество этого яда, который продавали мне за пустяки — за табак — и нарочно приготавливали для меня.

Произведенные мною опыты с ядом над собаками и кошками показывали различное его действие: иногда замечался на животном тетанус, другой раз такого симптома не было. Это обстоятельство навело на мысль, что добытый мною в разных местах яд был не одинаков по своему составу. Действительно, в этом я убедился во время второго путешествия по Малайскому полуострову. Я узнал, что многие из дикарей приготавливают свой особенный ядовитый состав, примешивая к основному, так сказать, яду еще ему одному известные ядовитые вещества. Базис, основание яда, в который они обмакивают концы своих стрел, составляет вываренный сок коры *Antiaris toxicaria* — большого дерева, называемого также «упас» и растущего на Яве и других островах Малайского архипелага. К этому варкою сгущенному соку некоторые прибавляют сок одного из ядовитых видов *Strychnos*, другие же яд змеи и т. п.

От таких примесей получается различный яд и различное действие его на животный организм. Из опытов моих над собаками и кошками

Думей — женщина оран-сакай, 20 лет;
малайка из дер. Пинанг, княжество Румен

я убедился, что маленький укол ядовитой стрелы производил смерть. Смерть у кошек и собак наступала минут через 15 или 20. Надо заметить, что яд, с которым я производил опыты, пролежал у меня месяца два, после того как он был добыт.

Другое, в этнологическом отношении очень важное оружие, встречающееся у оран-сакай Малайского полуострова, называемое «лойдс» (или лук); он имеет около 2 футов длины и стрелы с железными оконечниками.

Оран-сакай весьма хорошо обращаются со своими женами и дочерьми, почему я был не особенно удивлен, когда узнал, что жены и дочери могут в известных случаях наследовать даже звание раджи, или по-туземному батена^{11*}.

Надо сказать при этом, что оран-сакай имеют наследственных начальников, власть которых очень значительна. Довольно любопытны у оран-сакай свадебные обряды, о которых рассказывали мне туземцы, порядочно говорившие по-малайски. В назначенный для свадьбы день невеста в присутствии родных обеих сторон и свидетелей должна бежать в ближайший лес, а чрез известный промежуток времени вслед за ней бежит жених, и если догонит и поймает невесту, то берет ее в жены, если же не догонит, то должен отказаться от нее навсегда. Девушка, не желая сделаться женой, всегда имеет возможность убежать и

скрыться в лесу так ловко, что жених не в состоянии поймать ее в назначенный срок. У некоторых из оран-сакай существуют еще остатки так называемого общинного брака, так что женщины переходят постепенно, в известном порядке и через некоторые промежутки времени, от одного мужчины к другому, не становясь исключительной принадлежностью кого-нибудь одного, причем дети остаются при матери и отца не знают. Существование такой формы брака подтвердили мне и миссионеры, поселившиеся близ города Малакки для обращения оран-сакай в католичество.

Оран-сакай очень боятся мертвых. Когда один из членов общины заболевает и болезнь принимает дурной исход, так что можно ожидать его смерти, они просто оставляют больного в лесу с некоторым запасом пищи, сами же уходят, покидая становище, и более в него не возвращаются. Таким образом во многих местах можно наткнуться на такие брошенные вследствие чьей-нибудь смерти остатки шалашей и бывших становищ оран-сакай. Между малайцами об оран-сакай ходит очень много рассказов, в которых обыкновенно их выставляют с какими-нибудь выдающимися особенностями: длинными ступнями, ушами, прикрывающими в случае дождя даже голову, хвостами, клыками и т. п. Рассказывают даже о существующем у них обычае (встречающемся, впрочем, и на некоторых островах Тихого океана) *jus primae noctis*^{12*}, которым обыкновенно пользуется отец, и т. п.

Добравшись до Патани, я вступил уже во владения короля сиамского и совершил путешествие по землям раджей Тодион, Теба, Чена, Сонгоро, или Сингоро, и Кеды в течение 22 дней на слонах. Таким образом, на путешествие по Малайскому полуострову употреблено мною 176 дней⁵⁰.

Из Кеды я отправился в Малакку, близ которой посетил станцию миссионеров и познакомился с оран-мантра, смешанным племенем, не представляющим поэтому особенного интереса и усвоившим себе уже малайские обычаи, костюм и даже язык.

В этом же году я отправился из Сингапура снова в Бюйтенцорг, где написал несколько статей о результатах моих путешествий 1874 и 1875 гг.:

1) «*Ethnologische Excursion in Iohore (15 December 1874—2 Februar 1875)*», («*Natuurkundig Tijdschrift...*». 1875. D. 35. S. 250—258).

2) «*Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel (Nov. 1874—Oct. 1875) (Vorläufige Mittheilung)*», («*Natuurkundig Tijdschrift...*». 1876. D. 36. S. 3—26).

3) «*Einiges über die Dialekte der melanesischen Völkerschaften in der Malayischen Halbinsel (Zwei Briefe an S. Exc. Otto Böhlingk)*». Batavia, 1876.

Эти статьи были напечатаны в Батавии в «Natuurkundig Tijdschrift...» и в «Tijdschrift voor (Indische) Taal-, Land- en Volkenkunde» за 1876 г. Несколько времени спустя эти же статьи были переведены и напечатаны в английском журнале «Journal of the Straits Branch of the (Royal) Asiatic Society», 1878 и 1879, издаваемом в Сингапуре⁵¹. Все эти брошюры я передал в библиотеку Академии наук, а по другому экземпляру в Публичную библиотеку, так что желающие могут познакомиться с ними в этих библиотеках.

Затем я прошу извинения, что мне придется еще раз утомить вас, милостивые государыни и милостивые государи, четвертым чтением в пятницу, в 7 1/2 часов (*рукоплескания*).

Чтение четвертое и последнее* (8 октября)

Г. председатель,
милостивые государи и милостивые государыни!

Сегодняшнее мое чтение я начну с путешествия по островам Малайского архипелага, потом перейду к путешествиям по островам Микронезии и Меланезии, скажу несколько слов о результатах пребывания в Австралии и в заключение сообщу о том, что я намерен делать по возвращении в Австралию.

В предыдущих сообщениях я уже имел честь передать вам, милостивые государи, о поездках, совершенных мною на о. Яву, острова Молуккские, острова Тернате, Тидоре и северную часть о. Целебеса (Минахасу).

В 1874 г. отправляясь на Берег Папуа-Ковиай и возвращаясь оттуда, я оставался довольно долго в Амбоине и островах Серам-Лаут.

В Малайском архипелаге исследования по антропологии были обставлены совершенно иным образом, чем в Меланезии или на Новой Гвинее. Здесь я имел дело не с дикими, которые боялись, особенно вначале, каждого инструмента, так что только после долгих переговоров удавалось добиться позволения измерить их или сравнить цвет их кожи с таблицею Брока. Малайский архипелаг, как известно, состав-

* Считаю долгом заявить, что вина в задержке печатания этих чтений лежит исключительно на мне. Неотложные дела, поездка в Москву, а затем нездоровье в продолжение последних двух недель мешали мне просматривать стенограммы тотчас же по их получении. К тому же они потребовали многих изменений и поправок. Не хочу упустить здесь случая выразить полную благодарность моему старому товарищу и другу, ныне присяжному поверенному В. Ф. Суфшинскому, который, несмотря на свои занятия, взял на себя скучный труд просматривать после меня стенограммы и переводить мой «ломаный» на более удобочитаемый русский язык.

ляет нидерландскую колонию; на островах этих голландцы имеют школы, тюрьмы и госпитали, в которых я находил всегда большой и доступный материал для наблюдений и изучений. Сверх того, я имел от генерала-губернатора колоний открытое письмо, которым предлагалось всем властям в колониях оказывать мне всевозможное содействие в путешествии и научных исследованиях.

Благодаря этому мне удалось собрать значительный антропологический и этнографический материал для изучения туземных обитателей Малайского архипелага и сравнения их с другими племенами и расами⁵². Наконец, здесь, особенно в Амбоине и Тернате, я мог пользоваться услугами фотографии, и за сравнительно недорогую плату, и собрать большое количество фотографических рисунков, часть которых привезена мною в Европу, более же значительная часть оставлена в Сиднее.

Отправляясь в 1876 г. во второй раз на Берег Маклая, я посетил многие из островов Западной Микронезии. Отчет об этом путешествии напечатан в «Известиях Географического общества» под заглавием «Отрывки из моего дневника»⁵³, и потому я не буду касаться здесь подробностей этого путешествия, а напомним только некоторые результаты, к которым пришел.

Я нашел, что хотя микронезийская раса очень приближается к полинезийской, тем не менее присутствие в ней меланезийской примеси очень вероятно, и эта примесь выражается в большей курчавости волос: в некоторых случаях курчавость эта так значительна, что подходит к характеру волос чистых меланезийцев (несколько примеров я встретил на островах Пелау), в темном цвете кожи, некоторых особенностях черепа и т. д.* На островах Пелау я пробыл довольно долго и мог познакомиться со многими туземными обычаями, о которых сообщено мною в «Известиях», побывал проездом на группе Улеай, жители которой отличаются очень богатою и разнообразною татуировкою. Направляясь к югу, я посетил острова Адмиралтейства, до того времени редко посещавшиеся европейцами вследствие дикости и людоедства туземцев, и пробыл довольно долго в разных деревнях туземных дикарей. Так как мне эти дикари показались в высшей степени интересными, то я уже тогда занялся изучением их языка, надеясь когда-нибудь побывать там же, что мне потом и удалось (в 1879 г.).

На группе Луб (или Hermit) я убедился, что острова эти заселены не чистокровною меланезийскою расою, а смешанною с микронезийцами, которые живут на соседней группе Эсчекер (или Эшикье), что

* См. об этом в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Sitzung am 3 März 1878» мою статью «Anthropologische Notizen, gesammelt auf einer Reise in West-Mikronesien und Nord-Melanesien im Jahre 1876»⁵⁵.

до моего посещения этой местности, насколько я знаю, было еще неизвестно, так что именно здесь, на группе Эсчекер, близ Новой Гвинеи, и находится граница прямоволосого микронезийского племени.

Как, может быть, вы помните, в конце 1872 г. на Берегу Маклая я предположил исследовать, по возможности, все разветвления меланезийской расы, чтобы составить полное представление о всей папуаской или меланезийской расе. В 1879 г., будучи в Сиднее, хотя многие обстоятельства побуждали меня вернуться в Европу, я не поддался этим требованиям и отправился на острова Меланезии. Это путешествие я совершил на американской трехмачтовой шхуне «Сади Ф. Каллер»; оно продолжалось более года и было в высшей степени интересно. Шхуна направилась сначала в Нумею, а потом в Южную бухту (Baie du Sud) Новой Каледонии; я осмотрел около и в самой Нумее все, что было более интересного, и путешествовал внутри страны с целью ближе познакомиться с туземцами острова. Оттуда я отправился на острова Лоялти, рассадник черных миссионеров, из воспитанников которых выбираются миссионеры для островов Меланезии и Новой Гвинеи, и побывал на многих островах из группы Новых Гебрид, конечно, везде отправляясь на берег, рисуя и производя антропологические наблюдения, по которым многие из туземцев Ново-Гебридских островов, как и Новой Гвинеи, оказались брахицефальными, или коротоголовыми.

Потом⁵⁶ я посетил мимоходом острова Санта-Круц, особенно прославившиеся тем, что несколько лет назад английский коммодор Гуденوف (Goodenough), отправившийся без оружия на берег, был убит на главном острове этой группы отравленною стрелою: он умер на шестой или седьмой день от тетануса. Вместе с тем было ранено несколько матросов, из которых один только остался жив. На этой же группе был убит другой весьма почтенный и очень уважаемый человек, именно епископ Патесон, глава меланезийской миссии, таким же образом, т. е. ядовитою стрелою.

Так как шкипер «Сади Ф. Каллер» побоялся оставаться в этой группе слишком долго, то мне пришлось ограничиться наблюдениями и измерениями тех туземцев, которые, подъехав к шхуне, являлись к нам на палубу.

Пройдя восточнее Соломоновых островов и Новой Ирландии, ложась в дрейф в некоторых местах, но недостаточно долго, чтоб съехать на берег, шхуна пришла к островам Адмиралтейства, где пробыла около двух месяцев. Все время я жил на берегу и побывал на о. Сорри, в Нарес-Харбуре, на северо-западной оконечности большого острова, в том месте, которое за год до меня посетил английский фрегат «Челенджер»⁵⁷.

Результаты по этнологии, добытые учеными, находившимися на фрегате, были неудовлетворительны, потому что никто из них не жил на берегу: они только издали наблюдали туземцев. Так как во время предыдущего моего посещения островов Адмиралтейства (в 1876 г.) я уже начал изучать немного их язык, то в этот раз маленькая подготовка оказалась весьма полезною, и я дошел до того, что понимал туземцев порядочно, вследствие чего и мог сделать немало интересных этнологических наблюдений⁸⁸.

Отправившись отсюда на группу Луб, а потом на группу Ниниго, где я пробыл гораздо дольше, чем в первый раз, в 1876 г., я убедился, что между этими группами существуют довольно оживленные сношения: с островов Луб почти ежегодно отправляется экспедиция на Ниниго за рабами, и главным образом за женщинами, вследствие чего на группе Луб постоянно происходит смешение меланезийской расы, с одной стороны, и микронезийской, с другой стороны. На группе Луб я нашел, между прочим, предание, что жители этой группы переселились из другой местности (с островов Адмиралтейства). Мне даже показали остатки пирога, которую нетрудно было признать за пирогу с островов Адмиралтейства. Пирог эта была прибита после бури к о. Луб с двумя человеками, которые потом остались жить на группе Луб; но во время моего посещения островов Луб их уже не было в живых.

Этот случай показывает, каким образом произошло, вероятно, заселение группы Луб.

Мне удалось посетить потом весьма интересную, редко посещаемую группу Тробриан. Она находится между Новою Британией и Новою Гвинеей. Я там остался несколько дней, из которых один провел в деревне на о. Туме. Пробыв потом несколько недель на островах Соломоновых, шхуна добралась до о. Луизиады.

Это путешествие по островам продолжалось с лишком тринадцать месяцев, и из 409 дней 237 были проведены на берегу, а 162 — в море. Не многие результаты путешествия могут быть переданы в кратком изложении. Между ними один выдвигается на первый план, именно: жители весьма многих островов Меланезии (некоторых из островов Новогбридских, Соломоновых, Луизиады и др.) оказались имеющими форму *брахиоцефальную* (index ширины черепа превышал во многих случаях 81 и в некоторых даже 85), что доказывает, что короткоголовость имеет в Меланезии гораздо большее распространение, чем полагали. К этому неожиданному результату меня привели многочисленные измерения голов туземцев весьма многих островов Меланезии. Кроме этих измерений, я собрал, где представлялась возможность, достаточное число черепов для дальнейших исследований и сравнений с экземплярами, собранными на Новой Гвинее. О других результатах этого

Каман (мужской дом) на о. Ярун (Марон)

путешествия отсылаю специально интересующихся антропологией к письму моему к профессору Вирхову, напечатанному в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte»⁵⁹, или к «Известиям Русского географического общества» (т. XVII, 1881, Отд. II, С. 131—142)⁶⁰.

Побывав потом на южном берегу Новой Гвинеи и на островах Торрессова пролива, я прибыл на северную оконечность Австралии, именно в Sommerсет, где желал ознакомиться с остатками когда-то многочисленного там населения австралийцев. С тою же целью я не упускал случая дорогою вдоль восточного берега видеть, измерять, рисовать и снимать фотографии с тех немногих черных туземцев Австралии, которые скитаются, ведя самый жалкий образ жизни, в окрестностях европейских городов и селений⁶¹. Ознакомившись с австралийцами в разных местах, от мыса Йорка на севере до Гипсленда на юге колонии Виктории, я увидел большое однообразие типа и отличие этой расы от меланезийской, с одной, и от полинезийской, с другой стороны. Как известно, вопрос о расе австралийцев до сих пор еще не решен: между тем как некоторые антропологи считали их принадлежащими к папуасской расе, другие причисляли их к полинезийской, наконец, Гексли (Huxley) отделил их от остальных под названием «австралоидов»^{13*}. Такое разнообразие мнений настоятельно требует точного и положительного решения вопроса о расе австралийцев. Я не мог взять на себя решение этой задачи, требующей обстоятельного ознакомления с ту-

земцами Австралии на всем протяжении этого большого острова, на что необходимо было бы посвятить года два или три путешествий. Наблюдения мои над туземцами единственно восточного берега Австралии не были достаточны для решения вопроса о расе австралийцев, однако они склоняют меня согласиться с мнением профессора Гексли, что австралийцы составляют расу *sui generis*^{14*62}.

Будучи в Бризбейне, я предпринял экскурсию во внутрь страны, миль на 600 от берега, чтоб убедиться в верности слуха о существовании племени совершенно безволосых людей внутри Австралии, о чем лет 10 или 11 ранее я слышал еще в Европе. Близ города Сен-Джордж, на реке Баллоне, я действительно отыскал нескольких представителей безволосых и действительно убедился, что, кроме ресниц, тело их было совсем без волос; я узнал что они составляют уже второе, а может быть, уже третье поколение таких безволосых людей. Оказалось также, что слух о племени был утрирован, так как, кроме членов одной семьи, таких безволосых людей не было, и те, которых я видел, принадлежали к одной и той же семье. Подробности об этом случае наследственной *atrichia universalis* (безволосости), который составляет интересный *pendant*^{15*} к наследственной же аномалии — чрезмерной *hypertrichosis**, описаны мною в письме к профессору Вирхову, напечатанном в «*Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft*», 1881**⁶³.

В Бризбейне мне удалось заняться в высшей степени интересною работою — сравнительною анатомиею мозга представителей австралийской, меланезийской, малайской и монгольской рас. Я воспользовался для того казнию нескольких преступников, получив предварительно от правительства колонии Квинсленд разрешение исследовать мозги повешенных, которые я мог вынимать из черепа непосредственно после смерти и делать с них фотографии, как только они достаточно отвердевали в растворе хромистого калия и спирта, дня два или три после смерти. Оставляя мозг лежать в спирте *in situ* в черепе, пока он достаточно не отвердел, я сохранял таким образом тщательно его форму и, снимая каждый экземпляр его в восьми видах (сверху, снизу, спереди и сзади, с обеих сторон, затем оба вида среднего продольного сечения), получал ряд замечательных фотографий в натуральную величину. Доброкачеством снимков я обязан правительству колонии Квинсленда, предоставившему мне отличную фотографическую лабораторию of the Survey Office в Бризбейне для моих фотографических работ.

* Известный случай волосатых людей в Бирме; случай той же аномалии в России крестьянина Костромской губернии и его детей.

** В этом же журнале напечатаны мною еще многие сообщения об австралийцах, как то: «*Über die Mika-Operation in Central-Australien*» (1880. Bd. XII. S. 85—87); «*Langbeinigkeit der australischen Frauen*» (Ibid. S. 89—90) и др.⁶⁴

Кроме мозгов повешенных, городской госпиталь города Сиднея доставил мне ряд интересных мозгов меланезийцев. Сидней составляет один из центров торговли с островами Тихого океана, и на приходящих с островов небольших торговых судах большую часть экипажа составляют обыкновенно туземцы с островов Меланезии. Из этих-то темнокожих матросов многие попадали в госпитали, а из госпиталей в случае смерти — в мои руки для анатомических исследований и получения мозгов и черепов. Хотя изучение собранного таким образом в Бризбейне и Сиднее матерьяла я далеко не считаю оконченным, тем не менее могу указать на некоторые результаты по сравнительной анатомии мозга различных рас. Там мною замечены существенные особенности в развитии *corpus callosum*, *pons Varolii* и малого мозга, в относительном объеме нервов, группировке извилин большого мозга и т. п.

Кроме работ по анатомии человеческого мозга, я занимался также анатомией мозга сумчатых животных, родов *Macropus*, *Osphranter*, *Halmaturus*, *Petrogale*, *Phascolarctus*, а также мозга *Ornithorhynchus paradoxus* и *Echidna hystrix*, которых я доставал без особых затруднений в имении Пейкдель близ городка Стантона, принадлежащем г. Дональду Гунну⁶⁵, любезным приглашением которого воспользовался и прожил некоторое время в его имении. Независимо от того, близ городка Глен-Инес произведены мною палеонтологические раскопки и найдены остатки костей исчезнувших животных: *Diprotodon australis*, *Nototherium Mitchellii*, *Phoscolomys gigas*, *Macropus titan* и других.

Таким образом, мое пребывание в Австралии посвящено было главным образом антропологическим, сравнительно-анатомическим исследованиям*. Но среди этих занятий меня не оставляла мысль устроить в Сиднее помещение, приспособленное для постоянных биологических работ. В 1878 г., будучи избран членом одного из местных ученых обществ — «Linnean Society of New South Wales», я предложил этому обществу устройство в Сиднее биологической станции. С этою целью я устроил подписку, собрал деньги, получил от правительства землю, сделал чертежи необходимых построек, но самое устройство станции и возведение построек передал членам общества, так как должен был отправиться в путешествие по Меланезии в марте 1879 г. Но когда я вернулся после 13-месячного путешествия в Сидней, то нашел, что устройство станции не подвинулось ни на шаг. Принявшись горячо за дело, потребовавшее немало хлопот и труда, с помощью правительства

* Некоторые результаты этих работ напечатаны в «Proceedings of the Linnean Society of New South Wales», как например, «Plagiostomata of the Pacific, by N. de Micloucho-Maclay and William Macleay». (1879. V. III. P. 306—317) и др.⁶⁶

и частных пожертвований я удачно окончил постройку и внутреннее устройство станции и составил правила для пользования ею. В этой станции, которая, по мысли основателя, должна служить местом, где всякий естественный исследователь, *undisturbed* (никем не беспокоимый) и *undisturbing* (никому не мешая), может спокойно заниматься своими научными исследованиями, пользуясь удобным помещением, я прожил более полугода, работал в ней и нашел, что она вполне соответствует своей цели. Желая, по возможности, обеспечить прочную будущность станции и сохранить за нею навсегда научное значение и цель, я основал особое общество под названием «Австралийской (биологической) ассоциации» (*The Australian Biological Association*), задачей которого, между прочим, будет поддержание Сиднейской биологической станции и ее научного значения, а также основание и развитие подобных станций в других местах Австралии⁶⁷.

Сообщив о ходе моих путешествий, считаю долгом и удовольствием выразить здесь мою полную и искреннюю благодарность прежде всего Императорскому Русскому географическому обществу, которое, на первых порах оказав мне авторитетную поддержку и материальное содействие, не переставало выражать свое сочувствие в течение моих 12-летних путешествий и благодаря стараниям которого в настоящее время, надеюсь, труды мои появятся в свет на русском языке. Не могу не вспомнить здесь с чувством благоговения незабвенной памяти в бозе почивших государя императора Александра Николаевича, милостиво разрешившего мне воспользоваться для путешествия военными русскими судами, и великой княгини Елены Павловны, благодаря просвещенному содействию которой разрешения эти воспоследовали; великим князьям Константину Николаевичу, всегда оказывавшему просвещенное содействие моим путешествиям, и Алексею Александровичу, которому я обязан возвращением на военном судне в Россию⁶⁸.

Много лиц и учреждений помогало и облегчало мне научные путешествия и исследования. Из числа их я с особенною благодарностью должен назвать генерала-губернатора Нидерландской Индии Лаудона, махараджу иохорского, о которых я говорил в последнем чтении, и правительства австралийских колоний. В Австралии я имел годовые даровые билеты на проезд по всем железным дорогам; пользовался до того времени, пока биологическая станция была основана, помещениями для анатомических занятий в одном из зданий, принадлежащих правительству; пользовался для фотографических работ фотографическим ателье городского музея или казенной типографии и т. д. и т. д. Даже в настоящее время все мои вещи и коллекции находятся на хранении в Сиднее в одном из правительственных магазинов.

Считаю нелишним и даже необходимым сказать несколько слов о средствах, полученных мною в разное время от Географического общества и частных лиц для путешествия, тем более что, судя по тому, что я слышал и читал даже в разных газетах и журналах, публика имеет очень преувеличенное представление об этих средствах.

Собственно от Императорского Русского географического общества я получил при моем отъезде 1500 руб. и в 1873 г. при посредстве же Географического общества от г. В. А. Нарышкина 2000 руб. Затем, помимо моего желания и ведома, вследствие доброго намерения помочь мне, при посредстве моего старого товарища и друга князя А. А. Мещерского, собрано 7700 руб., которые были пересланы мне бароном Ф. Р. Остен-Сакеном.

Наконец, к моему большому удивлению, в 1879 г. я получил сумму в 4500 руб., собранных газетою «Голос», чрез русское консульство в Сиднее. Итого получено мною за все время моего путешествия 15 700 руб.

Получив неожиданно собранные по подписке редакцией «Голоса» деньги, я тогда же ответил А. А. Краевскому письмом (напечатанным в «Голосе» от 7 октября 1880 г.), где, выражая полную и искреннюю благодарность за оказанную мне помощь, о которой никому не заявлял и никого не просил, прибавил, что принимаю деньги только *займообразно* и надеюсь со временем возвратить их лицам подписавшим⁶⁹.

Теперь я намерен сказать несколько слов об издании моих трудов. В ответе на письмо вице-председателя Географического общества, написанное от имени Совета общества, я выразил желание, чтоб издание моих трудов осуществилось на русском языке при содействии Географического общества, с тем условием, чтоб общество взяло на себя уплату долга, сделанного мною во время путешествия, и обеспечило меня средствами на два года, в течение которых надеюсь вполне приготовить к печати мои труды⁷⁰. Мой манускрипт собственно уже готов. Остается исключить только то, что, может быть, в мое долгое, 12-летнее отсутствие из Европы, в течение которого я не мог следить за научною литературою, было уже сделано другими. Затем, очень многие части моих работ написаны на иностранных языках и должны быть переведены на русский. Наконец, кроме моего манускрипта, я предоставляю все мои антропологические и этнологические коллекции в полное распоряжение Географического общества безвозмездно.

Теперь мне остается только поблагодарить вас, милостивые государины и милостивые государи, за то терпение, с которым вы выслушали мои четыре чтения, несмотря на мой подчас ломаный русский язык и на то, что мои сообщения, вследствие непривычки говорить пред большим собранием, может быть, не отличались хорошим изложением.

⟨...⟩⁷¹ Мм. гг! Я не оратор и не могу в длинной и красноречивой речи выразить всю мою благодарность за ваше сочувствие к моим трудам, о которых, сознаю, не сумел дать надлежащего представления в моих чтениях. Скрамный путешественник и человек дела, смею надеяться, что, когда труды мои будут напечатаны, вы лучше их оцените и, быть может, признаете, что собранный мною единственно в интересе знания в продолжение 12-летних путешествий матерьял будет новым вкладом в науку (*продолжительные рукоплескания*).

^{1*} В газетном и журнальном текстах неточность: полинезийской. Исправлено в: СС. Т. 2. С. 637.

^{2*} Неточность. Правильно: феврале.

^{3*} Неточность. Правильно: 1878.

^{4*} Верховного комиссара (Великобритании) в западной части Тихого океана сэра Артура Гордона (англ.).

^{5*} Здесь и ниже в газетном тексте ошибочно: мистера П.; Ромильи восстановлено в журнальном тексте.

^{6*} Заместителя (верховного) комиссара (англ.).

^{7*} Правильнее: Папуа-Онин.

^{8*} В газете: вааусирау.

^{9*} Временное пристанище (франц.).

^{10*} Лондонского миссионерского общества преподобным Дж. Чалмерсом (англ.).

^{11*} В газетном тексте неточность: патена.

^{12*} Право первой ноги (лат.)

^{13*} В газетном тексте: астролойдов. Исправлено в: СС. Т. 2. С. 678.

^{14*} Своеобразную (лат.),

^{15*} Пару (франц.).

Комментарии

Путешествия по Малаккскому полуострову в 1874—1875 гг.

Вернувшись из путешествия на Папуа-Ковий (см. т. 1 наст. издания), Миклухо-Маклай в августе—ноябре 1874 г. находился на о. Ява (в Батавии, Бейтензорге и Ти-Панасе), где отдыхал и обрабатывал материалы своих экспедиций. Здесь ученый решил предпринять новое путешествие, на сей раз на Малаккский полуостров, главным образом для изучения его древнего аборигенного населения и соотношения этих племен с папуасами Новой Гвинеи. О своем решении Миклухо-Маклай известил мать и Ф. Р. Остен-Сакена в письмах от 5 октября 1874 г. (см. т. 5 наст. изд.). Изложение письма Остен-Сакену было напечатано в Изв. РГО (1874. Т. 10. Вып. 8. Отд. 1 С. 397).

В конце ноября 1874 г. Миклухо-Маклай прибыл в Сингапур, который наряду с городом Йохор-Бару (Джохор-Бару), расположенным на южной оконечности Малаккского полуострова, стал основной базой его путешествий по внутренним районам Малакки. Первое путешествие (по южной части полуострова) продолжалось с середины декабря 1874 г. до начала февраля 1875 г. Маршрут второго путешествия (июнь—октябрь 1875 г.) пролегал через южные районы к восточному и северо-восточному побережью, затем в северную часть полуострова, с возвращением через город Малакку, находящийся на западном побережье. В промежутке между этими двумя путешествиями, в феврале 1875 г., ученый посетил столицу Сиамского государства Бангкок. Путешествуя по Малаккскому полуострову, Миклухо-Маклай побывал в районах, остававшихся почти не известными европейским путешественникам и исследователям, и собрал ценнейшие антропологические и этнографические материалы.

Помимо рукописей, подготовленных автором к печати, и нескольких писем, в нашем распоряжении имеются следующие рукописные материалы, относящиеся к его путешествиям по Малаккскому полуострову:

1. Тетрадь в черном коленкорovém переплете, размером 24 × 19 см. На обороте обложки позолотой вытеснено: «1874—1875». 108 л. архивной пагинации (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 47. Далее: Тетр. 1874—1875).

Состав рукописи:

Л. 1—67 — дневник путешествия по Малаккскому полуострову и Сиаму с рисунками и фотографиями. Записи сделаны с обеих сторон листа чернилами, в нескольких местах — карандашом. Общий заголовок — «Экскурсии на Малайском полуострову 1875 Н. Н. Миклухо-Маклая». Эта часть рукописи носит в основном беловой характер.

На л. 1 приложена карта с маршрутами двух путешествий по Малаккскому полуострову.

На л. 2 изречение: «Tengo una palabra» и подпись внизу: «Maclay».

На л. 3 вклеена фотография Миклухо-Маклая с мальчиком. С левой стороны — надпись карандашом другим почерком: «Ахмат». С правой стороны надпись на малайском языке арабскими буквами; в переводе на русский язык означает: «Николай Николаевич Миклухо-Маклай, господин из России».

На л. 3 об. — календарь предполагаемого путешествия (карандашом).

Л. 5—61 — текст путешествия с рисунками; л. 23—24 написаны карандашом.

Л. 62—67 — текст дневника путешествия по Сиаму с карандашными рисунками и вклеенными фотографиями.

Л. 69—104 — карандашные рисунки, относящиеся ко второму путешествию по Малаккскому полуострову в июне—сентябре 1875 г.

Л. 105—106 — черновик письма секретарю РГО от 2 октября 1875 г., которое является составной частью текста «Второе путешествие по Малаккскому полуострову», публикуемого в наст. томе.

Л. 106. об.—108 — черновой набросок статьи для Г. Герланда о результатах путешествия по Малаккскому полуострову.

2. Записная книжка в твердом синем переплете размером 17 × 12 см. 67 л. Даты: декабрь 1874 г.—июнь 1875 г. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 46. Далее: ЗК № 1).

На л. 1 об. — цитата из «Фауста»:

«Nur der variirt sich Freicheit und das Leben,
Der täglich sie erobern must».

«Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил».

Гете. Фауст. М., 1953. С. 554 (перевод Б. Пастернака).

На л. 3 об. сбоку надпись: «Tengo una palabra. Malacca 1874/75. Maclay».

Содержание: заметки и рисунки, сделанные в основном во время путешествия по Малаккскому полуострову. На обороте последнего листа — рисунок, выполненный карандашом и изображающий тропическое растение.

3. Записная книжка в твердом пестром переплете размером 13×11 см. 64 л. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 48. Далее: ЗК № 2).

Содержание: заметки и рисунки, сделанные во время пребывания на Малаккском полуострове в июне—августе 1875 г. Приложен конверт с фотографиями, относящимися к Сиаму. На л. 1 изречение: «Tengo una palabra».

4. Записная книжка в твердом пестром переплете размером 17×11 см. 25 л. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 50. Далее: ЗК № 3).

Содержание: заметки о пребывании на Малаккском полуострове, главным образом на границе с Сиамом, в октябре 1875 г. Приложены 2 фотографии с изображением леса и озера, завернутые в синюю бумагу. На л. 15 и 16 — два засушенных растения.

5. Записная книжка в черном коленкоровом переплете размером 18×12 см. 46 л. На обложке белая наклейка с надписью: «Ethnologia» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 12. Далее: ЗК № 4).

Содержание: выписки из научных трудов на русском, немецком, английском и испанском языках о народах Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании и Южной Америки. На л. 16—20, 35 заметки, рисунки о папуасах Берега Маклая. Непосредственное отношение к путешествиям Миклухо-Маклая по Малаккскому полуострову имеют выписки о семангах и других местных племенах из книг и статей J. Crawford, J. Logan, J. Low и T. Newbold (л. 33—35).

6. Записная книжка в виде тетрадки из сшитых листков размером 9×13 см. На л. 17—28 бытовые записи на русском, немецком и французском языках о пребывании на Малаккском полуострове; на других листах — записи иного содержания. Есть рисунки (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 42. Далее: КЗК № 1).

7. Записная книжка в виде тетрадки из сшитых листков размером $9 \times 14,5$ см. 12 л. Даты: 19 ноября 1874 г.—февраль 1875 г. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 44. Далее: КЗК № 2). На л. 1 по диагонали надпись: «MacLay», а в правом верхнем углу: «Bogor, 19 Nov. 1874». Содержание: заметки на русском, немецком и французском языках и рисунки о пребывании у аборигенов в южной части Малаккского полуострова.

8. Записная книжка в виде тетрадки из сшитых листков размером 15×8 см. На л. 31—42 заметки и рисунки о пребывании в южной части Малаккского полуострова в декабре 1874 г.—феврале 1875 г.; на других листах — записи иного содержания (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 45. Далее: КЗК № 3).

9. Отдельный листок размером 13×5 см с заметками бытового характера и записями отдельных малайских слов русскими и арабскими буквами. Возможно, часть несохранившейся записной книжки (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 43. Далее: РПЛ).

К путешествиям по Малаккскому полуострову относятся также следующие документы:

1. Рекомендательное письмо (охранная грамота) джохорского султана. В конверте с гербом, изображающим корону малайского султана. Бумага белая, гербовая. Вверху — имя: Billah Alwathas Maharadjah of Johor Abbe Bukur. В правом верхнем углу — подпись султана арабскими буквами. Имеется печать. На оборотной стороне конверта — надпись на малайском языке арабскими буквами, означающая: «Это господин Маклай». Письмо написано на малайском языке арабскими буквами. Пересказ содержания имеется на французском и английском языках (АГО. Ф. 6. Оп. 4. № 9).

2. Рекомендательное письмо (охранная грамота), выданное Н. Н. Миклухо-Маклаю сиамским королем 26 марта 1875 г. 2 л. Бумага голубая гербовая. Написано на тайском языке. Есть пересказ содержания на английском языке (АГО. Ф. 6. Оп. 4. № 10).

Описанные рукописные материалы использованы как источник иллюстраций и при подготовке комментариев.

〈Первое путешествие по Малаккскому полуострову〉

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 47. (Тетр. 1874—1875).

Впервые: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 217—258. См. также: Изд. 1941. Т. 2. С. 154—203; СС. Т. 2. С. 116—201. В первом и последующих изданиях ряд стилистических поправок и неточностей.

Описание Тетр. 1874—1875 см. на с. 478—479 наст. тома.

Кроме тетради с текстом дневника, сохранились ЗК и КЗК (см. с. 478—479 наст. тома), где Миклухо-Маклай делал заметки по ходу путешествия, записывал по дням и часам свои планы и наблюдения, делал зарисовки. Отдельные краткие записи в ЗК и КЗК превращались часто в развернутые описания в дневнике, а основные контуры рисунков, в которых были схвачены характерные черты лица, пейзажа, детали обстановки, в дневнике становились уже совершенно четкими изображениями, обладающими высокой научной (антрополого-этнографической) и художественной ценностью. Ряд важных наблюдений и интересных рисунков так и остались в ЗК и КЗК, которые являются, таким образом, существенным дополнением к дневнику. Кроме того, сведения, содержащиеся в ЗК и КЗК, в некоторых случаях способствуют пониманию не вполне ясных мест в дневнике, помогают восстановить даты путешествия, уточнить отдельные факты. В связи с этим в данной публикации дневника материалы ЗК и КЗК использованы в максимально полном виде.

В тексте дневника встречается много малайских слов и выражений, не переведенных на русский язык. Чтобы облегчить чтение дневника, в

ряде случаев перевод дается в редакционных примечаниях, помещенных в конце дневника, а более сложные понятия и термины разъясняются в настоящем разделе.

Примечания 2, 4, 8, 29, 32, 35, 56 (част.), 82, 101, 113, подготовлены Д. Д. Тумаркиным, примечание 28 — Е. В. Говор. Примечание 115 взято из СС. Т. 2. Остальные примечания сделаны Е. В. Ревуненковой.

¹ Батавия (Джакарта) — главный город Нидерландской Индии, ныне столица Республики Индонезия.

² Резидент — голландский колониальный чиновник. См. об этом прим. 2 к тексту «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд.

³ Л. А. или Л. — одна из пяти дочерей генерал-губернатора Нидерландской Индии Джеймса Лаудона. Об отношениях между Миклухо-Маклаем и Л., о сердечной ране, нанесенной ему, сохранились лишь неясные свидетельства в дневниках. См. также прим. 1 к тексту «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд.

⁴ Реверент (англ. Reverend) — преподобие, преподобный (титул священника).

⁵ Sir A. Clark (Э. Кларк) губернатор колонии Стрейтс Сетлментс (Сингапура, Пинанга и некоторых других территорий), при котором Великобритания в начале 1870-х годов захватила западные районы Малаккского полуострова. В середине 70-х годов, когда Миклухо-Маклай был на этом полуострове, англичане продолжали энергично вмешиваться во внутренние дела малайских княжеств. В 1880-х годах княжества были подчинены Великобритании.

⁶ Малакка — город, расположенный на юго-западном побережье Малаккского полуострова. Основан в 1403 г. До начала XVI в. (1511 г.) был центром могущественного султаната. Поддерживал постоянные связи с Индией, Китаем, странами Арабского Востока. Малаккский султанат сумел вовлечь в сферу своего влияния весь Малаккский полуостров, а также ряд областей на о. Суматра и был не только видным политическим центром в Юго-Восточной Азии, но и значительным культурным центром; в этот период были созданы наиболее интересные литературные памятники малайского средневековья. В то время, когда Миклухо-Маклай посетил Малакку, город уже потерял свое былое значение.

⁷ Имеется в виду Музей Рафлза в Сингапуре, названный в честь Т. С. Рафлза (1781—1836) — английского колониального деятеля и ученого, положившего начало английской колонизации Сингапура (1819 г.) и способствовавшего превращению Сингапура в крупный торговый порт.

⁸ О встрече Миклухо-Маклая с капитаном английского судна «Basilisk» Джоном Морсби в июне 1874 г. см. прим. 4 и 5 к тексту «Разные заметки. Май—ноябрь 1874 г.» в приложении к т. 1 наст. изд.

⁹ Йохор (Джохор) — название реки и княжества в южной части Малаккского полуострова. Миклухо-Маклай не выработал единого принципа написания этого географического названия. Чаще всего он передает его через десятиричное «и» (Йохор), иногда Йохор, дважды в дневнике он пишет «Джохор». Мы транскрибируем предложенное Миклухо-Маклаем написание Йохор как Йохор. В настоящее вре-

мя принято написание «Джохор». О передаче Миклухо-Маклаем малайской фонемы «j» см. также прим. 7 ко «Второму путешествию на Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.

¹⁰ *Махараджа*, правильное *махараджа* (мал. maharaja) — «великий правитель». Наиболее употребительный и регулярно встречающийся титул для обозначения монарха в малайских государствах. Титул имеет индийское происхождение. Стоит из двух слов: *maha* — «большой», *raja* — «князь», «правитель». Во время пребывания Миклухо-Маклая в Джохоре его правителем был Абу Бакар (1833—1896), который в 1866 г. получил титул махараджи от английского правительства (до этого он имел титул теменгонга). Сделав своей столицей Джохор-Бару, Абу Бакар послушно следовал советам и рекомендациям английской колониальной администрации. Фото султана см.: *Winstedt R. O. A History of Johore (1365—1895) // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1932. V. X. Pt III.*

¹¹ Начало письма к Hole (Холе, правильное — Хоул) имеется в ЗК № 2, л. 59.

¹² Вампоа (Hau Whamproa, кит. Но Ah Kay) — китаец по национальности, исполнял обязанности вице-консула России в Сингапуре; русские моряки с симпатией отзывались о его добром к ним отношении и гостеприимстве. Бывая в Сингапуре, Миклухо-Маклай постоянно останавливался у Вампоа, оставляя на хранение у него вещи и т. д. Вампоа ссужал его деньгами, не беря процентов.

¹³ Йохор-Бару (Джохор-Бару) — столица Джохора при султанах Абу Бакаре, ныне административный центр штата Джохор.

¹⁴ Оран-утан (мал. orang hutan) — «лесные люди», малайское название жителей внутренних районов Малаккского полуострова, ведущих бродячий образ жизни и занимающихся в основном охотой и собирательством.

¹⁵ Сунги Малаю — букв. «река Малаю». Далее Миклухо-Маклай называет эту реку просто Малаю. См. также прим. 3 к тексту «От Улу Паханг до Улу Калантан» в наст. томе.

¹⁶ Оран-лаут-слета (мал. orang laut Sletar) — букв. «морские люди из Слетара». Одно из наименее изученных протомалайских племен Малаккского полуострова, известных в науке XIX в. под названием «морские кочевники». В настоящее время их насчитывается около 300 человек. Живут в лодках, занимаются рыболовством, морским промыслом.

¹⁷ Якун-лаут (мал. jakun laut) — морские джакуны. В XIX в. джакунами называли все протомалайские племена Малаккского полуострова. В настоящее время джакунами считают только одно самое крупное протомалайское племя (около 10 тыс. человек), обитающее в основном в Джохоре и Паханге. Очень неоднородно по своему хозяйственно-культурному развитию. Часть джакунов живет оседло, занимается земледелием, другая часть сохраняет бродячий образ жизни охотников и собирателей.

¹⁸ В КЗК № 2, л. 8 еще: «погребают мертвых (кладут чашку на гробницу)».

¹⁹ Имеется в виду кн.: *Jagor F. Singapore, Malacca, Java. Reiseskizzen. Berlin, 1866.*

²⁰ Язык джакунов близок к малайскому. Но в 1870-х годах они уже утратили родной язык и говорили на малайском. Утверждение Миклухо-Маклая об особом языке у джакунов, возможно, связано с тем, что он в действительности был у сеноев (группы Темок и Семелай), которые сходны по образу жизни с джакунами, но отличаются от последних по языку.

²¹ В КЗК № 2, л. 8 еще: «почти на всех пирогах гребли женщины».

²² В КЗК № 2, л. 8 еще: «молодые девушки довольно презентабельны, груди открыты».

²³ В КЗК № 2, л. 8 еще: «Заметил у малайских детей мальчиков penis значительно толстый».

²⁴ *Тидак* (в другом месте *тидиак* — мал. *chindaku*) — набедренная повязка на разговорном малайско-амбонском диалекте (сообщение М. А. Членова). Миклухо-Маклай сам объясняет этот термин в статье «Этнологические экскурсии по Малаккскому полуострову» (т. 4 наст. изд.).

²⁵ См. об этом статью «О папуа-малайских помесях» в т. 4 наст. изд.

²⁶ В КЗК № 2, л. 9—9 об. имеется несколько дополнительных измерений, сделанных в тот же день.

²⁷ См. прим. 3 к этому дневнику.

²⁸ Воспоминания одного из этих англичан о посещении махараджи и о встрече в его дворце с Миклухо-Маклаем, а также информация о деятельности ученого в Джохоре были вскоре опубликованы в России: Четыре дня во дворце. Станция Миклухи-Маклая (из записок англичанина) / Пер. А. Г. Сахаровой // Семья и школа. 1876. Кн. 1. № 4—5. С. 447—455. Источник перевода обнаружить не удалось.

²⁹ О д'Альбертисе см. прим. 19 к тексту «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд. О встрече с Миклухо-Маклаем в Джохоре д'Альбертис рассказал в письме, опубликованном в итальянском журнале «Cosmos di Guido Cora» (1875. V. 3. P. 96).

³⁰ Оран-Бугис (мал. *orang bugis*) — бугийцы, переселенцы с о. Сулавеси. Бугийцы играли важную роль на Малаккском полуострове. Правители малайских княжеств Селангор, Джохор, архипелага Риау были бугийского происхождения. В XVI—XVII вв. могущественные государства на Южном Сулавеси не только поддерживали торговые отношения с Малаккой, но и вели с ней войны.

³¹ Сунда — западная часть Явы.

³² Об Ахмате см. в тексте «Бейтензорг — Амбоина» и в прим. 7 к этому тексту (т. 1 наст. изд.).

³³ Нибонг (мал. *nibong, nibung*) вид пальмы с колючим стволом (*Oncosperma tigilaria*). Древесина и ветки употребляются для настила пола, рыболовных удочек и др.

³⁴ Арарут (англ. *arrow-root*) правильнее: аррорут — тропическое растение *Maranta arundinacea*, из корней которого готовят съедобный крахмал.

³⁵ Имеется в виду таро (*Colocasia esculenta*) — тропическое растение семейства ароидных, крахмалистые клубни которого употребляют в пищу.

³⁶ *Инги* (мал. *encik*) — господин, госпожа. Обращение к мужчине или женщине среднего социального статуса.

³⁷ Письмо джохорского султана, написанное на малайском языке арабскими буквами, в переводе гласит: «Сопроводительное письмо от светлейшего и досточтимого господина великого правителя Джохора, данное высокородному господину по имени Маклай, когда он отправился по реке Муар. И пусть каждый вождь или другой человек, который встретится с ним, поможет ему. Если у него будут трудности, то мы выражаем надежду, что каждый, кто встретится с этим господином, окажет ему помощь. Все, что нужно ему для дела, пусть возьмет для своего путешествия (?). Во время своей работы он желает видеть все леса (?), джакунов и

собирается рисовать этих людей. Пусть все вожди и другие люди помогают осуществить его намерения, не отказывают. Да будет с нами Аллах. Джохор Бару. 7 день Зулкаеды, 1291» (АГО. Ф. 6. Оп. 4. № 10).

³⁸ Якун-лиар (мал. jakun liar) — букв. «дикие джакуны».

³⁹ В КЗК № 2, л. 11 об. еще: «есть противоядие — очень любят табак». В КЗК № 3, л. 31 еще: «Малайский тип. Мужчины-магометане. Женщин пока не видно. Есть лица, похожие на макасарцев. Широколицы».

⁴⁰ В записных книжках сохранились записи, относящиеся к 18—22 декабря:

19 декабря: «Много Salamus'a. Берега выше, но мангры попадают еще <...>. Провел ночь в пироге <...>. Вода высока только один месяц (декабрь)» (ЗК № 1. Л. 5, 9, 10).

20 декабря: «Лубот Брау — несколько хижин» (ЗК № 1. Л. 11).

21 декабря: «Много высоких красивых деревьев, некоторые стволы замечательно прямые <...>. Помулу Сумун. 2 хижины и небольшая плантация <...>. Була хака — песчаный мыс <...>. Встреча с помулу Палонга» (ЗК № 1. Л. 12 об., 14).

22 декабря: «Квала Палонг — узкая, но не слишком извилистая речка <...>. При среднем течении требовалось более 2 часов, чтобы достичь: во многих местах приходилось прорубать дорогу. Общее направление на N и NO» (ЗК № 1. Л. 15).

«Букит Спалой. Хижины около 20 жителей. Хижины, как и в других местах, из коры небольшие <...>». (КЗК № 3. Л. 31). «Проход по тропинке залит по большей части водою» (ЗК № 1. Л. 14).

⁴¹ Дамаровый факел — факел, для которого в качестве горючего материала используется растительная смола (мал. damar).

⁴² В КЗК № 3, л. 34: «Больной китаец предложил мне хижину».

⁴³ В ЗК № 1, л. 4 об. еще: «Букит Копон — небольшое селение малайцев Иохора. Много китайцев занимаются торговлей. Противоположный берег необитаем».

⁴⁴ В ЗК № 1, л. 18 еще: «Лубу Копон — 2 избы (батен), около 10 чел.».

В ЗК № 1, л. 31 об. еще: «В Лубу Копон видел девочку 13-ти лет в штанах, этот костюм очень шел к ней».

⁴⁵ В ЗК № 1, л. 18 еще: «Нанка. 2 или 3 хижины около».

⁴⁶ Уби-каю (мал. ubi kau) — маниок, *Manihot utilissima*, клубнеплод, широко употребляемый в пищу. Колады, далее калади (мал. keladi) — разновидность таро (см. прим. 35 к этому тексту).

⁴⁷ Зарисовка подобной хижины имеется в записной книжке ЗК № 1, л. 65 об.

⁴⁸ Этноним оран-райет состоит из двух слов: *оран* (мал. orang) — «человек» и *райет*, *раят* (мал. rayat из араб. ra'iyat) — «подчиненные», «слуги», «люди», «народ». В средневековые так называли протомалайские племена, подчиненные Малаккскому султанату. В XIX в. это название относилось к аборигенам, населяющим прибрежные районы Малаккского полуострова.

⁴⁹ В КЗК № 3, л. 36—36 об. еще: «В маленькой пирог, в очень неудобном положении, усталый, прибыл я в *Бадон*».

Оран-утан. Головы средние. Рост ♂ — 150—158, ♀ — 140—144 (см). Обхват у мужчин больше, чем у женщин, сравнительно с ростом <...>, деревья 200 человек, 20—60 домов».

⁵⁰ В КЗК № 2, л. 12 об. еще: «Копья выковываются малайцами из парангов. Райат получают их из берега р. Сегамат».

⁵¹ *Sarong* (мал. sarong) — национальная малайская одежда типа юбки, представляющая собой кусок ткани, обертываемый вокруг бедер и завязывающийся на поясе.

⁵² Слева от рисунка (см. с. 16): «Конические маленькие груди. Голова ребенка очень длинна». Под рис.: «Чувство собственности рано развивается: я несколько раз отводил ручонку, но ребенок всегда опять хватал грудь или теребил ее. Ребенок во сне сосал грудь». Справа от рисунка: «Другие женщины были гораздо темнее и имели иные черты: грубый нос, широкий рот с толстыми губами и лохматые волосы. Я случайно нарисовал эту, у которой были красивые груди и более малаеобразна. Она часто оглядывалась, когда я смотрел на нее, и при этом особенно нежно прижимала к себе ребенка и как бы целовала его, но на деле обнюхивала. Женщины носят детей на спине. Женщины для этого выставляют или выдвигают ж.у, чтобы ребенку удобнее было бы сидеть».

⁵³ В ЗК № 1, л. 19 еще: «Бадон — 7 хижин, 21 человек».

Неполные данные антропологических измерений 4 человек в селении Бадон см. в ЗК № 1, л. 62 об.

⁵⁴ Этот рис. имеется также в КЗК № 3, л. 32.

⁵⁵ В КЗК № 3, л. 32 об.: «Замечательно, как очень маленькие дети, которые у нас едва ползают, лазают по приставленным лестницам с громадными ступенями, что для взрослых нелегко».

Рисунок «Примитивная лестница» в КЗК № 3, л. 33. Рисунок, изображающий, как связываются ротаном ступени лестниц, — в ЗК № 1, л. 62.

⁵⁶ В КЗК № 3, л. 31 об.: «NB. Я не мог часто отличать меня сопутствующих малайцев от якун».

В ЗК № 1, л. 66 еще: «Гегенбаур или Haesckel: Главная отличительная черта якун от малайцев, по мнению последних, то, что якуны не одеваются, как они, не едят риса и соли».

Геккель (Haesckel), Эрнст (1834—1919) — выдающийся немецкий биолог, внесший крупный вклад в развитие и пропаганду эволюционного учения и популяризацию основ естественнонаучного материализма; был любимым учителем и научным руководителем Миклухо-Маклая в годы его учебы в Йенском университете.

О Гегенбауре см. прим. 62 к дневнику «Первое пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее» в т. 1 наст. изд.

⁵⁷ Речь идет, очевидно, о музыкальном инструменте *керангинг*, распространенном у всех аборигенов Малаккского полуострова. Ротан (ротанг) — лиановидные пальмы, главным образом виды рода *Calamus* и близких к нему видов (*Daemonogors* и др.).

⁵⁸ Гыта — далее гит(т)а, гутта (мал. getah) — клейкий млечный сок растений семейства Sapotaceae.

⁵⁹ Ипо (мал. ipoh, ipuh), упас (мал. upas) — дерево *Antiaris toxicaris*, сок которого ядовит. Также яд, ядовитый сок этого дерева. Ратиум (мал. gasun) — яд, отравя.

⁶⁰ В КЗК № 3, л. 35 об.: «Здесьние райет говорили мне, что яд готовят из толченой коры дерева, которой водяной настой варят и примешивают к нему разные другие соки растений и плодов, также зубы ядовитых змей. Так что яд очень

различен почти у каждого и не единственно растительный. Может сохранить свое действие года».

⁶¹ В КЗК № 3, л. 35 об. еще: «У райет мы имеем пример, как язык рас понемногу заменяется новым, здесь малайским: самые обыкновенные слова, названия предметов, прежде не известных райет, малайские. Даже счет люди забыли. Дети обыкновенно говорят по-малайски».

⁶² В КЗК № 3, л. 36 еще: «Оран-райет имеют определенные тампат (места) (например, Бадон), куда от времени до времени приходят каждый раз, строя новые хижины».

⁶³ В ЗК № 1, л. 20, 22: «Круень. 3 хижины, около 20 человек (...), 3 хижины с немногими жителями малайского типа, хотя и оран-утан». В КЗК № 3, л. 36 еще: «Некоторые из этих полудиких племен, как, например, на реке Кратон, даже более или менее оседлы, имеют плантации и приходят для сбора плодов».

⁶⁴ Здесь в дневнике изображена хижина на берегу реки Кратон. Под этим рисунком, публикуемом на с. 17 наст. тома, имеется примечание автора: «По случаю лихорадки вышло хотя приблизительно схожо, но неудовлетворительно. Вчера вечером при лунном свете этот уголок был крайне живописен».

⁶⁵ В ЗК № 1, л. 22: «Речка суживается. Высокие песчаные берега. Бамбук растет. Покинутые хижины на правом берегу (...). Плантации бананов, хижины, становища оран-утан. Песчаный берег».

⁶⁶ В КЗК № 3, л. 37 об.: «Малайцы здесь (и, может быть, вообще) обращают внимание (в половом отношении) на очень молодых девушек лет 10 и даже моложе, так что, как только взглянешь немного пристальнее или позовешь одну из таковых, они думают уже, что их хотят насиловать».

⁶⁷ *Батен, батин* (мал. *batin*) — сельский староста, начальник, вождь общины у протомалайского населения Малаккского полуострова.

⁶⁸ В КЗК № 3, л. 38: «Послами лет 35».

⁶⁹ В КЗК № 3, л. 38: «Асат дл. 14,5, шир. 17,0».

⁷⁰ Эти данные относятся к оран-утан, жившим по р. Джекати. В КЗК после данных измерения Послами, Покето, Комень даны, очевидно, средние показатели: «длина 18,0, ширина 14,3, рост 152, обхват 155». После данных о Побуде, Унге, Лансе: «длина 18,0, ширина 14,7, рост 146» (КЗК № 3, л. 38).

⁷¹ В КЗК № 3, л. 38: «Унга — сын Побуда».

⁷² Далее даты восстанавливаются по ЗК № 1, л. 26, 30—32, 34—37, 40—42, 43—47 об., 49—50, 52, 53, 64 об., 65.

⁷³ В КЗК № 3, л. 39 об.: «Тип здешних малайцев. Малы ростом. Головы очень брахицефальны. Переносица очень вдавленная. Нос мал и вздернут, так что в ноздрах, если смотреть en face, видно, как открываются немного овальные дыры — ноздри широки. Рот велик, часто с толстыми губами. Волосы иногда курчавые. Борода редкая, усы чаще встречаются. Ноги велики, очень плоские».

⁷⁴ В КЗК № 3, л. 38 об. приведены неполные данные антропологических измерений 9 оран-утан из селения на р. Сегамат.

⁷⁵ *Денан*, правильное *дженанг* (мал. *jenang*) — административное лицо, подчиненное батену (см. прим. 67), у протомалайских племен.

⁷⁶ Букит-уду-Сегамат — букв. «холмы в верховьях Сегамата» (мал.). Букит-уду-Тенан — букв. «холмы в верховьях Тенана» (мал.). Зарисовки этих холмов были сделаны первоначально в записной книжке (ЗК № 1, л. 30 об.), потом в дневнике.

⁷⁷ *Aman* (мал. *atar*) — крыша, покрытие. Н. Н. Миклухо-Маклай дает описание атапа в тексте «Вторая поездка в Новую Гвинею» (т. 1, наст. изд., с. 357). Гомуту (слово из языков о. Минахаса) — гомутовая пальма, листья которой также употребляются как материал для крыши.

⁷⁸ Оран-сакай, сакай — распространенное раньше название для племени сеноев, ныне вышедшее из употребления. Сакай означает «раб, зависимый» и не может считаться этнонимом.

⁷⁹ Оран-удай — название племени Джохора с сильной семангской примесью. Это название было распространено в XIX в., в настоящее время не употребляется.

⁸⁰ Имеется в виду Малаккский пролив, куда впадает река Бату-Пахат.

⁸¹ В ЗК № 1, л. 58 записаны неполные данные антропологических измерений 19 человек в поселении на р. Быко.

⁸² Имеются в виду портреты Кона и его жены Лесе, публикуемые на с. 35 наст. тома.

⁸³ *Паранг* (мал. *parang*) — большой, до полуметра нож, служащий для обрубания ветвей деревьев, мешающих продвигаться по тропическому лесу.

⁸⁴ В ЗК № 1, л. 65 об. Еще: «Леба. Дети очень светлые. У некоторых немного коричневые волосы».

⁸⁵ Оран-далам (мал. *orang dalam*) — жители внутренних районов (*dalam* — по-малайски «внутренний», «внутри»).

⁸⁶ Оран-панган (мал. *orang pangan*) — «лесные люди». Так называли в XIX в. негритосское население восточной части Малаккского полуострова, в основном княжества Келантан. В настоящее время стараются не употреблять указанное название, как и термин «семанги», эти племена предпочитают называть термином «негрито».

⁸⁷ *Calamus* — каламус, вид ротановой пальмы.

⁸⁸ Уби-каю, калади — см. прим. 46 к этому дневнику.

⁸⁹ См. подробнее в статье «Этнологические экскурсии по Малайскому полуострову», публикуемой в т. 4 наст. издания.

⁹⁰ В ЗК № 1, л. 38: «Хижина с неск. семей, 30 чел. живут». Имеется также внутренний план этой хижины.

⁹¹ *Липес*, правильнее *лопис* или *лупис* (мал. *lopis, lupis*) — лепешки из риса клейких сортов, сваренного на пару и облитого патокой или сваренного с патокой и тертым кокосовым орехом. В ЗК № 1, л. 40 Миклухо-Маклай называет лепешки «лепет» (мал. *lepat*) и описывает способ их приготовления: «Лепет приготавливают следующим образом. Натирают уби-каю, вместо терки служит ротанг с колючками, разбалтывают с водой, выжимают руками, выжимки снова про(цеживают?), потом смешивают с отваренным саго и завертывают в банановые листья (вода желтая, которая выбрасывается, горькая)». Еще один способ приготовления *лепета* (правильнее *лепата*): рис клейких сортов варится на пару в листьях кокосовой пальмы.

⁹² В ЗК № 1, л. 65 об. имеется зарисовка с подписью: «Примитивная машина для давления сока из сахарного тростника».

⁹³ Сири, в другом месте — сирие (мал. sirih) — бетель, перечное растение (*Piper betle*). В лист бетеля заворачивают обычно орех арековой пальмы и известь и эту смесь жуют. Жевание бетеля в Индонезии и Малайзии является непременным условием ряда церемоний — обручения, свадьбы, официальных приемов. Этот обычай выражает почтение, готовность вести переговоры. У ряда народов Малайского архипелага бетелевой жвачке приписывают целительные, очищающие организм свойства.

⁹⁴ *Каин* — ткань, вид одежды из длинного прямоугольного куска ткани обертываемого вокруг бедер. Является национальной одеждой малайцев, как мужчин, так и женщин.

⁹⁵ *Мынтара*, правильное *ментери* (мал. *menteri*) — титул местных высокопоставленных лиц, считавшихся представителями султана.

⁹⁶ В ЗК № 1, л. 62 об. имеется таблица антропологических измерений, сделанных в разных местах (Бадоне, Понгуте, Гаребе, Лундане).

⁹⁷ Йохор-Лама (Джохор-Лама) — город на реке Джохор в южной части Малаккского полуострова. Основан в 1530 г. Аллауддином II, сыном последнего малаккского султана Махмуда (см. прим. 118 к этому дневнику). В Джохоре продолжали некоторое время развиваться культурные традиции Малаккского султаната, завоеванного в 1511 г. португальцами.

⁹⁸ *Мантри* (*мынтара*) — см. прим. 95 к этому дневнику.

⁹⁹ В ЗК № 1, л. 42 еще: «NB. Оран-утан говорливы, живы, даже очень просты в обращении сравнительно с малайцами, оглядываются часто при работе, очень любопытны. Едят 5, 6 раз в день. Едят даже сырые уби-каю, говорят, что ирут лапар». Ирут (правильно *перут*) лапар (мал.) — «голодный желудок».

¹⁰⁰ Зарисовки 4 прау и отдельных частей имеются в ЗК № 2, л. 53, 53 об.

¹⁰¹ Имеется в виду поселение Квала-Индау (Куала-Эндау), расположенное при впадении р. Индау (Эндау) в Южно-Китайское море.

¹⁰² Ниповая пальма (мал. *nipah*) — бесствольная пальма (*Nipa fruticans*). Растет повсеместно на Малаккском полуострове. Из нее получают сахар, листья используют для покрытия крыш (*aman*), из мякоти приготавливают самогон.

¹⁰³ Панданус — дерево *Pandanus iderattissimus*. Имеет воздушные корни и длинные широкие листья, из которых получают волокна для плетения.

¹⁰⁴ Зуркуеда (араб, зу-ль-ка'да') — 11-й месяц мусульманского календаря.

¹⁰⁵ Ротан тавар (мал. *rotan tavar*) — один из многочисленных видов лианы (ротана).

¹⁰⁶ Ротан смамбу (мал. *rotan smambu*) — один из многочисленных видов лианы.

¹⁰⁷ Речь идет еще об одном виде лианы под названием «ротан гета» (мал. *rotan getah*) — *Calamus didymorphyllus*. Восстанавливается по записи в ЗК № 1, л. 48.

¹⁰⁸ Антропологические данные о жене китайца в ЗК № 1, л. 62 об.: «17 лет, белые волосы, ширина головы 14,1 <см>, длина головы 16,7 <см>, рост 145 <см>, обхват 145 <см>».

¹⁰⁹ В ЗК № 1, л. 66 еще: «Малайцы на полуострове Малакка сохранили еще старый образец топора, заменив только камень железом». Рисунок топора с гибкой рукояткой под названием «bliung» есть в рукописи дневника путешествия (л. 49 об.).

Ср. такой же образец топора в кн.: *Martin R. Die Inlandstämme der Malayischen Halbinsel*. Jena, 1905. S. 717.

¹¹⁰ В ЗК № 1, л. 59, 64 об. еще: «Тип оран-утан — братья Ахмата. Не имеют сумпитана (...). Братья Ахмата бросают воду в рот и гладят по губам».

¹¹¹ В рукописи дневника имеется рисунок, как Н. Н. Миклухо-Маклай зашну-ровал себя на ночь (л. 51).

¹¹² Н. Н. Миклухо-Маклай считает каю-лара лианой. В дневнике на л. 54 есть рисунок с надписью: «Лиана каю-лара». В действительности, лара — дерево *Poliosma* sp. В ЗК № 1, л. 65 об. есть запись: «каю гару (??)». Каю гару (мал. *gayu garu*) или *gaharu* — ароматическое дерево *Aquilaria malaccensis*. В КЗК № 1, л. 20 вложена записка, в которой говорится, что нужно писать *kauyu larak* или *larah*.

¹¹³ О капитане Мавара см. «Второе путешествие в Новую Гвинею» (т. 1 наст. изд., с. 330—342).

¹¹⁴ Бётлинг, правильное Бётлингк (*Böhtlingk*) Оттон Николаевич (1815—1904) немецкий писатель и русский филолог-индолог. Родился в России и долгое время работал в Академии наук в Петербурге. Миклухо-Маклай близко познакомился с ним и его семейством зимой 1869/70 г. в Иене. В 1874 г. Миклухо-Маклай послал ему свою статью «Папуасские диалекты Берега Маклая на Новой Гвинее», а в 1875 г. — состоящую из двух писем статью «О диалектах некоторых аборигенных племен Малаккского полуострова» (см. обе статьи в т. 3 и 4 наст. изд.).

¹¹⁵ Гамбир (*Uncaria gambir*) — растение, листья которого употребляют для изготовления настойки, добавляемой к бетелю при жевании.

¹¹⁶ *Панди-панди* (мал. *panji-panji*) — флаги, стяги. Рисунок есть в ЗК № 1, л. 64.

¹¹⁷ Махмуд — последний правитель (1488—1511) Малакки, при котором Малаккский султанат был завоеван португальцами (1511 г.), что означало конец эпохи расцвета малайской средневековой культуры. Махмуд бежал в Джохор, где и скончался в 1528 г.

¹¹⁸ Рисунки орнамента на гробницах имеются в рукописи дневника на л. 61 и в КЗК № 3, л. 42 об.

¹¹⁹ В КЗК № 3, л. 42 еще: «Китайцы Йохора чище расою, чем на Яве. Приводят жен из Китая, берут (...) женщин из Бали и Явы, но не Йохора Малаккского».

¹²⁰ *Минтахара*, правильное *бендахара* (мал. *bendahara*) — государственный чиновник в малайских княжествах, самое главное лицо после султана, исполняющее все функции последнего во время его отсутствия. Ниже в этом же абзаце Миклухо-Маклай приводит данный термин в правильном написании.

¹²¹ Кварц у аборигенов Малаккского полуострова считается магическим кристаллом, в котором сидит дух. Лекарь при осмотре больного вглядывается в кусок кварца, а сидящий в нем дух, по поверью, указывает на болезнь, поразившую того, кто обратился к лекарю за помощью (*Carey Iskandar. Orang Asli. The Aboriginal Tribes of Peninsular Malaysia. Kuala Lumpur 1976. P. 104—105*). Эти представления оказали влияние на малайцев, живущих поблизости.

¹²² Возможно, план постройки в КЗК № 1, л. 42 является планом дома Касима.

¹²³ Уже 2 февраля 1875 г. в газете «The Singapore Daily Times» появилась заметка Миклухо-Маклая о его путешествии по Джохору. Она была вклеена самим уче-

ным в записную книжку (ЗК № 1, л. 56—56 об.). В заметке говорится о посещении Миклухо-Маклаем мест, которые до него не посещал ни один европеец и где редко бывали малайцы, а также о том, что путешествие заняло 50 дней и происходило на лодках и пешком, описан маршрут с подробным перечислением мест, где он был, и намечен план 2-го путешествия по Малаккскому полуострову. Около вклеенной заметки и под ней сделаны записи карандашом на немецком языке, которые представляют собой ее черновик (сообщено А. А. Анфертьевым).

Сиам

Печатается по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 47 (Тетр. 1874—1875). Л. 62—67. Описание этой рукописи см. на с. 478—479 наст. тома.

Впервые: СС. Т. 2. С. 212—215, с пропуском, неточностями и значительной стилистической правкой.

Как сообщил в РГО сам Миклухо-Маклай, он отправился в феврале 1875 г. в Сиам по приглашению губернатора Сингапура (точнее — колонии Стрейтс Сетлментс) сэра Эндрю Кларка, чтобы взглянуть на страну и ее жителей и попытаться избавиться от лихорадки (см. наст. том. с. 76—77). Однако была у ученого и другая цель: получить у сиамского короля разрешение на путешествие по принадлежавшей Сиаму части Малаккского полуострова. Миклухо-Маклай получил это разрешение (охранная грамота хранится в: АГО. Ф. 6. Оп. 4. № 10) и не замедлил им воспользоваться, совершая свое второе путешествие по Малакке в июне—октябре 1875 г.

О посещении Сиамы см. также в тексте «На Малаккском полуострове», публикуемом в наст. томе.

Примечания 3 (част.), 6, 11 (част.) подготовлены Е. В. Ревуненковой, 7 (част.), 8 (част.), 10 — Д. Д. Тумаркиным. Остальные примечания сделаны Е. В. Ивановой.

¹ Миклухо-Маклай отмечает, что в отличие от «древних храмов», сооружавшихся из «массивных камней», при строительстве буддистских культовых сооружений в Бангкоке используются в основном кирпич и штукатурка. Это правильное наблюдение нуждается в пояснениях. Создателями средневековых культовых комплексов из каменных блоков были кхмеры Камбоджи. Таковы, например, шедевры мировой архитектуры храмы Ангкор-Ват (XII в.) и Байон (XII—XIII вв.). В XI—XIII вв. территория Сиамы была завоевана кхмерами, став и в культурном отношении провинцией кхмерской империи. В частности, здесь строили такие же каменные храмы, как и в Камбодже, только не столь совершенные и грандиозные. После изгнания кхмеров и создания в середине XIII в. Тайского королевства местные зодчие, позаимствовав многое из культовой архитектуры кхмеров, отказались от камня как строительного материала и использовали почти исключительно кирпич, облицовывая его штукатуркой. Алебастр, входящий в состав штукатурки, шел и на архитектурный декор культовых сооружений.

² Под «пирамидами Будды» Миклухо-Маклай, очевидно, имеет в виду занимающие очень важное место среди тайских культовых сооружений *прагеди* или *прапанги* — местные варианты ступы (хранилища буддийских реликвий).

³ *Bat* — сложившийся еще в XIII в. тайский архитектурный тип буддийского культового комплекса со святынями, храмами и жилыми помещениями для монахов и послушников.

Ватсекет (Ватсакет) сооружен в XIX в. в период правления короля Рамы III. Сегодня этот храмовый комплекс называют «золотым», его посещают сотни тысяч верующих и множество иностранных туристов. По местным обычаям, раз в год каждый верующий приходит сюда взглянуть на останки Будды. Ватпо построен в 1793 г. при Раме I рядом с королевским дворцом на берегу реки Менам и значительно расширен при Раме II. Это самый большой культовый комплекс Бангкока. Здесь находится буддийская святыня Сиам — статуя лежащего (отдыхающего) Будды. Над этой огромной статуей (15 м высоты, 46 м длины) возведен специальный храм-«футляр».

⁴ На острове, упоминаемом Миклухо-Маклаем, находится храм со знаменитым *прагеди*, символически представляющим Будду, отгоняющего море. Здесь ежегодно проводится празднество, во время которого процессия лодок объезжает вокруг острова по направлению движения солнца, устраиваются лодочные гонки.

⁵ Миклухо-Маклай допускает неточность, называя пагодами сиамские ваты и тем более относит этот термин к королевскому дворцу. Главное здание королевского дворца было построено в стиле итальянского Ренессанса и имело лишь ряд сиамских деталей. Однако по приказу короля над уже построенным зданием была возведена сиамская крыша *прапат*. В результате получилось довольно удачное сочетание стилей западной и восточной архитектуры.

⁶ Фотография сиамского короля наклеена на л. 62 об. рукописи, а его двоюродных сестер — на л. 63 об. и 64 об.

⁷ Подтвердились предсказания тех наблюдателей, которые говорили Миклухо-Маклаю, что молодой король «умен и ожидают многое от него». С именем Рамы V (Чулалонгкорна), правившего Сиамом с 1868 по 1910 г. (в 1875 г. ему было 20 лет), связаны многочисленные реформы, имевшие целью укрепление центральной власти и развитие экономики страны (отмена долгового рабства, административная реформа, реорганизация армии, развитие коммуникаций, поощрение торговли и ремесел и т. д.). Эти реформы способствовали сокращению разрыва между Сиамом и европейскими державами и тем самым сохранению его государственной независимости.

Миклухо-Маклай отказался от предложенного ему посещения дворца под благовидным предлогом, а на самом деле потому, что «аудиенция молодого короля, который очень старается по возможности копировать европейцев, имела для меня очень небольшой интерес» (наст. том, с. 77). Однако король удовлетворил просьбы русского ученого, о которых ему стало известно: выдал охранную грамоту, обещал выделить молодого слона для анатомических исследований (там же).

⁸ *Sarong* (мал.) — одежда типа юбки из сшитого полотнища. Описываемая здесь традиционная тайская одежда *панунг* — своеобразные несшитые штаны. Это длинное (до 3 м), широкое (до 1 м) полотнище, оборачиваемое вокруг тела от пояса до

колен; концы его пропускаются между ног навстречу друг другу и выводятся под ткань, опускаясь затем почти до нижнего края полотнища. Панунг носили и мужчины, и женщины.

⁹ В то время между Сиамом и Россией не было дипломатических отношений. Они были установлены в 1898 г. Этому предшествовало посещение в 1891 г. Бангкока наследником российского престола, а также визит в Россию короля Чулалонгкорна в 1897 г.

¹⁰ Портрет и фотографию Мейсой (сестры фотографа) см. на с. 71 наст. тома.

¹¹ Деревянная статуя покойного короля (Рамы IV), исполненная в натуральную величину, одетая в королевское платье, — редкий для XIX в. образец «светской» скульптуры в Сиаме, где вплоть до нашего столетия господствовала культовая скульптура, главным образом бесчисленные изображения Будды. Желание правителей страны увековечить себя скульптурными портретами реализовалось иногда приданием лику Будды сходства с их лицами.

Миклухо-Маклай ошибочно предположил, что на голове статуи короля изображена корона. «Для тайского традиционного костюма характерны остроконечные головные уборы, украшенные позолотой, похожие на башенки пагод, — свидетельствует современный этнограф. Ношение таких уборов, различавшихся украшениями и количеством золотых кружков, долгое время являлось привилегией королевского двора» (*Зика Я. В стране белого слона. М., 1985. С. 109*).

(На Малаккском полуострове
(ноябрь 1874—июнь 1875 г.))

Печатается (частично) по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 39.

Впервые: Изв. РГО. 1875. Т.П. Вып. 3. Отд. 1. С. 231—236; Вып. 4. Отд. 3. С. 285—290. См. также: СС. Т. 2. С. 216—229, с незначительной правкой.

Рукопись на 9 л. кальки содержит письма секретарю РГО от 29 ноября и 6 декабря 1874 г., 3 февраля и 7 апреля 1875 г. Л. 1 разорван. Чернила фиолетовые. Почерк мелкий, не вполне разборчивый. На л. 1 сверху: «Императорскому Русскому Географическому Обществу» (зачеркнуто). На л. 1 на полях слева: «Этнологические вопросы на Малайском полуострове (Н. Н. Миклухо-Маклая)». На л. 3 на полях слева: «Этнологическая экскурсия в Йохоре». На л. 4—6 та же надпись, но справа. На л. 8 на полях справа: «Нездоровье и замедление экскурсии в Пахан». На полях имеются также пометки, сделанные редакцией Изв. РГО.

Рукопись с текстами писем от 20 и 28 апреля, 23 мая и 8 июня 1875 г. при подготовке наст. изд. обнаружить не удалось. Эти письма печатаются по публикации в Изв. РГО.

В Изв. РГО письма от 29 ноября 1874 г.—7 апреля 1875 г. опубликованы под общим заглавием «Этнологические вопросы на Малайском полуострове», хотя это заглавие относится лишь к первому письму, однако приведены и другие заголовки, имеющиеся на полях рукописи. Так же в

СС, т. 2, за исключением того, что опущен заголовок «Этнологическая экспедиция в Йохоре».

Письма от 20 апреля—8 июня 1875 г. в Изв. РГО напечатаны под общим заглавием: «Письма Н. Н. Миклухо-Маклая к секретарю Общества (Проект первой зоологической станции в Азии)». В СС, т. 2 это заглавие отсутствует.

Примечания 1 (част.), 8—11 подготовлены Д. Д. Тумаркиным. Остальные примечания составлены Е. В. Ревуненковой.

¹ Готовясь к путешествию, Миклухо-Маклай внимательно изучал труды европейских ученых об аборигенах Малакки, о чем свидетельствуют выписки, сделанные им в ЗК № 4 (см. с. 479 наст. тома). Эти выписки были использованы ученым в публикациях, касающихся его путешествий по Малаккскому полуострову. Выходные данные изученных трудов приведены в выписках и соответственно в публикациях неточно. Мы уточняем их без оговорок в соответствии с правилами, принятыми в наст. изд. (см. т. 1, с. 21).

² Семанги — бродячие негритосные племена, живущие преимущественно в глубинных районах северной части Малаккского полуострова. В настоящее время их насчитывается около 3 тыс. Занимаются охотой, собирательством, земледелием подсечно-огневого типа. Сейчас их предпочитают называть «негрито», так как слово «семанг» означает «зависимый» и не может считаться этнонимом. См.: *Carey Iskandar. Orang Asli. Aboriginal Peoples of the Malay Peninsula. Kuala Lumpur, 1976. P. 14.*

³ Оран-бенуа (мал. orang benua) букв. «люди материка». Термин для обозначения аборигенов Малаккского полуострова, употреблявшийся с начала XVII в. Сами аборигены так себя не называли. См.: *Skeat W. W., Blagden Ch. O. Pagan Races of the Malay Peninsula. V. 1. London, 1906. P. 23.*

⁴ О махарадже Джохора см. прим. 10 к дневнику «Первое путешествие по Малаккскому полуострову» в наст. томе.

⁵ Об оран-райет. см. прим. 48 к дневнику «Первое путешествие по Малаккскому полуострову» в наст. томе.

⁶ О Вампоа см. прим. 12 к дневнику «Первое путешествие по Малаккскому полуострову» в наст. томе.

⁷ В записной книжке о слонах еще: «Только при близком знакомстве всю смекалку слона и даже в очень короткое время замечаешь умственное превосходство слона над людьми» (ЗК № 2. Л. 44). Зарисовки морды слона см. в ЗК № 3, л. 22, 23 об.

⁸ В Изв. РГО письмо от 23 мая напечатано до письма от 28 апреля. Мы воспроизводим эти письма по публикации в Изв. РГО, а потому даем их в той же последовательности. Не имея соответствующих рукописей, трудно объяснить указанную особенность их первой публикации. Не исключено, что была неверно передана дата одного из писем.

⁹ Дорн Д. А. (1840—1909) — известный зоолог, основавший в 1873 г. знаменитую зоологическую станцию в Неаполе. В сентябре 1868—феврале 1869 г. Миклу-

хо-Маклай проводил с ним сравнительно-анатомические работы в Мессине, во время которых они обсуждали проблему создания морских биологических станций. Письма Миклухо-Маклая к Дорну публикуются в т. 5 наст. издания.

¹⁰ Миклухо-Маклай выступил с предложением об организации зоологических станций в России не в 1868 г., а в августе 1869 г. на Втором съезде русских естествоиспытателей и врачей. Эта идея Миклухо-Маклая частично осуществилась весной 1871 г., когда в Севастополе была открыта зоологическая станция Новороссийского общества естествоиспытателей.

¹¹ Ввиду отказа махараджи Джохорского продать Миклухо-Маклаю земельный участок замысел о создании здесь зоологической станции не был осуществлен.

¹² О Бётлинге (Бётлингке) см. прим. 114 к дневнику «Первое путешествие по Малаккскому полуострову» в наст. томе.

〈Второе путешествие по Малаккскому полуострову〉

Печатается (частично) по: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 49 и 51.

Впервые: Изв. РГО. 1875. Т. 11. Вып. 5. Отд. 3. С. 396—397; Вып. 6. Отд. 3. С. 486—487; 1876. Т. 12. Вып. 1. Отд. 2. С. 46—47. См. также: СС. Т. 2. С. 230—236, с незначительной правкой.

Письмо секретарю РГО от 15 августа 1875 г. (№ 49) написано на 2 л. кальки черными чернилами. Л. 1 надорван. Слева на полях л. 1 по всей длине листа надпись: «Путешествие внутри Малайского полуострова (Пахан, Клантан). Н. Н. Миклухо-Маклай». Имеются пометки редакции Изв. РГО.

Письмо секретарю РГО от 2 октября 1875 г. (№ 51) написано на 5 л. кальки черными чернилами. Слева на полях л. 1 надпись: «Путешествие по Малайскому полуострову и в южном Сиаме. Июнь—октябрь 1875. Н. Н. Миклухо-Маклай». Слова «и в южном Сиаме» зачеркнуты. На полях л. 2 слева надпись: «Путешествие по Малайскому полуострову (июнь—октябрь 1875)». Л. 4 — схематическая карта с обозначением маршрутов двух путешествий по Малаккскому полуострову (разорвана). В рукописи имеются пометки редакции Изв. РГО. Черновик письма в Тетр. 1874—1875, л. 105—106 отличается от беловика отсутствием последней фразы.

Рукопись письма секретарю РГО от 9 июля 1875 г. при подготовке наст. изд. обнаружить не удалось. Это письмо печатается по публикации в Изв. РГО. Там ему предпослан заголовок: «Путешествие в Малайском полуострове, через Йохор в Пахан (Письмо Н. Н. Миклухо-Маклая к секретарю Общества)».

В письме, датированном 2 октября 1875 г., Миклухо-Маклай сообщал: «Я вел все время исправный дневник (...)». Однако этот дневник не сохранился или во всяком случае не обнаружен.

Возможно, скудость опубликованных Миклухо-Маклаем материалов о его втором путешествии по Малаккскому полуострову связана с нежеланием ученого снабдить английские колониальные власти информацией о малайских княжествах, которые стремилась подчинить Великобритания.

Сам ученый писал 31 декабря 1875 г. секретарю РГО: «⟨...⟩ я почел бы сообщения моих наблюдений, даже под покровом научной пользы, положительно делом нечестным. Малайцы, доверявшие мне, имели бы совершенное право назвать такой поступок шпионством. Поэтому не ожидайте найти в моих сообщениях об этом путешествии что-либо, касающееся теперешнего status quo, социального или политического, Малайского полуострова» (см. это письмо в т. 5 наст. изд.).

Примечание 3 взято из СС. т. 2; примечание 4 подготовлено Д. Д. Тумаркиным. Остальные примечания составлены Е. В. Ревуненковой.

¹ Правильно *бендахара*. См. об этом прим. 120 к дневнику «Первое путешествие по Малаккскому полуострову» в наст. томе.

² Правильно *имам перанг* (мал. *imam perang* — военачальник). Начальный звук *n* Миклухо-Маклай на письме иногда не передавал, очевидно, ориентируясь на слабое произношение его в начале слова. Ср. также «ирут лапар» вместо «перут лапар» — «голодный живот» (прим. 99 к дневнику «Первое путешествие по Малаккскому полуострову» в наст. томе).

³ Выражение «несмешанное папуасское племя» следует понимать, конечно, лишь в том смысле, что в данной группе отчетливо выражены все признаки папуасской расы, так как абсолютно несмешанных рас у человека вообще не существует.

⁴ См. письмо от 3 февраля 1875 г. секретарю РГО в тексте «На Малаккском полуострове» в этом томе и статью «Этнологическая экскурсия в Иохор» в т. 4 наст. изд.

⁵ *Ям-туан* — сокращение от мал. *yang dipertuan* («тот, кого считают господином»), т. е. султан, правитель.

⁶ См. заметку «От Улу Паханг до Улу Калантан» в наст. томе.

⁷ 15 января 1876 г. на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории председатель общества Р. Вирхов сообщил, что Миклухо-Маклай написал ему 23 ноября 1875 г. из местечка Тампат Сусса (близ Бейтензорга), что он возвратился из экспедиции по Малайскому (Малаккскому) полуострову, очень страдает от малярии, но, несмотря на это, обрабатывает результаты своего путешествия для журнала «*Natuurkundig Tijdschrift*». Миклухо-Маклай добавил, что думает в январе 1876 г. организовать новую экспедицию, чтобы в 1877 г. возвратиться в Европу (*Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte // Zeitschrift für Ethnologie*. 1876. Bd. 8. Beilage. S. 9).

Схематическую карту путешествий по Малаккскому полуострову см. на с. 10 наст. тома.

От Улу Паханг до Улу Калантан

Печатается по рукописи: ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 30. Л. 1—2 об.

Рукопись представляет собой черновой набросок заметки на немецком языке, написанный фиолетовыми чернилами на четырех страницах двой-

ного листа писчей бумаги. Содержит множество поправок и дополнений в тексте и на полях.

Ранее публиковался только сокращенный и частично переработанный английский перевод этой заметки, выполненный, вероятно, Э. М. Скиннером, в то время почетным секретарем Малайского отделения (Straits Branch) Королевского Азиатского общества, почетным членом которого состоял и сам Миклухо-Маклай. Во всяком случае, указанная публикация составляет раздел III («От Улу Паханг до Улу Келантан. Краткие путевые заметки, составленные по записной книжке М. де Маклая, 1875») собственной статьи Скиннера: *Skinner A. M. Geography of the Malay Peninsula // Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society. 1878. № 1. P. 60—62.* Местонахождение как соответствующей записной книжки, так и беловика заметки Миклухо-Маклая нам неизвестно.

Общая оценка, которую давал Скиннер географическим открытиям Миклухо-Маклая, приводится в комментариях к статье «Этнологические экскурсии по Малайскому полуострову (ноябрь 1874 г.—октябрь 1875 г.)» (т. 4 наст. изд.). Здесь необходимо коснуться лишь некоторых деталей.

Сведения о верхнем течении реки Паханг (выше устья Беры), с его золотоносными верховьями (Улу Паханг), содержатся, если верна реконструкция П. Уитли, уже в «Географии» Птолемея (*Wheatley P. The Golden Khersonese. Kuala Lumpur, 1961. P. 149, 171*). Вместе с тем к началу последней четверти XIX в., когда там путешествовал Миклухо-Маклай (июль—август 1875 г.), представления о речной системе этого района были более чем смутными. Само существование большой реки, текущей с севера на юг в центральной части полуострова, признавалось лишь гипотетически (см. об этом заметки Скиннера: *Skinner A. M. Geographical Notes — Recent Journeys in the Peninsula // Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society. 1878 (1879). № 2. P. 222—225*). В указанных заметках сказано, что «только в этом (1878) году гипотеза действительно до некоторой степени подтверждена публикацией сообщений г. Маклая о его путешествии вверх по Джелею (Jeley)», а также исследованиями барона Фербоха (Verboch).

Чтобы правильно понять это замечание, надо иметь в виду, что для Скиннера река Паханг образуется при слиянии Джелая и Беры, т. е. река, текущая в меридиональном направлении, именуется Джелаем, а не Пахангом. Это представление попало на многие старые карты, но новейшие атласы (*Atlas of South-East Asia. London, 1964; Atlas Kebangsaan Malaysia. Kuala Lumpur, 1977*) трактуют эту часть реки как Паханг — по крайней мере, до устья реки Тембелинг. Именно так описывал реку Миклухо-Маклай; с его точки зрения Тембелинг впадает именно в Паханг. Нам неизвестно даже, чтобы он где-нибудь употреблял название Джелай (Jeley, Jelai). Скиннер подчеркивает далее, что до путешествий Маклая и Фербоха путь к Дже-

лаю, хотя и хорошо известный малайцам, не был пройден европейцами и во всяком случае ими не описан.

Добавим к сказанному, что в публикуемой нами заметке Миклухо-Маклай ничего не говорит о золотоносности верховьев Паханга, но упоминает о наличии золота в верховьях р. Галас, т. е. к северу от водораздела речных систем (и территорий) Паханга и Келантана. Золотые месторождения п-ова Малакка и были причиной того, что в «Географии» Птолемея (VIII, 1) полуостров получил название «Золотого».

В английском переводе содержится ряд неточностей, которые частично отмечены нами в комментариях. Кроме того, там изменен ряд географических названий и отдельных слов малайского языка (не всегда верно). Для удобства читателя мы предлагаем нижеследующую таблицу, в первой колонке которой географические названия даны так, как они приводятся в немецком черновике, во второй — как они напечатаны в статье Скиннера, в третьей — как они встречаются в работах Миклухо-Маклая, написанных на русском языке, а в четвертой — их современное написание. Для составления четвертой колонки мы использовали, кроме упомянутых выше атласов и книги Уитли, также справочную карту «Малайзия» (М., 1982). Топонимы перечисляются в соответствии с порядком появления их в тексте заметки.

1	2	3	4
Pahan, Pahang	Pahang	Пахан	Паханг
Kalantan	Kelantan	Клантан	Kelantan, Келантан
Tamilen	Tamileng	Тамылен	Tembeling, Тембелинг
Johor	Johore	Йохор, Джохор	Johor, Джохор
Ruh	Roh	—	Roak (?)
Gunu Tahan	Gunong Tahan	—	Gunung Tahan, Gunong Tahan, Гунунг Тахан
Sat, Saat	Saat, Sat	—	Sat
Tringano	Tringgano	Трингано	Terengganu, Trengganu, Тренгану
Tschiangut	Chiangut	—	?
Pretan	Preten	—	?
Badokn	Badokan, Badokn	—	Badong
Lebe	Lebe	Лебе, Леба	Лебир
Areng	Areng	—	Areng, Aring, Аринг
Ticko	Siko	—	Chiku, Чику
Kotta-Baru	Kota Bharu	Котта-Бару	Kota-Baharu, Кота-Бару
Galla	Galla	—	Galas, Галас
Salangor	Selangor	—	Selangor, Селангор

Перевод заметки и комментарии подготовлены А. Н. Анфертьевым. Комментатор пользуется случаем поблагодарить Е. В. Ревуненкову за полезные консультации.

¹ Малайское *ulu* или *hulu* (букв. «голова») означает здесь и далее «верховья (или начало) реки».

² Немецкий черновик имеет также другие подзаголовки: «Извлечение», «Собщение». Указано и авторство: «Н. фон Миклухо-Маклай».

³ Далее в немецком тексте было: «от устья». Действительно, *Kwalla* (в английском тексте *Kwala*) здесь и далее соответствует малайскому *kuala* — «устье реки, эстуарий». *Sungei* соответствует малайскому *sungai* — «река».

⁴ Действительно, делая по полторы-две мили в час, за 69—70 часов можно проплыть от 104 до 140, т. е. в среднем около 120 миль. При этом следует предположить, что речь идет об английской миле (около 1,6 км). Однако в английском тексте, где прямо сказано, что речь идет об английской миле, при той же длительности движения указана иная скорость (одна-полторы мили в час) и пройденное расстояние («включая все изгибы русла») оценено в 70—80 миль (правильно было бы 69—105). Представляется, что оценка скорости движения лодки в английском тексте ближе к истине. Как видно из авторского примечания к этому предложению, Миклухо-Маклай вычислял скорость на основе количества шагов лодочников вдоль борта лодки. Нетрудно подсчитать, что речь может идти только о двойных шагах, т. е. приблизительно о тысячной доле английской мили (около 1,6 м). Тогда 1200—1500 шагов соответствуют приблизительно 2—2,4 км, или 1,25—1,5 мили.

⁵ В немецком черновике: «40 Faden», в английском «40 fathoms». Принимая европейскую морскую сажень (фатом) за 1,83 м, получаем ширину реки около 73 м.

⁶ *Diram* (в немецком, *Jeram* в английском тексте) здесь и далее соответствует малайскому *jeram* — «быстрина».

⁷ В английском тексте добавлено: «из-за песчаных отмелей».

⁸ Слово *kampong* (букв. «собрание») означает в малайском группу строений, образующих большую усадьбу или маленькую деревню.

⁹ В английском тексте также: «и пятеро малайцев».

¹⁰ Помулу (*Pomulu* в немецком, *Pengulu* в английском тексте) здесь и далее соответствует малайскому *pengulu* или *penghulu* — «глава, начальник». Имя данного помулу дано как *Gendon* в немецком и *Gendong* в английском тексте.

¹¹ Гуну (в английском тексте — *Gunong*) соответствует малайскому *gunong* — «гора». О высоте горы Тахан см. в прим. 2 к статье «Этнологические экскурсии по Малайскому полуострову», публикуемой в т. 4 наст. изд.

¹² Как эндемический зоб, так и эндемический кретинизм связаны, по современным представлениям, с нарушениями деятельности щитовидной железы. В доступном нам втором издании упомянутого Миклухо-Маклаем руководства А. Хирша по историко-географической патологии главы об обеих болезнях, которые он относил к числу «хронических инфекционных заболеваний», объединены в одну главу (*Hirsch A. Handbuch der historisch-geographischen Pathologie. 2. Aufl. Stuttgart, 1886. Abt. 2. S. 83—140*), так как Хирш считал, что они «представляют собой две

близкородственные с точки зрения этиологии и патологии формы болезни, которые следует рассматривать как различные проявления единого болезненного процесса» (S. 137). Во втором издании Малакка также не упомянута в числе азиатских территорий, подверженных эндемическому зобу (S. 99—100).

¹³ Пути (в немецком черновике *putih*) соответствует малайскому *puteh* (так и в английском тексте) — «белый», т. е. оранг-пути означает «белый человек».

¹⁴ Приведенные Миклухо-Маклаем малайские фразы в немецком тексте выглядят, как «*tra tau*», «*baru datan, belon tau*», в английском: «*tra tan*», «*baru datang*» и «*bulum tan*» (разделение второй фразы на две является недоразумением). Малайские соответствия будут выглядеть следующим образом: «*tra tau*», «*baru datang, belum tau*», т. е. «не знаю», «только что пришел, еще не знаю». *Tau* здесь употреблено вместо более употребительного *tahu*, а *baru* — вместо *baharu*. Слово *tra* не зафиксировано в словаре Уилкинсона, но встречается в диалектах (см.: Индонезийско-русский словарь. М., 1961. С. 997; ср. дневниковую запись Миклухо-Маклая от 5 января 1875 г., наст. том, с. 33).

¹⁵ Английский переводчик, сократив медицинские суждения автора, дает здесь, в сущности, маловразумительный текст, причем заменяет, явно не понимая сути дела, «кретинов» на «микроцефалов» (в полунемецкой орфографии: «*mikro kephalen*»).

¹⁶ В английском тексте далее: «состоящий из двух хижин».

¹⁷ Малайское *anak* (букв. «дитя») означает также «приток реки».

¹⁸ *Batu-atar* — по-малайски «каменная крыша».

¹⁹ *Tampat kramat* немецкого текста (в английском отсутствует) соответствует малайскому *tempat keramat* — «священное место».

²⁰ *Sirih* немецкого текста (в английском отсутствует) соответствует малайскому *sireh* — «бетель».

²¹ *Racket* немецкого текста и *raket* английского соответствуют малайскому *rakit*, часто означающему «плот» (или «настил» и т. п.). Английский переводчик, объясняя это слово как «долбенка» (*dug-out*), оказался жертвой явного недоразумения.

²² 450 футов приблизительно равняются 137 м. В английском тексте эта высота определена в 400 футов (около 122 м).

²³ В английском тексте далее: «с какового места снова идет удобный водный путь».

²⁴ В немецком черновике и в английском переводе — одинаковая ошибка: вместо «вниз по реке» — «вверх по реке».

²⁵ Далее в английском тексте: «Сико, которая у устья шире, чем Лебе, течет с западо-юго-запада и образует водный путь в Селангор, а также в Улу Паханг, но это более длинный путь, чем тот, которым следовал я (<через> Улу Тамиленг к Улу Лебе)».

²⁶ В английском тексте: «Река, образованная слиянием Лебе и Сико, называется Сунгей Келантан». Согласно новейшим атласам (см. выше), Келантан образуется от слияния Лебира и Галаса, а Сико (Чикю) — второстепенный правый приток Галаса. Информанты Миклухо-Маклая считали, очевидно, наоборот: т. е. Галас выступал в качестве левого притока Чикю.

²⁷ Название резиденции (по-малайски Kota Baharu или Kota Baru) означает «новая крепость». Кота-Бару и сейчас является центром штата Келантан.

В английском тексте время движения от Улу Келантан до Кота-Бару определено в 9 часов, а расстояние от резиденции раджи до эстуария — в полтора часа, как и в немецком тексте.

²⁸ Имя помуду соответствует малайскому to'raja — «господин правитель». То' является сокращенной формой от dato или datok.

Путешествие в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.

Путешествие, предпринимаемое Миклухо-Маклаем на шхуне «Си бэрд» («Морская птица») — первое из двух, проделанных автором с целью ознакомления с антропологическими особенностями, культурой и бытом населения Меланезии и Микронезии. Оно завершилось на Берегу Маклая. Там, опираясь на полевые дневники и другие записи, ученый составил описание этого путешествия, которое переписывал в виде отдельных сообщений и пересылал в Россию. Большая часть этих сообщений была опубликована в Изв. РГО в то время, когда Миклухо-Маклай еще находился на Новой Гвинее.

Полевыми дневниками, которые велись в ходе путешествия 1876 г., мы не располагаем.

Основная черновая рукопись, содержащая описание этого путешествия, хранится в ПО ААН (Ф. 143. Оп. 1. № 13). Это черная клеенчатая тетрадь, которая состоит из нескольких «тетрадок», представляющих собой вложенные друг в друга двойные листы линованной бумаги с водяными знаками. Некоторые листы вырезаны, есть вклеенные. Всего в тетради 88 листов, исписанных с обеих сторон. Текст написан выцветшими черными чернилами. Пагинация двойная: авторская, постраничная (чернилами) и, по-видимому, архивная (карандашом), ведущая счет листам. В дальнейшем пользуемся последней. Уже готовую черновую рукопись автор правил простым карандашом: вносил дополнения, вписывал подзаголовки, а также латинские названия животных и растений в оставленных для этого пробелах. Синим карандашом автор украшал рукопись (вензеля на обложке и т. п.).

Титульный лист черновой рукописи имеет надпись крупными стилизованными буквами: «Императорскому Русскому географическому обществу». Здесь же более мелкими буквами: «Путешествие в Западную Микронезию и Северную Меланезию. Сообщ. от 1876 г.». Слева и снизу вверх крупно написано: «Миклухо-Маклай». Промежутки между надписями заняты вензелями. На обороте титульного листа наклеена карта

о. Гуап (Вауп). Последний лист украшен надписью: «Микронезия и Новая Гвинея. 1876/77», причем цифры расположены в центре страницы, а названия местностей охватывают их сверху и снизу. Примыкающая к этому листу оборотная сторона обложки украшена крупной монограммой «НМ», расположенной в центре, и несет на себе следы многочисленных проб пера. На двух последних страницах рукописи содержится план первых трех текстов, в беловом варианте составивших «Письмо второе».

Сравнение черновика описания путешествия с беловыми рукописями показывает, что текст был в основном сформирован уже в черновом варианте, хотя при переписке вносились изменения, добавлялись сноски и даже целые разделы. Некоторые значки черновой рукописи (♂♀ — принятые в биологии обозначения «самец», «самка», а также геометрические фигуры — прямоугольник, восьмиугольник) в беловиках заменены словами. В беловых рукописях больше местных названий предметов, терминов. Как и при работе с черновой рукописью, в беловиках автор оставлял иногда для этих терминов пробелы; некоторые из них (но не все) впоследствии были заполнены. Таким образом, в черновом варианте видны следы трех, а в беловом — минимум двух этапов работы над текстом, в целом приведших к его расширению. В ходе работы уточнялись географические названия и личные имена, хотя полного единообразия так и не было достигнуто. В какой-то мере изменился стиль: черновая рукопись написана в более живой, разговорной манере; беловики строже, академичнее. В окончательном варианте рукопись лучше структурирована, добавлены многие подзаголовки.

Черновая рукопись содержит следующие тексты: «Остров Геби» (л. 2—3 об.), «Остров Вауп, или Яп» (л. 3 об.—13 об.), «Архипелаг Пелау» (л. 13 об.—45), «Мая 6. О-в Вауп» (л. 45 об.—66 об.), «Острова Адмиралтейства» (л. 66 об.—72), «Антропологические заметки о туземцах о-вов Адмиралтейства» (л. 72 об.—76), «Группа Агомес, или Хермит» (л. 76 об.—84), «Несколько сведений об о-вах Агомес, узанных от тредора Шоу, прежде жившего на этой группе» (л. 84—85 об.). В архивную пагинацию рукописи включены два вложенных листа с набросками текстов «Читая мои письма...» (л. 32—32 об.) и «Группа Ниниго» (л. 57). Места вложения этих листов выбраны произвольно.

Вопрос о членении описания этого путешествия и о названиях его частей представляет значительную сложность. Характерная черта этого описания — чередование кратких дневниковых записей, сделанных во время быстрых перемещений шхуны и содержащих заметки об островах, которые Миклухо-Маклай посетил мимоходом или просто миновал, и подробных описаний антропологических особенностей, культуры и быта жителей островов, у которых шхуна стояла более длительное время. Записи дневникового типа не имеют общего заголовка, а лишь подзаголовки — даты и названия местностей, оформленные так же, как подзаголовки

в подробном тексте, имеющем общее заглавие. Сочетание дневникового и тематического принципов описания осложняется тем, что о. Яп, например, шхуна посетила дважды.

Беловые рукописи, содержащие описание путешествия 1876 г., хранятся в АГО (Ф. 6. Оп. 1. № 54, 57—59, 61, 62). Они в основном сохраняют последовательность черновой рукописи, но включают новые тексты. Один из них, вводный, имеет пометку: «Письмо, пересланное с Молуккских островов». Текст «Несколько слов о ловле трепанга на островах западной части Тихого океана близ экватора» завершает корпус рукописей, относящихся к этому путешествию. Черновик этого текста хранится в ПО ААН в другом архивном деле (Ф. 143. Оп. 1. № 15. Л. 35), но в разных местах черной клеенчатой тетради, содержащей черновое описание путешествия, встречаются наброски, послужившие, вероятно, основой данного текста. Маленькие незавершенные тексты «Группа Ниниго» и «Читая мои письма...» беловых вариантов не имеют.

Особое место занимает текст «Антропологические заметки о туземцах группы Агомес», черновик которого хранится в ПО ААН (Ф. 143. Оп. 1. № 4). Беловик этого текста не обнаружен.

В окончательном, беловом варианте все описания путешествия 1876 г. были разделены на пять частей, названных автором «письмами». Действительно, все эти рукописи носят следы сгибов для пересылки по почте. И все же «письмо» в данном случае — название условное. Размеры «писем» неодинаковы. Например, первое «письмо» очень невелико, второе же состоит из трех самостоятельных текстов, в том числе двух крупных, написанных на разной бумаге. Обращает на себя внимание и то, что дневниковые записи о пребывании на островах Адмиралтейства занимают все «письмо» третье и часть «письма» четвертого.

Каждое «письмо», начинающееся обращением к секретарю РГО и заканчивающееся подписью автора, имеет общее название и подзаголовки, а также помету с указанием порядкового номера «письма». Общее название, которое открывало черновую рукопись, появляется лишь в третьем «письме». Беловые рукописи будут описаны подробнее в комментариях к отдельным текстам.

В соответствии со структурой настоящего издания в этом томе публикуются тексты о путешествии 1876 г., которые имеют дневниковый характер, а также наброски «Группа Ниниго» и «Читая мои письма...». Тексты, приближающиеся по своему характеру к жанру научных статей и сообщений, помещены в т. 3.

Помимо упомянутых текстов материалы путешествия 1876 г. отражены в работах «Диалекты островов Яп и Пелау», «О большезубых меланезийцах», «О макродонтизме» и «Антропологические заметки, собранные во время путешествия... в 1876 г.», которые также публикуются в т. 3.

⟨Молуккское море. Тихий океан⟩

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 54.

Впервые: Изв. РГО. 1876. Т. 12. Вып. 4. Отд. 3. С. 367—368, под названием: «Путешествие д. чл. Н. Н. Миклухи-Маклая по островам Западной Микронезии. Из письма его секретарю Общества». Текст сильно сокращен и подвергнут стилистической правке. По существу опубликована лишь центральная часть письма, со слов «Желая увеличить мою компетентность...» и кончая словами «...откуда отправимся к югу». Таким образом, оставлен лишь маршрут путешествия, а рассуждения, обосновывающие действия автора, опущены.

Вторично: СС. Т. 2. С. 242—245, со стилистической правкой, полностью, но с пропуском обращения к редакции, помеченного NB, в результате чего последняя часть письма (со слов «Мне кажется...» и до конца) воспринимается как текст письма А. А. Мецгерскому.

Данное письмо является введением к описанию путешествия 1876 г. по Западной Микронезии и Северной Меланезии. В черновую рукопись путешествия, содержащуюся в черной клеенчатой тетради, не входит. Черновик письма не обнаружен.

Рукопись, хранящаяся в АГО, начинается обращением: «Господину Секретарю имп. Русского географического общества в СПбербурге». Ниже в правом углу над текстом: «М. Г.» (Милостивый государь). Слева на полях большими буквами написано: «Путешествие в Западную Микронезию г-на Н. Н. Миклухо-Маклая» и в скобках мелко: «Письмо, пересланное с Каролинских о-вов via *⟨неоконг.⟩*».

Текст на пяти листах среднего формата полупрозрачной ломкой бумаги, пожелтевшей от времени. Края и особенно углы листов истрепаны. Чернила черные выцветшие. Автором проставлена нумерация в левых верхних углах. Первый лист не нумерован. Все листы носят следы складывания (видимо, для пересылки в конверте).

Текст состоит из двух частей. Окончание первой, после слов «немного запоздавшее письмо», означено подписью: «Миклухо-Маклай». Эта часть написана четким, аккуратным почерком, почти без помарок. Во второй части (л. 4, 5) почерк неровный, размашистый, что, по-видимому, объясняется трудными условиями, в которых нередко приходилось работать автору. «Прошу извинить не особенно красивую рукопись, — писал он секретарю РГО, — но при малости судна, в котором нахожусь, при качке, постоянном шуме множества людей, многих неудобствах разного рода трудно сделать лучше» (см. письмо от 26 мая 1876 г. в т. 5 наст. изд.).

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Топоним Малезия (Malaisie) употреблялся в XIX в. для обозначения Малайского архипелага — самого крупного на Земле конгломерата островов между материковой частью Азии и Австралией, включающего Большие и Малые Зондские острова, Филиппинские и Молуккские острова, а также многочисленные группы более мелких островов.

² Черибон (правильнее Чиребон) — порт на северном побережье о. Ява, примерно в 200 км от Батавии (Джакарты).

³ Теодор Вайц (1821—1864) — профессор Марбургского университета, видный представитель эволюционного направления в этнологии. Его шеститомный труд, на который часто ссылается Миклухо-Маклай, представляет собой самую солидную для того времени сводку данных о внеевропейских народах. Последние два тома этого труда были изданы посмертно (причем т. 6 доработан) его учеником Георгом Герландом. В своих дневниках, путевых отчетах и статьях Миклухо-Маклай по-разному ссылается на последние тома этого издания (то как на труд Вайца—Герланда, то как на труд Герланда). Мы уточняем и унифицируем эти ссылки в соответствии с правилами, принятыми в настоящем Собрании сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая.

⁴ Письмо Миклухо-Маклая А. А. Мещерскому от 17 марта 1876 г. публикуется в т. 5 наст. изд.

«Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая»

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 57. Л. 1—6.

Впервые: Изв. РГО. 1876. Т. 12. Вып. 6. Отд. 3. С. 502—505, с небольшой стилистической правкой и добавлением текста из другого письма в качестве самостоятельного раздела.

Вторично: СС. Т. 2. С. 246—251, в том же составе, с небольшой стилистической правкой.

Рукопись № 57 написана черными выцветшими чернилами на тонкой полупрозрачной бумаге большого формата и составляет «письмо второе» в беловом варианте описания путешествия 1876 г. Листы исписаны с одной стороны. Края их, особенно в начале и конце рукописи, сильно истрепаны, ломаются. Сноски цифровые (эта особенность в данном издании не сохраняется), нумерация их сплошная во всем «письме втором» (т. е. в рукописях № 57 и 58). Текст носит следы незначительной авторской правки, сделанной, по-видимому, в процессе переписки с черновика. Почерк разборчивый, свободный, местами размашистый. Многие слова не дописаны.

В конце черновой рукописи (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 13. Л. 86 об.—87) приведен краткий план («индекс содержания») текстов, составляющих «письмо второе».

При публикации текста в Изв. РГО к нему был добавлен, в качестве заключительного раздела, отрывок (?) из другого письма Миклухо-Маклая, беловик которого не сохранился. Черновой, незавершенный набросок этого письма, написанный карандашом, находится в черной клеенчатой тетради, содержащей черновую рукопись описания путешествия 1876 г. (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 13. Л. 84).

Редакция Изв. РГО сопровождала эту публикацию следующим примечанием: «В последней книжке «Известий» мы сообщили читателям о подготовительной экскурсии, предпринятой д. чл. Н. Н. Миклухо-Маклаем с целью собрать возможно большее количество фактов для сравнительного антропологического изучения племени папуасов. Экскурсия эта завершилась посещением берега Маклая на Новой Гвинее, где наш смелый путешественник остается до настоящего времени. Следующие ниже письма Н. Н. Маклая, отправленные им с Новой Гвинеи в начале июля, сообщают, во-первых, подробности той части его пути до острова Вуап, которая уже известна нам кратко по его прежним письмам, и, во-вторых, продолжение экскурсии до высадки в Новой Гвинее» (Изв. РГО. 1876. Т. 12. Вып. 6. Отд. 3. С. 502).

Следуя традиции, мы публикуем оба текста под одним заголовком, обозначив границу между ними звездочкой.

Примечание 2 сделано М. В. Станюкович. Остальные примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Группа Пеган на современных картах именуется атолом Мапия. В XIX в. эта островная группа находилась в зависимости от султаната Тидоре, сохранявшего формальную независимость, но фактически включенного в голландскую колониальную империю.

² В ч. р. далее: «находящегося также почти под экватором, под 168° восточной долготы».

³ Английский капитан Ф. Картерет в 1766—1769 гг. совершил кругосветное плавание, в ходе которого сделал несколько географических открытий в Полинезии и Меланезии. В сентябре 1767 г., следуя с востока на запад севернее Новой Гвинеи, он подходил к группе Пеган (Мапия) и оставил краткое описание ее обитателей. См.: *Hawkesworth J. (comp.). An Account of the Voyages Undertaken... for Making Discoveries in the Southern Hemisphere, Vol. 1. London, 1773. P. 387—389.*

⁴ В «письме втором», посланном Миклухо-Маклаем в РГО, здесь далее следует большая статья об о. Вуап (Яп). В соответствии со структурой настоящего издания эта статья публикуется в т. 3.

⁵ Миклухо-Маклай совершал путешествие на шхуне «Си бэрд». Ее шкипер Дэвид Дин О'Киф — одна из колоритнейших фигур в истории колониализма в Океании. Выходец из Ирландии, он в качестве капитана торгового судна участвовал в американской гражданской войне 1861—1865 гг. на стороне рабовладельцев. Убив матроса, О'Киф в 1871 г. бежал из США на острова Океании. После ряда приключений он стал владельцем шхуны, а потом и еще одного судна. О'Киф продавал жителям Япа и других островов, расположенных в западной части Каролинского архипелага, огнестрельное оружие, табак, спиртные напитки и другие товары. Кроме того, он доставлял на Яп на своих судах каменные «деньги», изготавливаемые на островах Палау (ранее островитяне с большим риском для жизни привозили эти тяжелые каменные диски, весом до тонны, на парусных лодках и плотах). Взамен вожди Япа продавали ему большое количество копры, а также снабжали его почти даровой подневольной рабочей силой для заготовки трепанга. К концу 1870-х годов О'Киф овладел большей частью торговли Япа и прилегающих островов с внешним

миром и стал дерзко называть себя «королем Япа, суверенным правителем Сонсо-рола и монархом Мапии». Он грубо и высокомерно обращался с находившимися у него на службе европейцами, жестоко эксплуатировал островитян, не останавливаясь перед явными преступлениями, но ловко уходил от ответственности за совершенные злодеяния. Не называя О'Кифа по имени, Миклухо-Маклай рассказывает о его преступных действиях в нескольких очерках и статьях, включенных в т. 2 и 3 наст. изд., и прямо выдвигает против него обвинения в «Записке о похищении людей и работорговле в западной части Тихого океана», публикуемой в т. 5.

⁶ О. Адмиралтейства, главный остров архипелага того же названия, на современных картах именуется о. Манус. Тауи — название деревни на южном берегу о. Манус и расположенного возле нее островка. См.: *Mead M. Kinship in the Admiralty Islands*. N.Y., 1934. P. 193—194. Не располагая сколько-нибудь достоверной информацией по этому вопросу, Миклухо-Маклай в одной из статей справедливо предположил, что топоним Тауи «принадлежит деревне или части острова, откуда высленцы вышли». См. «Несколько сведений об островах Агомес...» в т. 3 наст. изд.

⁷ См. сообщение «О большезубых меланезийцах» в т. 3 наст. изд.

〈Острова Адмиралтейства〉

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 59, 61. Занимает все «письмо третье» (№ 59) и часть «письма четвертого» (№ 61).

Впервые: Изв. РГО. 1878. Т. 14. Вып. 5. Отд. 2. С. 409—455. Издатели отказались от дневникового принципа организации текста: даты и названия местностей, служившие в рукописи подзаголовками, либо введены в середину фразы, либо опущены. Граница между третьим и четвертым «письмами» не обозначена; убран даже подзаголовок, с которого начинается «письмо» четвертое: «Северный берег о. Тауи, или о. Адмиралтейства».

В первом переиздании (1941. Т. 2. С. 7—38) текст, по-видимому, взятый из публикации Изв. РГО, был подвергнут стилистической правке. При втором переиздании (СС. Т. 2. С. 252—293) за основу был взят текст белой рукописи, восстановлен дневниковый принцип, однако учтены некоторые изменения, сделанные в предыдущих изданиях, и внесена дополнительная стилистическая правка. В этих изданиях исключено «Пояснительное примечание», расположенное в начале текста, и подзаголовок «Острова Адмиралтейства», следующий за ним.

Беловые рукописи «письма третьего», «письма четвертого» и последней части («Архипелаг Пелау...») «письма второго» написаны на бумаге с водяными знаками, разрезанной на одинарные листы. Они оформлены очень сходно и, вероятно, были написаны друг за другом. Нумерация сносок цифровая, сплошная для всех этих текстов (данная особенность в нашем издании не сохраняется). Почерк автора то четкий и аккуратный, то размашистый и неровный. Чернила черные выцветшие. Нумерация двойная: авторская, сплошная для всех этих текстов, и вторая, отдельная для каждой рукописи (типографская или архивная). Листы исписаны с обеих сто-

рон (кроме л. 57, оборот которого чист). На полях сначала карандашом, а после поверх красными чернилами написаны «индексы содержания» (своеобразная рубрикация), относительно которых сам автор в конце «письма четвертого» (№ 61. Л. 124 об.) написал, что их следует либо давать, как в рукописи (на полях мелким шрифтом), либо не печатать вовсе (см. письмо от 20 марта 1877 г. в т. 5 наст. изд.). В настоящем издании, как и в предыдущих, «индексы содержания» не печатаются.

Беловая рукопись хранит следы разметки для типографских наборщиков, кое-где — отпечатки их пальцев. На всех листах сохранились сгибы для пересылки в конверте. Сохранность рукописи удовлетворительная.

Сравнение белой рукописи с черновой (ч. р.) показывает, что при переписке текст подвергся незначительной переработке и небольшому расширению. Значимые расхождения отражены нами в примечаниях. В черновике нет «индексов содержания». Автор размечал текст на «письма» на позднем этапе работы, во всяком случае после окончания черновика.

Примечания 7, 8, 12, 23, 24, 29—31 составлены М. В. Станюкович, 15 — Я. С. Старобогатовым. При подготовке примечания 9 использовано соответствующее примечание в СС. Т. 2. Остальные примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ *Фе* — каменные диски с отверстием посередине, служившие деньгами на о. Вуап (Яп). Они изготовлялись на островах Пелау (Палау). См. подробнее раздел «Деньги» в статье «Остров Вуап, или Яп», публикуемой в т. 3 наст. изд.

² *Матра-матп* — здесь жрец, колдун. См. об этом подробнее в разделе «Управление и сословия» статьи «Остров Вуап, или Яп» (т. 3 наст. изд.).

³ См. раздел «Этнологические заметки» статьи «Архипелаг Пелау» в т. 3 наст. изд.

⁴ Многие из перечисленных здесь островов на современных картах имеют иные названия: Св. Матвея — Мусау, Санта-Габриэль — Пак, Сан-Рафаэль — Тон, Ла Вандола — Науна, а упоминаемая чуть ниже группа Иезу-Мария — Рамбуто.

⁵ Рея — круглый брус, подвешиваемый горизонтально за середину к мачте и служащий для привязывания и несения прямых парусов. Стеньга — верхняя часть составной мачты. Штаг — снасть, поддерживающая мачту спереди.

⁶ Обитатели некоторых прибрежных районов Новой Гвинеи, а также коренное население Северной и Центральной Меланезии (включая острова Адмиралтейства и Новую Ирландию) принадлежат к меланезийскому расовому типу. Однако на Новой Гвинее в целом преобладает папуасский расовый тип, очень близкий к меланезийскому, но отличающийся от него крючковидным изгибом в хрящевой части носа. В некоторых глубинных районах Новой Гвинеи встречается малорослый негритосский тип, также во многом сходный с меланезийским. Эти три типа, а также новокаледонский образуют меланезийскую расу, которая входит в состав австралоидной большой расы.

⁷ В ч. р. далее: «были оправлены и прикреплены к рукоятке, вероятно, тою (?) же смолистою массою, которая служит для обмазания корзин. Эта оправа представляла окрашенную разнообразную резьбу».

⁸ В ч. р. далее: «наподобие микро- и полинезийской, аппаратом, описанным выше».

⁹ Собственно татуировка (от полинезийского слова «тату» — накалывание) более заметна на светлой коже. Темнокожие народы наносят на тело рубцы (скарификация). На островах Адмиралтейства встречаются и татуирование, и скарификация.

¹⁰ Миклухо-Маклай посетил о. Новая Ирландия 31 августа—3 сентября 1871 г. на «Витязе» по пути на Новую Гвинею (см. т. 1 наст. изд., с. 402). О пребывании Миклухо-Маклая в марте 1873 г. на о. Лусон см. его статью «О папуасах (негритосах) на о. Люсоне» в т. 4 наст. изд.

¹¹ Уссия (усиан) — одна из основных групп, на которые в XIX в. делилось население большого острова Адмиралтейства (Манус) и прилегающих к нему островков. Основным занятием усиан, обитавших главным образом во внутренних районах большого острова, было земледелие. Они подразделялись на более чем 20 мелких групп, имеющих свои диалекты. Уссия находились в зависимости от моанус (манус, другое самоназвание — титан) — мореходов и рыбаков, населявших преимущественно южное побережье главного острова и некоторые островки. Промежуточное положение между моанус и усиан занимали матанкор — рыбаковы и земледельцы.

¹² В ч. р. далее: «и разные этнологические предметы, известные между ними под названием *Curio* (диговинка)».

¹³ Альфред Рассел Уоллес (1823—1913) — английский натуралист, создавший одновременно с Ч. Дарвином теорию естественного отбора, один из основателей зоогеографии. В 1854—1862 гг. обследовал Малайский архипелаг, включая некоторые прилегающие к Новой Гвинее острова, побывал на ее северо-западном побережье. Миклухо-Маклай имеет в виду двухтомный труд Уоллеса «Малайский архипелаг». В его распоряжении находился немецкий перевод этого труда: *Wallace A. R. Der Malayische Archipel*. Braunschweig, 1869. Критикуемое высказывание Уоллеса: Bd. 2, S. 251—252.

¹⁴ Кроме труда английского капитана Ф. Картерета (см. прим. 3 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в наст. томе) Вайц ссылается еще на сочинение английского мореплавателя Дж. Хантера, совершившего в 1791 г. плавание из Порт-Джексона (Сиднея) в Батавию, и на книгу немецкого ученого И. Р. Форстера, участвовавшего в 1772—1775 гг. во втором кругосветном плавании Дж. Кука. См.: *Hunter J. Reise nach Neu-Süd-Wales // Magazin von merkwürdigen neuen Reisebeschreibungen*. Bd. 11. Berlin, 1794; *Forster J. R. Bemerkungen über Gegenstände der physischen Erdbeschreibung, Naturgeschichte und sittlichen Philosophie auf einer Reise um die Welt gesammelt. Uebersetzt und mit Anmerkungen von dessen Sohn und Reisegefährte Georg Forster*. Berlin, 1783.

¹⁵ Принятое ныне в науке название этой раковины — *Ovula ovum* (подкласс *Pectinibranchia*). Род *Bulla* относится к подклассу *Opisthobranchia*.

¹⁶ В сноске Миклухо-Маклая автором этой работы назван Н. Номброн и приведены ее весьма неточные выходные данные. Это связано, по-видимому, с тем, что, не имея при себе многотомной публикации результатов экспедиции Ж. Дюмон-Дюрвиля, Миклухо-Маклай сослался на данную работу по труду Вайца (Т. *Waitz*. Op. cit. Bd. 6), где в этом, как и во многих других случаях, сноска весьма неточна и в качестве автора обозначен Номброн.

¹⁷ Возможно, имеется в виду книга: *Notes and Queries on Anthropology, for the Use of Travellers and Residents in Uncivilised Lands*. Edited for the British Association for the Advancement of Science by L. Fox. London, 1874.

Упомянутые в этой же авторской сноске К. Шерцер и Э. Шварц участвовали в 1857—1859 гг. в кругосветной экспедиции на австрийском фрегате «Новара».

Об антропологической программе Вирхова см. прим. на с. 212 наст. тома.

¹⁸ В сохранившихся дневниках и других материалах о первом пребывании ученого на Берегу Маклая этот эпизод не отражен.

¹⁹ См. статью «Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства» в т. 3 наст. изд.

²⁰ Впоследствии Миклухо-Маклай нашел более правильное объяснение явлению «макродонтизма». См. запись от 24 октября 1879 г. в очерке «Островок Сорри» в наст. томе и статью «Вторая заметка о макродонтизме меланезийцев» в т. 3 наст. изд.

²¹ См. об этом прим. 15 к «Фрагментам полевого дневника за 1872 г.» в т. 1 наст. изд.

²² В сообщении Р. Вирхова «О черепах с Новой Гвинеи», прочитанном 15 марта 1873 г. на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, речь шла преимущественно о двух папуасских черепах с Берега Маклая, которые немецкий ученый А. Б. Майер приобрел в Маниле у офицеров русского корвета «Изумруд». В связи с этим Вирхов высказал некоторые общие суждения о папуасском расовом типе и его месте в расовой систематике. См.: *Virchow R. Über Schädel von Neu-Guinea/Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Sitzung vom 15. März 1873 // Zeitschrift für Ethnologie. 1873. Bd. 5. Beilage. S. 65—73.*

²³ В ч. р. далее: «со всеми этнологическими особенностями, причем не доставало обточенного куска раковины в отверстии носовой перегородки, ни большого папуасского гребня в волосах, даже *Bulla ovum* красовалась на ухе, которого оттянутая часть мочки была, кроме того, украшена множеством черепаховых колец».

²⁴ В ч. р. далее: «совершенно подобный, как и «ямби» на Берегу Маклая».

²⁵ О пребывании Миклухо-Маклая в Пунта-Аренас см. в наст. изд. т. 1, с. 37—58.

²⁶ Справедливо критикуя утверждение Г. Герланда о наличии «князей» на островах Адмиралтейства, Миклухо-Маклай в то же время несколько недооценивает различия в уровне общественного развития обитателей Берега Маклая и населения этих островов. Так, в этнотерриториальной группе моанус (манус) вожди пользовались значительной властью и имели дружины, состоявшие из родственников, свободных общинников и военнопленных-рабов. См.: *Parkinson R. Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907. S. 396—398.*

²⁷ См.: «Первое путешествие по Малаккскому полуострову» в наст. томе, с. 37.

²⁸ На островах Адмиралтейства лук был известен, но употреблялся не повсеместно, притом не как боевое оружие, а как орудие охоты.

²⁹ В ч. р. далее: «Фигур, подобных «телумам» Берега Маклая, я не видел; может быть, они их спрятали, может, их не делают большей величины, чем те, которые мне удалось купить в 1-й день на шкуне и которые не были выше 20 см. Эти фигурки, представляющие людей обоих полов, не имели ничего характеристичного ни в положении фигурки, ни в аксессуарах».

³⁰ В ч. р. далее: «Строители не были лишены идеи симметрии».

³¹ В ч. р. на полях карандашный набросок сноски: «К стыду белых, этих людей обманывают тредоры при торге даже и в таких необходимых для туземцев вещах, как железо. Им продавали, например, на шкуне, цена крайне дорога, нарубленные и обточенные с одной стороны куски от обручей старых бочек. Туземцы и этим довольны, лучшего не знают пока, когда узнают и не станут брать старых обручей, мы им привезем железные стамески и *(неоконг.)*».

³² Кава (*Piper methysticum*) — кустарниковое перечное растение, а также напиток из его корней, обладающий наркотическим действием. Кава употребляется на островах Полинезии, за исключением Новой Зеландии, а также в Южной и Центральной Меланезии.

Пинанг — плод арековой пальмы, один из компонентов бетеля (см. прим. 33 к «Первому пребыванию на Берегу Маклая в Новой Гвинее» в т. 1 наст. изд.).

Ареалы кавы (кеу) и бетеля разграничены, но на Берегу Маклая Миклухо-Маклай зафиксировал употребление обоих этих наркотиков. См. статью «Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее» в т. 3 наст. изд.

³³ На этом участке северо-восточного побережья о. Адмиралтейства (Манус) и прилегающих островках располагались деревни группы матанкор, состоявшие из наземных хижин. На южном берегу Мануса Миклухо-Маклай посетил деревни группы моанус (манус), для которой были характерны свайные постройки.

³⁴ См. «Программу предполагаемых исследований во время путешествия на острова и побережья Тихого океана» в т. 3 наст. изд.

Группа Агомес, или Хермит (от 10—12 июня)

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 62. Л. 1—24.

Впервые: Изв. РГО. 1879. Т. 15. Вып. 2. Отд. 2. С. 25—37, со стилистической правкой.

Переиздано: 1941. Т. 2. С. 82—90; СС. Т. 2. С. 294—311. В этих весьма близких друг к другу, но не вполне идентичных изданиях встречаются небольшие пропуски, проведена значительная стилистическая правка.

Беловая рукопись (№ 62), составляющая «письмо пятое», включает этот текст, а также тексты «Несколько сведений об островах Агомес, узнанных от тредора Шоу, прежде жившего на этой группе» и «Несколько слов о ловле трепанга на островах западной части Тихого океана близ экватора», публикуемые в т. 3. Нумерация сносок сплошная по всей рукописи (эта особенность не сохраняется в нашем издании).

Текст написан мелким четким почерком, черными чернилами на полупрозрачной бумаге большого формата типа кальки. Листы исписаны с одной стороны. Сохранность рукописи удовлетворительная. Незначительная правка, встречающаяся в рукописи, сделана, видимо, при переписке текста с черновика. В конце рукописи (л. 38) обозначено место ее написания: «Бугарлом, на Берегу Маклая в Новой Гвинее».

Черновик текста входит в черновую рукопись описания путешествия 1876 г. по Западной Микронезии и Северной Меланезии (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 13. Л. 76 об.—84). Значимые расхождения с беловой рукописью отражены нами в примечаниях.

Примечания 1—4, 6—7 составлены М. В. Станюкович. При подготовке примечания 13 использовано соответствующее примечание из СС. Т. 2. Остальные примечания сделаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ В ч. р. далее сноска: «Существование третьей, о которой туземцы мне говорили, осталось для меня проблематичным по случаю недостаточного обоюдного понимания (туземцы знают едва несколько английских слов)».

² В ч. р. далее: «Остров покрыт растительностью с длинной береговой полосой кокосовых пальм разной высоты и *(I нрзб)* очень прибавляющей привлекательности виду».

³ В ч. р. далее: «около месяца».

⁴ В ч. р. далее: «или chief» *(вождь (англ.))*.

⁵ Уоллес, посетивший лишь одно поселение на северо-западном побережье Новой Гвинеи, дал в своем труде довольно субъективную характеристику «общего папуасского типа» и при этом утверждал, что его ареал охватывает всю Меланезию. См.: Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Bd. 2. Braunschweig, 1869, S. 411—413 (Миклухо-Маклай пользовался этим изданием книги Уоллеса).

⁶ В ч.р.: «их большие бороды».

⁷ В ч. р. к этому месту текста была дана сноска, оставшаяся неоконченной: «Многие путешественники, недавно познакомившиеся с чужестранным племенем, весьма отличным от собственного, редко бывают достаточно справедливы даже относительно его внешности. Отчасти причина *(неоконч.)*».

⁸ О гипертрофированных зубах (макродонтизме) см. прим. 20 к тексту «Острова Адмиралтейства» в наст. томе.

⁹ *Бай-бай* — мужской дом на о. Вуап (Яп). См. о нем в разделе «Постройки» статьи «Остров Вуап, или Яп» в т. 3 наст. изд.

¹⁰ Здесь и ниже Миклухо-Маклай использует топоним Тауи для обозначения всей группы островов Адмиралтейства. О топониме Тауи см. прим. 6 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в наст. томе.

¹¹ Миклухо-Маклай был первым, кому удалось собрать более или менее обстоятельные сведения об антропологическом типе и культуре населения островов Агомес, Ниниго и Хермит. Как отмечал известный немецкий этнограф и лингвист О. Демпвольф, русскому ученому «мы обязаны первыми разъяснениями относительно трех северных групп, которые мы отныне можем обозначить правильными туземными названиями, как Каниед (Anachoreten), Агомес (Hermits) и Ниниго (L'Echiquier)». См.: *Dempwolf O. Über aussterbende Völker (Die Eingeborenen der westlichen Inseln) in Deutsch-Neu-Guinea) // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 36. Heft 3—4. 1904. S. 386.*

Снова посетив острова Агомес и Ниниго в 1879 г., Миклухо-Маклай установил (это осталось неизвестным Демпвольфу), что Агомес — измененное местным произношением английское слово Hermits (Отшельники) — европейское название группы, которое островитяне часто слышали от шкиперов торговых судов. Местное же название группы — Луб (правильнее — Луф), по имени ее главного острова.

Материалы о населении островов Хермит, Каниет и Ниниго содержатся также в заметке «Группа Ниниго» в наст. томе и в публикуемых в т. 3 статьях «Антропологические заметки, собранные во время путешествия в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.», «Антропологические заметки о туземцах группы Агомес», «Несколько сведений об островах Агомес, узнанных от тредора Шоу, прежде жившего на этой группе», «Вторая заметка о макродонтизме меланезийцев» и «Краткий обзор результатов антропологических и анатомических исследований в Меланезии и Австралии».

¹² Несколько ложек (шпательей) для извлечения извести из калebas, приобретенных Миклухо-Маклаем на островах Хермит, хранится в МАЭ (колл. 168).

¹³ Карательная экспедиция, описанная Миклухо-Маклаем, была проведена в 1874 г. Бесчинства и жестокости европейских моряков и торговцев привели к тому, что в 1882 г. на о. Луб (Луф) были убиты еще двое белых. В отместку за это в 1883 г. была снаряжена еще одна карательная экспедиция. Деревня на о. Луб была сожжена. Многие жители были убиты или покончили с собою, чтобы не попасть в руки карателей.

¹⁴ В 1783 г. у побережья о. Корор наскочило на риф английское судно «Энтилоуп» под командованием капитана Джона Уилсона (Вильсона). Местные жители гостеприимно приняли английских моряков, и те смогли отремонтировать свое судно и продолжить плавание. Этот случай получил широкую известность в Европе благодаря книге, написанной другом Вольтера Джорджем Китом, которая была переведена на многие языки (*Keate G. An Account of the Pelew Islands... Composed from the Journals and Communications of Captain Henry Wilson and Some of His Officers. London, 1788*). В 1791 г. английский капитан Джон Макклор на судне «Индевэр» привез жителям Корора различные подарки, в том числе крупный рогатый скот, овец и свиней, в знак признательности за гостеприимство, проявленное к Уилсону и его спутникам.

¹⁵ См. об этом статью «Антропологические заметки о туземцах группы Агомес» в т. 3 наст. изд.

Группа Ниниго (13—17 июня)

Печатается по рукописи: ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 13. Л. 57.

Впервые: СС. Т. 2. С. 312—313, с неправильным прочтением нескольких слов, обусловленным неразборчивым почерком оригинала.

Текст представляет собой незаконченный отрывок, написанный на листе голубой бумаги, который вложен в черную клеенчатую тетрадь, содержащую черновик описания путешествия 1876 г. по Западной Микронезии и Северной Меланезии. Место вложения листа случайно: между страницами, содержащими антропологические наблюдения о жителях островов Адмиралтейства.

Текст написан черными чернилами, мелким убористым почерком в столбик, занимающий левую половину страницы. Обрат лист чист. Запись явно не завершена.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Лот — прибор для измерения морских глубин.

² Луи Антуан Бугенвиль (1729—1811) в 1766—1769 гг. руководил первой французской кругосветной экспедицией, внесшей крупный вклад в изучение южной части Тихого океана. В августе 1768 г. он подходил к группе Ниниго. «...Неоднократно измеряя глубину, мы дна не доставали, — говорится в его описании экспедиции. — В этом заключается основная опасность этих земель: почти на расстоянии двойной длины корабля от рифов, окаймляющих эти земли, нет места для стоянки» (*Бугенвиль А. А. Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транс-*

порте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. М., 1961. С. 233). Ввиду беспорядочного расположения островков, требовавшего частой перемены курса корабля, Бугенвиль назвал эту группу Эшикье (Шахматная доска).

³ Очевидно, имеется в виду Паумоту (современное название Туамоту) — большая группа коралловых островов, расположенная к востоку от Таити.

«Читая мои письма...»

Печатается по рукописи: ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 13. Л. 32 и 32 об.

Впервые: СС. Т. 2. С. 314—315, с небольшими сокращениями, неправильным прочтением отдельных слов и стилистической правкой.

Лист с этим текстом вложен в черную клеенчатую тетрадь, содержащую черновик описания путешествия 1876 г. по Западной Микронезии и Северной Меланезии. Место вложения листа случайно: между страницами, содержащими описание построек на островах Пелау (Палау).

Текст представляет собой черновой карандашный набросок, написанный очень неразборчиво мелким почерком в два столбца на лицевой стороне и в один столбец на обороте. Многие слова недописаны. Темы, затронутые в этом наброске, развиты Миклухо-Маклаем в ряде очерков и статей.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Речь идет о шкипере шкуны «Си бэрд» Дэвиде Дине О'Кифе. См. о нем прим. 5 к тексту «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в наст. томе.

² Миклухо-Маклай неоднократно возвращался в своих работах к этому чудовищному злодеянию и более подробно рассказал о нем в статье «Несколько слов о ловле трепанга на островах западной части Тихого океана близ экватора» (т. 3 наст. изд.) и в «Записке о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана» (т. 5 наст. изд.).

Второе путешествие на Берег Маклая (1876—1877 гг.)

В начале 1876 г. Миклухо-Маклай, находившийся на о. Ява, решил вернуться на Берег Маклая. Решение было продиктовано в первую очередь его тревогой за судьбу папуасов, вызванной обострением борьбы колониальных держав вокруг Новой Гвинеи и слухами о якобы намечавшейся аннексии южного и восточного берега острова Великобританией. О политических целях своего путешествия, о намерении защищать свободу и права папуасов «своего» Берега Миклухо-Маклай сообщил в письмах А. А. Мещерскому (от 17 марта 1876 г.) и Ф. Р. Остен-Сакену (от 26 марта), публикуемых в т. 5 наст. изд. По просьбе Миклухо-Маклая Остен-Сакен передал его письмо для публикации в либеральную газету «Голос». Газета в неболь-

шой статье напомнила о выдающихся итогах первого пребывания Миклухо-Маклая среди папуасов, об обещании, данном им путешественником при отъезде: возвратиться, «когда узнает, что возвращение его может быть для них полезным и необходимым»; высказав резкую критику по адресу «колонизаторских держав», газета указала на большую опасность, которой подвергается независимость острова. И в заключение: «Если посреди всех разнообразных, своекорыстных интересов, которые сталкиваются теперь в Новой Гвинее, нашему соотечественнику (...) удастся сплотить в одно целое разбросанное население северо-восточного берега и образовать самостоятельную колонию — это будет, во всяком случае, большая заслуга перед человечеством. Для нас не может не быть утешительной мысль, что представителем бескорыстных, истинно человеческих стремлений в этих далеких странах является русский человек» (Голос, 1876. № 303).

О политической обстановке вокруг Новой Гвинеи в 1875—1876 г., о позиции Миклухо-Маклая и его действиях, направленных на сплочение деревень Берега в единый социальный организм, см.: *Тумаркин Д. Д.* Папуасский союз (из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи) // *Расы и народы: Ежегодник. 7. М., 1977. С. 106—109.*

Другой важной задачей путешествия Миклухо-Маклай называл продолжение исследований по этнографии, антропологии, естествознанию.

Высадке на Берег Маклая предшествовало длительное плавание на шхуне «Sea-Bird» (см. об этом раздел «Путешествие в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.» в наст. томе и примечания к нему). О возвращении Миклухо-Маклая на Новую Гвинею сообщалось в русской печати: в том же номере «Голоса» со ссылкой на телеграмму Международного телеграфного агентства из Сингапура, в Изв. РГО (1876. Т. 12, Вып. 5. Отд. 1. С. 189) со ссылкой на частную телеграмму из Сингапура от 24 октября. Сообщение самого Миклухо-Маклая от 3 июля о высадке и первых днях жизни на Берегу было изложено в Изв. РГО (1876. Т. 12, Вып. 6. Отд. 1. С. 204) и полностью опубликовано там же (Отд. 2. С. 505) (См. полный текст: «Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в наст. томе).

Помимо материалов, завершенных Миклухо-Маклаем для печати, в его рукописном наследии сохранилось очень немного источников, относящихся ко времени второго пребывания на Берегу. Из них лишь несколько фрагментов могут быть опубликованы в наст. томе и в т. 3 наст. изд., большая их часть используется в примечаниях.

Приводим перечень источников.

1. Записная книжка в плотном переплете, охватывающем ее левую половину. На переплете поперек: «№ 4», на обратной стороне: «Нов. Гвинея» (синим карандашом). На титуле: «1876/7. Maclay-Küste». На обратной стороне титула: «1876-7. Бугарлом и Айру». На л. 1: «1876 июль. Берег Ма-

клая. Миклухо-Маклай, Бугарлом, Айру, ноябрь 1877» (АИЭ(М). Далее: ЗК—1876—1877).

2. Карманная записная книжка из сложенных вдвое небольших листов. На л. 1: «Миклухо-Маклай, 1876». Записи, относящиеся к Берегу Маклая, на л. 24 об.—29 об. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 55. Далее: ЗК—1876, 1).

3. Карманная записная книжка из сложенных вдвое небольших листов с вложенными одинарными листками. На л. 1: «1876. Берег Маклая, август-8» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 83. Далее: ЗК—1876, 2).

4. Карманная записная книжка из нарезанных листов. Возможно, при архивной обработке порядок листов нарушен. Записи относятся к марту—сентябрю 1877 г. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 60. Л. 1—43 об. Далее: ЗК—1877, 1).

5. Карманная записная книжка из 4 сложенных тетрадных листов. Возможно, что при архивной обработке ошибочно отделена от предыдущей. Записи относятся к марту—апрелю 1877 г. (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 63. Л. 43—50 об. Далее: ЗК—1877, 2).

6. Карманная записная книжка, сшитая из сложенных вдвое неполных тетрадных листов разного размера. Записи относятся к апрелю—маю 1877 г. (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 25. Л. 1—8 об. Далее: ЗК—1877, 3).

7. Карманная записная книжка, сшитая из сложенных вдвое линованных листов. Записи относятся к июлю 1877 г. (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 24. Л. 3—10 об. Под этим же шифром — отдельные листки 1—2. Далее: ЗК—1877, 4).

8. Исписанный с обеих сторон листок с заметками о горах и по метеорологии (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 8). Опубликовано в СС. Т. 3. Ч. 2. С. 308. См. в т. 4 наст. изд.

9. Листы из альбома с рисунками и разрозненные листки с заметками, относящимися ко второму пребыванию на Берегу Маклая (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 53).

10. Записная книжка «Ethnologia» (описание ее см. в наст. томе, с. 479). Л. 35 об. содержит заметки, относящиеся ко второму пребыванию на Берегу Маклая.

Второе пребывание на Берегу Маклая (июнь 1876 г.—ноябрь 1877 г.)

Печатается по рукописи АИЭ (П). Ф. К — V. Оп. 1. № 294.

Впервые: Изд. 1923. С. 491—552, со значительной перекомпоновкой текстов, многочисленной правкой и не в полном виде.

Рукопись, как обычно в РПТ, на больших листах в синюю линейку, частично сшитая в тетрадь, частично — в виде подборки разрозненных одинарных и двойных листов. Пагинация — полистная, печаткой (л. 00290—00350; в пагинации допущена ошибка: после 00292 — сразу

00299) — фиксирует связь этой части РПТ с предыдущей («Второе путешествие в Новую Гвинею», см. т. 1 наст. изд.) и следующей («Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.», см. в наст. томе). Заглавие в рукописи отсутствует.

Писана рукопись тремя почерками, теми же, что и другие части РПТ (см. с. 11—12 и 464 т. 1 наст. изд.). Текст переписчиков — на левой половине листов, правая оставлена чистой, и на ней позднее внесены дополнения и поправки. Кроме того, поправки сделаны и в тексте переписчиков. Работа последних шла несомненно под диктовку, в ходе которой Миклухо-Маклай создавал текст, о чем свидетельствует характер поправок, вносившихся переписчиками по ходу работы: видно, как автор, диктуя, заменял тут же слова, слегка перестраивал фразы. В следующих примерах замененные при диктовке слова приводятся в прямых скобках: «...» «было убито [падаю] упавшими кокосовыми деревьями»; «береговы[м]е деревн[ям]и [угрожали] пострадали главным образом от необыкновенно больших волн»; «площадку [около моей] на месте моей»; «продолжал [расправляться со св] чинить расправу»; «[Подойдя к ним] Увидя меня» и др. Текст РПТ свидетельствует также о том, что Миклухо-Маклай по ходу работы указывал переписчикам на допущенные ими ошибки: «[Скалеу] Каму»; «[Многие] Ноги все еще сильно болят» и др.

Текст, принадлежащий двум первым переписчикам, был затем подвергнут правке тем же неизвестным редактором, что и в других частях РПТ (по-видимому, ему же принадлежит третий почерк). Правка носила в первую очередь стилистический характер: исправлялись выражения, казавшиеся редактору неловкими, тяжеловесными; стиль автора в целом нивелировался. При этом редактор в угоду «правильности» слога допускал разного рода отступления от первоначального смысла. Например, вместо: «предпочел не оставаться жить в самой деревне» — «предпочел не жить в одной из деревень»; вместо: «После этой катастрофы случилось много заболеваний и смертных случаев на Берегу Маклая» — «После этой катастрофы в соседних местностях случилось много заболеваний, окончившихся смертью»; вместо: «Я видел другой образ добытия невесты» — «Я видел другой род свадьбы»; вместо: «созывающий к оружию» — «призывающий к оружию». По-видимому, Миклухо-Маклай не заметил этих неточностей, и поправки приходится сохранять при воспроизведении РПТ. Ряд поправок и фактических дополнений внесены рукой самого автора. В целом данную часть РПТ можно рассматривать как завершенную в текстологическом отношении.

Однако нельзя считать завершенным и полностью осуществленным замысел этой части истории путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею. В отличие от предыдущих частей, построенных последовательно в форме дневников, здесь сначала идет схематичный хроникальный обзор

событий от июня 1876 г. до ноября 1877 г., а затем дается подробное изложение не всегда датируемых отдельных эпизодов жизни, экскурсий, фактов, представляющих этнографический интерес. Связь между двумя частями неоднозначна: не все сюжеты и темы, обозначенные в «хроникальной» части, отражены затем во второй, вследствие чего возникает впечатление незавершенности. Можно предположить, что в момент работы над РПТ Миклухо-Маклай не располагал полевыми дневниками 1876—1877 гг. Более того, есть все основания считать, что как раз эти дневники находились среди утраченных им «манускриптов», связанных с путешествиями этих годов (см. о пропаже рукописей в очерке «Один день пути» в наст. томе). Таким образом, Миклухо-Маклаю пришлось восстанавливать общую картину и отдельные эпизоды второго пребывания частично на основании имевшихся у него полевых материалов, частично — по сохранившимся отчетам, а также по памяти.

При подготовке текста к публикации Д. Н. Анучин отнесся к этой части РПТ как незавершенной заготовке и счел возможным произвести в ней значительную перекомпоновку. Он расположил эпизоды второй части в соответствующих местах части первой, привязав их к помесечным заметкам (при этом из самих заметок ради связности пришлось убирать отдельные фразы и даже целые абзацы). В некоторые помесечные заметки первой части он внес эпизоды из ЗК (так в тексте оказались отсутствовавшие в РПТ рассказы об экскурсиях в Марагум-Мана, в деревню Рай и о праздниках *муи*). Кроме того, из второй части был исключен эпизод «Убеждение о моей глубокой старости». Вся эта работа была проделана по копии, снятой с части РПТ (АИЭ(П). К-V. Оп. 1. № 296). По ней же были сделаны многочисленные стилистические поправки. В итоге рукопись копии приобрела такой вид, что для набора с нее пришлось снимать новую, уже машинописную копию (об этом сохранилась помета на л. 301 об. копии РПТ). Заглавие внесено на л. 1 копии РПТ рукой Д. Н. Анучина. Возможно, что он взял его с титульного листа части РПТ, позднее исчезнувшего, но возможно также, что воссоздал его по аналогии с предшествующими заглавиями.

В изданиях 1940 и СС. Т. 2 композиция, составленная Д. Н. Анучиным, была сохранена, но добавлен текст «Убеждение о моей чрезвычайной старости» и проведена дополнительная стилистическая правка.

В настоящем издании полностью восстановлен текст РПТ. В связи с тем, что несколько листов в ней в настоящее время утрачены, мы даем соответствующие разделы текста по копии РПТ с последовательным освобождением от правки Д. Н. Анучина.

Примечания 3, 17, 42, 44, 58, 60, 65, 69, 70 принадлежат Д. Д. Тумаркину, прим. 67 — Н. А. Бутинову, прим. 4, 7 взяты из СС. Т. 2. Остальные примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ О плавании на шхуне «Sea-Bird» см. предыдущий раздел в наст. томе.

² «Сдержу слово» — относится к обещанию вернуться, которое Миклухо-Маклай дал папуасам при отъезде в декабре 1872 г.

³ Местное название маленького мыса, где в 1876—1877 гг. жил Миклухо-Маклай, — Бугарлом. Улеу (бонг.) песчаный берег.

⁴ Белыми муравьями (white ants) англичане, жившие в колониях, называли термитов (Isotera), о которых здесь и идет речь.

⁵ Подробнее о землетрясениях и их последствиях, в том числе для горных деревень, см. заметки: «О вулканических явлениях на северо-восточном берегу Новой Гвинеи» и «О вулканической деятельности, на островах близ северо-восточного берега Новой Гвинеи и поднятии северной части Берега Маклая на Новой Гвинеи» (т. 4 наст. изд.).

⁶ Имеется в виду статья: «Несколько сведений об островах Агомес, узанных от тредора Шоу, прежде жившего на этой группе» (Изв. РГО. 1879. Т. 15. Отд. 2. См. в т. 3 наст. изд.). Миклухо-Маклай пишет здесь о последствиях наводнения, случившегося из-за сильного шквала. Точнее было бы в данном примечании: «на островах группы Луб». На современных картах эта группа именуется островами Хермит.

⁷ Этот вид кенгуру, описанный Миклухо-Маклаем под названием *Macropus tibol McL.*, как выяснилось, есть уже ранее описан под названием *Macropus browni Rams.*, каковое название за ним и закрепилось.

⁸ Об экскурсии в Марагум-Мана см. «Заметки о втором пребывании на Берегу Маклая» в наст. томе и примечания к ним.

⁹ Об экскурсии в деревню Рай см. «Заметки о втором пребывании на Берегу Маклая» в наст. томе и примечания к ним.

¹⁰ В КЗК—1876, 2, л. 2—2 об. сохранились отрывочные, большей частью не поддающиеся расшифровке заметки об этой экскурсии. Здесь фиксируется маршрут с отметками во времени, указаны направления, отмечены показания барометра, данные о высоте над уровнем моря; карандашный набросок вида на залив, реку, горы, с подписями.

¹¹ Об этой экскурсии — см. далее рассказ «Экскурсия на пик Константин».

¹² О поездке на о. Били-Били отрывочные заметки в КЗК—1876, 2, л. 6 об.: «23 авг., выехав 3 ч., порядочный ветер, так что к 7 час. был в Били-Били. Противный ветер. Экскурсия по берегу *неск. нрзб* <...>. Выбрал место для хижины.

24 <авг.> Постройка хижины. Костюм девочки. Лихорадка. Хорошая работа.

25 <авг.> Хижину построили. Не взял подарков и вернулся в Бугарлом, застал Ульсона в лихорадке».

¹³ Об экскурсии в горные деревни есть отрывочные заметки в КЗК—1876, 2, л. 7—10: «Экскурсия в Энглам, Сегуан и Самбуль-Мана.

29 <авг.> Поднял Сале в 4 ч., вышли в 7-ом. Люди в Горенду были не готовы, задержка. <...>

Череп измерен. Вид на горы. Девочка — разговор». Далее идут записи определения пеленгов.

«Кварталы Энглам-Мана: Мумулум — 1520, Майдум — 1450, Дягулум, Дубу, Улумба, Вакумба. (Цифры, очевидно, обозначают высоту в футах над уровнем моря).

30 <авг.> Очень крутой спуск и скользко. Имеется сланец, съестные грибы, горный поток. <...> К 10 часам при[шли] в Сегуана-Мана. Мерил черепа и опис[ал] 4 квартала. <...> Не умеют делать огонь.

31 <авг.> Спустил[ся] к Ком-Корам <...>. Измерил черепа <...>. Возвр[атился] в Энглам-Мана. Малая заселенность».

Далее в КЗК таблицы взятия пеленгов (частично совпадают с таблицами в ЗК—1876—1877).

«Данные по этнологии горных жителей» либо не попали в записные книжки, либо были утеряны.

¹⁴ Материалы, связанные с этой экскурсией, в сохранившихся записных книжках отсутствуют.

¹⁵ Гарагасси — место, где стояла хижина Миклухо-Маклая в 1871—1872 гг. Посещение это Миклухо-Маклай приурочил к пятилетней годовщине своей первой высадки на берег залива Астроябия.

¹⁶ К этому времени, очевидно, относится рисунок ствола дерева с прикрепленной к нему памятной доской (см. с. 266 т. 1 наст. изд.).

¹⁷ Кокосовые пальмы начинают плодоносить через 7—8 лет после посадки. Этот эпизод показывает, что Миклухо-Маклай предполагал через несколько лет вернуться на Берег Маклая и прочно там обосноваться.

¹⁸ *Ай* в данном случае — название, принятое в языке бонгу для обозначения празднеств различного типа. Во время ритуальных *ай* в деревню входил персонаж под тем же именем, в маске и специальном обрядовом одеянии. Описание одного из празднеств см. в статье «Этнолог. заметки» (т. 3 наст. изд.; там же сделанный Миклухо-Маклаем рисунок персонажа «Ай»).

¹⁹ Операция *мудум* входила в обряд инициации и была, как и сам обряд, окружена тайной. Миклухо-Маклаю долгое время не удавалось узнать ее подробности. Сколько-нибудь обстоятельных описаний обряда в сохранившихся работах ученого нет (см. например, «Антроп. заметки» в т. 3 наст. изд.).

²⁰ Описание *муни* см. в специальной заметке в т. 3 наст. изд.

²¹ См. подробно об этом в разделе «Конечности» в «Антроп. заметках» (т. 3 наст. изд.).

²² Записи об экскурсии в Бурам-Мана отсутствуют. КЗК, отражавшие работу Миклухо-Маклая в последние месяцы 1876 г. и первые два месяца 1877 г., не сохранилось.

²³ См. далее эпизод «Экскурсия в деревню Бомассия».

²⁴ См. далее эпизод «Булу-Рибут».

²⁵ В КЗК—1877, 2, л. 43 об. есть помета об экскурсии в деревню Мале 29 марта 1877 г.

²⁶ См. далее эпизод «Свадьба Мукау».

²⁷ Фраза означает: «Мужчина умер. Приходить нельзя» (бонг.). О разговоре с Бугаем никаких сведений не сохранилось.

²⁸ *Пат* — топор (бонг.).

²⁹ Эпизод «Убеждение о моей чрезвычайной старости» см. далее.

³⁰ Описание западни для диких свиней не сохранилось. Есть два рисунка западни: КЗК—1877, 1. Л. 36 об.; ЗК—1876—1877. Л. 70 об.—71.

³¹ Смысл этой фразы неясен.

Апрельский раздел хроники может быть дополнен еще заметкой в КЗК—1877, 3, л. 2—3 об.: «Богатим, 12 апреля 1877 г.». Здесь среди других записей: «Отправился из Бугарлома в 1 ч., был к 3 1/2 в Богатим, где застал тамо Били-Били. Вечером узнал от Коды-〈Боро〉 множество имен Ямбомба-Хогему, что заставляет меня думать, что опасения мои о нашествии белых и скором одолении туземцев неосновательны».

³² См. далее заметку «Экскурсия на острова Били-Били, Ямбомба и некоторые острова Архипелага Довольных людей».

³³ См. об этом далее эпизод «Болезнь и смерть жены Моте».

³⁴ См. об этом далее рассказ «Июнь. Горима».

³⁵ В сохранившихся полевых материалах эта тема не отражена.

³⁶ См. об этом далее в рассказе «Экскурсия в деревню Телята».

³⁷ См. об этом далее в рассказе от 11, 15, 23, 24, 25 июля.

³⁸ См. об этом далее в заметке «Новый дом».

³⁹ В сохранившихся полевых материалах эти темы не отражены.

⁴⁰ Возможно, к этому сюжету имеют отношения рисунки в КЗК—1877, 1, л. 41, 41 об.: копия, луки, стрелы, пляшущие маски-птицы.

⁴¹ В КЗК—1877, 1, л. 39 об. есть заметка, относящаяся к этому сюжету: «10 октября 1877. Танок-боро гамбор-отар (<...>). Обмахивают женщины. Подарки над покойником. Гамбор. Снимают украшения, даже маль. Речи. (<...>)».

⁴² Речь идет о слугах Миклухо-Маклая: Мёбли (микронезийце с островов Палау) и яванце Сале.

⁴³ Текст «Экскурсия на пик Константин» в РПТ отсутствует, видимо, утрачен. Печатается нами по копии РПТ, где он находится после эпизода «Экскурсия на острова Били-Били...»; на полях — знак, отсылающий к другому месту в рукописи. Листы с текстом перечеркнуты и направлены. В КЗК—1876, 2, л. 3—6 — заметки, относящиеся к этой экскурсии.

⁴⁴ *Динга*, правильное *динги* — здесь шляпка. Это слово, заимствованное из бенгальского языка, широко употреблялось в Ост-Индии для обозначения различных типов лодок, в том числе парусных. Ниже (с. 178) это слово дано в правильном написании.

⁴⁵ К этому несомненно относится запись в КЗК—1876, 2, л. 3 об.: «Тамо Богатим, отправившиеся со мною на пик Константин. 1. Анут. 2. Хорой. 3. Бом. 4. Самар. 5. Лалай. 6. Пукулан. 7. Урен. 8. Гамбу. 9. Пелу. 10. Пасир. 11. Губо. 12. Дали. 13. Санари. 14. Гаян. 15. Ябай. 16. Губай. 17. Егиль. 18. Молобор. 19. К. 20. Ниник. 21. Дуни. 22. Камай. 23. Ямбуи. 24. Гасар. 25. Абедь. 26, 27. Аусиба. 28. Масай. ? 29. Ваги. 30. Дока. 31. Билен. 32. Мока. 33. Табер.» К., очевидно, Коды-Боро, в хижине которого Миклухо-Маклай провел ночь перед экскурсией.

⁴⁶ В КЗК—1876, 2, л. 5, есть запись, свидетельствующая, что Миклухо-Маклай провел в Богати весь следующий день: «15 <авг.> (<...>). Нет ветра. К 12 ч. Бугарлом. Лихорадка».

⁴⁷ Этому эпизоду должен был предшествовать рассказ о пребывании в Айру (о. Били-Били) и на Архипелаге Довольных людей. Возможно, что соответствующий текст был подготовлен, но пропал. Записные книжки, связанные с этой экскурсией, состоявшейся в феврале 1877 г., не сохранились. Внесение в заглавие названия «Бомассия» ошибочно. Согласно отчету «Третье посещение Берега Маклая в 1883 г.» (см. в наст. томе, с. 384), Миклухо-Маклаю в 1877 г. не удалось попасть в деревню Бомассия, и он побывал в деревне Эремпи (ср. также в перечне экскурсий, с. 164), и в отчете «Второе пребывание» (с. 216—217 в наст. томе).

⁴⁸ В данном случае Миклухо-Маклай имеет в виду локальную этническую группу эремпи; в отчете «О втором пребывании на Берегу Маклая» (см. в наст. томе) он отмечает, что люди эремпи населяли более 20 деревень.

⁴⁹ Подробное описание свадьбы Мукао сохранилось в ЗК—1876—1877, л. 52 об. 56, под 30 марта 1877 г. Далее в примечаниях мы приводим дополнения и разночтения из этого текста. На л. 53 рисунок с подписью: «Полный костюм невесты в Бонгу 30/III 77». На л. 53 об. — рисунок с подписью: «Невеста Бонгу, 1877».

⁵⁰ В ЗК—1876—1877, л. 52—54 об.: «Затем один из главных одевальщиков дал Ло заранее приготовленный оним, который последняя взяла в рот, куснув два раза. Этою массою Обор вытер все лицо Ло».

⁵¹ В ЗК—1876—1877, л. 54: «Около входа в деревню группа женщин и несколько человек мужчин остановились. Оплывав вокруг, Обор подал Ло новый най, затем взял от одного из сопровождавших людей так наз. нанга сима, воткнул по одной в саго над локтями, так что они за головой скреплялись, затем дали Ло разжевать бетель и извести (чтобы и рот, и все *(В изд. 1923 здесь: тело)* был бы красен»).

⁵² В ЗК—1876—1877, л. 54 об. здесь карандашные наброски: 1) невеста и три девушки вид сзади; 2) схема расположения участников обряда на площадке, с подписями: «А — ♂♂ Бонгу, приготовляющие инги; В — ♂♂ Бонгу; С — пришедшие с невестой ♂ Гумбу; D — невеста и девочки; E — женщины Гумбу».

⁵³ В ЗК—1876—1877, л. 55 добавлено: «(обыкновенный обычай)».

⁵⁴ В ЗК—1876—1877, л. 55 сделан рисунок карандашом: женщина, сидящая с табиром в руках.

⁵⁵ Этот текст, содержащий разговор с Саулом о возрасте, почти буквально воспроизведен также в статье «Несколько дополнений» (см. далее в наст. томе). Аналогичный текст, почти без разночтений, сохранился в ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 15. Л. 26 об. Вероятно, лист из копии РПТ — в АГО. Ф. 6 Оп. 1. № 81.

⁵⁶ Никаких материалов об этой экскурсии в бумагах Миклухо-Маклая не сохранилось. В КЗК—1877, 1, л. 36 есть перечень имен с общей подписью «Ямбомба». Запись не датирована.

⁵⁷ Источник текста — ЗК—1876—1877, л. 57 об.—63 об. Миклухо-Маклай подверг его незначительной стилистической обработке, местами упорядочил изложение и уточнил подробности.

⁵⁸ Имеется в виду *донган* (бонг.) — кинжал из кости.

⁵⁹ В ЗК—1876—1877, л. 59 об. — рисунки: женщина в хижине, стул, сделанный из весел, и план хижины.

⁶⁰ Явная описка. Очевидно, следует читать «женские мали»: так Миклухо-Маклай в ряде случаев называет женские юбочки из растительных волокон (см., например, раздел «Одежда и украшения» в статье «Этнол. заметки» в т. 3 наст. изд.). Более точное название такой юбочки най — приводится выше, в прим. 51.

⁶¹ В ЗК—1876—1877, л. 60 здесь: «<...> что все это значит и что они говорили, осталось для меня?? (после 2-х летнего пребывания!!)».

⁶² В ЗК—1876—1877, л. 60: «катаран».

⁶³ Экскурсия в Гориму описана как первое посещение Миклухо-Маклаем этой деревни и как первое серьезное знакомство с ее жителями. Между тем в КЗК—1877, 3 несколько листов записей посвящено более ранней экскурсии в ту же деревню. Л. 4: «Май. Горима. Поиск Горимы, дымок, я чуть не разбил шлюбку. Мебли уходил за людьми. Дурная дорога. Амбуй и Гиляса. Буам, костр. казуара *(1 првб)*».

Далее на л. 5—8 об. записаны имена, названия кварталов, отдельные слова и топонимы; рисунок орнамента (или переплетения на циновке). Вероятно, при подготовке текста Миклухо-Маклай просто забыл о майской экскурсии в Гориму.

⁶⁴ *Дарем* — на языке обитателей деревни Бай общинный мужской дом, в котором жили подростки и неженатые мужчины, ночевали гости деревни, хранились предметы культа.

⁶⁵ Бейдевинд — курс судна относительно ветра, при котором ветер дует на судно косо навстречу.

⁶⁶ Рисунок сохранился, см. с. 185.

⁶⁷ Очевидно, имеются в виду две перекрещивающиеся буквы М.

⁶⁸ К описываемой экскурсии почти целиком относится КЗК—1877, 4. На л. 2 заглавие: «Экскурсия в Сингор-Телят (Июль, 1877)». Заметки беглые, отрывочные, со множеством сокращений, не все слова поддаются прочтению. Порядок заметок не соответствует изложению в РПТ. Возможно, что записи делались вразброс или листки КЗК были перепутаны. Рассказ об экскурсии начинается на л. 9 об. и идет назад, но на некоторых листках перебивается разновременными записями на другие темы. В КЗК ряд карандашных набросков: схемы расположения береговых деревень; рисунки гор («Пик Шопенгауэра», «Сируй», «Вид горы Петра Великого от устья р. Вуап или Говар, 6/VII-77»; «Вид от мыса Телята», «От Биби. Вид с 1 холма. 10/VII-77»; две хижины с пальмой, подпись «Сингор»; женщина с мешком; три рисунка лодки под парусом. В тексте РПТ не получили отражения некоторые подробности, отмеченные в КЗК: «10 (июля). Призыв ветра. Толчки по случаю выноса <...> 11 (июля) <...>. Уговорив Монтеско с заграждением унаном, возвратились лесом <...>. Ужин в темноте и бессонная ночь.

12 (июля). Биби — Бугарлом. Черепа. Возвращение к пироге, купанье и завтрак. <...>. Несогласие с туземцами Били-Били <...>.

13 (июля). Бугарлом. Отдыхал — за все эти дни выпало всего-навсего 4 деления дождя».

⁶⁹ Шримсы — мелкие съедобные креветки.

⁷⁰ Ямбан тамо багхатар — ‘жечь людей гор’. Слова «ямбан тамо» (люди гор) обычно употреблялись как ругательство, означавшее «недотепы», «необрезанные».

(Заметки о втором пребывании на Берегу Маклая)

Экскурсия в Марагум-Мана

Печатается по: ЗК—1876—1877 (АИЭ, Москва), Л. 2—2 об.

Впервые: 1923. С. 493—494, с несколькими стилистическими поправками. Этот текст, как и следующий, Д. Н. Анучин включил в основной корпус «Второго пребывания...» под дневниковой записью от 2 августа 1876 г. Та же публикация повторена в СС, т. 2, с. 321—322.

В ЗК на л. 3 — набросок вида с сокращенными указаниями: «Куль-Мана», «р. Камран», «обрывистый берег, геологический разрез», «Дальние горы», «Марагум-Мана», «тропинка, ведущая к морю, огороды».

В КЗК—1876, 1 (л. 29) заметки, относящиеся к этой экскурсии: «Марагум-Мана. Море, заливая во время землетрясения берег, так изменило местность, что проводники не скоро нашли дорогу.

Мало птиц. Поляны с ал<нрзб> трещины.

Река Камран с обрывистыми берегами в геологическом разрезе <...>».

Судя по тексту «Несколько дополнений...», Миклухо-Маклай побывал в Марагум-Мана еще раз (см. в наст. томе, с. 236).

Экскурсия в Рай

Печатается по: ЗК—1876—1877 (АИЭ, Москва), Л. 3 об.—4 об.

Впервые: 1923, С. 494 (кончая словами «удалось определить»), с несколькими стилистическими поправками. Д. Н. Анучин поступил с этим текстом так же, как с предыдущим. Та же публикация повторена в СС, т. 2, с. 322. Остальная часть заметки (перечень деревень) опубликована в СС, т. 3, ч. 1, с. 158 вместе с другим фрагментом как единый текст.

Возможно, что Миклухо-Маклай предполагал включить в РПТ рассказ об экскурсиях в Марагум-Мана и Рай, но замысел остался неосуществленным. Заметки в ЗК по характеру и стилю не соответствуют РПТ.

В ЗК на л. 4 набросок карандашом на вклейке с подписью: «на О от Рай-Мана».

Судя по заметкам, Миклухо-Маклай в эту экскурсию на берег Рай не высаживался. В деревне Рай он побывал 11 июля 1877 г. (см. в наст. томе, с. 198).

Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 г. по ноябрь 1877 г.)

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 64.

Впервые: краткое изложение в кн.: Отчет ИРГО за 1879 г. Составлен В. И. Срезневским. СПб., 1880. С. 47—50 («Путешествие действительно члена Н. Н. Миклухи-Маклая»); в полном виде: Изв. РГО, 1880. Т. 16. Вып. 2. Отд. 2. С. 149—170, с примечанием: «Согласно желанию автора, выраженному им в письме на имя редакции, мы печатаем здесь это сообщение без всяких изменений, кроме самых необходимых редакционных поправок» (с. 149). В действительности печатный текст содержит множество мелких стилистических поправок: перестановки слов (вместо «может привести легко» — «может легко привести»), замена отдельных слов (вместо «было» — «набиралось», «не совсем» — «не достигает», «разнились» — «отличались»), перемены в конструкциях фраз (вместо «проходит без таких помех» — «не сопровождалось такими помехами», «намереваясь посетить <...> и имея выбор» — «я намереваюсь посетить <...> и выбрав», «мое намерение, которое они знают» — «сознание ими того»), вычеркивания слов и частей фраз.

В СС, т. 2, с. 386—409 текст Изв. РГО.

Рукопись из АГО — на отдельных листах тонкой, широкого формата бумаги (36 листов, по авторской пагинации — 34), заполненных на одной стороне; несомненно беловой автограф, писанный мелким четким почерком, с небольшими поправками и вычеркиваниями. На титульном листе вверху над заглавием: «Господину Секретарю имп. Русского географического общества в СПетербурге». Судя по позднейшим пометам, набор про-

изводился с этой рукописи (по-видимому, правка велась по корректуре, так как в самой рукописи она не отражена).

Как явствует из авторских примечаний и сохранившихся писем, работа над отчетом о втором пребывании на Берегу Маклая растянулась на целых два года. От первой редакции его, написанной еще в октябре 1877 г., сохранилось несколько фрагментов (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. №7. Л. 1—2; № 15. Л. 9, 16 об.; они далее используются в примечаниях составителя). Задержка с завершением отчета в дальнейшем была вызвана нездоровьем (см. письма в РГО из Сингапура от января и 11 марта 1878 г. в т. 5 наст. изд.) и отвлечением на другие дела (письмо сестре Ольге из Сиднея от 2 августа 1878 г., см. там же). Вторая редакция, которую автор готовил во время путешествия по островам Меланезии в 1879 г., сохранилась в составе тетради, сшитой из больших линованных листов (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 15). По-видимому, тетрадь первоначально предназначалась для белового текста отчета: титульный лист расписан цветными карандашами, украшен виньетками и монограммой из двух М; заглавие соответствует окончательному заглавию отчета, примечание внизу совпадает с заключительными фразами беловой рукописи. В правом нижнем углу приписано: «Послано из Порт Андра с пароходом «Alice» 1 августа 1879» (дата эта неточна: запись о приходе парохода «Alice» на о. Андра и о передаче писем значится в дневнике Миклухо-Маклая под 26 августа. Сопроводительное письмо датировано 8 августа, а местом отправки названа Новая Британия). На следующем листе тетради заглавие повторено, здесь же на полях приписка карандашом: «Послать моногр. (?) A[кадемии] H[аук], Кумани, И. Тургеневу. Перевод моногр. (?) Сого, A[nnée] g[éographique]» (Кумани — М. Н. Кумани, командир клипера «Изумруд»; Сого — издатель итальянского журнала «Cosmos»; «L'année géographique» — французский географический ежегодник). По-видимому, в ходе работы вторая редакция не удовлетворила автора и текст скоро приобрел черновой вид: появились поправки, выноски и вставки на полях, многие примечания были только обозначены, но не сделаны. В двух местах рукописи (л. 9, 16 об.) были вклеены фрагменты из первой редакции. Отчет занял меньшую часть тетради (с. 1—20 авторской пагинации, л. 1—16 пагинации архивной), остальное было позднее заполнено другими текстами.

Окончательный текст, представленный рукописью из АГО, Миклухо-Маклай подготовил, опираясь на вторую редакцию, но при этом изменил и уточнил многие формулировки, внес фактические поправки, упорядочил примечания, провел стилистическую правку (несколько мест из первой и второй редакции, опущенных или сильно измененных в окончательном тексте, но представляющих известный интерес, приводятся нами в примечаниях).

В СС. Т. 2 (с. 384—385) опубликованы извлеченные из АГО два фрагмента о втором пребывании на Берегу Маклая под общим заглавием «Моя

ежедневная жизнь и отношения с туземцами». Первая половина первого фрагмента почти буквально воспроизведена в основном тексте публикуемого отчета (с. 209); вторая половина приводится в прим. 2 к данному тексту. Второй фрагмент в большей своей части также совпадает с текстом отчета (с. 202—203).

Сопроводительное письмо от 8 августа 1879 г., в котором Миклухо-Маклай настойчиво просил не делать сокращений в отчете при его публикации, см. в т. 5 наст. изд.

Ряд мест из отчета Миклухо-Маклай использовал позднее при подготовке части РПТ, посвященной второму пребыванию на Берегу Маклая.

Примечания 1, 7, 16 принадлежат Д. Д. Тумаркину, 25 — Н. А. Бутинову, 24 — Т. Б. Путиловой, остальные подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ По-видимому, имеется в виду письмо А. А. Мецкерскому от 17 марта 1876 г. (см. в т. 5 наст. изд.). Перевод его появился в журнале «Cosmos»: 1876. Vol. 3, N 9. P. 344—345. О причинах, побудивших Миклухо-Маклая предпринять новое путешествие, он сообщил также в письме Ф. Р. Остен-Сакену от 26 марта 1876 г. (см. в т. 5 наст. изд.).

² Более подробное описание своего быта Миклухо-Маклай дал в заметке «Моя ежедневная жизнь» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 78; опубл.: СС. Т. 2. С. 384—385, с мелкими поправками). Возможно, что заметка эта предназначалась для РПТ. Приводим часть текста: «Во время моего второго пребывания на Берегу Маклая мне не приходилось терять времени на заботы о ежедневной жизни. Мои трое слуг вполне освобождали меня от этих дочуждых занятий, и благодаря ружью и умению обращаться с ним моего слуги из Пелау мой стол не имел недостатка в здоровой и свежей провизии. Кроме охоты, Мёбли занимался также и рыбной ловлей. Он сплел себе для этого корзину из бамбука, такую, какую употребляют его земляки на островах Пелау. Корзины эти называются там «пубами». Я приобрел для него туземную пирогу, и Мёбли разъезжал вдоль берега, опуская в воду свой пуб там, где надеялся найти рыбу, и редко случалось, чтобы он вынул его пустым.

Кроме птиц и рыбы, у меня почти всегда были под рукою свиньи, домашние и дикие. Прибавив ко всему этому привезенные с собою рис, бобы, бисквиты, кофе, чай, шоколад и даже вино, очень порядочное бордо и шампанское, и пользуясь при этом услугами весьма порядочного повара Сале, я могу положительно сказать, что мой стол был и достаточно разнообразен, и во всяком случае здоров. Случалось иногда даже такое *embarras de richesses* *(затруднение от избытка (франц.))* в этом отношении, что я даже имел возможность быть разборчивым и совершенно устранив свинину с моего стола. К тому же я не желал заставлять моего повара-магометанина касаться до нечистого, по его религии, животного *(незаконг.)*».

³ Во 2-й редакции (л. 4) было: «Затем я много раз замечал, что только некоторые действительно знают обычаи. Итак, я здесь часто наткнулся на ошибки».

⁴ В 1-й редакции (л. 2) было добавлено: «или ложным стыдом».

⁵ В 1-й редакции (л. 2) зачеркнуто: «которое очень склонно связывать виденное слышанным, присоединяя еще к тому из литературы знакомое, и представлять в довольно полную, но далеко не соответствующую действительности картину».

⁶ Во 2-й редакции (л. 5) далее: «Отношения между береговыми и горными деревнями еще более натянуты».

⁷ О гончарстве на этих островах см.: *Бутинов Н. А.* Билбил и Ябоб — центры гончарного производства на Берегу Маклая // *На Берегу Маклая*. С. 258—768.

⁸ Об одной из карт см.: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1. С. 218 (прим. 2).

⁹ По-видимому, Миклухо-Маклай при посещении Европы в 1880-х годах с капитаном Морсби не встречался.

¹⁰ О пропаже полевых материалов 1876—1877 гг. см. в очерке «Один день в пути» в наст. томе. Сохранилось несколько «картографических эскизов» Берега Маклая, сделанных путешественником в разное время. См.: СС. Т. 2. С. 336, 368, 416.

¹¹ Во 2-й редакции (л. 6): «Одна из сторон образа моей новогвинейской жизни, открытая еще при первом посещении, которая в немалой степени привлекала меня вернуться сюда *⟨затерки. что мне удалось в прошлом году⟩*, было *спокойствие* и избавление от ига требований разного рода, которые нал[агаются] жизн[ью] цивилизованного общества *⟨затерки. налагают великое множество требований на каждого⟩*, но только сбросив это иго, чувствуешь себя вполне человеком, а [не] тою частичкою [ве]чной общественной машины (...). Вхождение [в] анализ этого состояния повело [бы] слишком далеко от цел[и] этого письма».

Лист рукописи в этом месте обрезан слева, поэтому отдельные слова и части слов восстанавливаются нами по смыслу.

¹² В 1-й редакции (л. 1) далее: «Одиночество *⟨затерки. отсутствие общества⟩* (туземцы были *⟨затерки. для меня⟩* объектами наблюдения, не обществом) оказалось *⟨затерки. были⟩* для меня почти что нечувствительным, представляя даже выгоду, не отвлекая меня от занятий».

¹³ В 1-й редакции (л. 1): «Взирая на массу различных работ и вопросов, которые всюду открывались *⟨затерки. и навязывались почти силою⟩*, и оглядываясь на сделанное в продолжение дня (хотя я редко ленился в продолжение около 13 час., посвященных на работу [в] те дни, которые оставался дома в Бугарломе)».

Описание повседневной жизни (от слов «Спокойствие жизни...» до «в продолжение дня» и включая примечание к последним словам) повторено с небольшими вариациями и дополнениями в фрагменте «Моя ежедневная жизнь» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 78; опубликовано: СС. Т. 2. С. 384, с несколькими поправками).

¹⁴ Об *ониме* см. раздел «О суевериях...» в статье «Этнол. заметки» (в т. 3 наст. изд.) и в Лекциях — «6-я лекция» (там же). Упомянутый автором «следующий (III)» отдел «Заметок по этнологии», по-видимому, не был приготовлен к печати.

¹⁵ По-видимому, здесь ошибка: брата Вангума звали Туй (см. с. 199 наст. тома).

¹⁶ Здесь Миклухо-Маклай имеет в виду мужской дом, который он в других местах называет *буамрамрой* и который в действительности на языке бонгу называется *боджюу* (см.: *Басилов В. Н.* Мужские дома в Бонгу // СЭ. 1977. № 6. С. 91).

¹⁷ Во 2-й редакции (л. 13 об.) к этому месту есть сноска: «Говоря, что если они предпримут войну, случится беда, я выразился в общем смысле, что будет им плохо. Самое пылкое воображение вряд ли бы придумало именно землетрясение».

¹⁸ О судьбе деревни Горенду см. на с. 204 и 379 наст. тома.

¹⁹ Имеется в виду «Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах» (см. т. 1 наст. изд.).

²⁰ О «каарам-тамо» см. прим. 35 на с. 454—455; т. 1 наст. изд.

²¹ Другую редакцию того же рассказа см. на с. 205—207 наст. тома.

²² В 1-й редакции статьи «Несколько дополнений» ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 21—21 об.) есть более подробное описание, не включенное в окончательный текст этой статьи и перечеркнутое красным карандашом: «Самая незначительная ранка, царапина, ушиб, укол, укушение насекомого образовывали нарыв, который очень долго, по неде[лям], бывало, не заживал. Особенно ноги мои подвергались этому бедствию и представляли по временам более десятка небольших нарывов, за которыми ухаживать было необходимо, но крайне скучно. Если я не обращал на них внимания, они очень разбаливались, что в свою очередь заставляло сидеть несколько дней, не выходя из дома, а сон по ночам был возможен единственно при помощи приема Hydrat. chlorat. Я до этого, даже во время первого пребывания на этом берегу, не испытывал подобной неприятности, и терпение и перевяз[ывание] As. carbol, было единственным и достаточным лекарством, но заживала одна ранка — являлась другая. По виду и характеру они были совсем подобные тем, которые сотни я видел у туземцев, у которых ноги также чаще подвергаются <...>».

Замечательно, что когда ноги болели, я не имел пароксизмов лихорадки, которые обыкновенно напоминали мне каждую неосторожность, так что при этом я вспомнил <1 нрзб> о поверии, распространенном на некоторых из Молуккских островов, что, когда есть раны на ногах, нет лихорадки. Действительно, лихорадка и раны на ногах находятся в каком-то взаимном отношении. Дни этого ареста я употреблял на приведение в порядок моих заметок и на выписку из дневника сообщений для И.Р.Г.О. о путешествии из Явы в Новую Гвинею.

Мои люди чаще, чем я, болели лихорадкою, но во многих случаях лень и притворство увеличивали число дней нездоровья. Во всяком случае, я не могу жаловаться на особенно нездоровый климат Новой Гвинеи».

²³ В 1-й редакции статьи «Несколько дополнений» (л. 21 об.—22) есть подробности, относящиеся к этому месту отчета и не вошедшие в окончательный текст статьи: «Сообразно с моим письмом в Сингапур, я ожидал прихода шкуны за мною в ноябре месяце, но, принимая в соображение довольно далекий путь и зависимость паруса от благоприятного ветра, я не был удивлен, когда шкуна не пришла и в декабре, полагая ее увидеть во всяком случае в январе. Я ожидал ее со дня на день, как все еще жду по сей день (2 сент.).»

Годовое запоздание прихода шкуны, хотя и было источником многих неудобств, дало мне случай сделать наблюдения над действием папуасской пищи (единственно в подробностях немного отли[чающейся] от пищи жителей островов Тихого океана) на белого.

Кроме писем, приход шкуны интересовал меня в чисто материальном отношении. Имея намерение остаться этот раз на Берегу Маклая 5 или 6 месяцев и никоим образом не имея в виду неисполнение моего поручения, мои припасы были сделаны сообразно тому. В конце января кончился запас риса, затем в продолжение февраля, марта и апреля — понемногу почти все другие. Зная, что провизии на 5 или 6 месяцев у меня достаточно, я не обратил внимания, когда шкипер шкуны сдал мне многие мешки далеко не полные (сухарей, бобов) или с подменой (в мешки риса лучшего сорта был подсыпан рис дурного качества).

Возвратясь из моего путешествия по Малайскому полуострову в ноябре [18]75 г.), имея всего 2 или 3 месяца до отъезда в Новую Гвинею, я не хотел прерывать моих занятий в Буйтенцорге поездками в Батавию для приготовлений к новому путешествию. Все закупки и приготовления было лучше сделать в Сингапуре, откуда шкуна отправлялась, поэтому я отступил от важного правила, которое

должен иметь в виду каждый путешественник: делать все запасы и приготовления к путешествию до мельчайшей подробности *сам*. Я поручил их одной личности в Сингапуре, которая с готовностью взялась исполнить мои поручения и обратить должное внимание, чтобы все было бы хорошо упаковано. Я был наказан за мое доверие и пренебрежение к материальной части моего предприятия.

Я не был доведен до положения, в котором находился в Гарагасси в 1871/72 г., когда пришлось обходиться восемь месяцев без соли; у меня и теперь есть еще немного кофе, какао, чай, красное и хинное вино. Некоторые из вещей не были взяты, многие, по случаю дурной упаковки, оказались в малогодном состоянии. Нашлось, например, что запас дробы был весьма мал, так что уже в марте месяце Мебли, который был на деле далеко не такой стрелок, каким его описывали его соотечественники, истреляв с лишком 1600 патронов, должен был по случаю недостатка дробы прекратить охоту, так что и в этом отношении стол мой обеднел, и чтобы не быть принужден есть одно таро, надо было прискаты другие источники.

Я нашел для лентяя Мебли вместо охоты другое занятие, именно рыбную ловлю, которая в результате несколько разнообразит мой даже в сравнении с первыми месяцами пребывания в Бугарломе весьма однообразный стол».

²⁴ В 1-й редакции (л. 16): «греческого философа». Слова принадлежат Сократу (См. Diog. Laert. II, 25).

²⁵ Миклухо-Маклай имеет в виду, как это видно из контекста, только собиравшие зоологических экспонатов. Что касается антропологических и этнографических коллекций, то он собирал их тщательно и проявлял заботу об их сохранности. Эти коллекции он передал Академии наук в Петербурге, и они хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (см. т. 6 наст. изд.).

²⁶ О пребывании в лагуне рифа Канделярия (Ронкадор) см.: «Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи» (в наст. томе).

Несколько дополнений о моем втором пребывании на Берегу Маклая в 1876—1877 гг.

(Из письма к князю А. А. М.)

Печатается по: Голос, 1880, 21 и 22 мая, № 140—141.

В СС, т. 2, с. 410—428 напечатано по тексту: ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1, № 15, с неверной пометой: «Печатается впервые».

Авторская рукопись, с которой печатался газетный текст, не обнаружена. Публикуемый текст — 3-я редакция статьи. Архивный текст (л. 17—28 об.), воспроизведенный в СС, т. 2, представляет собою черновую рукопись 2-й редакции в совершенно не обработанном виде. На некоторых страницах вклеены (л. 17, 18, 19) и местами вложены (л. 21, 22, 23) сохранившиеся листы 1-й редакции (принадлежность их устанавливается по характеру бумаги, по чернилам и особенностям почерка), работу над которой можно датировать сентябрем—октябрем 1877 г. Значительная часть страниц 2-редакции написана карандашом, по-видимому, в разное время. В рукописи много вычеркнутых черным и цветным карандашами мест, выносок на поля, поправок и дополнений, причем не всегда указаны (и не

всегда могут быть определены) места вставок. Большинство примечаний отсутствует. В тетрадь вложено несколько страниц, положение которых в тексте неясно, при архивном упорядочении рукописи место их определено случайно.

Редакторы СС, т. 2 в сущности реконструировали текст заново. При этом не все из рукописи вошло в публикацию (например, л. 28 об. и др.), в то же время множество исключенных автором мест было внесено в корпус текста без всяких оговорок. Кроме того, редакторами была проведена большая стилистическая правка.

Публикация в «Голосе» осталась неизвестной библиографам Миклухо-Маклая и редакторам СС. Между тем она несомненно воспроизводит подлинный текст автора, приготовленный и отосланный им специально для русской газеты. Об этом неопровержимо свидетельствуют письма Миклухо-Маклая Ф. Р. Остен-Сакену от 13 октября 1879 г. и сестре Ольге от 14 октября того же года (см. в т. 5 наст. изд.). Дата и указание места под газетным текстом относятся, видимо, ко времени работы над 2-й редакцией. В ноябре 1877 г. Миклухо-Маклай не успел завершить статью, и она, подобно «Второму пребыванию» (отчет), пролежала у него два года. По любопытному совпадению, рукопись была отправлена в Петербург с островов Луб (Хермит), где двумя годами раньше писалась 3-я редакция.

Газетная публикация была озаглавлена: «Пребывание Н. Н. Миклухи-Маклая в Новой Гвинее в 1876—1877 годах (из письма г. Миклухи-Маклая)». Она сопровождалась примечанием: «Хотя вследствие разных причин (не сообщенных определеннее автором) письмо это было написано в 1877 г., но оставалось между бумагами автора до конца прошлого года, почему он мог дополнить его некоторыми примечаниями, отмеченными, для отличия от первоначальных, «позд. прим.» — Ред.». Текст этого примечания, за исключением слов в скобках, принадлежит автору (2-я ред., л. 27). В нашей публикации сохраняется заглавие статьи, данное во 2-й редакции.

Окончательный текст статьи отличается от архивного множеством разночтений не только стилистического, но и содержательного порядка. Несколько изменен план статьи. Исключены подробности описания подготовки к путешествию, подробности о ранах на ногах и некоторые другие (зачеркнутые уже во 2-й ред.). Упорядочены примечания, добавлены новые. Внесен эпиграф. Исключены, описания, соответствовавшие по содержанию тем, которые вошли в окончательный текст «Второго пребывания» (отчет). По-видимому, Миклухо-Маклай обдумывал включение в статью нескольких интересных эпизодов из его жизни на Берегу Маклая в 1876—1877 гг.: на полях л. 22 об. есть помета: «Булу рибут». Речь, конечно, идет об эпизоде с бамбуковыми трубами, описанном во «Втором пребывании на Берегу Маклая» (см. с. 169 в наст. томе). Наиболее существенное отличие

газетного текста от черновых редакций состоит в том, что в нем острее высказаны антиколониалистские и антирасистские взгляды автора.

Примечание 12 принадлежит Т. Б. Путиловой, 15, 20 — Д. Д. Тумаркину, остальные подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ А. А. М. — Александр Александрович Мешерский, один из самых близких друзей Миклухо-Маклая (см. о нем в т. 5 наст. изд.).

² Эпиграф взят из книги: Schopenhauer, 1862. Bd. 1. S.467. Ср. цитату в более литературном переводе и в более полном виде: «Бездействие, порожденное вседовольством длительного наслаждения, было бы ему невыносимо. Преодоление трудностей — вот истинное наслаждение его бытия: будут ли эти трудности материального свойства, как в практической жизни, или духовного, как при изучении и исследовании, борьба с ними и победа приносит счастье. Если для них не представляется случая, то мы устраиваем их себе, как можем» (Шопенгауэр. Т. 3. С. 394).

³ Имеется в виду «Второе пребывание...» (отчет). См. в наст. томе.

⁴ В 1-й редакции (л. 18) перечеркнуто позднее: «Хотя я не имел прич[ин] быть особенно недовольным прислугою, но навряд ли я бы взял их после случая испытать их с неделю».

⁵ Об этой экскурсии см. с. 208 в наст. томе.

⁶ Об этих экспедициях см. с. 168 и 188—198 в наст. томе.

⁷ Во 2-редакции (л. 20 об.) далее было: «тем более что по приходе судна, кот[орое] ожидаю, мои слуги могли бы рассказать так, что, отправившись вечером в Айру, я более не возвращался в Бугарлом, в Айру или друг[ую] мест[ность], туземцы меня более не видали. Судно увезло бы эту весть — а затем <1 нрзб>».

⁸ В 1-й редакции (л. 21) здесь далее: «Я был очень рад, что утром, уже чувствуя себя некрепко на ногах, передал анероид, часы и термометр одному из папуасов».

⁹ Другую редакцию этого рассказа см. на с. 166—168 наст. тома.

¹⁰ См. подробно прим. 23 ко «Второму пребыванию» (отчет) в наст. томе.

¹¹ См. об этом: «Второе путешествие в Новую Гвинею» (с. 330—336 в т. 1 наст. изд.).

¹² Цитата из греческого поэта и философа Эпихарма (VI в. до н. э.; у Миклухо-Маклая в написании имени ошибка). Русскому тексту, источник которого не обнаружен, соответствует следующий текст оригинала: «Kai gar ha kyōn kyni / kalliston eimen phainetai, kai bous boī / onōs d(e) onoi kalliston, hys de thēn hyi (Diog. Laert. III, 16).

¹³ Перевод принадлежит Миклухо-Маклаю. Ср. более точно: «В царстве интеллекта нет места для скорби, здесь — всё познание» (Шопенгауэр, Т. 3. С. 297).

¹⁴ См. в т. 3 наст. изд. «Этнол. заметки».

¹⁵ Английский миссионер Сэмюэл Макфарлейн и путешественник Октейвиус Стоун поднялись в 1875 г. по одной из новогвинейских рек, впадающей в Торресов пролив около о. Боигу. На речном берегу они заметили «отпечатки ног большого зверя, сходные со следами буйвола», но жители Боигу сказали им, что «такой зверь тут не водится» (Petermann's Mittheilungen. 1876. Bd.22. H.2. S. 89). Как установили в дальнейшем исследователи, млекопитающие на Новой Гвинее были представлены лишь сумчатыми (древесный кенгуру, кукус и др.), грызунами и реликтовыми яйцекладущими млекопитающими (ехидна), а также собаками и свиньями (домашними и одичавшими).

¹⁶ Вероятно, эти сведения Миклухо-Маклай получил при встрече с офицерами «Basilisk» в Амбоине в июне 1874 г. (см. с. 396, 496—497 в т. 1 наст. изд.). Сведения недостоверны (см. предыдущее примечание).

¹⁷ Имеются в виду гессерцы, нанятые Миклухо-Маклаем во время экспедиции в Папуа-Ковиай в 1875 г.

¹⁸ Другую редакцию того же рассказа см. во «Втором пребывании на Берегу Маклая» в наст. томе.

¹⁹ Во 2-й редакции (л. 28 об.) в этом месте текста приводятся одна под другой две даты: 1877 и 1847. Миклухо-Маклай ошибся в указании года своего рождения (правильно — 1846).

²⁰ Г. Ш. — очевидно, г. Шомбург, сингапурский банкир, один из кредиторов Миклухо-Маклая.

²¹ Русско-турецкая война началась в апреле 1877 г. Слухи о взятии Константинополя могли быть подсказаны известиями о крупных победах русских войск на Балканах в июне—июле, открывавших им путь к турецкой столице.

Путешествие на острова Меланезии и первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1879—1880 гг.

В марте 1879 г. Миклухо-Маклай отправился во второе (после 1876 г.) путешествие по Меланезии. Он собирался посетить несколько архипелагов (преимущественно те, где ему еще не довелось побывать), чтобы продолжить изучение этнологии и антропологии меланезийцев, а затем вновь побывать на Берегу Маклая. Однако на сей раз, помимо решения чисто научных задач, он поставил перед собой цель: собрать материалы о похищении людей в рабство и работорговле на островах Меланезии, чтобы по возвращении в Австралию развернуть борьбу «против торгового человеческого мясом и варварского насилия» (см. наст. том, с. 364).

Первоначально ученый намеревался плыть на английском военном судне «Ренард», но затем предпочел американскую торговую шхуну «Сэди Ф. Коллер».

Его устраивала отдельная каюта и маршрут шхуны, в частности возможность продолжить исследования на Берегу Маклая. Однако обстановка, царившая на шхуне, была столь тягостной, что привыкший к трудностям исследователь неоднократно жалуется в описании путешествия на отсутствие условий для работы. Состав команды и обращение шкипера и «тредоров» с островитянами были таковы, что ученый отказался от захода на Берег Маклая, «не рискуя подвергнуть своих черных друзей риску подобного знакомства» (с. 354 наст. тома).

В январе 1880 г. Миклухо-Маклай окончательно решил оставить шхуну и высадился на о. Варе (Вари), где вскоре дождался прибытия миссио-

нерского парохода «Эленгован», на котором совершил путешествие вдоль южного берега Новой Гвинеи. Посетив несколько островов в Торресовом проливе, ученый в мае 1880 г. завершил свое путешествие в австралийском городе Брисбен.

Большинство своих вещей Миклухо-Маклай оставил на «Сэди Ф. Коллер», взяв со шкипера слово сдать их в русское консульство в Сиднее. Обязательство не было оформлено документально, шкипер вскоре умер, и вещи Миклухо-Маклая пропали. Возможно, этим отчасти объясняется скудость материалов, сохранившихся от этого путешествия. Его описание представлено следующими текстами, публикуемыми в наст. томе:

«Путешествие на острова Меланезии. 1879 <г.>» — вводный текст. Дневниковые записи «Новая Каледония и остров Лифу» (8—26 апреля), «Островок Андра» (21 августа—1 сентября и 4—9 ноября), «Посещение острова Сорри» (17—24 октября), «Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.» (20 января—6 марта). И в завершение «Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение о. Новой Гвинеи» — краткий обзор, сообщающий маршрут и некоторые результаты путешествия.

Обращает на себя внимание, что из почти десяти месяцев плавания на «Сэди Ф. Коллер» детально освещены лишь полтора; из множества посещенных островов подробно описано пребывание лишь на Новой Каледонии, а также на островах Андра и Сорри. Конечно, такое путешествие было сопряжено с неминуемыми «простоями». Например, как видно из статьи «Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи», 28 дней, проведенных в июле в лагуне у рифа Канделярия (Ронкадор), были посвящены письменной работе ввиду отсутствия объектов наблюдения. Однако из той же статьи явствует, что в мае Миклухо-Маклай жил по 5—10 дней в нескольких деревнях на Новых Гебридах, в декабре провел 20 дней на берегу о. Симбо (Соломоновы острова) и т. д. Об интенсивности полевых исследований, проводившихся ученым во время путешествия на «Сэди Ф. Коллер» и на южном берегу Новой Гвинеи, свидетельствует уцелевшая записная книжка № 5 (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 24) со множеством рисунков, записями этнографического и антропологического характера и т. д. Эта ЗК использована при подготовке наст. тома.

Значительное время в этот период Миклухо-Маклай уделял подготовке к печати материалов своих предыдущих путешествий и других писем-отчетов для РГО. В ПО ААН (Ф. 143. Оп. 1. № 15) хранится большая тетрадь, первую часть которой составляет беловик сообщения «Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 г. по ноябрь 1877 г.)», с подзаголовком «Сообщение, писанное в Бугарломе на Бер. Маклая в октябре 1877; переписанное во время якорной стоянки в лагуне рифа Канделярия в июле 1879» с пометой: «Послано из: Порт Андра, с: пароход «Alice», первого августа 1879». Этот текст публикуется в наст. томе.

В этой же тетради находятся черновики четырех текстов, описывающих деятельность Миклухо-Маклая в 1878—1879 гг. Тетрадь сшита из линованных двойных бумажных листов большого формата с водяными знаками. Листы исписаны с обеих сторон, в основном синими чернилами, кое-где черными или карандашом. По мере приближения к концу почерк записей становится все более неровным.

На л. 29 (пагинация архивная, карандашом) данной тетради находим первоначальный план этих четырех сообщений. Страница оформлена так, как Миклухо-Маклай обычно оформлял заглавные листы своих черновиков. Вверху надпись: «Императорскому Русскому географическому обществу в СПбурге. 1879. Сообщения. Г-ну Секретарю И. Р. Г. Общ.». Свободное место, особенно в нижней части страницы, занято вензелями, выполненными синими чернилами и раскрашенными синим и красным карандашом. План включает четыре «письма» (как и в описании путешествия 1876 г., деление на «письма» условно и не проведено последовательно). Приведено краткое содержание каждого «письма». Первое, опубликованное впервые в СС (Т. 2), получило там заголовок «Сингапур. Сидней»; в черновике оно снабжено пометой: «(послано 29 октября 1879)». Второе «письмо», впервые опубликованное в Изв. РГО, имеет авторский заголовок «Пребывание в Сиднее (от августа 1878 по март 1879)» и снабжено пометой: «(послано с лагуны рифа Канделария со шкуной «Дафна» 1. VIII 79)». Эти два «письма» публикуются в т. 5 наст. изд. «Письмо третье» снабжено такой же пометой, что второе. Это текст «Путешествие на острова Меланезии. 1879(г.)», публикуемый в наст. томе.

«Письмо четвертое» имеет помету «(посланное [...])», оставшуюся недописанной. Приведем его краткое содержание по намеченному автором плану: «Маршрут: Новая Каледония, Лифу, Танна, Эфате, Тонгоа, Май, Эпи, Амбрим, Мало, Вануа Лава, арх. Квироса, о. Лом-Лом, риф Канделария». Таким образом, «письмо четвертое» должно было довести описание путешествия до пребывания в лагуне рифа Канделария. Однако черновик этого «письма» в данной тетради отсутствует: после «письма третьего» идет черновой карандашный набросок текста «Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи». Начало «письма четвертого» известно нам лишь по беловой рукописи «Новая Каледония и остров Лифу» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 68), публикуемой в наст. томе. Она помечена в начале крупной цифрой 4, написанной синим карандашом. Цифра совпадает с номером данного «письма» в плане сообщений, намеченном автором.

Цифрой 5 помечен беловик текста «Посещение острова Сорри» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 84), черновик которого не обнаружен. По хронологии, однако, он попадает в середину второй части сообщения «Остров Андра», впервые опубликованного в 1887 г. в журнале «Северный вестник». Черновая и беловая рукописи этого сообщения не найдены. Тексты «Посещение острова Сорри» и «Остров Андра» печатается в наст. томе.

Что же касается публикуемого в наст. томе текста «Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи», который известен по черновой и белой рукописям (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 71; ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 16), то он содержит указание на историю своего написания: «Начато во время нездоровья в деревне Ануапата на Новой Гвинее. Закончено, переписано и дополнено 8 месяцев спустя в Пейкдейл (в Квинсланд)». Дата окончания 16 ноября 1880 г.

Материалы, собранные во время плавания на «Сэди Ф. Коллер», отражены автором также в работах «Вторая заметка о макродонтизме меланезийцев» и «Диалекты островов Андра и Сорри», публикуемых в т. 3 наст. изд.

Путешествие на острова Меланезии. 1879 г.

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 69.

Впервые: Изв. РГО. 1880. Т. 16. Вып. 4. Отдел 2. С. 425—429, с небольшой стилистической правкой.

Переиздано: 1941. Т. 2, С. 95—97, со значительной стилистической правкой; СС. Т. 2. С. 444—448, с устранением части необоснованной правки, допущенной в предыдущем издании, но с небольшой новой правкой.

Текст имеет заголовок «Господину Секретарю имп. Русского географического общества, в СПбурге. Путешествие на острова Меланезии. 1879. Миклухо-Маклай». В наст. изд. обращение и подпись в заголовке опущены, как и «индексы содержания» — пометы на полях, своеобразная постраничная рубрикация. Последние не включены в основной текст в соответствии с просьбой автора, обращенной к редакции Изв. РГО: печатать «индексы содержания» мелким шрифтом на полях либо, если это неудобно по техническим причинам, не печатать вовсе (см. об этом с. 507 наст. тома).

Белая рукопись — на пяти больших листах нелинованной белой бумаги, исписанных с одной стороны синими чернилами. Рукопись испещрена отпечатками пальцев, испачканных типографской краской. «Индексы содержания», помещенные слева на полях, повторяют краткое содержание письма, предпосланное основному тексту вслед за заглавием. На первом листе рукописи в левом верхнем углу оттиснута стилизованная буква М, увенчанная коронкой. Нумерация двойная, в правом верхнем углу: авторская синими чернилами (первый лист не нумерован, далее нумерация: 11—14) и архивная простым карандашом (1—5). Листы носят следы складывания вчетверо — вероятно, для пересылки по почте.

Черновик текста находится в большой тетради, содержащей черновое описание второго пребывания на Берегу Маклая и начала второго путешествия по островам Меланезии (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 15. Л. 42—43). Здесь, кроме того, на л. 29 дано краткое содержание этого текста: «Путешествие в Меланезию. Письмо Вирхову. Финансовое мое положение.

Фотоаппарат. Draft £ 150 на имя Географического общества. «Renard» & three-masted Schooner «Sadie F. Caller». Черновой текст воспроизводится в беловике с незначительными изменениями, с добавлением первого абзаца: «Мог бы я ~ Соломоновых островов и др.».

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Имеются в виду письма Р. Вирхову, опубликованные в 1878—1879 гг. в «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» (приложение к журналу «Zeitschrift für Ethnologie») под заголовками «Расово-анатомические исследования в Австралии», «Основание зоологической станции в Сиднее» и «Несколько слов о еще не существующей зоологической станции в Сиднее», публикуемые в т. 4 наст. изд.

² Речь идет о торговом доме Дюммлер и К°. См. прим. 2 и 5 к очерку «Один день в пути» в наст. томе.

³ Уильям Джон Маклей (1820—1891) — австралийский зоолог, основатель Линнеевского общества Нового Южного Уэльса и музея, ныне носящего его имя и состоящего при Университете Сиднея. Обладатель большого личного состояния, он финансировал различные научные начинания, оказывал помощь исследователям. В 1875 г. Маклей снарядил за свой счет экспедицию на корабле «Чеверт» для сбора научных коллекций на побережье Квинсленда, на островах Торресова пролива и в заливе Папуа (юго-восточная Новая Гвинея). Живя в Сиднее, Миклухо-Маклай пользовался его гостеприимством и поддержкой и опубликовал совместно с ним несколько статей по зоологии в трудах местного Линнеевского общества.

⁴ О Лайярде см. прим. 2 к тексту «Новая Каледония и остров Лифу» в наст. томе.

〈Новая Каледония и остров Лифу〉

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 68.

Впервые: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 259—263. См. также: СС. Т. 2. С. 449—458. Обе публикации со стилистической правкой, неверным прочтением отдельных географических названий.

Рукопись на 18 листах белой нелинованной бумаги большого формата. Это были двойные листы, разрезанные на одинарные. Следов пересылки рукопись не имеет. Единственный след сгиба делит каждую страницу пополам по вертикали, видимо, отмечая границу текста. Исписаны (выцветшими черными чернилами) лишь левые части листов; правые оставлены для помет, которые практически отсутствуют. Почерк очень неровный, размашистый. Текст, однако, беловой, с незначительными исправлениями, сделанными, очевидно, в процессе его написания. Авторская пагинация отсутствует. В правых верхних углах первых восьми листов нумерация красным карандашом (1—8). Со следующего листа нумерация двойная: 9—18 крупно синим карандашом и обратная (18—9) — красным карандашом.

Черновая рукопись текста не обнаружена.

Примечания 2, 8 (част.), 11 подготовлены Е. В. Говор, 1, 3 (част.), 7, 13, 17, 18 — Д. Д. Тумаркиным. Остальные примечания составлены И. И. Меликсетовой.

¹ В рукописи эта дневниковая запись датирована 1 апреля, что является явным недоразумением, ибо шхуна вышла из Сиднея на рассвете 29 марта (см. с. 250 и 360 наст. тома) и, как сказано в данной записи, пришла в Нумею «на одиннадцатый день плавания». Кроме того, Миклухо-Маклай покинул Нумею 15 апреля, пробыв там восемь дней (см. с. 254 и 360 наст. тома). Соответственно нами изменена датировка следующей дневниковой записи (с 2 на 9 апреля).

² Английский консул в Нумее Л. Лайард опубликовал несколько работ о фауне Новой Каледонии, в частности каталог местных птиц. Русский путешественник Э. Р. Циммерман, посетивший Новую Каледонию в начале 1882 г., отмечал, что Лайард располагал также коллекциями раковин и папоротников, дубликаты которых он хотел предложить в обмен русским обществам естествоиспытателей. См.: *Циммерман Э. Р. Новая Каледония* // *Русская мысль*. 1884. № 6. С. 266—267.

³ Ксавье Монтрузье (1820—1897) — французский католический миссионер, почти полвека проводивший на Соломоновых островах, о. Вудларк (Муруа), Новой Каледонии и островах Луайоте. Миссионерскую деятельность совмещал с занятиями естественными науками. Его перу принадлежит 28 трудов о природе и населении указанных островных групп. Собранные им коллекции находятся ныне во французских музеях.

⁴ Восстание коренного населения, о котором пишет Миклухо-Маклай, произошло в 1878 г. Оно охватило значительную часть острова, прежде всего центральные районы и западное побережье, где наиболее интенсивно шла французская колонизация. Жители этих областей больше других страдали от изъятия клановых земель, от передачи все новых и новых территорий французским колонистам и освобожденным каторжникам, от постоянного вмешательства администрации в традиционный жизненный уклад. Вместе с тем состав участников восстания довольно четко отражал специфику новокаледонского общества, находившегося на стадии разложения общинно-родового строя: солидарность определялась этнокультурной близостью племен, их традиционными отношениями (вражды, дружбы, нейтралитета). Колониальным властям удалось внести раздор в ряды восставших и привлечь на свою сторону часть племен. Военный руководитель восставших Атаи был предательски убит, и вскоре после этого восстание, длившееся девять месяцев, было подавлено. Как писала Луиза Мишель, оно «было потоплено в крови; мятежные трибы были наказаны расстрелом каждого десятого» (*Мишель Л. Коммуна. Из воспоминаний*. М.; Л., 1926. С. 211). Луиза Мишель относилась к тем немногим коммунарам — ссыльным, кто понимал обоснованность протеста новокаледонцев.

⁵ Жан Ольри был губернатором Новой Каледонии в 1878—1880 гг. Руководил подавлением восстания коренного населения в 1878 г., упорядочил структуру управления колонией.

⁶ Плантация Тамоа находилась к северо-западу от Нумей, возле поселка Паи-та, где протекает река Тамоа.

⁷ Новокаледонцы образуют особый антропологический тип в составе меланезийской расы, в которую входят также папуасы. См. также прим. 6 к очерку «Острова Адмиралтейства» в наст. томе.

⁸ Миссия (не монастырь) Консепсьон, основанная католиками-маристами, была расположена в окрестностях Нумеи, на берегу залива Консепсьон. Э. Р. Циммерман, побывавший на Новой Каледонии в 1882 г. и встречавшийся перед этим в Австралии с Миклухо-Маклаем, оставил подробное описание миссионерской станции Сен-Луи (Saint-Louis) местоположение которой совпадает с миссией Консепсьон. По его сведениям, там имелись лесопильный и сахарный заводы, где работали коренные жители, и школа, где юные новокаледонцы изучали историю и географию Франции на французском языке (*Циммерман Э. Р.* Новая Каледония. С. 280—283).

⁹ Жозеф Томассен (1818—1891) — французский католический миссионер, более сорока лет занимавшийся прозелитической деятельностью на Соломоновых островах, о. Вудларк (Муруа), а также в различных районах Новой Каледонии. Составил словарь языка жителей о. Вудларк.

¹⁰ В 1863 г., через десять лет после аннексии Новой Каледонии Францией, было объявлено о решении французского правительства превратить эту колонию в место ссылки и каторги. За три десятилетия сюда было отправлено около 40 тыс. осужденных. Помимо уголовников на Новую Каледонию ссылались политические заключенные. В 1872—1873 гг. в эту отдаленную колонию было доставлено около 4 тыс. парижских коммунаров.

Тех из коммунаров, кто по приговору суда должен был отбывать каторгу, поместили на о. Ну. Они оказались в наиболее тяжелом положении, которое определялось не столько видимыми для постороннего глаза условиями содержания, сколько внутренним распорядком жизни заключенных, формируемым администрацией каторги в условиях полной бесконтрольности и произвола. Многое, о чем Миклухо-Маклай не мог знать, открылось после амнистии 1880 г. в воспоминаниях коммунаров, хотя кое-что просачивалось в прессу и раньше. Например, стало известно о существовании так называемого 4-го класса заключенных, которые сковывались попарно, носили на ногах цепи и т. д. К ним применялись пытки. См.: *Аллеган Ж.* С баррикад на каторгу. Л., 1933.

Ссылные коммунары были сосредоточены преимущественно на полуострове Дюко, в охраняемой местности. Их жизнь там в 1879 г. (за год до амнистии) не была столь безмятежной, как показалось Миклухо-Маклаю, хотя к этому времени режим ссылки уже был несколько смягчен. Как отмечали в своих воспоминаниях Луиза Мишель и Анри Рошфор, изощренный террор со стороны администрации и постоянное недоедание превращали ссылку в «тюремное заключение под открытым небом». См., например: *Рошфор А.* Приключения моей жизни. М.; Л., 1933. С. 362.

О глубоком интересе Миклухо-Маклая к судьбе французских коммунаров свидетельствует его письмо к И. С. Тургеневу перед их встречей в Париже в декабре 1882 г. Само это письмо пока не обнаружено, но о его содержании можно судить по письму Тургенева П. А. Лаврову, в котором процитированы слова Миклухо-Маклая: «Наш известный путешественник Миклухо-Маклай, который проездом здесь, обратился ко мне с просьбой доставить ему брошюру или брошюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами, о жизни их там и претерпленных ими там страданиях». А я обращаюсь к Вам, как к вернейшему источнику, и прошу Вас достать эти брошюры (...)». (*Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 13, Кн. 2. М., 1968. С. 132).

¹¹ По воспоминаниям Э. Р. Циммермана, Нумейский кружок (Nouméa Cercle) являлся своеобразным центром общения французов и других европейцев, живших

в Нумее. Вот как описывает Циммерман атмосферу, царившую в этом клубе: «За длинным столом в высокой, хорошо вентилированной столовой сидело человек 60 с лишком. Одна половина гостей состояла из штатских, а другая — из офицеров здешнего гарнизона (...). Гости не успели еще усесться, как закипела общая громогласная бойкая беседа. В ней все принимали живое участие, и от одного конца до другого перекидывались новостями, спорными речами, остротами, каламбурами, так что иной англичанин с непривычки подумал бы, не затевается ли тут нечто вроде бунта» (Циммерман Э. Р. Новая Каледония. С. 261).

¹² «Канал Вудин» (Wooden) — пролив между южной оконечностью Новой Каледонии и о. Уэн. Уменьшение числа жителей на о. Уэн было связано с подрывом традиционного земледелия и всего местного уклада жизни, а также с эпидемиями, занесенными европейцами.

¹³ Миклухо-Маклай называет новокаледонской елью гигантские араукарии, которые произрастают на Новой Каледонии и на островах, лежащих у ее южных берегов. В честь английского мореплавателя Дж. Кука, открывшего в 1774 г. Новую Каледонию, это дерево было названо *Araucaria cooki*. Оно достигает 30—35 м в высоту, тогда как ветви его редко бывают длиннее 2 м.

¹⁴ О. Лифу — крупнейший в группе островов Луайоте (Лояли), расположенных к востоку от Новой Каледонии. Гавань Кепенге (на современных картах — Шепенехе) находится в северной части о. Лифу.

¹⁵ Упоминаемый Миклухо-Маклаем *père Fabère* (правильно Jean-Baptiste Fabvre) — французский католический миссионер. Основал в 1862 г. на о. Лифу первую католическую миссию.

¹⁶ Крэй (Stephen Mark Creagh) — английский протестантский миссионер, посланный в 1854 г. на острова Луайоте Лондонским миссионерским обществом. Занимался прозелитической деятельностью, а также созданием письменности для народов, населяющих о. Лифу и о. Маре, с целью перевода на местные языки богослужебной литературы. Протестантские миссионеры сумели почти на два десятилетия раньше католических обосноваться на островах Луайоте и имели там большое влияние. После французской военной экспедиции 1864 г., призванной подорвать английское влияние на островах Луайоте и провозгласить эту группу частью французской колониальной империи, условия деятельности там протестантских миссионеров существенно ухудшились.

¹⁷ Север и юг о. Увеа (Халган), входящего в группу островов Луайоте, заселен полинезийцами, которые переселились сюда в XVIII в. с о. Увеа, расположенного в группе островов Уоллис (Западная Полинезия). Центр острова населен меланезийской этнотерриториальной группой иаи.

О таблице Брока см. прим. 15 к «Фрагментам полевого дневника за 1872 г.» в т. I наст. изд.

¹⁸ В подготовленных для публикации дневниковых записях о пребывании на Новой Каледонии и островах Луайоте Миклухо-Маклай ничего не пишет об одной из главных целей его путешествия 1879 г. по Океании — сборе материалов о работорговле на островах, совершаемой под видом «торговли свободным трудом». Такое умолчание, по-видимому, объясняется тем, что он собирался посвятить этой проблеме специальную статью. Как сообщает известный французский историк и публицист Г. Моно, встречавшийся в 1882 г. с Миклухо-Маклаем, «самые скандальные сцены пришлось видеть Маклаю в Нумее, где черные продавались буквально с молотка» (*Monod G. La Nouvelle-Guinée: Les voyages de M. de Mikluho-Maclay // La*

Nouvelle Revue. 1882. Т. 19. № 2. Р. 242). См. также «Записку о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана», публикуемую в т. 5 наст. изд., и комментарии к этой «Записке».

Островок Андра

Печатается по первой публикации: Северный вестник. 1887. № 12. С. 153—175; 1888. № 1. С. 199—230. Переиздано: 1941. Т. 2. С. 39—81; СС. Т. 2. С. 459—510, 519—534.

Рукопись текста не обнаружена.

«Печатая этот отрывок,— писал автор Л. Н. Толстому в январе 1888 г., — я должен был выпустить многие чисто научные разъяснения, заключения, ссылки и т. п., интересные только для специалистов-антропологов; затем дамская цензура «Северного вестника» сочла долгом выпустить несколько замечаний, которые были переведены мною на всякий случай на латинский язык» (Полностью это письмо публикуется в т. 5 наст. изд.).

При переиздании в 1941 г. текст был подвергнут произвольной правке и сокращениям, изменено его название. В этой публикации текст начинается записью от 21 августа, эпиграф и первые четыре страницы отсутствуют. Краткое содержание, помещенное после заглавия, отличается от опубликованного в «Северном вестнике». Помимо стилистической правки текст подвергся упрощению (например, слово «лексикон» заменено на «словарь»). Сняты многие сноски и большинство латинских названий, выброшены или сокращены некоторые описания этнографического характера. Вторая часть очерка дана без эпиграфа и следующего за ним краткого содержания. Большие сноски с описаниями перенесены в основной текст. В ряде случаев взамен исключенных описаний редакцией внесены соединительные фразы, что, как и другие изменения, не оговорено в примечаниях.

Текст в СС напечатан по первой публикации, с небольшой стилистической правкой. В записи от 22 августа выпущен большой абзац: «Я описал довольно подробно ~ был украден бисер». Вместе с тем во вторую часть очерка вмонтирован текст «Посещение острова Сорри», не включенный автором в его публикацию в «Северном вестнике».

В наст. изд. изменено обозначение авторских сносок с целью унификации с другими текстами данного издания (в первой публикации сноски цифровые).

Переводы с немецкого в тексте выполнены А. Н. Анфертьевым.

Примечание 23 взято из СС. Т. 2. Остальные сделаны Д. Д. Тумаркиным.

¹ Имеется в виду о. Манус. См. прим. 6 к «Путешествию по Западной Микронезии и на Берег Маклая» в наст. томе.

² Голландские мореплаватели Виллем Схаутен и Якоб Ле-Мер в 1616 г. пересекли Тихий океан, сделав несколько географических открытий. В июле 1616 г. они открыли группу мелких островов к юго-востоку от о. Манус. О Картерете см. прим. 3 к «Путешествию по Западной Микронезии и на Берег Маклая». Первым из европейских мореплавателей к островам Адмиралтейства подошел в 1528 г. испанский мореход Альваро Сааведра.

³ Французский мореплаватель Жан Франсуа Лаперуз и участники его экспедиции погибли в 1788 г. у берегов о. Ваникоро (группа Санта-Крус).

⁴ Экспедиция на английском парусно-паровом судне «Челленджер», состоявшаяся в 1872—1876 гг., — одна из первых специальных океанографических экспедиций в истории науки. Ее участники внесли большой вклад в изучение Мирового (главным образом Тихого) океана. Итоги плавания отражены в серии научных трудов, состоящей из пятидесяти двух томов.

⁵ Миклухо-Маклай впервые посетил острова Адмиралтейства не в мае 1877 г., а в мае — июне 1876 г. Статьи об этом были опубликованы в Изв. РГО не в 1880, а в 1878 г. См. «Острова Адмиралтейства» в наст. томе и «Антропологические заметки о туземцах островов Адмиралтейства» в т. 3 наст. изд.

⁶ Именно такую ошибку допустил натуралист «Челленджера» Х. Моузли, обнаруживший в 1879 г. на о. Сорри два «храма». См.: *Moseley H. N. On the Inhabitants of the Admiralty Islands // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1877. V. 6. P. 414—416.*

⁷ Миклухо-Маклай пользовался оттиском статьи Х. Моузли в виде брошюры с самостоятельной пагинацией. В этой брошюре с. 40 соответствует с. 418 в журнале, а с. 36 в одной из последующих сносок — с. 414.

⁸ См. прим. 15 к «Фрагментам полевого дневника за 1872 г.» в т. 1 наст. изд.

⁹ Население о. Адмиралтейства (Манус) и прилегающих островов в XIX в. делилось на три основные этнотерриториальные группы: моанус (манус), усаи и матанкор, подразделявшиеся на более мелкие группы (см. прим. 11 к статье «Острова Адмиралтейства» в наст. томе). Как установили исследователи, канибиалами в прошлом были усаи и некоторые группы матанкор (*Schwartz Th. The Paliau Movement in the Admiralty Islands, 1946—1954. N. Y., 1962. P. 221*). На о. Андра (как и на о. Сорри, которому посвящен другой очерк, публикуемый в наст. томе) обитали матанкор (*Parkinson R. Dreissig Jahre in der Südsee. Stuttgart, 1907. S. 390*). О канибализме см. также дневниковую запись в этом очерке от 6 ноября 1879 г.

¹⁰ Имеется в виду фаллокрипт, надеваемый на половой член. См. об этом в дневниковой записи от 29 мая 1876 г. в очерке «Острова Адмиралтейства» в наст. томе.

¹¹ Автор, вероятно, имеет в виду гостеприимный гетеризм (обычай предоставления женщинам гостям).

¹² Имеется в виду торговый дом К. Шомбург и К^о, у которого Миклухо-Маклай взял в долг деньги, необходимые для финансирования его экспедиции 1876—1877 гг.

¹³ См. об этом ниже, с. 293—294.

¹⁴ Процитированное Миклухо-Маклаем письмо немецкого путешественника и ученого О. Финша Р. Вирхову от 30 сентября 1879 г. помещено в отчете о состоявшемся 20 декабря 1879 г. заседании (Sitzung) Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории. Отчет опубликован в качестве приложения к журналу «Zeitschrift für Ethnologie» (Bd. 11. 1879. S. 413—414). В этом письме Финш, кроме того, критикует Миклухо-Маклая за отдельные скороспелые обобщения (на-

пример, о «большезубых меланезийцах»), что, по его мнению, объясняется кратковременностью пребывания русского ученого на некоторых островах и незнанием языка их обитателей.

¹⁵ Капитан Б. — «кавалер» Бруно, отставной офицер итальянской армии, участвовавший в одной из неудавшихся попыток колонизации Новой Гвинеи.

¹⁶ Уссия (правильнее — усаи) — одна из основных этнотерриториальных групп о. Адмиралтейства (Манус), населявшая преимущественно его внутренние районы. Усаи нередко враждовали с жителями побережья и прилегающих островков, составляющими группу матанкор. См. также прим. 11 к очерку «Острова Адмиралтейства», публикуемому в наст. томе.

¹⁷ См. прим. 28 к очерку «Острова Адмиралтейства». Моузли утверждал, что жителям островов Адмиралтейства лук и стрелы неизвестны (*Moseley H. N. On the Inhabitants of the Admiralty Islands. P. 407*).

¹⁸ Имеется в виду копьеметалка, встречающаяся в Южной Меланезии, в том числе на о. Лифу.

¹⁹ Для религии обитателей островов Адмиралтейства были особенно характерны различные формы магии, культ предков и связанные с ним анимистические представления. Жречество как наследственная, обособленная общественная группа здесь не сложилось, но уже появились профессиональные колдуны, знахари и шаманы обоего пола.

²⁰ Описание похорон Панги и связанных с ними обрядов восходит к заметке «Похороны на О. Андра» в ЗК № 5 (1879—1881). См. АГО. Ф. 6. Оп.1. № 24. Л. 64 об.—69.

²¹ Предметы, привезенные Миклухо-Маклаем с островов Адмиралтейства, в настоящее время хранятся в МАЭ (колл. 168 и 402).

²² Дневник за 2 сентября—16 октября 1879 г., включая записи об островах Ниниго и Луб (Хермит), по-видимому, не сохранился. В дневнике за 17—24 октября описано посещение о. Сорри. Эти записи, не включенные автором в очерк, напечатанный в «Северном вестнике», публикуются в качестве отдельного текста в наст. томе.

²³ Положение пленников на о. Андра, охарактеризованное Миклухо-Маклаем, было типичным для Северной Меланезии. Речь идет о своеобразной форме патриархального рабства, свойственной той стадии разложения общинно-родового строя, на которой находились тогда обитатели островов Адмиралтейства и других частей архипелага Бисмарка.

²⁴ Сказанное Ахматов, по-видимому, относится к этнотерриториальной группе усаи, населявшей главным образом внутренние районы. Власть вождей в группах, обитавших на побережье о. Адмиралтейства (Манус) и на прилегающих островках, была более значительной. См. об этом прим. 26 к очерку «Острова Адмиралтейства».

Посещение о. Сорри 17—24 октября 1879 г.

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 84.

Впервые: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 263—266, с небольшой стилистической правкой.

Переиздано: СС. Т. 2. С. 511—518, с включением во вторую часть очерка «Островок Андра», со стилистической правкой.

Рукопись представляет собой дневниковые записи без заглавия, написанные на 13 листах белой нелинованной бумаги большого формата. Двойные листы ее были сложены тетрадкой и сшиты. По бумаге и оформлению рукописи сходна с рукописью текста «Новая Каледония и остров Лифу» (АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 68). В тексте оставлены пропуски для отдельных латинских названий. Следы правки и набора отсутствуют. Нумерация простым карандашом в правом верхнем углу.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Правильнее: Харенган. См.: *Parkinson R. Dreissig Jahre in der Südsee*. Stuttgart, 1907, S. 385, 391.

² Речь идет о выделке «раковинных денег» (мелких шлифованных раковин, низанных на шнуры), которой по традиции занимались здесь женщины. О Сорри был одним из центров выделки таких «денег», за которые местные жители получали обсидиановые наконечники для копий, кокосовое масло, ожерелья из собачьих зубов и другие нужные им изделия. См.: *Parkinson R. Dreissig Jahre in der Südsee*. S. 390—391.

³ См.: *Moseley H. N. On the Inhabitants of the Admiralty Islands // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1877. V. 6. P. 414—415. Об экспедиции на судне «Челленджер» см. прим. 4 к тексту «Островок Андра» в наст. томе.

〈Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.〉

Печатается по: РПТ (АИЭ (П). Ф. К-V. Оп. 1. № 298. Пагинация печаткой — л. 00351—00369).

Впервые: Изд. 1923. С. 552—573, с несколькими поправками.

Переиздано: Изд. 1940. Т. 1. С. 336—351; СС. Т. 2. С. 535—558, со стилистической правкой.

Рукопись того же типа, что и остальная часть РПТ (см. с. 10—16 в т. 1 наст. изд.), почерк одного из двух профессиональных переписчиков. Правка в ходе диктовки и последующая незначительна и носит характер стилистических, в нескольких случаях фактических уточнений. Особенностью рукописи является пропуск в ходе диктовки ряда иностранных слов; частично они были восстановлены Д. Н. Анучиным.

Сохранилась единственная ЗК с заметками о первом посещении южного берега и различными рисунками: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 24 (описание ЗК см. под № 7 на с. 401 т. 1 наст. изд.). Заметки к «Первому посещению» находятся на л. 12—23 об., 89—97, 98 об.—99 об., 100 об.—101 об., 102 об.—125 об. Часть заметок использована нами в примечаниях (ЗК—1880).

Примечания 3, 5, 6, 8, 12 подготовлены Д. Д. Тумаркиным, 20 — Т. К. Шафрановской, 24 — Н. З. Климовой, остальные примечания сделаны Б. Н. Путиловым.

¹ О путешествии на шхуне «Sadie F. Caller» и обстоятельствах оставления ее см. наст. том, с. 350—355.

² London Missionary Society (Лондонское миссионерское общество) вело обширную прозелитическую деятельность среди коренного населения Меланезии и Полинезии. В 1874 г. создало в Порт-Морсби крупную миссионерскую станцию, ставшую базой распространения христианства среди папуасов южного берега Новой Гвинеи и прилегающих островов.

³ Имеется в виду книга: MacGillivray J. Narrative of the Voyage of H. M. Ship Rattlesnake during the Years 1846—1850. London, 1852. Натуралист Джон Макгилливрей участвовал в 1846—1850 гг. в экспедиции на английском военном корабле «Ретлснейк», обследовавшей некоторые острова в Торресовом проливе, юго-восточное побережье Новой Гвинеи и архипелаг Луизиада. Помимо упомянутой книги он опубликовал несколько статей о природе и населении этих местностей.

⁴ Чальмерс (в рукописях встречается также написание Чалмерс), Джеймс (1841—1901) — шотландец по происхождению, миссионер. В 1866 г. был послан Лондонским миссионерским обществом на о. Раротонга, в 1877 г. присоединился к В. Г. Лоозу (см. о нем прим. 6 ко «Второму посещению южного берега Новой Гвинеи» в наст. томе), организовавшему ранее миссию в Порт-Морсби. О дальнейших контактах Миклухо-Маклая с Чальмерсом см.: «Второе посещение южного берега Новой Гвинеи» (в наст. томе) и письмо Миклухо-Маклая и Чальмерса лорду Дерби от 1 июня 1883 г. (т. 5 наст. изд.).

⁵ Капитан Эдвиг Редлих совершил в 1870-х годах несколько торговых плаваний из Австралии в северо-западную Меланезию и к берегам Новой Гвинеи. В 1878 г., заготавливая трепанг в Торресовом проливе, потерял часть своего экипажа при столкновении с островитянами, а затем и само судно.

Карл Хундштейн (правильно — Хунштейн) прибыл на южное побережье Новой Гвинеи в 1878 г. в связи с «золотой лихорадкой» (см. след. прим.). Натуралист широкого профиля, он совмещал путешествия и сбор всевозможных коллекций с поисками золота. Ему удалось обнаружить в новогвинейских горах неизвестные ранее виды райских птиц. В 1884 г., после аннексии северо-восточной Новой Гвинеи и архипелага Бисмарка Германией, поступил на службу немецкой Новогвинейской компании, получившей монопольное право на управление этой новой колонией и на ее экономическую эксплуатацию.

⁶ В конце 1877 г. английский натуралист Э. Гоулди обнаружил перспективные, по его мнению, золотоносные породы в районе Порт-Морсби. Вскоре слухи об этом достигли Австралии, и на юго-восточное побережье Новой Гвинеи отправились более сотни золотоискателей и другие любители легкой наживы. Однако «новое Эльдorado» оказалось миражом, никакого золота найдено не было. К осени 1878 г. «золотая лихорадка» прекратилась, зато настоящая лихорадка — тропическая малярия свирепствовала повсюду. Почти все оставшиеся в живых золотоискатели были эвакуированы в Австралию, и в районе Порт-Морсби остались лишь английские миссионеры.

⁷ Фотографии, о которых упоминает Миклухо-Маклай, не сохранились. В ЗК—1880 (л. 107) имеется карандашный рисунок — татуировка мужского лица. Подпись: «Масури (Milport)».

⁸ В марте 1987 г. на собрании Общества Миклухо-Маклая в Австралии выступил правнук Куапены ученый-орнитолог Наву Куапена, работавший тогда над докторской диссертацией в Университете Сиднея. Он рассказал об обычаях своего племени, об истории появления миссионеров в этом районе, высоко отозвался о

благородной деятельности Миклухо-Маклая, выступавшего в защиту коренного населения Новой Гвинеи (см.: Newsletter of the Mikloucho-Maclay Society of Australia. 1987. V. 8, N 2. P. 2—7). О Куапене см. также в статье «Второе посещение южного берега Новой Гвинеи» (наст. том, с. 368). Там же публикуется его портрет, сделанный Миклухо-Маклаем 31 августа 1881 г. (с. 371).

⁹ Помимо общих зарисовок татуировок, встречающихся на теле и лице, Миклухо-Маклай иногда фиксировал лишь образцы узоров, используемых при татуировании. В ЗК—1880 (л. 94—97) сохранилось 20 таких набросков, выполненных карандашом.

¹⁰ В ЗК—1880 сохранились перерисованные синим карандашом детали татуировки из Маупы: л. 110 об. — «на спине»; л. 112 — «над mons Veneris»; л. 114 — на правой груди у девочки «14 лет»; л. 114 об. — у девочки «15 лет, Барегбарег».

¹¹ Результаты измерений 19 женщин зафиксированы в ЗК—1880, л. 115 об.

¹² Население южного побережья Новой Гвинеи, как и архипелагов Меланезии, принадлежит к меланезийской расе, в рамках которой наблюдается значительная изменчивость антропологических признаков. Это проявляется, в частности, в наличии групп со сравнительно менее темным цветом кожи на Тробрианских островах и на южном побережье Новой Гвинеи, в районе Порт-Морсби. Такая изменчивость, вероятно, отражает в какой-то мере историю заселения Океании, в том числе миграции через Меланезию групп морских скитальцев, которые позднее на рубеже Меланезии и Полинезии сформировали в условиях относительной изоляции полинезийскую этническую общность.

¹³ В ЗК—1880 (л. 119 об.) — карандашный рисунок с надписью: «Вид дер. Карепуна. Пири — заборы против ветра».

¹⁴ В ЗК—1880 (л. 110) — карандашная схема частей хижины. Подпись: «Карепуна. Разрез хижины в Карепуне. а) 1 барла; б) 2 барла; в) спереди открытая хижина; д) светелка с дверьми».

¹⁵ Результаты измерений 20 женщин зафиксированы в ЗК—1880 (л. 116).

¹⁶ В ЗК—1880 сохранились перерисованные синим карандашом детали татуировки из Карепуны: л. 112 об. — «на спине», л. 113 — внизу живота и на ногах спереди выше колен, с подписью: «Анираба ♀ 14-ти. Волоса на mons Veneris немного длиннее окружающих, клитор немного высовывается между lobia. — Спрошенные девки называли влагаллице «уй», пуп — «буру»; л. 117 об. — без обозначения места на теле; л. 118 (простой карандаш) — вся спина и шея; л. 118 об. — «живот» и «спина»; л. 119 — «на животе» и «на внутренней стороне ляжки».

¹⁷ В ЗК—1880 (л. 116 об.) записаны названия предметов, используемых при татуировке, и дано краткое описание самого процесса. Помимо «кини» и «беу» здесь еще отмечена «вареха» — «смола дерева, которое растет в горах». На л. 117 приведены названия операции «ало-ало» из других мест: «Basilaki — kuli-kuli; Suou — 〈нет〉; Anuapata — reva-reva; Rarotonga — tipa-tipa».

¹⁸ В ЗК—1880 (л. 120) есть запись, не получившая отражения в основном тексте: «Оспа в Новой Гвинее (Южный берег), видел в Карепуну 5 или 6 ♂, помеченных оспую. Г. Чалмерс сказал мне, что лет 15 тому назад она явилась сюда с запада и что множество людей здесь умерли».

¹⁹ В ЗК—1880 (л. 121 об. и л. 122) — карандашные зарисовки татуировок из дер. Хура.

²⁰ Экземпляр коро сохранился в коллекции Миклухо-Маклая (МАЭ, № 168—77). Деталь, не отмеченная в описании Миклухо-Маклая: к петле прикреплена оре-

ховая скорлупа, шум от которой должен наводить страх на врага. Подробнее о коро см.: Иванова Л. А. Охота за головами у маринд-аним и время ее возникновения // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.

²¹ В ЗК—1880 (л. 124 об. и л. 125) — изображения прибрежных гор с участком моря. Подписи: «Owen Stanley. Вид из бухты Тубузелей» и «Owen Stanley Range».

²² Имеется в виду В. Г. Лооз (W. G. Lawes). См. о нем в наст. томе прим. 6 ко «Второму посещению южного берега Новой Гвинеи».

²³ О новой встрече с Макане см. «Второе посещение южного берега Новой Гвинеи».

²⁴ *Лакатои* — «тройная лодка» на языке моту. Составленное из нескольких (от 3 до 14) долбленных лодок (*аси*), более крупных по размеру, чем обычные, и с клювообразными концами, многокорпусное судно без аутриггера было приспособлено для дальних грузовых перевозок. Миклухо-Маклай наблюдал один из наиболее крупных экземпляров (обычная длина — от 15 до 18 м). Парусное оснащение — шпильные в форме клешни краба паруса из циновки, плетеных из пандануса. Лакатон использовались для торговых экспедиций (*хири*), иногда обозначавшихся тем же словом. В экспедициях участвовало до 20 судов, они совершались на расстояние до 300 км: от залива Порт-Морсби до дельты рек залива Папуа, с командой до 30 человек. Торговый обмен осуществляли этнические группы моту и койта района Порт-Морсби с населением района мыса Позешн и дельты р. Пурапи и к западу от него — с этническими группами элама и корики. С лодкой *лакатои*, обрядами, сопутствующими ее постройке, и самой экспедицией связан ритуальный комплекс, в составе которого были специальные песни (*лакатои зхона*). Подробнее см.: Seligman C. C. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910; Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922.

²⁵ Описание первого посещения южного берега Новой Гвинеи в РПТ заканчивается 6 марта. Между тем, Миклухо-Маклай оставался здесь еще в течение марта, посещая различные деревни. В ЗК—1880 сохранились соответствующие заметки, часть которых мы приводим.

Л. 12: «Скелет из дер. Робатума (*нрзб*) Коери), 10 миль от Ануапата, куплен у золотоискателя Дана 15 марта 1880. Скелет находился в свертке травы (*Saccharum Königii*) и был прислонен к дереву вблизи деревни. В свертке находилось несколько костей (возм.: нижние кости) ребенка».

Л. 12 об.: «Боера (365 ♂ и детей), не доходя ближе к Ануапату береговая дер. Борепата* (*«пата» — большой)».

Л. 19 об.: Набросок «Хижина в дер. Кало» (план, вид спереди).

Л. 20: Данные измерения голов женщин в дер. Кало и Хула.

Л. 20 об.: Антропологические пометы.

Л. 22: «Мусикака (моту). Кеноре (Каетабу)». Карандашный набросок: лодки, горы. «Акона» — «пироги из Майва».

Л. 22 об.: Набросок «сложенный парус»; набросок лодки с двумя парусами, подписи: «Ванако. Ануапата»; набросок «Хижина в дер. Майва» (вид сбоку, крыша, стена).

Л. 23. «Моту-моту. Цвет кожи большинства ♂♂ соответствует № 42 таблицы (Брока), некоторые светлее. Головы молодых людей (около 16—20 л.) были бриты с чубом в средней линии головы, у взрослых они были расчесаны, у некоторых перевязаны в виде шиньона.

Костюм первых также отличался от последних: спереди висела широкая кисть (3 *нрзб*), которая закрывала *repis*, который был открыт, смотря сбоку; у вторых ре-

nis и testicula были закрыты узким суспензориумом. На лбу у многих находилось украшение $\approx$ туземцев островов Адмиралтейства. У одного были выщипаны волосы, у остальных курчавые».

В ЗК—1880 (л. 12 об.—16 об.) сохранились заметки, которые Миклухо-Маклай делал на пути с южного берега Новой Гвинеи в Австралию на островах Эруб, Дауван, Сейбай, Мабиак.

Л. 12 об.: «О. Эруб. Когда тичер Кучин прибыл на о. Эруб в 1871 г., жителей обоего пола было 190. В апреле 1880 г.

мальчиков	— 15	девочек	— 13
молодых людей	— 12	взрослых	— 31
взрослых	— 21		— 44
	— 48		

Итого населения — 92 душ.

1 апреля 1880».

Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи

Печатается по рукописи: АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 71.

Впервые: Изв. РГО. 1881. Т. 17. Вып. 2. Отдел 2. С. 131—142, с небольшой стилистической правкой.

Переиздано: 1941. Т. 2. С. 98—104, с неточностями и стилистической правкой. Отсюда: СС. Т. 2. С. 559—570, с исправлением некоторых неточностей и небольшой дополнительной правкой. В этих изданиях отсутствует последняя авторская сноска.

Рукопись написана черными чернилами мелким четким почерком на 15 одинарных листах бумаги с водяными знаками. Листы исписаны с одной стороны.

Рукопись сильно повреждена: вся в разноцветных разводах, местами части слов утрачены. Рукопись реставрировалась в начале 1980-х годов. Пагинация в правом верхнем углу двойная: авторская чернилами и архивная — карандашом. Правка незначительная, сделанная во время написания теста.

В черновой рукописи (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 16) имеется подзаголовок: «(Предварительное сообщение)». Нумерация двойная: авторская и архивная. Текст написан чернилами на пожелтевших линованных листах бумаги с водяными знаками. Листы, первоначально двойные, почти все разрезаны. На полях помимо дополнений многочисленные вензеля, геометрические узоры, изображения лабиринтов. Сохранился также карандашный набросок этого текста (ПО ААН. Ф. 143. Оп. 1. № 15. Л. 44—46).

Сравнение черновой рукописи с белой показывает, что автор, по-видимому, правил первую при написании беловика. Теми же чернилами, которыми написана беловая рукопись, сделаны вычеркивания в более пространным черновике.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Об экспедиции на судне «Челленджер» и статье натуралиста этой экспедиции Х. Моузли (H. Moseley) о жителях островов Адмиралтейства см. прим. 4 и 6 к очерку «Островок Андра», публикуемому в наст. томе.

² О миссионере Дж. Чалмерсе см. прим. 4 к дневнику «Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.» в наст. томе.

³ Прибыв в мае 1879 г. по пути в Сидней в британскую колонию Квинсленд (ныне штат Австралийского Союза), Миклухо-Маклай первоначально предполагал провести там лишь несколько дней. Однако он оставался в Квинсленде до января 1880 г. Письмо-отчет в РГО о пребывании в Квинсленде, по-видимому, не было написано, но ученый рассказал о пребывании в этой колонии в своем выступлении в РГО в 1882 г. (наст. том, с. 472—473). См. также его статью «Краткий обзор результатов антропологических и анатомических исследований в Меланезии и Австралии» в т. 4 наст. изд.

⁴ Многие упомянутые в «итинерарии» острова и островные группы на современных картах имеют другие названия или даются в ином написании: Фате — Эфате, Май — Эмай (Эмаэ), Квироса — Дафф, Лом-Лом (Ломлом) — общее название трех островков (Нгабелипа, Нгагае и Нананисбулеи) в группе Суоллоу (к северу от островов Санта-Крус), Луб — Хермит, Варе — Вари, Суоу — Суау, Сейбай — Сайбай, Дауван — Дауан, Вайбин — Терсди, Мабиак — Мабуиаг.

⁵ Приведенный Миклухо-Маклаем «итинерарий» его путешествия не только носит приблизительный характер, но и содержит явные неточности. Так, в сентябре 1879 г. автором учтено лишь 29 дней, в марте 1880 г. 21 день. Зато «итинерарий» за февраль 1880 г. охватывает 32 дня. Не сходится с общим итогом, указанным автором (409 дней), и сумма дней, проведенных на берегу или на якоре (237), и дней, проведенных в море (162). Вернувшись к этому вопросу в 1882 г., Миклухо-Маклай увеличил продолжительность пребывания в море до 172 дней (см. наст. том, с. 428). Уточнение «итинерария» невозможно ввиду того, что дневники и записные книжки, фиксировавшие ход путешествия 1879—1880 гг., в большинстве своем не сохранились или во всяком случае не обнаружены.

⁶ См. в наст. томе прим. 12 к тексту «Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.».

⁷ См. «Записку о похищении людей и работорговле в западной части Тихого океана» в т. 5 наст. изд.

Посещения Новой Гвинеи в 1881—1883 гг.

Второе посещение южного берега Новой Гвинеи, август 1882 г.

Печатается по: РПТ; первая часть текста (кончая словами «еще не вполне вытеснено железом и сталью») находится в АИЭ(Л). Ф. К-V, № 300 (пагинация печаткой 00370—00373, в одной тетрадке с рукописью «Третье посещение Берега Маклая»); остальная — в АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 73. Л. 6—9.

Рукопись была разрознена, по-видимому, при разборке бумаг Миклухо-Маклая в РГО либо при передаче архива Д. Н. Анучину; первая

часть была скопирована для Анучина, однако, не обнаружив конца рукописи, он отказался от публикации. Связь между двумя частями восстановил Е. И. Тлейбер, он же впервые опубликовал полный текст: Изв. ГГО. 1939. Т. 71. Вып. 1—2. С. 267—271, с небольшой правкой и вставкой из другого текста (см. наше прим. 9). Публикация повторена: СС. Т. 2. С. 571—581.

Текст РПТ писан почерком, который определяется нами как «третий» (см. с. 430 в т. 1 наст. изд.), и содержит авторскую правку.

Примечание 7 подготовлено Д. Д. Тумаркиным, остальные примечания принадлежат Б. Н. Путилову.

¹ О коммодоре Уильсоне см. подробнее в прим. к письму от 8 апреля 1881 г. в т. 5 наст. изд.

² О пребывании в деревне Кало в 1880 г. см.: «Первое посещение южного берега...».

³ О значении слова *teacher* см. прим. автора к «Первому посещению южного берега...» (с. 323 наст. тома).

⁴ О Чалмерсе см. «Первое посещение южного берега...» и прим. 4.

⁵ Порт Джаксон — залив, на берегу которого расположен Сидней.

⁶ Лооз (William George Lawes, 1839—1907) — английский миссионер, с 1861 г. вел работу на островах Океании. В 1874 г. основал миссионерскую станцию в Порт-Морсби. Изучал этнографию и языки папуасов южного берега Новой Гвинеи, опубликовал грамматику и словарь этнической группы моту. Миклухо-Маклай неоднократно общался с Лоозом.

⁷ Трагедия в Кало несомненно имела более глубокие корни. Чалмерс впоследствии признавал, что она была в значительной мере спровоцирована самими тичерами. «Боюсь, мы не вполне свободны от ответственности, — писал он о случившемся в Кало. — Тичеры часто ведут себя неблагоприятно в отношении туземцев и не слишком заботятся о том, что говорят». Отметив, что тичер в Кало заставлял местных жителей бесплатно работать на миссию, Чалмерс сделал следующее обобщение: «Некоторые из тех, кто был убит на побережье Новой Гвинеи, сами виноваты в своей гибели, другие заплатили своей жизнью за злодеяния белых людей, а несколько человек пострадали из-за жадности туземцев» (*Chalmers J. Work and Adventure in New Guinea*. London, 1902. P. 195—196, 200).

⁸ Миклухо-Маклай имеет в виду встречу в 1880 г. См. «Первое посещение южного берега...», с. 346 и 348 наст. тома.

⁹ На этом рукопись РПТ обрывается. В первой публикации после редакторского интервала в несколько строк далее следует текст, перенесенный редактором из «Чтений Миклухо-Маклая...»: «План мой вполне удался: вместо сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей все ограничилось несколькими убитыми в стычке, в которой пал главный виновник убийства миссионеров, начальник деревни Квайпо, и разрушением большой его хижины. Посетив затем несколько деревень южного берега, я дополнил некоторые прежние свои наблюдения, но краткость стоянки корвета и дело в Кало значительно помешали моим работам».

Судя по сохранившимся рисункам (см. с. 374 в наст. томе), Миклухо-Маклай провел в деревне Кало еще по крайней мере день 25 августа. Кроме того, 31 августа

помечены его два рисунка из деревни Маупа (см. с. 371). Подпись к рисункам хижины в деревне Маупа: «Numa Quarana. Village Maupa, District Aroma, 31/VIII-81.

Большинство хижин так стары и скверно построены, что из опасения, чтобы ветер не сдул бы их, почти все привязаны ротаном к крепким кольям, вбитым в землю».

Третье посещение Берега Маклая в 1883 г.

Печатается по: РПТ (АИЭ (П). К-V. Оп. 1, № 300. Л. 00374—00385 — пагинация печаткой).

Впервые: Изд. 1923. С. 573—587.

Эта часть РПТ писана на левой половине больших листов, сшитых в одну тетрадку (вместе с частью рукописи «Второго посещения южного берега...»), на обеих сторонах листов. Почерк — тот, который определен нами как «третий» (см. в т. 1 наст. изд., с. 430). Поправки сделаны частью той же рукой, частью — рукой автора; первые, по-видимому — по ходу диктовки, вторые — позднее. Правка касается как стиля, так и фактических уточнений (например, запись о привезенных семенах добавлена на полях).

При подготовке изд. 1923 редактором были произведены многочисленные мелкие стилистические исправления, исключены фразы, содержавшие пропуски, исправлены некоторые написания папуасских слов и географических названий. Правка, видимо, была сделана по копии РПТ (копия не сохранилась), в самой РПТ следов посторонней правки нет.

В изд. 1940 и СС, т. 2 правка изд. 1923 сохранена и дополнена.

В настоящем томе текст РПТ полностью восстановлен, отдельные исправления оговариваются в примечаниях.

Примечания 4, 9, 11, 12 принадлежат Д. Д. Тумаркину, остальные примечания подготовлены Б. Н. Путиловым.

¹ «Скобелев» новое название корвета «Витязь», на котором Миклухо-Маклай совершил плавание в 1870—1871 гг.

Третье посещение берега Астралабии Миклухо-Маклаем, представленное самим путешественником как случайное, на самом деле было запланировано еще во время пребывания его в России в 1882 г. и было связано с подготовкой создания Папуасского союза (см. об этом: *Тумаркин Д. Д.* Папуасский союз (из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи) // *Расы и народы*: 7. М., 1977), организацией вольного русского поселения на Новой Гвинее или в другом месте Океании (см.: *Вальская Б. А.* Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии // *Австралия и Океания (история и современность)*. М., 1970) и с попыткой вовлечь русское правительство в борьбу против колониальных захватов в Новой Гвинее и Океании (см.: *Вальская Б. А.* Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая // *Страны и народы Востока*. Вып. 1. М., 1959). Во время пребывания в Петербурге Миклухо-Маклаю удалось добиться отправки русских кораблей в район Берега Маклая и Северной

Меланезии, причем было условлено, что один из кораблей зайдет за ним в Сидней в марте 1883 г. Встреча путешественника, возвращавшегося из Европы, с корветом «Скобелев» в Батавии лишь ускорила осуществление выработанного плана.

² Николай Васильевич Копытов (1833—1901), контр-адмирал, командующий отрядом русских судов в Тихом океане. О его в высшей степени уважительном отношении к Миклухо-Маклаю свидетельствуют рапорты в Петербург о ходе плавания (см.: *Вольская Б. А.* Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г. // *Страны и народы Востока*. Вып. 13. М., 1972).

³ В Макассаре «Скобелев» пробыл с 27 февраля по 4 марта, в Амбоине — с 7 по 10 марта.

⁴ Мангустан — дерево *Garsinia mangostana*. Ланзат — дерево *Lansium domesticum*. Эти плодовые деревья издавна культивируются в Индонезии.

⁵ См. об этом: «Чтения Миклухо-Маклая...» (с. 438 наст. тома). Во «Втором пребывании...» и в отчете о пребывании на Берегу Маклая в 1876—1877 гг. об инструкциях, данных папуасам на случай появления белых, ничего не говорится.

⁶ Английская шхуна «Dove» посетила Берег Маклая в августе—сентябре 1878 г. с партией золотискателей, решивших почему-то, что Миклухо-Маклай открыл здесь залежи золота. О том, как встретили золотискателей папуасы, как дали отпор их попытке войти в дом Миклухо-Маклая, рассказал путешественнику участник экспедиции Артур Пек (см. «Чтения Миклухо-Маклая...» в наст. томе, с. 440—441 и прим. 23).

⁷ Имеется в виду Ромильи (Н. Н. Romilly), правительственный уполномоченный (Deputy Commissioner), который по поручению британского верховного комиссара в западной части Тихого океана сэра Артура Гордона посетил в июне 1881 г. на корабле «Beagle» Берег Маклая. Перед этим посещением он виделся с Миклухо-Маклаем в Сиднее и получил от него специальные «знаки и слова», по которым папуасы должны были принять его за друга («брата») Маклая (см. об этом: «Чтения Миклухо-Маклая...» в наст. томе, с. 441 и прим. 25; о высадке Ромильи см. также: *Thomassen E. S.* A Biographical Sketch of Nikolas de Miklouho-Maclay, the Explorer. Brisbane, 1882. P. 25; *Greenop F. S.* Who Travels Alone. Sydney, 1944. p. 151 (Русский перевод книги: *Гриноп Ф. С.* О том, кто странствовал в одиночку. М., 1989. С. 97—98).

⁸ Об обстоятельствах, приведших к исчезновению деревни Горенду, см. «Второе пребывание...» (с. 204 наст. тома).

⁹ Через полтора года после описанных событий немецкий путешественник и исследователь О. Финш встретил этих порядком одичавших животных в окрестностях Бонгу (*Finsch O.* Samoafahrten. Reisen in Kaiser Wilhelms-Land und Englisch-Neu-Guinea in den Jahren 1884 u. 1885 an Bord des deutschen Dampfers «Samoa». Leipzig, 1888. S. 51). Но затем их следы потерялись, и в наши дни об этом подарке Маклая здесь напоминают лишь слово *бика*, вошедшее в местный язык, да предание, записанное в 1971 г. в Бонгу советскими этнографами. Крупный рогатый скот, который эти этнографы видели во время пребывания в Бонгу, другой породы и появился там в 1960-х годах. См. «На Берегу Маклая». С. 41—43, 100—101.

¹⁰ См. об этом: «Второе пребывание...», с. 175—176 наст. тома.

¹¹ Лейтенант Б. — мичман (позднее — лейтенант) Витольд Людвигович Барщ. Его именем назван мыс на «материке» Новой Гвинеи севернее архипелага Довольных людей. Это название сохранилось и на современных картах. Расположенную

здесь речку офицеры «Скобелева» называли рекой Миклухо-Маклая. Этот топоним встречается на современных картах в форме Maklai River или Macley River.

¹² Очевидно, имеется в виду статья Миклухо-Маклая «Список растений, используемых туземцами Берега Маклая на Новой Гвинее» (т. 3 наст. изд.). В ней сообщается, что автор, посетив Мельбурн в начале 1886 г., имел возможность воспользоваться консультацией известного ботаника Ф. Мюллера для определения некоторых растений с Берега Маклая, в том числе дикорастущего банана, который Мюллер назвал *Musa Maclayi*.

¹³ Коллекция оружия для вел. кн. Алексея была передана Миклухо-Маклаем на фрегат «Герцог Эдинбургский». Дальнейшая судьба ее неизвестна (см. письмо Миклухо-Маклая Н. В. Копытову от 3 мая 1883 г. в т. 5 наст. изд.).

¹⁴ После Новой Гвиней «Скобелев» побывал на островах Адмиралтейства (Миклухо-Маклай высаживался на о. Wild и посетил несколько деревень), на островах группы Hermit (здесь Миклухо-Маклаю рассказали о недавнем нападении американских и германских военных судов, о сожжении двух деревень и убийстве 7 человек), на островах Пелау (1—2 апреля, также с высадкой Миклухо-Маклая на берег). 13 апреля «Скобелев» был в Маниле, здесь Миклухо-Маклай оставил корабль, чтобы отправиться в Сидней.

Путешествия 1886—1887 гг.

Один день в пути

(Из дневника)

Печатается по: Книжки «Недели». Ежемесячный журнал. 1887. № 3. С. 1—25. Очерк был забыт и не включался в библиографии трудов Миклухо-Маклая. Обнаружен Д. Д. Тумаркиным при подготовке настоящего издания.

Примечание 15 составлено И. С. Даревским, остальные — Д. Д. Тумаркиным.

¹ Таньон-Приок (Танджунгпериук) — аванпорт Батавии (Джакарты) на Яванском море. Его строительство было начато в 1873 г. и продолжалось до 1893 г.

² Брекватер (англ. breakwater) — портовое сооружение для защиты места стоянки судов от волнения моря.

³ Почти не получая финансовой помощи из России, Н. Н. Миклухо-Маклай в 1874—1876 гг. задолжал батавской фирме Дюммлер и К^о около 9 тыс. голландских флоринов и оставил ей свои коллекции в обеспечение уплаты долга. Ученому удалось рассчитаться с фирмой лишь в декабре 1882 г. К этому времени долг (с учетом 9 % годовых) достиг 16 тыс. флоринов.

⁴ Английский консул в Батавии Мк.-Н. — Макнейл. Упомянутый ниже главный клерк консульства Д. Дэвидс. См. письмо Миклухо-Маклая В. А. Бауду от 10/22 марта 1887 г. в т. 5 наст. издания.

⁵ После 1876 г. Миклухо-Маклай еще дважды бывал в Батавии: в марте 1882 г. на клипере «Вестник» (по пути из Австралии в Сингапур) и в феврале 1883 г., ког-

да он, возвращаясь из Европы, пересел здесь с английского парохода «Чибасса» на корвет «Скобелев».

⁶ Главой фирмы Дюммлер и К° был Хендрик-Ян Анкерсмит.

⁷ Речь, по-видимому, идет о дневниках, рисунках и других материалах, относящихся к первому пребыванию ученого на Новой Гвинее в 1871—1872 гг. и, возможно, к его путешествию на Берег Папуа-Ковийай в 1874 г. См. его письма к брату от 23 апреля и 10 августа 1884 г. в т. 5 наст. изд.

⁸ Ученый прибыл в 1878 г. в Сингапур после своего второго пребывания на Берегу Маклая (июнь 1876 г.—ноябрь 1877 г.). Среди пропавших бумаг, возможно, находилась часть дневниковых записей, сделанных в указанный период. Этим может в какой-то мере объясняться фрагментарность дневника «Второе пребывание на Берегу Маклая», подготовленного ученым к печати незадолго до смерти.

⁹ Речь идет о К. Ф. Слэйтере — известном зоологе, члене-корреспонденте Королевской академии наук в Амстердаме, много лет работавшем на о. Ява. О зоологической лаборатории, созданной им в Батавии, см. в его сообщении: *Sluiter C. Ph. Ein Zoologisches Laboratorium in dem Malayischen Archipel // Zoologischer Anzeiger. Bd. 8. 1885. S. 539—540.*

¹⁰ Очевидно, имеется в виду Koninklijke Natuurkundige Vereeniging in Nederlandsch-Indië (Королевское естественнонаучное общество в Нидерландской Индии), основанное в 1850 г. Миклухо-Маклай был иностранным членом-корреспондентом этого общества с 1873 г. На 1 января 1886 г. в обществе было 27 иностранных членов-корреспондентов, в том числе такие выдающиеся ученые, как Л. Пастер (Франция), Г. Гельмгольд (Германия), Т. Хаксли и А. Уоллес (Англия).

¹¹ Имеется в виду русский зоолог А. А. Коротнев (1854—1915), командированный в 1885 г. в Нидерландскую Индию Петербургским обществом естествоиспытателей. См.: *Коротнев А. А. Отчет ученого путешествия в Нидерландскую Индию, представленный Обществу естествоиспытателей. СПб., 1886.*

¹² В 1875 г. Н. Н. Миклухо-Маклай получил у правителя Джохора в аренду остров Серимбон (Саримбун), расположенный в Джохорском проливе, отделяющем о. Сингапур от п-ва Малакка. Ученый предполагал устроить тут зоологическую станцию, которой могли бы пользоваться исследователи из разных стран, но этот замысел не был осуществлен.

¹³ Речь идет о голландском враче К. А. ван дер Бюрхе (1840—1905), члене правления Королевского естественнонаучного общества в Нидерландской Индии, и его книге: *C. L. van der Burg. De geneesheer in Nederlandsch-Indië. Derde deel. Materia Indica. Batavia. 1885.* Он опубликовал несколько работ, специально посвященных проблеме акклиматизации европейцев в тропиках.

¹⁴ Красочное описание таких аукционов (по-малайски *леланг*) оставил М. М. Бакунин, который был русским консулом в Батавии в 1894—1899 гг. Он отметил, что «интересен не самый процесс аукциона, а канун такого леланга, именуемый здесь *kykdag* (кейкадаг, то есть день, предназначенный для осмотра) (...). Здесь встречаются знакомые и разговаривают между собою непринужденнее, чем на рецепциях от 7 до 8 вечера, где мужчины составляют от дам отдельную группу. Словом, такой леланг есть *rendez-vous* и развлечение для скучающей батавской публики» (*Бакунин М. М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве. СПб., 1902. С. 86—87.*)

¹⁵ С июня 1885 г. русским консулом в Батавии был голландский негодянт В. А. Бауд (Baud). В МАЭ хранится подаренная им коллекция (№ 190) по народам Индонезии.

¹⁶ Со змеями связано много разных легенд, иногда попадавших на страницы газет. По всей видимости, в обоих случаях речь идет о змее из семейства ужей, так называемой украшенной древесной змее (*Chrysopelea ornata*). Только эти змеи способны к планирующему полету с дерева на дерево. Сильно уплощая тело, они летят, как стрела, оттолкнувшись от ствола или ветки.

¹⁷ В 1875 г. Н. Н. Миклухо-Маклай подал заявку на приобретение небольшого земельного участка в районе города Кема на севере о. Целебес (Сулавеси). В 1883 г. он выяснил, что утратил права на этот участок, так как не использовал его в течение нескольких лет.

¹⁸ Явная опечатка в журнале. Очевидно, следует читать: 36 376 128 человек.

¹⁹ Термином «арабо-малайцы» обычно обозначают людей, происходящих от браков арабов с малайками. Однако в данном случае этот термин употреблен в ином значении. Речь, вероятно, идет о том, что большинство населения Малайского архипелага (современной Индонезии) исповедует ислам — религию, возникшую в VII в. н. э. в Аравии.

²⁰ Соображения Н. Н. Миклухо-Маклая об этносоциальной ситуации, существовавшей тогда в Индонезии, представляют значительный интерес. Это одна из первых попыток анализа указанной проблематики в нашей отечественной литературе.

²¹ Имеется в виду князь О. Бисмарк, канцлер Германской империи в 1871—1890 гг.

²² В соответствии с научными представлениями, господствовавшими в его время, Н. Н. Миклухо-Маклай излишне категорично высказался по поводу возможности акклиматизации европеоидной расы в тропиках. Сводку и обобщение взглядов по этому вопросу, которых придерживались исследователи в конце XIX—начале XX вв., см. в статье: *Бунак В. В.* Об акклиматизации человеческих рас и сравнительном значении определяющих ее факторов // *Антропологический журнал*. 1923. Т. 13. Вып. 1—2. С. 45—59. Современные представления и сводка фактов изложены: *Алексеева Т. И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977.

На несколько дней в Австралию

(Из путевых заметок 1887 г.)

Печатается по газете «Новое время»: ч. 1 — № 4175, 13/25 октября 1887 г., ч. II — № 4333, 22 марта/3 апреля 1888 г. В СС, т. 2, с. 596—627, с мелкими неточностями и с изменением некоторых географических названий. Авторскую рукопись статьи обнаружить не удалось.

Примечания подготовлены Д. Д. Тумаркиным.

¹ Суэцкий канал (между г. Порт-Саид на Средиземном море и г. Суэц на Красном море) был открыт в 1869 г. Но в некоторых случаях пароходные компании перевозили пассажиров своих трансконтинентальных линий из Александрии в Суэц поездами.

² Имеется в виду книга: *Hunter F. M.* An Account of the British Settlement of Aden in Arabia. London, 1877.

³ Аден расположен недалеко от Баб-эль-Мандебского пролива, соединяющего Красное море с Индийским океаном. До начала XVIII в. Аден входил в состав

Йеменского имамата. В 1839 г. город захватила Великобритания, превратившая его в военно-морскую базу, значение которой возросло после открытия Суэцкого канала. Во второй половине XIX—начале XX вв., воспользовавшись сепаратизмом и распрями в среде местной феодальной верхушки, Великобритания навязала свой протекторат княжествам, расположенным в юго-западной части Аравийского полуострова. Местное население ненавидело британских колонизаторов, и эта враждебность нередко распространялась на всех европейцев.

Мокка (Моха) и Лахая (Лахдж) — города, находящиеся недалеко от Адена. Джедда (Джидда) — порт на Аравийском побережье Красного моря, через который основной поток паломников направлялся в священный город мусульман Мекку.

⁴ Швейнфурт Георг Август (1836—1925) — известный немецкий натуралист, исследователь Африки. В 60—70-х годах вел ботанические исследования в Египте, Судане и бассейне реки Конго. В его главном труде «В сердце Африки», впервые опубликованном в 1874 г., содержатся интересные этнографические материалы о племенах джур, динка, бонго, азанде и менгбету, а также первые достоверные сведения о пигмеев племени акка. В 1876—1889 гг. совершил несколько экспедиций на берега Красного моря и на о. Сокотра (Сокотра).

⁵ См.: *Дарвин. Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигле»*. 4-е изд. М., 1983. С. 384—394.

⁶ Британский протекторат над двумя атоллами, известными как острова Кокосовые, или Келинг (Килинг), был установлен еще в 1857 г., а в 1886 г. Джон Росс (правильно Кюнис-Росс) получил от королевы Виктории патент на владение этой островной группой. В 1951 г. она была включена в состав Австралийского Союза, но осталась в частной собственности семейства Кюнис-Росс, сохранившего практически неограниченную власть над местными жителями. В 1978 г. австралийское правительство выкупило у этого семейства все «права» на Кокосовые острова за 37 миллионов долларов.

⁷ Имеется в виду австралийский ботаник Спейсер, которому Миклухо-Маклай послал в декабре 1887 г. письмо с просьбой сообщить результаты его исследований на Кокосовых островах (см. т. 5 наст. издания).

⁸ Люгер — небольшое палубное трехмачтовое судно с косыми парусами. Во времена парусного флота служил вспомогательным военным судном. В конце XIX в. широко использовался рыбаками в Западной Европе, Северной Америке и Австралии.

⁹ Кутер (катер) — здесь маленькое одномачтовое парусное судно.

¹⁰ В имперской колониальной конференции, заседавшей в Лондоне в апреле—мае 1887 г., участвовали представители шести британских самоуправляющихся колоний в Австралии, а также Новой Зеландии, Канады, Капской колонии и Наталя. В центре внимания участников конференции, имевшей консультативный статус, находились вопросы обороны колоний, торговли, почтовых и телеграфных коммуникаций. Было, в частности, достигнуто соглашение о создании специальной военно-морской эскадры за счет австралийских колоний и Новой Зеландии. Эскадра должна была постоянно находиться в водах, омывающих эти колонии, но подчиняться имперскому командованию как составная часть британского флота.

¹¹ Гордон Чарлз Джордж (1833—1885) — английский колониальный деятель, генерал. Участвовал в Крымской кампании и войне Англии и Франции против Китая. «Прославился» жестоким подавлением восстания тайпинов в 1863—1864 гг. В 70-х годах был губернатором одной из суданских провинций, а затем губерна-

тором всего Судана. Снова посланный в Судан в 1884 г. для подавления восстания махдистов, он был убит во время штурма восставшими г. Хартума. Автор называет Гордона «хартумским героем», имея в виду его личную храбрость.

¹² Как правильно подчеркивает Миклухо-Маклай, европейские переселенцы в Австралии были сильно заражены шовинизмом и расизмом. В частности, тред-юнионы требовали сокращения китайской иммиграции и ограничения прав китайцев, поселившихся в стране. Антикитайские настроения были широко распространены и в среде австралийской буржуазии, главной проводницы политики «белой Австралии».

Получив от Вон-Юнг-Хоу (Ван Жунхе) и У-Цина (Юй Цюна) доклад о положении китайских эмигрантов, цинское правительство заявило Англии протест, указав, что антикитайское законодательство Австралии противоречит международному праву и англо-китайскому соглашению о дружбе и торговле. Британское правительство, передавшее в 1880 г. вопросы иммиграционной политики в компетенцию администрации австралийских колоний, рекомендовало последней сделать иммиграционные законы если не более умеренными, то хотя бы более тактичными по форме. Но власти колоний оставили без внимания рекомендации метрополии.

В 80-х годах XIX в. в Австралии набирало силу федералистское движение, т. е. движение за объединение колоний и создание на пятом континенте единого федерального государства, при сохранении его связей с Британской империей. Создание Австралийского Союза было официально провозглашено 1 января 1901 г.

¹³ В последующие десятилетия «национальное несчастье» — катастрофическое размножение в Австралии дикого кролика (*Oryctolagus cuniculus*), продолжало разрастаться. Несмотря на попытки помешать миграциям зверька путем сооружения специальных изгородей, протянувшихся на многие сотни километров, кролик неуклонно продвигался из Виктории на север и запад. В 1880-х годах он расселился почти по всему Новому Южному Уэльсу и части Южной Австралии, а к 1900 г. проник в Квинсленд и Западную Австралию. Трудности борьбы с кроликом усугублялись действиями небольших, но влиятельных групп предпринимателей, которые, получая значительный доход от продажи кроличьего мяса и шкурок, всячески мешали принятию эффективных мер против этого грызуна. Перелом наступил лишь в 1950-х годах, когда в различных районах Австралии был широко применен биологический метод борьбы с кроликом путем заражения его миксоматозом. Эта вирусная инфекция вызвала несколько крупных эпидемий, а затем приобрела эндемический характер, что привело к значительному сокращению поголовья дикого кролика на пятом континенте.

¹⁴ Став политическим советником, духовником и врачом престарелого тонганского короля Георга Тупоу, английский миссионер Ш. Бейкер (Бейкер) сделался фактическим правителем этого полинезийского королевства. В 1879 г. руководство всеянского (методистского) миссионерского общества, находившееся в Австралии, вызвало его для объяснений в связи с жалобами на то, что он вымогает деньги у островитян. Бейкер отказался приехать в Австралию, а в 1881 г. порвал все связи с всеянской миссией и официально занял пост премьер-министра Тонга. Чтобы еще более упрочить свою власть и влияние, Бейкер основал в 1885 г. Свободную церковь Тонга, которую возглавил его друг и сподвижник Ч. Ваткин (Уоткин), и стал самыми жестокими мерами принуждать тонганцев присоединиться к новой церковной организации. Своим самоуправством, бесчинствами и злоупотреблениями этот авантюрист восстановил против себя не только тонганскую знать и рядо-

вых островитян, но и многих европейских поселенцев. В 1890 г. Бейкер был удален с Тонга по приказу британского верховного комиссара в западной части Тихого океана Дж. Тэрстона, и руководящую роль в местном правительстве стал играть другой англичанин, Б. Томсон. В 1900 г. Великобритания навязала Тонганскому королевству протекторат, который сохранялся до 1970 г., когда Тонга стало суверенным государством.

Приложения

Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе
(в 1882 г.)

Печатается по: Голос. 1882. № 269, 299, 309, 311.

Текст — авторизованная обработанная стенограмма четырех чтений, проведенных в Петербурге в сентябре—октябре 1882 г., с частичным включением в нее материалов так наз. демонстрационных бесед, сопровождавших чтения. Авторизованность текста подтверждена специальным заявлением Миклухо-Маклая, сделанным для печати: «М. Г. Просмотрев несколько отчетов о моих чтениях и демонстрациях, я нашел так много неверностей всякого рода, доходящих в некоторых до искажения фактов, что считаю долгом известить тех из читающей публики, которые действительно интересуются антропологиею и этнологиею, что *единственно* верный и просмотренный мною отчет о четырех чтениях — тот, который печатается в газете «Голос» (Голос. 1882. № 276). Отчет о первом чтении был дан в «Голосе» через пять дней после выступления. В дальнейшем, однако, в связи с тем, что Миклухо-Маклай выезжал в середине октября в Москву, а также из-за его нездоровья, подготовка стенограмм задерживалась и публикация их сильно запоздала (см. прим. автора к «Чтению 4-му»).

Несомненно, что текст стенограммы (или газетной ее публикации) лег в основу «Сообщения о путешествиях Н. Н. Миклухо-Маклая», помещенного в Изв. РГО (1882. Т. 18. Вып. 5. Отд. 2 С. 296—347. Отсюда с незначительными поправками СС. Т. 2 С. 631—682). При этом четыре раздела газетного текста были объединены, устранены обращения автора к публике, его замечания о программе очередных чтений, извинения, а также примечания редакции газеты. Кроме того, текст стенограммы был частично сокращен и подвергнут несущественной стилистической правке. Одно пространное дополнение в журнальном тексте и несколько поправок фактического порядка принадлежат безусловно самому Миклухо-Маклаю, но можно утверждать, что к основной редакторской работе над текстом «Сообщения» он не имел отношения: ему не могли принадлежать ни исключение большей части в «Чтении 4-м», ни мелкая стилистическая

правка; к тому же в журнальный текст вкрались ошибки, которых автор не допустил бы. Учитывая, что в течение октября—ноября 1882 г. Миклухо-Маклай был до предела загружен делами и все время ощущал нездоровье, а в конце ноября (по ст. ст.) выехал из России, можно предполагать, что журнальный текст готовился в целом без его участия. Поэтому в качестве основного для данного издания берется газетный текст.

Чтения и «демонстрационные беседы» нашли широкое и довольно подробное освещение в столичной и провинциальной прессе, причем существенное внимание было уделено собственно научной их стороне. См. особенно (все даты по ст. ст.): Голос (кроме стенографических отчетов). 30 сент., 5—10 окт.; Нов. вр. 26, 30 сент., 1, 6—10 окт.; Нов. и бирж. газ. 30 сент., 5—11 окт. (отсюда: Газета Гатцука. 9, 16, 23 окт.; Русск. вед. 9, 11, 12 окт.); Пет. лист. 30 сент., 1, 5—10 окт.; Правит. вестник. 29, 30 сент. (отсюда: Сарат. губ. вед. 1, 5, 9 окт.); Сын Отеч. 30 сент., 5—9 окт.; Страна. 3, 7, 10, 12 окт.; Вост. обзор. 7 окт.; Русский курьер. 4, 6 окт. (изложение стенограммы первого чтения в «Голосе»); Современные известия. 2, 8, 9, 11. 13 окт. Журнальные отклики: Живоп. обзор. № 32; Иллюстр. мир, № 42, 43; Истор. вестник (ноябрь, из «Голоса»); Нива. № 46; Огонек. № 43 (из «Голоса»).

Хотя Н. Н. Миклухо-Маклай сурово оценил газетные отчеты, нет оснований вовсе пренебрегать ими при изучении материалов чтений. В ряде случаев они содержат данные, опущенные (или пропущенные) в опубликованной стенограмме. Это особенно касается материалов, связанных с «демонстрационными беседами», которые, видимо, вообще не стенографировались. О достоверности ряда газетных отчетов и о довольно близком соответствии их авторским высказываниям говорят их близость и наличие прямых текстовых совпадений в разных газетах. Это особенно относится к отчетам в газетах «Нов. и бирж. газ.», «Нов. вр.», «Пет. лист.», что позволяет во многих случаях использовать их в примечаниях к основному тексту.

Программа чтений была заранее объявлена в петербургских газетах, причем первоначально предполагались три выступления: «Сообщения Н. Н. Миклухи-Маклая о его путешествиях в 1871—1882 гг. состоятся в Императорском русском географическом обществе: в среду 29 сентября, понедельник 4 октября и среду 6 октября. Программа этих чтений следующая: 1-е чтение. Пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее в 1871—1872 и 1876—1877 гг. 2-е чтение. Путешествие на Берег Папуа-Ковий в 1874 г. Путешествие на Южный берег Новой Гвинеи в 1879 г. и экскурсия туда же в 1881 г. 3-е чтение. Путешествие по Малайскому полуострову в 1874—1875 гг. Путешествие на островах Микронезии в 1876 г.» (Нов. вр. 26 сент.). Затем, однако, программа была расширена. «Так как Н. Н. Миклухо-Маклай не успел окончить своих сообщений, то совет Географиче-

ского общества назначил еще одно заседание 8 октября в том же помещении» (Голос. 7 окт.). В дни между чтениями Миклухо-Маклай устраивал демонстрационные беседы, которых также состоялось четыре.

Существенной особенностью чтений и бесед было то, что Миклухо-Маклай сумел органично соединить живой рассказ о путешествиях — с их перипетиями и трудностями, увлекательными эпизодами — и серьезное изложение научных проблем, исследовательских результатов; он вводил слушателей в обширный круг сложных и дискуссионных специальных вопросов антропологии, этнографии, социологии, текущей политики в странах Океании, Австралии, Юго-Восточной Азии. В сущности, чтения явились для самого Миклухо-Маклая первым в таких масштабах опытом обобщения результатов путешествий и исследований, причем и содержание, и построение отчета по региональному принципу соответствовали замыслу фундаментального итогового труда, над которым уже шла работа.

Чтения вызвали исключительный интерес в самых разных слоях петербургского общества. Как отмечали столичные газеты, при открытии чтений помещение Географического общества было переполнено: «чтение (...) привлекло до того многочисленных слушателей, что, несмотря на допуск по билетам, в зале не оставалось положительно ни одного свободного места» («Нов. вр.», 30 сент.); «за неимением мест многим пришлось стоять в проходе и даже в смежной с залой комнате» («Пет. лист.», 30 сент.). Последующие выступления проходили неизменно «при громадном стечении публики», так что чтения перенесли в более просторный зал Технического общества в Соляном городке («Нов. и бирж. газ.», 8 окт.). «Несмотря на громадное по размерам помещение, вмещающее до 800 человек, зал к 7½ ч. буквально был переполнен» («Пет. лист.», 5 окт.). «Четвертое, и последнее, чтение (...) привлекло еще большую массу публики, чем предшествовавшие» («Нов. вр.», 9 окт.), «многим пришлось стоять» («Нов. и бирж. газ.», 9 окт.). Путешественника встречали и провожали «взрывом аплодисментов», криками «браво!» («Пет. лист.», 9 окт.).

Пресса отмечала присутствие на чтениях и беседах — наряду с известными деятелями науки, членами Географического общества, «высокопоставленными лицами», — множества молодежи, учащихся; особенно подчеркивалось большое число женщин. Последнее обстоятельство повлияло даже на организацию и содержание «демонстрационных бесед»: одну из них Миклухо-Маклай провел отдельно для мужской и женской аудитории. Во многих случаях, показывая рисунки и делая к ним пояснения, Миклухо-Маклай считал нужным в присутствии женщин опускать отдельные моменты. В связи с этим газетные отчеты зафиксировали характерный эпизод: «Из толпы выделилась молодая дама и обратилась к г. Маклаю со словами горячего сочувствия и благодарности. — Мы просим Вас толь-

ко, — закончила она, — взять обратно свои слова «ради дам я это опускаю, ради дам я об этом умалчиваю». Поверьте, что и мы не хуже мужчин умеем ценить науку и Ваши труды. Охотно беру свои слова назад, — отвечал г. Маклай, низко кланяясь дамам» (Нов. и бирж. газ. 10 окт.).

Судя по газетным отчетам, Миклухо-Маклаю задавали множество вопросов. К сожалению, в отчетах они отражены очень слабо. На вопрос одной женщины (при описании семейных отношений у папуасов), «в какой степени развито у них рабство», «Н. Н. в шутливой форме ответил: Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, там вовсе не обижают женщин!». На другой вопрос: «Значит, там между мужьями и женами довольно часто бывают ссоры?» — последовало: «Что ж удивительного, — улыбаясь, отвечал Миклухо-Маклай. — И в Европе нередко мужья бьют своих жен, а, впрочем, я не знаю» (Пет. лист. 1, 6 окт.). Когда Миклухо-Маклай рассказывал о прощании с папуасами, его спросили: «Жалели они Вас? — Жалели, отвечал сдержанный Маклай, и даже плакали, — сказал он задумчиво <...>. — Разве они умеют плакать? — спросила наивная петербургская дама-слушательница. — Да, умеют, — сказал Маклай, — но зато редко смеются» (Вост. обзор. 7 окт.).

О характере «демонстрационных бесед» и царившей на них особенно непринужденной и деловой обстановке можно судить по газетным отчетам. «Сообщая <в чтениях> в связном рассказе о результатах своих исследований в той или другой местности, он, чтобы не портить цельности впечатления, не останавливается на деталях, хотя бы и очень интересных. Подробности он откладывает для своих демонстративных бесед, которые обыкновенно бывают на другой день после чтений <...>. Демонстративные беседы г. Маклая полны глубокого интереса и доступны большинству. Благодаря свободному доступу, не обусловленному необходимостью запастись билетом, на этих беседах всегда присутствует значительный контингент учащейся молодежи обоего пола».

«Сам Н. Н. поместился на стуле, около карты своего путешествия, и кругом его расселось много детей, среди которых мы заметили малолеток 10—12 лет; за детьми сплошной массой стояли, образуя полукруг, многочисленные слушатели. Вдоль стены в особых витринах под №№ по порядку были расставлены карты, виды, эскизы, снимки, рисунки, портреты и пр., наглядно изображающие типы, факты, приключения и события, составлявшие предмет вчерашнего чтения.

С указкой в руке и сидя на стуле, Н. Н. при напряженном внимании присутствовавших объяснял выставленные предметы. Объяснения сопровождались рассказами об эпизодах путешествий и об интересных случаях в связи с предметами или рисунками» (Нов. и бирж. газ. 6, 8 окт.).

Всеобщее внимание обратили на себя манера изложения и поведение путешественника на кафедре: тихий голос, почти без особенного выра-

жения; постоянные затруднения в подыскивании слов; полное отсутствие внешних эффектов. Точнее всего Маклая-лектора охарактеризовал П. Н. Полевой: «Миклухо-Маклай довольно плохо говорит по-русски — результат его 12-летних странствований и пребывания на чужбине — и не обладает способностью к гладким фразам и ярким эффектам. Говорит он тихо, вяло, ищет иногда подходящие выражения и за недостатком их вставляет иностранные слова. (...) Главное достоинство и главный недостаток (...) лекций заключались в их замечательной простоте и в том полнейшем равнодушии, с которым автор относился к своему собственному рассказу. Каждый слушавший его понимал, что он говорит *только правду*, что он рассказывает только о том, что сам видел» (Живоп. обзор. № 32. С. 501—502).

15 октября Миклухо-Маклай выступил в Политехническом музее в Москве на торжественном годичном собрании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с докладом «О папуасах Берега Маклая», 18 октября там же провел две демонстрационные беседы, одну — «для студентов, преподавателей и людей науки», вторую — «для всей прочей публики». При показе и объяснении своих рисунков он сообщал — сравнительно с петербургскими беседами — ряд новых сведений, в частности более подробно рассказал об образе жизни папуасов южного берега Новой Гвинеи. Выступления в Москве также имели огромный успех. «Москвичи, особенно учащаяся молодежь и вообще публика, все время относились к г. Миклухо-Маклаю с полнейшим вниманием, в некоторых случаях доходившим до благоговения». Перед началом лекции было объявлено об избрании Миклухо-Маклая действительным членом Общества и о награждении его золотой медалью (Голос. 20, 25 окт.; Русск. курьер, 17, 19 окт.).

Выступления Миклухо-Маклая вызвали несомненный общественный резонанс. По ходу чтений и бесед и в связи с обсуждением их в печати закономерно вставали острые проблемы: равенство рас и народов, борьба против колониализма, против угнетения малых народов. Актуальность этих проблем для России была подчеркнута, например, в отклике «Вост. обзор.» на чтения (статья «Дикарь перед судом науки и цивилизации» в номере от 7 окт.; автор, вероятно, Н. М. Ядринцев): здесь говорилось как о важной общественной задаче о необходимости «изучить мир инородцев и дикарей, способствовать здоровому взгляду на жизнь этой чуждой для цивилизации среды, рассеять предрассудок и установить правильное к ней отношение». Здесь же с явным сочувствием указывалось на активную антирасистскую позицию Миклухо-Маклая и приводились его слова, в других газетах, кажется, не отраженные: «Убить черного — все равно что собаку, — говорит путешественник. — Я держал пистолет не против черных, а против белых, оскорблявших черного». Согласно статье,

«в публике <...> слышались голоса, которые желали только найти подтверждение своих мыслей о низких качествах других человеческих племен». По-видимому, редакция «Голоса» не решилась сохранить в стенограмме непосредственные, наиболее острые высказывания Миклухо-Маклая против колониализма и расизма. Частично некоторые из них просочились в другие газетные отчеты. В статье в «Изв. РГО» эта тема чтений предстает в еще более сглаженном виде.

Примечания 5, 6, 8, 9 (част.), 10, 11 (част.), 15, 27, 36, 37, 41 (част.), 51, 55, 57, 59, 60, 63 (част.), 65 (част.), 66 (част.), 68, 70 подготовлены Д. Д. Турмаркиным, 39 — И. М. Золотаревой. Остальные примечания принадлежат Б. Н. Путилову.

¹ Ошибка: первое чтение состоялось 29 сентября.

² На чтениях председательствовал вице-президент РГО П. П. Семенов. Первому выступлению Миклухо-Маклая предшествовала речь председателя, в которой он, в частности, сказал: «Немного нужно для того, чтоб охарактеризовать деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, так как она всем нам достаточно известна, хотя мы были знакомы с нею только по отрывочным сведениям. Н. Н. Миклухо-Маклай в 1870 г. сам, по собственному почину задумал чрезвычайно смелое путешествие, которое, по первоначальному плану, должно было продолжаться в течение немногих лет. При этом он поставил себе задачею изучить <...> человека на самых низших его ступенях. <...> Он очутился на берегу совершенно диком, куда еще не вступала нога европейца. <...> Смелый подвиг его состоял в том, что он решился построить хижину, решился остаться на том берегу в течение года. <...> Н. Н. Миклухо-Маклай отправился в путешествие с большим риском, на свои собственные средства. Русское географическое общество могло только в слабой степени содействовать ему в матерьяльном отношении. <...> Но русское общество поддержало г. Миклухо-Маклая нравственно и матерьяльно, дав ему возможность в течение 12 лет вполне предаться своим занятиям. Одно время, однако, мы опасались, что он не возвратится: его здоровье было слабо, и мы думали, что все драгоценные матерьялы могут погибнуть для науки. Но в настоящее время Н. Н. Миклухо-Маклай и эту вторую часть своей программы сдержал. <...> Он познакомит нас со всеми результатами своих 12-летних трудов» (Голос. 3 окт.).

³ Имеется в виду выступление Миклухо-Маклая на общем собрании Русского географического общества 7 окт. 1870 г. с изложением программы путешествия в Океанию (см. т. 3 наст. изд.).

⁴ Вернувшись с Новой Гвинеи в Сингапур 15 ноября 1877 г., Миклухо-Маклай оставался там до 22 июня 1878 г.

⁵ Уильям Дампир (1652—1712?) — английский пират и натуралист. В 1699—1700 г. посетил западное побережье Австралии и сделал несколько географических открытий к северо-востоку от Новой Гвинеи, в архипелаге Бисмарка. На современных картах о. Кар-Кар (Каркар) фигурирует под своим местным названием, но именем Дампира назван пролив между о. Умбои и о. Новая Британия.

О Дюмон-Дюрвиле см. прим. 5 к дневнику «Первое пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее» в т. 1 наст. изд.

⁶ Согласно отчету «Нов. и бирж. газ.» (30 сент.), Миклухо-Маклай в этом месте сделал отступление, обратив внимание слушателей на присутствие в зале командира корвета «Витязь» П. Н. Назимова.

⁷ По-видимому, Миклухо-Маклай здесь имеет в виду события, описанные им в дневнике 1872 г. под 28 февраля и 1 марта. Фактическое расхождение между дневником и сообщением 1882 г. заключается в том, что, согласно дневнику, женщин и детей к Маклаю не приводили, а лишь заручились его согласием принять их в случае необходимости. К моменту описываемых событий запрет на общение женщин с Маклаем был уже снят.

⁸ О лихорадке денга (денге) см. прим. 30 к тексту «Бейтензорг — Амбоина» в т. 1 наст. изд.

⁹ На русском языке в 1874 г. увидели свет три статьи ученого о его пребывании на Берегу Маклая (см. т. 3 наст. изд.): Антропологические заметки о папуасах Маклаева берега Новой Гвинии // Природа. 1874. Кн. 2. С. 67—76; О употреблении напитка «кэу» папуасами в Новой Гвинее // Изв. РГО. 1874. Т. 10. Вып. 2. Отд. 2. С. 83—86; Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая // Там же. Вып. 4. С. 147—149. Первая публикация — сокращенный перевод с немецкого, выполненный Д. Н. Анучиным.

¹⁰ См. эти работы в переводе на русский язык в т. 3 и 4 наст. изд.

¹¹ Русский перевод статьи: Искусство. 1883. № 50 (см. т. 3 наст. изд.). О проф. Брока см. прим. 15 к «Фрагментам полевого дневника за 1872 г.» в т. 1 наст. изд.

¹² Вопросов искусства папуасов Миклухо-Маклай касался в ряде своих статей, но специальных работ на эту тему в дошедшем до нас его рукописном наследии не сохранилось.

¹³ Упомянутые Миклухо-Маклаем работы не исчерпывают всех его публикаций о первом пребывании на Новой Гвинее. См. тексты и примечания в т. 1, 3 и 4 наст. изд.

¹⁴ Имеется в виду статья «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее», опубликованная в то время только по-немецки (см. ее перевод в т. 3 наст. изд.).

¹⁵ Значительная часть коллекций, собранных Миклухо-Маклаем, до 1886 г. хранилась в Батавии (Джакарте). См. об этом в наст. томе очерк «Один день в пути» и прим. 3 к этому очерку.

¹⁶ Миклухо-Маклай здесь неточен. О плавании 1876 г. в «Изв. РГО» опубликован ряд статей и отчетов, причем довольно подробных (см. этот том и т. 3 наст. изд.), и еще одно сообщение в упомянутом немецком журнале (1878. Bd. 24. S. 118: «Insel Wuap (Jap)»).

¹⁷ Сохранились лишь две записные книжки небольшого формата (помимо нескольких карманных записных книжек) от второго пребывания на Берегу Маклая. По-видимому, «толстые томики», которые показывал Миклухо-Маклай, пропали либо относились к первому пребыванию на этом Берегу.

¹⁸ Ошибка: Миклухо-Маклай совершил это плавание с несколькими жителями деревни Били-Били (см. в наст. томе, с. 188).

¹⁹ Рисунки деревень сохранились лишь частично.

²⁰ Сохранились специально сделанные для чтений большие, в красках копии изображений корзин (*гамбор*). Оригинальные рисунки см. в наст. томе, с. 182.

²¹ Имеется в виду раздел «Погребальные обряды» в немецком тексте статьи «Этнологические заметки ...» (см. в т. 3 наст. изд.).

²² О добывании огня на Берегу Маклая см. прим. 84 к дневнику «Первое пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее» в т. 1 наст. изд.

²³ «Мистер П.» — это несомненно Артур Пек. Высадку на Берег Маклая и в том числе эпизод с хижинкой Маклая он описал позднее в очерке: *Peck A. Recollections of the Macalay Coast, Astrolabe Gulf, North-Eastern New Guinea* // *Journal of the Royal Geographical Society of Australia*. 1897. V. 6. N 5. P. 117—119. Извлечение из дневника А. Пека, относящееся к Миклухо-Маклаю, было опубликовано в книге: *Thomassen E. S. A Biographical Sketch of Nicholas de Miklouho-Maclay, the Explorer*. Brisbane, 1882. P. 24.

²⁴ О сære Артуре Гордоне и его взаимоотношениях с Миклухо-Маклаем см. в т. 5 наст. изд.

²⁵ Х. Х. Ромилли (Ромильи) посетил Берег Маклая в июне 1881 г. О своих впечатлениях, сходных с рассказом его в изложении Миклухо-Маклая, он сообщил в отчете А. Гордону (*Thomassen E. S. Op. cit.* P. 25). См. также: *Romilly H. H. The Western Pacific and New Guinea*. London, 1887. P. 220 ff.

²⁶ В первой «демонстрационной беседе», состоявшейся 30 сентября, Миклухо-Маклай остановился на подробностях быта папуасов. «Демонстрируя портреты папуасов, г. Миклухо-Маклай заметил, что они до такой степени сходны с оригиналами, что когда он показывал их туземцам, они тотчас называли по имени изображенное лицо. При изготовлении этих портретов он имел в виду показать вариацию типов, которая зависит не от смешения племен. Из других рисунков Миклухо-Маклай с особым вниманием остановился на изображении гребня для прикрепления перьев, которые имеют право носить лишь победители. При этом он сообщил, что каждая смерть у папуасов почти неизбежно влечет за собою войну вследствие существующего у них убеждения, что человек никогда не умирает естественною смертью, а оканчивает свои дни неизбежно от убийства. В силу этого поверья по смерти кого-либо из них родственники умершего начинают отыскивать виновника смерти и, заподозрив кого-либо, отдают дело на суд всей деревни, по решению которой убивают этого последнего, что и служит поводом к войне между селениями. (...) При дальнейшем обзоре рисунков г. Миклухо-Маклай коснулся обычая татуирования папуасов. (...) Нашему путешественнику пришлось присутствовать при операции татуировки, причем, будучи изумлен самообладанием оперируемого, он решился испытать ее сам. Когда это желание было исполнено, то он, по его сознанию, едва мог удержаться от того, чтобы не закричать: до того болезненна была операция» (Нов. вр. 1 окт.). Согласно другому газетному отчету, Миклухо-Маклай говорил еще о продолжительности жизни папуасов, а также о том, что «взрослые дети обыкновенно нимало не забо-

тятся о своих отцах; они (...) сами должны заботиться о снискании себе дневного пропитания». Говорилось также о ранних браках (Пет. лист. 1 окт.). В «Нов. и бирж. газ.» (5 окт.) приводится такое высказывание ученого: «Я, разумеется, не думал, что мне поверят на слово, и привез поэтому до 30 штук черепов для доказательства».

²⁷ Об антропологическом составе населения Новой Гвинеи см. прим. 6 к тексту «Острова Адмиралтейства» в наст. томе.

²⁸ В «Нов. и бирж. газ.» (5 окт.): «Голландцы, торговавшие невольниками, называли этот союз варварским (*в публике смех*)».

²⁹ Портрет радьи Айдумы см. в т. 1 наст. изд., с. 304.

³⁰ Рисунок карты, сделанный для чтений, не сохранился.

³¹ Здесь ошибка: согласно дневникам экспедиции 1874 г. радья Айдума во время нападения на Айву отсутствовал и потому остался невредим.

³² Портрет капитана Мавары см. в т. 1 наст. изд., с. 341.

³³ Эпизод с захватом капитана Мавары вызвал особый интерес у слушателей, и Миклухо-Маклай, откликаясь на их просьбы, подробно рассказал об этом во время очередной «демонстрационной беседы». Рассказ этот был столь же подробно изложен в ряде газетных отчетов (см., например: Нов. и бирж. газ. 6 окт.).

³⁴ В тексте «Изв. РГО» далее следует большой абзац, отсутствующий в газетной публикации: «Главные результаты моих тогдашних, не очень многочисленных, но несомненно верных наблюдений следующие: во-первых, смесь папуа-малайская имеет в большинстве случаев рядом с большим разнообразием физиономий и *habitus*'а ясно выраженный папуасский тип, который, однако же, у некоторых особей совсем пропадает; во-вторых, весьма немногие имели папуасообразные волосы, хотя у некоторых диаметр завитков локонов был очень мал, у большинства же волосы были выющиеся; в-третьих, находились особи, происшедшие от папуасской матери и от малайского отца, которые имели совершенно прямые волосы (мать одного человека была настоящая папуаска с Папуа-Оним, имевшая весьма курчавые волосы, так наз. *chevelure à grains de poivre*, (*шевелюра из мелких компактных локонов (франц.)*), на очень долихоцефальной голове, между тем как сын имел совершенно прямые волосы, брахицефальный череп, лицо же — не малайское и не папуасское); в-четвертых, помесь имеет преимущественно брахицефальный череп; в-пятых, цвет кожи, который вследствие большого разнообразия как и у малайцев, так и у папуасов не представляет особенно важного антропологического признака, вообще у смеси темнее, чем у малайцев; в-шестых, физиономии помеси были для европейского глаза вообще красивее, чем у папуасов и малайцев, и имеют выражение лица более интеллигентное и оживленное, чем у чистокровных (особенно малайских) детей.

Исследованный материал были дети малайских отцов и папуасских матерей, так как браки в обратном отношении встречаются редко».

³⁵ В «Нов. и бирж. газ.» (5 окт.): «В заключение я могу сказать (...), что хотя в этой местности любят золото, делают золотые серьги, имеют огнестрельное оружие (кремневые ружья), курят опиум и частью приняли ислам, но все это не делает туземцев более счастливыми, так как им постоянно угрожает неволя. На всех остро-

вах есть голландские резиденты — нечто вроде губернаторов, но они смотрят на торговлю невольниками сквозь пальцы».

³⁶ См. об этом примечание к письму генерал-губернатору Нидерландской Индии от 6 февраля 1876 г. в т. 5 наст. изд.

³⁷ О «желтых» людях на южном побережье Новой Гвинеи см. прим. 12 к «Первому посещению южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.» в этом томе.

³⁸ В «Нов. и бирж. газ.» (5 окт.): «Татуированные женщины, — добавил путешественник, — гораздо красивее обыкновенных, по крайней мере для меня (*в публике послышался сдержанный смех*)».

³⁹ Распространенное в науке того времени представление о возможности передачи по наследству морфологических изменений, возникающих в результате механических воздействий, не соответствует современным научным представлениям о генетическом механизме наследования.

⁴⁰ В газетных отчетах от 6 октября содержались подробности относительно демонстрационной беседы, состоявшейся накануне. «Нов. вр.»: «Говоря вообще о детях папуасов, г. Миклуха-Маклай обратил внимание на необыкновенную способность их сгибать спину дугою и ноги под таким острым углом, как это не может сделать ни один европейский ребенок. (...) Путешественник испытал на себе операцию бритья (стеклом), и по его свидетельству оно совершается так искусно, что если закрыть глаза, то не вызывает никакого ощущения». «Пет. лист.»: На южном берегу Новой Гвинеи женщины «делают в ушах несколько отверстий — до 12 и привешивают массивные серьги, так что от тяжести мягкая часть уха оттягивается в сторону. Этот обычай, — иронически заметил путешественник, — не особенно выгоден для женщин; бывают случаи, что мужья во время ссоры со своими женами хватаются за ушные привески и отрывают ухо; такой случай наблюдал путешественник». «Нов. и бирж. газ.»: «— Скажите, Н. Н., — обратилось к нему несколько человек, — до вас проходил ли кто-нибудь Новую Гвинею из конца в конец?»

— Таких экскурсий не было, и есть до сих пор место в Гвинее, куда не ступала нога европейца, но в отдельности многие места уже посещались, хотя не всегда с исключительно научною целью. Я много слышал об одном *commis voyageur* (*коммивояжёр* (франц.), *разъездной торговый агент*), который путешествовал при совершенно иных условиях. При виде дикарей он стрелял в них, грабил деревни, называя это собиранием коллекции, и т. д. Таким путем он действительно собрал очень хорошую коллекцию, хотя вследствие недостатка научной подготовки его она и не имеет того значения, которое могла бы представлять в других руках».

⁴¹ В «Нов. и бирж. газ.» (8 окт.) этому предшествует: «Путешественник отправился в клипере «Изумруд» в Зебу, где занимался некоторое время энтомологическими исследованиями. Здесь он, между прочим, открыл новую довольно интересную породу губок. Болезнь экипажа помешала ему заняться исследованиями в южной части Филиппинских островов». Зебу (правильнее Себу) — портовый город на острове того же названия.

⁴² В «Нов. и бирж. газ.» (8 окт.) еще добавлено: «Где стоянка негритосов продолжалась несколько дней, там разводятся мириады блох, от которых и сами они бегут

без оглядки на новое становище. Они с ужасом указывают на те места, где развели блох, и всячески стараются избежать их».

⁴³ В «Нов. и бирж. газ.» (8 окт.) здесь дополнено: «Показывая рисунок вооруженного негритоса, он объяснил и способ вооружения. Негритосы имеют весьма характерное оружие, состоящее из лука и стрел. (...) В числе обычаев негритосов заслуживает внимание обычай подпиливать зубы, сильно заостряя их. Операцию эту они производят большим железным ножом и, несмотря на страшную боль, стойко выдерживают ее. Женщины носят на голове очень большую шевелюру (...), в ушах они имеют серьги из пучка пахучих трав. Кроме этих украшений, женщины считают неперменным долгом татуироваться. Они не употребляют угля, а вместо него делают надрезы кремнем. Татуировкой женщины изукрашивают груди, часть живота и руки».

⁴⁴ В отчете о второй демонстрационной беседе более подробно (Нов. и бирж. газ. 8 окт.): «Англичан на Малайском полуострове вообще сильно недолюбливают. „В тех местах, где я свободно проходил один, — говорил путешественник, — англичанам нужно было иметь большой конвой; так, для охраны одного землемера англичанам пришлось дать для конвоя 40 человек морских солдат”».

⁴⁵ В ходе третьей демонстрационной беседы Миклухо-Маклай сообщил ряд подробностей, относившихся к обстоятельствам путешествия и впечатлениям от общения с малайцами. В «Нов. и бирж. газ.» (8 окт.): «(...) Путешественник сделал описание дворца в Клоне, показал две хижины, где путешественники пользуются ночлегом за самую ничтожную плату; показал рисунок нового дворца махараджи иохорского, имеющего 300 ф. длины и 80 ширины; показал группу малайцев, окружающих принца; показал, наконец, здание местного парламента и объяснил, что махараджи хотя и абсолютные властелины, но в важных случаях созывают нечто вроде парламента, в котором имеют представительство все народности края.

Далее Н. Н. демонстрировал рисунок, изображающий малайскую женщину во время деформирования черепа новорожденного ребенка. В литературе имеется несколько указаний на существование этого обычая между малайцами, но выдающиеся антропологи до сих пор отрицали возможность деформирования черепа без каких-либо механических приспособлений. Настоящий случай именно тем и интересен, что путешественник сам лично убедился в противном. Он наблюдал, как мать в третий или четвертый день рождения ребенка клала его на колени и, поддерживая голову одной рукой за подбородок, другой надавливала лоб, повторяя эти манипуляции ежедневно по несколько часов, пока через две-три недели череп не принимал конусообразной формы. Надо заметить, что следы этого деформирования остаются потом на всю жизнь.

В заключение, переходя к южной части Малайского (Малаккского) полуострова, Н. Н. заметил, что здесь малайцы до такой степени чуждаются европейцев, что большинство их никогда не видали «белых» и появление его среди них вызвало сенсацию.

«Я почти постоянно, — продолжал он, — был окружен толпой дикарей, которые с возбужденным любопытством рассматривали меня и задавали самые наи-

вные вопросы. Например, они очень убедительно просили меня показать мою голубую кровь. (...) Многие из них расспрашивали меня о наших женщинах. Они были убеждены, что у нас совсем нет жен и что поэтому европейцы приезжают к ним за малайскими девушками, которых и берут себе в жены. Я пользовался среди них особою популярностью еще потому, что как врач лечил их больных. Мои слуги рассказывали всем, что я имею талисман здоровья, и каждое утро, когда я вставал, видел уже перед своею хижиною толпу малайцев. Они полагали, что я могу лечить всякие болезни, и обращались ко мне с самыми нелепыми требованиями. Чаще всего мужчины просили меня дать им или их женам лекарство, чтобы у них родились сыновья, а женщины, напротив, просили помочь им избавиться от необходимости рожать».

⁴⁶ В отчете о демонстрационной беседе в «Нов. и бирж. газ.» (8 окт.) есть дополнительные подробности: «Женщины оран-сакай имеют на голове частью взбитую вверх шевелюру, другая же часть волос растет пучком вверх, так что получается нечто, напоминающее по форме каску. (...) Костюм оран-сакеек состоит из одного пояса, оплетенного наподобие циновки из растения, похожего на камыш. (...) Три пальца на ногах у них лежат не прямо, а повернуты боком».

⁴⁷ Имеется в виду дикобраз (*Hystrix longicauda*).

⁴⁸ В отчете о демонстрационной беседе в «Нов. и бирж. газ.» (8 окт.) есть дополнительные подробности: «Показав на рисунок молодого оран-утана, Н. Н. Миклуха-Маклай еще раз остановился на этом своеобразном оружии. (...) К концу стрелы прикрепляется нечто вроде пробки, которая плотно закрывает отверстие трубки. (...) Это смертоносное оружие может употребляться с успехом только в тихую погоду. При ветре легкие стрелы уклоняются в сторону». По-видимому, речь идет о рисунке, который (или оригинал которого) сохранился в архиве Миклухо-Маклая (см. в наст. томе. с. 20).

⁴⁹ В тексте «Изв. РГО» добавлено: «о весьма значительном развитии у женщин сакай *M. bulbocavernosus* и т. п.».

⁵⁰ В отчете о демонстрационной беседе в «Нов. и бирж. газ.» (8 окт.) дополнительно: «Из 176 дней моего путешествия по Малайскому полуострову, продолжал Миклуха-Маклай, — я провел ночей 70 под открытым небом. В тех местах, где было сухо, я покрывал свой шалаш макинтошем (непромокаемый холст), который имел с собою. В других местах, где приходилось оставаться дольше, я устраивал нечто вроде постели на высоких столбах для защиты от неожиданного нападения тигров. (...) Впрочем, близко видеть тигров мне удалось только однажды, ночью. У нас не хватило рису, составлявшего главный предмет нашей провизии. Я отправил всех людей за рисом, а сам остался один в шалаше, не имея огня. Два тигра подошли довольно близко к моей стоянке, и я мог рассматривать их в продолжении пяти или шести минут».

⁵¹ Сообщаемые Миклухо-Маклаем сведения неточны. Перевод первой из перечисленных работ появился в «Journal of Eastern Asia» (1875. V. 1), второй в «Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society» (1878. № 2), третий в том же журнале (1878. № 1). См. также: Sprachrudimente der Orang-Utan von Iohor // Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde. 1876. D. 23. P. 303—312; Über die Orang-

Semang und Orang-Sakai // Zeitschrift für Ethnologie. 1876. Bd. 8. S. 226—227. Следует также учитывать, что письма-отчеты Миклухо-Маклая о его путешествиях по Малаккскому полуострову печатались в «Изв. РГО» в 1875 г. (вып. 3—6) и 1876 г. (вып. 1). См. эти отчеты, дневники ученого, впервые опубликованные советскими исследователями, а также переводы его статей с иностранных языков в разделе «Путешествия по Малаккскому полуострову в 1874—1875 гг.» в данном томе и в т. 4 наст. изд.

⁵² В отчете о демонстрационной беседе в «Нов. и бирж. газ.» (10 окт.) дополнительно: «Жители этих островов не очень темны, с вьющимися и курчавыми волосами, которые образуют на головах большие шапки. На руках выше и ниже локтя делается татуировка в виде браслета. Кроме большого гребня с развевающимся пером в волосяной шапке, цветка или листка в носовой перегородке, костюм туземцев состоит из узкой циновки, обвязывающей талию и продернутой между ногами».

⁵³ Имеется в виду: Путешествие в Западной Микронезии (...). Выписка из дневника Н. Н. Миклухо-Маклая // Изв. РГО. 1876. Т. 12. Вып. 6. Отд. 2. С. 502—505 (см. в наст. томе).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Труды («Verhandlungen», а не «Sitzungsberichte», как их неточно называет Миклухо-Маклай) Берлинского общества антропологии, этнологии и первобытной истории печатались в виде приложений к журналу «Zeitschrift für Ethnologie». Упомянутая статья Миклухо-Маклая, которую Р. Вирхов доложил на заседании, состоявшемся 3 марта 1878 г., появилась в 1878 г. в приложении к т. 10 этого журнала (с. 99—118).

⁵⁶ «Потом я посетил мимоходом ~ жители весьма многих островов Меланезии» в тексте «Изв. РГО» отсутствует.

⁵⁷ Об экспедиции на корабле «Челленджер» см. прим. 4 к очерку «Островок Андра» в наст. томе.

⁵⁸ См. в т. 3 наст. изд. цикл статей по антропологии и этнографии населения Западной Микронезии и Северной Меланезии.

Во время четвертой демонстрационной беседы Миклухо-Маклай показывал рисунки и портреты, в связи с которыми рассказал о «клубах» («байях») на островах группы Палау, сообщил историю гибели шкипера Чина, описал характерные украшения, способы татуировки, показал на фотографиях виды макродантизма. В газетных отчетах есть подробности, отсутствующие в основном тексте и в печатных работах Миклухо-Маклая.

«Голос» (10 окт.): «Демонстрируя рисунки типов туземцев (группы Палау), г. Миклухо-Маклай, обратил внимание на портрет племянника убитого Абадула, по имени Раклая. Сходство этого имени с фамилией путешественника произвело на Раклая такое впечатление, что Раклай при первой же встрече с г. Миклухо-Маклаем объявил себя его другом.

Туземцы наибольшего из островов Адмиралтейства пробуравливают нос и в сделанное в нем отверстие продевают цепочку из раковин, на которой привешивается тяжеловесный цилиндр из обточенной раковины. Из этой раковины тузем-

цы вытаскивают самые различные вещи, так как она чрезвычайно хорошо принимает полировку. В последнее время на упомянутую породу раковин стали обращать внимание и европейцы. В тюрьме в Новой Каледонии из нее выделяется весьма много чрезвычайно красивых вещей. Так как упомянутая носовая привеска мешает еде, то туземцы во время еды закладывают ее за ухо. Туземцы носят особый род шляп, изготовляемых из нижней слоистой части пальмовых листьев».

«Нов. и бирж. газ.» (10 окт.): Миклухо-Маклай показал фотографии «туземца Соэно с гребнем в волосах и нескольких дикарей с островов Ново-Гебридских, татуированных частью при помощи выжигания, частью при помощи подрезки». Названные фотографии среди сохранившихся материалов Миклухо-Маклая отсутствуют.

⁵⁹ Имеется в виду сообщение «Kurze Zusammenstellung der Ergebnisse anthropologischer Studien während einer Reise in Melanesien (März 1879 bis April 1880)», напечатанное в 1880 г. в приложении к т. 12 журнала «Zeitschrift für Anthropologie» (с. 374—375).

⁶⁰ Имеется в виду статья-отчет «Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи», публикуемая в наст. томе.

⁶¹ В «Нов. и бирж. газ.» (9 окт.) более подробно: «Нечего и говорить, что ближайшей причиной вымирания племени служило появление здесь европейцев. Обращение с дикарями самое антигуманное. Их вытесняют внутрь страны, всячески преследуют, и убийство черного не считается даже преступлением; были всего два-три случая, когда за такое убийство белый приговорен был к тюремному заключению, в большинстве же случаев подобные убийства кончаются оправданием виновного.

На мысе Виктория я пробыл недолго и познакомился с остатками черных. Я говорю «остатками» потому, что просвещенная деятельность здешних миссионеров очень успешно содействует их истреблению. Как только эти миссионеры появлялись здесь и устраивали колонию, они прежде всего начинали отравлять их, убивать и разгонять; когда же последних осталось очень немного, миссионеры устраивали лишь богадельни и откармливали, как говорится, на убой».

⁶² Во время четвертой демонстрационной беседы Миклухо-Маклай описал характер своей работы в Австралии. «Голос» (10 окт.): «В Австралии путешественник пользовался несравненно большими удобствами для своих изысканий и за небольшое количество табака или самую ничтожную монету мог свободно производить антропологические измерения и срисовывать и фотографировать их. Благодаря этому им собрано в Австралии весьма большое количество фотографий. Делая эти фотографии, г. Миклухо-Маклай соображался главным образом с требованиями антропологии и делал изображение туземцев в трех видах: спереди, сзади и в профиль. Во время своих занятий в Австралии г. Миклухо-Маклай подметил интересное различие в развитии жировой клетчатки у туземок Австралии, живущих в лесах и в услужении у европейцев: у последних она развита сильнее».

Основная масса рисунков и фотографий, сделанных Миклухо-Маклаем в Австралии, видимо, не сохранилась.

⁶³ Речь идет о сообщении «Über haarlose Australier», напечатанном в 1881 г. в приложении к т. 13 журнала «Zeitschrift für Anthropologie» (с. 143—149). Миклухо-Маклай привел здесь неточное название приложения. Правильно: «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte». См. сообщение «О безволосых австралийцах» в т. 4 наст. изд.

⁶⁴ См. в т. 4 наст. изд. «Об операции „мика“ в Центральной Австралии», «Длинноногие австралийские женщины». Там же см. другие статьи по антропологии аборигенов Австралии.

⁶⁵ Старший Дональд Гунн (Donald Gunn), шотландец по происхождению, принадлежал к первым скваттерам, осваивавшим районы Нового Южного Уэльса и Квинсленда. Он приехал в Австралию в 1840 г. Имение Пейкдель (Пайкдэйл) было приобретено им в 1863 г. Ко времени, описываемому Миклухо-Маклаем, во главе имения стоял, по-видимому, сын, также Дональд, которому было тогда 25 лет. Старший Гунн хорошо знал жизнь аборигенов, владел одним из местных языков и должен был быть весьма полезен Миклухо-Маклаю. Имение находилось близ города Стэнторпа (не Стантона).

⁶⁶ В этом австралийском журнале к 1882 г. увидели свет некоторые работы Миклухо-Маклая по антропологии, анатомии, зоологии и географии (см. в т. 3 и 4 наст. изд.). О соавторе Миклухо-Маклая Уильяме Маклее см. прим. 3 к тексту «Путешествие на острова Меланезии 1879 г.» в наст. томе.

⁶⁷ О Сиднейской биологической станции см. в т. 4 наст. изд.

⁶⁸ Вел. кн. Алексей Александрович (сын Александра II) в 1881 г. сменил вел. кн. Константина Николаевича в качестве главного начальника флота и морского ведомства. О вел. кн. Елене Павловне см. прим. 36 к дневнику «Второе путешествие в Новую Гвинею» в т. 1 наст. изд.

⁶⁹ Письмо Миклухо-Маклая А. А. Краевскому, напечатанное в «Голосе» 7 октября 1880 г., см. в т. 5 наст. изд. Подробнее о действиях русской общественности по сбору средств в пользу Миклухо-Маклая см.: *Путилов Б. Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай: Страницы биографии. М., 1981. С. 80—87.

⁷⁰ См. письма Миклухо-Маклая П. П. Семенову от 17/29 июня и 20 сентября 1882 г. в т. 5 наст. изд. В ответ на ходатайство Совета РГО Александр III 31 октября 1882 г. распорядился оплатить все долги Миклухо-Маклая, выделить ему средства на двухлетнее пребывание в Сиднее для завершения его трудов, а также выразил желание взять на себя все расходы по изданию сочинений ученого. О работе Миклухо-Маклая над подготовкой его трудов см.: *Путилов Б. Н.* Указ. соч. С. 135—179.

⁷¹ В публикации стенограммы (Голос. 15 окт.) здесь приводится заключительная речь П. П. Семенова: «Мм. гг.! Позвольте от имени Императорского русского географического общества и, полагаю, от всех присутствующих в нашем собрании гостей поблагодарить от души нашего дорогого путешественника, Н. Н. Миклухо-Маклая, не только за те интересные сообщения, которые в целом ряде чтений он сделал всему собранию, но и за то обязательное внимание, с которым он отнесся ко всем вопросам, которые мы ему предлагали, причем он познакомил нас со всеми результатами своего путешествия. Я надеюсь, что та духовная связь, которая

существует между нашим путешественником и русским обществом, никогда не прекратится и что все присутствующие с благодарностью будут вспоминать о тех подвигах, которые совершил наш ученый путешественник».

После этой речи г. председателя в публике раздались крики «браво» и громкие, единодушные и продолжительные рукоплескания, не умолкавшие в течение нескольких минут».

Последующие заключительные слова Миклухо-Маклая явились ответом председателю и публике.

Список сокращений

Архивы. Научные учреждения

АГО — Архив Географического общества СССР

АГО — Архив Российского Географического общества. С.-Петербург

АИЭ (П) — Архив Института этнологии и антропологии РАН. С.-Петербург

АИЭ (М) — Архив Института этнологии и антропологии РАН. Москва

ПО ААН — С.-Петербургское отделение Архива РАН

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. С.-Петербург

Типы рукописей Н. Н. Миклухо-Маклая

ЗК — записная книжка

РПТ — рукопись первого тома

КЗК — карманная записная книжка

Тетр. — тетрадь

ПД — полевой дневник

ч. р. — черновая рукопись

РПЛ — разрозненные полевые листки

Издания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая

Изд. 1923 — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступит. статьей Д. Н. Анучина. М., 1923. 616 с. + карта путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая.

Изд. 1940, 1941 — Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. 1—2. / Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский. М.; Л., 1940—1941. Т. 1: 364 с. + XVIII с. таблиц; Т. 2: 300 с. + XI с. таблиц.

СС. Т. — *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. Дневники путешествий 1870—1872. М.; Л., 1950. 416 с.; Т. II. Дневники путешествий (1873—1887). М.; Л., 1950. 819 с.; Т. III. Часть 1. Статьи по антропологии и этнографии. 1951. 559 с.; Т. III. Часть 2. Статьи по зоологии, географии и метеорологии. 1952. 468 с.; Т. IV. Переписка и другие материалы. 1953. 595 с.; Т. V. Рисунки и этнографические коллекции. 1954. 464 с.

Отдельные произведения Н. Н. Миклухо-Маклая

Антроп. заметки — Антропологические заметки о пауасах Берега Маклая на Новой Гвинее

Второе пребывание на Берегу Маклая — Второе пребывание на Берегу Маклая (июнь 1876 г.—ноябрь 1877 г.)

Второе пребывание (отчет) — Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 по ноябрь 1877 г.)
 Лекции — Конспекты лекций в Петербурге в ноябре—декабре 1886 г.
 Несколько дополнений — Несколько дополнений о моем втором пребывании на Берегу Маклая в Новой Гвинее в 1876—1877 гг.
 Первое посещение — Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.
 Чтения — Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе в 1882 г.
 Этнол. заметки — Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее

Различные печатные и рукописные источники

Вост. обозр. — Восточное обозрение (газета). Петербург
 Голос — Голос (газета). Петербург
 Живоп. обозр. — Живописное обозрение (журнал). Петербург
 Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества (журнал). Ленинград
 Изв. ГГО — Известия Государственного географического общества (журнал). Ленинград
 Изв. РГО — Известия имп. Русского географического общества (журнал). Петербург
 На Берегу Маклая. — На Берегу Маклая: этнографические очерки. М., 1975
 Нов. вр. — Новое время (газета). Петербург
 Нов. и бирж. газ. — Новости и биржевая газета. Петербург
 Пет. лист. — Петербургский листок (газета)
 Правит. вест. — Правительственный вестник (газета). Петербург
 Русск. мысль — Русская мысль (журнал). Москва
 Русск. вед. — Русские ведомости (газета). Москва
 Русск. курьер — Русский курьер (газета). Москва
 Саратов. губ. вед. — Саратовские губернские ведомости (газета)
 Сын Отеч. — Сын Отечества (газета). Петербург
 Шопенгауэр. — Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений. В пер. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. М., 1900—1901. Т. 1—3.
 L'année géographique — L'année géographique. Revue annuelle des voyages / Par M. Vivien de Saint Martin. Paris.
 Cosmos — Cosmos. Comunicazioni sui progressi più recenti e notevoli della geografia e della scienze affini di Guido Cora. Torino.
 Petermann's Mittheilungen — Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesamtgebiete der Geographie / Von Dr. A. Petermann. Gotha.
 Schopenhauer, 1862 — Schopenhauer A. Parerga und Paralipomena. Berlin, 1862. B. 1—2.

Содержание

Путешествия по Малаккскому полуострову в 1874—1875 гг.

⟨Первое путешествие по Малаккскому полуострову 22 ноября 1874 г.— 31 января 1875 г.⟩	5
Сиам	69
⟨На Малаккском полуострове (ноябрь 1874 г.—июнь 1875 г.)⟩	72
⟨Второе путешествие по Малаккскому полуострову⟩	84
От Улу Паханг до Улу Калантан	91

Путешествие в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.

⟨Молуккское море. Тихий океан⟩	96
⟨Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая⟩	100
⟨Острова Адмиралтейства⟩	105
Группа Агомес, или Хермит (от 10—12 июня)	139
Группа Ниниго (13—17 июня)	154
«Читая мои письма...»	155

Второе путешествие на Берег Маклая в 1876—1877 гг.

Второе пребывание на Берегу Маклая (июнь 1876 г.—ноябрь 1877 г.) ...	157
⟨Заметки о втором пребывании на Берегу Маклая⟩	208
Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 г. по ноябрь 1877 г.)	209
Несколько дополнений о моем втором пребывании на Берегу Маклая в Новой Гвинее в 1876—1877 гг.	230

Путешествие на острова Меланезии и первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1879—1880 гг.

Путешествие на острова Меланезии. 1879 г.	246
⟨Новая Каледония и остров Лифу⟩	250
Островок Андра	259
Посещение острова Сорри 17—24 октября 1879 г.	315
⟨Первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1880 г.⟩	323

Путешествие на острова Меланезии и четвертое посещение острова Новой Гвинеи (март 1879 —апрель 1880)	350
Посещения Новой Гвинеи в 1881—1883 гг.	
Второе посещение южного берега Новой Гвинеи.	366
Третье посещение Берега Маклая в 1883 г.	376
Путешествия 1886—1887 гг.	
Один день в пути	386
На несколько дней в Австралию	401
Приложения	
Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе (в 1882 г.) ..	427
Комментарии	
Путешествия по Малаккскому полуострову в 1874—1875 гг.	477
Путешествие в Западную Микронезию и Северную Меланезию в 1876 г.	500
Второе путешествие на Берег Маклая в 1876—1877 гг.	513
Путешествие на острова Меланезии и первое посещение южного берега Новой Гвинеи в 1879—1880 гг.	531
Посещения Новой Гвинеи в 1881—1883 гг.	547
Путешествия 1886—1887 гг.	551
Приложения.	556
Список сокращений	572

Научное издание

Николай Николаевич
Миклухо-Маклай

Собрание сочинений в 6 томах

Второе издание

Исправленное и дополненное

Том 2

*Издано в рамках программной деятельности
ООГО «Российский фонд культуры» совместно
с Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая*

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Печатается по изданию: *Миклухо-Маклай Н. Н.*
Собрание сочинений: В 6 т. — Т. 2 — М.: Наука, 1993. — 528 с.
ISBN 5-02-010046-3

Подписано к печати 15.12.2020 г. Формат 60×90 1/16. Гарнитура KіsC BT.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36. Уч.-изд. л. 39.2
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 1649

Отпечатано по заказу Фонда им. Миклухо-Маклая
Адрес для корреспонденции: 199178, Россия, Санкт-Петербург,
Малый пр-т Васильевского острова, д. 58, лит. А, пом. 17-Н
info@mikluho-maclay.ru
Тел. +7(911)908-89-44
www.mikluho-maclay.ru

Отпечатано в типографии «Премнум-Пресс»
193374, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Оптиков, д. 4

ISBN 978-5-4211-0261-8

9 785421 102618